А. С. ПУШКИНЪ

И

ГРИБОѢДОВЪ

ИЗЪ КНИГЪ

П. А. ЕФРЕМОВА.

№ шк. пол.

Бра. II. XVIII. 1.

66. 69.

алл. 1 Попов, М.М. Александр Сергеевич Пушкин

алл. 2-9, — " — 13 Кадаратин, П.П. А. С. Пушкин, его друзья любовь и ненависть (алл. 5 - вторая неправильно — он должен быть под 2-м).

алл. 10. Савенко, И.Г. „Родословная" Александра Пушкина.

алл. 11 Ефремов, П.А. А. С. Пушкин. Замечания о „Родословной." и выкладка Ф. Булгарина

алл. 12 Ефремов, П.А. А. С Пушкин. Стихотворение „Моя родословная" по подлинной рукописи.

алл. 13. Карабутин, П.П. см. алл. 2-9

алл. 14. 1) Пушкин А.С. Стихотворения и письмо А.С Пушкина. Сборник. (1. Послание к А.Ф. Орлову. 2. Письмо к Тургеневу)
2) Письма Пушкина к П.Б. Мансурову
3) Письма Пушкина к Н.И. Гнедичу
4) Никольский, В. Жребий о Пушкине.
5) Карабутина - Колосова - Мое знакомство с А.С. Пушкиным
6) Потоцкий, Н.Б. Встречи с А.С. Пушкиным

алл. 15. Гарусов, И.Д Александр Сергеевич Грибоедов. (Обзор изданий „Горе от ума")

алл. 16. Геннади, Г. Александр Сергеевич Грибоедов (Обзор изданий „Горе от ума")

О книге Кюхельбекера (оп. 829-31 № 146-7)

дел. 17. Берже, А. А. С. Грибоедов. Деятельность его, как дипломата

дел. 18. Александр Сергеевич Грибоедов, 1795-1829

дел. 19. Смерть А. С. Грибоедова

дел. 20. Каратыгин, П. А., А. С. Грибоедов. (из моих записок)

дел. 21. Висковатый, П. М. Ю. Лермонтов

дел. 22. Висковатый, П., Герой нашего времени" М. Ю. Лермонтова

дел. 23. Ефремов П. А. Портреты Поэтов и рисунки к их сочинениям

дел. 24. Соколов А. Н. Свидетельство о В. И. Дале

дел. 25. Ефремов П. А. К. Ф. Рылеев

дел. 26. Каратыгин, П. А. Воспоминания

дел. 27. Григорий Андреевич Глинка

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ.

Статья эта сообщена намъ покойнымъ П. А. Мухановымъ и принадлежитъ, какъ онъ говорилъ, одному, нынѣ также уже умершему старику, «тайному совѣтнику», фамилію котораго однако намъ не сказалъ. Въ настоящей статьѣ мы обращаемъ вниманіе читателей отнюдь не на сужденія и выводы автора — они рѣшительно ничего не заключаютъ въ себѣ любопытнаго, — но на выдержки изъ документовъ, которыя почти всѣ, впервые появляясь въ печати, проливаютъ весьма яркій свѣтъ на положеніе и дѣятельность Пушкина въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, именно съ 1826 по 1836 г. Необходимо замѣтить, что авторъ настоящей статьи былъ современникомъ Пушкина и хорошо его зналъ. **Ред.**

I.

Пушкинъ не долго былъ писателемъ начинающимъ. Еще въ Царскосельскомъ лицеѣ товарищи смотрѣли на него съ уваженіемъ. По вступленіи въ свѣтъ, тотчасъ окружили его своими обаяніями и народная молва и слава. Скоро онъ сталъ на первую степень между русскими поэтами. Явились сотни подражателей ему, и за блестящимъ періодомъ литературы нашей того времени осталось названіе Пушкинскаго періода

Посадите студента въ министерскія кресла, или произведите кадета въ фельдмаршалы, если они и совершатъ подвиги, достойные ихъ призванія, то рядомъ съ этимъ непремѣнно надѣлаютъ тьму проказъ и ошибокъ. Двадцатилѣтній поэтъ, на котораго обращено общее вниманіе, при встрѣчѣ съ которымъ говорятъ шопотомъ: „вотъ онъ, вотъ знаменитый поэтъ“! и сочиненіями котораго восхищаются всѣ образованные люди, находится въ неменьшей опасности. Пушкинъ, по тому времени, когда началась его слава, и по своей природѣ, еще менѣе всякаго другаго могъ устоять противъ искушеній.

Въ то время разгульная жизнь, шалости и вольномысліе были ще-

1874, VIII
84693

гольствомъ между молодежью; а войска, возвратившіяся послѣ отечественной войны изъ-за границы, принесли съ собой мысли о конституціи, свободѣ и равенствѣ. Въ тоже время въ литературномъ мірѣ славился Байронъ, знаменитый своими поэмами и странностями. Правнукъ, по матери, африканца, пылкій и смѣлый, легкомысленный, склонный къ удальству и сатирѣ, воспитанный на французскихъ книгахъ, Пушкинъ легко всосалъ въ себя всѣ недостатки современнаго общества. Онъ тратилъ жизнь въ праздности, въ попойкахъ съ друзьями и за картами. Для звучнаго стиха онъ не боялся нарушить чувства стыдливости и затронуть предметы, чтимые въ народѣ; для остраго слова не щадилъ никого, даже людей, которыхъ самъ уважалъ. Не уступавшій никому, онъ, за малѣйшую противъ него неосторожность, готовъ былъ отплатить эпиграммой или вызовомъ на дуэль. Въ самой наружности его было много особеннаго: онъ, то отпускалъ кудри до плечь, то держалъ въ безпорядкѣ свою курчавую голову; носилъ бакенбарды большія и всклокоченныя; одѣвался небрежно; ходилъ скоро, повертывая тросточкой или хлыстикомъ, насвистывая или напѣвая пѣсню. Въ свое время многіе подражали ему и эти люди назывались: à la Пушкинъ. Объ остротахъ и странностяхъ его разсказывались анекдоты; его непристойные и недозволенные стихи переписывались и заучивались. Онъ былъ первымъ поэтомъ своего времени и первымъ шалуномъ; прослылъ русскимъ Байрономъ, вольнодумцемъ и опаснымъ человѣкомъ.

Молодость Пушкина, какъ у многихъ людей, ему подобныхъ, продолжалась во всю его жизнь, и въ 30 лѣтъ онъ казался хоть менѣе мальчикомъ, чѣмъ былъ прежде, но все-таки мальчикомъ, лицейскимъ воспитанникомъ. Между прочимъ, въ немъ оставалась студенческая привычка—не выставлять ни знаній, ни трудовъ своихъ. Отъ этого многіе въ немъ обманывались и считали его талантомъ природы, не купленнымъ ни размышленіемъ, ни ученостью, и не ожидали отъ него ничего великаго. Конечно, онъ не былъ труженикомъ и не имѣлъ профессорскихъ знаній; но въ тишинѣ кабинета своего онъ работалъ болѣе, нежели думали другіе; читалъ много, рылся даже въ лѣтописяхъ и старыхъ рукописяхъ, а еще трудолюбивѣе былъ при отдѣлкѣ стиховъ своихъ. То, что иные считали сливпшимся съ пера его, стоило ему иногда величайшей работы: это узнали только по смерти его, изъ его рукописей, измаранныхъ и перемаранныхъ. Въ обществахъ на него смотрѣли, какъ на человѣка, который ни о чемъ не думалъ и ничего не замѣчалъ; въ самомъ дѣлѣ, онъ постоянно терялся въ мелочахъ товарищеской бесѣды и равно готовъ былъ вести бездѣльный разговоръ съ умнымъ и глупцомъ, съ

людьми почтенными и самыми пошлыми; но онъ все видѣлъ, глубоко понималъ вещи, замѣчалъ каждую черту характеровъ и видѣлъ на сквозь людей. Чего другіе достигали долгимъ ученіемъ и упорнымъ трудомъ, то онъ свѣтлымъ умомъ своимъ схватывалъ на лету. Не показываясь важнымъ и глубокомысленнымъ, слывя лѣнивымъ и празднымъ, онъ собиралъ опыты жизни и въ умѣ своемъ скопилъ неистощимый запасъ познаній человѣческаго сердца.

Вѣтренность была главнымъ основнымъ свойствомъ характера Пушкина. Онъ имѣлъ отъ природы душу благородную, любящую и добрую. Вѣтренность препятствовала ему сдѣлаться человѣкомъ нравственнымъ, и отъ той же вѣтренности пороки (?) не глубоко пускали корни свои въ его сердце. Въ стихотвореніяхъ своихъ, онъ шутилъ надъ связями родства и старостью; но самъ онъ глубоко уважалъ отца своего и мать, съ заботливостію сидѣлъ у постели больнаго дяди своего, Вас. Льв. Пушкина, хотя иногда и смѣялся надъ нимъ, и питалъ къ нянѣ своей, старой Аринѣ, самое нѣжное чувство.

Въ стихотвореніяхъ его много картинъ сладострастія, попоекъ и разврата, такъ что уже никакъ нельзя назвать его писателемъ нравоучительнымъ; а между тѣмъ, читая его сочиненія и находя въ нихъ столько прекрасныхъ истинъ и мыслей, вы никакъ не скажете, чтобы онъ желалъ быть развратителемъ нравовъ; да онъ въ душѣ своей и не былъ развратникомъ. Въ стихотвореніяхъ его встрѣчаются насмѣшки надъ духовенствомъ и даже выходки не совсѣмъ религіозныя; но онъ въ другихъ мѣстахъ выражалъ величіе Божіе и предметы вѣры, какъ мужъ, вдохновенный свыше; а въ послѣдніе годы его жизни религіозность сдѣлалась въ немъ преобладающимъ чувствомъ. Словомъ, сочиненія его, упояющія сладостью стиха, могутъ развратить (?!) неопытнаго и легкомысленнаго читателя; но для человѣка возвышеннаго въ нравственности и прямыхъ правилахъ вѣры — онѣ сокровищница наслажденій и даже поучительныхъ истинъ. Тутъ не будетъ противорѣчія, если сказать, что Пушкинъ — писатель прекрасный и негодный (!?).

Эпиграммы, которыми славился Пушкинъ, были плодомъ также не злаго сердца, а вѣтренности его. Онъ не могъ удержаться, чтобы не поднять на зубки то, что казалось ему смѣшно, или подло. Разъ В. А. Жуковскій, выходя изъ дворца, о чемъ-то просилъ камеръ-лакея и пожалъ ему руку. На бѣду это увидѣлъ Пушкинъ и сказалъ:

Изъ савана одѣлся ты въ ливрею,
На пудру промѣнялъ лавровый свой вѣнецъ,
Съ указкой втерся во дворецъ
И руку жмешь камеръ-лакею...
Бѣдный пѣвецъ!

* Далѣе 4 III отд. эт. эпиграмма помѣщалась за Пушкинымъ, а не полагается Пушкинъ Ю. Бѣлову;

Въ другой разъ, не заставъ Жуковскаго дома, Пушкинъ написалъ на его запертой двери: „Здѣсь живетъ гробовой мастеръ!“ Жуковскій былъ столько добръ и столько любилъ молодаго поэта, что никогда не сердился на него. Но бо̀льшею частію эпиграммы, каламбуры и остроты срывались съ языка Пушкина противъ тѣхъ людей, которые имѣли неосторожность оскорбить чѣмъ-либо раздражительнаго поэта: въ этихъ случаяхъ онъ не щадилъ никого и тотчасъ обливалъ своего противника ѣдкою желчью.

На одномъ вечерѣ Пушкинъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ, былъ пьянъ и велъ разговоръ съ одной дамою. Надобно прибавить, что эта дама была рябая. Чѣмъ-то недовольная поэтомъ, она сказала:

— У васъ, Александръ Сергѣевичъ, въ глазахъ двоитъ?

— „Нѣтъ, сударыня“, отвѣчалъ онъ, „рябитъ!“

Уже не задолго передъ смертію, Пушкинъ въ Александринскомъ театрѣ сидѣлъ рядомъ съ двумя молодыми людьми, которые безпрестанно, кстати и некстати, аплодировали Асенковой, въ то время знаменитой актрисѣ. Не зная Пушкина и видя, что онъ равнодушенъ къ игрѣ ихъ любимицы, они начали шептаться и заключили, довольно громко, что сосѣдъ ихъ дуракъ. Пушкинъ, обратившись къ нимъ, сказалъ:

— „Вы, господа, назвали меня дуракомъ; я—Пушкинъ и далъ бы теперь же каждому изъ васъ по оплеухѣ, да не хочу: Асенкова подумаетъ, что я ей аплодирую!“

Пушкина въ свое время боялись, какъ огня: онъ такъ вѣрно попадалъ, что отмѣченные его эпиграммой оставались заклейменными въ общественномъ мнѣніи. Впрочемъ, бо̀льшая часть эпиграммъ его, имѣвшихъ когда-то несчастную извѣстность: къ портрету гр. Аракчеева, на Андрея Николаевича Муравьева, на московскихъ сенаторовъ Мороза и Башилова, на измѣну любовницы брату поэта, Льву Сергѣевичу Пушкину, и другія, столько смѣшаны съ неблагопристойностью, что сдѣлали бы честь развѣ Баркову, а не Пушкину.

Тоже надобно сказать и о вольномысліи Пушкина. Его „Ода на свободу“, „Посланіе къ Дельвигу“, „Кинжалъ“, „Уединеніе“ и другія, исполнены мыслей самыхъ дерзкихъ. Но онъ и здѣсь былъ не болѣе, какъ вѣтренный и легкомысленный мальчикъ. Онъ писалъ эти стихотворенія отъ того, что онѣ легко сливались съ его пера, и отъ того, что преступныя мысли, къ несчастію, округляются красиво и блестятъ сильнѣе мыслей правильныхъ (?). Пушкинъ никогда не дорожилъ этими сочиненіями и, кажется, самъ забывалъ о нихъ. Стихотворенія, имъ любимыя, лежали долго между его бумагами и печатались тогда уже, когда были доводимы имъ до самой окончательной

отдѣлки. Напротивъ того, въ возмутительныхъ сочиненіяхъ только немногіе стихи хороши, но вообще онѣ слабы и не додѣланы. Это лучше всего доказываетъ, что онѣ вылились мгновенно, въ минуты легкомыслія или какъ бы опьяненія поэта. Еще нѣсколько минутъ терпѣнія, и Пушкинъ самъ уничтожилъ бы свое произведеніе, но онъ не имѣлъ этого терпѣнія, а товарищи, подхватывая его стихотворенія, тотчасъ разносили по свѣту. Навѣрное можно сказать, что Пушкинъ, съ самой молодости своей сочиняя подобные стихи, не имѣлъ ни цѣли, ни мысли о возмущеніи. Впослѣдствіи въ немъ замѣчали даже нѣкоторую осторожность въ сужденіяхъ; но было уже поздно: о комъ разъ протрубила дурная слава, тому уже трудно пріобрѣсть себѣ доброе имя, и Пушкина, до конца жизни его, не иначе разумѣли, какъ будущимъ возмутителемъ.

II.

Поведеніемъ Пушкина правительство поставлено было въ такое положеніе, что оно по необходимости (?) постоянно наблюдало за всѣми дѣйствіями Пушкина. Впрочемъ, это дѣлалось съ величайшею снисходительностію къ поэту и съ заботливостію о сохраненіи его таланта.

Въ маѣ 1820 г., онъ удаленъ былъ въ южный край Россіи, подъ начальство добраго и почтеннаго генерала Инзова, управлявшаго новороссійскими колонистами. Пріѣхавъ къ Инзову въ Екатеринославль, Пушкинъ сдѣлался болѣнъ, ѣздилъ лечиться на Кавказъ и, по возвращеніи оттуда, жилъ при своемъ начальникѣ, то въ Бессарабіи, то въ Одессѣ. Пушкинъ не измѣнился на югѣ: былъ по прежнему уменъ, вѣтренъ, насмѣшливъ и безпрестанно впадалъ въ проступки (?), какъ ребенокъ. Старикъ Инзовъ любилъ его, но жаловался, что ему съ этимъ шалуномъ столько же хлопотъ, сколько заботъ по службѣ. Обритый, послѣ болѣзни, Пушкинъ носилъ ермолку.

Славный стихами, страшный дерзостью и эпиграммами, своевольный, непослушный и еще въ ермолкѣ — онъ производилъ фуроръ.

Пушкинъ былъ предметомъ любопытства и разсказовъ на югѣ и по всей Россіи.

Въ Одессѣ интересно знакомство его съ графомъ Ланжероном. Этотъ французскій эмигрантъ, одинъ изъ знаменитыхъ генераловъ великой брани противъ Наполеона, имѣлъ слабость считать себя поэтомъ, писалъ на французскомъ языкѣ стихи и даже драмы. Однажды, сработавъ трагедію, Ланжеронъ далъ ее Пушкину, чтобы тотъ прочиталъ и сказалъ ему свое мнѣніе. Александръ Сергѣевичъ продержалъ тетрадь нѣсколько недѣль и, какъ не лю-

битель галиматьи, не читалъ ее. Черезъ нѣсколько времени, при встрѣчѣ съ поэтомъ, графъ спросилъ:

— „Какова моя трагедія“?

Пушкинъ былъ въ большомъ затрудненіи и старался отдѣлаться общими выраженіями; но Ланжеронъ входилъ въ подробности, требуя особенно сказать мнѣніе о двухъ главныхъ герояхъ драмы. Поэтъ, разными изворотами, заставилъ добродушнаго генерала назвать по именамъ героевъ и, наугадъ, отвѣчалъ, что такой-то ему больше нравится.

— „Такъ“, вскрикнулъ восхищенный генералъ, „я узнаю въ тебѣ республиканца; я предчувствовалъ, что этотъ герой тебѣ больше понравится!“

На югѣ Пушкинъ пробылъ слишкомъ четыре года и потомъ ему оказана была только та милость, чтобы онъ жилъ въ имѣніи отца своего, въ селѣ Михайловскомъ, Псковской губерніи. Здѣсь находился онъ съ осени 1824 до половины 1826 года.

III.

Время удаленія Пушкина изъ столицъ, для него, какъ для поэта, было полезно. Поѣздка на Кавказъ, посѣщеніе Тавриды и жизнь въ Бессарабіи доставили ему разнообразные предметы для стихотвореній. Поэмы „Кавказскій плѣнникъ“, „Бахчисарайскій фонтанъ“ и „Цыганы“ слѣдовали одна за другою.

На югѣ онъ началъ и „Евгенія Онѣгина“; въ деревнѣ написалъ „Полтаву“ и „Бориса Годунова“. Мелкія поэмы и стихотворенія его также носятъ на себѣ слѣды знакомства его съ разными краями Россіи.

Въ первой поэмѣ „Русланъ и Людмила“ — созданіи его молодости, онъ началъ-было прокладывать дорогу къ нашей народной поэзіи; усиліе это проявляется и въ слѣдующихъ его произведеніяхъ, но оно уже вездѣ пересиливалось подражаніемъ. У насъ онъ казался поэтомъ самостоятельнымъ и увлекъ за собою толпы послѣдователей; но въ европейской литературѣ онъ самъ былъ не болѣе, какъ подражатель. Въ то время всѣ проповѣдывали о романтизмѣ, и онъ сдѣлался романтикомъ, въ томъ смыслѣ, въ какомъ это направленіе тогда принималось. Въ то время англійскіе и французскіе литераторы писали поэмы, драмы, элегіи, романы и повѣсти, придавая дѣйствующимъ лицамъ характеръ отчаянія и дерзости (?), выбирая для содержанія преступленія, ужасы и нескромность, или возстановляя преданія и старину своего народа: и Пушкинъ писалъ въ тѣхъ же формахъ, и въ томъ же духѣ. Болѣе всего онъ былъ подражателемъ Байрона. Главное достоинство Пушкина состояло въ легкости и прелести

стиха. Прежде стихъ для нашихъ писателей былъ потовою, воловьею работой. И. И. Дмитріевъ, Жуковскій и Батюшковъ писали уже свободнѣе и правильнѣй; но искусство ихъ почти не перенималось другими. Ихъ стихи, даже Жуковскаго и Батюшкова, не дѣйствовали на массу писателей такъ обаятельно, какъ стихи Пушкина. За нимъ всѣ пошли, даже неталантливые стихотворцы, и всѣ начали писать легко, пріятно, не коверкая языка для стопы или рифмы.

Въ исторіи русскаго стиха Пушкинъ имѣетъ такое же значеніе, какъ Карамзинъ въ исторіи нашей прозы.

Характеръ вѣтренности и недостатокъ терпѣнія въ Пушкинѣ отразились и на его сочиненіяхъ. Онъ былъ великій мастеръ набросать легкій эскизъ, небольшую картину, милый образъ, очеркнуть однимъ взмахомъ сильный характеръ или блестящее событіе, мимоходомъ обронить, гдѣ острое слово, гдѣ высокую мысль. Самыя лучшія его произведенія тѣ, которыя не велики въ объемѣ; онѣ кажутся только отрывкомъ отъ чего-то; основою, на которой не все додѣлано. Онъ былъ великій человѣкъ на малыя дѣла (?). Друзья поэта и современные критики нападали на него, когда онъ шелъ по этой стезѣ своего таланта, и требовали отъ него созданій обширныхъ. Но всякому дано свое. Какъ Гомеръ былъ бы ничтоженъ, если бы принялся писать антологическія стихотворенія, такъ Пушкинъ не могъ произвести ничего гомерическаго. Увлекаемый современными требованіями, онъ пытался произвести что-либо обширное; но природный талантъ его вездѣ превозмогалъ. Обширныя его сочиненія, „Онѣгинъ“ и „Борисъ Годуновъ“, вышли не болѣе, какъ сшивки отрывковъ (?). Изъ другихъ поэмъ его всѣхъ лучше „Цыганы“, именно потому, что и въ этой поэмѣ вездѣ, между разрывающимся разсказомъ, остаются промежутки. Но приданное нами названіе Пушкину—„великій человѣкъ на малыя дѣла“—не уменьшаетъ его славы. Онъ былъ дѣйствительно великъ въ мелкихъ и въ сшивныхъ (?) сочиненіяхъ. Всякій другой писатель не могъ бы составить поэмы и драмы столь безсвязно, какъ составлены „Онѣгинъ“ и „Годуновъ“; такъ точно и Пушкинъ, сколько бы ни насиловалъ себя, не могъ, по таланту своему, составить ни плавной и текучей поэмы, ни драмы по правиламъ сценическаго искусства, или—это было бы паденіе его. Поэтому, мы должны радоваться, а не сожалѣть, что онъ бо́льшею частію предавался мелочамъ въ поэзіи. Эти мелочи были его тарелка, его санки. Въ нихъ-то онъ и былъ великъ. Передъ мелкими его произведеніями пропадаютъ многія сочиненія, которыя славятся связностью и полнотою содержанія, важнымъ тономъ и счастливой дородностью.

Съ появленіемъ первой главы „Онѣгина“, всѣ читали и перечи-

тывали эту поэму; многіе, не учивъ, знали наизусть эти легкіе и прекрасные стихи. Картины, мысли, остроты и умныя замѣчанія изъ обыкновенной жизни въ ней такъ вѣрны природѣ, что всякому при встрѣчѣ съ милымъ существомъ или съ человѣкомъ смѣшнымъ и порочнымъ, невольно приходили на умъ стихи изъ „Онѣгина“. Это учебникъ свѣтскій, не всегда нравственный, но столько полный по всѣмъ предметамъ, что многіе жили умомъ Онѣгина, и тѣ, которые хотѣли сказать или написать что-либо свое въ томъ же родѣ, никогда и ничего не сказали лучше Пушкина. Разскажу для примѣра одинъ случай.

Извѣстны въ „Онѣгинѣ“ стихи объ Истоминой, стихи воздушные, игривые, очаровательные, какъ была сама эта танцовщица. Послѣ Истоминой славилась Телешова. Во время появленія первой главы „Онѣгина“, за молодой танцовщицей ухаживалъ не молодой уже, но все еще любезный графъ Милорадовичъ. Ему чрезвычайно хотѣлось, чтобы кто-нибудь изъ поэтовъ прославилъ его любимицу такъ, какъ Пушкинъ прославилъ Истомину. Многіе подносили графу свои опыты, но онъ всегда оставался недоволенъ.

—„Нѣтъ“, говорилъ онъ, „все не то; главное нѣтъ вотъ этого, какъ она ножкой-то объ ножку бьетъ!“

Разумѣется, „Онѣгинъ“ увлекъ за собою больше всего вниманіе молодежи; но были и старики, даже иностранцы, которые восхищались имъ. Старикъ Нейманъ, бывшій много лѣтъ профессоромъ юридическихъ наукъ, сначала въ Казанскомъ, а потомъ въ Дерптскомъ университетахъ, знатокъ древнихъ и новыхъ иностранныхъ словесностей, говорилъ худо по-русски, какъ всѣ необрусѣвшіе нѣмцы, но разумѣлъ письменный языкъ нашъ такъ, что сочинялъ на немъ книги и любилъ читать на нихъ писателей. Этотъ разсудительный и ученый нѣмецъ былъ въ восторгѣ отъ „Онѣгина“; онъ предпочиталъ его всѣмъ другимъ сочиненіямъ Пушкина и съ жаромъ доказывалъ, что ни въ одной европейской литературѣ нѣтъ произведенія столь легкаго, остраго, умнаго и восхитительнаго по стиху, какъ „Евгеній Онѣгинъ“.

IV.

Императоръ Николай Павловичъ, съ перваго же года своего царствованія, началъ изливать милости на Пушкина. Ему дозволено было оставить деревню и пріѣхать въ Москву, гдѣ тогда, по случаю коронаціи, находилась императорская фамилія.

Въ то время слава Пушкина была повсемѣстна и, конечно, даже государю пріятно было взглянуть на знаменитаго молодаго человѣка. Но милостямъ способствовало и то, что поэтъ былъ совершенно

чуждъ преступленію декабристовъ. Самое удаленіе его изъ столицъ, а потомъ въ деревню, было его спасеніемъ отъ соблазна: Божія рука хранила его для славы нашей литературы. Размножавшіеся тогда злоумышленники не имѣли случая вовлечь его въ свои сѣти. Впрочемъ, Пушкинъ быть можетъ и не поддался бы злому обоянію. Мы уже говорили, что онъ, по вѣтренности своего характера и по добротѣ сердца, былъ не способенъ къ преступленію преднамѣренному и продолжительному. При томъ же онъ имѣлъ свѣтлый умъ и съ перваго взгляда понималъ вещи прямо и вѣрно. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Пушкинъ и попалъ въ общество заговорщиковъ, то онъ тотчасъ увидѣлъ бы всю несоразмѣрность силъ ихъ съ силами сѣвернаго монарха и всю нелѣпость ихъ замысловъ, несоображенныхъ ни съ нравами, ни съ святыми убѣжденіями русскаго народа. Пріятно вѣрить послѣднему предположенію; но какъ бы то ни было, только при допросахъ декабристовъ, ни одинъ изъ нихъ не упомянулъ даже объ имени Пушкина. При обширной заразѣ, и отсутствіе преступленія, особенно въ такомъ опасномъ человѣкѣ, какимъ могъ бы сдѣлаться Пушкинъ, было уже заслугою, и царь оцѣнилъ ее.

Пушкинъ пріѣхалъ въ Москву въ началѣ сентября 1826 года.

Государь принялъ его съ великодушной благосклонностью, легко напомнилъ о прежнихъ проступкахъ и давалъ ему наставленія, какъ любящій отецъ. Поэтъ и здѣсь вышелъ поэтомъ. Ободренный снисходительностію государя, онъ дѣлался болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ дошло до того, что онъ, незамѣтно для себя самого, приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ.

Государь быстро отвернулся отъ Пушкина и потомъ говорилъ:

— „Съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ!“

Въ тоже самое время откликнулся Пушкину одинъ изъ прежнихъ грѣховъ его. Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до смуты декабрьской, онъ перевелъ изъ Андрея Шенье элегію, которая съ пропускомъ одного мѣста, относящагося до французской революціи, дозволена была цензурою къ напечатанію еще 8-го октября 1825 года и помѣщена въ первомъ собраніи стихотвореній Пушкина, изданномъ въ 1826 году. Вотъ этотъ непропущенный цензурою отрывокъ:

«Привѣтствую тебя, мое свѣтило!
Я славилъ твой небесный ликъ,
Когда онъ искрою возникъ,
Когда ты въ бурѣ восходило.
Я славилъ твой священный громъ,
Когда онъ разметалъ позорную твердыню
И власти древнюю гордыню

Развѣялъ пепломъ и стыдомъ:
Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
Великодушную присягу
И самовластію безтрепетный отвѣтъ;
Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибунъ предрекъ, восторга полный
Перерожденіе земли.
Уже сіялъ твой мудрый геній,
Уже въ безсмертный Пантеонъ
Святыхъ изгнанниковъ входили славны тѣни,
Отъ пелены предубѣжденій
Разоблачался ветхій тронъ.
Оковы падали. Законъ,
На вольность опершись провозгласилъ равенство!
И мы воскликнули: блаженство!
О горе, о, безумный сонъ?
Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами
Единый властвуетъ топоръ.
Мы свергнули царей! Убійцу съ палачами
Избрали мы въ цари. О ужасъ! о позоръ!
Но ты, священная свобода,
Богиня чистая. Нѣтъ—невиновна ты:
Въ порывахъ буйной слѣпоты,
Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
Сокрылась ты отъ насъ. Цѣлебный твой сосудъ
Завѣшенъ пеленой кровавой.....
Но ты прійдешь опять со мщеніемъ и славой,
И вновь твои враги падутъ.
Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ освященный,
Все ищетъ вновь упиться имъ;
Какъ-будто Вакхомъ разъяренный,
Онъ бредитъ, жаждою томимъ.....
Такъ—онъ найдетъ тебя подъ сѣнію равенства;
Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
И буря мрачная минетъ.[1])

Отрывокъ этотъ былъ извѣстенъ друзьямъ Пушкина и ходилъ по Москвѣ въ рукописи.

Штабсъ-капитанъ конно-егерскаго полка Александръ Алексѣевъ передалъ его прапорщику лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона, Молчанову. Послѣдній, передавая стихи эти кандидату московскаго университета Андрею Леопольдову, сказалъ ему, что стихи напи-

[1]) Этотъ отрывокъ не былъ еще напечатанъ лѣтъ двадцать тому назадъ, когда составлялась настоящая статья, но нынѣ его можно найти въ «Полн. Собр. соч. Пушкина», изд. 1870 г., т. I, стр. 321—322. Ред.

саны на 14-е декабря 1825 года, а Леопольдовъ поставилъ это уже и въ заглавіе отрывка. Такимъ образомъ, стихи, переведенные изъ А. Шенье и относящіеся до кровавой сцены изъ французской исторіи, пошли за стихи о декабрьской смутѣ. Это тѣмъ больше казалось правдоподобнымъ, что нѣкоторые стихи дѣйствительно можно было примѣнять (?) и къ нашему происшествію. На бѣду отрывокъ этотъ перешелъ отъ Леопольдова къ чиновнику Коноплеву, агенту генерала Скобелева. Послѣдній употреблялся тогда по дѣламъ секретной полиціи. Скобелевъ, впослѣдствіи самъ писатель, въ то время не разумѣя цѣны Пушкину, слышалъ о немъ только, какъ о вольнодумномъ молодомъ человѣкѣ, удаленномъ за какія-то сочиненія въ деревню, и предалъ его.[1]) Заварилась исторія! Алексѣевъ, Молчановъ и Леопольдовъ были посажены въ тюрьму и судились: первые два — военнымъ, а послѣдній — уголовнымъ судомъ.[2]) Гражданскій судъ продолжался два года; къ отвѣту его былъ призываемъ и Пушкинъ.

Поэтъ доказывалъ, что стихи изъ А. Шенье переведены имъ гораздо прежде 14-го декабря 1825 года, что они явно относятся къ французской революціи, въ которой Шенье погибъ, и никакъ, безъ совершенной безсмыслицы, не могутъ быть относимы къ 14-му декабря; что онъ не знаетъ, кѣмъ надъ этими стихами поставлено ошибочное заглавіе, и не помнитъ, кому онъ могъ передать элегію. Далѣе же объясняя, что въ этомъ отрывкѣ Шенье говоритъ о взятіи Бастиліи, о клятвѣ du jeu de paume, о перенесеніи тѣхъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей,—Пушкинъ заключилъ вопросомъ: „Что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?“

---

[1]) По высочайше утвержденному рѣшенію аудиторіатскаго департамента, штабсъ-капитанъ Алексѣевъ и прапорщикъ Молчановъ выписаны изъ гвардіи тѣми же чинами въ армейскіе полки: первый—въ Арзамасскій конно-егерскій, а второй—въ Нижегородскій драгунскій; сверхъ того, Алексѣевъ былъ выдержанъ мѣсяцъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Леопольдову же, по высочайше утвержденному въ августѣ 1828 года мнѣнію Государственнаго Совѣта, въ уваженіе того, что онъ предувѣдомлялъ правительство о полученныхъ имъ отъ Молчанова стихахъ, только подтверждено, чтобы въ поступкахъ своихъ былъ осмотрительнѣе, и вмѣнено въ обязанность начальству, у котораго онъ будетъ служить, обратить особенное вниманіе на его поведеніе.

Авт.

[2]) См. статью «Скобелевъ и Пушкинъ» въ «Русской Старинѣ», изд. 1871 г., т IV, стр. 667—673.

Ред.

На вопросъ суда: какимъ образомъ непропущенный цензурою отрывокъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки, Пушкинъ отвѣчалъ, что элегія его „Андрей Шенье“ была всѣмъ извѣстна вполнѣ еще до напечатанія, и онъ не думалъ дѣлать изъ нея тайны.

Правительствующій Сенатъ, соображая духъ этого творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику, призналъ это сочиненіе „соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ“, и постановилъ, что „хотя Пушкина надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но какъ преступленіе сдѣлано имъ до всемилостивѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 года, то, избавя его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою, чтобы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія“.

Государственный Совѣтъ прибавилъ къ этому, чтобы „за Пушкинымъ, по неприличному выраженію его въ отвѣтахъ на счетъ происшествія 14-го декабря 1825 года и по духу самаго сочиненія его, въ октябрѣ мѣсяцѣ того года напечатаннаго, имѣлся секретный надзоръ“.

Все это было высочайше утверждено въ августѣ 1828 года. Такъ разыгралась для Пушкина эта непріятная исторія.

Между тѣмъ, еще при началѣ этой исторіи, высшая полиція обратила вниманіе на Пушкина. Съ того времени Бенкендорфъ и его помощникъ, фонъ-Фокъ, ошибочно стали смотрѣть на молодаго поэта, не какъ на вѣтреннаго мальчика (!?), а какъ на опаснаго (?) вольнодумца, постоянно слѣдили за нимъ и приходили въ тревожное положеніе отъ каждаго его дѣйствія, выходившаго изъ общей колеи.

Государь былъ чрезвычайно милостивъ къ поэту, встрѣчалъ сочиненія его съ величайшимъ одобреніемъ и, судя по тѣмъ задачамъ, которыя предлагалъ молодому писателю, надобно думать, что готовъ былъ оказывать ему полную довѣренность. Бенкендорфъ же и его помощникъ, фонъ-Фокъ, не восхищавшіеся ничѣмъ въ литературѣ и не считавшіе поэзію дѣломъ важнымъ, передавали царскую волю Пушкину всегда пополамъ со строгостью, хотя въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ. Они какъ бы безпрестанно ожидали, что вольнодумецъ ихъ предприметъ какой-либо вредный замыселъ, или сдѣлается коноводомъ возмутителей. Между тѣмъ, Пушкинъ безпрестанно впадалъ въ проступки (?), выслушивалъ замѣчанія, приносилъ извиненія и опять проступался. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ дитя и, какъ дитя, ни кого не боялся. За то люди, которые должны бы быть прозорливыми, его боялись. Отсюда начался рядъ съ одной стороны на-

поминаній, выговоровъ, а съ другой — извиненій, обѣщаній и вѣчныхъ проступковъ (?).

Въ Москвѣ Пушкинъ оставался недолго, и въ сентябрѣ 1826 г. отправился въ свою Псковскую деревню. Туда Бенкендорфъ, 30-го сентября, сообщилъ Пушкину высочайшую волю, чтобы онъ сочиненія свои представлялъ не въ цензуру, но къ государю императору.

„Сочиненій вашихъ" — писалъ Бенкендорфъ — „никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ, и цензоромъ... Какъ сочиненія ваши, такъ и письма можете, для представленія его величеству, доставлять ко мнѣ; но, впрочемъ, отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на высочайшее имя".

Конечно, сквозь это посланіе проглядываетъ и осторожность; но для поэта ничего не могло быть лестнѣе такой милости. Послѣ Карамзина, котораго исторію цензировалъ императоръ Александръ Благословенный, Пушкинъ первый, и притомъ произведеніями не многолѣтняго важнаго труда, а легкой литературы, удостоился имѣть цензоромъ императора.

Въ томъ же письмѣ Бенкендорфъ извѣщалъ Пушкина, что государь возлагаетъ на него еще болѣе важныя надежды, по предметамъ исторіи и народнаго образованія.

„Его величество"—писалъ Бенкендорфъ—„совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности, его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія; предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что (вы) на опытѣ видѣли всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія".

Пушкинъ былъ восхищенъ этими знаками милостей и довѣренности къ нему государя; онъ показывалъ знакомымъ письмо, полученное имъ отъ Бенкендорфа; но былъ столько недогадливъ и беззаботенъ, что не подумалъ поблагодарить, оставивъ письмо безъ всякаго отвѣта. Сверхъ того, Пушкинъ читалъ въ нѣкоторыхъ обществахъ своего „Бориса Годунова", еще до представленія этого сочиненія на разсмотрѣніе государя. Два мѣсяца Бенкендорфъ ждалъ отвѣта и наконецъ, 26-го ноября 1826 года, выговаривая Пушкину за оба проступка, прибавилъ: „Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ велико-

душнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго".

Пробужденный поэтъ, отъ 29-го ноября 1826 года, писалъ Бенкендорфу изъ Пскова:

„Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ былъ я тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ — конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя,—то поставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія.... Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшенія сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ".

По послѣднему предмету, Бенкендорфъ тогда же писалъ Пушкину: „Прошу васъ сообщать мнѣ, для разсмотрѣнія государя, всѣ и мелкіе труды блистательнаго вашего пера".

Драма Пушкина, въ представленной имъ рукописи, названа была „Комедіей о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ". Поэтъ этимъ заглавіемъ хотѣлъ подражать древнимъ нашимъ писателямъ, которые драматическія пьесы свои называли комедіями, напримѣръ: „комедія о Блудномъ сынѣ"; „комедія о Навуходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ, златѣ и о тріехъ отроцѣхъ, въ пещи сожженныхъ" [1]) и тому подобное.

Государь, прочитавъ драму Пушкина съ большимъ удовольствіемъ, замѣтилъ лишь нѣкоторыя мѣста, требующія очищенія, и то, что цѣль была бы болѣе выполнена, еслибы сочинитель передѣлалъ свою комедію въ историческій романъ, на подобіе романовъ Вальтера Скотта.

Графъ Бенкендорфъ, 14-го декабря 1826 года, извѣщая объ этомъ Пушкина, прибавилъ: „Мнѣ крайне лестно и пріятно служить

[1]) «Древн. Рос. Вифліофика», изд. 2-е, ч. VIII, стр. 34 и 158. Авт.

отголоскомъ всемилостивѣйшаго вниманія его величества къ отличнымъ дарованіямъ вашимъ“.

Пушкинъ отвѣчалъ: „Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего превосходительства, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества, касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное“.

Драма Пушкина, прежде чѣмъ онъ снова представилъ ее на разсмотрѣніе, пролежала въ его портфелѣ еще нѣсколько лѣтъ.

Почти въ одно время съ драмою, въ декабрѣ 1826 года, Пушкинъ представилъ и статью свою: „О народномъ воспитаніи“. Мы уже сказали, что Пушкинъ, получивъ повелѣніе заняться предметами о воспитаніи юношества, два мѣсяца не отвѣчалъ на это. Нѣтъ сомнѣнія, что въ это время онъ еще и не принимался за перо для обработанія этого предмета, а написалъ статью свою уже по полученіи, въ исходѣ ноября, напоминанія отъ Бенкендорфа.

Статья Пушкина носитъ на себѣ всѣ признаки легкости и необдуманности въ трудѣ: все показываетъ, что она сочинена на-скоро, въ одинъ разъ, и представленная имъ рукопись, быть можетъ, есть не болѣе, какъ черновая. Это подтверждается и тѣмъ, что въ бумагахъ, оставшихся по смерти его, не нашлось черновой рукописи этой статьи. Сверхъ того, Пушкинъ въ то время былъ еще молодъ, да и никогда онъ не имѣлъ ни опытности въ воспитаніи дѣтей, ни той степенности ума, ни тѣхъ многосторонніхъ практическихъ познаній, которыя требуются для того, чтобы здраво разсуждать о столь важномъ предметѣ. Не вѣтренному и легкомысленному Пушкину было предлагать совѣты о томъ, какъ приготовлять молодыхъ людей, чтобы они были нравственными и полезными гражданами. Не болѣе какъ за годъ предъ тѣмъ обнаружены были замыслы декабристовъ, и въ то время у всѣхъ на умѣ было несчастіе, въ которое вовлеклись эти люди иноземными идеями..... При самомъ порученіи Пушкину—заняться предметами воспитанія, словами: „на опытѣ видѣли всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія“, какъ бы указывалось на декабрьскую смуту. Поэтому, Пушкинъ написалъ разсужденіе свое именно на эту, заданную ему, тему, и высказалъ не свои мнѣнія, не плодъ собственныхъ размышленій, но тѣ мысли, которыя тогда всѣхъ занимали.

Такимъ образомъ, если въ разсужденіи его и заключаются истины, то онѣ выражены были передъ тѣмъ самимъ правительствомъ, въ

манифестѣ, 13-го іюля 1826 года, и суть истины временныя, полезныя для той эпохи, а не тѣ вѣчныя истины, на которыхъ основываются правила воспитанія. Развивая мысли правительства, онъ признаетъ вреднымъ домашнее воспитаніе и совѣтуетъ увлечь все юношество въ общественныя заведенія; предлагаетъ не выпускать юношей въ свѣтъ въ ранней молодости, но удерживать ихъ, разными преимуществами, столько времени, чтобы они могли „перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ“. Для сохраненія нравственности въ воспитанникахъ, онъ предлагаетъ обращать вниманіе на рукописи ихъ и „за найденную пахабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную — исключеніе изъ училища“.

Странно видѣть такую строгость въ поэтѣ, который самъ, даже и послѣ сочиненія этой статьи, писалъ пьесы соблазнительныя и не совсѣмъ въ духѣ правительства (?). Это—учитель, который именно то дѣлалъ, что запрещалъ дѣлать ученикамъ. Стараясь настроить разсужденіе свое на ладъ правительства, онъ иногда стрѣлялъ совершенно не впопадъ. Такъ онъ совѣтывалъ, чтобы учитель исторіи, въ окончательномъ курсѣ, „не хитрилъ, не искажалъ республиканскихъ разсужденій“. Далѣе онъ прибавляетъ: „Вообще не должно, чтобъ республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны“. Можно остановиться въ статьѣ Пушкина только на двухъ мысляхъ, истинныхъ и прекрасно имъ выраженныхъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: „Наказывать юношу, или взрослаго человѣка, за вину отрока, есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное“; въ другомъ мѣстѣ: „Исторію русскую должно будетъ преподавать по Карамзину. „Исторія государства Россійскаго“ есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка“.[1]) Эта мысль, какъ и вся драма „Борисъ Годуновъ“, показываетъ, какое глубокое уваженіе къ Карамзину питалъ Пушкинъ. Вообще же разсужденіе поэта о воспитаніи не важно по мыслямъ, съ противорѣчіями самому себѣ, и доказываетъ, что онъ принялся не за свое дѣло. Самъ онъ, въ заключеніи статьи своей говоритъ, что онъ не осмѣлился бы представить столь недостаточныя замѣчанія о воспитаніи, еслибы не долженъ былъ исполнить воли государя, и просилъ дозволенія повергнуть передъ нимъ мысли о предметахъ, болѣе ему близкихъ и знакомыхъ.

---

[1]) Эту мысль впослѣдствіи онъ повторилъ въ прозаическихъ отрывкахъ своихъ, подъ заглавіемъ: «Мысли, замѣчанія и отрывки». **Авт.**

Бенкендорфъ, 23-го декабря 1826 г., извѣщая Пушкина, что государь съ удовольствіемъ читалъ разсужденіе его и изъявляетъ ему высочайшую признательность, прибавилъ: „Его величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе — предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и безполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ“.

Еще въ Москвѣ, 30-го сентября 1826 г., когда Пушкину поручалось заняться предметами воспитанія, Бенкендорфъ писалъ къ нему, что государь не только не запрещаетъ ему пріѣзда въ Петербургъ, но предоставляетъ это совершенно его волѣ, съ тѣмъ только, чтобы онъ предварительно испросилъ разрѣшеніе. Пушкинъ изъ Псковской деревни своей иногда пріѣзжалъ въ Москву и оттуда, только 24-го апрѣля 1827 г., писалъ, что семейныя обстоятельства требуютъ присутствія его въ Петербургѣ. Ему тотчасъ разрѣшенъ былъ пріѣздъ; но при этомъ Бенкендорфъ писалъ къ нему: „Его величество не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано“.

V.

По прибытіи въ Петербургъ, Пушкинъ имѣлъ тяжбу съ однимъ изъ подчиненныхъ Бенкендорфа, статскимъ совѣтникомъ Ольдекопомъ, который извѣстенъ переводами русскихъ романовъ, повѣстей и стихотвореній на нѣмецкій языкъ.

20-го іюля 1827 года, Пушкинъ писалъ къ Бенкендорфу: „Въ 1824 году, г. статскій совѣтникъ Ольдекопъ, безъ моего согласія и вѣдома, перепечаталъ стихотвореніе мое „Кавказскій плѣнникъ“, и тѣмъ лишилъ меня невозвратно выгодъ втораго изданія, за которое уже предлагали мнѣ въ то время книгопродавцы 3,000 рублей. Вслѣдствіе сего, родитель мой, статскій совѣтникъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, обратился съ просьбою къ начальству, но не получилъ никакого удовлетворенія, а отвѣтствовали ему, что Ольдекопъ перепечаталъ-де „Кавказскаго плѣнника“ для справокъ оригинала съ нѣмецкимъ переводомъ; что къ тому же не существуетъ въ Россіи закона противу перепечатыванія книгъ, и что имѣетъ онъ, статскій

совѣтникъ Пушкинъ, преслѣдовать Ольдекопа, токмо развѣ, яко мошенника; на что не смѣлъ я согласиться изъ уваженія къ его званію и опасаясь заплатить за безчестіе. Не имѣя другаго способа къ обезпеченію своего состоянія, кромѣ выгодъ отъ посильныхъ трудовъ моихъ, и нынѣ лично ободренный вашимъ превосходительствомъ, осмѣливаюсь, наконецъ, прибѣгнуть къ вашему покровительству, дабы и впредь оградить себя отъ подобныхъ покушеній на свою собственность".

На это Бенкендорфъ, вѣроятно, не безъ вліянія Ольдекопа, отвѣчалъ, что „перепечатаніе „Кавказскаго плѣнника", вмѣстѣ съ переводомъ, послѣдовало съ дозволенія цензуры, которая имѣетъ на то свои правила; и что, впрочемъ, даже тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками".

Не удовлетворившись этимъ, Пушкинъ, 10-го сентября 1827 года, уже изъ Опочки, писалъ къ Бенкендорфу: „Вы изволили весьма справедливо замѣтить, что и тамъ, гдѣ находятся положительные законы на счетъ перепечатанія книгъ, не возбраняется издавать переводы вмѣстѣ съ подлинниками. Но сіе относится только къ сочиненіямъ древнихъ или умершихъ писателей. Если же допустить у насъ, что переводъ даетъ право на перепечатаніе подлинника, то невозможно будетъ оградить литературную собственность отъ покушеній хищника. Повергая сіе мое мнѣніе на благоусмотрѣніе вашего превосходительства, полагаю, что въ составленіи постоянныхъ правилъ для обезпеченія литературной собственности, вопросъ о правѣ перепечатывать книгу при переводѣ, замѣчаніяхъ или предисловіи, весьма важенъ".

Это дѣло кончилось молчаніемъ Бенкендорфа на послѣднюю просьбу поэта.

Въ 1827 году Пушкинъ представлялъ свои стихотворенія сначала: два отрывка изъ „Евгенія Онѣгина" (ночной разговоръ Татьяны съ няней и письмо Татьяны), „Къ ***" и „19-е октября"; а потомъ: „Ангелъ", „Стансы", третью главу „Евгенія Онѣгина", „Фаустъ и Мефистофель" и пѣсни „О Стенькѣ Разинѣ". Первыя три стихотворенія доставлены были, въ февралѣ мѣсяцѣ, черезъ барона Дельвига, а послѣднія—въ іюнѣ 1827 г. самимъ Пушкинымъ.

При полученіи стиховъ черезъ барона Дельвига, Бенкендорфъ замѣтилъ Пушкину, что онъ не долженъ былъ избирать посредника въ сношеніяхъ, основанныхъ на высочайшемъ повелѣніи. При этомъ ему сообщено было, что государь изволилъ читать стихотворенія его съ особеннымъ вниманіемъ, а графа „Нулина"—съ большимъ удоволь-

ствіемъ, и что прелестная пьеса эта дозволяется къ печатанію. Впрочемъ, указано было на нѣкоторые неприличные стихи въ „Нулинѣ“ [1]) и „Фаустѣ“. [2]) О пѣсняхъ же про „Стеньку Разина“, Бенкендорфъ писалъ, что онѣ, „при всемъ своемъ поэтическомъ достоинствѣ, по содержанію своему не приличны къ напечатанію, и что сверхъ того, церковь проклинаетъ Разина, равно какъ и Пугачева“.

Пушкинъ, прочитавъ всѣ замѣчанія съ покорностію, извинялся въ своихъ ошибкахъ и всегда выражалъ глубочайшую благодарность за милости къ нему государя. „Съ благоговѣніемъ и благодарностью“— писалъ онъ къ Бенкендорфу, 10-го сентября 1827 года, — „получилъ я чрезъ ваше превосходительство отзывъ государя императора. Почитаю за счастіе во всемъ повиноваться высочайшей его волѣ“.

Въ мартѣ 1828 года, бывъ опять въ Петербургѣ, Пушкинъ представлялъ шестую главу „Евгенія Онѣгина“ и стихотвореніе подъ заглавіемъ: „Друзьямъ“. Первую государь одобрилъ, а о послѣднемъ Бенкендорфъ извѣстилъ, что его величество совершенно доволенъ и этимъ стихотвореніемъ, но не желаетъ, чтобы оно было напечатано. Вотъ это стихотвореніе:

Нѣтъ, я не льстецъ, когда царю
Хвалу свободную слагаю:
Я смѣло чувства выражаю,
Языкомъ сердца говорю.

Его я просто полюбилъ:
Онъ бодро, честно правитъ нами;
Россію вдругъ онъ оживилъ
Войной, надеждами, трудами.

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому, кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

Въ изгнаньи жизнь моя текла;
Влачилъ я съ милыми разлуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Простеръ — и съ вами снова я!

Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою,

---

[1]) Порою съ бариномъ шалитъ....
Коснуться хочетъ одѣяла.

[2]) Да, модная болѣзнь: она
Недавно вамъ подарена.

И я-ль, въ сердечномъ умиленьи,
Ему хвалы не воспою?

Я льстецъ! нѣтъ, братья, льстецъ лукавъ,
Онъ горе на царя накличетъ,
Онъ изъ его державныхъ правъ
Одну лишь милость ограничитъ.

Онъ скажетъ: презирай народъ,
Глуши природы голосъ нѣжный.
Онъ скажетъ: просвѣщенья плодъ —
Развратъ и нѣкій духъ мятежный.

Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстецъ
Одни приближены къ престолу,
А небомъ избранный пѣвецъ
Молчитъ, потупя очи долу![1])

Съ Пушкина началась мода презирать оды, похвалы, посвященія книгъ или стиховъ важнымъ лицамъ и тому подобное. Правда, торжественныя оды и похвалы уже всѣмъ надоѣли; правда, что въ духѣ того времени было свободомысліе и неуваженіе: тогда и дѣти, на ученическихъ скамьяхъ, хотѣли показывать, что они никому не льстятъ. Это доходило до того, что не полагали разницы между лестью и воздаяніемъ должнаго, и всякое чувство признательности называли подлостью. Но нельзя не сказать, что Пушкинъ своимъ примѣромъ укрѣпилъ это дурное (?) направленіе. Въ этомъ на него всѣ указывали. Между тѣмъ, самъ онъ, по возвышенности души своей, благоговѣя передъ достойнымъ благоговѣнія, не могъ укрыть собственной благодарности къ людямъ, которые дѣлали ему добро. Еще въ юности, когда дурное (?) поборало все, что было въ немъ добраго, онъ въ посланіи „Къ Елизаветѣ“, исполненномъ вольныхъ мыслей (?), послѣ увѣреній, что онъ не хвалилъ земныхъ владыкъ, что имъ

Кадиломъ лести не служилъ,

онъ невольно пѣлъ хвалу доброй императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ.[2]) Такъ и императоръ Николай, какъ бы вывелъ его изъ терпѣнія своими благодѣяніями, и онъ, въ стихотвореніи „Къ Друзьямъ“, излилъ свое чувство признательности. Изъ этого стихотворенія видно, что ложное (?) понятіе о лести, имъ поддержанное, было такъ сильно, что Пушкинъ и самъ уже боялся хвалить и прослыть льстецомъ.

---

[1]) Стихотвореніе это, многіе годы не появлявшееся въ печати, теперь уже давно помѣщается въ «Полн. собр. сочин. Пушкина», см. изд. 1870 г., т. I, стр. 337—338; здѣсь оно приведено съ варьянтами. Ред.

[2]) См. въ «Русск. Стар.», изд. 1873 г., т. VII, стр. 212. Ред.

Получивъ лестный отзывъ государя, Пушкинъ, отъ 5-го марта 1828 года, писалъ къ Бенкендорфу:

„Позвольте мнѣ принести вашему превосходительству чувствительную мою благодарность за письмо, которое удостоился я получить. Снисходительное одобреніе государя императора есть лестнѣйшая для меня награда, и (я) почитаю за счастіе обязанность мою слѣдовать высочайшему его соизволенію".

VI.

Въ то время начиналась турецкая война. Пушкинъ и князь П. А. Вяземскій просили опредѣлить ихъ въ дѣйствующую армію. Бенкендорфъ, отъ 20-го апрѣля 1828 года, извѣстилъ того и другаго, что государь, принявъ весьма благосклонно ихъ вызовъ, изволилъ, однакоже, отозваться, что всѣ мѣста въ арміи уже заняты; но что его величество не забудетъ ихъ и воспользуется первымъ случаемъ употребить отличныя дарованія ихъ на пользу отечества.[1])

Черезъ годъ послѣ того, 9-го марта 1829 года, Пушкинъ, неожиданно и никому не сказавшись, уѣхалъ изъ Петербурга въ свою деревню, оттуда въ Москву и потомъ на Кавказъ. Бенкендорфъ сильно встревожился этимъ поступкомъ Пушкина; тщетно успокоивали и представляли Бенкендорфу довольно вѣрное (?) изображеніе Пушкина.

— „Вспомните, что у Пушкина родной братъ служитъ на Кавказѣ, и что господинъ поэтъ столько же опасенъ pour l'état, какъ неочиненное перо. Ни онъ не затѣетъ ничего въ своей вѣтренной головѣ, ни его не возьметъ никто въ свои затѣи. Это вѣрно! Laissez le courrir le monde, chercher des filles, des inspirations poétique et—du jeu. Можно смѣло ручаться, что это путешествіе устроено игроками, у коихъ онъ въ тискахъ. Ему вѣрно обѣщаютъ золотыя горы на Кавказѣ, а какъ увидятъ деньги или поэму, то выиграютъ и — конецъ".

Но встревоженный Бенкендорфъ этимъ не успокоился и, по его распоряженію, въ Грузіи учрежденъ былъ надзоръ за Пушкинымъ. Когда же получено было извѣстіе, что поэтъ находится уже въ Арзерумѣ, то посланы были запросы къ нему и къ тифлисскому военному губернатору, о цѣли путешествія поэта.

Пушкинъ отвѣчалъ, что онъ отправился на Кавказъ для свиданія съ братомъ своимъ, который служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и съ которымъ онъ не видался пять лѣтъ; что въ

[1]) См. объ этомъ эпизодѣ изъ жизни А. С. Пушкина: «Попытка отправиться на Дунай и въ Парижъ въ 1828 г., разсказъ А. А. Ивановскаго». «Русск. Стар.», 1874 г., т. IX, стр. 392—399. Ред.

Тифлисъ онъ прибылъ, когда войска уже находились въ походѣ противъ турокъ, а потому онъ, черезъ друга своего Николая Раевскаго, испросилъ у фельдмаршала графа Паскевича-Эриванскаго дозволеніе прибыть въ армію; что, сверхъ того, ему любопытно было взглянуть на театръ войны и на мѣста, которыя могутъ подать ему матеріалъ для сочиненій; что, наконецъ поведеніемъ своимъ на Кавказѣ онъ не навлекъ на себя никакого нареканія.

Изъ Арзерума Пушкинъ возвратился въ Тифлисъ, въ концѣ августа 1829 г., и потомъ отправился въ Москву. Въ ноябрѣ онъ былъ уже въ Петербургѣ, и здѣсь досказали ему то, чего не дописали въ Грузію.

Въ январѣ 1830 года, Пушкинъ снова подвергся упреку. На балѣ у французскаго посланника всѣ приглашенные были въ мундирахъ; одинъ Пушкинъ явился туда во фракѣ. Государь это замѣтилъ и, по волѣ его величества, поэту было объявлено, что всѣмъ дворянамъ присвоенъ мундиръ той губерніи, гдѣ они имѣютъ помѣстья, и что русскому дворянину приличнѣе въ этомъ нарядѣ являться въ подобныя собранія.

Едва простылъ этотъ выговоръ, какъ Пушкинъ подвергся другому. Въ мартѣ 1830 года, поэтъ внезапно уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Бенкендорфъ, отъ 30-го марта, спрашивая его, почему онъ не предувѣдомилъ о своемъ отъѣздѣ, писалъ ему, что всѣ непріятности, которымъ можетъ подвергнуться за своевольные поступки, онъ долженъ будетъ отнести къ собственному своему поведенію.

Пушкинъ отвѣчалъ, что съ 1826 года, когда ему высочайше дозволено жить въ Москвѣ, онъ каждую зиму проводилъ тамъ, а осень въ деревнѣ, никогда не испрашивая предварительно разрѣшенія и не получая никакого замѣчанія; что это отчасти было причиной и невольнаго проступка его, поѣздки въ Арзерумъ, за которую онъ навлекъ на себя неудовольствіе начальства. Съ тѣмъ вмѣстѣ, онъ выразилъ горесть, которую приносятъ ему выговоры, и описывая себя въ гоненіи, говорилъ, что другіе еще болѣе зложелательствуютъ ему, и что Бенкендорфъ остается единственнымъ его защитникомъ. „Если завтра“—прибавилъ онъ—„вы не будете министромъ, то послѣ завтра меня посадятъ въ тюрьму“. Особенно онъ жаловался на Булгарина, который хвалился близостью своей къ Бенкендорфу. Ѳаддѣй Венедиктовичъ, по словамъ поэта, злобясь на него за критики, впрочемъ вовсе не имъ писанныя, готовъ въ остервененіи своемъ рѣшиться на все.

Бенкендорфъ успокоивалъ Пушкина, увѣряя, что Булгаринъ никогда не говорилъ ему ничего дурнаго о немъ; что журналистъ

этотъ вовсе не близокъ къ нему, и если бывалъ у него, то развѣ одинъ или два раза въ годъ; что въ послѣднее время онъ призывалъ къ себѣ Булгарина только для того, чтобы обуздать его.

Между тѣмъ, поѣздка въ Москву предпринята была Пушкинымъ не даромъ. Онъ сваталъ тамъ невѣсту, дѣвицу Гончарову, которую страстно полюбилъ и о которой говорилъ друзьямъ своимъ: „Я ею очарованъ, огончарованъ!“ Объ этомъ намѣреніи своемъ онъ извѣстилъ Бенкендорфа и просилъ его доложить государю императору. Снова при этомъ жалуясь на свое тягостное положеніе, онъ писалъ: „Мать невѣсты страшится выдать дочь свою за человѣка, который имѣетъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ государя“.

Бенкендорфъ, 28-го апрѣля 1830 года, отвѣчалъ, что государь съ удовольствіемъ услышалъ о намѣреніи Пушкина жениться на такой достойной дѣвицѣ, какъ Гончарова; что государь поручилъ ему увѣрить поэта, что онъ находится не подъ гнѣвомъ, но подъ отеческимъ попеченіемъ его величества; что онъ довѣренъ Бенкендорфу не какъ шефу жандармовъ, но какъ человѣку, въ которомъ найдетъ себѣ друга и покровителя, который оберегаетъ его своими совѣтами и руководитъ имъ только къ его пользѣ.

Пушкину дозволено было представить это письмо тѣмъ, которымъ показать онъ признаетъ нужнымъ.

VII.

Доходъ отъ сочиненій былъ однимъ изъ важныхъ пособій для содержанія поэта, и когда онъ женился, то началъ болѣе заботиться объ изданіи своихъ стихотвореній. Комедія о „Борисѣ Годуновѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ“ долго лежала въ его портфелѣ. Онъ исправилъ ее по замѣчаніямъ государя, объявленнымъ ему еще въ 1826 году, и только въ 1829 году, или не довѣряя собственному своему вкусу, или желая подвергнуть свои поправки свѣжему взгляду, передалъ рукопись В. А. Жуковскому, съ тѣмъ, чтобы послѣдній, пересмотрѣвъ еще драму, заготовилъ чистый экземпляръ въ томъ видѣ, въ какомъ полагаетъ лучше напечатать это сочиненіе. Изданіе же драмы поручилъ онъ П. А. Плетневу, который, 20-го іюля 1829 года, представлялъ Бенкендорфу и подлинную рукопись, и списокъ съ нея, сдѣланный по распоряженію Жуковскаго. Но и въ этотъ разъ драма возвращена была Пушкину съ тѣмъ, чтобы онъ перемѣнилъ еще нѣкоторыя „тривіальныя мѣста“.

Снова Пушкинъ представилъ это сочиненіе свое уже послѣ женитьбы своей, и только 22-го октября 1830 года высочайше разрѣшено было напечатать ее, но подъ собственною отвѣтственностію

поэта. Она явилась въ свѣтъ въ январѣ 1831 года, уже подъ названіемъ: „Борисъ Годуновъ“. Поправки въ ней, противъ первоначальнаго списка, сдѣланы очень немногія: нѣкоторыя слова и выраженія, слишкомъ простонародныя или нарушающія скромность, замѣнены другими; нѣкоторыя мѣста вовсе опущены. Впрочемъ, бо́льшая часть и этихъ поправокъ сдѣлана не столько по замѣчаніямъ государя, сколько самимъ Пушкинымъ или по совѣту друзей его. Вообще драма напечатана почти въ томъ видѣ, какъ она написана была первоначально и какъ ее хотѣлъ издать сочинитель.

По представленіи печатной драмы государю, Бенкендорфъ снова извѣстилъ поэта, что его величество изволилъ читать ее съ особымъ удовольствіемъ.

Пушкинъ, 18-го января 1831 года, отвѣчалъ: „Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, „Борисъ Годуновъ“ обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе. Позвольте мнѣ благодарить усердно и ваше высокопревосходительство, какъ голосъ высочайшаго благоволенія и какъ человѣка, принимавшаго всегда во мнѣ столь снисходительное участіе“.

Драма Пушкина, при выходѣ ея въ свѣтъ, не произвела особеннаго впечатлѣнія на читателей. Всѣ ожидали отъ него драмы романтической, однакоже въ смыслѣ театральной пьесы. Драмы испанцевъ, англичанъ и нѣмцевъ, даже хроника Шекспира, трилогія „Валленштейнъ“ и „Іоанна д'Аркъ“—Шиллера, сочиненныя болѣе для чтенія, нежели для сцены, все-таки раздѣлены на дѣйствія, имѣютъ связь, полноту и, при нѣкоторомъ сокращеніи, могутъ быть представлены на театрѣ. Въ драмѣ Пушкина читатели не нашли ни дѣйствій, ни связи и ни малѣйшаго примѣненія къ сценѣ. Это ни драма, ни поэма, ни повѣсть; она показалась какимъ-то выродкомъ, которому нѣтъ имени въ произведеніяхъ литературы и которую невозможно ни къ чему, какъ говорится, приспособить. Сверхъ того, въ сочиненіяхъ Пушкина всѣ привыкли встрѣчать картины, игру словъ, эффектъ въ мысляхъ и выраженіяхъ. Уже и „Полтава“ его, напечатанная въ 1829-мъ году, не всѣмъ понравилась, потому что и въ ней поэтъ уже не гонялся за блестками и приближался къ той умной и истинной красотѣ, которою запечатлѣны позднѣйшія его произведенія. Въ драмѣ Пушкина, прежнимъ почитателямъ его таланта, еще бо-

лѣе представились простой, безъискуственный разсказъ, дѣльность мысли, точность каждаго слова и отчужденіе всякихъ блудящихъ огоньковъ, всякой погремушки. Многіе начинали думать, что свѣтильникъ души поэта угасъ. Но драма Пушкина, не поражая съ перваго раза, тѣмъ больше нравилась, чѣмъ болѣе ее читали. Даже люди стараго поколѣнія, воспитанные на чтеніи Ломоносова, Державина и Озерова, напитанные древними и новыми иностранными классиками, даже они, читая драму Пушкина по правиламъ учебниковъ, впослѣдствіи сознавались, что она — произведеніе великаго таланта. Тутъ каждая сцена, несмотря на короткость и какъ-бы неоконченность, заключаетъ въ себѣ полную картину, и всѣ эти отрывки, повидимому, ничѣмъ несвязанные, сами собой въ умѣ читателя соединяются въ цѣлое, превосходное зданіе. Тутъ всѣ дѣйствующія лица какъ-бы отлиты изъ бронзы и одушевлены. Преступный и наказываемый судьбою Борисъ, его невинныя и прекрасныя дѣти, за него страдающія, вѣтренный Гришка и тщеславная полька Марина, хитрый царедворецъ Шуйскій и прямодушный патріархъ Іовъ, изгнанникъ изъ родины Курбскій, лѣтописецъ Пименъ, бродячіе монахи, юродивый и всѣ другія лица, мелькомъ, едва являющіяся, очерчены выпукло, вѣрно каждый своему характеру и вѣку. Самые слогъ и стихъ драмы, разнообразные въ устахъ каждаго, простые, какъ-бы разсказъ нашихъ лѣтописей, довершаютъ очарованіе. Все въ этой драмѣ поражаетъ правдою чувствъ, истинною и глубиною мыслей, точностію словъ и выраженій; отъ всего въ ней пахнетъ землею и вѣетъ воздухомъ XVI вѣка. По прочтеніи драмы, мало того, что кажется, будто мы видѣли ее на сценѣ, разыгранную первоклассными актерами; но думается, что передъ нами прошли всѣ эти люди, выходившіе изъ древнихъ могилъ своихъ, что мы жили съ ними и имѣли несчастіе быть очевидцами кары Божіей надъ царемъ Борисомъ. Это не драма, но лучше сотни драмъ.

VIII.

А. С. Пушкинъ самъ вызвался на трудъ — составить исторію Петра I-го.

„Если“—писалъ онъ—„государю императору угодно будетъ употребить перо мое, то буду стараться съ точностію и усердіемъ исполнять волю его величества, и готовъ служить ему по мѣрѣ моихъ способностей.... Болѣе соотвѣтствовало бы моимъ занятіямъ и склонностямъ дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не желаю взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина;

но могу, со временемъ, исполнить давнишнее мое желаніе—написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ до государя Петра III".

Но, съ тѣмъ вмѣстѣ, Пушкинъ выказалъ, что онъ не чуждъ и тѣхъ мелкихъ разсчетовъ, которые важны только для людей, не отличенныхъ отъ природы даромъ на какой-либо особый блистательный путь. Знаменитый, уважаемый всею Русью, поэтъ печалился, что онъ въ служебной іерархіи не болѣе, какъ коллежскій секретарь.

„Мой несчастный чинъ"—продолжалъ Пушкинъ въ той же запискѣ—„тотъ самый, съ которымъ выпущенъ я былъ изъ лицея, къ несчастію, представляетъ мнѣ препятствіе на поприщѣ службы. Я считался въ иностранной коллегіи отъ 1817 до 1824 года; мнѣ слѣдовали за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго и коллежскаго ассесора; но бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало".

Желанія Пушкина исполнены. Въ іюлѣ 1831 года, по высочайшему повелѣнію, онъ былъ опредѣленъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ, хотя тамъ не было свободнаго штатнаго мѣста, съ жалованьемъ по пяти тысячъ рублей и съ дозволеніемъ отыскивать въ архивахъ матеріалы для составленія исторіи императора Петра I-го [1]).

Въ началѣ 1832 года отъ государя прислана была къ Пушкину какая-то книга, и онъ по этому случаю, отъ 24-го февраля, писалъ Бенкендорфу:

„Съ чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія принялъ я книгу, всемилостивѣйше пожалованную мнѣ его императорскимъ величествомъ. Драгоцѣнный знакъ царскаго ко мнѣ благоволенія возбудитъ во мнѣ силы для совершенія предпринимаемаго мною труда, который будетъ ознаменованъ, если не талантомъ, то, по крайней мѣрѣ, усердіемъ и добросовѣстностію". При этомъ онъ просилъ еще дозволить ему: „разсмотрѣть находящуюся въ Эрмитажѣ библіотеку Вольтера, пользовавшагося разными рѣдкими книгами и рукописями, доставленными ему Шуваловымъ, для составленія его исторіи Петра Великаго".

Пушкину и это было высочайше дозволено.

Нельзя положительно сказать, что бы Пушкинъ сдѣлалъ по части исторіи, еслибы жизнь его продолжилась; но знавшіе его талантъ не ожидали отъ него ничего послѣдовательнаго и окончательно обработаннаго. Ни умъ, ни характеръ его не соотвѣтствовали строгому и серьезному званію историка. Это былъ не Карамзинъ. Знамени-

---

[1]) Дѣла архивныя Пушкинъ читалъ въ самомъ министерствѣ и, послѣ работы, тамъ же возвращалъ ихъ на мѣсто. Авт.

тый историографъ нашъ, еще въ молодости, богатѣлъ познаніями для будущаго великаго труда. Многія мѣста „Писемъ русскаго путешественника“ обнаруживаютъ, что онъ еще въ то время, когда сочинялъ стишки и чувствительныя повѣсти, уже имѣлъ глубокой взглядъ на исторію; а его „Похвальное слово Екатеринѣ II“, его „Марѳа Посадница“, его статьи: „Историческія воспоминанія на пути къ Троицѣ“, „Русская старина“ и особенно „О Московскомъ мятежѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича“— это превосходная проба историческаго пера. Приступивъ же къ составленію Русской исторіи, онъ высидѣлъ 12 лѣтъ и пріобрѣлъ столь обширныя познанія, что могъ назваться профессоромъ своей части. Онъ бросилъ всѣ удовольствія свѣта, отказался отъ всѣхъ исканій и, бывъ тоже небогатымъ человѣкомъ, довольствовался пожалованными ему 2,000 руб. въ годъ, колотился, жался съ своимъ семействомъ, а все шелъ постоянно къ своей цѣли: исторія сдѣлалась его мыслію, его душою, его жизнію. Совсѣмъ другое представляется въ Пушкинѣ. Не имѣвъ прежде запасныхъ познаній, онъ не сдѣлалъ себя ученикомъ своей науки и никогда не былъ профессоромъ ея. Онъ посѣщалъ государственный архивъ, читалъ въ немъ дѣла и бумаги, доставалъ и другими путями рукописи и книги, относящіяся до избранной имъ эпохи; но все это дѣлалъ слегка, мимоходомъ, и часто изъ важныхъ матеріаловъ исторіи у него развивались легкіе поэтическіе образы, или возникалъ историческій отрывокъ, почти чуждый главному предмету его занятій. Какимъ Пушкинъ былъ въ стихотворныхъ поэмахъ и въ драмѣ, такимъ онъ вышелъ въ исторіи.

Между тѣмъ, внѣшняя жизнь его нисколько не измѣнилась. Онъ не отказался ни отъ свѣта, ни отъ картъ, ни отъ разгула; гордый древностію своего рода, онъ лѣзъ(?) въ аристократическія общества и былъ очень доволенъ, достигнувъ камеръ-юнкерства. Бросая деньги на легкомысленныя надобности, онъ годъ отъ году все больше и больше нуждался въ нихъ: того требовали и жизнь не по состоянію, и умножавшееся семейство его. Онъ никогда не былъ писателемъ безкорыстнымъ (?!), онъ не жилъ для одной поэзіи, ни для славы; не былъ счастливъ однѣми высокими созданіями духа (?!)...

Нашъ вѣкъ — торгашъ; въ сей вѣкъ желѣзный
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пѣвца.
Намъ нужно злата, злата, злата,
Копите злато до конца....

Въ этихъ стихахъ Пушкинъ, еще въ молодости, выразилъ свои чувства, свои убѣжденія (?!?). Послѣдующая переписка его съ братомъ

доказываетъ, что поэтъ цѣнилъ столько свои произведенія, сколько онѣ приносили денегъ. Онъ, наконецъ, можно сказать, сдѣлался торгашемъ: желалъ за каждое стихотвореніе свое брать деньги, сердился, что сочиненія его расходятся въ рукописяхъ, прежде напечатанія, сердился, что сочиненія не скоро печатаются, просилъ денегъ, денегъ и денегъ. Ему слишкомъ мало было пожалованныхъ 5,000 руб. въ годъ, и онъ метался отъ одного предпріятія къ другому, чтобы достать денегъ: то хотѣлъ издавать журналъ, то писалъ мелкія стихотворенія, то опять добивался права быть журналистомъ, то принимался за романъ... а исторія и съ мѣста не трогалась.

IX.

Еще въ іюлѣ 1831 г., какъ только получилъ уполномочіе собирать матеріалы для исторіи Петра I-го, Пушкинъ писалъ:

„Въ Россіи періодическія изданія не суть представители различныхъ политическихъ партій, которыхъ у насъ не существуетъ,— и правительству нѣтъ надобности имѣть свой оффиціальный журналъ. Но тѣмъ не менѣе, общее мнѣніе имѣетъ нужду быть управляемо. Съ радостію взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями и, такимъ образомъ, приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію“. О желаніи издавать этотъ журналъ Пушкинъ упоминалъ и въ письмѣ отъ 1-го іюня 1835 г., когда просилъ объ увольненіи его на нѣсколько лѣтъ въ деревню.

Въ январѣ 1832 г., Бенкендорфъ спрашивалъ его, „почему стихотвореніе его „Древо яда“ (Анчаръ) было напечатано въ альманахѣ, безъ предварительнаго разсмотрѣнія государя императора?“

На это, 7-го января, Пушкинъ отвѣчалъ:

„Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, коей нежданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня и права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ: печатать съ дозволенія цензуры. Въ теченіе послѣднихъ шести лѣтъ, во всѣхъ журналахъ и альманахахъ, съ вѣдома моего и безъ вѣдома, стихотворенія мои печатались безпрепятственно, и никогда не было о томъ ни малѣйшаго замѣчанія ни мнѣ, ни цензурѣ. Далѣе я, совѣстясь безпокоить поминутно его величество, раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ счастіе найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней“.

Въ августѣ 1833 года, онъ просилъ о дозволеніи съѣздить въ

Дерптъ, для свиданія съ г-жею Карамзиной, а потомъ мѣсяца на три въ свое имѣніе, въ Нижегородской губерніи, а также въ Оренбургъ и Казань; послѣдніе два города онъ желалъ посѣтить потому, что въ нихъ происходитъ бо̀льшая часть дѣйствія романа, давно имъ начатаго, и что онъ надѣется окончить его въ уединеніи, въ деревнѣ. При этомъ Пушкинъ объяснилъ, что, въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, занимаясь одними историческими розысканіями, онъ не писалъ ни одной строки чисто литературной; что романъ доставитъ ему деньги, въ которыхъ онъ нуждается; что хотя ему совѣстно тратить время на суетныя занятія, но онѣ доставляютъ ему способъ жить въ Петербургѣ; что, кромѣ жалованья, опредѣленнаго ему щедростію государя императора, у него нѣтъ настоящаго дохода, тогда какъ жизнь въ столицѣ дорога, а съ умноженіемъ его семейства умножаются и его расходы.

Это ему было дозволено.

6-го декабря 1833 г. Пушкинъ писалъ, что книгопродавецъ Смирдинъ, приступая къ изданію журнала („Библ. для Чт.“), просилъ и его участвовать въ этомъ журналѣ; но онъ, стараясь какъ можно рѣже пользоваться драгоцѣннымъ дозволеніемъ—утруждать вниманіе государя императора, можетъ согласиться на это въ такомъ только случаѣ, если сочиненія его будутъ представляемы Смирдинымъ въ цензуру, наравнѣ съ сочиненіями другихъ писателей. Пушкинъ испрашивалъ на то разрѣшенія, и ему тогда же дозволено было помѣщать сочиненія его въ журналѣ Смирдина, по разсмотрѣніи цензурою, на общемъ основаніи.

Въ томъ же письмѣ, отъ 6-го декабря 1833 г., онъ извѣщалъ:

„Я думалъ нѣкогда написать историческій романъ, относящійся ко временамъ Пугачева; но, нашедъ множество матеріаловъ, я оставилъ вымыселъ и написалъ исторію Пугачевщины. Осмѣливаюсь просить черезъ ваше сіятельство дозволенія представить оную на высочайшее разсмотрѣніе. Не знаю, можно-ли мнѣ будетъ ее напечатать, но смѣю надѣяться, что сей историческій отрывокъ будетъ любопытенъ для его величества, особенно въ отношеніи тогдашнихъ военныхъ дѣйствій, доселѣ худо извѣстныхъ“.

Гр. Бенкендорфъ просилъ Пушкина доставить къ нему рукопись.

На напечатаніе этой книги, названной „Исторія Пугачевскаго бунта“, по высочайшему указу отъ 16-го марта 1834 г., было выдано Пушкину изъ государственнаго казначейства 20 т. руб., на два года, безъ процентовъ и безъ вычета въ пользу увѣчныхъ. Книга была отпечатана въ ноябрѣ 1834 г., а въ январѣ 1835 г. онъ представилъ замѣчанія, которыя не могли войти въ „Исторію Пугачев-

скаго бунта," но которыя, — какъ писалъ Пушкинъ, — „могутъ быть любопытны для государя императора".

Его величество принялъ эти замѣчанія и изволилъ повелѣть благодарить Пушкина.

Съ этимъ вмѣстѣ, 26-го января 1835 г., слѣдовательно послѣ напечатанія исторіи, онъ писалъ: „Осмѣливаюсь просить ваше сіятельство о испрошеніи важной для меня милости: о высочайшемъ дозволеніи прочесть Пугачевское дѣло, находящееся въ архивѣ. Въ свободное время я могъ бы изъ онаго составить краткую выписку, если не для печати, то, по крайней мѣрѣ, для полноты моего труда, безъ того несовершеннаго, и для успокоенія исторической моей совѣсти".

Государь дозволилъ Пушкину читать все дѣло и поручилъ ему составить выписку для его величества. Дѣло это, въ восьми запечатанныхъ пакетахъ, хранилось въ архивѣ сената и въ то время предназначалось въ государственный архивъ, состоящій при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Государь повелѣлъ передать это дѣло въ государственный архивъ и тамъ уже допустить Пушкина къ чтенію и составленію выписки.

Еще въ іюнѣ 1834 г. Пушкинъ писалъ, что онъ, по обстоятельствамъ своимъ, для него интереснымъ, имѣетъ надобность отправиться въ Москву и долженъ оставить службу, но просилъ дозволить ему продолжать посѣщеніе архивовъ. 30-го іюня ему отвѣчали, что „его величество не желаетъ никого удерживать противъ воли; но что на посѣщеніе государственныхъ архивовъ, для извлеченія справокъ, его величество не изъявилъ соизволенія, такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностію начальства".

Въ іюнѣ 1835 г. Пушкинъ просилъ о дозволеніи отправиться на нѣсколько лѣтъ въ деревню. При этомъ онъ говорилъ, что ни у него, ни у жены его нѣтъ обезпеченнаго состоянія, и снова описывалъ затрудненія свои жить въ Петербургѣ. Государь повелѣлъ спросить его: хочетъ-ли онъ отставки?—потому что иначе нѣтъ возможности уволить его на столь продолжительный срокъ.

Пушкинъ отвѣчалъ: „Предаю совершенно судьбу мою въ царскую волю и желаю только, чтобъ рѣшеніе его величества не было для меня знакомъ немилости и чтобъ входъ въ архивы, когда обстоятельства позволятъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, не былъ мнѣ запрещенъ". Потомъ онъ представилъ изчисленіе долговъ своихъ и просилъ сдѣлать ему ссуду. На этотъ разъ маневръ его удался: 1-го августа 1835 г. государь уволилъ его въ отпускъ на 4 мѣсяца и пожаловалъ ему изъ государственнаго казначейства въ ссуду 30

тысячъ рублей, безъ процентовъ, съ тѣмъ, чтобы въ уплату этой суммы было удерживаемо производящееся ему жалованье.

Онъ не платилъ денегъ и по первому долгу, 20 тысячъ рублей, который съ сентября 1835 г., былъ разсроченъ ему еще на 4 года, безъ процентовъ же.

31-го декабря 1835 года Пушкинъ просилъ дозволенія издавать журналъ. „Я желалъ бы"—писалъ онъ—„въ слѣдующемъ 1836 году издать 4 тома статей чисто литературныхъ (какъ-то: повѣстей, стихотвореній etc.), историческихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, наподобіе англійскихъ трехъ-мѣсячныхъ Reviexs. Отказавшись отъ участія во всѣхъ нашихъ журналахъ, я лишился и своихъ доходовъ. Изданіе таковой Reviex доставило бы (мнѣ) вновь независимость, а вмѣстѣ и способъ продолжать труды, мною начатые. Это было бы для меня новымъ благодѣяніемъ государя".

Это было высочайше дозволено Пушкину, съ тѣмъ, чтобы періодическое изданіе проходило, по установленному порядку, черезъ цензурный комитетъ.

X.

По смерти Пушкина, въ февралѣ 1837 г. высочайше разрѣшено было издать „Современникъ", по прежнему плану, и въ этомъ году, въ пользу семейства поэта. Издателями были Жуковскій, кн. П. А. Вяземскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій и П. А. Плетневъ, редакторомъ А. А. Краевскій. Тогда же высочайше дозволено было издать, въ пользу дѣтей Пушкина, полное собраніе извѣстныхъ сочиненій его, въ стихахъ и прозѣ, съ тѣмъ, чтобы напечатаніе ихъ произведено было не иначе, какъ по надлежащемъ разсмотрѣніи ихъ цензурою, подъ особеннымъ наблюденіемъ министра народнаго просвѣщенія.

Въ уплату 30 т. р., при жизни Пушкина, удержано было изъ его жалованья 6,666 р. 67 к.; самъ же онъ ничего не уплатилъ ни по этому долгу, ни по долгу въ 20 т. р. Всего, въ день смерти, оставалось на немъ этихъ долговъ 43,333 р. 33 к. Весь этотъ долгъ, въ февралѣ же 1837 г., по ходатайству гр. Канкрина, всемилостивѣйше прощенъ. Сверхъ того, тогда же пожаловано было: 92,500 р. на уплату частныхъ долговъ и 50 т. р. на изданіе сочиненій его; вмѣстѣ съ симъ назначены: вдовѣ пенсія по 5 т. р., на воспитаніе каждому изъ 4-хъ дѣтей по 1,500 р. въ годъ, до поступленія сыновей въ Пажескій корпусъ, а дочерямъ—до замужества.

Рукописи Пушкина, съ 7-го по 28-ое февраля 1837-го года, были разсматриваемы на квартирѣ его, почти каждый день генераломъ Дубельтомъ и Жуковскимъ. Между бумагами его находи-

лись: книги и рукописи, относящіяся до исторіи Петра I и Пугачевскаго бунта; его выписки для исторіи Петра; манускриптъ руки Пушкина о Пугачевскомъ бунтѣ, въ 9-ти тетрадяхъ; 18 переплетенныхъ книгъ съ черновыми сочиненіями Пушкина; 6 тетрадей, въ листъ, съ прозаическими отрывками его; два манускрипта, писанные карандашемъ, его же; 3 тетради съ отрывками, въ стихахъ, его же; такіе же отрывки въ двухъ тетрадяхъ, въ четвертку и осьмушку; 9 пакетовъ разныхъ сочиненій его, на отдѣльныхъ листахъ; журналъ Пушкина; портфель съ разными черновыми бумагами его; письма родственниковъ, друзей и почти всѣхъ современныхъ писателей, даже недруговъ его, напримѣръ Булгарина, Греча и Шишкова, даже такихъ писателей, какъ графъ Хвостовъ, Шаликовъ, Александръ Орловъ; изъ иностранцевъ письма Мериме и барона Баранта.

Почти всѣ эти бумаги отданы были Жуковскому.

Опека, въ февралѣ 1837 г., учреждена была, подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Григорія Строганова, изъ гофмейстера графа Михаила Вielьгорскаго, тайнаго совѣтника Жуковскаго и статскаго совѣтника Наркиза Тарасенко-Отрѣшкова. Отъ продажи сочиненій Пушкина выручено 361,302 р. 14½ к.; на изданіе этихъ сочиненій употреблено 105,265 р. 93½ к.

Для дѣтей Пушкина куплено село Михайловское, за 20,825 руб.

Къ 1-му февраля 1846 г., въ теченіи 9-ти лѣтъ, денегъ у дѣтей его было наличными и стоимостью имѣнія всего 281,959 р. 18½ к.; независимо отъ этого, отдѣлено было вдовѣ, на ея законную часть, 60,010 р. 41½ к.

Вдова Пушкина вышла замужъ въ началѣ 1846 г., а февраля 1846 г. опека, принимая въ уваженіе, что село Михайловское, состоя изъ 76-ти душъ мужескаго пола, и весьма достаточно округленнаго количества земель, составляетъ наслѣдственное достояніе фамиліи Пушкина; что онъ лучшія свои творенія произвелъ въ имѣніи томъ; что, по желанію Пушкина, онъ и погребенъ въ сосѣднемъ съ тѣмъ селомъ монастырѣ, и что, наконецъ, оставленіе этого имѣнія въ родѣ Пушкина будетъ служить постояннымъ ознаменованіемъ всѣхъ щедротъ, излитыхъ государемъ императоромъ на дѣтей Пушкина, ходатайствовала объ обращеніи села Михайловскаго въ маіоратъ, въ пользу старшаго сына, Александра. Но государь призналъ невозможнымъ это сдѣлать, потому что означенное имѣніе не заключаетъ въ себѣ того числа душъ, которое по закону требуется при учрежденіи маіоратовъ.

Въ мартѣ 1846 г. графъ Строгановъ, по желанію его, уволенъ отъ званія опекуна.

прил. 2 к началу сем. 5 семин.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

I. [1])

Метрическая запись.—Дѣтство.—Тяжба.—Въ лицеѣ.—Первые шаги въ жизни.—Колосова.—Суевѣріе.—А. П. Кернъ.—Ссылка.

1799—1820.

Въ метрическихъ книгахъ московской Богоявленской церкви на Елоховѣ, за 1799 годъ, находится слѣдующая запись [2]):

«Мая 27-го, во дворѣ коллежскаго регистратора Ивана Васильева Шварцова, у жильца его маэора (sic) Сергія Львовича Пушкина родился сынъ Александръ и крещенъ 8-го іюня. Воспріемникъ былъ графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ; кума, мать означеннаго Сергія Пушкина, вдова Ольга Васильевна Пушкина».

Эта запись во всѣхъ пунктахъ противорѣчитъ свидѣтельству самого Пушкина, будто онъ родился 26-го мая въ день Вознесенія. Впослѣдствіи говорилъ онъ близкимъ ему лицамъ, что въ этотъ великій праздникъ съ нимъ совершались многія важныя событія во все продолженіе его жизни. Такъ, между прочимъ, въ день Вознесенія (15-го мая 1830 г.) онъ былъ помолвленъ съ Натальею Николаевною Гончаровой; вѣнчанъ съ нею (18-го февраля 1831 года) въ Москвѣ въ церкви Вознесенія, на Никитской. Онъ имѣлъ намѣреніе построить въ псковской своей деревнѣ церковь Вознесенія, особенно чествуя этотъ праздникъ. Александръ Юреевичъ Пушкинъ (въ статьѣ: «для

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г. томъ XXIV.

[2]) Эта выписка изъ метрическихъ книгъ Богоявленской церкви сообщена Серг. Ѳедор. Цвѣтковымъ, студентомъ московской духовной семинаріи.

1879, V

біографіи Пушкина» Москвитянинъ 1852 г. № 24, стр. 23) говоритъ, что Сергѣй Львовичъ, по переселеніи въ Москву, нанялъ домъ княженъ Щербатовыхъ, близь Нѣмецкой слободы, подлѣ самаго Яузскаго моста, не переѣзжая его къ Головинскому дворцу. Самъ Александръ Сергѣевичъ, проживая въ Москвѣ въ 1826 и 1827 годахъ, проѣзжая со знакомыми своими по Молчановкѣ, говорилъ, что родился на этой улицѣ, въ приходѣ Николы на Курьихъ-Ножкахъ, но дома указать не могъ. Домъ Шварцова (вѣроятно Шварца?), показанный въ записи метрической книги Богоявленской церкви на Елоховѣ, находился, по свидѣтельству старожиловъ, на углу Нѣмецкой улицы и Аптекарскаго переулка. Нынѣ, на мѣстѣ этого дома находятся дома, принадлежащіе купцамъ Щаповымъ и Макаровымъ.

Точное указаніе въ записи мѣста рожденія Пушкина искупаетъ ея погрѣшность въ опредѣленіи дня его рожденія. Причину этой погрѣшности легко объяснить тѣмъ, что Пушкинъ родился, быть можетъ, въ позднюю вечернюю пору, и молитва его родительницѣ была дана на слѣдующій день, т. е. въ пятницу, 27-го мая.

Родители поэта, Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна, занимая видное положеніе, любили свѣтъ и часто выѣзжали въ общество. Заботы о воспитаніи Александра въ его младенчествѣ прилагала его бабушка, Марья Алексѣевна Ганнибалъ, жившая въ домѣ у зятя. Изъ ея устъ младенецъ слышалъ первые разсказы о старинѣ и семейныя преданія о предкахъ поэта, любимцахъ Петра Великаго: о его арапѣ, Абрамѣ, и о Ржевскомъ, въ домѣ котораго часто бывалъ преобразователь. Та же бабушка выучила будущаго поэта русскому чтенію и письму. Няня Пушкина, Арина Родіоновна, впослѣдствіи воспѣтая своимъ питомцемъ и Языковымъ, была представительницею милаго, роднаго типа истинной русской няни, теперь уже вымершаго. Мастерица разсказывать сказки, хорошо знакомая со всѣми нашими народными повѣрьями, умѣвшая всегда кстати приправить бойкую рѣчь пословицами, Арина Родіоновна много способствовала развитію въ младенцѣ-Пушкинѣ его любви ко всему родному, той любви, которую не могло искоренить въ немъ дальнѣйшее воспитаніе на попеченіи учителей-иностранцевъ.

До семилѣтняго возраста, Пушкинъ, по свидѣтельству старшей его сестры, Ольги Сергѣевны (впослѣдствіи г-жи Павлищевой), былъ толстый, молчаливый и неповоротливый мальчикъ, предпочитавшій бесѣды съ бабушкой гулянью и бѣганью. Однажды Надежда Осиповна взяла его съ собою гулять. Не въ силахъ будучи поспѣвать за нею, ребенокъ отсталъ и усѣлся отдыхать посреди улицы. Замѣтивъ, что на него смотрятъ изъ оконъ сосѣдняго дома и смѣются, онъ под-

нялся и сказалъ: «ну, нечего скалить зубы!». На седьмомъ году въ немъ стали обнаруживаться признаки отрочества: рѣзвость и шаловливость, и въ это-же время съ рукъ бабушки и няни онъ перешелъ на попеченіе гувернеровъ и учителей. Законоучителемъ дѣтей Пушкиныхъ былъ извѣстный своими проповѣдями Александръ Ивановичъ Бѣликовъ [1]); онъ-же обучалъ исторіи, географіи и началамъ ариѳметики. Изъ иностранныхъ учителей, учительницъ, гувернеровъ и гувернантокъ, въ домѣ Пушкиныхъ, во время дѣтства Александра Сергѣевича, смѣнили другъ друга: неизбѣжная принадлежность барскаго дома начала XIX столѣтія, французскій эмигрантъ, графъ Монфоръ, музыкантъ и живописецъ; Руссело-поэтъ; нѣкто Шедель; за ними—г-жа Лоржъ, учительница нѣмецкаго языка, миссъ Белли—англійскаго и г. Шиллеръ—русскаго. Который-то изъ двухъ учителей-французовъ особенно запечатлѣлся въ памяти Пушкина и послужилъ ему впослѣдствіи типомъ для созданія дядьки-француза въ «Капитанской Дочкѣ». По причинѣ частой смѣны учителей, занятія дѣтей Сергѣя Львовича нарушались перерывами; при всемъ томъ Александръ Сергѣевичъ и сестра его отлично ознакомились съ французскимъ языкомъ. По отзывамъ графа Сен-При (Saint-Priest) слогъ французскихъ писемъ Пушкина сдѣлалъ-бы честь любимому французскому писателю. Съ итальянскимъ языкомъ будущій поэтъ освоился также еще въ дѣтствѣ; за то англійскимъ владѣлъ не совсѣмъ свободно, а нѣмецкаго не любилъ.

Посѣщеніе гостиныхъ князя Ив. Дм. Трубецкаго, графа Д. П. Бутурлина, Ник. Мих. Сушкова и нѣкоторыхъ другихъ, также танцовальныхъ вечеровъ Іогеля, должно было, по мнѣнію родителей Александра Сергѣевича, довершить его свѣтское образованіе.

Мальчикъ былъ остроуменъ и находчивъ. Такъ, однажды, Ив. Ив. Дмитріевъ, подшучивая надъ оригинальнымъ типомъ лица Пушкина и его кудрявыми волосами, сказалъ: «какой арабчикъ!»—За то не рябчикъ!—откликнулся десятилѣтній правнукъ Ганнибала. Рѳма удачная, сама по себѣ; но и отвѣтъ не менѣе находчивъ, если вспомнимъ, что Ив. Ив. Дмитріевъ былъ рябой.

Упомянувъ объ Ив. Ив. Дмитріевѣ, одномъ изъ тогдашнихъ корифеевъ отечественной словесности, мы должны замѣтить, что домъ Сергѣя Львовича посѣщали въ Москвѣ многія изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей. Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій и К. Н.

---

[1]) Впослѣдствіи былъ священникомъ Маріинскаго института и умеръ лѣтъ двадцать пять тому назадъ. Онъ перевелъ съ французскаго «Духъ Массильона» (1808 и 1822) и составилъ катихизисъ (1818). П. К.

Батюшковъ были связаны узами самой короткой пріязни какъ съ отцомъ будущаго поэта, такъ и съ его дядею, Васильемъ Львовичемъ, въ свое время довольно извѣстнымъ стихотворцемъ. Изъ прочихъ родственниковъ фамиліи Пушкиныхъ—Алексѣй Михайловичъ переводилъ Мольера, Александръ Юрьевичъ—писалъ стихи. Болѣе или менѣе звучный языкъ поэзіи коснулся слуха Пушкина еще въ его младенческихъ лѣтахъ; страсть къ чтенію и того болѣе способствовала развитію его поэтическаго дарованія. Библіотека его отца была составлена изъ лучшихъ произведеній преимущественно французской словесности, также и древнихъ классиковъ въ переводѣ на французскій языкъ. Пушкинъ-мальчикъ, кромѣ Корнеля, Расина, Мольера, «Генріады» Вольтера, и множества романовъ, прочелъ всего Плутарха, Иліаду и Одиссею въ переводѣ Битобэ. Развитію воображенія геніальнаго мальчика немало способствовали также домашніе спектакли, до которыхъ Сергѣй и Василій Львовичи были великіе охотники. Первыя попытки нашего великаго поэта въ стихосложеніи (на французскомъ языкѣ) были импровизаціи цѣлыхъ комедій, въ которыхъ онъ являлся и авторомъ, и актеромъ. Публикою была старшая его сестра Ольга Сергѣевна. Однажды она освистала комедію брата «Штукарь» (Escamoteur), однакоже юный авторъ не только не обидѣлся, но даже написалъ самъ на себя «эпиграмму». Въ то же время (по воспоминаніямъ Ольги Сергѣевны Павлищевой) онъ пробовалъ писать басни; десяти лѣтъ отъ роду, начитавшись «Генріады», написалъ цѣлую ирои-комическую поэму пѣсняхъ въ шести: «la Tolyade» (Толіада), героемъ которой былъ карликъ короля Дагобера, самый-же сюжетъ состоялъ въ битвѣ карликовъ съ карлицами. Гувернантка, перехвативъ тетрадку съ поэмою, передала ее гувернеру Шеделю, жалуясь, что Alexandre потому и уроковъ не знаетъ, что занимается подобнымъ вздоромъ. Шедель, прочитавъ первыя строки, расхохотался: обиженный десятилѣтній поэтъ расплакался и бросилъ свою поэму въ печь. По отзывамъ Ольги Сергѣевны, братъ ея особеннымъ прилежаніемъ не отличался: полагаясь на свою счастливую память, онъ никогда не затверживалъ уроковъ, а повторялъ ихъ за сестрою, когда ее спрашивали. Нерѣдко учитель спрашивалъ его перваго, и тѣмъ ставилъ въ тупикъ. Ариѳметика казалась ему недоступною, и онъ часто надъ первыми четырьмя правилами, особенно надъ дѣленіемъ, заливался горькими слезами.

Кругъ знаменитыхъ писателей въ домѣ отца, домашніе спектакли, пользованіе прекрасною библіотекою, все это были, конечно, благопріятныя условія для развитія зачатковъ поэзіи въ душѣ геніальнаго ребенка; но зачатки эти, безъ сомнѣнія, заглохли бы безъ соприкосно-

венія съ живою природою и ея красотами. Хотя Москва до пожара 1812 года отличалась патріархальною, такъ сказать, сельскою внѣшностью, все же она была «городомъ». Ея палисадники, сады и бульвары—болѣе произведенія искусства, нежели природы. Жизнь Пушкина въ городскихъ стѣнахъ отдаляла его отъ впечатлѣній родной природы до семилѣтняго возраста. Въ 1806 году, бабушка Марья Алексѣевна купила у генеральши Тиньковой небольшое подмосковное сельцо Захарово, куда семейство Пушкиныхъ, послѣ того, переѣзжало на лѣто.

О времени пребыванія въ Захаровѣ, въ памяти Пушкина сохранился анекдотъ, который онъ впослѣдствіи разсказывалъ Павлу Воиновичу Нащокину. Въ домѣ Пушкиныхъ, въ Захаровѣ, жила больная ихъ родственница, молодая помѣшанная дѣвушка. Полагая, что ее можно вылечить испугомъ, родные, проведя рукавъ пожарной трубы въ ея окно, хотѣли обдать ее внезапною душью. Она, дѣйствительно, испугалась и выбѣжала изъ своей комнаты. Въ это время Пушкинъ возвращался съ прогулки, изъ рощи.—Mon frère,—закричала помѣшанная,—on me prend pour un incendie! (Братецъ, меня принимаютъ за пожаръ!)

— Не за пожаръ, а за цвѣтокъ!—отвѣчалъ Пушкинъ.—Вѣдь и цвѣты въ саду поливаютъ изъ пожарной трубы.

Въ праздничные дни семейство Пушкиныхъ ѣздило къ обѣднѣ въ сосѣднее село Вязему, вотчину князей Голицыныхъ. Построеніе его церкви съ оригинальною колокольнею и большой прудъ относятся къ временамъ Бориса Годунова. Это имя, вмѣстѣ съ церковнымъ благовѣстомъ, запало въ память Пушкина еще въ дѣтствѣ.....

Въ 1811 году, поступленію Пушкина въ императорскій царскосельскій лицей предшествовало одно непріятное, семейное обстоятельство, которое нанесло существенный ущербъ и убыль родовому имѣнію Надежды Осиповны, тому самому «Михайловскому» (Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда), съ которымъ неразлучны воспоминанія о Пушкинѣ-изгнанникѣ. Вотъ два документа, относящіеся къ этому дѣлу [1]), по денежному взысканію роднаго дяди съ племянницы и невѣстки. Они знакомятъ насъ отчасти и съ характеромъ отца нашего великаго поэта.

Ордеръ правящему должность Псковскаго губернскаго прокурора.

Провіантскаго штата коммиссіонеръ 7-го класса, Сергѣй Пушкинъ, прислалъ ко мнѣ просьбу, въ которой объясняетъ, что по представленному ко

[1]) Сообщены редакціи «Русской Старины»—Г. К. Рѣпинскимъ, въ 1874 г.

взысканію отъ дяди жены его, Петра Ганнибала, заемному письму въ 3 т. рублей, данному отъ тестя просителева, по коему уже уплачено 2 т. рублей, Опочецкій уѣздный судъ описалъ все ихъ, Пушкиныхъ, имѣніе, состоящее въ 200 душахъ съ господскимъ домомъ и со всѣми усадьбами, оцѣнивъ годныхъ въ рекруты во 100 рублей, другихъ въ 75 и 40, а 45-ти-лѣтнимъ и никакой не положивъ цѣны,—я рекомендую вамъ доставить мнѣ немедленно обстоятельное о семъ дѣлѣ свѣдѣніе, между-же тѣмъ настоять, гдѣ слѣдуетъ, по должности вашей, чтобы женѣ просителя оказана была законная защита. (Подписано) Иванъ Дмитріевъ. Сентября 22-го дня 1811 года.

Министру юстиціи. Рапортъ съ донесеніемъ объ описи за долги Пушкиной имѣнія.

Во исполненіе предписанія вашего превосходительства минувшаго сентября 22-го числа, за № 5552, о доставленіи свѣдѣнія по настоянію моемъ по дѣлу, производящемуся въ Опочецкомъ уѣздномъ судѣ, провіантскаго штата 7-го класса коммисіонера Сергѣя Пушкина, о взысканіи дяди жены его, Петра Ганнибала, заемнымъ письмомъ денегъ, и объ описи уѣзднымъ судомъ всего ихъ, Пушкиныхъ, имѣнія. Изъ производящагося въ Опочецкомъ уѣздномъ судѣ дѣла явствуетъ, что при прошеніи отъ господина генералъ-маіора Петра Ганнибала представлены были два заемныя письма, данныя отъ покойнаго морской артиллеріи капитана Іосифа Ганнибала, 1-е въ 3000, а 2-е въ 845 рублей; — засимъ, за уплатою по послѣднему 600 рублей, достальныхъ 3245 руб. о взысканіи съ имѣнія покойнаго Іосифа Ганнибала, состоящаго въ Опочецкомъ уѣздѣ, въ сельцѣ Михайловскомъ съ деревнями; или съ его наслѣдницъ: жены покойнаго Іосифа Ганнибала, Марьи, и дочери, Надежды Пушкиной; почему и предписано отъ уѣзднаго—нижнему земскому суду указомъ, съ управляющаго имѣніемъ наслѣдницъ покойнаго Іосифа Ганнибала 3245-ти руб. съ рекамбіо и произвесть, взыскать и прислать въ тотъ судъ; а въ случаѣ несостоянія платежа, то описавъ на толикую сумму изъ недвижимаго ихъ имѣнія и учиня опись съ оцѣнкою, доставить въ тотъ судъ; по которому былъ отправивши земскаго суда членъ и, по пріѣздѣ на мѣсто поданнымъ на имя его управляющій вотчиною, поручикъ Игнатьевъ, объясненіемъ объявился, что отъ довѣрительницъ его, покойнаго Іосифа Ганнибала жены, Марьи, и дочери, Надежды Пушкиной, денегъ не имѣетъ и доходовъ съ той вотчины въ сборѣ не состоитъ, почему тѣмъ засѣдателемъ, при благородномъ свидѣтелѣ, прапорщикѣ Андреѣ Затепленскомъ, въ сельцѣ Михайловскомъ господскому имѣнію, дворовымъ людямъ и въ деревняхъ крестьянамъ, всего мужеска 23-мъ и женска 25-ти душамъ, помянутая опись и оцѣнка учинена; и все оное имѣніе оцѣнено въ 3242 руб. и въ уѣздный судъ доставлено; послѣ чего г-нъ генералъ-маіоръ Ганнибалъ, при прошеніи, представилъ присланное къ нему отъ племянницы его, Надежды, и мужа ея, Пушкина, письмо, коимъ просили его, Ганнибала, по

неимѣнію у нихъ въ наличности денегъ, потерпѣть короткое время; но онъ, Ганнибалъ, просилъ о взысканіи, по тѣмъ, представленнымъ отъ него, заемнымъ письмамъ, вышеозначенной суммы, которое дѣло въ минувшемъ сентябрѣ мѣсяцѣ 26-го числа рѣшено и тѣмъ судомъ опредѣлено, какъ изъ представленнаго въ тотъ судъ при прошеніи отъ г-на Ганнибала письма къ нему присланнаго явствуетъ, что къ заплаты (sic) денегъ въ наличности не имѣютъ, то о продажѣ съ публичнаго торга отъ него имѣнія въ Псковское губернское правленіе представить съ представленіемъ описи съ оцѣнкою, но по оному исполненія еще не учинено;—но господина-жъ Пушкина жалоба вашему превосходительству изъясненная вовсе справедливости не заслуживаетъ; поелику отъ него по тѣмъ частнымъ письмамъ платежа 2000 р. по дѣлу не видно; слѣдовательно не за 1000 р., а за 3245 руб. не 200 душъ описано, а 23—мужска и женска 25 душъ изъ имѣнія жены его въ сельцѣ Михайловскомъ, съ деревнями, землею и съ имуществомъ; уѣздному-же суду извѣщать Пушкиныхъ по сему дѣлу нужды не настояло, потому, какъ имѣя судъ въ виду, со стороны ихъ повѣреннаго и управляющаго ихъ вотчиною, поручика Игнатьева, а тѣмъ болѣе, что бывъ онѣ уже объ ономъ извѣстны, какъ видно изъ представленнаго отъ господина Ганнибала, писаннаго тѣми Пушкиными къ нему письма (что и видимо ихъ. Пушкиныхъ, одна клевета и напрасное затрудненіе начальства въ перепискахъ) [1]). О чемъ вашему превосходительству честь имѣю покорнѣйше донести. № 547. октября 13-го дня 1811 года.

Разсказъ о далеко не великодушномъ поступкѣ дѣдушки, Петра Абрамовича Ганнибала, конечно, надолго сохранился въ семействѣ Надежды Осиповны, и это семейное преданіе осталось небезъизвѣстно Пушкину. По выпускѣ изъ Лицея, ѣдучи въ Михайловское, онъ дружелюбно посѣтилъ двоюроднаго дѣда: дѣла старика были тогда очень разстроены, и онъ сильно «придерживался рюмочки.»

19-го октября 1811 года, Пушкинъ поступилъ въ Лицей, въ тотъ же день открытый императоромъ Александромъ I. Здѣсь двѣнадцатилѣтній юноша сблизился со своими сверстниками, изъ которыхъ почти всѣ пріобрѣли впослѣдствіи громкую, хотя и весьма разно, родную извѣстность. То были: князь А. М. Горчаковъ (нынѣ канцлеръ россійской имперіи), покойные: М. А. Корфъ, баронъ А. А. Дельвигъ, В. К. Кюхельбекеръ, И. И. Пущинъ, Корсаковъ, Данзасъ, Масловъ, Матюшкинъ и др., впослѣдствіи воспѣтые Пушкинымъ въ его «лицейскихъ годовщинахъ». Матеріалы для исторіи почти шестилѣтняго пребыванія Пушкина въ Лицеѣ (съ

[1]) Слова, замкнутыя въ скобкахъ, зачеркнуты въ черновомъ спискѣ. П. К.

19-го октября 1811 по 10-е іюня 1817 года) составляютъ чуть не цѣлую библіотечку.

«Безмятежно разцвѣталъ» поэтъ, но при какихъ великихъ міровыхъ событіяхъ! Громы Бородинской битвы, пожаръ Москвы, гибель Наполеоновскихъ полчищъ на снѣжныхъ поляхъ Россіи, въ ледяныхъ волнахъ Березины; борьба всей Европы съ ея «развѣнчаннымъ кумиромъ», трехсуточная битва подъ Лейпцигомъ; вступленіе Александра въ Парижъ; бой при Ватерлоо, заточеніе Наполеона на островъ св. Елены, Вѣнскій конгрессъ и перемежевка всей Европы колѣнопреклоненной предъ Александромъ... Всѣ эти событія юноша-поэтъ переживалъ пламенной душой.

Добрый товарищъ, Пушкинъ ладилъ со всѣми «однокашниками», но далеко не сочувственно относился къ начальству. Онъ воспѣлъ Куницына и холоднымъ молчаніемъ обошелъ Егора Антоновича Энгельгардта [1]), этого благороднаго, искренняго друга лицеистовъ, ихъ добраго педагога, въ стѣнахъ Лицея, постояннаго и заботливаго за нихъ ходатая, когда они разстались съ ихъ alma mater. Почему доброе, юношеское сердце Пушкина не лежало къ достойному любви и уваженія Энгельгардту? вопросъ невполнѣ еще разрѣшенный; но вотъ подлинный разсказъ самого покойнаго Егора Антоновича, объ одномъ эпизодѣ изъ жизни Пушкина, о которомъ донынѣ умалчиваютъ біографы нашего поэта [2]).

Въ недѣлю разъ, иногда и чаще, въ домѣ Егора Антоновича бывали вечернія собранія, на которыя, кромѣ своихъ родныхъ и знакомыхъ, директоръ Лицея приглашалъ воспитанниковъ. Послѣднимъ полнѣйшая свобода вмѣнялась въ непремѣнную обязанность, и для развлеченія къ ихъ услугамъ были всѣ возможныя удобства: книги, ноты, рисунки, краски, карандаши, музыкальные инструменты и т. д. Каждый забавлялся, чѣмъ ему было угодно. Помимо доставленія лицеистамъ самаго нравственнаго и назидательнаго развлеченія, Энгельгардтъ, приглашая ихъ на свои вечера, имѣлъ въ виду пріученіе молодыхъ людей къ хорошему обществу и обхожденію въ кругу

---

[1]) Родился въ Ригѣ 12-го августа 1775 г., скончался въ С.-Петербургѣ 15-го января 1862 г. Письма его къ В. К. Кюхельбекеру были напечатаны въ «Русской Старинѣ», изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 362 — 364, 365 — 368, 369—371, 372—374, 375—377.

[2]) Этотъ разсказъ, впрочемъ довольно странный, слышали мы отъ покойнаго Константина Андреевича Шторха, бывшаго лицеиста одного изъ первыхъ выпусковъ, послѣ Пушкина. Въ печати же—именно въ интересной монографіи В. П. Гаевскаго—отношенія Пушкина къ Энгельгардту разсказаны подробнѣе и проще, и, кажется, вѣрнѣе (напр. о племянницѣ Энгельгардта).

благовоспитанныхъ дамъ и дѣвицъ. Дельвигъ и Кюхельбекеръ были частыми посѣтителями вечеровъ Энгельгардта; Пушкинъ очень рѣдкимъ; наконецъ, года за два до выпуска, онъ и вовсе прекратилъ свои посѣщенія, предпочитая имъ гулянье по саду, или чтеніе. Это огорчало Егора Антоновича, какъ хозяина и какъ воспитателя. Какъ-то во время рекреацій, когда Пушкинъ сидѣлъ у своего пульта, Энгельгардтъ подошелъ къ нему и, со свойственною, всегдашнею ласкою, спросилъ Пушкина: за что онъ сердится? Юноша смутился и отвѣчалъ, что сердиться на директора не смѣетъ, не имѣетъ къ тому причинъ и т. д. «Такъ вы не любите меня»,—продолжалъ Энгельгардтъ, усаживаясь подлѣ Пушкина—и тутъ же, глубоко прочувствованнымъ голосомъ, безъ всякихъ упрековъ, высказалъ юному поэту всю странность его отчужденія отъ общества, въ которомъ онъ, по своимъ любезнымъ качествамъ, можетъ занимать одно изъ первыхъ мѣстъ. Пушкинъ слушалъ со вниманіемъ, хмуря брови, мѣняясь въ лицѣ; наконецъ, заплакалъ и кинулся на шею Энгельгардту.

— Я виноватъ въ томъ,—сказалъ онъ:—что до сихъ поръ не понималъ и не умѣлъ цѣнить васъ!

Добрый Энгельгардтъ самъ расплакался и, какъ юноша, радовался раскаянію Пушкина, его отреченію отъ напускной мизантропіи и былъ въ восторгѣ при мысли видѣть у себя въ скоромъ времени милаго гостя. Они разстались—довольные другъ другомъ: Энгельгардтъ вышелъ изъ класса, а Пушкинъ остался у пульта. Минутъ черезъ десять, Егоръ Антоновичъ вернулся къ нему, желая что-то сказать; но лишь-только вошелъ, Пушкинъ поспѣшно спряталъ какую-то бумагу подъ доску и, замѣтно, смѣшался.

— Вѣроятно, стишки?—шутливо спросилъ Энгельгардтъ.—Покажите, если не секретъ?

Пушкинъ, переминался, прикрывая доску рукою.

— Отъ друга таиться не слѣдуетъ...—продолжалъ Энгельгардтъ, тихонько подымая доску пульта и доставая изъ него листъ бумаги: на этомъ листѣ былъ нарисованъ его портретъ въ каррикатурѣ, и было набросано нѣсколько строкъ очень злой эпиграммы, почти пасквиля.

Спокойно отдавая Пушкину эту злую шалость его музы, Егоръ Антоновичъ сказалъ:

— Теперь понимаю, почему вы не желаете бывать у меня въ домѣ. Не знаю только, чѣмъ могъ я заслужить ваше нерасположеніе.

Поэтъ не принималъ участія и въ семейномъ праздникѣ у Энгельгардта, по случаю перваго выпуска воспитанниковъ императорскаго Лицея: актъ происходилъ 10-го іюня 1817 года, а на другой же день Пушкинъ мчался въ свое родное «Михайловское».

Первые три года по выпускѣ изъ Лицея были ознаменованы знакомствомъ Пушкина со многими изъ литераторовъ и изъ свѣтскихъ людей, нѣсколькими произведеніями, печатными и рукописными, обличавшими могучій талантъ будущаго свѣтила русской поэзіи,—и многими шалостями, навлекшими на него неудовольствія со стороны высшихъ властей. Самыми искренними доброжелателями Пушкина, при вступленіи его въ свѣтъ и на литературное поприще, принимавшими въ немъ живѣйшее, родственное участіе, были: Н. М. Карамзинъ, князь П. А. Вяземскій, В. А. Жуковскій, А. И. Тургеневъ, Н. И. Гнѣдичъ, А. Н. Оленинъ, Н. Н. Раевскій, Ѳ. Н. Глинка.... Почтенные члены литературнаго общества «Арзамасъ», несмотря на молодость Пушкина, приняли его въ свой кругъ, давъ прозвище «Сверчка». За остроуміе, любезность его любили многіе; нѣкоторые побаивались; приверженцы классицизма косились на «мальчика», въ которомъ угадывали будущаго преобразователя отечественной поэзіи. Онъ же, скрѣпя сердце, былъ принужденъ воскурять ѳиміамъ классикамъ, восхищаться произведеніями не только Ив. Ив. Дмитріева или Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, но даже и дядюшки, Василья Львовича. Театръ Пушкинъ любилъ страстно.....

Величавый геній Корнеля и нѣжная до приторности муза Расина не возбуждали въ Пушкинѣ того «обязательнаго» восторга, съ которымъ приверженцы классицизма привѣтствовали Сида, Федру, Эсѳирь, Гоѳолію. Восхищаясь игрою Семеновой, Пушкинъ былъ болѣе чѣмъ несправедливъ къ ея соперницѣ Александрѣ Михайловнѣ Колосовой (впослѣдствіи Каратыгиной). Дружба съ П. А. Катенинымъ, отдававшимъ должную справедливость высокому дарованію прекрасной артистки, не воспрепятствовала Пушкину въ минуту досады написать на Колосову слѣдующую эпиграмму:

Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири:
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ;
Голосъ нѣжный, взоръ любви....
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И широкая нога! [1])

[1]) Эти стихи донынѣ нигдѣ не были напечатаны. Мы записали ихъ со словъ самой Александры Михайловны Каратыгиной, сохранившей ихъ донынѣ въ своей прекрасной, неизмѣнной памяти. Разсказы о Пушкинѣ, безъ сомнѣнія, займутъ многія страницы въ воспоминаніяхъ нашей заслуженной артистки.

Впослѣдствіи, эти незаслуженныя колкости поэтъ искупилъ прелестными стихами, присланными Катенину изъ Кишинева («Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ»), своимъ незабвеннымъ для нашей заслуженной артистки знакомствомъ и самою милою пріязнью къ ней и ея высоко-талантливому супругу (покойному Василію Андреевичу Каратыгину). Вышеприведенные стихи относятся къ 1819—1820 годамъ.

Пушкинъ, какъ извѣстно, имѣлъ слабость къ картамъ, холостымъ пирушкамъ и былъ склоненъ къ расточительности, возраставшей соразмѣрно скупости его почтеннаго родителя. Самая расточительность сына была, можетъ быть, слѣдствіемъ скупости отца. Какъ-то гуляя со знакомыми на катерѣ, по Невѣ, и восхищаясь прозрачностью водной поверхности, Пушкинъ, при Сергѣѣ Львовичѣ, бросилъ въ Неву нѣсколько полуимперіаловъ, любуясь блескомъ золотыхъ монетъ, упадавшихъ въ глубину. Какую страшную пытку долженъ былъ вытерпѣть при этомъ его родной Гарпагонъ!... Съ годами, особенно послѣ женитьбы своей, поэтъ совершенно остепенился и безъ сожалѣнія разстался съ увлеченіями молодости. Изъ всѣхъ человѣческихъ слабостей, лишь одна была неразлучна съ его душою: слабость эта— суевѣріе. Было ли оно привито къ ней съ дѣтства, или развилось вслѣдствіе страсти къ картамъ, но Пушкинъ вѣрилъ во многія народныя примѣты и всегда робко обходилъ ихъ шутками, безпощадными ко многимъ другимъ, какъ бы неприкосновеннымъ предметамъ; питалъ особенное уваженіе къ изумрудному перстню, почитая его за талисманъ, съ которымъ не разстался и на смертномъ одрѣ. Въ «Евгеніи Онѣгинѣ» (характеристика Татьяны, ея сонъ), въ «Капитанской Дочкѣ» (сонъ героя романа, Гринева), въ «Мѣдномъ Всадникѣ», въ «Пиковой Дамѣ»—великій поэтъ ввелъ сверхъестественный элементъ съ видимымъ къ нему сочувствіемъ. Слѣдующій эпизодъ изъ его собственной жизни, впослѣдствіи разсказанный его братомъ, Львомъ Сергѣевичемъ, и А. Н. Вульфомъ [1]), служитъ подтвержденіемъ, что суевѣріе поэта не лишено было основанія.

Въ 1818 году, въ Петербургѣ, славилась умѣньемъ гадать на картахъ какая-то старуха-нѣмка, г-жа Кирхгофъ [2]). Заинтересованный разсказами о ея предсказаніяхъ, Пушкинъ съ Всеволожскимъ вздумалъ отправиться къ ворожеѣ. Когда они вошли къ ней, г-жа Кирхгофъ обратилась прямо къ Пушкину, говоря, что онъ человѣкъ

---

[1]) Разсказъ А. Н. Вульфа былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 582.

[2]) Въ самомъ имени гадальщицы было нѣчто зловѣщее; на нѣмецкомъ языкѣ Kirchhof—значитъ: кладбище. П. К.

замѣчательный, и, въ короткихъ словахъ, очень вѣрно разсказала ему его прошедшую жизнь; къ этому она прибавила: «сегодня вы будете имѣть разговоръ о службѣ и черезъ письмо получите неожиданныя деньги». Затѣмъ, какъ бы прозирая въ глубину будущаго, ворожея сказала: «Du wirdst zwei Mal verbannt sein; Du wirdst der Abgott deiner Nation werden; vielleicht wirdst Du sehr lange leben... Doch, in deinem 37 Jahre fürchte dich vor einem weissen Menschen, einem weissen Rosse, oder einem weissen Kopfe» [1]).

Первая, маловажная часть предсказанія сбылась въ тотъ же вечеръ: возвратясь домой, онъ нашелъ письмо съ деньгами отъ лицейскаго своего товарища Корсакова; это былъ карточный долгъ по давнему проигрышу. Черезъ нѣсколько дней, въ театрѣ, Пушкинъ встрѣтилъ А. Ѳ. Орлова, который убѣждалъ его не оставлять службы при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и не переходить въ гусары (о чемъ передъ этимъ у Пушкина была рѣчь съ П. Д. Киселевымъ); если же и поступить въ военную службу, то уже лучше въ конную гвардію. Предсказанія г-жи Кирхгофъ произвели на Пуш-

---

[1]) Переводъ: «Ты будешь два раза въ изгнаніи; сдѣлаешься кумиромъ своихъ соотечественниковъ; можетъ быть, проживешь долго... Однакоже на 37 году жизни берегись бѣлаго человѣка, бѣлаго коня, или бѣлой головы».

Къ этому преданію о гадальщицѣ Кирхгофъ не можемъ не присоединить разсказа, слышаннаго нами отъ одной (нынѣ умершей) близкой родственницы князя Шаховскаго. «Недѣли за двѣ до 14-го декабря 1825 года, у князя были въ гостяхъ графъ М. А. Милорадовичъ и А. И. Якубовичъ. Въ то же время къ князю пришла старушка-нѣмка, мастерица гадать въ карты. Сидя съ нами, дѣвицами, у чайнаго стола, она, по нашей просьбѣ, гадала, предсказывая каждой изъ насъ разныя разности. Нашъ говоръ привлекъ въ столовую графа Милорадовича. Онъ, шутя, припугнулъ ворожею, сказавъ, что ее вышлетъ съ жандармами изъ столицы; потомъ, попросилъ разложить ему карты, бросивъ ей на столъ 25-ти-рублевую ассигнацію. Гадальщица повиновалась и затѣмъ объявила, что не смѣетъ сказать графу его будущаго, изъ боязни его испугать. Это разсмѣшило его, и онъ настойчиво требовалъ отвѣта. Тогда ворожея попросила его выйдти съ нею въ другую комнату. Графъ исполнилъ ея желаніе: она что-то долго говорила ему и возвратилась къ намъ, видимо взволнованная. Немного погодя, въ столовую вошли графъ, Якубовичъ и князь Шаховской. По настоятельнымъ требованіямъ Якубовича, ворожея гадала и ему и точно также по секрету, въ сосѣдней комнатѣ, сказала Якубовичу, что ему вышло въ картахъ. Между тѣмъ, мы всѣ приступили къ графу, прося, чтобы онъ объявилъ намъ, что ему сказала ворожея. Онъ смѣясь сказалъ: «вообразите, mesdames, колдунья сказала мнѣ, что черезъ двѣ недѣли я буду убитъ!». Якубовичъ возвратился съ лицомъ мрачнѣе обыкновеннаго. Князь и графъ спросили, не предсказано-ли и ему что-нибудь подобное? «Еще хуже»,— отвѣчалъ Якубовичъ,—«но я никому этого не скажу».

кина глубокое впечатлѣніе, и онъ, впослѣдствіи, часто припоминалъ ихъ.

Въ 1819 году, въ Петербургъ пріѣхала, вмѣстѣ съ мужемъ и отцомъ, Анна Петровна Кернъ и была представлена родной своей теткѣ, Елисаветѣ Марковнѣ Олениной, гостиная которой, какъ извѣстно, была, по любезности хозяевъ и избранному кругу гостей — первою въ столицѣ [1]). Многіе аристократическіе дома, конечно, превосходили домъ Олениныхъ блескомъ и роскошью, но каждый изъ нихъ могъ позавидовать кругу знакомства, состоявшаго изъ представителей міра ученаго, литературнаго и художественнаго, соединенныхъ, какъ бы, въ одну дружную семью. «Алексѣй Николаевичъ Оленинъ»,—говоритъ нашъ заслуженный художникъ Ѳ. Г. Солнцевъ въ своихъ «воспоминаніяхъ» («Русская Старина» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 619—620), —«не любилъ садиться обѣдать безъ постороннихъ лицъ. Онъ былъ чрезвычайно общительный и гостепріимный человѣкъ. Гостей у него постоянно было очень много: художники, литераторы, офицеры Семеновскаго, Измайловскаго и Конногвардейскаго полковъ, разныя извѣстныя лица; наконецъ, чуть-ли не всѣ сколько-нибудь замѣчательные иностранцы, пріѣзжавшіе въ Петербургъ, непремѣнно бывали у Алексѣя Николаевича. О количествѣ гостей, посѣщавшихъ семейство Оленина, можно судить по тому, что на дачѣ Алексѣя Николаевича, Пріютино, за пороховыми заводами, находилось 17 коровъ, а сливокъ никогда недоставало. Гостить у Олениныхъ, особенно на дачѣ, было очень привольно.... Каждый могъ заниматься чѣмъ угодно. Какъ на дачѣ, такъ и въ Петербургѣ, игра въ карты у Олениныхъ никогда почти не устраивалась, развѣ въ какомъ-нибудь исключительномъ случаѣ; зато всегда, особенно при Алексѣѣ Николаевичѣ, велись очень оживительные разговоры. А. Н. Оленинъ никогда не просилъ гостей-художниковъ рисовать, а литераторовъ читать свои произведенія; какихъ-либо подарковъ или поднесеній ни отъ кого не принималъ. Несмотря на глубокую ученость Алексѣя Николаевича, при немъ всѣ держали себя свободно».....

Вотъ что́ разсказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Анна Петровна Кернъ [2]).

«Въ мой пріѣздъ въ Петербургъ, въ 1819 году, я встрѣтила Пушкина въ домѣ тетки моей Олениной. Отецъ меня представилъ Крылову, Гнѣдичу, и я видѣла Карамзина, съ его гордой, даже над-

---

[1]) Въ обширномъ собраніи П. А. Ефремова портретовъ русскихъ людей— есть интересный портретъ Е. М. Олениной.

[2]) «Русская Старина», 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 235.

менной супругой. Нѣкто сказалъ, когда вошли Карамзинъ и жена его въ залу, гдѣ разыгривались шарады: «oui, c'est là m-me Карамзинъ, on le voit à sa morgue! (Да, это точно г-жа Карамзина, это видно по ея горделивой осанкѣ). Больше я ихъ не видала; она была первою любовью Пушкина. Всѣ знаютъ, что онъ пожелалъ получить ея благословеніе передъ смертью. Я думаю, онъ никого истинно не любилъ, кромѣ няни своей и потомъ сестры.

«Я встрѣтила Пушкина и не замѣтила его: мое вниманіе было поглощено шарадами, которыя тогда разыгрывались, и въ которыхъ участвовали Крыловъ, Плещеевъ и другіе. Не помню, за какой-то фантъ, Крылова заставили прочитать одну изъ его басенъ. Онъ сѣлъ на стулъ по серединѣ залы; мы всѣ столпились вкругъ него, и я никогда не забуду, какъ онъ былъ хорошъ, читая своего «Осла»! И теперь еще мнѣ слышится его голосъ и видится его разумное лицо и комическое выраженіе, съ которымъ онъ произнесъ:

«Оселъ былъ самыхъ честныхъ правилъ!»

«Въ чаду такого очарованія мудрено было видѣть кого-бы то ни было, кромѣ виновника поэтическаго наслажденія, и вотъ почему я не замѣтила Пушкина. Но онъ вскорѣ далъ себя замѣтить. Во время дальнѣйшей игры, на мою долю выпала роль «Клеопатры», и, когда я держала корзинку съ цвѣтами, Пушкинъ, вмѣстѣ съ братомъ Ал. Полторацкимъ, подошелъ ко мнѣ, посмотрѣлъ на корзинку и, указывая на брата, сказалъ: Et c'est sans doute monsieur qui fera l'aspic? (А этотъ господинъ безъ сомнѣнія будетъ представлять аспида?) Я нашла это дерзкимъ, ничего не отвѣтила и ушла.

«Послѣ этого мы сѣли ужинать. У Олениныхъ ужинали на маленькихъ столикахъ, безъ церемоній и, разумѣется, «безъ чиновъ». Да и какіе могли быть чины тамъ, гдѣ просвѣщенный хозяинъ цѣнилъ и дорожилъ только науками и искусствами? За ужиномъ Пушкинъ усѣлся съ братомъ моимъ позади меня и старался обратить на себя мое вниманіе льстивыми возгласами, какъ напримѣръ: «Est-il permis d'être aussi jolie? (Позволительно-ли быть такой хорошенькой?) Потомъ завязался между ними шутливый разговоръ о томъ, кто грѣшникъ и кто нѣтъ; кто будетъ въ аду и кто попадетъ въ рай. Пушкинъ сказалъ брату:

«— Во всякомъ случаѣ, въ аду будетъ много хорошенькихъ, тамъ можно будетъ играть въ шарады. Спроси у m-me Кернъ, хотѣла-ли бы она попасть въ адъ?

«Я отвѣчала очень серьезно и нѣсколько сухо, что въ адъ не желаю.

«— Ну, какъ же теперь, Пушкинъ?—спросилъ братъ.

«— «Je me ravise (отдумалъ!)»,—отвѣтилъ поэтъ—«я въ адъ не хочу, хотя тамъ и будутъ хорошенькія женщины».

«Вскорѣ ужинъ кончился, и стали разъѣзжаться. Когда я уѣзжала и братъ сѣлъ со мной въ экипажъ, Пушкинъ стоялъ на крыльцѣ и провожалъ меня глазами...»

Послѣ этой первой встрѣчи прошло шесть лѣтъ. Анна Петровна увидѣла Пушкина вторично, въ Тригорскомъ, въ іюнѣ 1825 года.

Политическія движенія въ Европѣ: революціонное броженіе умовъ, карбонари въ Италіи, Союзъ Добродѣтели (Tugendbund) въ Германіи; возстанія въ Неаполѣ, въ Сардиніи, въ Испаніи; убіеніе Августа Коцебу Карломъ Лудвигомъ Зандомъ (23-го марта 1819 года)—измѣнили направленіе идей императора Александра I.... Откровенно высказывая политическія свои убѣжденія встрѣчному и поперечному, Пушкинъ имѣлъ неосторожность, на масляной 1820 года, показывать, въ театрѣ, знакомымъ своимъ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго [1]). Эта выходка разгнѣвала правительство и рѣшила судьбу поэта: признали необходимымъ его убрать. Приводимъ относящійся къ этому времени разсказъ Ѳ. Н. Глинки.

«Разъ утромъ выхожу я изъ своей квартиры (на Театральной площади) и вижу Пушкина, идущаго ко мнѣ на-встрѣчу. Онъ былъ, какъ и всегда, бодръ и свѣжъ; но обычная (по крайней мѣрѣ, при встрѣчѣ со мною) улыбка не играла на его лицѣ, и легкій оттѣнокъ блѣдности замѣчался на щекахъ.

«— Я къ вамъ.

«— А я отъ себя!

«И мы пошли вдоль площади. Пушкинъ заговорилъ первый.

«— Я шелъ къ вамъ посовѣтоваться. Вотъ видите: слухъ о моихъ и не моихъ (подъ моимъ именемъ) піэсахъ, разбѣжавшихся по рукамъ, дошелъ до правительства. Вчера, когда я возвратился поздно домой, мой старый дядька (Никита) объявилъ, что приходилъ въ квартиру какой-то неизвѣстный человѣкъ и давалъ ему пятьдесятъ рублей, прося дать ему почитать моихъ сочиненій и увѣряя, что скоро принесетъ ихъ назадъ. Но мой вѣрный старикъ не согласился, а я взялъ да и сжегъ всѣ мои бумаги.

---

[1]) Карлъ-Фердинандъ, герцогъ Беррійскій (duc de Berri), второй сынъ графа д'Артуа (впослѣдствіи Карла X) и принцессы Каролины неаполитанской, родился въ 1778 г., убитъ Лувелемъ (род. 1783), мастеровымъ сѣдельщикомъ, 2-го февраля 1820 г. Убійца былъ казненъ въ томъ-же году.

«При этомъ разсказѣ я тотчалъ узналъ Фогеля [1]) съ его продѣлками.

«Теперь,—продолжалъ Пушкинъ, немного озабоченный, — меня требуютъ къ Милорадовичу! Я знаю его по публикѣ, но не знаю, какъ и что будетъ и съ чего съ нимъ взяться?.. Вотъ я и шелъ посовѣтоваться съ вами.....

«Мы остановились и обсуждали дѣло со всѣхъ сторонъ. Въ заключеніе я сказалъ ему:

«Идите прямо къ Милорадовичу, не смущаясь и безъ всякаго опасенія. Онъ не поэтъ; но въ душѣ и рыцарскихъ его выходкахъ—у него много романтизма: его не понимаютъ [2])! Идите и положитесь безусловно на благородство его души: онъ не употребитъ во зло вашей довѣренности.

«Тутъ, еще поговоривъ немного, мы разстались: Пушкинъ пошелъ къ Милорадовичу, а мнѣ путь лежалъ въ другое мѣсто».

Часа черезъ три самъ графъ Милорадовичъ разсказалъ Ѳ. Н. Глинкѣ о свиданіи своемъ съ Пушкинымъ:

— Знаешь, душа моя, у меня сейчасъ былъ Пушкинъ. Мнѣ вѣдь велѣно взять его и забрать всѣ его бумаги; но я счелъ болѣе деликатнымъ пригласить его къ себѣ и ужъ отъ него самого вытребовать бумаги. Вотъ онъ и явился, очень спокоенъ, со свѣтлымъ лицемъ, и, когда я спросилъ о бумагахъ, онъ отвѣчалъ: «графъ, всѣ мои стихи сожжены; у меня ничего не найдется на квартирѣ! Но если вамъ угодно, все найдется здѣсь (указалъ пальцемъ на свой лобъ). Прикажите подать бумаги, я напишу все, что̀ когда-либо написано мною (разумѣется, кромѣ печатнаго) съ отмѣткою: что̀ мое и что̀ разошлось подъ моимъ именемъ». Подали бумаги. Пушкинъ сѣлъ и писалъ, писалъ... и написалъ цѣлую тетрадь.... Вотъ она, полюбуйся! Завтра я отвезу ее государю. А знаешь-ли? Пушкинъ плѣнилъ меня своимъ благороднымъ тономъ и манерою обхожденія.

До истребованія бумагъ отъ Пушкина и до доклада графа Милорадовича, участь поэта была предрѣшена: нѣкоторыя лица изъ приближенныхъ къ императору упомянули о ссылкѣ, или о заточеніи Пушкина въ Соловецкій монастырь... Смягченію участи его много способствовало, какъ увидимъ, ходатайство Е. А. Энгельгардта, Н. М. Карамзина, Н. И. Гнѣдича, А. Н. Оленина и П. Я. Чаадаева.

---

[1]) Извѣстный въ то время шпіонъ и сыщикъ, въ особенности по политическо-литературнымъ дѣламъ.

[2]) Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, въ чинѣ полковника гвардіи состоялъ по высочайшему повелѣнію при генералъ-губернаторѣ по особымъ порученіямъ.

Приводимъ разсказъ Ѳ. Н. Глинки со словъ графа Милорадовича о его докладѣ императору:

— Я вошелъ къ государю со своимъ сокровищемъ, подалъ ему тетрадь и сказалъ: «здѣсь все, что разбрелось въ публикѣ, но вамъ, государь, лучше этого не читать». Государь улыбнулся на мою заботливость. Потомъ я разсказалъ подробно, какъ у насъ дѣло было. Государь слушалъ внимательно и наконецъ спросилъ: «А что-же ты сдѣлалъ съ авторомъ?»—Я? Я объявилъ ему отъ имени вашего величества прощеніе!—Тутъ мнѣ показалось, что государь слегка нахмурился. Помолчавъ немного, съ живостью сказалъ: «не рано-ли?». Потомъ, еще подумавъ, прибавилъ: «ну, коли ужъ такъ, то мы распорядились иначе: снарядить Пушкина въ дорогу, выдать ему прогоны и, съ соотвѣтствующимъ чиномъ и съ соблюденіемъ возможной благовидности, отправить его на службу на югъ!»

Это рѣшеніе было однако-же еще неокончательное. Принимая въ Пушкинѣ участіе, какъ въ бывшемъ воспитанникѣ Лицея, императоръ пожелалъ посовѣтоваться съ Егоромъ Антоновичемъ Энгельгардтомъ. Встрѣтивъ его въ царскосельскомъ саду, государь пригласилъ его пройтись съ собою и, во время прогулки, сказалъ:

— Пушкина надобно сослать въ Сибирь. Онъ наводнилъ Россію возмутительными стихами; вся молодежь наизусть ихъ читаетъ. Мнѣ нравится откровенный его поступокъ съ Милорадовичемъ, но это не исправляетъ дѣла.

Въ отвѣтѣ Энгельгардта выразилось все благородство души этого рѣдкаго человѣка.

«Воля вашего величества; но вы мнѣ простите, если я позволю себѣ сказать слово за бывшаго моего воспитанника. Въ немъ развивается необыкновенный талантъ, который требуетъ пощады. Пушкинъ теперь уже краса современной нашей литературы, а впереди еще больше на него надежды. Ссылка можетъ губительно подѣйствовать на пылкій нравъ молодаго человѣка. Я думаю, что великодушіе ваше, государь, лучше вразумитъ его!»

Н. М. Карамзина о заступничествѣ просили самъ Пушкинъ и П. Я. Чаадаевъ. Первый, со слезами, разсказалъ свои обстоятельства, просилъ совѣта и помощи, покорно выслушалъ дружескіе упреки и наставленія. «Можете-ли вы, по крайней мѣрѣ»,—сказалъ ему Карамзинъ—«обѣщать мнѣ, что впродолженіе года не напишите ничего, противнаго правительству? Иначе я выйду лжецомъ, прося за васъ и говоря о вашемъ раскаяніи». Пушкинъ далъ слово. Карамзинъ просилъ императрицу Марію Ѳеодоровну о смягченіи участи юнаго поэта. П. Я. Чаадаевъ, кромѣ Карамзина, просилъ о пред-

стательствѣ у государя князя Васильчикова; Гнѣдичъ со слезами умолялъ Оленина о томъ-же... Удаленіе Пушкина въ южную Россію, сравнительно съ прежними намѣреніями высшей власти, могло считаться милостью.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, у Калинкина моста, въ домѣ Клокачева (впослѣдствіи, сенатора Трофимова). Изъ этого дома проводили Александра Сергѣевича до Царскаго села его лицейскіе товарищи, баронъ А. А. Дельвигъ и М. Л. Яковлевъ. Видъ на проѣздъ, выданный Пушкину вмѣстѣ съ прогонами изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, былъ помѣченъ 5-мъ числомъ мая 1820 года. Если поэтъ выѣхалъ на слѣдующій день, 6-го мая (что̀ почти несомнѣнно, такъ какъ онъ прибылъ въ Екатеринославъ 16-го или 17-го мая), то выходитъ, что выѣздъ Пушкина изъ Петербурга послѣдовалъ въ день Вознесенія, для него столь знаменательный.

К. П. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

allg. 3

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

II [1]).

Письма и его замѣтки.

1820—1824.

За весь періодъ времени 1820—1824 гг. Пушкинымъ написаны къ брату его, Льву Сергѣевичу, слѣдующія письма [2]):

Кишеневъ 24-го сентября 1820 года [3]).

Милый братъ, я виноватъ передъ твоею дружбою, постараюсь загладить вину мою длиннымъ письмомъ съ подробными разсказами. Начинаю съ яицъ Леды. Пріѣхавъ въ Екатеринославль, я соскучился, поѣхалъ кататься по Днѣпру, выкупался и схватилъ горячку по моему обыкновенью. Генералъ Раевской, который ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дочерьми, нашелъ меня въ жидовской хатѣ, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкою оледенѣлаго лимонада. Сынъ его

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 371—388.

[2]) Изъ собранія писемъ А. С. Пушкина къ его брату Льву неоднократно дѣлаемы были выдержки его біографами, поэтому нѣкоторыя письма почти на память знаютъ почитатели великаго поэта. Тѣмъ не менѣе, такъ какъ все собраніе этихъ писемъ было напечатано почти совершенно въ безвѣстномъ изданіи «Библіографическихъ записокъ» 1859 г., сверхъ того невполнѣ и крайне неисправно, то мы считаемъ полезнымъ воспроизвести ихъ съ дополненіями и поправками, тщательно провѣренными П. А. Ефремовымъ по списку, находящемуся въ его собраніи книгъ и рукописей.

[3]) Левъ Сергѣевичъ въ это время былъ еще въ пансіонѣ.

Ред.

1879, VIII.

(ты знаешь нашу тѣсную связь и важныя услуги для меня вѣчно незабвенныя), сынъ его предложилъ мнѣ путешествіе къ Кавказскимъ водамъ; лѣкарь, который съ ними ѣхалъ, обѣщалъ меня въ дорогѣ не уморить; Инзовъ благословилъ меня на щастливой путь—я легъ въ коляску больной; черезъ недѣлю вылѣчился. 2 мѣсяца жилъ я на Кавказѣ; воды мнѣ были очень нужны и чрезвычайно помогли, особенно сѣрныя горячія. Впроччемъ купался въ теплыхъ кисло-серныхъ, въ желѣзныхъ и въ кислыхъ холодныхъ. Всѣ эти цѣлебные ключи находятся не въ дальномъ разстояньи другъ отъ друга въ послѣднихъ отрасляхъ Кавказскихъ горъ. Жалѣю, мой другъ, что ты со мною вмѣстѣ не видалъ великолѣпную цѣпь этихъ горъ; ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными; жалѣю, что не всходилъ со мною на острый верхъ пятихолмнаго Бешту, Машука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной. Кавказскій край, знойная граница Азіи—любопытенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ Геніемъ. Дикіе Черкесы напуганы; древняя дерзость ихъ изчезаетъ. Дороги становятся часъ отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвои—излишними. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ Персіянами безопасною торговлею, не будетъ намъ преградою въ будущихъ войнахъ—и можетъ быть сбудется для насъ химерической планъ Наполеона въ разсужденіи завоеванія Индіи. Видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками; вѣчно верьхомъ; вѣчно готовы драться; въ вѣчной предосторожности! Ѣхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ ѣхали 60 казаковъ, за нами тащилась заряженая пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя Черкесы нынче довольно смирны, но не льзя на нихъ положиться; въ надеждѣ большаго выкупа—они готовы напасть на извѣстнаго Русскаго Генерала. И тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ, тамъ высокопревосходительный легко можетъ попасться на арканъ какого нибудь Чеченца. Ты понимаешь, какъ эта тѣнь опасности нравится мечтательному воображенію. Когда-нибудь прочту тебѣ мои замѣчанія объ Черноморскихъ и Донскихъ казакахъ—теперь тебѣ не скажу объ нихъ ни слова. Съ полуострова Таманя, древняго Тмутараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма. Моремъ пріѣхали мы въ Керчь. Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Пантикапеи, думалъ я—на нижней горѣ посереди кладбища увидѣлъ я груду камней, утесовъ грубовысѣченныхъ—замѣтилъ нѣсколько ступеней, дѣло рукъ человѣческихъ. Гробъ ли это,

древнее ли основаніе башни—не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ почти сравнившійся съ землею—вотъ все, что осталось отъ города Пантикапеи. Нѣтъ сомнѣнія, что много драгоцѣннаго скрывается подъ землею, насыпанной вѣками; какой-то Французъ присланъ изъ Петербурга для розысканій—но ему не достаетъ ни денегъ, ни сведеній, какъ у насъ обыкновенно водится. Изъ Керча пріѣхали мы въ Кефу, остановились у Броневскаго, человѣка почтеннаго по непорочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ—и подобно старику Виргилію, разводитъ садъ на берегу моря, не далеко отъ города. Виноградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не ученый человѣкъ, но имѣетъ большія сведенія объ Крымѣ, сторонѣ важной и запущеной. Отъсюда моремъ отправились мы мимо полуденныхъ береговъ Тавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написалъ я элегію [1]), которую тебѣ присылаю; отошли ее Гречу безъ подписи. Корабль плылъ передъ горами покрытыми тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали Татарскія селенія; онъ остановился въ виду Юрзуфа. Тамъ прожилъ я три недѣли. Мой другъ, щастливѣйшія минуты жизни моей провелъ я посереди семейства почтеннаго Раевскаго. Я не видѣлъ въ немъ Героя, славу Русскаго войска; я въ немъ любилъ человѣка съ яснымъ умомъ, съ простой, прекрасной душою; снисходительнаго, попечительнаго друга, всегда милаго, ласковаго хозяина. Свидѣтель Екатерининскаго вѣка, памятникъ 12 года, человѣкъ безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ и чувствительный, онъ невольно привяжетъ къ себѣ всякаго, кто только достоинъ понимать и цѣнить его высокія качества. Старшій сынъ его будетъ болѣе, нѣжели извѣстенъ. Всѣ его дочери—прелесть; старшая—женщина необыкновенная. Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался—щастливое полуденное небо; прелестный край; природа удовлетворяющая воображеніе, горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго. Будешь ли ты со мной? скоро ли соединимся? Теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи. Покрайнѣй мѣрѣ пиши ко мнѣ—благодарю тебя за стихи; болѣе благодарилъ бы тебя за прозу. Ради Бога, почитай поэзію - доброй, умной старушкою—къ которой можно иногда зайти, чтобъ забыть на минуту сплетни, газеты и хлопоты жизни, по-

[1]) Эта элегія: «Погасло дневное свѣтило».

веселиться ее милымъ болтаньемъ и сказками; но влюбиться въ нее безразсудно. Михайло Орловъ съ восторгомъ повторяетъ..... Русскимъ безвѣстную.....[1]) я также. Прости, мой другъ! обнимаю тебя. Увѣдомь меня объ нашихъ. Все ли еще они въ деревнѣ. Мнѣ деньги нужны, нужны! прости. Обними же за меня Кюхеб. (Кюхельбекера) и Дельв(ига)—Видишь ли ты иногда молодаго Молчанова? Пиши мнѣ обо всей братьи. Пушкинъ.

(Кишиневъ) 27-го іюня (1821 года).

Брату.—Здраствуй Левъ, не благодарю тебя за письмо твое, по тому что ты мнѣ дѣльнаго ничего не говоришь—я называю дѣльнымъ все, что касается до тебя. Пиши ко мнѣ покамѣсть я еще въ Кишеневѣ. Я тебѣ буду отвѣчать со всевозможной болтливостью, и пиши мнѣ по русски, потому что, слава Богу, съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду русскую Азбуку. Если ты въ родню, такъ ты литераторъ (сдѣлай милость не поэтъ): пиши же мнѣ объ новостяхъ нашей словесности; что такое сотвореніе міра Милонова? что дѣлаетъ Катенинъ? Онъ ли задавалъ вопросы Воейкову въ С. О. прошлаго года?[2]) кто на ны? «Черная шаль» тебѣ нравится—ты правъ, но ее чортъ знаетъ какъ напѣчатали. Кто ее такъ напѣчаталъ? пахнетъ Глинкой. Если ты его увидишь, обними его, братски, скажи ему, что онъ славная душа и что я люблю его, какъ должно. Вотъ еще важнѣе: постарайся свидиться съ Всеволожскимъ[3])—и возьми у него на мой щетъ число экземпляровъ моихъ сочиненій (буде они напечатаны), розданное моими друзьями—экземпляровъ(ъ) 30. Скажи ему, что я люблю его, что онъ забылъ меня, что я помню вечера его, любезность его, V. C. P. его, L. D. его[4]), Овошникову его[5]), Лампу его[6])—и все елико друга моего. Поцелуй, если увидишь, Юрьева

---

[1]) Пропуски въ рукописи.

[2]) «Сынъ Отечества» 1820 года, часть LXIV. Вопросы эти написаны были гвардейскимъ офицеромъ Дмитріемъ Петровичемъ Зыковымъ, по поводу «Руслана и Людмилы».

[3]) Никитою Всеволодовичемъ.

[4]) Буквы V. C. P.—Veuve Cliquot Pontchartrain, и буквы L. D.—марки винъ: первыя—шампанскаго-клико, вторыя—шато-икема. Столъ и превосходный погребъ Н. В. Всеволожскаго славились въ высшемъ кругу тогдашняго петербургскаго общества.

[5]) Кордебалетную танцовщицу.

[6]) Общество, собиравшееся у Н. В. Всеволожскаго, называлось обществомъ «Зеленой Лампы».

и Мансурова—пожелай здравія Калмыку [1])—и напиши мнѣ обо всемъ. Пришли мнѣ «Тавриду»—Боброва. Vale. Твой братъ А.

(Приписка): Сестрѣ.—Etes-vous de retour de votre voyage? avez-vous visité de nouveau les souterrains, les chateaux, les cascades de Narva? celà vous' a-t-il amusé? aimez-vous toujours vos promenades solitaires? quels sont vos chiens favoris? avez-vous oublié la mort tragique d'Omphale et de Bizarre? qu'est-ce qui vous amuse? Que lisez-vous? Avez-vous revu la voisine Anette Voulf? Montez-vous à cheval? quand revenez-vous à Petersbourg? que font les Korf? êtes-vous mariée? êtes vous prête à l'être? doutez-vous de mon amitié? bonjour, ma bonne amie [2]).

Въ сентябрѣ того же года Пушкинъ писалъ Н. И. Гречу:

Кишиневъ 21-го сентября (1821 года).

Извините, любезный нашъ Аристархъ, что опять безпокою васъ письмами и просьбами; сдѣлайте одолженіе—доставьте письмо здѣсь прилагаемое брату моему; молодой человѣкъ меня забылъ и не прислалъ мнѣ даже своего адреса.

Вчера видѣлъ я въ С. О. (Сынѣ Отечества) мое посланіе къ Чадаеву; ужъ эта мнѣ цензура! Жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится [3]): оно такъ хорошо выражаетъ нынѣшнее libéral; оно прямо Русское и вѣрно почтенный А. С. Шишковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ топталищемъ. Тамъ напечатано Глупца Философа; зачѣмъ глупца? Стихи относятся къ Американцу Толстому, который вовсе не глупецъ; но лишняя брань не бѣда. А скромное письмо мое на щетъ моего же письма—видно не лѣзетъ сквозь цензуру? Плохо.

---

[1]) Калмыкъ слуга Всеволожскаго. Онъ на вечерахъ «желалъ здравія» опьянѣвшимъ.

[2]) Переводъ. «Возвратилась ли ты изъ своего путешествія? посѣщала-ли опять нарвскіе подземелья, замки, водопады? позабавило ли это тебя? любишь ли ты по-прежнему свои уединенныя прогулки? какія у тебя любимыя собачки? помнишь ли трагическую смерть Омфалы и Бизара? чѣмъ забавляешься? что читаешь? видѣлась ли опять съ своей сосѣдкой Анетой Вульфъ? Ѣздишь ли верхомъ? когда возвратишься въ Петербургъ? что подѣлываютъ Корфы? не замужемъ ли ты? готова ли на это? Не сомнѣваешься ли въ моей дружбѣ? прощай, мой добрый другъ».

Нѣкоторые біографы, пользовавшіеся выписками изъ этихъ писемъ, ошибочно относятъ это письмо, писанное въ 1821 году—къ 1822 году.

[3]) Стихъ: «Вольнолюбивыя надежды оживимъ»—понынѣ не вошелъ въ это стихотвореніе и не напечатанъ даже въ послѣднемъ изданіи Псакова.

Дельвигу и Гнедичу пробовалъ я было писать—да они и въ усъ не дуютъ. Чтобъ это значило? Если просто забвенье, то я имъ не пѣняю: забвенье—естественный удѣлъ всякаго отсутствующаго; я бы и самъ ихъ забылъ, если бы жилъ съ Эпикурейцами, въ Эпикурейскомъ кабинетѣ и умѣлъ читать Гомера; но если они на меня сердятся, или разочли, что письмы ихъ мнѣ не нужны—такъ плохо.

Хотѣлъ—было я прислать вамъ Отрывокъ изъ моего Кавказскаго Плѣнника, да лѣнь переписывать, хотите ли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? длиною 800 стиховъ; стихъ шириною 4 стопы, разрѣзано на 2 пѣсни. Дешево отдамъ, чтобъ товаръ не залежался. Vale. Пушкинъ.

Кишиневъ 24-го генваря 1822 года.

[Брату].—Сперва хочу съ тобою побраниться; какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полу-русское, полу-французское письмо, ты не московская кузина. Во вторыхъ, письма твои слишкомъ коротки—ты или не хочешь или не можешь мнѣ говорить открыто обо всемъ—жалѣю; болтливость братской дружбы была бы мнѣ большимъ утѣшеніемъ. Представь себѣ, что до моей пустынѣ не доходитъ ни одинъ дружній голосъ—что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать элегическую мою мизантропію—и это состояніе несносно. Письмо—гдѣ говорилъ я тебѣ о Тавридѣ—не дошло до тебя – это меня бѣситъ—я давалъ тебѣ нѣсколько препорученій самыхъ важныхъ въ отношеніи ко мнѣ. Чортъ съ ними; постараюсь самъ быть у васъ на нѣсколько дней—тогда дѣла пойдутъ иначе. Ты говоришь что Гнѣдичъ на меня сердитъ, онъ правъ – я бы долженъ былъ къ нему прибѣгнуть съ моей новой поэмой—но у меня шла голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія; Гречу должно было писать—и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему «Плѣнника». Къ тому же ни Гнѣдичъ со мной, ни я съ Гнѣдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать свою выгоду; а съ Гречемъ я сталъ бы безсовѣстно торговаться, какъ со всякимъ брадатымъ цѣнителемъ книжнаго ума. Спроси у Дельвига, здоровъ ли онъ, все ли, слава Богу, пьетъ и кушаетъ—каково нашелъ мои стихи къ нему и пр. О прочихъ дошли до меня темныя извѣстія. Посылаю тебѣ мои стихи, напѣчатай ихъ въ «Сынѣ» (безъ подписи и безъ ошибокъ). Если хочешь, вотъ тебѣ еще эпиграмма, которую ради Христа не разпускай, въ ней каждой стихъ—правда.

Иной имѣлъ мою Аглаю
За свой мундиръ и черный усъ,

Другой за деньги; понимаю.
Другой за то, что былъ Французъ;
Клеонъ—умомъ ее страшая,
Дамисъ—за то, что нѣжно пѣлъ:
Скажи теперь, моя Аглая,
За что твой мужъ тебя имѣлъ?

Хочешь еще? На Каченовскаго:

Клеветникъ безъ дарованья,
Палокъ ищетъ онъ чутьемъ,
А дневнаго пропитанья
Ежемѣсячнымъ враньемъ.

Покушай, пожалуйста. Прощай, Фока, обнимаю тебя. Твой другъ Демьянъ.

Кишиневъ 21-го іюля.

[Брату].—Ты на меня дуешься, милый; не хорошо. Пиши мнѣ пожалуйста и какъ тебѣ угодно; хоть на шести языкахъ, ни слова тебѣ не скажу—мнѣ безъ тебя скучно.—Что ты дѣлаешь? въ службѣ ли ты? пора, ей Богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери—если упустишь время, послѣ будешь тужить—въ русской службѣ должно непремѣнно быть въ 26 лѣтъ полковникомъ, если хочешь быть чѣмъ нибудь когда нибудь; слѣдственно разочти—тебѣ скажутъ: учись, служба не пропадетъ. А я тебѣ говорю: служи—ученіе не пропадетъ. Конечно, я не хочу, чтобъ ты былъ такой же невѣжда, какъ В. И. Козловъ, да ты и самъ не захочешь. Чтеніе—вотъ лучшее ученіе.—Знаю, что теперь не то у тебя на умѣ, но все къ лучшему.

Скажи мнѣ—выросъ ли ты? я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человѣкомъ; скажи, съ кѣмъ изъ моихъ пріятелей ты знакомъ болѣе? что ты дѣлаешь, что пишешь? Если увидишь Катенина, увѣрь его ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чедаеву нѣтъ ни одного слова объ немъ; вообрази, что онъ принялъ на себя стихъ: И сплетней разбирать игривую затѣю; я получилъ отъ него полу-кислое письмо; онъ жалуется, что писемъ отъ меня не получилъ; не моя вина. Пиши мнѣ новости литературныя; что мой «Русланъ»? [1]) не продается? не запретила ли его цензура? дай знать. Если же Сленинъ купилъ его, то гдѣ же деньги? а мнѣ въ нихъ нужда. Каково идетъ изданіе Бестужева? [2]) читалъ ли ты мои стихи

[1]) «Русланъ и Людмила» былъ изданъ въ отсутствіе Пушкина. Разрѣшеніе цензора И. Тимковскаго дано было 15-го мая 1820 года.

[2]) Говорится о приготовлявшейся въ печати «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г.

ему посланные? что «Плѣнникъ»? радость моя, хочется мнѣ съ вами увидѣться; мнѣ въ П. Б. дѣла есть. Не знаю, буду ли къ вамъ, а постараюсь. Мнѣ писали, что Батюшковъ помѣшался: быть не льзя; уничтожь это вранье. Что Жуковскій и зачѣмъ онъ ко мнѣ не пишетъ. Бываешь ли ты у Карамзина? отвѣчай мнѣ на всѣ вопросы, если можешь—и поскорѣе. Пригласи также Дельвига и Баратынскаго. Что Вильгельмъ? [1]) есть ли объ немъ извѣстія? прощай.

Отцу пишу въ деревню.

(Приписка къ сестрѣ). Ma bonne et chère amie, je n'ai pas besion de vos lettres pour me rassurer sur votre amitié, mais elles me sont uniquement nécessaires comme quelque chose qui vient de vous. Je vous embrasse et je vous aime—amusez-vous et mariez-vous. [2])

(Изъ Кишинева 1822).

На прошедшей почтѣ—(виновать: съ Долгорукимъ)—я писалъ къ отцу, а къ тебѣ не успѣлъ, а нужно съ тобою потолковать кой о чемъ—во первыхъ о службѣ. Еслибъ ты пошелъ въ военную—вотъ мой планъ, который предлагаю тебѣ на разсмотрѣніе. Въ Гвардію тебѣ не за чѣмъ; служить 4 года юнкеромъ вовсе не забавно. Къ тому же тебѣ нужно, чтобъ о тебѣ немножко позабыли. Ты бы опредѣлился въ какой нибудь полкъ корпуса Раевскаго—скоро былъ бы ты офицеромъ, а потомъ тебя перевели бы въ Гвардію—Раевской или Киселевъ—оба не откажутъ. Подумай объ этомъ, да пожалуйста не слегка, дѣло идетъ о жизни.—Теперь, моя радость, поговорю о себѣ—явись отъ меня къ Никитѣ Всеволож(с)кому—и скажи ему, чтобъ онъ, ради христа, погодилъ продавать мои стихотворенія до будущаго года.—Если же они проданы, явись съ той же просьбой къ покупщику. Вѣтренность моя и вѣтренность моихъ товарищей надѣла(ла) мнѣ бѣды. Около 40 билетовъ розданы—само по себѣ разумѣется, что за нихъ я буду долженъ заплатить. Въ посланіи къ Ов. (Овидію) перемѣни такимъ образомъ:

---

[1]) Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ. Тогда онъ находился въ Тифлисѣ и состоялъ на службѣ при канцеляріи А. П. Ермолова (см. «Русская Старина», изд. 1875 г., томъ XIII, стр. 343).

[2]) Переводъ. «Добрый и милый другъ мой, мнѣ нѣтъ надобности въ твоихъ письмахъ, чтобъ быть увѣреннымъ въ дружбѣ твоей, но они нужны мнѣ единственно какъ вещь, отъ тебя присланная. Обнимаю тебя и люблю. Веселись и выходи за мужъ».

Ты самъ дивись Назонъ, дивись, судьбѣ превратной,
Ты, съ юныхъ дней презрѣвъ волненье жизни ратной,
Привыкнувъ... И проч.

Къ стати о стихахъ: то, что я читалъ изъ Ш. Уз. (Шильонскаго Узника) прелесть. Съ нетерпѣніемъ ожидаю успѣха Орлеанской Ц. Но, актеры, актеры! 5 стоп(ные) стихи безъ риѳмъ требуютъ совершенно новой декламаціи. Слышу отсюда драммо-торжественный ревъ Глухо-рёва. Трагедія будетъ сыграна тономъ Смерти Роллы. Что сдѣлаетъ великолѣпная Семенова, окруженная такъ, какъ она окружена? Господь защити и помилуй — но боюсь.—Не забудь увѣдомить меня объ этомъ и возьми у Жуковскаго билетъ для 1-го представленія на мое имя. Читалъ стихи и прозу Кюхельбекера. Что за чудакъ! Только въ его голову могла войти жидовская мысль воспѣвать Грецію, великолѣпную, классическую, поэтическую Грецію, Грецію, гдѣ все дышетъ Миѳологіей и Героизмомъ—славяно-русскими стихами, цѣликомъ взятыми изъ Іеремія [1]). Что бы сказалъ Гомеръ и Пиндаръ—но что говорятъ Дельвигъ и Баратынскій? Ода къ Ерм(ѳлову) лучше, но стихъ: «такъ пѣлъ въ Суворова влюбленъ Державинъ.....» слишкомъ уже Греческой. Стихи къ Грибоѣдову достойны поэта, нѣкогда написавшаго: «страхъ при звонѣ мѣди заставляетъ народъ устрашенный толпами стремиться въ храмъ священный.—Зри, Боже! число великій унылыхъ тебя просящихъ сохранить имъ—цѣль(ъ) трудъ многимъ людямъ принадлежащій» [2]) и проч. Справься объ этихъ стихахъ у Б. Дельв(ига). Батюшковъ правъ, что сердится на Плетнева; на его мѣстѣ я бы съ ума сошелъ со злости. «Б. изъ Рима» не имѣетъ человѣческаго смысла, даромъ что новость на Олимпѣ мила [3]). Вообще мнѣніе мое, что Плетневу приличнѣе проза нѣжели стихи—онъ не имѣетъ никакого чувства, никакой живости—слогъ его блѣденъ, какъ мертвецъ. Кланяйся ему отъ меня (т. е. Плетневу, а не его слогу) и увѣрь его, что онъ нашъ Гёте. П.

---

[1]) «Олимпійскія игры», стихотв. Кюхельбекера, были написаны въ Тифлисѣ, въ 1822 г., а напечатаны впослѣдствіи въ «Мнемозинѣ» 1825 г., часть IV, стр. 96.

[2]) Нѣчто подобное было напечатано въ «Сынѣ Отечества» 1823 г. (часть LXXXIV, стр. 128).

[3]) Въ «Сынѣ Отечества» 1821 г. (№ VIII) было напечатано стихотвореніе П. А. Плетнева «Батюшковъ изъ Рима», въ которомъ говорилось, что поэтъ вдали отъ родины и друзей утратилъ вдохновеніе. Тогда у Батюшкова уже обнаруживались признаки душевнаго его недуга (письма Батюшкова къ Гнѣдичу были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 559—564; изд. 1871 г., томъ III, стр. 208—236. Письмо съ протестомъ Б. противъ Плетнева, находящееся у насъ, будетъ также напечатано въ продолженіи переписки Батюшкова).

Mon père a eu une idée lumineuse—c'est celle de m'envoyer des habit—rappelez la lui de ma part [1]).

Еще слово—скажи Сленину, чтобъ онъ мнѣ присылалъ сукина Сына Отечества 2-ю половину года. Можетъ вычесть что стоитъ изъ своего долга.

Милый мой—у васъ пишутъ—что лучь денницы проникалъ въ полдень въ темницу Хмѣльницкаго [2]). Это не Хвостовъ написалъ—вотъ что меня огорчило—что дѣлаетъ Дельвигъ? чего онъ смотритъ?

Нескромность Льва Сергѣевича поставила Пушкина въ весьма щекотливое положеніе передъ П. А. Плетневымъ: содержаніе письма сдѣлалось ему извѣстнымъ, и онъ написалъ къ Пушкину посланіе. Вотъ что́ писалъ Пушкинъ брату:

6-го октября 1822 года.

Еслибъ ты былъ у меня подъ рукой, моя прелесть, то я бы тебѣ уши выдралъ. За чемъ ты показалъ Плетневу письмо мое? Въ дружескомъ обращеніи я предаюсь рѣзкимъ и необдуманнымъ сужденіямъ; они должны оставаться между нами. Вся моя ссора съ Толстымъ [3]) происходитъ отъ нескромности К. Шаховскаго. Впрочемъ посланіе Плетнева, можетъ быть первая его піэса, которая вырвалась отъ полноты чувства; она блещетъ красотами истинными. Онъ умѣлъ воспользоваться своимъ выгоднымъ противъ меня положеніемъ; тонъ его смѣлъ и благороденъ..... [4]) на будущей почтѣ отвѣчу ему.

---

[1]) У отца блестящая мысль—прислать мнѣ платье; напомни ему о ней отъ меня.

[2]) Дума К. Ѳ. Рылѣева, напечатанная въ «Сынѣ Отечества» 1822 г., № 23, стр. 130:

Средь мрачной и сырой темницы,
Куда украдкой проникалъ,
Скользя по сводамъ, лучъ денницы
И ужасъ мѣста озарялъ.

См. «Русская Старина» 1872 г., изданіе второе, томъ V, стр. 277—279.

[3]) Графъ Ѳ. И. Толстой, прозванный «американцемъ». Ссора Пушкина едва не довела его до дуэли. Готовясь къ ней, онъ былъ убѣжденъ, что останется живъ. «Толстой черноволосый—говорилъ онъ—а ворожея сказала, что мнѣ грозитъ опасность отъ бѣлокураго». Въ «Русской Старинѣ» была напечатана замѣтка о гр. Ѳ. П. Толстомъ и нѣкоторыя на нее опроверженія; изд. 1878 г., томъ XXII, стр. 334—336; томъ XXIII, стр. 718.

[4]) Въ подлинникѣ нѣсколько словъ оторвано.

Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой «Плѣнникъ»? a-t-il produit du scandale, пишетъ мнѣ Orlof,—voilà l'essentiel [1]). Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характера «Плѣнника»; онъ для нихъ созданъ, душа моя; я журналовъ не получаю, такъ потрудись, напиши мнѣ ихъ толки—не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей.

Я карабкаюсь и можетъ быть явлюсь у васъ. Но не преждѣ будущаго года быть мнѣ, на мѣстѣ; Жуковс(кому) я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ; Министру я писалъ – онъ и въ усъ не дуетъ. О други, Августу мольбы мои несите [2]), но Августъ смотритъ Сентябремъ! Къ стати: получено ли мое посланіе къ Овидію? будетъ ли напѣчатано? что Бестужевъ? жду календаря его [3]). Я бы тебѣ и послалъ новые стихи, да лѣнь. Прощай, милый А. П.—Кишиневъ.

Другъ мой, попроси И. В. Сленина—чтобъ онъ за вычетомъ остальнаго долга, прислалъ мнѣ 2 экз. Людмилы, 2 экз. Плѣнника, одинъ Шильонскаго узника, книгу Греча – и Цертелева древнія стихотворенія—поклонись ему отъ меня.

Пушкинъ журилъ брата за его привычку пестрить свои посланія французскими фразами, между тѣмъ самъ писалъ своей сестрѣ постоянно по-французски, точно такъ же, какъ и слѣдующее письмо къ брату, заключающее наставленія молодому человѣку на порогѣ свѣта, въ который тотъ готовился вступить [4]).

(Брату).—Vous êtes dans l'âge où l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me parait préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va decider pour longtems de votre réputation et peut-être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable: vous n'en rabattrez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre coeur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible. C'est le moyen de se tenir en garde contre les petits préjugés et les petites passions, qui vont vous froisser à votre entrée dans le monde.

---

[1]) Надѣлалъ ли онъ скандала—это самое главное!

[2]) Изъ «Посланія къ Овидію» (см. сочиненія А. С. Пушкина, изданіе Анненкова, 1855 года, томъ II, стр. 301—304).

[3]) Альманахъ: «Полярная Звѣзда»—на 1823 годъ.

[4]) При переводѣ мы старались сохранить сжатость слога подлинника, придерживаясь, по возможности, равносильныхъ русскихъ выраженій. Этого мы не замѣтили въ отрывкахъ, напечатанныхъ въ новѣйшихъ біографіяхъ Пушкина.

Soyez froid avec tout le monde: la familiarité nuit toujours; mais surtout gardez-vous de vous y abandonner avec vos supérieurs, quelques soient leurs avances. Ceux-ci vous dépassent bien vite et sont bien aise de vous avilir au moment où l'on s'y attend le moins.

Point de petits soins, défiez-vous de la bienveillance dont vous pouvez être susceptible: les hommes ne la comprennent pas et la prennent volontiers pour de la bassesse, toujours charmés de juger des autres par eux mêmes.

N'acceptez jamais de bienfaits. Un bienfait pour la pluspart des tous est une perfidie.—Point de protection, car elle asservie et dégrade.

J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ses plus douces illusions. Ce que j'ai à vous dire à l'égard des femmes serait parfaitement inutile. Je vous observerai seulement, que moins on aime une femme et plus on est sûr de l'avoir. Mais cette jouissance est digne d'un vieux sapajou du 18 siècle. A l'égard de celle que vous aimerez je souhaite de tout mon coeur que vous l'ayez.

N'oubliez jamais l'offence volontaire; peu ou point de paroles et ne vengez jamais l'injure par l'injure.

Si l'état de votre fortune ou bien les circonstances ne vous permetteront pas de briller ne tâchez pas de pailler vos privations, affectez plutôt l'excès contraire: le cynisme dans son âpreté en impose à la frivolité de l'opinion, au lieu que les petites friponeries de la vanité vous rendent ridicules et méprisables.

N'empruntez jamais, souffrez plûtôt la misère: croyez, qu'elle n'est pas aussi terrible qu'on se la peint et surtout que la certitude ou l'on peut se voir d'être malhonnête ou d'être pris pour tel. Ces principes que je vous propose, je les dois à une douloureuse expérience. Puissiez-vous les adopter sans jamais y être cotraint. Ils peuvent vous sauver des jours d'angoisse et de rage. Un jour vous entendrez ma confession; elle pourra couter à ma vanité, mais ce n'est pas ce qui m' arreterait lorsqu'il s'agit de l'interêt de votre vie.

Переводъ. «Ты въ тѣхъ лѣтахъ, когда должно думать о предстоящемъ поприщѣ; я объяснилъ тебѣ причины, по которымъ военное кажется мнѣ предпочтительнѣе прочихъ. Во всякомъ случаѣ, твое поведеніе должно надолго опредѣлить твою репутацію и, можетъ быть, счастіе.

Ты будешь имѣть дѣло съ людьми, которыхъ еще не знаешь. Начинай всегда съ того, чтобы думать о нихъ какъ можно хуже: немногимъ ошибешься.. Не суди о нихъ по своему сердцу, которое считаю благороднымъ и добрымъ и которое, вдобавокъ, еще и молодо; презирай ихъ самымъ вѣжливѣйшимъ образомъ. Это средство предохраняетъ отъ маленькихъ предразсудковъ и страстишекъ, съ которыми столкнешься при своемъ вступленіи въ свѣтъ.

Будь холоденъ со всѣми: фамильярность всегда вредитъ; особенно же остерегайся отъ подобнаго обхожденія съ высшими, какъ бы они тебя къ тому ни вызывали. Они очень скоро превзойдутъ тебя и будутъ очень рады унизить тебя, когда этого всего меньше ожидаешь.

Никогда, никакой угодливости; чуждайся уступчивости, на которую можешь быть способенъ: люди ея не понимаютъ и весьма охотно сочтутъ за низость, всегда довольные случаемъ судить о другихъ по самимъ себѣ.

Никогда не принимай благодѣяній. Благодѣяніе, въ большинствѣ случаевъ, коварство.—Избѣгай покровительства, ибо оно подчиняетъ и унижаетъ.

Хотѣлъ бы я предостеречь тебя отъ обольщеній дружбы, но у меня не хватаетъ духу черствить твою душу въ пору ея сладчайшихъ мечтаній. Все, что я могъ бы сказать тебѣ относительно женщинъ, было бы совершенно безполезно. Замѣчу только, что чѣмъ менѣе любятъ женщину, тѣмъ вѣрнѣе обладаніе ею. Но такое наслажденіе прилично старой обезьянѣ 18-го вѣка. Относительно той, которую полюбишь, желаю тебѣ, отъ всего сердца, обладать ею.

Никогда не забывай обиды умышленной; поменьше словъ, или вовсе безъ нихъ, и никогда не мсти оскорбленіемъ за оскорбленіе.

Если состояніе, или обстоятельства твои не позволятъ тебѣ блистать, не старайся скрывать своихъ лишеній, обнаруживай лучше другую крайность: цинизмъ суровостью своею дѣйствуетъ внушительно на легкомысленность мнѣнія, тогда какъ маленькія плутни тщеславія сдѣлаютъ тебя смѣшнымъ и презрѣннымъ.

Никогда не бери взаймы, терпи лучше нужду: повѣрь, что она вовсе не такъ ужасна, какой ее изображаютъ, особенно въ сравненіи съ увѣренностью въ возможности видѣть себя безчестнымъ, или быть принятымъ за безчестнаго. Эти правила, предлагаемыя тебѣ мною, почерпнуты изъ собственнаго тяжкаго опыта. Желаю, чтобы ты принялъ ихъ, безъ понужденія къ тому когда-либо. Они могутъ избавить тебя отъ дней мученій и бѣшенства. Когда-нибудь ты услышишь мою исповѣдь; недешево она обойдется моему самолюбію, но это не остановитъ меня, если дѣло коснется счастія твоей жизни.

(Кишиневъ. Зима 1823 года).

Душа моя, какъ перевести по Руски: bévues?—должно бы издавать у насъ журналъ: Révue des Bévues [1])—мы помѣстили бы тамъ выписки изъ критикъ Воейкова, полудневную денницу Рылѣева, его же Гербъ Россійской на вратахъ Византійскихъ [2]) (во время Олега, Герба Рускаго не было—а двуглавый орелъ есть Гербъ Византійской и значитъ раздѣленіе Имперіи на Зап. и Вост.—у насъ же онъ ничего не значитъ). Повѣришь ли, мой милый, что не льзя прочесть ни одной статьи вашихъ журналовъ, чтобъ не найти съ десятокъ этихъ

[1]) Обзоръ недосмотровъ (или недоглядокъ).

[2]) Въ думѣ К. Ѳ. Рылѣева «Олегъ» поэтъ говоритъ объ изображеніи на щитѣ Олега герба Россіи. Этотъ анахронизмъ не могъ ускользнуть отъ зоркаго, критическаго взгляда Пушкина.

bévues; поговори объ этомъ съ нашими да похлопочи о книгахъ. Ты ко мнѣ совсѣмъ не пишишь, да и всѣ вы что-то примолкли. Скажи ради Христа Ж. (Жуковскому) чтобъ онъ продиктовалъ Якову [1]) строчки три на мое имя.—Батюшковъ въ Крыму. Орловъ съ нимъ видался часто. Кажется мнѣ онъ изъ ума шутитъ. Дельвигу поклонъ, Баратынскому также. Этотъ ничего не печатаетъ, а я читать разучусь. Видишь ли ты Тургеневыхъ и Карамзина?

Чѣмъ тебя поподчивать? вотъ стихи Ѳ. Глинкѣ:

Когда средь оргій жизни шумной
Меня постигнулъ остракизмъ,
Увидѣлъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ;
Безъ слезъ оставилъ я съ досадой
Вѣнки пировъ и блескъ Аѳинъ,
Но голосъ твой мнѣ былъ отрадой
Великодушный Гражданинъ!
Пускай Судьба опредѣлила
Гоненья грозныя мнѣ вновь,
Пускай мнѣ дружба измѣнила,
Какъ измѣнила мнѣ любовь,
Въ моемъ изгнаньи позабуду
Несправедливость ихъ обидъ;
Онѣ ничтожны—если буду
Тобой оправданъ, Аристидъ!

Я послалъ было ихъ черезъ тебя, но ты письма моего не получилъ, покажи ихъ Глинкѣ; обними его за меня и скажи ему, что онъ все таки почтеннѣйшій человѣкъ здѣшняго міра.

(По сгибу письма надпись: Брату).

30-го января 1823 г.

Благоразумный Левинька! Благодарю за письмо—жалѣю, что прочія не дошли.—Пишу тебѣ, окруженный деньгами, афишками, стихами, прозой, журналами, письмами—и все то благо, все добро. Пиши мнѣ о Дидло, объ черкешенк(ѣ) Истоминой [2]), за которой я когда-то волочился подобно Кавказскому плѣнницу. Бестужевъ прислалъ мнѣ «Звѣзду»—эта книга достойна всякаго вниманія; жалѣю что Баратынскій поскупился—я надѣялся на него. Каковы стихи къ Овидію? душа

---

[1]) Камердинеръ Жуковскаго.

[2]) Дидло изъ «Кавказскаго Плѣнника» составилъ балетъ, въ которомъ роль черкешенки исполняла Истомина.

моя, и «Русланъ» и «Плѣнникъ» и Noël [1]) и все дрянь въ сравненіи съ ними.—Ради Бога люби двѣ звѣздочки [2]), онѣ обѣщаютъ достойнаго соперника знаменитому Панаеву, знаменитому Рылѣеву и проччимъ знаменитымъ нашимъ поэтамъ. Мечта воина привела въ задумчивость воина, что служитъ въ иностранной Коллегіи и находится нынѣ въ бессарабской Канцеляріи.—Эта «Мечта» напечатана съ ошибочнаго списка—призванье вмѣсто взыванье; тревожныхъ думъ, слово употребляемое знаменитымъ Рылѣевымъ, но которое по руски ничего не значитъ; воспоминаніе и брата и друзей стихъ трогательный, а въ Звѣздѣ простой, плоской. Но все это не бѣда; были бы деньги. Я радъ, что Глинкѣ полюбились мои стихи—это была моя цѣль. Въ отношеньи его я не Ѳемистоклъ; мы съ нимъ приятели и еще не ссорились за мальчика. Гнѣдичъ у меня перебиваетъ лавочку—

«Увы, напрасно ждалъ тебя женихъ печальный [3])

и проч.—непростительно прелестно. Зналъ бы своего Гомера, а то и намъ не будетъ мѣста на Парнассѣ.—Дельвигъ, Дельвигъ! пиши ко мнѣ и прозой и стихами; благословляю и поздравляю тебя—добился ты наконецъ до точности языка—единственной вещи, которой у тебя не доставало: en avant! marche.

Пріѣхалъ ли царь? впроччемъ это я узнаю преждѣ, чемъ ты мнѣ отвѣтишь. Ты собираешься въ Москву—тамъ увидишь ты моихъ друзей—напомни имъ обо мнѣ; также и роднѣ моей, которая впроччемъ мало заботится о судьбѣ племянника, находящагося въ опалѣ. Можетъ быть они правы—да и я невиноватъ.

Прощай, душа моя! если увидимся, то-то зацалую, заговорю и зачитаю. Я вѣдь тебѣ писалъ, что Кюхельбекерно [4]) мнѣ на чужой сторонѣ; а гдѣ Кюхель...?

---

[1]) Noël—по-французски: рождественскій кантъ, а также народная пѣсенка на какое-нибудь событіе. Пушкинъ назвалъ этимъ именемъ свою рукописную шутку: «Узнай народъ Россійскій». Она была напечатана въ наше время въ одномъ изъ заграничныхъ сборниковъ.

[2]) Пушкинъ подписался ** подъ стихотвореніями: «Къ Овидію» и «Мечта воина», напечатанными въ «Полярной Звѣздѣ» 1823 года.

[3]) Стихъ изъ «Таврической Дѣвы» Гнѣдича («Полярная Звѣзда» на 1823 г., стр. 181).

[4]) Т. е. тоскливо, скучно. Это слово Пушкинъ впервые употребилъ въ эпиграммѣ отъ имени Жуковскаго на своего друга:

«За ужиномъ объѣлся я,
«Да Яковъ заперъ дверь оплошно,
«Такъ было мнѣ, мои друзья,
«И Кюхельбекерно и тошно!»

Ты мнѣ пишишь объ N. N. en voilà assez (довольно объ этомъ). Assez, такъ, assez; а я все при своемъ мнѣніи.

Ты не приказываешь жаловаться на погоду—въ Августѣ мѣсяцѣ—такъ и быть—а вѣдь неприятно сидѣть въ заперти, когда гулять хочется. Прощай еще разъ.

Одесса 25-го августа 1823 года.

Мнѣ хочется, душа моя, написать тебѣ цѣлый романъ—три послѣдніе мѣсяца моей жизни. Вотъ въ чемъ дѣло: здоровье мое давно требовало морскихъ ваннъ, я насилу уломалъ Инзова, чтобъ онъ отпустилъ меня въ Одессу—я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу.—Ресторація и Италіянская Опера напомнили мнѣ старину и ей Богу обновили мнѣ душу—между тѣмъ пріѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я перехожу подъ его начальство, что остаюсь въ Одессѣ.—Кажется и хорошо—да новая печаль мнѣ сжала грудь—мнѣ стало жаль моихъ покинутыхъ цѣпей.—Пріѣхалъ въ Кишеневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически—и выѣхавъ оттуда навсегда—о Кишеневѣ я вздохнулъ.—Теперь я опять въ Одессѣ и все еще не могу привыкнуть къ Европейскому образу жизни—впроччемъ я нигдѣ не бываю, кромѣ въ Театрѣ. Здѣсь Туманскій. Онъ добрый малой, да иногда вретъ—напр. онъ пишетъ въ П. Б. письмо, гдѣ говоритъ между проччимъ обо мнѣ: Пуш(кинъ) открылъ мнѣ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь... и пр.—фраза, достойная В. Козлова; дѣло въ томъ, что я прочелъ ему отрывки изъ «Бахчисарайскаго Фонтана» (новой моей поэмы) сказавъ, что я не желалъ бы ее напечатать, потому что многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ, и что роль Петрарки мнѣ не по нутру. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы - помогите!—Здѣсь еще Раичъ. Знаешь ли ты его? будетъ Родзянка—предатель—жду его съ нетерпѣніемъ. Пиши же мнѣ въ Одессу да поговоримъ о дѣлѣ.

Изъясни отцу моему, что я безъ его денегъ жить не могу. Жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней Цензурѣ; ремеслу же столярному я не обучался; въ учителя не могу идти; хоть я знаю Законъ Божій и 4 первыя правила—но служу и не по волѣ своей—и въ отставку идти невозможно. Все—и всѣ меня обманываютъ—на кого же, кажется, надѣяться, если не на ближнихъ и родныхъ. На хлѣбахъ у Воронцова я не стану жить—не хочу и полно—крайность можетъ довести до крайности.—Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію—хоть письмы его очень любезны. Это напоминаетъ

мнѣ П-бургъ—когда, больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я бралъ извощика отъ Аничк. моста, онъ вѣчно бранился за 80 к. (которыхъ вѣрно бъ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги). Прощай, душа моя—у меня хандра—и это письмо не развеселило меня.

Одесса 25-го августа.

Такъ и быть я Вяземскому пришлю Фонтанъ—выпустивъ любовный бредъ—а жаль!

(Одесса. Начало 1824 года).

Такъ какъ я дождался оказіи, то и буду писать тебѣ спустя рукава. N. Раевской здѣсь. Онъ о тебѣ привезъ мнѣ недостаточныя извѣстія; за чемъ ты съ нимъ чинился и не поѣхалъ повидаться со мною? денегъ не было? послѣ бы сочлись—а иначе Богъ знаетъ когда сойдемся. Ты знаешь, я дважды просилъ Ивана Ивановича о своемъ отпускѣ чрезъ его М—ровъ и два раза воспослѣдовалъ всемилостивѣйшій отказъ. Осталось одно—писать прямо на его имя—такому-то въ З. Д., что напротивъ П. К., не то взять тихонько трость и шляпу и поѣхать посмотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится не въ терпежъ. Ubi bene, ibi patria. А мнѣ bene тамъ, гдѣ растетъ трынъ-трава, братцы! [1]) Были бы деньги, а гдѣ мнѣ ихъ взять? что до славы, то ею въ Россіи мудрено довольствоваться. Русская слава можетъ льстить какому нибудь В. Козлову которому льстятъ и Петербургскія знакомства, а человѣкъ немного порядочный презираетъ и тѣхъ и другихъ. Mais pourquoi chantais-tu? (Но зачѣмъ же ты пѣлъ?) на сей вопросъ Ламартина отвѣчаю—я пѣлъ, какъ булочникъ печетъ, портной шьетъ, Козловъ пишетъ, лѣкарь моритъ—за деньги, за деньги, за деньги—таковъ я въ наготѣ моего цинизма. Плетневъ пишетъ мнѣ, что «Бахч. фонт.» у всѣхъ въ рукахъ. Благодарю васъ, друзья мои, за ваше милостивое попеченіе о моей Славѣ! благодарю въ особенности Тургенева, моего благодѣтеля; благодарю Воейкова, моего высокаго покровителя и знаменитаго друга! остается узнать, разкупиться ли хоть одинъ экземпляръ печатный тѣми, у которыхъ есть полныя рукописи; но это бездѣлица—поэтъ не долженъ думать о своемъ пропитаніи, а долженъ, какъ Корниловичъ, писать съ надеждою сорвать улыбку прекраснаго пола. Душа моя, меня тошнитъ съ досады—на

---

[1]) Изъ стихотворенія: «Ахъ, гдѣ тѣ острова и пр.».

что ни взгляну, все такая гадость, такая подлость, такая глупость—долго ли этому быть? къ стати о гадости—читалъ я Ѳедру Лобанова—хотѣлъ писать на нее критику, не ради Лобанова, а ради маркиза Расина—перо вывалилось изъ рукъ—и объ этомъ у васъ шумятъ, и это называютъ ваши журналисты прекраснѣйшимъ переводомъ извѣстной трагедіи Г. Расина. Voulez-vous découvrir la trace de ses pas —

надѣешься найти
Тезея жаркой слѣдъ, иль темные пути...

М. его въ рифму! вотъ какъ все переведено. А чемъ и держится Иванъ Ивановичь Расинъ, какъ не стихами, полными смысла, точности и гармоніи! Планъ и характеры «Федры» верхъ глупости и ничтожества въ изобретеніи—Тезей ничто иное, какъ первый Мольеровъ рогачъ; Иполитъ, le superbe, le fier Hypolyte—et même un peu farouche (величавый, гордый Иполитъ и даже немного дикій), Иполитъ, суровый Скиѳской выблядокъ—ничто иное, какъ благовоспитанный мальчикъ, учтивый и почтительный —

D'un mensonge si noir... и проч. [1])

Прочти всю эту хваленую тираду и удостовѣришься что Расинъ понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лица—сравни его съ рѣчью молодаго любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ. А Терамснъ аббатъ и сводникъ—vous même où seriez vous etc... (вы сами, гдѣ были бы вы и проч)...—вотъ глубина глупости! Съ Рылѣевымъ мирюсь: «Войнаровской» полонъ жизни [2]). Что Кюхля? Дельвигу буду писать, но естьли не успѣю, скажи ему, чтобъ онъ взялъ у Тургенева «Олега вѣщаго» и напѣчаталъ. Можетъ быть я ему пришлю отрывки изъ «Онѣгина»; это лучшее мое произведеніе. Не вѣрь Н. Раевскому, который бранитъ его—онъ ожидалъ отъ меня Романтизма, нашелъ сатиру и цинизмъ, а порядочно не разчухалъ.

(Одесса) 1-го апрѣля 1824 года.

Вотъ, что пишетъ ко мнѣ Вяземской:

«Въ Благон. («Благонамѣренномъ») читалъ я, что въ какомъ то ученомъ обществѣ читали твой «Фонтанъ» еще до напечатанія. На что это похоже и въ П. Б. ходятъ тысячи списковъ съ него—кто же послѣ будетъ покупать; я на совѣсти грѣха не имѣю, и проч.».

Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? вѣдь ты взялъ свои

[1]) «Столь черной ложью» и т. д.—монологъ изъ Федры.

[2]) См. «Русская Старина» изданіе 1871 г., томъ III, стр. 210 и слѣд.

3000 руб.— а тамъ хоть трава не рости.—Все такъ, но жаль, если книгопродавцы въ первой разъ поступившіе по Европейски, обдернутся и останутся въ накладкѣ—да впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барышемъ. Такимъ образомъ обязанъ я за все, про все—друзьямъ моей Славы—чортъ ихъ возьми и съ нею; тутъ смотри какъ бы съ голоду не околѣть, а они кричатъ слава! видишь, душа моя, мнѣ на всѣхъ васъ досадно; требую отъ тебя одного: напиши мнѣ какъ «Фонтанъ» разходится—или запишусь въ Гр. Хвостовы и самъ разкуплю половину изданія. Что это со мною дѣлаютъ журналисты! Булгаринъ хуже Воейкова—какъ можно печатать партикулярныя письма—мало ли что мнѣ приходитъ на умъ въ дружеской перепискѣ а имъ бы все и печатать—это разбой [1]); рѣшено: прерываю со всѣми переписку—не хочу съ ними имѣть ничего общаго. А они глупо ругай или глупо хвали меня—мнѣ все равно—ихъ не въ грошъ не ставлю а публику почитаю на равнѣ съ книгопродавцами—пусть покупаютъ и врутъ что хотятъ.

Письмо это доставитъ тебя(ѣ) Синявинъ [2]) адъют(антъ) Гр. Воронцова, славнѣйшій малой, мой приятель; онъ доставитъ тебѣ обо мнѣ всѣ свѣдѣнія, которыхъ только пожелаешь.—Мнѣ сказывали что ты будто собираешься ко мнѣ; куда тебѣ! Развѣ на казенной счетъ да въ сопровожденіи жандарма. Пиши мнѣ. Не ты, ни отецъ ни словечка не отвѣчаете мнѣ на мои элегическіе отрывки—денегъ не шлете—а подрываете мой книжный торгъ—куда хорошо.

(Адресъ на оборотѣ): Льву Сергѣевичу Пушкину у Обуховскаго моста, домъ Полторацкаго.

(Одесса) 13-го іюня (1824 года).

Ты спрашиваешь моего мнѣнія на щетъ Булгаринскаго вранья—чортъ съ нимъ. Охота тебѣ связываться съ журналистами на словахъ, какъ Вяземскому на письмѣ. Должно имѣть уваженіе къ самому себѣ. Ты, Дельвигъ и я можемъ всѣ трое плюнуть на сволочь нашей литературы—вотъ тебѣ и весь мой совѣтъ. Напиши мнѣ лучше что нибудь о «Сѣверныхъ цвѣтахъ»—выдутъ ли и когда выдутъ? Съ перемѣною Министерства ожидаю и перемѣны Цензуры. А жаль... la

[1]) Булгаринъ напечаталъ въ «Литературныхъ Листкахъ» (1824 года, часть I, № 4, стр. 147) по поводу «Бахчисарайскаго Фонтана» отрывокъ изъ частнаго письма Пушкина.

[2]) Ив. Григ. Сенявинъ былъ впослѣдствіи товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

coupe était pleine (чаша переполнялась). Бируковъ и Красовской не въ терпежъ были глупы, своенравны и притѣснительны. Это долго не могло продлиться. На какомъ основаніи началъ свои дѣйствія дѣдушка Шишковъ? Не запретилъ ли онъ Бахчис. фонтанъ изъ уваженія къ святыни Академическаго словаря и неблазно составленному слову водометъ? Шутки въ сторону, ожидаю добра для литературы вообще, и посылаю ему лобзаніе не яко Іуда-Арзамасецъ, но яко Разбойникъ-Романтикъ. Попытаюсь толкнуться къ вратамъ цензуры съ первою главой или пѣснью «Онѣгина». Авось пролѣзетъ. Ты требуешь отъ меня подробностей объ «Онѣгинѣ»—скучно, душа моя. Въ другой разъ когда нибудь. Теперь я ничего не пишу; хлопоты другаго рода. Непріятности всякого рода; скучно и пыльно. Сюда пріѣхала кн. Вѣра Вяземская, добрая и милая баба—но мужу былъ бы я больше радъ. Жуковскаго я получилъ. Славный былъ покойникъ, дай Богъ ему царство небесное! Слушай, душа моя, деньги мнѣ нужны. Продай на годъ «Кавк. плѣн.» за 2000 р. кому бишь? вотъ перемѣны:

«И путникъ оживаетъ—и плѣнникъ. Остановлялъ онъ долго взоръ—вперялъ онъ любопытный взоръ. И уповательнымъ мечтамъ—и упоительнымъ. Не много.... ей дней—ночей—ради Бога—прощай».

(На оборотѣ штемпель почтамта: «Одесса, 13-го іюня 1824». По бокамъ письма черновой набросокъ строфы изъ «Онѣгина»: «Я помню море предъ грозою»—глава первая, строфа XXXIII).

Черезъ семнадцать дней послѣ этого письма (30-го іюля 1824 г.) Пушкинъ высланъ изъ Одессы въ Псковскую губернію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

алл. 4

3

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

II [1]).

Допосъ гр. Воронцова.—Высылка изъ Одессы.—Михайловское и Тригорское.—Семейство Прасковьи Александровны Осиповой.—Письма къ брату и Жуковскому.—Анна Петровна Кернъ.—Письма къ ней Пушкина.—Вызовъ въ Москву.— А. Х. Бенкендорфъ.—Пять лѣтъ холостой жизни.—Женитьба.

1824—1831.

Предыдущую статью мы закончили выѣздомъ Пушкина изъ Одессы, о которомъ самъ онъ въ дневникѣ «Онѣгина» замѣтилъ:

А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава Богу, отъ вельможъ—
Пріѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ,
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

Какъ ниже увидятъ читатели, пріѣздъ дѣйствительно былъ болѣе чѣмъ печаленъ, но и самый отъѣздъ состоялся не по волѣ Пушкина, а былъ вызванъ вдругъ двумя обрушившимися на голову поэта бѣдами: въ Одессѣ и въ Петербургѣ.

Графъ Воронцовъ, осерженный эпиграммами Пушкина, ходившими въ Одессѣ по рукамъ, а другіе увѣряютъ—по еще болѣе по личной непріязни, вызванной частными отношеніями Пушкина къ семейству графа, послалъ въ Петербургъ слѣдующее донесеніе гр. Нессельроде:

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 года, томъ XXV, стр. 371—388; 671—690.

1879. X

Отъ гр. М. С. Воронцова къ графу Нессельроде.

(Съ французскаго).

Одесса.—28-го марта 1824 г.

«Графъ! Вашему сіятельству извѣстны причины, по которымъ, нѣсколько времени тому назадъ, молодой Пушкинъ былъ посланъ съ письмомъ отъ графа Каподистрія къ генералу Инзову. Во время моего пріѣзда сюда, генералъ Инзовъ предоставилъ его въ мое распоряженіе, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Одессѣ, гдѣ находился еще до моего пріѣзда, когда генералъ Инзовъ былъ въ Кишиневѣ. Я не могу пожаловаться на Пушкина за что либо, напротивъ, казалось, онъ сталъ гораздо сдержаннѣе и умѣреннѣе прежняго, но собственный интересъ молодаго человѣка, нелишеннаго дарованій, и котораго недостатки происходятъ скорѣе отъ ума, нежели отъ сердца, заставляетъ меня желать его удаленія изъ Одессы. Главный недостатокъ Пушкина—честолюбіе. Онъ прожилъ здѣсь сезонъ морскихъ купаній, и имѣетъ уже множество льстецовъ, хвалящихъ его произведенія; это поддерживаетъ въ немъ вредное заблужденіе и кружитъ его голову тѣмъ, что онъ замѣчательный писатель, въ то время, какъ онъ только слабый подражатель писателя, въ пользу котораго можно сказать очень мало (лорда Байрона). Это обстоятельство отдаляетъ его отъ основательнаго изученія великихъ классическихъ поэтовъ, которые имѣли-бы хорошее вліяніе на его талантъ—въ чемъ ему нельзя отказать, и сдѣлали-бы изъ него современемъ замѣчательнаго писателя.

«Удаленіе его отсюда будетъ лучшая услуга для него. Я не думаю, что служба при генералѣ Инзовѣ поведетъ къ чему нибудь, потому что хотя онъ и не будетъ въ Одессѣ, но Кишиневъ такъ близокъ отсюда, что ничего не помѣшаетъ его почитателямъ поѣхать туда; да и наконецъ въ самомъ Кишиневѣ онъ найдетъ въ молодыхъ боярахъ и молодыхъ грекахъ скверное общество.

«По всѣмъ этимъ причинамъ я прошу ваше сіятельство довести объ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія Государя, и испросить его рѣшенія по оному. Ежели Пушкинъ будетъ жить въ другой губерніи, онъ найдетъ болѣе поощрителей къ занятіямъ и избѣжитъ здѣшняго опаснаго общества. Повторяю, графъ, что я прошу этого только ради него самого; надѣюсь, моя просьба не будетъ истолкована ему во вредъ, и вполнѣ убѣжденъ, что, только согласившись со мною, ему можно будетъ дать болѣе средствъ обработать его рождающійся талантъ, удаливъ его въ то же время отъ того, что ему такъ вредно, отъ лести и столкновенія съ заблужденіями и опасными идеями. Имѣю честь пребыть и проч. Графъ Михаилъ Воронцовъ».

Но еще до полученія этого донесенія, весьма характернаго и крайне интереснаго по взгляду самого Воронцова на поэта, въ Петербургѣ уже завязалось дѣло о Пушкинѣ. На почтѣ было перехвачено его письмо, въ которомъ онъ, между прочимъ, писалъ:

«Читаю библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира. Ты хочешь узнать, что̀ я дѣлаю?—Пишу пестрыя строфы романтической поэмы и беру уроки чистаго атеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ и единственный умный атей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ написалъ листовъ тысячу, чтобъ доказать qu'il ne peut exister d'être intelligent createur et regulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе чѣмъ правдоподобная».

Такія мысли не остались безъ вреднаго вліянія для писавшаго ихъ и гр. Нессельроде сообщилъ Воронцову слѣдующее:

Отъ гр. Нессельроде къ гр. М. С. Воронцову.

С.-Петербургъ.—11-го іюля 1824 г.

«Графъ! Я подавалъ на разсмотрѣніе императора письма, которыя ваше сіятельство прислали мнѣ, по поводу коллежскаго секретаря Пушкина. Его величество вполнѣ согласился съ вашимъ предложеніемъ объ удаленіи его изъ Одессы, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ основательныхъ доводовъ, на которыхъ вы основываете ваши предположенія, и подкрѣпленныхъ, въ это время, другими свѣдѣніями, полученными его величествомъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Все доказываетъ, къ несчастію, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ вступленіи его на общественное поприще. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ приложеннаго при семъ письма. Его величество поручилъ мнѣ переслать его вамъ; объ немъ узнала московская полиція, потому что оно ходило изъ рукъ въ руки и получило всеобщую извѣстность. Вслѣдствіе этого, его величество, въ видахъ законнаго наказанія, приказалъ мнѣ исключить его изъ списковъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ за дурное поведеніе; впрочемъ, его величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора, на томъ основаніи, что, пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ, безъ сомнѣнія, все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и вынудитъ начальство употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить, по возможности, такія послѣдствія, императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только

его отставкою, но находитъ необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

«Ваше сіятельство не замедлитъ сообщить г. Пушкину это рѣшеніе, которое онъ долженъ выполнить въ точности, и отправить его безъ отлагательства въ Псковъ, снабдивъ прогонными деньгами. Примите увѣреніе и проч. Графъ Нессельроде.

Вслѣдствіе этого, Пушкинъ, по назначенному маршруту чрезъ Николаевъ, Елисаветградъ, Кременчугъ, Черниговъ и Витебскъ, отправился изъ Одессы 30-го іюля 1824 г., давъ подписку нигдѣ не останавливаться на пути по своему произволу и по прибытіи во Псковъ явиться къ гражданскому губернатору. Если бы на эту подписку онъ не согласился, то былъ бы отправленъ съ «надежнымъ чиновникомъ». Ему выдали прогоны на три лошади, на 1,621 версту 389 руб. 4 к., и изъ собственной канцеляріи генералъ-губернатора 150 р. въ счетъ его бывшаго жалованья за майскую треть, которое высылалось изъ Петербурга въ эту канцелярію, но за послѣднюю треть еще не было выслано, и съ 1-го мая по 8-е іюля, т. е. по день увольненія, причиталось всего 128 руб. $97^1/_2$ к.

Въ имѣніе отца, Михайловское, Пушкинъ прибылъ 9-го августа, т. е. былъ въ дорогѣ не болѣе десяти дней. Замѣтимъ въ заключеніе, что самъ гр. М. С. Воронцовъ исключилъ изъ маршрута Пушкина Кіевъ и назначилъ иной путь.

Въ деревнѣ поэтъ отданъ былъ подъ надзоръ губернатора, предводителя дворянства и архимандрита сосѣдняго имѣнію Пушкиныхъ Святогорскаго монастыря.

Семейство Сергѣя Львовича Пушкина еще находилось на мѣстѣ лѣтняго своего пребыванія, когда туда прибылъ Александръ Сергѣевичъ. Сестра, братъ и добрая няня Арина Родіоновна обрадовались возвращенію изгнанника; матушка Надежда Осиповна и на этотъ разъ, какъ всегда, особенною нѣжностью не отличилась....что же касается до почтеннаго родителя, въ которомъ скупость поглотила всѣ человѣческія чувства—онъ отнесся къ пріѣзду сына съ возмутительною грубостью: по старческому малодушію, опасаясь подвергнуться отвѣтственности за шалости своего сына, Сергѣй Львовичъ накинулся на него съ упреками, чуть не съ проклятьями. Поэтъ, глубоко оскорбленный этими выходками, набросалъ къ псковскому губернатору, Борису Антоновичу Адеркасу, слѣдующее письмо, свидѣтельствующее о той страшной бурѣ которая кипѣла въ душѣ молодаго человѣка:

— «Милостивый государь Борисъ Александровичъ! Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важ-

ныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и нѣжной любови его къ протчимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить его императорское величество да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства вашего превосходительства».

Эта семейная драма тянулась три мѣсяца. Пушкинъ, выведенный изъ терпѣнія, рѣшился прибѣгнуть къ посредничеству благороднаго друга своего В. А. Жуковскаго, и вотъ что онъ писалъ ему подъ гнетомъ горя, казавшагося ему безъисходнымъ:

— «Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я всѣми встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та-же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить отцу моему должность распечатывать мою переписку, короче быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно—болѣе ни слова.... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé (съ этимъ чудовищемъ, съ этимъ сыномъ-извергомъ). Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на̀ сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что говорю ему въ послѣдній разъ.... Отецъ мой воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ, и всему дому объявляетъ, что я его билъ!... Потомъ, что хотѣлъ бить!...

« Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего-же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ Сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня.

« 31-го октября (1824 г.) А. П.

« Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не хочу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors de loi (внѣ закона).

«P. S. Надобно тебѣ знать, что я уже писалъ бумагу къ губернатору, въ которой прошу его о крѣпости, умалчивая о причинахъ. П. А. Осипова, у которой пишу тебѣ эти строки, уговорила меня сдѣлать тебѣ и эту довѣренность. Признаюсь, мнѣ немного на себя досадно; да душа моя, голова кругомъ идетъ».

Жуковскій по свойственному ему благодушію рѣшился вмѣшаться въ семейную ссору Пушкиныхъ, и дѣло наконецъ уладилось, къ обоюдному удовольствію враждовавшихъ сторонъ. Младшій братъ Пушкина, пріѣхавшій изъ Михайловскаго въ Петербургъ, видѣлся съ Василіемъ Андреевичемъ и устными разсказами о семейныхъ недоразумѣніяхъ дополнилъ письменное о нихъ сообщеніе своего брата.

Теперь обращаемся къ другой личности, принимавшей въ великомъ поэтѣ, съ самыхъ его юныхъ лѣтъ, вполнѣ искреннее, истинно материнское участіе. Это была Прасковья Александровна Осипова, владѣтельница сосѣдняго Пушкинымъ села Тригорскаго, ихъ давняя пріятельница. Въ эпоху, нами описываемую, Прасковьѣ Александровнѣ было 44 года (она родилась въ 1780 г., скончалась въ 1859 году); семейство ея состояло изъ сына, двухъ дочерей—отъ перваго брака (съ г. Вульфомъ) и трехъ дочерей—отъ втораго. Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, въ 1824 году студентъ дерптскаго университета, гостилъ въ Тригорскомъ на святкахъ и въ каникулярное время; сестры его: Анна и Евпраксія Николаевны Вульфъ (вторая впослѣдствіи вышла замужъ за барона Б. А. Вревскаго); Катерина, Александра и Марія Ивановны—Осиповы, находясь безотлучно при матери, жили въ ея помѣстьи круглый годъ. Съ умомъ, довольно образованная, хотя и не безъ причудъ и странностей, владѣтельница Тригорскаго П. А. Осипова была исключеніемъ изъ сонма русскихъ помѣщицъ добраго стараго времени, т. е. тѣхъ излѣнившихся, полуграмотныхъ (зачастую—безграмотныхъ) барынь, умственная дѣятельность которыхъ ограничивалась кухнею, кладовою, дѣвичьею, разъѣздами по сосѣдямъ и развозкою по нимъ сплетенъ и пересудовъ. Повторяемъ—П. А. Осипова составляла нѣкоторое изъятіе изъ общаго правила, и слѣдующія выдержки изъ ея писемъ къ Жуковскому (по поводу распри Пушкина отца съ сыномъ) могутъ служить свѣтлыми чертами для дополненія характеристики этой достойной женщины:

«Не дайте погибнуть сему молодому, но право хорошему любимцу музъ. Помогите ему тамъ, гдѣ вы; а я, пользуясь нѣсколько его дружбою и довѣренностью, постараюсь, если не угасить вулканъ, по крайней мѣрѣ направить путь лавы безвредно для него.

«Желаю искренно, чтобъ совѣты ваши приняты были Сергѣемъ

Львовичемъ и исполнены. Мнѣ пріятно было замѣтить изъ письма вашего, что мы съ вами совершенно согласны въ мнѣніи на счетъ несогласія сихъ двухъ особъ, отца и сына. А причина сихъ вѣчныхъ между ними несогласій есть странная мысль, которая, не знаю отъ чего, вселилась съ обѣихъ сторонъ въ ихъ умахъ. Сергѣй Львовичъ думаетъ, и его ничѣмъ не можно разувѣрить, что сынъ его не любитъ, а Александръ увѣренъ, что отецъ къ нему равнодушенъ и будто-бы не имѣетъ попеченія о его благосостояніи. Отъ сего происходитъ, что они обоюдно толкуютъ каждый въ свою очередь поступки одинъ другаго ложно, а потому дѣйствуютъ равно ошибочно.

« Если Александръ долженъ будетъ оставаться здѣсь долго, то прощай для насъ Русскихъ его талантъ, его поэтическій геній и обвинить его не можно будетъ. Нашъ Псковъ хуже Сибири, а здѣсь пылкой головѣ не усидѣть».

Въ прекрасномъ семействѣ П. А. Осиповой Пушкинъ нашелъ достойныхъ себѣ собесѣдниковъ. Алексѣй Николаевичъ Вульфъ—истый «буршъ» съ русскою душою, весельчакъ и умница, ловкій наѣздникъ, искусный стрѣлокъ,—бывалъ неразлученъ съ Пушкинымъ. Сестры его, Анна и, въ особенности, Евпраксія Николаевны были очень милыя, веселыя и любезныя дѣвицы; изъ трехъ сестеръ Осиповыхъ, Александра была прекрасная музыкантша. Библіотечка въ Тригорскомъ была подспорьемъ Пушкину при его литературныхъ занятіяхъ; превосходный садъ, живописныя окрестности береговъ Сороти—давали возможность михайловскому «анахорету» пользоваться прогулками и нерѣдко встрѣчать вдохновеніе въ блѣдныхъ красотахъ сѣверной природы. «Душа на Волховѣ, а сердце на Великой»—говаривали новгородцы, выражая свое сочувствіе псковичамъ; о Пушкинѣ можно было сказать, что душа его въ Михайловскомъ, а сердце было въ Тригорскомъ.

А. Н. Вульфъ познакомилъ Пушкина съ Николаемъ Михайловичемъ Языковымъ [1]), своимъ товарищемъ по университету. Поэты поняли и оцѣнили другъ друга: воспѣвая обитательницъ Тригорскаго, они читали имъ экспромпты; украшали альбомы милыхъ, привѣтливыхъ барышенъ и самой П. А. Осиповой многими вдохновенными стихотвореніями. Подобно трубадурамъ рыцарскихъ временъ, Пушкинъ и Языковъ, питая нѣжную, платоническую склонность къ дѣвицамъВульфъ и Осиповымъ, состязались въ риѳмованныхъ любезностяхъ. Языковъ къ эротическому элементу своихъ стихотвореній примѣшалъ вакхическій. Въ послѣднемъ отношеніи образъ жизни Пушкина въ Михайловскомъ былъ небезупреченъ.

[1]) Родился 4-го марта 1803 г., умеръ 26-го декабря 1846 г.

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ съ сестрою уѣхалъ въ Петербургъ въ исходѣ октября; за ними, черезъ недѣлю, послѣдовали отецъ и мать. Пушкинъ остался въ Михайловскомъ одинъ, въ тоскливую осеннюю пору, и могъ бы назваться сиротѣющимъ, еслибы въ двухъ верстахъ отъ него не находилось «роднаго» Тригорскаго.

(Послѣднія числа октября) 1824 г.

«Братъ, ты мнѣ пришлешь нѣмецкую критику на «Кавк. плѣн.»? (спросить у Греча) да книгъ, ради Бога книгъ. Если гг. издатели не захотятъ удостоить меня присылкою своихъ Альманаховъ, то скажи Слёнину, чтобъ онъ мнѣ ихъ препроводилъ въ томъ числѣ и «Талію» Булгарина. Къ стати о таліи: на дняхъ я мѣрялся поясомъ съ Евпр(аксіею) и таліи наши нашлись одинаковы. Слѣдов. изъ двухъ одно: или я имѣю талью 15-ти-лѣтней дѣвушки, или она—талью 25-тилѣтн. мущины. Евпр. дуется и очень мила, съ Анеткою бранюсь, надоѣла! Еще комисіи: пришли мнѣ рукописную мою книгу, да портретъ Чадаева, да перстень—мнѣ грустно безъ него; рискни съ Михайломъ [1]). Надѣюсь, что разбойники тебя не ограбили. NB. Какъ можно ѣздить безъ оружія! Это и въ Азіи не дѣлается. Что «Онѣгинъ»? Перемѣни стихъ: звонокъ раздался — поставь: «швейцара мимо онъ стрѣлой». Въ «Разг(оворѣ)» послѣ искалъ вниманье красоты нужно непремѣнно:

Глаза прелестные читали
Меня съ улыбкою любви,
Уста волшебные шептали
Мнѣ звуки сладкіе мои!

Не забудь фонъ-Визина писать Фонвизинъ. Что онъ за нехристъ? Онъ руской, изъ перерускихъ руской. Здѣсь слышно будто губернаторъ приглашаетъ меня во Псковъ. Если не получу особеннаго повелѣнія, вѣрно я не тронусь съ мѣста. Развѣ выгонитъ меня отецъ и мать. Впроччемъ я всего ожидаю. Однако, поговори заступникъ мой съ Ж(уковскимъ) и Кар(амзинымъ). Я не прошу отъ правительства полумилостей; это было бы полу-мѣра и самая жалкая. Пусть оставятъ меня такъ, пока Царь не рѣшитъ моей участи. Зная его твердость и, если угодно, упрямство, я бы не надѣялся на перемѣну судьбы моей, но со мной онъ поступилъ не только строго, но и справедливо. Не надѣясь на его снисхожденіе, надѣюсь на спра-

[1]) Крѣпостной Пушкиныхъ Мих. Ив. Калашниковъ, былъ въ Михайловской дворнѣ еще при «арапѣ», т. е. при Петрѣ Абрам. Ганнибалѣ, котораго хорошо помнилъ. Впослѣдствіи онъ управлялъ Михайловскимъ, а потомъ Болдинымъ. На старости «отпущенный на волю», онъ умеръ въ бѣдности, въ Петербургѣ, осенью 1858 г., слишкомъ 90 лѣтъ отъ роду.

ведливость его. Какъ бы то ни было не желаю быть въ П. Б. и вѣрно нога моя дома уже не будетъ. Сестру цалую очень. Друзей моихъ также—тебя въ особенности. Стиховъ, стиховъ, стиховъ! les conversations de Byron! Walter Scott! это пища души. Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; посл(ѣ) об(ѣда) ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки [1]) — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! каждая есть поэма! ахъ! Боже мой, чуть не забылъ! вотъ тебѣ задача: историческое, сухое извѣстіе о Сенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ рус(ской) ист(оріи) — Прощай, моя радость. Чтожъ чухонка Баратынскаго [2])? я жду.

(Тригорское, первыя числа ноября 1824 г.).

«Дѣла мои все въ томъ же порядкѣ, я въ Михайловскомъ рѣдко. Anette очень смѣшна; сестра разкажетъ тебѣ мои новые фарсы. Всѣ тамъ о тебѣ сожалѣютъ; я ревную и браню тебя—скука смертная вездѣ.

Скажи отъ меня Жуковскому, чтобъ онъ помолчалъ о произшествіяхъ ему извѣстныхъ—я рѣшительно не хочу выносить сору изъ Михайловской избы—и ты, душа, держи языкъ на привязи.

Видѣлъ ли ты всѣхъ святыхъ? шумитъ ли Питеръ? что твой пріѣздъ и что «Онѣгинъ»?

NB. Пришли мнѣ: 1) Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc. [3]) найдешь у St-Florent, 2) сѣрныя спички, 3) карты, т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ и держитъ и продаетъ), 4) Жизнь Емельки Пугачева, Путешествіе по Тавридѣ, Муравьева, 5) горчицы и сыру; но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные паны, и что сволочь.

Я тружусь во славу Корана [4]) и написалъ еще кое-что—лѣнь прислать.

Прощай, отвыкни современемъ отъ Нащокина, отъ Сабурова, отъ вина и отъ Воейковой—а то будешь un frêluquet [5]), что гораздо хуже чѣмъ Mirtil и godelureau dissolu [6]).

---

[1]) Разскащицею была няня Арина Родіоновна.

[2]) Такъ называетъ Пушкинъ «Эду», поэму Баратынскаго.

[3]) Сочиненія Лебрена: оды, элегіи и проч. Попсъ-Дени-Экушаръ Лебренъ, въ свое время знаменитый французскій лирическій поэтъ, род. въ 1729†1807 г.

[4]) Пушкинъ говоритъ о своихъ стихотворныхъ переложеніяхъ изъ Корана (изданіе Анненкова, томъ II, стр. 368—374: «Подраженіе Корану»). Эти девять стихотвореній были посвящены Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой. Шутливые, не чуждые напускнаго байронизма, отзывы Пушкина объ «Анетѣ» искупаются нѣсколькими прелестными стихотвореніями Пушкина, ей посвященными. См. изд. Аннен., томъ II, стр. 359. «Признаніе».

[5]) Вертопрахъ, волокита. [6]) Вздыхатель; женскій угодникъ, распутный.

Языковъ будетъ въ Дерптъ не прежде Января. Всѣмъ поклонъ, пиши же живѣе.

(На оборотѣ: милостивому государю и братцу).

(Около половины ноября 1824 г.).

Скажи моему Генію-хранителю, моему Жуковскому, что слава Богу, все кончено. Письмо мое къ Адеркасу у меня; наши, думаю, доѣхали, а я живъ и здоровъ. Что это у васъ? Потопъ! ничто проклятому Петербургу! [1]) voilà une belle occasion à nos dames de faire de b—t [2]) Жаль мнѣ «Цвѣтовъ» Дельвига; да надолго ли это его задержитъ въ тинѣ Петербургской. Что погреба? признаюсь, и по нихъ сердце болитъ. Не найдется ли между вами Ноя, для насажденія винограда? На святой Руси не шутка ходить нагишомъ, а хамы смѣются. Впрочемъ это все вздоръ. А вотъ важное: тетка [3]) умерла! Ѣду завтра въ Св. Горы и велю отпѣть молебенъ, или панихиду, смотря по тому что дешевле. Думаю, что наши отправятся въ Москву; добрый путь! печатай, печатай «Онѣгина» и съ «разговоромъ»—обними Плетнева и Гнѣдича; обоимъ буду писать на будущей почтѣ. Вотъ тебѣ А. Н. (Анна Николаевна Вульфъ) на тебя сердита. Рокотовъ пересказалъ П. А. (Прасковьѣ Александровнѣ) твои письма въ Лубны и къ матери. Опять сплетни! и ты хорошъ. Все-таки она приказала тебя, пустел(ь)га разцеловать. Евпр(аксія) уморительно смѣшна, я предлагаю ей завести съ тобою философическую переписку. Она все завидуетъ сестрѣ, что та пишетъ и получаетъ письма. Отправь съ Михайломъ все, что уцѣлѣло отъ Александрійскаго пожара, да книги о которыхъ упоминаю въ письмѣ съ сестрой. Библію, библію! и французскую непремѣнно. Образъ жизни моей все тотъ же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Кларису, мочи нѣтъ какая скучная дура! [4]) Жду твоихъ писемъ; что Всеволожск(ій), что моя рукопись, что письмо мое къ К. В. Ѳ. (князю Владиміру Ѳедоровичу Одоевскому [5])? Будетъ ли картинка у «Онегина»? Что дѣлаютъ Полярные господа? что Кюхля? [6]) Прощай душа моя, будь здоровъ и не напѣйся пьянъ, какъ Ной, послѣ своего потопа.

---

[1]) Пушкинъ говоритъ о наводненіи 7-го ноября 1824 года, которое впослѣдствіи вдохновило его къ созданію «Мѣднаго Всадника».

[2]) «Вотъ прекрасный случай нашимъ дамамъ»....

[3]) Анна Львовна, сестра отца Пушкина.

[4]) «Клариса Гарлоу», романъ Самуила Ричардсона (1689†1761) въ свое время знаменитость. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ «Онѣгинѣ» (глава II, строфа XXX; глава VII, строфа XLI).

[5]) Князь В. Ѳ. Одоевскій вмѣстѣ съ В. К. Кюхельбекеромъ былъ тогда издателемъ «Мнемозины».

[6]) Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ и Александръ Александровичъ Бестужевъ—издатели «Полярной Звѣзды». Кюхля—Кюхельбекеръ.

«NB. Я очень радъ этому потопу, потому что золъ. У насъ будетъ голодъ, слышишь-ли? торопи Дельвига, присылай мнѣ чухонку Баратынскаго, не то прокляну тебя. Скажи сестрѣ, что я получилъ письмо къ ней отъ милой кузины Гр. Ивл. [1]) и разпечаталъ, полагая, что оно столько-же отвѣтъ мнѣ какъ и ей. Объявленіе о потопѣ, о Колосовой, умъ, любезность, и все тутъ. Поцалуй ее за меня т. е. сестру Ольгу—а Гр(афинѣ) Екат(еринѣ) дружеское рукопожатіе. Скажи Сабурову, чтобъ онъ не дурачился, усовѣсти его. Пишиже ко мнѣ.

«Ахъ, милый, богатая мысль! разпечаталъ нарочно. Вѣрно есть бочки per fas et nefas продающіяся въ П. Б.—купи, что можно будетъ подешевле и получше. Этотъ потопъ—оказія».

(На оборотѣ: «Льву Сергѣевичу Пушкину въ собственныя лапки», а близь печати у прорваннаго мѣста написано: «я расковырялъ»).

Семейная драма, которая разыгралась между Сергѣемъ Львовичемъ и его сыномъ, вскорѣ по возвращеніи послѣдняго изъ Одессы имѣла, какъ мы уже и упоминали выше, счастливую, почти комическую развязку. Въ послѣднихъ числахъ ноября Пушкинъ писалъ В. А. Жуковскому:

«24-го ноября (1824 г.).

«Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу; но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было-бы если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его велѣлъ! За чѣмъ же обвинять было сына? Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками? Это дѣло десятое. Да онъ убилъ отца словами... каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ!

«Что жъ милый, будетъ ли что нибудь для моей маленькой Гречанки? [2]). Она въ жалкомъ положеніи, а будущее для нея и того жалчѣе. Дочь героя, Жуковскій! она родня поэтамъ по поэзіи. . .

. . . . . .

Получилъ я вчера письмо отъ Вяземскаго уморительно смѣшное. Какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость!

---

[1]) Графиня Екатерина Марковна Ивеличъ.

[2]) Одновременно съ письмомъ о домашнихъ своихъ неудовольствіяхъ, Пушкинъ писалъ Жуковскому о восьмилѣтней гречанкѣ Родосѣ Сафіосъ, дочери грека, павшаго въ скулянской битвѣ. Дѣвочка воспитывалась въ Кишиневѣ, у жены бывшаго вице-губернатора Бессарабіи, К. Х. Крупянской. Пушкинъ просилъ о покровительствѣ Родосѣ и о ея воспитаніи.

«Ты увидишь Карамзиныхъ. Тебя да ихъ люблю страстно; скажи имъ отъ меня, что хочешь.

(Адресъ: Его высокоблагородію м. г. Василію Андреевичу Жуковскому. Въ С.-Петербургѣ. Въ Аничковомъ дворцѣ. Почтовый штемпель: Опочка, декабря 1824 г.).

(Декабрь 1824 г.).

Брату: Вульфъ здѣсь, я ему ничего еще не говорилъ, но жду тебя приѣзжай—хоть съ П. А. (П. А. Плетневъ) хоть съ Дельвигомъ; переговориться нужно непремѣнно.

Съ Рокотовымъ я писалъ къ тебѣ получи это письмо непремѣнно. Тутъ я по глупости прислалъ тебѣ—святочную пѣсенку [1]). Вѣтренный юноши Р(окотовъ) можетъ письмо затерять—а ничуть не забавно мнѣ попасть въ крѣпость pour des chansons (изъ-за пѣсень).

Христомъ Богомъ прошу скорѣе вытащить Онѣг. изъ подъ цензуры—слава..... [2])—деньги нужны. Долго не торгуйся за стихи—рѣжь, рви, крамсай хоть всѣ 54 строфы, но денегъ, ради Бога, денегъ!—У меня съ Тригорскими завязалось дѣло презабавное—нѣкогда тебѣ разсказывать, а уморительно смѣшно. Благодарю тебя за книги да пришли же мнѣ всевозможные календари [3]), кромѣ придворнаго и академическаго. Къ стати—начало рѣчи старика Шишкова меня тронуло, да конецъ подгадилъ все. Что нынѣ цензура? Напиши мнѣ нѣчто:

о Карамзинѣ, ой, ыхъ;
Жуковскомъ,
Тургеневѣ, А,
Сѣверинѣ,
Рылеевѣ и Бестужевѣ

и вообще о толкахъ публики—Насѣли ли на Воронцова? ..... говорятъ бѣсится—за чтобы кажется, да люди таковы!

Пришли мнѣ бумаги почтовой и простой, если вина такъ и сыру, не забудь и (говоря по Делилевски) витую сталь пронзающую засмоленную главу (надписано надъ зачеркнутымъ: «пробку) бутылки, т. е. штопоръ.

Мнѣ дьявольски не нравятся П(етербургск)іе толки о моемъ побѣгѣ; За чемъ мнѣ бѣжать? здѣсь такъ хорошо! Когда ты будешь у

---

[1]) Noël—. . . . . .

[2]) Непечатное слово.

[3]) Пушкинъ говоритъ объ альманахахъ.

меня, то станемъ трактовать о банкирѣ, о перепискѣ, о мѣстѣ пребыванія Чедаева. Вотъ пункты о которыхъ можешь уже освѣдомиться.

Кто думаетъ нашихъ доѣхать? Избави меня

Отъ усыпителя глупца
Отъ пробудителя нахала!

Впроччемъ всѣмъ милости просимъ. Съ посланнымъ посылай, что задумаешь. Addio.

Получилъ ли ты письмо мое о Потопѣ, гдѣ я говорю тебѣ voilà une belle occasion pour nos dames de faire de b-t?

NB. NB. Хотѣлъ послать тебѣ стиховъ, да лѣнь.

4-го декабря (1824 г.).

Не стыдно ли Кюхлѣ напечатать ошибочно моего «демона»! моего «демона»! послѣ этого онъ и вѣрую напечатаетъ ошибочно. Не давать ему за то ни «моря» ни капли стиховъ отъ меня. NB. Г. издатель Онѣгина!

Стихи для васъ одна забава
Немножко стоитъ вамъ присѣсть!

Понимаете? да нельзя ли еще подъ «разговоромъ» поставить число 1823 год.? Стихъ: «вся жизнь, одна ли, двѣ ли ночи», надобно бы выкинуть, да жаль—хорошъ! Жаль еще, что Поэтъ не побранилъ потомства въ присутствіи своего книгопр(одавца). Mes arrière-neveux me devroient cet ombrage [1]). Съ журналистами дѣлай, что угодно, дарю тебѣ мои мѣлочи на пряники; продавай, или дари что упомнишь, а переписывать мочи нѣтъ. Мих(айло) привезъ мнѣ все благополучно, а Библіи нѣтъ. Библія для христіанина то же, что Исторія для народа. Этой фразой (на оборотъ) начиналось преждѣ предисловіе Ист(оріи) Кар(амзина). При мнѣ онъ ее и перемѣнилъ. Закрытіе Ѳеатра и запрещеніе баловъ—мѣра благоразумная. Благопристойность того требовала. Конечно народъ не участвуетъ въ увеселеніяхъ высшаго класса, но во время общественнаго бѣдствія не должно дразнить его обидной роскошью. Лавочники видя освѣщеніе бельэтажа могли бы разбить зеркальныя окна и былъ бы убытокъ. Ты видишь, что я безпристрастенъ. Желалъ бы я похвалить и прочія мѣры прави-

[1]) Въ этомъ должны заподозрить меня мои правнуки.

тельства, да газеты говорятъ объ одномъ розданномъ милліонѣ. Велико дѣло милліонъ, но соль, но хлѣбъ, но овесъ, но вино? объ этомъ зимою не грѣхъ бы подумать хоть въ одиночку, хоть комитетомъ. Этотъ потопъ съ ума мнѣ нейдетъ, онъ вовсе не такъ забавенъ, какъ съ перваго взгляда кажется. Если тебѣ вздумается помочь какому нибудъ нещастному, помогай изъ Онѣгинскихъ денегъ. Но прошу, безъ всякаго шума, ни словеснаго, ни писменнаго. Ни чуть не забавно стоять въ Инвалидѣ на ряду съ идиллическимъ коллежскимъ ассесоромъ Панаевымъ [1]). Пришли же мнѣ «Эду» Баратынскую. Ахъ онъ, Чухонецъ! да если она милѣе моей Черкешенки, такъ я повѣшусь у двухъ сосенъ и съ нимъ никогда знаться не буду [2]).

Приписка сестрѣ. Милая Оля, благодарю за письмо, ты очень мила, и я тебя очень люблю хотя этому ты и не вѣришь. Si ce que vous dites concernant le testament d'A. L. est vrai, c'est très joli de sa part. Au vrai j'ai toujours aimé ma pauvre tante et je suis fâché que Chalikof ait p—é sur son tombeau [3]). Няня исполнила твою комиссію, ѣздила въ Св. Горы и отправила панихиду, или что было нужно. Она цалуетъ тебя, я также. Твои троегорскія пріятельницы несносныя.... кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко. Сижу дома да жду зимы.

Левъ! сожги письмо мое.

Приписки по сторонамъ письма: кланяйся В. В. Э. (?) и Гнѣдичу и Плетневу и Онѣгину и Слѣнину. Присылай мнѣ старину [4]); это пріятная новость. Торопи Дельвига, надѣюсь что не претерпѣлъ онъ убытку. Что Козловъ слѣпой? ты читалъ ему Он(ѣгина)?

(Адресъ: Ея сіятельству милостивой государынѣ Екатеринѣ Марковнѣ Ивеличевой, въ С.-Петербургъ у Калинкина моста въ собственномъ домѣ. Пр(ошу) дост(авить) брату Льву Серг. Почтовый штемпель: Опочка 1824 декабря 8).

---

[1]) Владиміръ Ивановичъ, авторъ множества «Идиллій».

[2]) Двѣ сосны на дорогѣ изъ Михайловскаго въ Тригорское.

[3]) (Переводъ). «Если то, что ты говоришь относительно духовной Анны Львовны—справедливо, то это очень мило съ ея стороны. Сказать по правдѣ я всегда любилъ мою бѣдную тетушку и досадую, что Шаликовъ н...ъ на ея могилу». Анна Львовна раздѣлила свое имѣніе между двумя племянницами Солнцевыми и Ольгой Сергѣевной.

[4]) Изданіе А. Корниловича: «Русская Старина», карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 годъ.

(Декабрь, 1824 г.).

Братъ! здравствуй—писалъ тебѣ на дняхъ. Съ тебя довольно.—Поздравляю тебя съ рожествомъ Господа нашего и прошу поторопить Дельвига. Пришли мнѣ цвѣтовъ [1]) да Эду, да поѣзжай къ Энгельгартову обѣду.—Кланяйся господину Жуковскому. Заѣзжай къ Пущину и Малиновскому. Поцалуй Матюшкина, люби и почитай Александра Пушкина.

На оборотѣ вдоль страницы: да пришли мнѣ кольцо, мой Лайонъ.

Наступилъ—1825-й годъ....

10-го или 11-го января, около восьми часовъ утра, къ дому Пушкиныхъ въ Михайловскомъ, гремя колокольчикомъ, подкатили дорожныя сани и увязли въ снѣжномъ сугробѣ. Увидѣвъ пріѣзжаго въ окно, Пушкинъ выбѣжалъ на крыльцо, и нежданый, милый гость, заключивъ хозяина въ объятія, внесъ его въ комнаты. Этотъ дорогой гость былъ Иванъ Ивановичъ Пущинъ—лицейскій товарищъ Пушкина [2]).

---

[1]) «Сѣверные цвѣты» А. Дельвига.

[2]) Иванъ Ивановичъ Пущинъ родился въ 1798 году; воспитывался въ Царскосельскомъ лицеѣ, по выходѣ изъ котораго поступилъ въ гвардейскую конную артилерію. Перейдя въ гражданскую службу, опредѣлился судьею въ уголовный департаментъ московскаго уголовнаго суда. Принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ «Сѣвернаго общества», а 14-го декабря 1825 года находился на сенатской площади, причемъ однимъ изъ картечныхъ выстрѣловъ шуба его была прорвана въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Дальнѣйшія о немъ свѣдѣнія находимъ въ письмахъ И. И. Горбачевскаго изъ Читы къ М. А. Бестужеву (Письма эти составляютъ собственность редакціи «Русской Старины»):

«Пущинъ (Иванъ) арестованъ 14-го декабря. Изъ Петербургской крѣпости отправленъ въ Шлиссельбургъ; оттуда въ Читу; въ 1830 г., со всѣми вмѣстѣ, въ Петровскій заводъ; въ 1839 году на поселеніе въ Тобольскую губернію; потомъ жилъ въ Ялуторовскѣ; возвратился послѣ амнистіи въ 1856 г. въ Россію. Тамъ женился на вдовѣ своего товарища фонъ-Визина; жилъ въ Московской губерніи, около Бронницъ, въ с. Марьинѣ—имѣніи своей жены—гдѣ въ скорости умеръ и тамъ же похороненъ».—Иванъ Ивановичъ Пущинъ скончался 3-го апрѣля 1859 года. Начало любопытныхъ его записокъ было напечатано въ «Атенеѣ» на 1859 годъ.

Посѣщеніе Пущина изображено на картинѣ Н. Н. Ге, писанной масляными красками и принадлежавшей потомъ Н. А. Некрасову. Картина, впрочемъ весьма талантливаго художника, вышла не вполнѣ удачная и особенно неудаченъ въ ней самъ Пушкинъ, изображенный въ необычной для него позѣ и гораздо выше ростомъ, чѣмъ былъ оригиналъ.

Бесѣда ихъ продолжалась непрерывно до трехъ часовъ ночи, и о многомъ переговорили они... Пущинъ, членъ «Сѣвернаго общества», минуя вопросы политическіе, навелъ разговоръ на литературу: послѣ обѣда Пушкинъ читалъ вслухъ привезенную Пущинымъ рукопись: «Горе отъ ума», прерывая чтеніе своими замѣчаніями и возраженіями; потомъ онъ диктовалъ отрывки изъ своихъ: «Цыганъ», предназначая ихъ для «Полярной Звѣзды» Рылѣева. Прося Пущина крѣпко обнять Кондратія Ѳедоровича, поэтъ просилъ поблагодарить за его патріотическія Думы, хотя о нихъ же, черезъ четыре мѣсяца послѣ свиданія съ Пущинымъ, Пушкинъ писалъ князю П. А. Вяземскому (25-го мая 1825 г.): «Думы—дрянь и названіе сіе происходитъ отъ нѣмецкаго dumm (глупый) а не отъ польскаго, какъ казалось съ перваго взгляда»... Но измѣнчивый въ своихъ взглядахъ на талантъ Рылѣева, Пушкинъ былъ неизмѣненъ въ чувствахъ пріязни и благодарности къ И. И. Пущину до самой могилы: имя этого друга Пушкина, подобно именамъ Дельвига, Кюхельбекера и Языкова, неразлучно съ воспоминаніями Пушкина о счастливѣйшихъ дняхъ его молодости[1]).

(Брату.) (Января 1825 г.)

Живъ, живъ курилка!

Какъ! живъ еще курилка журналистъ?
— Живёхонекъ! все также сухъ и скученъ,
И грубъ, и глупъ, и завистью замученъ,
Все тискаетъ въ свой непотребный листъ
И старый вздоръ и вздорную новинку.
— Фу! надоѣлъ курилка журналистъ!
Какъ загасить вонючую лучинку?
Какъ уморить курилку моего?
Дай мнѣ совѣтъ.—Да ....плюнуть на него!

Вотъ тебѣ требуемая эпиграмма на Каченовскаго, перешли ее Вяземскому. А между тѣмъ пришли мнѣ тотъ № В. Евр. (Вѣстника Европы) гдѣ напечатанъ 2-й разговоръ лже-Дмитріева; это мнѣ нужно для предисловія къ Бахч. фонт. Не худо бы мнѣ переслать и весь процессъ (и Вѣстника и Дамскій Журналъ) [2]).

---

[1]) См. изданіе Анненкова, томъ II, стр. 394.

[2]) Къ «Бахчисарайскому фонтану» князь Вяземскій напечаталъ: Вмѣсто предисловія. Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или Васильевскаго острова. Напечатанный въ отвѣтъ на него въ 5 № «Вѣстника Европы», «Второй разговоръ между классикомъ и издателемъ Бахчисарайскаго фонтана», вызвалъ возраженіе князя Вя-

Подпись слѣпаго поэта тронула меня несказанно. Повѣсть его прелесть—сердись онъ, не сердись—а хотѣлъ простить—простить не могъ, достойно Байрона. Видѣніе, конецъ прекрасны.—Посланіе, можетъ быть, лучше поэмы—по крайней мѣрѣ ужасное мѣсто, гдѣ поэтъ описываетъ свое затмѣніе, останется вѣчнымъ образцомъ мучительной поэзіи [1]). Хочется отвѣчать ему стихами, естьли успѣю, пошлю ихъ съ этимъ письмомъ [2]).

Гнѣдичъ не получилъ моего письма? жаль, оно, сколько помню, было очень забавно. Въ томъ-же пакетѣ находились два очень нужныя—тебѣ и Плетневу.—Что Плетневъ умолкъ? Конечно бѣдный боленъ, иль «Войнаровскимъ» не доволенъ—къ стати каковы мои замѣчанія? надѣюсь, не скажешь, что я ему кажу — а виноватъ, «Войн(аровскій)» мнѣ очень нравится. Мнѣ даже скучно, что его здѣсь нѣтъ у меня.

Если можно, пришли мнѣ послѣднюю Genlis—да Child-Harold—Lamartine (то-то чепуха должна быть!) да вообще что нибудь новинькова да и старину. «Талію» получилъ и письмо отъ изд(ателя). Не успѣлъ еще пробѣжать: Ворожея [3]) показалась мнѣ du bon comique. А Хмѣльницкой моя старинная любовница—я къ нему имѣю такую слабость, что готовъ помѣстить въ честь его цѣлый куплетъ въ 1-ую пѣснь Онѣгина (да кой чертъ! говорятъ, онъ сердится, если объ немъ упоминаютъ, какъ о драмм. писателѣ). В(яземскій) правъ—а все таки на него сердитъ. Надѣюсь, что Дель(вигъ) и Бар(атынскій) привезутъ мнѣ и Анахарзиса Клоца, который вѣрно сердится на

земскаго, напечатанное въ «Дамскомъ Журналѣ». На это возраженіе г. М. Дмитріевъ, въ 8 № «Вѣстника», напечаталъ: «Возраженія на разборъ втораго разговора». На этомъ остановилось дальнѣйшее истязаніе терпѣнія публики.

[1]) Пушкинъ говоритъ о поэмѣ И. И. Козлова «Чернецъ» и о его «Посланіи» къ В. А. Жуковскому (Собр. сочиненій И. Козлова, изд. 3-е, Спб. 1840 г. Часть I, стр. 22 и 33—50).

[2]) Пушкинъ исполнилъ свое намѣреніе—и написалъ Козлову:

«Пѣвецъ, когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,
Мгновенно твой проснулся геній:
На все минувшее воззрѣлъ
И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ!» и т. д.

См. изданіе Анненкова 1855 г. Томъ II, стр. 387—388.

[3]) Комедія «водевиль князя Шаховскаго «Ворожея, или танцы духовъ». Нѣсколько сценъ изъ нея и отрывки изъ комедій Хмѣльницкаго были напечатаны въ «Русской Талiи», Булгарина, на 1825 годъ.

меня за то, что мнѣ не по нутру Рѣзвоскачущая кровь Грибъ—а (Грѣбоѣдова) [1]).

Дельвигу объятія мои отверсты. Жду отъ него писемъ изъ эгоизма, изъ Аневризма и проч.

Письмо Ж. (Жуковскаго) наконецъ я разобралъ. Что за прелесть чертовская его небесная душа! Онъ святой, хотя родился Романтикомъ, а не Грекомъ, и человѣкомъ, да какимъ еще?

Тиснуть Сарское село и съ Нотой—напрасно объявляли о Бр. Разб. (Братьяхъ Разбойникахъ) ихъ бы можно напечатать и въ Разн. Стих. (Разныхъ стихотвореніяхъ). Богатая мысль напеч(атать) Нар (Наполеона), да цензура..... лучшія строфы потонутъ.

(Январь 1825 г.)

«Получилъ, мой милый, милое письмо твое. Дельвига съ нетерпѣніемъ ожидаю. Жалѣю о строгихъ мѣрахъ принятыхъ въ твоемъ отношеніи.—Читалъ объявленіе объ «Онѣгинѣ» въ «Пчелѣ»; жду шума. Если изданіе раскупится—то приступи тотчасъ къ изданію другому, или условься съ какимъ нибудь книгопродавцемъ.—Отпиши о впечатлѣніи имъ произведенномъ.—У меня произошла перемѣна въ министерствѣ: Розу Григорьевну я принужденъ былъ выгнать за непристойное повѣденіе и слова, которыхъ не долженъ я былъ вынести. А то-бы она уморила няню, которая начала отъ нее худѣть. Я велѣлъ Розѣ подать мнѣ щеты. Она показала мнѣ, что за 2 года (1823 и 4) ей ничего не платили (?) и считаетъ по 200 р. на годъ, итого 400 рублей. По моему счету ей слѣдуетъ 100 руб. Наличныхъ денегъ у ней 300 р.; изъ оныхъ 100 выдамъ ей, а 200 перешлю въ П. Б. Узнай и отпиши обстоятельно, сколько имянно положено ей благостыни и заплачено-ли что нибудь въ эти 2 года. Я нарядилъ комитетъ, составленный изъ Василья, Архипа и Старосты—велѣлъ перемѣрить хлѣбъ, и открылъ нѣкоторыя злоупотребленія, т. е. нѣсколько утаенныхъ четвертей. Впроччемъ она мерзавка и воровка. Покамѣсть я принялъ бразды правленія.

Ты спрашиваешь: зачѣмъ пишу я Булгарину? по тому что онъ мнѣ другъ. Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухановъ, Да-

---

[1]) Намекъ на стихотворное письмо Кюхельбекера къ Грибоѣдову. Анахарзисъ Клоцъ—бѣдный, сумасшедшій демагогъ, погибшій на революціонной гильотинѣ въ 1794 году. Этимъ именемъ Пушкинъ шутливо называлъ Кюхельбекера.

выдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хужѣ Булгарина.—Они на дняхъ меня зарѣжутъ.—Покамѣсть я почтенному Ѳаддею Венедиктовичу послалъ 2 отрывка изъ «Онѣг.», которыхъ нѣтъ ни у Дельвига, ни у Бестужева не было и не будетъ... а кто виновать? все друзья, все треклятые друзья.

Кланяйся моему другу Воейкову. Надъ или Подъ «Моремъ и Землею» [1]) должно было поставить: идиллія Мосха.—Отъ этого я-бы не удавился—а Біонъ старикъ при своемъ остался-бъ. Тоже и объ Ив. Ив. Парни [2])—но тутъ я самъ виноватъ.

Если придетъ тебѣ пакетъ на имя Дельвига, то разпечатай—позволяю. Плетнева цалую и буду писать.

Да пришлите-же мнѣ «Старину» и Талію, Господи помилуй! не допросишься. Здѣсь письмо къ изд(ателю) или..... Н. А. (Невскаго Альманаха), прочитай его да доставь. Онъ, каналья, лжетъ на меня въ афишкахъ, да мнѣ присылаетъ свое вранье—добро! Начало Кота Измайлова очень мило [3]).

P. S. Слѣпой попъ перевелъ Сираха (смотр. Инвалидъ № какой-то), издаетъ по подпискѣ—подпишись на нѣсколько экз.

(Въ исходѣ февраля 1825 г.).

Я съ тобою не бранюсь (хоть и хочется) по 18 причинамъ: 1 потому, что это было бы напрасно... Цыгановъ, нечего дѣлать, перепишу, и пришлю къ вамъ, а вы ихъ тисните. Твои опасенья на счетъ пріѣзда ко мнѣ вовсе несправедливы. Я не въ Шлиссельбургѣ, а при физической возможности свиданія лишить онаго двухъ братьевъ была бы жестокость безъ цѣли, слѣдств., вовсе не въ духѣ нашего времени, ни.....

Жду шуму отъ Онѣгина; покамѣсть мнѣ довольно скучно; ты мнѣ не присылаешь conversations de Bygon, добро! но, милый мой, если только возможно, отъищи, купи выпроси, укради записки Фуше, и давай мнѣ ихъ сюда; за нихъ отдалъ-бы я всего Шекспира; ты не воображаешь что такое Fouché! [4]) онъ, по мнѣ очаровательнѣе Бай-

[1]) Написано въ Кіевѣ, 8-го февраля 1821 года; напечатано было въ январской книжкѣ 1825 г. «Новостей Литературы».

[2]) Парни (1753 † 1814), знаменитый французскій эротическій поэтъ.

[3]) Басня Измайлова, «Черный котъ», см. «Невскій Альманахъ» на 1825 г., стр. 145.

[4]) Жанъ Фуше, герцогъ Отрантскій, 1763 † 1820. По отзыву всѣхъ біографовъ, «гнуснѣйшая личность временъ республики и имперіи». Коммисаріатскій воръ и палачъ во время революціи, онъ, при Наполеонѣ I, былъ министромъ полиціи и на этомъ поприщѣ прославился какъ геніальный сыщикъ и шпіонъ.

рона. Эти записки должны быть сто разъ поучительнѣе, занимательнѣе, ярче записокъ Наполеона, т. е. какъ политика, потому что въ Войнѣ я ни чорта не понимаю. На своей скалѣ (прости Боже мое согрѣшеніе!) Наполеонъ поглупѣлъ—во первыхъ лжетъ какъ ребенокъ [1]), 2) судитъ о такомъ-то не какъ Наполеонъ, а какъ парижскій памфлетеръ, какой нибудь Прадтъ или Гизо. Мнѣ что-то очень, очень кажется, что Bértrand и Monthaulon [2]) подкуплены! Тѣмъ болѣе, что самыхъ важныхъ свѣдѣній имянно и не находится. Читалъ ты записки Nap. (Napoléon). Если нѣтъ, такъ прочти. Это между прочимъ прекрасный романъ, mais tout ce qui est politique n'est fait que pour la canaille [3]).

Довольно о вздорѣ, поговоримъ о важномъ. Мой Коншинъ [4]) написалъ, ей-Богу, миленькую пьесу дѣв. влюбл. поэ.—кромѣ Авторàми. А куда онъ Коншинъ! его элегія въ «цвѣтахъ» [5]) какова? Твое сужденіе о комедіи Грибоѣдова слишкомъ строго. Бестужеву писалъ я объ ней подробно; онъ покажетъ тебѣ письмо мое.

По журналамъ вижу необыкновенное броженіе мыслей; это предвѣщаетъ перемѣну министерства на Парнассѣ. Я министръ иностранныхъ дѣлъ, и кажется дѣло до меня не касается. Если Палѣй пойдетъ какъ начатъ—Рылѣевъ будетъ министромъ. Плетневъ не осторожнымъ усердіемъ повредилъ Баратынскому; но Эда все исправитъ. Что Баратынскій?.. и мораль, долга-ль?... какъ узнать? Гдѣ вѣстникъ искупленья? Бѣдный Баратынскій? какъ объ немъ подумаешь, такъ по неволѣ постыдишься унывать. Прощай, стиховъ новыхъ нѣтъ—пишу записки—но и презрѣнная проза мнѣ надоѣла.

Пріѣхалъ гр. В(оронцовъ)? узнай и отпиши мнѣ какъ отозвался онъ обо мнѣ въ свѣтѣ—а о другомъ мнѣ и знать не нужно.

---

[1]) Т. е. замѣтно. Примѣчаніе Пушкина.

[2]) Маршалы Наполеона, его спутники въ заточеніи на островѣ Св. Елены. Второе имя Пушкинъ написалъ ошибочно, оно пишется: Montholon.

[3]) «Но все, что касается до политики, писано для сволочи».

[4]) Такъ Пушкинъ называетъ Туманскаго.—Его стихотвореніе: «Дѣвушка влюбленному поэту» было напечатано въ «Новостяхъ литературы» (февраль 1825 г., стр. 95—96). Въ немъ есть стихъ:

«Начну-ль бесѣдовать я съ вами
«Какъ будто сидя съ Авторàми».

[5]) Элегія Туманскаго: «На скалы, на холмы глядитъ безъ наглядѣнья» была напечатана въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1825 годъ. Пушкинъ называетъ Туманскаго мой Коншинъ, на-смѣхъ Плетневу, возившемуся тогда со своимъ Коншинымъ, плохимъ стихотворцемъ, котораго однако П. А. Плетневъ ставилъ впослѣдствіи выше Лермонтова.

Присовѣтуй Рылѣеву въ новой его поэмѣ помѣстить въ свитѣ Петра I нашего дѣдушку. Его арапская рожа произведетъ странное дѣйствіе на всю картину Полтавской битвы.

Тригорское 14 марта 1825 г.

«Братъ, обнимаю тебя и пàдамъ дò ногъ. Обнимаю также Алжирца Всеволожскаго. Перешли же мнѣ проклятую мою рукопись—и давай уничтожать, переписывать и издавать. Какъ жаль, что тебя со мною не будетъ! дѣло бы пошло скорѣе и лучше. Дельвига жду хоть онъ и не поможетъ. У него твой вкусъ да не твой почеркъ. Элегіи мои переписаны—по томъ посланія, по томъ смѣсь, по томъ благословясь и въ Цензуру.

Душа моя, горчицы, рому, что нибудь въ уксусѣ—да книгъ: conversations de Byron, mémoires de Fouché, Талію, «Старину» [1]), да Sismondi (littérature) да Schlegel (dramaturgie) если есть у St.-Florent. Хотѣлъ-бы я также имѣть Новое издан. Собр. Рус. Стих. [2]) да дорого 75 р. я и за всю Русь столько не даю. Посмотри однако-жъ.

Каченовскій возсталъ на меня. Напиши мнѣ благопристоенъ-ли тонъ его критикъ—если нѣтъ—пришлю эпиграмму.

У васъ ересь. Говорятъ, что въ стихахъ—стихи не главное. Что же главное? проза? должно заранѣе изтребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣснями на голосъ: одинъ сижу во компаніи и тому под.

Анна Николаевна (Вульфъ) тебѣ кланяется и очень жалѣетъ, что тебя здѣсь нѣтъ; потому что я влюбился и миртильничаю. Знаешь ея кузину А. И. В.? ессо femina! (вотъ женщина).

Мочи нѣтъ, хочется Дельвига. Писалъ я тебѣ о калошахъ? не надобно ихъ. Гнѣдича пѣсни получилъ. На дняхъ буду писать ему съ претензіями. Покамѣсть благодари его—думаю что экз. Онѣ г. (экземпляръ Онѣгина) ты ему отъ меня поднесъ. Что касается до оныхъ дамъ, надѣюсь, что это шутка. А чего добраго! однакожъ это было бы мнѣ во всякомъ случаѣ очень неприятно.

(На оборотѣ): достань у Рылѣева или Бестужева мои мѣлкія

---

[1]) «Русская Старина», историческій сборникъ, изданный Корниловичемъ, 1825 г., въ 16-ю д. л.

[2]) Собраніе образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и въ прозѣ. Спб. 1822—1824. 12 частей.

стихотв(оренія) и перешли мнѣ скорѣе. Что-жъ ты обѣщалъ мнѣ прислать Парни?

(Адресъ): Льву Сергѣевичу Пушкину. Подъ нимъ: J and my sister make you our compliments from our hearts and souls [1]).

(Того-же числа, по полученіи рукописи).

«Напрасно воображаешь ты что я на тебя сержусь, и не думалъ. Нѣсколько разъ писалъ тебѣ, видно еще до тебя не дошло. Всеволожскій со мною шутитъ, я долженъ ему 1000 а не 5000; переговори съ нимъ и благодари очень за рукопись. Онъ славный человѣкъ хоть и женится. Тотчасъ займусь новымъ собраніемъ и перешлю тебѣ.

Ради Бога, погоди въ разсужденіи отставки. Можетъ быть тебя притѣсняютъ безъ вѣдома..... Просьбу твою могутъ почесть слѣдствіемъ моего внушенія etc. etc. etc.—Погоди хоть Дель(вига).

Увѣдомь о Баратынскомъ—свѣчку поставлю за Закревскаго если онъ его выручитъ.

15 марта (1825 г.)

Братъ Левъ и братъ Плетневъ!

Третьяго дня получилъ я мою рукопись. Сегодня отсылаю всѣ мои новые и старые стихи. Я выстиралъ черное бѣлье на скоро, а новое сшилъ на живую нитку. Но съ вашей помощію надѣюсь, что Барыня Публика меня по щекамъ не прибьетъ, какъ непотребную прачку.

Ошибки правописанія, зн(аки) препинанія, безсмыслицы—прошу самимъ исправить—у меня на то глазъ не достанетъ. Въ порядкѣ піэсъ держитесь также вашего благоусмотрѣнія. Только не подражайте изданію Батюшкова—изключайте, марайте съ плеча. Позволяю, прошу даже. Но для сего труда возьмите себѣ въ помощники Жуков(скаго) не во гнѣвъ Булгарину, и Гнѣдича не во гнѣвъ Грибоѣдову. Эпиграфа или не надобно, или изъ A. Chénier. Виньетку бы не худо; даже можно, даже нужно—даже ради Христа сдѣлайте; имянно: Психея которая задумалась надъ цвѣткомъ (къ стати: что прелестнѣе строфы Ж(уковскаго)—онъ мнилъ что вы съ нимъ

[1]) Я и сестра шлемъ тебѣ поклонъ отъ всего нашего сердца и души.

однородные и слѣдующей. Конца не люблю [1]). Что, еслибъ волшебная кисть Ѳ. Толстова.

Нѣтъ! слишкомъ дорога!
А ужасть какъ мила!... [2])

Къ тому же кромѣ Уткина ни чей рѣзецъ не достоинъ его карандаша.—Впроччемъ это все наружность. Иною прелестью плѣняется [3]).

Перещитавъ посылаемыя вамъ стихотворенія, нахожу 60 или около (ибо часть подземнымъ Богамъ непредвидима). Бируковъ человѣкъ просвѣщенный; кромѣ его я ни съ кѣмъ дѣла имѣть не хочу. Онъ и въ грозное время былъ милостивъ и жалостливъ. Нынѣ повинуюсь его приговорамъ безусловно.

Что сказать вамъ объ изданіи? печатайте каждую піэсу на особенномъ листочкѣ, исправно, чисто, какъ послѣд. изд(аніе) Жук(овскаго) и пожалуйста безъ ~~~~~~~~ и безъ ——•—— и безъ ═══ вся эта пестрота безобразна и напоминаетъ Азію. Заглавіе крупными буквами и à la ligne. Но каждую штуку особенно—хоть-бы изъ 4 стиховъ состоящую—(развѣ изъ двухъ, такъ можно à la ligne и другую). 60 піэсъ! довольно ли будетъ для 1 тома? Не прислать-ли вамъ для наполненія Ц. Никиту и 40 его дочерей?

Братъ Левъ! не серди журналистовъ! дурная привычка!

Братъ Плетневъ! не пиши добрыхъ критикъ! будь зубастъ и бойся приторности.

Простите, дѣти! я пьянъ.

(27 марта 1825 г.).

«Душа моя, что за прелесть бабушкинъ котъ! [4]) я перечелъ два раза и однимъ духомъ всю повѣсть, теперь только и брежу Ар. Фал. Мурлыкинымъ [5]). Выступаю плавно, зажмуря глаза, повертывая го-

---

[1]) [3]) Стихотвореніе Жуковскаго «Мотылекъ и цвѣты», напечатанное въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1825 годъ.

[2]) Стихъ изъ «Модной жены», И. И. Дмитріева.

[4]) Пушкинъ говоритъ о повѣсти Погорѣльскаго (А. А. Перовскій, род. 1789 † 9 іюля 1836 г.): «Лафертовская маковница». Послѣдующими его произведеніями были: «Черная курица», «Монастырка», «Украинскіе вечера». По поводу ихъ Воейковъ въ своемъ «Домѣ сумашедшихъ» сказалъ (см. «Русская Старина», изд. 1874 г., томъ IX, стр. 599):

Вотъ на яицахъ насѣдкой
Сидя клохчетъ сумасбродъ
И россійскія заѣдки
Медовой онъ макъ жуетъ...

[5]) Аристархъ Фалалѣичъ Мурлыкинъ, герой повѣсти: «Лафертовская маковница».

лову и выгибая спину. Погорѣльскій вѣдь Перовскій—не правда-ли?

Объ Вяз(емскомъ) получилъ извѣстіе. Перешли ему, душа моя, все, что ты имѣешь на бумагѣ и въ памяти изъ моихъ новыхъ сочиненій. Этимъ очень обяжешь меня и загладишь пакости своего чтенья-бѣсія.

Получилъ ли ты мои Стихотворенья? Вотъ въ чемъ должно состоять предисловіе: 1) Многія изъ сихъ стихотвореній—дрянь и недостойны вниманія Россійской Публики—но какъ они часто бывали печатаны Богъ вѣсть кѣмъ, чортъ знаетъ подъ какими заглавіями, съ поправками наборщика и съ ошибками издателя - такъ вотъ онѣ, извольте-съ кушать-съ, хоть это-съ г....-съ (сказать это помягче). 2) Мы (сирѣчь издатели) должны были изъ полнаго собранія выбросить многія штуки, которыя могли-бы показаться темными, будучи написаны въ обстоятельствахъ неизвѣстныхъ или малозанимательныхъ для почтеннѣйшей Публики (Росейской) или могущія быть занимательны единственно нѣкоторымъ частнымъ лицамъ (приписка сбоку: «или слишкомъ незрѣлыя, ибо Г. Пушк. изволилъ печатать свои стишки въ 1814 году, т. е. 14 лѣтъ) или какъ угодно. 3) Пожалуйста безъ малѣйшей похвалы мнѣ—это непристойность, и въ Бахч. Ф. (Бахчисарайскомъ Фонтанѣ) я забылъ замѣтить это Вяз(емскому). 4) Все это должно быть выражено Романтически, безъ буфонства. Напротивъ. Во всемъ этомъ полагаюсь на Плетнева. Если я скажу, что проза его лучше моей, вѣдь онъ не повѣритъ.—Ну покрайнѣй мѣрѣ столь-же хороша. Доволенъ-ли онъ—да перешли на всякой случай это предисловіе въ Мих(айловское), а я пришлю вамъ замѣчанья свои.

Когда пошлешь стихи мои В(яземскому)—напиши ему, чтобъ онъ никому не давалъ, потому, что эдакъ меня опять обокрадутъ—а у меня нѣтъ родительской деревни съ соловьями и съ медвѣдями—Прощай, сестру поцалуй.

Великая пятница.

«Я «Телеграфомъ» [1]) очень доволенъ—и мышлю или мыслю поддержать его.—Скажи это и Ж(уковскому). Дельвига нѣтъ еще!

Такъ какъ Воейковъ ведетъ себя хорошо, то думаю прислать и ему стиховъ—толи дѣло не красть, не ругаться по матерну, не перепечатывать, писемъ не перехватывать и проч.—люди не осудятъ, а я скажу спасибо.

---

[1]) «Московскій телеграфъ» Н. А. Полеваго.

Тиснуть еще стихи К. Голицыной-Суворовой, возьми ихъ отъ нее. Думаю, что Посл. къ О(видію), Вчера былъ день, и Море могутъ быть, разнообразія ради, помѣщены въ Элегіяхъ—да и вообще можно перемѣнить весь порядокъ. R. S. V. P. (Retournez s'il vous plait: потрудитесь повернуть). Не напечатать-ли въ концѣ Воспоминанія въ Ц. С. (Царскомъ Селѣ) съ нотой что онѣ писаны мною 14 лѣтъ—и съ выпискою изъ моихъ Записокъ (объ Державинѣ) ась? (Эти строки зачеркнуты, подъ ними: «нѣтъ»). (Съ боку письма): да тиснуть еще мою Птичку—«да 4 стихи о дружбѣ «что дружба? легкій пылъ похмѣлья» [1]).

(Отрывокъ письма, безъ числа).

«Я-было послалъ это въ С. О. (Сынъ Отечества) да кажется журналъ сей противу меня возстанетъ, судя по сухому объявленію Пчелы. Въ такомъ случаѣ мнѣ не годится тамъ явиться, какъ даннику Атамана Греча и Есаула Булгарина. Дарю отрывки тебѣ: печатай гдѣ хочешь.

17 апрѣля 1825 г.

Сейчасъ получилъ отъ тебя письмо и повѣстку, вѣроятно отъ Плетнева—письмо Аннѣ Николаевнѣ (Вульфъ) отдалъ не прочитавъ и сжегъ его тотчасъ (изъ опасенія—или изъ ревности, какъ хочешь). Она въ претензіи за твои нѣжности и за то что онѣ тебя усыпили. Полярн. (Полярную Звѣзду), еще не получалъ—Справься ради Бога объ Фонт. (Фонтанѣ). Селивановскій предлагаетъ мнѣ 12,000 р. а я долженъ отъ нихъ отказаться—эдакъ съ голоду умру—съ отцомъ да съ Ольдекопомъ—прощай, я бѣшенъ [2]).

Благодарю очень за отр. изъ письма Бар. (Баратынскаго). Дельвига здѣсь еще нѣтъ. On vous permet d'ecrire des lettres, mais sous l'adresse de notre soeur (пойми!), c'est ainsi voyez-vous que j'ecris à Анна Ив. В., sous le nom d'Euphrosine—Господи Іисусе Христе! quelles misères... Цалуй Ольгу—quelle amabilité et dans quel humeur charmante est ceci!!! Comment osez-vous m'ecrire une lettre comme celui, c'est bien que votre frere a prit la peine de la bruler pour moi!

---

[1]) Слова въ кавычкахъ « » зачеркнуты.

[2]) Ольдекопъ издалъ тогда въ Петербургѣ переводъ Кавк. Плѣнника, помѣстивъ и русскій текстъ. Пушкинъ началъ-было преслѣдованіе за контрфакцію, но оказалось, что перепечатка дозволена отцомъ поэта.

Да еще смѣли прибавить прибавленіе объ ономъ въ письмѣ къ вашему брату!!!

Вотъ тебѣ мой вчерашній imp(r)omptu:

Семейственной любви и дружбы нѣжной ради,
Хвалю тебя сестра не спереди, а сзади.

Сожги же это, показавъ ей.

Variantes en l'honneur de M-lle NN:

Почтенія, любви и нѣжной дружбы ради,
Хвалю тебя, мой другъ, не спереди, а сзади.

M-lle NN. находитъ, что первый текстъ тебѣ приличенъ. Honny soit etc.

Я заказалъ обѣдню за упокой души Байрона (сегодня день его смерти). Анна Николаевна также и въ обѣихъ церквахъ Триг(орскаго) и Вор(онича) произходили молебствія—это немножко напоминаетъ la messe de Frédéric II pour le repos de l'âme de m-r de Voltaire [1]). Вяземскому посылаю вынутую просвиру отцомъ Шкодой—за упокой поэта».

(На оборотѣ: Льву Сергѣевичу Пушкину.)

Наконецъ давно ожидаемый, любимѣйшій изъ лицейскихъ товарищей Пушкина—баронъ А. А. Дельвигъ—пріѣхалъ въ Михайловское и провелъ у Пушкина нѣсколько дней. Милыя хозяйки Тригорскаго радушно его приняли; Дельвигъ былъ любезенъ на сколько это было возможно съ его апатичнымъ нравомъ, составлявшимъ противуположность Пушкинскому:

Они сошлись: волна и камень,
Стихи и проза, ледъ и пламень
Не столь различны межъ собой!

При всемъ томъ, можетъ быть, даже именно вслѣдствіе этого несходства характеровъ, Пушкинъ питалъ къ Дельвигу нѣжнѣйшую пріязнь.

Обрадованный пріѣздомъ Дельвига Пушкинъ писалъ брату:

(22 апрѣля 1825 г.).

«Фуше, Oeuvres dram(atiques) de Schiller, Schlegel, Don Juan (послѣднія 6-я и пр. пѣсни) новый Wal(ter) Scott, Сибирской Вѣстникъ весь—и все это чрезъ St.-Florent, а не черезъ Слёнина.—Вино, вино, ромъ (12 буты.) горчицы, Fleur d'Orange, чемоданъ дорожный. Сыру

---

[1]) Обѣдню Фридриха II за упокой души г. де-Вольтера.

лимбург. Книгу объ верховой ѣздѣ—хочу жеребцовъ выѣзжать: вольное подражаніе Alfieri и Байрону. Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду. Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились—а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ, восхищаясь Чигиринскимъ Старостою [1])—приказываетъ тебѣ кланяться, мысленно тебя цалуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей: (напримѣ. устрицъ).

23 (апрѣля). Сейчасъ получилъ письмо отъ тебя. Благодарю за обѣщаніе предисловія—Думаю, что можно начать благословясь.—О посл. къ Ч. (Посланіи къ Чаадаеву) скажу тебѣ что пощечины повторять не нужно [2]). Толстой явится у меня во всемъ блескѣ въ 4-й пѣснѣ Онѣг. если его пасквиль этого стоитъ, и по сему попроси его эпиграмму и пр. отъ Вяземскаго (непремѣнно). Ты, голубчикъ, не находишь толку въ моей лунѣ—что-жъ дѣлать, а напечатай уже такъ. Если Сабуровъ не уѣхалъ еще въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ ничего не врать. Жалѣю, что не могу быть увѣрену и въ твоей молчаливости. Скажи сестрѣ что я поссорилъ ее съ Анной Николаевной показавъ (вписано надъ строкою: и не читавъ) нечаянно письмо, гдѣ она говоритъ: elle me boude, mais je m'en f..... (она на меня дуется, но я на это...) или подобное. Я Анету увѣрилъ, что сестра очень сердится на нее и все чер.....и сплетни.

des bretelles
des bottes (или не нужно).

(На оборотѣ) «Брату Плетневу поклонъ да пара словъ—на дняхъ къ нему пишу».

Въ іюнѣ 1825 года въ Тригорское пріѣхала племянница П. А. Осиповой—Анна Петровна Кернъ, съ которою Пушкинъ впервые встрѣтился у Олениныхъ шесть лѣтъ тому назадъ, и которой красота произвела на него съ перваго же взгляда сильное, впечатлѣніе. На блестящемъ вечерѣ въ одной изъ первѣйшихъ гостиныхъ столицы, вниманіе Анны Петровны было слишкомъ развлечено присутствіемъ разныхъ сановниковъ, и она едва удостоила имъ юношу Пушкина. Но въ послѣдующіе шесть лѣтъ, когда этотъ юноша переросъ всѣхъ исполиновъ нашего Парнасса, когда имя его какъ поэта начало гремѣть по всей Россіи, когда онъ какъ и человѣкъ лучшіе годы молодости провелъ въ изгнаніи—личность его какъ поэта и человѣка

---

[1]) «Смерть Чигиринскаго старосты» (отрывокъ изъ поэмы: «Наливайко», К. Ѳ. Рылѣева), въ «Полярной звѣздѣ».

[2]) Въ печати цѣлая строфа выпущена.

возбудила въ Аннѣ Петровнѣ живѣйшее сочувствіе. Самые эти шесть лѣтъ немало повліяли на нравственный складъ г-жи Кернъ: похорошѣть было невозможно; но умъ и чувства ея созрѣли до пониманія генія-поэта, а семейныя огорченія смягчили ея сердце... [1]) Приводимъ подлинный разсказъ современницы великаго поэта:

«Проживъ нѣсколько времени въ Дерптѣ, въ Ригѣ, въ Псковѣ, я возвратилась въ Полтавскую губернію къ моимъ родителямъ. Въ теченіе 6 лѣтъ я не видѣла Пушкина, но отъ многихъ слышала про него какъ про славнаго поэта, и съ жадностію читала: Кавказскій плѣнникъ, Бахчисарайскій фонтанъ, Братья-разбойники и 1-ю главу Онѣгина, которые доставлялъ мнѣ сосѣдъ нашъ Аркадій Гавриловичъ Родзянко, милый поэтъ, умный, любезный и весьма симпатичный человѣкъ. Онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Пушкинымъ и имѣлъ счастіе принимать его у себя въ деревнѣ (Полтавской губерніи, Хорольскаго уѣзда). Пушкинъ, возвращаясь съ Кавказа, прискакалъ къ нему съ ближайшей станціи, верхомъ, безъ сѣдла, на почтовой лошади въ хомутѣ...

«Во время пребыванія моего въ Полтавской губерніи я постоянно переписывалась съ двоюродною сестрою моею Анною Николаевною Вульфъ, жившею у матери своей въ Тригорскомъ, Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда, близъ деревни Пушкина—Михайловскаго.

«Она часто бывала въ домѣ Пушкина, говорила съ нимъ обо мнѣ и потомъ сообщала мнѣ въ своихъ письмахъ различныя его фразы; такъ, въ одномъ изъ нихъ она писала: Vous avez produit une vive impression sur Pouchkine à votre rencontre chez Olenine; il dit partout: elle était trop brillante [2]). Въ одномъ изъ ея писемъ, Пушкинъ приписалъ съ боку изъ Байрона: Une image qui a passe devant nous, que nous avons vue et que nous ne reverrons jamais! [3]). Когда же онъ узналъ, что я видаюсь съ Родзянко, то переслалъ черезъ меня къ нему письмо, въ которомъ были разспросы обо мнѣ и стихи:

---

[1]) Мужъ Анны Петровны, Ермолай Ѳедоровичъ Кернъ, былъ однимъ изъ героевъ XII-го года (портретъ его находится въ Военной галлереѣ Зимняго дворца)—и, съ тѣмъ вмѣстѣ, типомъ генерала своего времени. Иныхъ объясненій не нужно; тѣмъ болѣе, что мы найдемъ ихъ въ письмахъ Пушкина, подлинники которыхъ пріобрѣтены редакціей «Русской Старины» въ 1870 г. отъ самой Анны Петровны, по второму супружеству: Марковой-Виноградской. Ея воспоминанія объ Императорѣ Александрѣ I были напечатаны въ «Русской Старинѣ» 1870 г., изданіе третье, томъ I, стр. 230—243.

[2]) (Переводъ) «Вы произвели глубокое впечатлѣніе на Пушкина при вашей встрѣчѣ у Олениныхъ; онъ всюду говоритъ: она была слишкомъ блестяща».

[3]) «Видѣніе пронеслось мимо насъ, мы видѣли его и никогда опять не увидимъ».

«Наперсникъ Феба иль Пріапа,
Твоя соломенная шляпа
Завиднѣй, чѣмъ иной вѣнецъ,
Твоя деревня—Римъ, ты—папа,
Благослови-жъ меня пѣвецъ!»

«Далѣе, въ томъ-же письмѣ онъ говоритъ: «Ты написалъ Хохлачку, Баратынскій—Чухонку, я—Цыганку; что скажетъ Аполлонъ?» и проч. и проч.: далѣе я не помню, а невѣрно цитировать не хочу. Послѣ этого мнѣ, съ Родзянко, вздумалось полюбезничать съ Пушкинымъ, и мы вмѣстѣ написали ему шуточное посланіе въ стихахъ. Родзянко въ немъ упоминалъ о моемъ отъѣздѣ изъ Малороссіи и о несправедливости намековъ Пушкина на любовь ко мнѣ. Посланіе наше было очень длинно, но я помню только послѣдній стихъ:

«Прощайте, будьте въ дуракахъ!»

«Отвѣтомъ на это посланіе были слѣдующіе стихи, отданные мнѣ Пушкинымъ, когда я черезъ мѣсяцъ послѣ этого встрѣтилась съ нимъ въ Тригорскомъ.

«Ты обѣщалъ о романтизмѣ..» и пр. [1]).

«Восхищенная Пушкинымъ, я страстно хотѣла увидѣть его, и это желаніе исполнилось во время пребыванія моего въ домѣ тетки моей въ Тригорскомъ, въ 1825 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Вотъ, какъ это было: мы сидѣли за обѣдомъ и смѣялись надъ привычкою одного г-на Рокотова, повторяющаго безпрестанно: «pardonnez ma franchise» и «je tiens beaucoup à votre opinion» (простите мою откровенность—и—я очень дорожу вашимъ мнѣніемъ). Какъ вдругъ вошелъ Пушкинъ, съ большой толстой палкой въ рукахъ. Онъ послѣ часто къ намъ являлся во время обѣда, но не садился за столъ; онъ обѣдалъ у себя, гораздо раньше и ѣлъ очень мало. Приходилъ онъ всегда съ большими дворовыми собаками, chien-loup (волкодавы). Тетушка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я, тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно было съ нимъ вдругъ сблизиться: онъ былъ очень неравенъ въ обращеніи: то шумно веселъ, то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ — и нельзя было угадать, въ какомъ расположеніи духа онъ будетъ черезъ минуту. Разъ онъ былъ такъ нелюбезенъ, что самъ въ этомъ сознался сестрѣ, говоря: ai-je été assez vulgaire aujourd'hui?

[1]) См. изд. Исакова 1870 г., т. I, стр. 334.

(достаточно-ли я былъ пошлъ сегодня?). Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно, и былъ неописанно хорошъ, когда что-нибудь пріятное волновало его.... Такъ, одинъ разъ, мы восхищались его тихою радостью, когда онъ получилъ отъ какого-то помѣщика, при любезномъ письмѣ, охотничій рогъ на бронзовой цѣпочкѣ, который ему нравился. Читая это письмо и любуясь рогомъ, онъ сіялъ удовольствіемъ и повторялъ: charmant! charmant! (прелестно! прелестно!)—Когда-же онъ рѣшался быть любезнымъ, то ничто не могло сравниться съ блескомъ, остротою и увлекательностію его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній, собравши насъ въ кружокъ, разсказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на извощикѣ на Васильевскій островъ. Эту сказку съ его-же словъ записалъ нѣкто Титовъ и помѣстилъ, кажется, въ «Подснѣжникѣ».

«Пушкинъ былъ невыразимо милъ, когда задавалъ себѣ тему, угощать и занимать общество. Однажды съ этою цѣлью явился онъ въ Тригорское со своею большою, черною книгою, на поляхъ которой были начерчены ножки и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскорѣ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ намъ своихъ «Цыганъ». Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватилъ мою душу!... Я была въ упоеніи, какъ отъ текучихъ стиховъ этой чудной поэмы, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я истаявала отъ наслажденія; онъ имѣлъ голосъ пѣвучій, мелодическій, и, какъ онъ говоритъ про Овидія въ своихъ Цыганахъ: «И голосъ шуму водъ подобный»....

«Черезъ нѣсколько дней, послѣ этого чтенія, тетушка предложила намъ всѣмъ, послѣ ужина, прогулку въ Михайловское. Пушкинъ очень обрадовался этому, и мы поѣхали. Погода была чудесная: лунная іюньская ночь дышала прохладой и ароматомъ полей. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ: тетушка съ сыномъ, въ одномъ; сестра, Пушкинъ и я, въ другомъ. Ни прежде, ни послѣ, я не видала его такъ добродушнымъ и любезнымъ. Онъ шутилъ безъ остротъ и сарказмовъ; хвалилъ луну; не называлъ ее «глупою», а говорилъ: j'aime la lune quand elle éclaire un beau visage (люблю луну, когда она освѣщаетъ прелестное лицо); хвалилъ природу и говорилъ, что онъ торжествуетъ, воображая въ ту минуту, будто Александръ Полторацкій остался на крыльцѣ у Олениныхъ, а онъ уѣхалъ со мною: это былъ намекъ на то, какъ онъ завидовалъ при нашей первой встрѣчѣ А. Полторацкому, когда тотъ уѣхалъ со мною. Пріѣхавши въ Михайловское, мы не вошли въ домъ, а пошли прямо въ старый, запущенный садъ—

«Пріютъ задумчивыхъ дріадъ», съ длинными аллеями старыхъ деревъ, корни которыхъ, сплетаясь, вились по дорожкамъ, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, пріѣхавши туда вслѣдъ за нами, сказала: Mon cher Pouchkine, faites les honneurs de votre jardin à madame (Милый Пушкинъ, удостойте-же показать вашъ садъ этой дамѣ). Онъ быстро подалъ мнѣ руку и побѣжалъ скоро, скоро, какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; онъ вспоминалъ нашу первую встрѣчу у Олениныхъ, выражался о ней увлекательно-восторженно и въ концѣ разговора сказалъ: «vous aviez un air si virginal; n'est-ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix? (у васъ былъ такой дѣвственный видъ; неправда-ли, на васъ было надѣто что-то вродѣ крестика?)

«На другой день я должна была уѣхать въ Ригу вмѣстѣ съ сестрою, Анною Николаевною Вульфъ. Онъ пришелъ рано утромъ и на прощанье принесъ мнѣ экземпляръ 2-й главы Онѣгина, въ неразрѣзанныхъ листкахъ, между которыхъ я нашла въ четверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами:

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты»—и т. д. [1])

«Когда я сбиралась спрятать въ шкатулку поэтическій подарокъ, онъ долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвращать; насилу выпросила я ихъ опять; что у него промелькнуло тогда въ головѣ, не знаю. Стихи эти я сообщила тогда барону Дельвигу, который ихъ помѣстилъ въ своихъ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ». М. И. Глинка сдѣлалъ на нихъ прекрасную музыку и оставилъ ихъ у себя [2]).

«Во время пребыванія моего въ Тригорскомъ, я пѣла Пушкину стихи Козлова:

«Ночь весенняя дышала
Свѣтлоюжною красой,
Тихо Брента протекала
Серебримая луной»—и т. д. [3])

«Мы пѣли этотъ романсъ Козлова на голосъ: Benedetta sia la madre, баркаролы Венеціанской. Пушкинъ съ большимъ удовольствіемъ слу-

[1]) См. изданіе Анненкова 1855 г. Томъ II, стр. 389—390.

[2]) См. «Сѣверные Цвѣты» на 1827 годъ. См. также «Записки М. И. Глинки» («Русская Старина» 1870 г., изд. третье, томъ I, стр. 348, 360.

[3]) Впослѣдствіи эти стихи были переложены на музыку М. И. Глинкою и Ѳ. М. Толстымъ (См. «Русская Старина» 1871 г. Томъ III, стр. 421—456).

шалъ эту музыку и писалъ въ это время Плетневу: «Скажи старцу Козлову, что здѣсь есть одна прелесть, которая поетъ его ночь. Какъ жаль, что онъ ее не увидитъ! дай Богъ ему ее слышать!»

Второе полугодіе 1825 года было ознаменовано въ жизни Пушкина его кипучею литературною дѣятельностью; усиленною перепискою съ Плетневымъ, барономъ Дельвигомъ, княземъ Вяземскимъ, Жуковскимъ, А. Н. Вульфомъ, П. А. Осиповою и А. П. Кернъ; наконецъ однимъ любопытнымъ эпизодомъ, именно его попыткою вырваться на свободу изъ своего заточенія. Благовиднѣйшимъ къ тому предлогомъ показалась Пушкину его мнимая, или вымышленная болѣзнь—аневризмъ, требовавшая совѣщанія съ искусными врачами, или перемѣны мѣста жительства. Недолго думая, поэтъ набросалъ прошеніе на высочайшее имя [1]):

— (Obligé de reconnaitre l'indulgence de V. M. au moment même de ma disgrâce) je me (fer) serois fait un devoir de (la) supporter ma disgrâce dans un respectueux silence, si la nécessité (seule peut me contraindre) ne me contraignit à le rompre.

Ma santé a été fortement altérée dans ma première jeunesse; jusqu'à présent je n'ai pas eu le moyen de me traiter. Un anevrisme que j'ai depuis une dixaine d'années exigerait aussi une prompte opération. Il eut facile de s'assurer de la vérité de ce que j'avous.

On m'a reproché, Sire, d'avoir jadis compté sur la générosité de Votre caractère. J'avoue qu'aujourd'hui c'est à elle seule que j'ai recours. Je supplie Votre Majésté de me permettre de me retirer quelque part en Europe, où je ne serai pas dénué de tout secours.

Этотъ черновой набросокъ прошенія своего къ императору Пушкинъ переслалъ постоянному своему утѣшителю въ грустныя минуты жизни—Жуковскому, при слѣдующемъ письмѣ:

---

[1]) Зачеркнутое въ подлинникѣ означено скобками.

Переводъ. «(Обязанный признать снисходительность В. В—ва въ самую минуту вашей ко мнѣ немилости), я долгомъ бы себѣ поставилъ переносить эту немилость въ почтительномъ молчаніи, еслибы необходимость (одна, можетъ меня побудить), не побуждала меня нарушить оное.

«Здоровье мое было сильно разстроено въ первой молодости; до сихъ поръ я не имѣлъ средствъ лечиться. Аневризмъ, которымъ я страдаю лѣтъ десять, требовалъ бы также безотлагательной операціи. Легко убѣдиться въ истинѣ моего заявленія.

«Меня укоряли, государь, въ томъ, что я когда-то полагался на великодушіе вашего нрава. Нынѣ сознаюсь, что единственно къ нему прибѣгаю. Умоляю Ваше Величество дозволить мнѣ удалиться куда-нибудь въ Европу, гдѣ я не буду лишенъ всякой помощи».

— «Вотъ тебѣ человѣческій отвѣтъ: мой аневризмъ носилъ я 10 лѣтъ и съ Божіею помощію могу проносить еще года три. Слѣдств. — дѣло не къ спѣху, но Михайловское душно для меня. Еслибъ Царь меня до излѣченія отпустилъ за границу, то это было бы благодѣяніе, за которое я-бы вѣчно былъ ему и друзьямъ моимъ благодаренъ. Вязем(скій) пишетъ мнѣ, что друзья мои въ отношеніи властей извѣрились во мнѣ: напрасно. Я обѣщалъ Н. М. (Николаю Михайловичу Карамзину) два года ничего не писать противу правительства— и не писалъ. Кинжалъ не противъ правительства писанъ, и хоть стихи и не совсѣмъ чисты въ отношеніи слога, но намѣреніе въ нихъ безгрѣшно. Теперь же все это мнѣ надоѣло, и если меня оставятъ въ покоѣ, то вѣрно я буду думать объ однихъ пятистопныхъ безъ рифмъ. Смѣло полагаясь на рѣшеніе твое, посылаю твое тебѣ черновое къ самому Бѣлому; кажется, подлости съ моей стороны, ни въ поступкѣ, ни въ выраженіи — нѣтъ. Пишу по французски, по тому что языкъ этотъ дѣловой и мнѣ болѣе по перу. Впрочемъ, да будетъ воля твоя; если покажется это непристойнымъ, то можно перевести, а братъ перепишетъ и подпишетъ за меня.

«Все это трынь-трава. Ничего не говорилъ о твоихъ стихотв(ореніяхъ) [1]). Зачѣмъ слушаешься ты маркиза Блудова? Пора бы тебѣ удостовѣриться въ односторонности его вкуса. Къ тому же не вижу въ немъ и безкорыстной любви къ твоей славѣ. Выбрасывая, уничтожая самовластно, онъ не исключилъ изъ собранія посланія къ нему произведенія конечно слабаго. Нѣтъ, Жуковскій,

Веселаго пути
Я Блудову желаю
Ко древнему Дунаю
И м.....

Надпись къ Гёте, Ахъ, еслибъ мой милый, Генію — все это прелесть; а гдѣ они? Знаешь, что выдетъ? Послѣ твоей смерти все это напечатаютъ съ ошибками и съ пріобщеніемъ стиховъ Кюхельбекера. Подумать страшно! Дельвигъ разскажетъ тебѣ мои литературныя занятія. Жалѣю, что нѣтъ у меня твоихъ совѣтовъ — или хоть присутствія: оно вдохновеніе. Кончи ради Бога — Водолаза. Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ на! Цѣль поэзіи—поэзія, какъ говоритъ Дельвигъ (естли не укралъ этого). Думы Рылѣева и цѣлятъ, а все не впопадъ.

Отклонивъ Пушкина отъ его намѣренія писать государю, Жуковскій, тѣмъ не менѣе, принялъ самое доброе, отеческое участіе въ

[1]) Изданіе стихотвореній Жуковскаго 1824 года, 3 части, въ 6. 8 д. л.

состояніи здоровья михайловско-тригорскаго затворника. Онъ списался съ дальнимъ своимъ родственникомъ, дерптскимъ профессоромъ хирургіи, Иваномъ Филипповичемъ Мойеромъ [1]), приглашая его пріѣхать во Псковъ для операціи аневризма у Пушкина. Съ другой стороны, Прасковья Александровна Осипова, находясь въ Ригѣ, совѣщалась о томъ же съ тамошнимъ хирургомъ Руландомъ. Родители Пушкина послали во Псковъ коляску за Мойеромъ; по поводу этой коляски Пушкинъ (въ сентябрѣ 1825 г.) писалъ Алексѣю Николаевичу Вульфу:

— «Друзья мои и родители, вѣчно со мною проказятъ; теперь послали мою коляску къ Моэру, съ тѣмъ, чтобъ онъ въ ней ко мнѣ пріѣхалъ и опять уѣхалъ, и опять отослалъ назадъ эту бѣдную коляску. — Вразумите его. — Дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень былъ радъ съ нимъ познакомиться. А о коляскѣ, сдѣлайте милость, напишите мнѣ два слова: что она? гдѣ она?»

Эта коляска сокрушала Пушкина не менѣе его призрачнаго аневризма; 10-го октября, онъ опять писалъ А. Н. Вульфу:

«Милый Алексѣй Николаевичъ! Чувствительно благодарю васъ за дружеское исполненіе моихъ препорученій, и проч. Почтеннаго Моэра благодарю отъ сердца; вполнѣ чувствую и цѣню его благосклонность и намѣреніе мнѣ помочь — но, повторяю рѣшительно: ни во Псковѣ, ни въ моей глуши лѣчиться я не намѣренъ. О коляскѣ моей осмѣливаюсь принести вамъ нижайшую просьбу. Если (что можетъ случиться) деньги у васъ есть, то прикажите, нанявъ лошадей, отправить ее въ Опочку; если же (что такъ-же случается) денегъ нѣтъ— то напишите сколько ихъ будетъ нужно. На всякой случай поспѣшимъ, пока дороги не испортились».

Эта исторія съ аневризмомъ и заботы объ освобожденіи тянулись съ іюля по октябрь 1825 г. Дѣло, наконецъ, дошло до того, что Пушкинъ сталъ сговариваться съ А. Н. Вульфомъ—бѣжать за границу. Эта романтическая фантазія—несбыточности которой они не могли не сознавать—чрезвычайно тѣшила молодыхъ людей. Вульфъ хотѣлъ выхлопотать себѣ заграничный паспортъ и увезти съ собою Пушкина подъ видомъ своего слуги. «Дошло-ли-бы у насъ дѣло до исполненія этого юношескаго проекта» — разсказывалъ впослѣдствіи Алексѣй

---

[1]) И. Ф. Мойеръ былъ женатъ на Маріи Андреевнѣ Протасовой, въ которую страстно влюбленъ былъ самъ Жуковскій. (См. «Русская Старина», изд. 1874 г., томъ IX, стр. 624).

Николаевичъ—«не знаю; я думаю, что все кончилось бы на словахъ».

Одновременно съ письмами своими къ П. А. Осиповой, А. П. Кернъ и А. Н. Вульфу — Пушкинъ писалъ брату:

28-го іюля (1825 г.).

«Еслибъ Плетневъ показалъ тебѣ мои письма, такъ ты-бы понялъ мое положеніе. Теперь пишу тебѣ изъ необходимости. Ты зналъ, что деньги мнѣ будутъ нужны. Я на тебя полагался, какъ на брата—между тѣмъ годъ прошелъ а у меня ни полушки. Еслибъ я имѣлъ дѣло съ одними книгопродавцами, то имѣлъ бы тысячь 15.

Ты взялъ отъ Плетнева для выкупа моей рукописи 2,000 р. заплатилъ 500, доплатилъ-ли остальные 500 и осталось-ли, что нибудь отъ остальной тысячи?

Я отослалъ тебѣ мои рукописи въ Мартѣ—они еще не собраны, не цензированы—ты читаешь ихъ своимъ пріятелямъ до тѣхъ поръ, что они наизусть передаютъ ихъ Моск(овской) публикѣ. Благодарю.

Дельвига письма до меня не доходятъ—изданіе поэмъ моихъ не двинется никогда. Между тѣмъ я отказался отъ предложенія Заикина—теперь прошу, если возможно возобновить переговоры...

Словомъ мнѣ нужны деньги или удавиться. Ты зналъ это, ты обѣщалъ мнѣ капиталъ прежде году—а я на тебя полагался.

Упрекать тебя не стану — а благодарить ей Богу не за что.

При семъ письмо Заикина. Я не утруждаю тебя новыми хлопотами. Прошу единственно вполнѣ истолковать Плетневу мои обстоятельства—полагаюсь на его дружбу—если же ты захочешь продиктовать «Цыгановъ» для отдачи въ Цензуру, покамѣсть не перешлю своего списка, я почту себя очень обязаннымъ.

(Приписка съ боку): Заплачены-ли Вяземскому 600 р.?—(На половинкѣ листка повидимому рукою Всеволожскаго). «Въ Февралѣ мѣсяцѣ братъ твой прислалъ свои сочиненія для переписки; въ концѣ Апрѣля мѣсяца онъ мнѣ далъ по особенной моей просьбѣ свою черную тетрадь. Думалъ-ли онъ, что ты долженъ будешь переписывать съ этой черной тетради, или нѣтъ?»

Житейская проза не могла отвлечь Пушкина отъ воспоминаній о недавней, красавицѣ гостьѣ Тригорскаго и Михайловскаго. Ведя переписку съ П. А. Осиповою и ея семействомъ, онъ утѣшался мыслію, что письма его читаются вслухъ при А. П. Кернъ...

«И такъ, я переѣхала въ Ригу, разсказывала г-жа Кернъ. Тутъ гостили у меня сестра, пріѣхавшая со мною, и тетушка со всѣмъ семействомъ. Пушкинъ писалъ изъ Михайловскаго къ нимъ обѣимъ; въ одномъ изъ своихъ писемъ тетушкѣ онъ очертилъ мой портретъ такъ:

«Voulez-vous savoir ce que c'est que m-me Kern? elle est souple, elle comprend tout; elle s'afflige facilement et se console de même; elle est timide dans les manières et hardie dans les actions; mais elle est bien attrayante!» [1]).

Аннѣ Николаевнѣ Вульфъ.

Le 21 juillet (1825 г.).

«Je vous écris après m'être enivré bien tristement; vous voyez que je tiens parole.

Hé bien! êtes-vous à Riga? Avez-vous fait des conquêtes? Vous marierez-vous bientôt? Avez-vous trouvé des Houlans? mandez-moi tout celà dans le plus grand détail, car vous savez que malgré mes mauvaises plaisanteries, je m'interesse véritablement à tout ce qui vous concerne. Je voulais vous gronder, mais je n'en ai pas le courage à une distance si respectueuse. Pour de la morale et des conseils, vous en aurez. Ecoutez bien 1) Au nom du ciel, ne soyez étourdie qu'avec vos amis (au masculin) ceux-ci n'en profiteront que pour leur propre compte, au lieu que les a m i e s vous feront du tort; car mettez-vous dans la tête que toutes sont aussi vaines et aussi bavardes que vous-même. 2) Portez des robes courtes, car vous avez de très jolis pieds et ne vous ébouriffez pas les tempes, quand même ça serait la mode, puisque vous avez le malheur d'avoir une figure ronde. 3) Vous êtes devenue bien savante depuis quelque temps, mais n'en faites pas semblant, et si un houlan vous dit—что съ вами нездорово вальсировать, ne riezpas, ne minaudez pas, ne paraissez pas en être fière; mouchez-vous, détournez la tête et parlez d'autre chose. 4) N'oubliez pas la d(erni) ère éd(ition) de Byron.

Savez-vous pourquoi je voulais vous gronder? non? la fille perverse, sans sentiment et sans etc... et vos promesses donc, les avez-vous tenues? allons, je ne vous en parlerai plus et je vous pardonne, d'autant

---

[1]) (Переводъ). «Хотите-ли знать, что за женщина г-жа Кернъ? у нея гибкій умъ, она понимаетъ все; легко огорчается и утѣшается точно также; застѣнчива въ пріемахъ, смѣла въ поступкахъ; но чудо, какъ привлекательна!»

plus que je ne m'en suis souvenu moi-même qu'après votre départ. C'est singulier—où donc avais-je ma tête? Sur ce parlons d'autres choses.

Tout Trigorsky chante: не мила ей прелесть ночи et cela me serre le coeur; hier m-r Alexis et moi nous avons parlé 4 heures de suite. Jamais nous n'avons eu une aussi longue conversation. Devinez ce qui nous a uni tout-à-coup? Ennui? conformité de sentiment? je n'en sais rien. Je me promène toutes les nuits dans mon jardin, je dis: «elle était-là, la pierre qu'elle a heurtée est sur ma table auprès d'une heliotrope fanée; j'ecris beaucoup de vers — tout cela, si vous voulez, ressemble beaucoup à de l'amour, mais je vous jure qu'il n'en est rien. Si j'étais amoureux, j'aurais eu dimanche des convulsions de rage et de jalousie, et je n'ai été que piqué.... Cependant l'idée que je ne suis rien pour elle, qu'après avoir eveillé, occupé son imagination, je n'ai qu'amusé sa curiosité, que mon souvenir ne la rendra pas un moment plus distraite au milieu des ses triomphes, ni plus sombre dans ses jours de tristesse que ses beaux yeux s'attacheront sur quelque fat de Riga avec la même expression déchirante et voluptueuse—non, cette idée m'est insupportable; dites-lui que j'en mourrai;—non, ne le lui dites pas; elle s'en moquerait, cette délicieuse créature! Mais dites-lui, que si son coeur n'a pas pour moi une tendresse secrette, un penchant mélancolique et mysterieux, je la méprise, entendez-vous? oui, je la méprise, malgré tout l'étonnement que doit lui causer un sentiment aussi nouveau.

Adieu m-lle la Baronne, recevez l'hommage de votre prosaïque adorateur. 21 juillet

P. S. Envoyez-moi la recette que vous m'avez promise, j'ai fait tant de farces que je n'en puis plus—maudite visite, maudit départ!

21-го іюля (1825 г.)

(Переводъ). Пишу вамъ въ грустномъ опьяненьи; видите—держу слово. И такъ, доѣхали-ли вы до Риги? Одержали-ли побѣды? скоро-ли выйдете за-мужъ? нашли-ли улановъ? Увѣдомьте меня обо всемъ этомъ въ величайшей подробности, ибо вы знаете, что, несмотря на мои злыя шутки, я истинно интересуюсь тѣмъ, что до васъ касается. Хотѣлъ побранить васъ, да не хватаетъ духу при такомъ почтительномъ разстояніи—за то вамъ будутъ нравоученія и совѣты. Извольте прислушать. 1) Ради Бога будьте вѣтрены лишь съ вашими друзьями (мужескаго рода), они воспользуются этой вѣтренностью лишь для самихъ себя, тогда какъ подруги повредятъ вамъ, ибо усвойте себѣ ту мысль, что всѣ онѣ такія же тщеславныя и говорливыя, какъ вы сами. 2) Носите короткія платья, ибо у васъ премиленькія ножки, да не растрепывайте височковъ, хотя бы это было и по модѣ, такъ какъ у васъ, къ несчастію, кругленькое личико. 3) Съ нѣкотораго времени вы стали очень ученыя, но учености

своей не выказывайте, и, если уланъ скажетъ вамъ, что «съ вами нездорово вальсировать», не смѣйтесь, не жеманьтесь, не показывайте виду, что этимъ чванитесь; поднесите платокъ къ носику, отвернитесь и заговорите о чемъ-нибудь другомъ. 4) Не забудьте послѣднее изданіе Байрона.

Знаете-ли за что я хотѣлъ васъ побранить? нѣтъ? Дѣвица непостоянная, безчувственная, безъ..... и т. д., и т. д., и т. д. А обѣщанія ваши, сдержали вы ихъ? Добро! говорить о нихъ больше не стану и прощаю васъ, тѣмъ болѣе, что и самъ объ этомъ вспомнилъ лишь послѣ вашего отъѣзда. Странно! гдѣ же у меня тогда была голова? Теперь поговоримъ о другомъ.

Все Тригорское поетъ: не мила ей прелесть ночи, а у меня сердце ноетъ; вчера Алексѣй (Вульфъ) и я говорили битыхъ четыре часа. У насъ еще никогда не было такого продолжительнаго разговора. Угадайте, что̀ насъ вдругъ такъ сблизило? Скука? Единство чувства? Ничего этого не знаю; я каждую ночь гуляю по саду и говорю: она была здѣсь; камень, о который она споткнулась, лежитъ у меня на столѣ подлѣ вѣтки поблеклаго геліотропа [1]). Пишу много стиховъ—все это, если хотите, очень похоже на любовь, но, клянусь вамъ, что ничего этого нѣтъ. Еслибы я былъ влюбленъ, то въ воскресенье со мною сдѣлались бы судороги отъ бѣшенства и ревности; мнѣ же оно было только немножко обидно [2]). Однако же мысль, что я для нея ничего не значу,—что, пробудивъ и занявъ ея воображеніе, я только потѣшилъ ея любопытство; что воспоминаніе обо мнѣ ни на минуту не сдѣлаетъ ее разсѣяннѣе среди ея торжествъ, ни мрачнѣе въ дни грусти; что ея прелестные глаза остановятся на какомъ-нибудь рижскомъ вертопрахѣ съ тѣмъ же пронзающимъ сердце и сладостнымъ выраженіемъ—нѣтъ, эта мысль мнѣ несносна, скажите ей, что она убьетъ меня; — нѣтъ, не говорите ей этого, она насмѣется надъ этимъ, очаровательное созданіе! Но, скажите ей, что если въ ея сердцѣ нѣтъ на мою долю тайной нѣжности, если въ немъ нѣтъ таинственной, меланхолической ко мнѣ склонности,—я презираю ее, слышите-ли? да, презираю, несмотря на все удивленіе, которое должно возбудиться въ ней этимъ столь новымъ чувствомъ.

Простите, баронесса, примите поклонъ вашего прозаическаго обожателя.

P. S. Пришлите мнѣ обѣщанный вами рецептъ, я надѣлалъ столько глупостей, что мо̀чи нѣтъ — проклятый пріѣздъ, проклятый отъѣздъ!

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Примѣчаніе А. П. Кернъ. Никакого не было камня въ саду, а споткнулась я о переплетенные корни деревъ. Вѣточку геліотропа онъ, точно; выпросилъ у меня.

[2]) Примѣчаніе. А. П. Кернъ. Ему досадно было, что братъ поѣхалъ провожать сестру свою и меня и сѣлъ вмѣстѣ съ нами въ карету.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

ЕГО

ДРУЖБА, ЛЮБОВЬ и НЕНАВИСТЬ.

1799—1837.

Въ теченіе первыхъ девяти лѣтъ изданія «Русской Старины», на страницахъ ея были напечатаны, между многими другими, слѣдующія статьи, имѣющія прямое или косвенное отношеніе къ біографіи Пушкина:

Евдокія Андреевна Ганнибалъ, 1731 — 1753. Бракоразводное дѣло прадѣда Пушкина, Абрама Петровича Ганнибала, съ первою его женою, рожденною Діоперъ. Сообщ. о. С. И. Опатовичъ (1877 г., томъ XVIII, стр. 69—78).

Вильгельмъ Карловичъ Кюхельбекеръ, 1797—1846. Нѣкоторыя подробности о пребываніи Пушкина въ лицеѣ, его пріязнь къ Кюхельбекеру (1875 г., т. XIII, стр. 337—338).

А. С. Пушкинъ. Разсказъ о предсказаніи ему въ 1818 г. насильственной смерти. Сообщ. А. Н. Вульфъ (1870 г., изд. третье, т. I, стр. 582).

Кондратій Ѳедоровичъ Рылѣевъ. Замѣтка Ѳ. Н. Глинки. Черта къ характеристикѣ Пушкина (1871 г., т. III, стр. 245).

Русскій театръ при Александрѣ I. Воспоминанія П. А. Каратыгина: Пушкинъ въ 1819 году. Его эпиграмма на фигуранта Дембровскаго (1872 г. т. VI, стр. 304—305).

Карточный должокъ Пушкина, 20-го ноября 1819 г. Сообщ. Л. Мацѣевичъ (1878 г., т. XII, стр. 498—502).

Судьбы V-й главы «Евгенія Онѣгина». Сообщ. Н. П. Кичеевъ (1878 г., т. IX, стр. 564).

Скобелевъ и Пушкинъ. Два письма И. Н. Скобелева о стихотвореніяхъ Пушкина; отвѣтъ въ стихахъ, 3-го октября 1822 и 17-го января 1824 г. (1861 г. т. IV, стр. 667—673).

Встрѣчи съ Пушкинымъ, 6-го августа 1824 г., въ 1825,—1830,—1832 и 1837 годахъ. Сообщ. А. Распоповъ (1876 г., т. XV, стр. 464—467).

Войнаровскій. Поэма К. Ѳ. Рылѣева. Въ примѣчаніяхъ отрывки изъ писемъ автора поэмы Пушкину: 10-го января и 10-го марта 1825 г. (1871 г., т. III, стр. 523—524).

Воспоминанія Т. П. Пассекъ. Пушкинъ въ Москвѣ, въ 1826 г., на празднествахъ коронаціи (1873 г., т. VII, стр. 315).

Статья Михаила Максим. Попова: А. С. Пушкинъ. Новые матеріалы къ его біографіи, 1826—1836. Характеристика поэта и критическая оцѣнка его произведеній съ административной точки зрѣнія.—Анекдоты.—Представленіе поэта императору Николаю Павловичу въ Москвѣ, въ сентябрѣ 1826 г.—Элегія «Андрей Шенье».—Отзывъ Пушкина о мятежѣ 14-го декабря. — Письма графа А. Х. Бенкендорфа и отзывы Пушкина.—Разсмотрѣніе цензурою «Бориса Годунова».—Стихотворенія, написанныя съ 1827 по 1836 г.—Поѣздка на Кавказъ.—Женитьба.—Занятія въ государственныхъ архивахъ для отысканія матеріаловъ исторіи Петра I.—Исторія Пугачевскаго бунта.—Долги.—Милости и щедроты, оказанныя императоромъ Николаемъ Павловичемъ семейству поэта (1874, т. X, стр. 683—714).

Эпизодъ изъ жизни Пушкина 21-го и 23-го апрѣля 1828 г. (1874 г., т. IX, стр. 392—399).

Приговоръ суда по дѣлу объ элегіи Пушкина «Андрей Шенье», 27-го августа 1828 г. Сообщ. Г. И. Студенкинъ (1874 г., т. IX, стр. 584—588).

Дневникъ В. К. Кюхельбекера, 1831—1833 гг. Отзывы о произведеніяхъ Пушкина (1875 г., т. XIII, стр. 504 — 507).

Ѳаддей Венедиктовичъ Булгаринъ. Очеркъ Н. И. Греча. Полемика Булгарина съ Пушкинымъ. Его отношенія къ Гречу, въ 1830 — 1836 гг. (1871 г., т. IV, стр. 500—502).

Письма Пушкина къ Д. Н. Бантышъ-Каменскому объ изданіи «Исторіи Пугачевскаго бунта»: 14-го декабря 1832 г. 1-го мая и 3-го іюня 1834 г. 26-го января и 2-го апрѣля 1835 г. (1871 г., т. III, стр. 526—528).

Письмо Пушкина М. Л. Яковлеву о печатаніи «Исторіи Пугачевскаго бунта» 3-го іюля 1834 г. (1870 г., изд. третье, т. I, стр. 580).

Два разсказа о Пушкинѣ, 1832—1833 гг. Сообщ. Н. Н. Терпигоревъ и А. Н. Вульфъ (1870 г., изд. третье, т. I, стр. 581—582).

Мѣдный всадникъ. Анекдотъ 1812 г., давшій Пушкину мысль написать эту поэму (1874 г., т. X, стр. 786).

Записки Михаила Ивановича Глинки, 1804 — 1854. Знакомство съ Пушкинымъ въ 1827.—Встрѣчи съ нимъ на вечерахъ у В. А. Жуковскаго въ

1834—1835 гг.—Шуточный канонъ на представленіе оперы «Жизнь за Царя», слова Пушкина, Жуковскаго, князя Вяземскаго и гр. Віельгорскаго, музыка кн. В. Ѳ. Одоевскаго и М. И. Глинки, 15-го декабря 1836 г.—Замѣтка С. А. Соболевскаго (1870 г., изд. третье, т. I, стр. 359. Т. II, стр. 289, 311—313).

Письмо кн. П. А. Вяземскаго о кончинѣ Пушкина, отъ 5-го февраля 1837 г. (1875 г., т. XIV, стр. 92—96).

Восточная поэма на смерть Пушкина. Мирзы-Фехт-Али, переведенная А. А. Бестужевымъ (Марлинскимъ). Сообщ. Ад. П. Берже (1874 г., т. XI стр. 76—79).

Независимо отъ напечатаннаго нами, въ виду сообщенныхъ редакціи разными лицами нѣкоторыхъ новыхъ матеріаловъ для біографіи нашего безсмертнаго поэта, мы признали вполнѣ цѣлесообразнымъ собрать эти послѣдніе въ одну группу, связавъ ихъ послѣдовательнымъ, но весьма сжатымъ разсказомъ, составленнымъ по матеріаламъ, обнародованнымъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ (съ 1859 по 1878) въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ [1]).

Изъ всѣхъ біографическихъ статей и замѣтокъ о Пушкинѣ, донынѣ напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ»,—двумъ придаемъ мы особенно важное значеніе, именно: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ, новые матеріалы къ его біографіи» (изд. 1874 г., т. X, стр. 683—714) и служащій какъ бы дополненіемъ предыдущей: «Эпизодъ изъ жизни Пушкина 21-го и 23-го апрѣля 1828 г.» (изд. 1874 г., т. IX, стр. 584—588). Первая изъ этихъ статей, повѣствующая о нахожденіи великаго нашего поэта подъ опекою графа А. Х. Бенкендорфа, составлена однимъ изъ подчиненныхъ ему лицъ, Михаиломъ Максимовичемъ Поповымъ (умершимъ въ 1860 годахъ),—по подлиннымъ документамъ, ...

. . . . . .

Вторая статья, написанная г. Ивановскимъ (точно также состоявшимъ при шефѣ жандармовъ), служитъ дополненіемъ къ разсказамъ его сослуживца. Въ бытность свою въ южной Россіи (1820—1824 гг.). Пушкинъ въ стихотвореніяхъ своихъ и въ поэмѣ «Цыгане», тамъ написанныхъ, довольно часто обращается къ тѣни Овидія, сравнивая свою участь съ участью творца «Превращеній» и «Искусства любить»...

---

[1]) Разсказами няни, служившей въ домѣ Александра Сергѣевича Пушкина въ послѣдній годъ его жизни, мы воспользовались для описанія мучительнаго нравственнаго состоянія великаго поэта съ ноября 1836 по конецъ января 1837 года. Эта почтенная женщина, отойдя отъ Пушкиныхъ, находилась въ услуженіи (до 1841 года) у Владиміра Андреевича Каратыгина († 1866).

Сходство, дѣйствительно, есть, разница лишь въ томъ, что Овидій, изгнанный изъ Рима, влачилъ свое существованіе на берегахъ Дуная лишь восемь лѣтъ (съ 17-го по 9-й г. до Р. Х.); нашъ же незабвенный Пушкинъ, проживъ семь лѣтъ въ изгнаніи (1820—1826 гг.), послѣдующія одиннадцать лѣтъ (1826—1837 гг.) на берегахъ Невы состоялъ подъ особеннымъ наблюденіемъ А. Х. Бенкендорфа. Г. Ивановскій и М. М. Поповъ съ весьма понятнымъ умиленіемъ свидѣтельствуетъ, что этотъ одиннадцатилѣтній періодъ былъ самымъ благодатнымъ, чуть-ли не вдохновительнымъ для Пушкина и его музы... Свидѣтельство это едва ли справедливо: въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ своихъ стихотвореній Шиллеръ воспѣлъ Пегаса подъ ярмомъ; почему-бы Пегасу не быть и подъ кавалерійскимъ вальтрапомъ? Но какъ бы ни была, по видимому, благодѣтельна для генія Пушкина опека графа Бенкендорфа, поэтъ тяготился ею и при малѣйшей возможности предпочиталъ отдавать свои произведенія на судъ тогдашней явной цензуры нежели на тайное одобреніе графа Александра Христофоровича. Въ данномъ случаѣ у А. Ѳ. Воейкова, Н. И. Греча и Ѳ. В. Булгарина были воззрѣнія діаметрально противоположныя Пушкинскимъ: они всячески домогались того самаго покровительства, отъ котораго Пушкинъ всячески уклонялся. Но какъ ни былъ стѣсненъ Пушкинъ въ своемъ творчествѣ въ теченіе послѣднихъ одиннадцати лѣтъ жизни, онъ написалъ въ этотъ періодъ времени: окончаніе Евгенія Онѣгина, Полтаву, Братьевъ-разбойниковъ, Бориса Годунова, Моцарта и Сальери, Скупаго Рыцаря, Русалку, Пиръ во время чумы, Каменнаго гостя, Графа Нулина, Домикъ въ Коломнѣ, Мѣднаго Всадника, Дубровскаго, Арапа Петра Великаго, Пиковую даму, Повѣсти Бѣлкина, Капитанскую дочку и Исторію Пугачевскаго бунта; занимался собираніемъ матеріаловъ для «Современника»... Грустно подумать, что каждая строка, какъ вышеупомянутыхъ прекрасныхъ произведеній Пушкинскаго пера, такъ и каждая строка его стихотвореній—подвергались самому пытливому пересмотру, будто контрабандный товаръ на пограничной чертѣ; въ каждой своей мысли великому поэту приходилось исповѣдаться, оправдываться, отстаивать ее отъ оперативныхъ дѣйствій заботливой цензуры. Съ назначеннымъ ему опекуномъ Пушкину приходилось сноситься по поводу самыхъ мелочей своего домашняго быта; безъ разрѣшенія графа Бенкендорфа поэтъ нашъ едва-ли имѣлъ право перемѣнить квартиру....

Сіятельный опекунъ, въ свою очередь, тяготился опекою не менѣе питомца, по той весьма понятной причинѣ, что не любилъ, и не понималъ, и не умѣлъ цѣнить нашего Пушкина... Этотъ опекунъ не съумѣлъ даже уберечь его отъ напрасной, преждевременной смерти.

Могъ бы уберечь, да не хотѣлъ, именно—не хотѣлъ. Иначе, чѣмъ же инымъ можетъ потомство объяснить себѣ равнодушіе графа Бенкендорфа къ розысканію сочинителей тѣхъ безъимянныхъ пасквилей, которыми осыпали Пушкина его подпольные враги въ послѣдніе два-три мѣсяца жизни поэта? Чѣмъ объяснить нелѣпое распоряженіе послать жандармовъ, въ предупрежденіе роковаго поединка, не къ Комендантской дачѣ, гдѣ онъ происходилъ, а въ противоположную сторону, за Екатерингофъ? Энергія графа Бенкендорфа обнаружилась лишь въ преслѣдованіи рукописнаго стихотворенія Лермонтова «На смерть Пушкина», слѣдствіемъ чего была ссылка юнаго поэта на Кавказъ, гдѣ его ожидала участь, постигшая Пушкина въ Петербургѣ...

Сорокъ два года прошло со времени его кончины; поэтовъ смѣнилось много, другаго Пушкина не было и когда его дождется Россія!? Въ теченіе этихъ сорока двухъ лѣтъ появились во множествѣ матеріалы для біографіи Пушкина и при всемъ томъ какая-то тайна тяготѣетъ надъ подробностями о поводахъ къ его поединку съ бездушнымъ убійцею, не постыдившимся взять на себя (можетъ быть, даже и безсознательно) роль италіанскаго «браво». Кѣмъ были писаны безъимянные пасквили? чье ядовитое дыханіе раздуло ничтожную искру въ пламень, поглотившій жизнь Пушкина? На эти вопросы потомства донынѣ нѣтъ отвѣта. Немногіе изъ находящихся въ живыхъ современниковъ Пушкина высказываютъ догадки, подозрѣнія, а имена дѣйствительныхъ убійцъ Пушкина все же донынѣ еще неизвѣстны.....

Между матеріалами для біографіи Пушкина, нынѣ находящимися въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», особенно важное значеніе имѣютъ письма поэта къ брату его, Льву Сергѣевичу (1820—1826), къ Аннѣ Петровнѣ Керн (1825—1826) и черновые наброски письма къ барону Геккерну (ноябрь 1836 г.). Во всѣхъ этихъ письмахъ видимъ пылкую, страстную натуру Пушкина въ трехъ фазисахъ сердечной его дѣятельности: въ дружбѣ, въ любви и въ ненависти. Въ письмахъ къ брату—каждая строчка запечатлѣна пріязнью, лаской, родственною заботливостью о человѣкѣ молодомъ, съ которымъ старшій братъ такъ радушно дѣлится опытностью, знаніемъ свѣта и людей, плодами—

Ума холодныхъ наблюденій
И сердца горестныхъ замѣтъ!

Тутъ же колкіе отзывы о литературномъ мірѣ, теплое слово о друзьяхъ, наброски стиховъ и экспромты... Сообщая ихъ своему брату, Пушкинъ какъ будто ждетъ отъ него одобренія; видимо дорожитъ

отзывомъ своего единокровнаго друга. Доброе, любящее сердце поэта проглядываетъ сквозь самое его злоязычіе; въ самыхъ насмѣшкахъ звучитъ юношеское простодушіе. Бо́льшая часть писемъ къ брату писаны Пушкинымъ въ ту счастливую пору его бытія, которую можно назвать весною жизни. Въ письмахъ къ А. П. Кернъ, полныхъ кипучей страсти, Пушкинъ является любящимъ, и отъ нихъ пышетъ зноемъ лѣтней поры, когда теплое утро смѣняется полуденными грозами... Наконецъ, клочья черновыхъ писемъ къ человѣку, дерзнувшему набросить мимолетную тѣнь на доброе имя Пушкина — напоминаютъ блеклые листы, предвѣстники унылой осени. Здѣсь каждое слово пропитано жолчью и непримиримою ненавистью; твердо, безтрепетно рука поэта мечетъ ядовитыя укоризны въ дерзкаго обидчика, готовясь такъ же безтрепетно взяться за пистолетъ, затѣмъ—охладѣть на вѣки.

Сопоставляя любовь, дружбу и ненависть Пушкина въ его письмахъ, мы рѣшились этими тремя словами озаглавить и нижеслѣдующее собраніе матеріаловъ для его біографіи.

Примѣчаніе. Письма Пушкина къ брату были напечатаны въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г., но крайне небрежно, съ пропусками, описками, недомолвками. Притомъ самое изданіе этихъ «Записокъ» совершенно неизвѣстно читателямъ—до того было не велико на нихъ число подписчиковъ. Мы печатаемъ это собраніе по весьма исправному списку П. А. Ефремова и при его ближайшемъ содѣйствіи. Письма къ А. П. Кернъ были помѣщены въ отрывкахъ въ статьѣ ея въ «Библ. для Чтенія» 1859 года. Мы пріобрѣли въ 1870 г. подлинники отъ самой А. П. Кернъ, во второмъ замужствѣ Марковой-Виноградской, вновь недавно овдовѣвшей. Наконецъ, черновыя письма А. С. Пушкина къ его смертельному врагу Геккерну — весьма обязательно сообщены намъ въ 1870 г. А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

IV [1]).

Переписка А. С. Пушкина съ А. П. Кернъ.—Письмо къ П. А. Осиповой. Кончина Императора Александра I.

1825 г.

Аннѣ Петровнѣ Кернъ [2]).

25 juillet.

«J'ai eu la faiblesse de vous demander la permission de vous ecrire et vous—l'étourderie ou la coquetterie de me le permettre. Une correspondance ne mène à rien, je le sais; mais je n'ai pas la force de résister au desir d'avoir un mot de votre jolie main.

Votre visite à Trigorsky m'a laissé une impression plus forte et plus pénible, que celle qu'avait produite jadis notre rencontre chez Оленинъ. Ce que j'ai de mieux à faire au fond de mon triste village, est de tacher de ne plus penser à vous. Vous devriez me le souhaiter aussi pour peu que vous ayez de la pitié dans l'âme—mais la frivolité est toujours cruelle, et vous autres, tout en tournant des têtes à tort et à travers, vous êtes enchantées de savoir une âme souffrante en votre honneur et gloire.

Adieu divine, j'enrage et je suis à vos pieds. Mille tendresses à Ерм. Фед. (Кернъ) et mes compliments à m-me Voulf.

Je reprends la plume car je meurs d'ennui et ne puis m'occuper que de vous—j'espère que vous lirez cette lettre en cachette—la cacherez-vous encore dans votre sein? me repondrez-vous bien longuement? ecrivez-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 года, томъ XXV, стр. 371—388; 671—690. Томъ XXVI, стр. 291—328.

[2]) Письма приводятся съ буквальною точностью, прямо съ подлинниковъ, принадлежащихъ редакціи «Русской Старины».

moi tout ce qui vous passera par la tête—je vous en conjure. Si vous craignez ma fatuité, si vous ne voulez pas vous compromettre, contrefaites votre écriture, signez un nom de fantaisie, mon coeur saura vous reconnaître. Si vos expressions seront aussi douces que vos regards, hélas! je tâcherai d'y croire, ou de me tromper, c'est égal.—Savez-vous bien qu'en relisant ces lignes, je suis honteux de leur ton sentimental, que dira Ан. Ник.? Ахъ вы чудотворка, или чудотворица!»

25-го іюля.

(Переводъ). Я имѣлъ слабость просить позволенія писать къ вамъ, а вы—легкомысліе, или кокетство—дать мнѣ на это позволеніе. Переписка ни къ чему не ведетъ, я это знаю; но у меня нѣтъ силъ противиться желанію имѣть слово, написанное вашею хорошенькою ручкой.

Вашъ пріѣздъ въ Тригорское оставилъ во мнѣ впечатлѣніе глубже и мучительнѣе того, которое произвела на меня въ былые дни наша встрѣча у Оленина. Въ моей печальной деревенской глуши, не могу сдѣлать ничего лучшаго, какъ стараться больше не думать о васъ. Вы должны были бы желать мнѣ этого, хоть ради крошки жалости ко мнѣ въ душѣ вашей, но вѣтренность всегда жестока, и всѣ вы, барыни, вертя головы какъ ни попало, въ восхищеніи отъ сознанія, что есть душа, страждущая вамъ во славу и въ честь.

Прощайте, божественная, бѣшусь и падаю къ вашимъ ножкамъ. Тысячу любезностей Ермолаю Ѳедоровичу (Кернъ) и поклонъ г-жѣ Вульфъ.

Опять берусь за перо, ибо умираю со скуки и могу заниматься только вами. Надѣюсь, что письмо это вы прочтете украдкою—спрячете-ли его опять у себя на груди? Напишете-ли мнѣ длинный отвѣтъ? пишите мнѣ все, что вамъ въ голову прійдетъ, заклинаю васъ. Если боитесь моей нескромной хвастливости, если не хотите компрометировать себя, измѣните почеркъ, подпишитесь вымышленнымъ именемъ, мое сердце съумѣетъ признать васъ. Если выраженія ваши будутъ столь же нѣжны, какъ взглядъ вашъ, увы! постараюсь имъ повѣрить, или обмануть себя, это все равно. Знаете-ли, что, перечитывая эти строки, я устыдился ихъ сентиментальнаго тона—что скажетъ Анна Николаевна? Ахъ вы чудотворка, или чудотворица!

Анна Петровна Кернъ не замедлила отвѣтомъ и съ нетерпѣніемъ ожидала втораго письма; но Пушкинъ имѣлъ неосторожность вложить его въ пакетъ, адресованный на имя тетушки. Прасковья Александровна Осипова не только не отдала письма, но даже не показала его племянницѣ. На письмо, имъ полученное, поэтъ писалъ слѣдующее:

Аннѣ Петровнѣ Кернъ.

«Je relis votre lettre en long et en large et je dis: милая! прелесть! divine!.. et puis: ахъ, мерзкая!—Pardon, Belle et douce; mais c'est comme ça. Il n'y a pas de doute que vous êtes divine, mais quelquefois vous n'avez pas le sens comun; pardon encore une fois et

consolez vous, car vous n'en êtes que plus jolie. Par ex. que voulez vous dire avec ce cachet qui doit vous convenir et vous plaire (l'heureux cachet!) et dont vous me demandez le sujet? à moins qu'il n'y ait là un sous entendu, je ne conçois pas ce que vous desirez. Me demandez vous une devise? ce seroit tout-à-fait à la Netty. Allons, gardez toujours le He скоро a здорово, pourvu que çela ne soit pas la devise de votre voyage à Trigorsky—et parlons d'autre chose. Vous me dites que je ne connais pas votre caractère. que m'importe votre caractère? je ne m'en moque pas mal—est-ce que les jolis femmes doivent avoir un caractère? L'essentiel ce sont les yeux les dents, les mains et les pieds —(j'y aurais joint le coeur, mais votre cousine a trop décrié ce mot.) Vous dites qu'il est facile de vous connaître; vous vouliez dire de vous aimer? je suis assez de cet avis, et j'en suis même la preuve—je me suis conduit avec vous comme un enfant de 14 ans—c'est indigne—mais depuis que je ne vous vois plus je reprends peu à peu l'ascendant que j'avais perdu, et je m'en sers pour vous gronder. Si jamais nous nous reverrons, promettez-moi.....—Non, je ne veux pas de vos promesses! et puis une lettre est si froide, une prière par poste n'a ni force ni émotion, et un refus n'a ni grace, ni volupté. à revoir donc et parlons d'autre chose. Comment va la goute de M-r votre époux? j'espère qu'il en a eu une bonne attaque le surlendemain de votre arrivée. По дѣломъ ему! Si vous saviez quel aversion mêlé de respect je ressens pour cet homme! Divine, au nom du ciel, faites qu'il joue et qu'il ait la goutte, la goutte! c'est ma seule espérance.

En relisant encore votre lettre, j'y trouve un terrible si que je n'avais pas remarqué d'abord. Si ma cousine reste je viendrai cet automme etc.—au nom du ciel, qu'elle reste donc! tâchez de l'amuser, rien de plus facile; ordonnez à quelque officier de votre garnison d'être amoureux d'elle, et quand il sera tems de partir, ennuyez-là en lui enlevant son soupirant; rien encore de plus facile. Ne lui montrez pas celà au moins: par entêtement elle est capable de faire tout le contraire de ce qu'il faut. Que faites vous de votre cousin? mandez-le moi, mais franchement. Envoyez le bien vite à son université, je ne sais pourquoi je n'aime pas plus ces étudiants que ne le fait M-r Kern. C'est un bien digne homme que M-r K., un homme sage, prudent etc. il n'a qu'un seul défaut... c'est celui d'être votre mari. comment peut-on être votre mari? c'est ce dont je ne puis me faire une idée, non plus que du paradis.

Ceci était ecrit hier. aujourd'hui, jour de poste, je ne sais pourquoi je m'étais mis en tête de recevoir une lettre de vous. Çela n'a pas eu lieu et je suis d'une humeur de chien le plus injustement du monde,

j'aurais du être reconnaissant pour la fois passée, je la sais; mais que voulez vous? je vous supplie, Divine, compatissez à ma faiblesse, ecrivez moi aimez moi et je tâcherai alors d'être aimable. adieu, дайте ручку.
14 aôut.»

14-го августа.

(Переводъ). Перечитываю ваше письмо вдоль и поперегъ и говорю: милая! прелесть! божественная! а потомъ: ахъ, мерзкая! Простите, прелестная, кроткая моя; но это такъ! Несомнѣнно, что вы божественны; но иногда въ васъ не случается здраваго смысла; еще разъ, простите и утѣшьтесь, ибо отъ этого вы еще прелестнѣе. Напримѣръ, что вы хотите сказать этою печаткой, которая должна быть вамъ прилична и нравиться (счастливая печатка!) и о которой вы спрашиваете у меня разъясненіе ея значенія? Если только тутъ не кроется какой двусмысленности, то не понимаю, чего вы желаете. Или вы просите меня придумать къ ней девизъ? Въ такомъ случаѣ, это совершенное подражаніе Нетти. Быть такъ, запечатывайте по прежнему: «Не скоро, а здорово», лишь бы эти слова не послужили девизомъ для вашей поѣздки въ Тригорское—и поговоримъ о другомъ. Вы говорите, что я не знаю вашего характера. А какое мнѣ до него дѣло? очень я о немъ думаю—и развѣ у хорошенькихъ женщинъ долженъ быть характеръ? Самое главное: глаза, зубы, ручки и ножки (прибавилъ бы—и сердце, но ваша кузина уже слишкомъ опошлила это слово). Вы говорите, что васъ легко узнать; вы хотѣли сказать: любить? Съ этимъ весьма согласенъ и самъ служу тому доказательствомъ—я держалъ себя съ вами какъ 14-ти-лѣтній ребенокъ—это не годится, но съ тѣхъ поръ какъ болѣе не вижу васъ, то понемногу беру обратно свое утраченное надъ вами превосходство и пользуюсь имъ, чтобы бранить васъ. Если мы когда нибудь снова увидимся, обѣщайте мнѣ.... Нѣтъ, не хочу я вашихъ обѣщаній, и, кромѣ того, письма—нѣчто такое холодное, въ просьбѣ, адресованной по почтѣ, нѣтъ ни силы, ни волненья, а въ отказѣ—ни граціи, ни нѣги. И такъ, до свиданья—и поговоримъ о другомъ. Что подагра вашего супруга? надѣюсь, что у него былъ славный припадокъ на другой день вашего пріѣзда. По дѣломъ ему! Еслибы вы знали какое отвращеніе, смѣшанное съ уваженіемъ, чувствую я къ этому человѣку! Божественная, ради Бога, постарайтесь, чтобы онъ игралъ и чтобы у него была подагра, подагра! Въ этомъ вся моя надежда.

Перечитывая ваше письмо, я нашелъ въ немъ ужасное если, котораго сначала не замѣтилъ. Если кузина моя останется, то осенью я пріѣду и проч. Ради Бога, пусть же ее остается! Постарайтесь ее чѣмъ нибудь занять, а это такъ легко: прикажите какому нибудь тамошнему гарнизонному офицеру влюбиться въ нее, и когда придетъ пора ѣхать, досадите ей отбивъ у нея вздыхателя; это еще того легче. Этого по крайней мѣрѣ ей не выказывайте: изъ упрямства она способна дѣлать совершенно противное тому, что нужно. Зачѣмъ у васъ вашъ кузенъ? отвѣчайте, но откровенно. Отошлите-ка его поскорѣе въ его университетъ; не знаю почему, но я студентовъ точно такъ же не люблю, какъ и г. Кернъ. Достойнѣйшій человѣкъ этотъ г. Кернъ, степенный, благоразумный и проч. Одинъ въ немъ порокъ—зачѣмъ онъ вашъ мужъ. Какъ можно быть вашимъ мужемъ? объ этомъ не могу себѣ составить понятія, такъ же какъ и о раѣ.

Это было написано вчера. Сегодня почтовый день, и не знаю, почему я

вбилъ себѣ въ голову, что получу отъ васъ письмо. Этого не случилось и я въ самомъ скверномъ настроеніи духа, что совершенно несправедливо: мнѣ слѣдовало бы быть благодарнымъ за прошлый разъ, знаю; но, что же вамъ угодно? Умоляю, божественная, сжальтесь надъ моею слабостью, напишите мнѣ, любите меня, и тогда я постараюсь быть любезнымъ. Прощайте, дайте ручку.

«Voici une lettre pour M-me votre tante. vous pouvez la garder si par hasard on n'est plus à Riga. Dites moi, peut-on être aussi étourdie que vous l'êtes? Comment une lettre adressée à vous, est-elle tombée en d'autres mains que les votres? mais comme ce qui est fait est fait—parlons de ce que nous aurons à faire.

Si M-r votre époux vous ennuit trop, quittez-le—mais savez vous comment? Vous laissez là toute la famille, vous prenez la poste vers Ostrof et vous arrivez... où? à Trigorsky? pas du tout: à Michailovsky. Voilà le beau projet, qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais concevez-vous quel serait mon bonheur? Vous me direz «et l'eclat, et le scandale? Que diable! en quittant un mari le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose. Mais avouez que mon projet est romanesque?—conformité de caractère, haine des barrieres, organe du mal très prononcé, etc. etc.—Concevez-vous l'étonnement de M-me votre tante? Il s'ensuivra une rupture. Vous verrez votre cousine en secret, c'est le moyen de rendre l'amitié moins insipide—et Kern une fois mort—vous êtes libre comme l'air..... Et bien, qu'en dites-vous? quand je vous disais que j'étois en état de vous donner un conseil hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire froidement: vous reverrai-je? l'idée que non me fait frissonner.—Vous me direz: consolez vous. Fort bien, mais comment? devenir amoureux? impossible. Il faut d'abord oublier vos spasmes—m'expatrier? m'étrangler? me marier? Tout celà présente de grandes difficultés—j'y repugne... Ha! vos lettres, à propos. comment les recevrai-je? votre Tante ne veut pas de cette correspondance si chaste, si innocente (et le moyen... à 400 verst). Il est probable que nos lettres seront interceptées, lues, comentées et puis brulées en ceremonie. Tachez de déguiser votre écriture et je verrai le reste. Mais ecrivez-moi et beaucoup en long et en large et en diagonale [1]) (therme de géometrie).—Mais surtout donnez moi l'esperance de vous revoir.—

---

[1]) Отъ слова «diagonale» черезъ девять строкъ вверхъ, до слова cette corres — написано наискось: «Voilà ce que c'est que diagonale» (Вотъ, что значитъ діагональ).

Si non, je tacherai vraiment d'être amoureux autre part. j'oubliais: je viens d'ecrire à Netty une lettre bien tendre, bien basse. Je raffole de Netty. Elle ets naïve—et vous ne l'êtes pas. Pourquoi n'êtes vous pas naïve? N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par poste qu'en face? he bien, si vous venez, je vous promets d'être extrememeent aimable—je serai gai lundi, exhalté mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, samedi et dimanche je serai tout ce qu'il vous plaira et toute la semaine à vos pieds. adieu.

28 août.

Ne décachetez pas la lettre si jointe, ce n'est pas bien. M-me votre tante s'en facherait.

(Приписка сбоку). Mais admirez comme le bon Dieu mêle les choses: M-me O. décachette une lettre à vous, vous décachetez une lettre à elle, je décachette une lettre de Netty—et nous y trouvons tous de quoi nous édifier—vraiment c'est un charme!

28-го августа.

(Переводъ). Вотъ письмо къ вашей тетушкѣ. Можете оставить его у себя въ случаѣ если ихъ болѣе нѣтъ въ Ригѣ. Скажите, можно ли быть такою вѣтренницей какъ вы? Какимъ родомъ письмо подъ вашимъ адресомъ попало не въ ваши, а въ другія руки? но такъ какъ что сдѣлано—то сдѣлано, то поговоримъ о томъ, что намъ дѣлать.

Если вашъ почтенный супругъ слишкомъ надоѣдаетъ вамъ, бросьте его, но знаете-ли какъ? Оставьте все ваше семейство, возьмите почтовыхъ въ Островъ и пріѣзжайте.... куда? въ Тригорское? ничуть не бывало: въ Михайловское! Вотъ прекрасный проектъ, который уже съ четверть часа какъ мучитъ мое воображеніе. Но понимаете ли, какое бы это было для меня счастіе? Вы скажете: «а огласка? а скандалъ?» Кой чортъ! разставаясь съ мужемъ, дѣлаютъ полнѣйшій скандалъ и все прочее—ничто, или очень мало. Но сознайтесь, что проектъ мой — романическій? сходство характеровъ, ненависть къ преградамъ, органъ зла сильно развитый и проч., и проч. Вообразите себѣ удивленіе вашей тетушки! Слѣдствіемъ этого будетъ разрывъ. Вы будете видаться съ вашею кузиной тайкомъ, при этомъ дружба становится слаще—а если Кернъ скончается, то вы будете свободны какъ воздухъ. И такъ, что вы на это скажете? Не говорилъ ли я вамъ, что я въ состояніи дать вамъ совѣтъ смѣлый и внушительный.

Поговоримъ серьезно, то есть, хладнокровно: увижу ли я васъ опять? Мысль, что нѣтъ, приводитъ меня въ трепетъ. Вы скажете: утѣшьтесь! очень хорошо, но чѣмъ и какъ? Влюбиться?—невозможно. Прежде всего надобно позабыть ваши прелести. Бѣжать въ чужіе края? удавиться? жениться? Все это сопряжено съ большими затрудненіями и все это мнѣ отвратительно. А! кстати о вашихъ письмахъ. Какимъ образомъ буду я ихъ получать? Тетушка ваша не желаетъ этой переписки—столь цѣломудренной, невинной (мудрено ей быть иною... за 400 верстъ). Письма наши, вѣроятно, станутъ перехваты-

Mais adressez vos lettres de Paris à Mme de D. de Courtelle rue de Varenne, vous m'écrirez à Paris, et je les recevrai à Riga. Dites moi, peut-on être aussi étourdie que vous l'êtes? comment cette lettre adressée à vous, est-elle tombée en d'autres mains que les vôtres? mais comme ce qui est fait est fait — passons de ce que nous aurons à faire.

Si Mr votre époux vous connait trop, quittez-le — mais savez vous comment vous laissez là toute la famille vous prenez la poste vers Ostrof & vous arrivez... où? à Grigorow? par de là Kiow? à Michailowitz. Voilà le beau projet qui me tracasse l'imagination depuis un quart d'heure. Mais connaissez-vous quel serait mon bonheur? vous me dites "& l'éclat, & le scandale? Le diable! en quittant un mari le scandale est complet, le reste n'est rien ou peu de chose — mais avouez

que mon projet est romanesque? —
conformité de caractère, haine des
barriers, organes du mot très pro-
noncé, &c &c. — concevez vous l'é-
tonnement de Mr de votre tante? Je
s'instruisons une rupture. Mais verry
votre cousine est sorti, c'est le
moyen de rendre l'amitié nous
sujets — & Kirn une fois mort-
vous êtes libre comme l'air ——
Eh bien, qu'en dites vous? quand
je vous disais que j'étais en
état de vous donner un conseil
hardi et imposant!

Parlons sérieusement, c'est-à-dire
froidement: vous écrirai-je? l'idée
que non me fait frissonner —
Vous me direz: consolez vous fort
bien, mais comment? devenir
amoureux?

impossible. Il faut d'abord oublier vos tyrannies — m'expatrier ? me ruiner ? me marier ? Toute alternative présente de grandes difficultés — j'y répugne — Ha ! vos lettres, à propos comment les recevrai-je ? votre Caute ne vaut par la cathédrale pendant si chaste, si, si exécrable (& le voyage... à 4 ou vingt) je crois probable que nos lettres seront interceptées, lues, commentées & peut-être brûlées en commun. Cachez de déguiser votre écriture — je verrai le reste. — Mais écrivez moi beaucoup en long et en large et en diagonale (thèmes de géométrie) — Mais surtout dites moi l'espérance de nous revoir — Si non je ferai vraiment de l'être amoureux autre part. J'oubliais : je vivais

J'écrirai à Netty une lettre bien tendre, bien basse je raffole de Netty. Elle est naïve - et vous ne l'êtes pas pourquoi n'êtes vous pas naïve. N'est-ce pas que je suis beaucoup plus aimable par faite qu'en face? Adieu je vous verrai, je vous promets d'être strictement aimable je serai gai lundi, adorable mardi, tendre mercredi, leste jeudi, vendredi, les mots & dimanche je serai tout ce qu'il vous plaira & toute la semaine à vos pieds Gyadin

26 août

Ne déchirez pas la lettre ci-jointe. ce n'est pas bien. Mr de votre tante s'en passerait.

ФОТОЛИТОГРАФИРОВАНО ВЪ ЭКСПЕДИЦІИ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

вать, читать, истолковывать, а потомъ жечь съ церемоніею. Постарайтесь измѣнить вашъ почеркъ, а тамъ я увижу. Но пишите мнѣ и много и въ длину и въ ширину и наискось, въ діагональ (геометрическій терминъ). Но, особенно, дайте мнѣ надежду опять увидѣться съ вами. Если нѣтъ, то я, право, постараюсь влюбиться гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Забылъ: я только что написалъ Нетти письмо очень нѣжное, очень раболѣпное. Съ ума схожу по этой Нетти. Она наивна, а вы—нѣтъ. Отчего вы не наивны? Не правда ли, я гораздо любезнѣе въ письмахъ, нежели при личной бесѣдѣ? Но если вы пріѣдете, я обѣщаю вамъ быть любезнымъ до чрезвычайности—я буду веселъ въ понедѣльникъ, восторженъ во вторникъ, нѣженъ въ середу, ловокъ и прытокъ въ четвергъ, въ пятницу, въ субботу и въ воскресенье—буду чѣмъ вамъ угодно и всю недѣлю у ногъ вашихъ. Прощайте.

Не распечатывайте прилагаемаго письма, это не хорошо. Ваша тетушка на это разсердится.

Но подивитесь, какъ Господь Богъ смѣшилъ все: г-жа О(сипова) распечатываетъ письмо къ вамъ, вы распечатываете письмо къ ней, я распечатываю письмо Нетти—и для каждаго изъ насъ въ нихъ есть нѣчто назидательное. Право, это прелестно!

Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой.

«Oui, madame, honny soit qui mal y pense. ha, les méchants qui croient qu'une correspondance puisse mener à quelque chose! serait-ce par experience qu'ils le savent? mais je leur pardonne, faites en de même et continuons.

Votre derniere lettre (de minuit) est charmante; j'ai ri de tout mon coeur; mais vous êtes trop sevère envers votre aimable nièce; il est vrai qu'elle est étourdie, mais patience: encore une vingtaine d'années et elle se corrigera, je vous le promets; quand à sa coquetterie, vous avez tout-à fait raison, elle est désolante. Comment ne pas se contenter de plaire à Sire Kern, puisqu'elle a ce bonheur? Non, il faut encore qu'elle tourne la tête à M-r votre fils, à son Cousin! arrivée à Trigorsky il lui passe par l'esprit de captiver M-r Rokotof et moi: ce n'est pas tout; arrivée à Riga, elle voit dans sa maudite forteresse un maudit prisonnier, elle devient la coquette Providence de ce sacré катаржникъ! ce n'est pas tout vous m'apprenez qu'il y a dans l'affaire encore des uniformes! ha, par exemple, c'en est trop: M-r Rokotof le saura et nous verrons ce qu'il en dira. Mais, madame, croyez vous sérieusement qu'elle fasse la coquette indifferement? elle dit que non; j'aime à la croire, mais ce qui me rassure encore plus, c'est que tout le monde n'a pas la même manière de faire la cour, et pourvu que les autres soient respectueux timides et délicats, c'est tout ce qu'il me faut. Je vous remercie, madame, de n'avoir pas rendu ma lettre, elle étoit trop tendre, et dans les circonstances actuelles, ce seroit ridicule de ma part.

je m'en vais lui écrire une autre, avec l'impertinance qui me caracterise, et décidemment, je m'en vais rompre avec elle; il ne sera pas dit que j'ai taché de porter le trouble au sein d'une famille; que Ерм. Фед. puisse m'accuser de n'avoir pas de Principes et que sa femme puisse se moquer de moi.—Que vous êtes aimable d'avoir trouvé le portrait ressemblant «hardie dans etc»—N'est-ce pas? Elle dit encore que non; mais c'est fini je ne la croirai plus.

Adieu, madame, c'est avec bien de l'impatience que j'attends votre arrivée—nous médirons de la Netty du Nord que je regretterai toujours d'avoir vue et encore plus de.... [1]). Pardonnez cet aveu un peu trop sincère à celui qui vous aime bien tendrement quoique bien differemment. Michailovs.»

(Переводъ). Такъ, милостивая государыня: honny soit qui mal y pense (стыдно тому, кто худо объ этомъ думаетъ). Ахъ, то-то злые люди тѣ, которые думаютъ, что переписка можетъ вести къ чему нибудь! Не по собственному-ли опыту они это знаютъ? но я прощаю имъ, то же сдѣлайте и вы, и будетъ продолжать.

Ваше послѣднее письмо (писанное въ полночь) прелестно; я отъ всего сердца смѣялся; но вы слишкомъ строги къ вашей любезной племянницѣ; правда, она вѣтренна, но терпѣніе: лѣтъ черезъ двадцать она исправится, я вамъ это обѣщаю; что же касается до кокетства, то вы совершенно правы, оно въ отчаянье приводитъ. Какъ, не довольствоваться тѣмъ, чтобы нравиться ясновельможному господину Керну, коль скоро она имѣетъ это счастіе? Нѣтъ, ей нужно еще кружить голову вашему сыну, своему двоюродному брату! Пріѣзжаетъ она въ Тригорское и ей вспадаетъ на мысль очаровать г. Рокотова и меня; этого мало: прибывъ въ Ригу, она видитъ въ ея проклятой крѣпости проклятаго заключеннаго и она дѣлается кокетливымъ Провидѣніемъ этого окаяннаго каторжника! Этого мало: вы увѣдомляете меня, что въ этомъ дѣлѣ замѣшаны и мундиры! А, къ примѣру сказать, это уже черезчуръ! Объ этомъ будетъ доведено до свѣдѣнія г. Рокотова и мы увидимъ, что онъ на это скажетъ. Но, милостивая государыня, точно-ли вы серьезно думаете, что она кокетничаетъ безразлично? Она говоритъ, что нѣтъ; мнѣ пріятно было бы ей вѣрить и что меня еще болѣе убѣждаетъ въ этомъ, это именно то, что не всѣ ухаживаютъ на одинъ ладъ, и лишь бы другіе были почтительны, робки и деликатны—вотъ все, что мнѣ нужно. Благодарю васъ, милостивая государыня, что вы не отдали моего письма: оно было слишкомъ нѣжно, а при нынѣшнихъ обстоятельствахъ это было бы смѣшно съ моей стороны. Я напишу ей другое, со свойственною мнѣ дерзостью, и рѣшительно прерву съ ней всѣ сношенія; тогда не скажутъ, что я старался внести смуты въ нѣдра семьи; что Ермолай Ѳедоровичъ можетъ обвинить меня, что я человѣкъ безъ правилъ, что жена его можетъ насмѣхаться надо мною.—Какъ вы любезны, найдя портретъ схожимъ: «смѣла въ» (своихъ поступкахъ). Не такъ ли? Она и отъ этого отнѣкивается, но дѣло кончено, я ей не стану болѣе вѣрить.

[1]) Три совершенно зачеркнутыхъ слова.

Простите, сударыня, съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду вашего возвращенія—мы позлословимъ сѣверную Нетти, по поводу которой всегда выражу сожалѣніе, зачѣмъ ее видѣлъ, и, еще того болѣе, зачѣмъ... Простите это немножко позднее признаніе тому, кто любитъ васъ очень нѣжно, хотя и совершенно иначе.

Михайловское.

Аннѣ Петровнѣ Кернъ.

Au nom du ciel n'envoyez pas à M-me Os. la lettre que vous avez trouvée dans votre paquet. Ne voyez vous pas qu'elle etoit écrite uniquement pour votre édification particulière. Gardez là pour vous ou vous allez nous brouiller. J'avais entrepris de faire votre paix, mais j'en desespère après vos dernieres étourderies... A propos—vous me jurez vos grands Dieux, que vous ne faites la coquette avec personne, et vous tutoyez votre cousin, vous lui dites: je méprise ta mère. C'est affreux; il falloit dire votre mère, et même il ne falloit dire rien du tout, car la phrase a diablement eu de l'effet. Jalousie à part, je vous conseille de rompre cette correspondance, en ami qui vous est véritablement dévoué sans phrases et sans simagrées. Je ne conçois pas quel est votre but de faire la coquette avec un jeune étudiant (qui n'est pas poëte) à une distance aussi respectable. Quand il étoit près de vous, vous savez que je trouvais celà tout naturel—car il faut être raisonnable. Voilà qui est dit. N'est-ce pas? point de correspondance—je vous réponds qu'il n'en sera pas moins amoureux.—Parlez-vous sérieusement en paraissant approuver mon projet? Annette en a eu la chaire de poule, et moi la tête m'en a tournée de joie; Mais je ne crois pas au bonheur, et celà est bien pardonnable. Voudrez-vous, ange d'amour, persuader une âme incrédule et flétrie?—Mais venez du moins à Pskov; celà vous sera facile..... le coeur me bat, ma vue se trouble, je languis à cette seule idée.—Ne seroit-elle qu'une vaine espérance, comme tant d'autres!!

...venons au fait: d'abord, il faut un pretexte: une maladie d'Annette qu'en dites-vous?—ou bien, ne ferez-vous pas un voyage à Petersb?—...vous me le ferez savoir, oui? Ne me trompez pas, bel ange! que je vous suis redevable de quitter la vie en connaisant le bonheur!—Ne me parlez pas d'admiration: ce sentiment n'en est pas un. Parlez moi d'amour; j'en ai soif. Mais surtout ne me parlez pas de vers.... Votre conseil d'écrire à S. M. m'a touché comme une preuve de ce que vous avez songé à moi—je t'en remercie à genoux, mais je ne puis le suivre—Il faut que le sort décide de mon existance; je ne veux pas m'en me-

ler... L'espérance de vous revoir encore belle et jeune, est la seule chose qui me soit chère.—encore une fois, ne me trompez pas.

22 Sept. Михал.

Demain, c'est la faite de M-me votre tante; je serois donc à Trigorsky. Votre idée de marier Annette, pour avoir un refuge, est délicieuse, mais je ne la lui ai pas comuniquée. Repondez, je vous en supplie, aux points principaux de cette lettre, et je croirai que le monde vaut encore la peine d'être habité.»

Михайловское, 22-го сентября.

(Переводъ). Ради Бога, не отсылайте г-жѣ Ос(иповой) письмо, которое вы нашли въ вашемъ конвертѣ. Развѣ вы не видите, что оно написано единственно ради особеннаго вамъ назиданія. Оставьте его у себя, или вы насъ поссорите. Я задумалъ-было примирить васъ, но отчаялся въ этомъ послѣ вашего послѣдняго сумазбродства... Кстати, вы мнѣ клянетесь всѣми богами, что ни съ кѣмъ не кокетничаете, а между тѣмъ вы «на ты» съ вашимъ кузеномъ, вы говорите ему: я презираю твою мать; это ужасно! слѣдовало сказать: вашу мать, а даже и ничего не слѣдовало говорить, ибо фраза эта чертовски подѣйствовала. Ревность въ сторону, но я совѣтую вамъ прервать эту переписку, совѣтую какъ другъ истинно вамъ преданный, безъ фразъ и всякихъ кривляній. Не постигаю, что у васъ за цѣль кокетничать съ молодымъ студентомъ (не поэтомъ) на такомъ почтительномъ разстояніи. Когда онъ былъ близъ васъ, вы знаете, что я находилъ это весьма естественнымъ, ибо надобно же быть разсудительнымъ. Дѣло кончено, не такъ-ли? Переписку прочь—ручаюсь вамъ, что онъ оттого менѣе влюбленъ не будетъ. Серьезно-ли вы говорите, одобривая, по видимому, мой проектъ? У Аннетты отъ этого морозъ пробѣжалъ по кожѣ, а у жены голова закружилась съ радости. Но я не вѣрю въ счастіе и это весьма извинительно. Ужели, ангелъ любви, вы захотите разубѣдить душу недовѣрчивую и увядшую?—Но пріѣзжайте, по крайней мѣрѣ, во Псковъ [1]), это вамъ будетъ легко.—Біеніе сердца моего усиливается, темнѣетъ въ глазахъ и истома овладѣваетъ мною при одной этой мысли.—Не будетъ ли она тщетною надеждою, какъ столь многія другія?!

Перейдемъ къ дѣлу: во первыхъ, нуженъ предлогъ: болѣзнь Аннетты; какъ вы думаете? Или не съѣздите-ли вы въ Петербургъ?—Вы объ этомъ увѣдомите меня, не правда-ли? Не обманите меня, милый ангелъ! Какъ обязанъ я вамъ, что разстанусь съ жизнію — познавъ счастье!—Не говорите мнѣ о томъ, что восхищаетесь мною: восхищеніе не есть чувство. Говорите мнѣ о любви; вотъ чего я жажду. Но, въ особенности, не говорите мнѣ о стихахъ.—Вашъ совѣтъ написать его величеству тронулъ меня, какъ доказательство того, что вы обо мнѣ думали—благодарю тебя за него на колѣняхъ, но послѣдовать ему не

---

[1]) По ходатайству Жуковскаго, Пушкину было дозволено для совѣщанія съ докторами съѣздить во Псковъ. Это дозволеніе нимало не соотвѣтствовало его видамъ: онъ домогался полной свободы, это-же лишь на нѣсколько десятковъ верстъ расширяло предѣлы его заточенія.

могу. Участь моего существованія должна рѣшить судьба; я въ это дѣло не хочу вмѣшиваться.—Надежда опять увидѣться съ вами, все еще прелестною и молодою—есть единственная вещь, которою я дорожу. Еще разъ, не обманите меня.

Завтра день рожденія вашей тетушки; стало, я буду въ Тригорскомъ. Ваша мысль—выдать замужъ Аннетту, чтобы имѣть убѣжище, мысль прекрасная, но я не сообщалъ Аннеттѣ о ней. Отвѣчайте, умоляю васъ, на главные пункты этого письма и я повѣрю, что міръ еще стоитъ труда, чтобы жить въ немъ.

«Vous êtes désolante; j'etais en train de vous écrire des folies, qui vous eussent fait mourir de rire, et voilà que votre lettre vient m'attrister au beau milieu de ma verve. Tachez de vous défaire de ces spasmes qui vous rendent si interessante mais qui ne vaillent pas le diable, je vous en avertis. Pourquoi faut il donc que je vous gronde? Si vous aviez le bras en écharpe, il ne falloit pas m'écrire. quelle mauvaise tête!

Dites moi donc, que vous a-t-il fait ce pauvre mari? N'est-il pas jaloux par hasard? he bien, je vous jure qu'il n'aurait pas tort; vous ne savez pas (ou ce qui est bien pire) vous ne voulez pas ménager les gens. Une jolie femme est bien maîtresse... d'être la maîtresse. Mon Dieu, je n'irai pas prêcher de la morale. mais encore, on doit des égards au mari, Si non personne ne voudrait l'être. N'opprimez pas trop le métier; il est necessaire de par le monde. Tenez, je vous parle à coeur ouvert. A 400 v. de distances vous avez trouvé le moyen de me rendre jaloux; Q'est-ce donc que cela doit être à 4 pas? (NB. Je voudrais bien savoir pourquoi M-r votre cousin n'est parti de Riga que le 15 du courant, et pourquoi son nom s'est-il trouvé 3 fois au bout de votre plume dans votre lettre à moi? Sans indiscrétion, peut-on le savoir?) [1]).

Pardon, Divine, si je vous dis franchement ma façon de pensée; c'est une preuve du véritable interêt que je vous porte; je vous aime beaucoup plus que vous ne croyez. Tachez donc de vous accomoder tant soit peu de ce maudit M-r Kern. Je conçois bien que ce ne doit pas être un grand genie, mais enfin ce n'est pas non plus tout à fait un imbecille. De la douceur, de la coquetterie (et surtout, au nom du ciel, des refus, des refus et des refus) le mettrons a vos pieds, place que je lui envie du fond de mon âme; mais que voulez vous? Je suis au desespoir du départ d'Annette, quoiqu'il en soit il faut absolument que vous veniez cet automne ici ou bien à Pskov. On pourra pretexter une maladie d'Annette. Qu'en pensez-vous? répondez moi, je vous en supplie,

---

[1]) Строки, замкнутыя въ скобкахъ, нѣсколько разъ перечеркнуты въ подлинникѣ.

et n'en dites rien à A. Voulf.—vous viendrez? n'est ce pas?—jusque là ne decedez rien à l'egard de votre mari.—Vous êtes jeune, une carrière entiere est devant vous—lui... Enfin soyez sur que je ne suis pas de ceux, qui ne conseilleront jamais un parti violent—quelquefois c'est inévitable—mais d'abord il faut raisonner et ne pas faire d'éclat inutile.

Adieu, il fait nuit, et votre image m'apparait toute triste et toute voloptueuse—je crois voir votre regard, votre bouche entrouverte —Adieu—je crois etre a vos pieds je les presse, je sens vos genoux—je donnerai tout mon sang pour une minute de réalité. Adieu et croyez à mon délire; il est ridicule mais vrai».

(Переводъ). Вы приводите въ отчаяніе; я только что собирался писать вамъ о дурачествахъ, отъ которыхъ вы помирали бы со смѣху, и вдругъ ваше письмо опечалило меня въ самый разгаръ моего увлеченія. Постарайтесь отдѣлаться отъ этихъ спазмъ, хотя и придающихъ вамъ привлекательности, но ни чорта не стоющихъ, увѣряю васъ. За что же мнѣ слѣдуетъ бранить васъ? Если у васъ была рука на перевязи, не слѣдовало писать ко мнѣ. Что за сумазбродство!

Скажите пожалуйста, въ чемъ же это провинился передъ вами бѣдный мужъ? Ужъ не ревнуетъ ли онъ, чего добраго? Что же, скажу вамъ, что былъ бы и правъ; вы не умѣете (или, еще того хуже), не хотите щадить людей. Хорошенькая женщина властна.... имѣть любовниковъ [1]). Боже мой, не стану я проповѣдывать морали, но опять же, къ мужу должно питать уваженіе, иначе никто не захотѣлъ бы быть мужемъ. Ради всего на свѣтѣ, не прибѣгайте къ насильственнымъ мѣрамъ. Послушайте, право, я говорю вамъ отъ всего сердца. За 400 верстъ вы ухитрились возбуждать во мнѣ ревность; что же должно быть въ 4-хъ шагахъ? (NB. Весьма желательно мнѣ знать, почему двоюродный вашъ братецъ выѣхалъ изъ Риги лишь 15-го числа текущаго мѣсяца и почему имя его три раза сорвалось съ вашего пера въ вашемъ письмѣ ко мнѣ? Нескромность въ сторону: нельзя-ли это узнать?). Простите, божественная, если я откровенно высказываю вамъ мой образъ мыслей; это доказательство истиннаго моего къ вамъ участія; я люблю васъ гораздо болѣе, нежели вы думаете. Постарайтесь же мало-мальски поладить съ этимъ проклятымъ г. Керномъ. Очень хорошо знаю, что онъ не долженъ быть великимъ геніемъ, но все же онъ и не набитый дуракъ! Кротость, кокетливость (и, въ особенности, Бога ради—отказы, отказы и отказы) повергнутъ его къ вашимъ ногамъ—мѣсто, которому я завидую отъ всей глубины моей души; но, какъ быть! Я въ отчаяніи отъ отъѣзда Аннетты; во что бы то ни стало, но вамъ непремѣнно должно пріѣхать осенью, сюда или во Псковъ. Предлогомъ можетъ быть болѣзнь Аннетты. Какъ вы объ этомъ думаете? Отвѣчайте мнѣ, умоляю, и ни слова объ этомъ А. Вульфу. Пріѣдете? Не правда-ли? До тѣхъ поръ не рѣшайте ничего относительно вашего мужа. Вы молоды, цѣлая будущность передъ вами—онъ же.... Наконецъ, будьте увѣрены, что я не изъ тѣхъ, которые неспособны когда либо совѣтывать рѣзкія мѣры—иногда это неизбѣжно, но всего прежде слѣдуетъ разсуждать, не дѣлая безполезнаго взрыва.

---

[1]) Во французскомъ подлинникѣ непереводимая игра словъ: être maitresse—быть властною, и être maitresse—быть любовницею.

Прощайте; теперь ночь и образъ вашъ является мнѣ печальный и сладострастный—я какъ будто вижу вашъ взглядъ, вашъ полу-открытый ротикъ. Прощайте,—мнѣ кажется, что я у ногъ вашихъ, жму ихъ, чувствую ваши колѣни—всю кровь мою отдалъ бы я за минуту дѣйствительности. Прощайте и вѣрьте бреду моему: онъ смѣшонъ, но искренень.

Въ исходѣ ноября 1825 года по всей Россіи разнеслась вѣсть о кончинѣ императора Александра I. Пушкинъ, въ письмѣ своемъ къ П. А. Катенину, радостно привѣтствовалъ восшествіе на престолъ Константина: «Бурная его молодость,—говорилъ онъ,—напоминаетъ Генриха V; отъ новаго царствованія я ожидаю много хорошаго». Въ числѣ этихъ ожиданій не послѣднее мѣсто занимала въ сердцѣ Пушкина надежда на возвращеніе изъ ссылки. Въ ожиданіи лучшихъ дней, поэтъ, болѣе чѣмъ когда либо, тяготился своимъ уединеніемъ. Въ это тоскливое безвременье онъ получилъ присланное отъ Анны Петровны Кернъ, предъ ея отъѣздомъ въ Спб. изъ Риги, новое изданіе сочиненій Байрона. Глубоко тронутый этою внимательностью женщины тогда страстно любимой, Пушкинъ не замедлилъ отвѣтомъ—и 8-го декабря 1825 г. писалъ ей слѣдующее письмо:

Аннѣ Петровнѣ Кернъ.

«Je ne m'attendais guere, enchanteresse, à votre souvenir, c'est du fond de mon âme que je vous en remercie. Byron vient d'acquerir pour moi un nouveau charme—toutes ses heroines vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leila—l'idéal de Byron lui même ne pouvoit être plus divin. C'est donc vous, c'est toujours vous que le sort envoie pour enchanter ma solitude! Vous êtes l'ange de consolation—mais je ne suis qu'un ingrat, puisque je murmure encore. Vous allez à Petersbourg, mon exil me paise plus que jamais. Peut-être que le changement qui vient d'arriver me rapprochera de vous, je n'ose l'esperer. Ne croyons pas à l'espérance, ce n'est qu'une jolie femme, elle nous traite en vieux maris. Que fait le votre, mon doux génie? Savez que c'est sous ses traits que je m'imagine les ennemis de Byron, y compris sa femme.

8 dec.

Je reprends la plume pour vous dire que je suis a vos genoux, que je vous aime toujours, que je vous deteste quelquefois, qu'avant hier j'ai dit de vous des horreurs, que je vous baise vos belles mains, que je les rebaise encore en attendant mieux, que je n'en peux plus, que vous êtes divine etc.»

(Приписка рукою Анны Николаевны Вульфъ). Enfin chère amie P(ouchkine) m'a apporté aujourd'hui une lettre de toi. Il étoit bien tems que je reçoive de tes nouvelles, car je ne savois plus que penser de ton silence; cependant je n'y vois pas ce qui pouvoit t'empecher de m'ecrire, et je ne puis voir à quelle lettre tu me réponds est ce à celle que je t'ai écris par m-lle Nindele, ou à une autre tes lettres me déroutent toujours. Alexis m'avoit ecrit que tu avois abandonnée tous tes projets de départ, et que tu étois resolue de rester. Je commencois donc à devenir tranquille sur ton compte quand ta lettre vient me détromper si désagréablement! Pourquoi ne me dis tu rien de positif et te plais tu à me laisser ainsi dans l'inquietude.—ne crains rien pour tes lettres tu peux m'ecrire maintenant simplement à mon adresse à Аночька. on ne lit plus mes lettres, elles trainent toujours par Novorgeff et peuvent même se perdre Ton projet pour Petersbourg est il arrêté pour sur. l'evenement qui vient d'arriver ne changerat il pas ce projet? Byron t'a reconcilié avec P(ouchkine), il t'envoye l'argent 125 roubles qu'il coute aujourd'hui même, la poste prochaine je tacherai de t'envoyer ce que je te dois, je suis bien fachée de t'avoir fait attendre si longtems. pour le moment je ne puis en parler à ma Mere qui est très malade, elle est au lit depuis plusieurs jours, elle a une hiresipèle à la figure. Que te dirais je encore. je compte absolument partir pour Twer cet hiver, en attendant je languis je souffre et je patiente, ecris moi plus vite. Betcher est depuis longtems à Ostroff, но намъ отъ этого не легче. Прощай мой другъ, pour jamais ton amie Annette.

(Переводъ). Никакъ не ожидалъ я, очаровательница, чтобы вы обо мнѣ вспомнили, и отъ глубины души благодарю васъ. Байронъ пріобрѣлъ въ глазахъ моихъ новую прелесть—всѣ его героини въ моемъ воображеніи облекутся въ черты незабвенныя. Васъ буду видѣть я въ Гюльнарѣ и въ Леилѣ; самый идеалъ Байрона не могъ быть такъ божественно прекрасенъ. И такъ, васъ, и всегда васъ, судьба посылаетъ для услажденія моего уединенія! Вы—ангелъ-утѣшитель, а я ничто иное, какъ неблагодарный, потому что еще ропщу. Вы ѣдете въ Петербургъ, мое изгнаніе тяготитъ меня болѣе, чѣмъ когда либо. Можетъ быть, происшедшая перемѣна приблизитъ меня къ вамъ; не смѣю надѣяться. Не станемъ вѣрить надеждѣ, она ничто иное, какъ хорошенькая женщина, которая обходится съ нами, какъ со старыми мужьями. А что подѣлываетъ вашъ, мой кроткій геній? Знайте, что подъ его чертами я воображаю себѣ враговъ Байрона, съ его женою включительно.

Опять берусь за перо, чтобы сказать вамъ, что я у ногъ вашихъ, что я все васъ люблю, что иногда ненавижу васъ, что третьяго дня говорилъ про васъ ужасныя вещи, что я цѣлую ваши прелестныя ручки, что цѣлую ихъ еще въ ожиданіи лучшаго, что больше силъ моихъ нѣтъ, что вы—божественны и проч.

(Приписка Анны Вульфъ). Наконецъ, милый другъ, Пушкинъ принесъ

мнѣ сегодня твое письмо. Давно была пора получить мнѣ вѣсточку о тебѣ, такъ какъ я уже не знала, что̀ и подумать о твоемъ молчаніи; однако же, не вижу и изъ письма, что̀ могло тебѣ мѣшать писать ко мнѣ, и не могу понять, на которое письмо ты мнѣ отвѣчаешь. На то-ли, которое я тебѣ писала чрезъ m-lle Ниндель, или на другое? Твои письма всегда меня съ толку сбиваютъ. Алексѣй писалъ мнѣ, что ты отложила всѣ свои намѣренія объ отъѣздѣ и рѣшилась остаться. Я начинала успокаиваться на твой счетъ, какъ вдругъ письмо твое такъ непріятно разубѣждаетъ меня! Почему ты не говоришь мнѣ ничего положительнаго, а оставляешь такимъ образомъ въ неизвѣстности? За письма свои ничего не бойся, теперь можешь писать мнѣ просто на мой адресъ: Анночкѣ. Писемъ моихъ болѣе не читаютъ; они тащатся чрезъ Новоржевъ и могутъ даже затеряться. Положительно-ли рѣшенъ твой отъѣздъ въ Петербургъ? Не измѣнитъ-ли твоего намѣренія теперешнее событіе? Байронъ помирилъ тебя съ Пушкинымъ, онъ посылаетъ тебѣ деньги 125 руб., его нынѣшнюю цѣну. Съ будущею почтою постараюсь прислать тебѣ мой долгъ; весьма досадую, что заставила тебя такъ долго дожидаться. Теперь не могу сказать о немъ матери; она очень больна и уже нѣсколько дней въ постели: у нея рожа на лицѣ. Что тебѣ еще сказать? Нынѣшнею зимою надѣюсь непремѣнно ѣхать въ Тверь; покуда тоскую, страдаю, терплю. Пиши поскорѣе. Бетхеръ давно уже въ Островѣ, но намъ отъ того не легче. Прощай, мой другъ, навсегда твой другъ Аннетта.

Черезъ нѣсколько дней по отсылкѣ этого письма, Пушкинъ былъ въ Тригорскомъ. Рано наступилъ зимній вечеръ; все семейство П. А. Осиповой сидѣло за чаемъ; милый ихъ гость, расхаживая по комнатѣ, по обыкновенію шутилъ, былъ очень говорливъ, любезенъ. Вдругъ служанка докладываетъ, что поваръ Арсеній, на-дняхъ посланный въ Петербургъ за покупками, возвратился ни съ чѣмъ и желаетъ видѣть барыню. Введенный въ комнату, Арсеній объявилъ во всеуслышаніе, что въ Петербургѣ—бунтъ, повсюду разъѣзды, караулы; ему едва удалось нанять почтовыхъ и, сломя голову, прискакать въ Тригорское...

Онъ говорилъ о мятежѣ 14-го декабря.

Это извѣстіе, произведя тяжкое впечатлѣніе на Прасковью Александровну и на все ея семейство, глубоко потрясло Пушкина: онъ страшно поблѣднѣлъ и весь вечеръ былъ чрезвычайно угрюмъ и задумчивъ. При разговорѣ о роковомъ событіи, онъ упомянулъ о существованіи какого-то тайнаго общества (что̀ именно, того одна изъ свидѣтельницъ, младшая дочь г-жи Осиповой, Марія Ивановна, не помнитъ); потомъ распростился съ хозяйкою, ея семействомъ и поспѣшилъ въ Михайловское.

На слѣдующій день, раннимъ утромъ, Пушкинъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, невѣдомо съ какою цѣлью. Невѣдомо также—догадывался-ли онъ, что въ мятежѣ принимали дѣятельное участіе его

друзья: К. Ѳ. Рылѣевъ, А. А. Бестужевъ, В. К. Кюхельбекеръ, И. И. Пущинъ... Не тревожила-ли его мысль: не замѣшанъ-ли братъ его въ этомъ мятежѣ?....

Какъ бы то ни было, онъ рѣшился ѣхать изъ Михайловскаго и суевѣрію своему былъ обязанъ своимъ спасеніемъ. Выѣхавъ за ворота, онъ встрѣтилъ священника; не проѣхалъ и версты, какъ дорогу ему перебѣжали три зайца: эти худыя—по народному повѣрью—предзнаменованія испугали Пушкина—и намѣреніе его было отложено. Это событіе сохранилось въ семейныхъ преданіяхъ Пушкиныхъ, точно такъ же какъ и чудное спасеніе Льва Сергѣевича въ роковой день 14-го декабря. Знакомый съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, братъ Пушкина, самый этотъ день, вздумалъ съѣздить къ Кондратію Ѳедоровичу (жившему у Синяго моста, въ домѣ Россійско-Американской компаніи). Въ отсутствіе Льва Сергѣевича, отецъ его, до слуха котораго дошла вѣсть о событіяхъ на Исаакіевской площади и о лицахъ, въ немъ замѣшанныхъ, въ ужасѣ за участь сына, сталъ молиться Богу.... Въ самое это время, невѣдомо какимъ образомъ, лошадь Льва Сергѣевича понесла его и онъ очутился на Смоленскомъ полѣ (?!), откуда возвратился домой по окончаніи катастрофы, когда К. Ѳ. Рылѣевъ и нѣкоторые другіе изъ членовъ тайнаго общества были уже арестованы [1]).

Въ началѣ 1826 года, въ самый разгаръ дѣятельности въ слѣдственной коммисіи по дѣлу о декабристахъ и о членахъ южнаго общества, Пушкинъ, въ полномъ сознаніи своей непричастности ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, рѣшился на новую попытку къ своему освобожденію изъ ссылки. На этотъ разъ, кромѣ возобновленнаго фантастическаго аневризма, поэтъ сослался на свою политическую благонадежность. Препроводивъ къ псковскому губернатору Адеркасу прошеніе на высочайшее имя о дозволеніи ему ѣхать въ Петербургъ, въ Москву или въ чужіе края для излеченія, Пушкинъ приложилъ медицинское свидѣтельство и требовавшееся тогда обязательство:

---

[1]) За десять лѣтъ изданія «Русской Старины», изъ разсказовъ и воспоминаній о 14-мъ декабрѣ 1825 г., составилась цѣлая литература, какъ видимъ изъ слѣдующаго перечня: 1870 г., изданіе третье, томъ I: Записки М. А. Бестужева (стр. 258); Записки М. И. Глинки (стр. 347—348). Томъ II: Записки В. И. Фелькнера (стр. 202); Письмо императора Николая I (стр. 558). 1873. Томъ VII: Разсказъ И. О. Сухозанета (стр. 361); С. Муравьевъ-Апостолъ (стр. 653). 1874 г. Томъ XI: Воспоминанія О. А. Пржецлавскаго (стр. 681—682). 1875 г. Томъ XII: Воспоминанія П. А. Каратыгина (стр. 719). 1876 г. Томъ XV: «Моя жизнь» Ѳ. Г. Солнцева (стр. 320—322) и проч. Кромѣ того, очень много мелкихъ статей и замѣтокъ, къ этому событію относящихся.

«Я, нижеподписавшійся, обязуюсь впредь ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, подъ какимъ бы они именемъ ни существовали, не принадлежать; свидѣтельствую при семъ, что я ни къ какому тайному обществу таковому не принадлежалъ и не принадлежу и никогда не зналъ о нихъ (подписано): 10-го класса Александръ Пушкинъ, 11-го мая 1826 года».

Прибѣгая при этомъ, по обыкновенію, къ покровительству Жуковскаго, Пушкинъ писалъ къ нему: «Я не писалъ къ тебѣ, во первыхъ, потому, что мнѣ было не до себя; во вторыхъ, за неимѣніемъ вѣрнаго случая [1]). Вотъ въ чемъ дѣло: мудрено мнѣ требовать твоего заступленія предъ Государемъ; не хочу охмѣлить тебя въ этомъ пиру. Вѣроятно правительство удостовѣрилось, что я заговору не принадлежу и съ возмутителями 14-го декабря связей политическихъ не имѣлъ; но оно въ журналахъ объявило опалу и тѣмъ, которые, имѣя какія нибудь свѣдѣнія о заговорѣ, не объявили о томъ полиціи. Но кто-же кромѣ полиціи и правительства не зналъ о немъ? О заговорѣ кричали по всѣмъ переулкамъ, и это одна изъ причинъ моей безвинности. Все таки я отъ жандарма еще не ушелъ; легко можетъ, уличатъ меня въ политическихъ разговорахъ съ какимъ нибудь изъ обвиненныхъ. А между ими друзей моихъ довольно (оба-ли Раевскіе взяты, и въ самомъ-ли дѣлѣ они въ крѣпости? Напиши, сдѣлай милость). Теперь, положимъ, что правительство и захочетъ прекратить мою опалу; съ нимъ я готовъ условливаться (буде условія необходимы): но вамъ рѣшительно говорю—не отвѣчать и не ручаться за меня. Мое будущее поведеніе зависитъ отъ обстоятельствъ, отъ обхожденія со мною правительства, etc.

«Итакъ остается тебѣ положиться на мое благоразуміе. Ты можешь требовать отъ меня свидѣтельствъ объ этомъ новомъ качествѣ. Вотъ они:

«Въ Кишиневѣ я былъ друженъ съ маіоромъ Раевскимъ, съ генераломъ Пущинымъ и Орловымъ.

«Я былъ масонъ въ Киш(иневской) ложѣ [2]), т. е. въ той, за которую уничтожены въ Россіи всѣ ложи.

---

[1]) Письмо было отправлено не по почтѣ, но съ довѣреннымъ лицомъ, ѣхавшимъ въ Петербургъ.

[2]) И. П. Липранди въ Воспоминаніяхъ своихъ говоритъ, что главнымъ мастеромъ этой ложи былъ докторъ Шуллеръ, или П. С. Пущинъ. Въ числѣ членовъ былъ болгарскій архимандритъ Ефремъ. Болгары и арнауты, вообразивъ однажды, что Ефремъ взятъ силою въ подвалъ дома Кацики (въ которомъ происходили засѣданія ложи). силою ворвались туда и вывели архимандрита. Это событіе стало сказкою всего Кишинева и много повредило Павлу Сергѣевичу Пущину.

«Я, наконецъ, былъ въ связи съ бо̀льшею частью нынѣшнихъ заговорщиковъ.

«Покойный императоръ сославъ меня могъ только упрекнуть меня въ безвѣріи.

«Письмо это неблагоразумно, конечно; но должно же довѣрять иногда къ щастію. Прости, будь щастливъ. Это, покамѣстъ, мое первое желаніе.

«Прежде чѣмъ сожжешь это письмо, покажи его Кар(амзину) и посовѣтуйся съ нимъ. Кажется, можно сказать царю: В. В. если Пушкинъ не замѣшанъ, то нельзя ли наконецъ позволить ему возвратиться?

«Говорятъ ты написалъ стихи на смерть Александра I. Предметъ богатый! Но въ теченіи десяти лѣтъ его царствованія лира твоя молчала. Это лучшій упрекъ ему. Никто болѣе тебя не имѣетъ права сказать: гласъ лиры—гласъ народа, слѣдств(енно) я не совсѣмъ былъ виноватъ, подсвистывая ему до самаго гроба».

(Продолженіе слѣдуетъ).

arch. 7

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

V [1]).

Первою милостью, оказанною Пушкину императоромъ Николаемъ Павловичемъ, было его освобожденіе отъ надзора губернатора, предводителя дворянства и архимандрита; о дозволеніи жить въ столицахъ, до времени, хранилось молчаніе. Литературная дѣятельность Пушкина въ 1826 году затихла и вдохновеніе какъ-бы покинуло поэта. Заботы о его собственной участи, его невыясненное общественное положеніе, воспоминаніе о людяхъ еще недавно близкихъ ему, а нынѣ уже не существующихъ, заточенныхъ, сосланныхъ, все это отвлекало Пушкина отъ спокойныхъ бесѣдъ съ музою... 29-го іюля 1826 года онъ написалъ стихотвореніе «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной», и помѣтилъ подъ числомъ и годомъ: «У. о с. Р. П. М. К. Б. 24». Буквы—понятныя намъ теперь, черезъ пятьдесятъ три года: «Услышалъ о смерти Рылѣева, Пестеля, Муравьева, Каховскаго, Бестужева, 24-го іюля» [2]). Изъ писемъ Пушкина къ его брату, къ кн. П. А. Вяземскому, Жуковскому, А. А. Бестужеву, В. К. Кюхельбекеру, К. Ѳ. Рылѣеву—можно себѣ составить довольно ясное понятіе объ отношеніяхъ поэта къ «декабристамъ»: непричастный заговору, Пушкинъ былъ съ ними связанъ лишь общими литературными интересами. Подобно Грибоѣдову,

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 года, томъ XXV, стр. 371—388; 671—690. Томъ XXVI, стр. 291—328; 505—522.

[2]) Въ изданіи г. Анненкова (1855 г., томъ I, стр. 195—196) буквы эти названы «загадочными словами». Главное затрудненіе къ ихъ разгадкѣ заключается въ томъ, что издатель, по ошибкѣ, вторую букву П принялъ за И. Достаточно взглянуть на автографы Пушкина, чтобы убѣдиться въ сходствѣ очертаній обѣихъ этихъ буквъ.

онъ не былъ вовлеченъ въ бурный политическій водоворотъ, въ которомъ погибли другіе. При этомъ, весьма естественно рождается вопросъ: самъ-ли Пушкинъ былъ на столько благоразуменъ и дальновидѣнъ, что не вступалъ въ члены тайнаго общества: или сами они—одни оберегая великаго поэта, а другіе не довѣряя Пушкину — не включали его въ свой союзъ? Черезъ тридцать шесть лѣтъ послѣ декабрьской катастрофы, когда самъ Пушкинъ и бо́льшая часть дѣйствующихъ лицъ кровавой драмы были уже въ могилѣ, остальные—по слову милосердія—возвратились въ Россію изъ глуши Сибири,—два голоса замогильныхъ обвинителей произнесли надъ Пушкинымъ свой приговоръ и вмѣстѣ съ тѣмъ выяснили отношенія «крайнихъ декабристовъ» къ Пушкину. Мы говоримъ объ отзывахъ о немъ покойныхъ И. И. Горбачевскаго и М. А. Бестужева, высказанныхъ ими въ ихъ перепискѣ 1861 года [1]).

Лѣто 1826 года подходило къ концу. Перваго или втораго сентября Пушкинъ былъ въ Тригорскомъ; погода стояла прекрасная и весь день поэтъ провелъ въ прогулкахъ съ семействомъ Прасковьи Александровны; уѣхалъ въ Михайловское часу въ одиннадцатомъ....

«Вдругъ рано, на разсвѣтѣ,—разсказываетъ М. И. Осипова,—является къ намъ Арина Родіоновна, няня Пушкина.... Это была старушка чрезвычайно почтенная, лицомъ полная, вся сѣдая, страстно любившая своего питомца, но съ однимъ грѣшкомъ: любила выпить.... Бывала она у насъ въ Тригорскомъ часто и, впослѣдствіи, у насъ же составлялись тѣ письма, которыя она посылала своему питомцу. На этотъ разъ она прибѣжала вся запыхавшись; сѣдые волосы ея безпорядочными космами спадали на лицо и плечи; бѣдная няня плакала навзрыдъ. Изъ разспросовъ ея оказалось, что вчера вечеромъ, не задолго до прихода Александра Сергѣевича, въ Михайловское прискакалъ какой-то—не то офицеръ, не то солдатъ (впослѣдствіи оказалось—фельдъегерь). Онъ объявилъ Пушкину повелѣніе немедленно ѣхать съ нимъ въ Москву. Пушкинъ успѣлъ только взять деньги, накинуть шинель и черезъ полчаса его

---

[1]) Письма эти и Записки принадлежатъ собранію «Русской Старины». Какъ крайне рѣзкіе о личномъ характерѣ великаго поэта и голословные отзывы, мы не рѣшаемся ихъ приводить. Скажемъ только, что И. И. Горбачевскій—въ письмѣ отъ 6-го іюля 1861 г., изъ Петровскаго завода, утверждаетъ, что имъ, участникамъ заговора 1825-го года: «отъ верховной думы было запрещено знакомиться съ поэтомъ А. С. Пушкинымъ, когда онъ жилъ на югѣ,—и почему? Прямо было указано на его характеръ»...

уже не было. «Чтожъ, взялъ этотъ офицеръ какія нибудь бумаги съ собой?» — спрашивали мы няню.

— «Нѣтъ, родныя, никакихъ бумагъ не взялъ и ничего въ домѣ не ворошилъ».

Фельдъегерь на столько успокоилъ Пушкина, что поэтъ дорогою былъ очень веселъ и шутливъ—шутливъ до шаловливости. Во Псковѣ, во время перекладки лошадей, онъ попросилъ закусить въ тамошней харчевнѣ. Подали щей, съ неизбѣжною приправою нашей народной кухни—малою толикою таракановъ. Преодолѣвъ брезгливость, Пушкинъ хлебнулъ нѣсколько ложекъ и, уѣзжая, оставилъ—углемъ или мѣломъ, на дверяхъ (говорятъ, нацарапалъ перстнемъ на оконномъ стеклѣ) слѣдующее четверостишіе:

Господинъ фонъ-Адеркасъ,
Худо кормите вы насъ:
Вы такой же рестораторъ,
Какъ великій губернаторъ! [1]).

Изъ Пскова же, для успокоенія П. А. Осиповой и ея семейства, Пушкинъ писалъ:

Pskov. 4 Septembre (1826).

Je suppose, madame, que mon brusque départ avec un фельдъ-егерь vous a surpris autant que moi. Voici le fait: chez nous autres on ne peut rien faire sans un фельдъ-егерь. On m'en donne un, pour plus de sûreté. D'après une lettre très aimable du baron Дибичъ il ne tient qu'à moi d'en être tout fier. Je vais tout droit à Moscou, où je compte être le 8 du mois courant, dès que je serai libre, je reviens en toute hate à Trigorsky, où desormais mon coeur est fixé pour toujours.

(Переводъ). Псковъ. 4-го сентября. Я полагаю, милостивая государыня, что мой быстрый отъѣздъ съ фельдъегеремъ удивилъ васъ столько же, сколько и меня. Дѣло въ томъ, что безъ фельдъегеря у насъ ничего не дѣлается; мнѣ дали его для безопасности. Впрочемъ, послѣ весьма любезнаго письма ко мнѣ отъ барона Дибича—мнѣ остается только гордиться. Ѣду я прямо въ Москву, гдѣ надѣюсь быть 8-го числа этого мѣсяца, и лишь только буду свободенъ, возвращусь, какъ можно скорѣе, въ Тригорское, къ которому отнынѣ навсегда привязано мое сердце.

О подробностяхъ представленія Пушкина императору Николаю Павловичу существуетъ множество разсказовъ, не особенно разнорѣ-

---

[1]) Сообщено редакціи псковскимъ уроженцемъ г. П. Рословымъ (22-го іюня 1871 г.). По другимъ сказаніямъ, надпись эта была сдѣлана Пушкинымъ въ одну изъ его предыдущихъ поѣздокъ во Псковъ.

чивыхъ, но довольно сомнительной правдивости. Они заслуживаютъ обстоятельнаго разсмотрѣнія. Первое мѣсто принадлежитъ, разумѣется, разсказамъ самого Пушкина. Въ письмѣ своемъ П. А. Осиповой (отъ 13-го или 15-го сентября) онъ ограничивается немногими словами: «l'Empereur m'a reçu de la manière la plus aimable» (императоръ принялъ меня любезнѣйшимъ образомъ). Впослѣдствіи, при изустныхъ своихъ разсказахъ (въ особенности дамамъ), онъ присоединялъ подробности очень любопытныя, но не всегда одинаковой редакціи. Анна Григорьевна Хомутова въ Воспоминаніяхъ своихъ приводитъ дословный разсказъ поэта:

«Un Feldjeger m'arracha à ma retraite forcée, m'emmena en poste à Moskou, tout droit au Kremlin et encore tout couvert de boue; on m'introduisit dans le cabinet de l'Empereur, qui me dit:

— Ah, bonjour, Pouchkinn, êtes vous bien aise d'être rappelé?

Je lui fis une réponse convenable; l'Empereur causa longtemps avec moi et me demanda:

— Pouchkinn, auriez-vous pris part au 14, si vous êtiez à Pétersburg?

— Absolument, Sire; tous mes amis étaient du complot et je n'aurais pas pu n'en pas être aussi. L'absence seule m'a sauvé et j'en remercie le Ciel.

— Vous avez fait assez de bêtises,—reprit l'Empereur,—j'espère qu'à présent vous serez raisonnable, et que nous ne nous brouillerons plus. C'est à moi que vous enverrez tout ce que vous composerez; désormais c'est moi qui sera votre censeur».

(Переводъ). Фельдъегерь подхватилъ меня изъ моего насильственнаго уединенія и на почтовыхъ привезъ въ Москву, прямо въ Кремль, и всего покрытаго грязью, меня ввели въ кабинетъ императора, который сказалъ мнѣ:

— Здравствуй, Пушкинъ, доволенъ-ли ты своимъ возвращеніемъ?

Я отвѣчалъ какъ слѣдовало. Государь долго говорилъ со мною, потомъ спросилъ:

— Пушкинъ, принялъ-ли бы ты участіе въ 14-мъ декабря, еслибъ былъ въ Петербургѣ?

— Непремѣнно, государь, всѣ друзья мои были въ заговорѣ и я не могъ бы не участвовать въ немъ. Одно лишь отсутствіе спасло меня, за что я благодарю Бога!

— Довольно ты подурачился,—возразилъ императоръ,—надѣюсь, теперь будешь разсудителенъ и мы болѣе ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все что сочинишь; отнынѣ я самъ буду твоимъ цензоромъ.

Филиппъ Филипповичъ Вигель, въ своихъ Запискахъ перепутывая хронологію и импровизируя на историческія темы, говоритъ, будто Государь разспрашивалъ Пушкина объ элегіи «Андрей Шенье», за которую поэтъ былъ призванъ къ отвѣту лишь черезъ два года,

въ августѣ 1828 года. Впрочемъ, разсказъ о какихъ-то очень подозрительныхъ стихахъ, потерянныхъ Пушкинымъ на лѣстницѣ кремлевскаго дворца, сохранился въ кругу его знакомыхъ, увѣрявшихъ, будто бы они слышали о томъ отъ самого Александра Сергѣевича. Дѣло въ томъ, что государь выразилъ (будто бы) желаніе узнать, нѣтъ-ли при Пушкинѣ какого-нибудь новаго стихотворенія. Пушкинъ вынулъ изъ кармана бумаги, захваченныя имъ второпяхъ при отъѣздѣ изъ Михайловскаго, не нашелъ между ними никакого стихотворенія. Выходя изъ дворца и спускаясь по лѣстницѣ, Пушкинъ замѣтилъ на ступенькѣ лоскутъ бумажки, поднялъ и узналъ въ немъ свои стихи къ друзьямъ, сосланнымъ въ Сибирь... Эту бумажку онъ выронилъ вынимая изъ кармана платокъ. Возвратясь въ гостинницу, онъ тотчасъ же сжегъ это стихотвореніе.

Этотъ разсказъ, ходившій тогда въ кружкѣ знакомыхъ Пушкина, повторялъ впослѣдствіи и близкій пріятель Пушкина С. А. Соболевскій, но повторялъ съ нѣкоторыми только варіантами. По его словамъ, потеря листка съ стихами сдѣлана; листокъ отыскался не во дворцѣ, а въ собственной квартирѣ Соболевскаго, куда Пушкинъ пріѣхалъ изъ дворца; самый листокъ заключалъ «Пророка», съ первоначальнымъ, впослѣдствіи измѣненнымъ, текстомъ послѣдней строфы:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи!
Позорной ризой облекись,
Иди—и съ вервіемъ на выи пр....

М. М. Поповъ, составитель статьи «Новые матеріалы къ біографіи А. С. Пушкина» [1]), говоря о свиданіи Пушкина съ Государемъ, дѣлаетъ слѣдующую замѣтку:

— «Поэтъ и здѣсь вышелъ поэтомъ. Ободренный снисходительностью государя, онъ дѣлался болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ, дошло до того, что онъ, незамѣтно для себя самого, приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь быстро отвернулся отъ Пушкина, и потомъ говорилъ: «съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ!

Послѣ Карамзина, Пушкинъ—первый изъ русскихъ писателей—удостоился высокой чести имѣть своимъ цензоромъ самого государя императора. Посредникомъ между поэтомъ и августѣйшимъ цензоромъ былъ, по монаршей волѣ, Александръ Христофоровичъ Бен-

---

[1]) «Русская Старина» изд. 1874 г., томъ X, стр. 683—714. См. стр. 691.

кендорфъ [1]). Слѣдующія три письма, написанныя имъ къ Пушкину, въ періодъ времени съ 30-го сентября по 9-е декабря 1826 года, значительно выясняютъ взаимныя отношенія Пушкина и тогдашняго шефа жандармовъ:

Москва, 30-го сентября 1826 г. № 205.

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ! Я ожидалъ пріѣзда вашего, чтобы объявить высочайшую волю по просьбѣ вашей; но, отправляясь теперь въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что государь императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда вамъ въ столицу, но предоставляетъ совершенно на вашу волю, съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія чрезъ письмо.

«Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертіе имъ ваше. Въ сей увѣренности, его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ, вамъ предоставляется совершенная и полная свобода — когда и какъ представить ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.

«Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ. Объявляя вамъ сію монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія ваши, такъ и письма, можете для представленія его величеству доставлять ко мнѣ; но, впрочемъ, отъ васъ зависитъ и прямо адресовать на высочайшее имя.

«Примите при семъ увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности, съ которыми честь имѣю быть, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою (подписано) А. Бенкендорфъ. Его благородію А. С. Пушкину».

---

[1]) Родился 1783 г., умеръ 11-го сентября 1844 г. Съ 1832 года былъ возведенъ въ графское достоинство.

Его превосходительству Борису Антоновичу Адеркасу.

С.-Петербургъ, 22-го ноября 1826 г. № 112.

«Милостивый государь Борисъ Антоновичъ! Покорнѣйше прошу ваше превосходительство приказать доставить вѣрнымъ путемъ включаемое у сего письмо извѣстному писателю Александру Сергѣевичу Пушкину, отправившемуся изъ Москвы во ввѣренную вамъ губернію. Примите и проч. А. Бенкендорфъ».

А. С. Пушкину.

22-го ноября 1826 года.

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ! При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ вами переговорить, обратился я къ вамъ письменно съ объявленіемъ высочайшаго соизволенія, дабы вы, въ случаѣ какихъ либо новыхъ литературныхъ произведеній вашихъ, до напечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или чрезъ посредство мое, или даже и прямо его императорскому величеству.

«Не имѣя отъ васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ, однако же, заключить, что оный къ вамъ дошелъ, ибо вы сообщали о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ.

«Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня: справедливо-ли такое извѣстіе, или нѣтъ? Я увѣренъ, впрочемъ, что вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ вамъ монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго. (Подписано) А. Бенкендорфъ».

Эти письма требуютъ поясненія.

Пушкинъ пробылъ въ Москвѣ съ 8-го сентября по 20-е ноября. Свидѣтель пышныхъ празднествъ, которыми первопрестольная столица чествовала императора и его августѣйшее семейство, радушно принятый въ кругъ московской знати, также ученыхъ и литературныхъ дѣятелей, очарованный блескомъ, роскошью, нѣжнымъ вниманіемъ многочисленныхъ и восторженныхъ поклонниковъ, Пушкинъ невольно поддался обаянію, особенно неотразимому послѣ шести лѣтъ скитаній и затворничества. Оставивъ безъ вниманія первое письмо

А. Х. Бенкендорфа, считая, можетъ быть, совершенно излишнимъ входить въ переписку съ шефомъ жандармовъ послѣ милостиваго пріема, оказаннаго поэту самимъ императоромъ, Пушкинъ читалъ многія изъ своихъ нецензурныхъ стихотвореній въ пріятельскихъ кружкахъ; наконецъ, читалъ своего «Бориса Годунова» у С. А. Соболевскаго, потомъ у Веневитинова. На первомъ чтеніи присутствовали, кромѣ хозяина: П. Я. Чаадаевъ, Д. В. Веневитиновъ, гр. М. Ю. Вьельгорскій и И. В. Кирѣевскій. Второе чтеніе происходило 12-го сентября у Д. В. Веневитинова, при многочисленномъ собраніи ученыхъ и литераторовъ. Здѣсь были: братья Веневитиновы, братья Хомяковы, Кирѣевскіе, Мицкевичъ, Баратынскій, Шевыревъ, Погодинъ, Раичъ, Соболевскій, и др. По воспоминаніямъ М. П. Погодина, невозможно передать дѣйствія, произведеннаго на всѣхъ присутствовавшихъ мастерскимъ чтеніемъ этой превосходной драматической поэмы... «Мы собрались слушать Пушкина,—говоритъ онъ,—воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ, и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ, надо представить себѣ самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ высокаго искусства—это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами; безъ всякихъ притязаній; съ живыми, быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ; въ черномъ сюртукѣ, въ черномъ жилетѣ, застегнутомъ на-глухо, въ небрежно повязанномъ галстухѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы услышали простую, ясную, обыкновенную и, между тѣмъ, піитическую, увлекательную рѣчь!

«Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена; мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа Пимена о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ: «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной»—мы, просто, всѣ какъ будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы поднимались дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться. Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто

вскрикнетъ... то молчаніе, то взрывъ восклицаній... напримѣръ, при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила,
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла!

«Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго, и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія...

«Явилось шампанское и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ, намъ поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ; предисловіе къ «Руслану и Людмилѣ»; началъ разсказывать о планѣ для «Димитрія Самозванца»: о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ—сцену, которую написалъ онъ гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ вполовину, о чемъ глубоко сожалѣлъ.—О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь! Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва-ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ».

На другой день, въ присутствіи Пушкина, Хомяковъ имѣлъ храбрость читать своего «Ермака»... «Мы почти его не слыхали»—говоритъ М. П. Погодинъ. Затѣмъ, Пушкинъ все болѣе и болѣе сходился съ молодыми московскими литераторами: былъ на обѣдѣ у Хомякова въ честь основанія предположеннаго журнала «Московскій Вѣстникъ»... То было жаркое литературное время въ Москвѣ: на сходкахъ литераторовъ обсуждались животрепещущіе вопросы наукъ, художествъ, словесности. М. П. Погодинъ, по собственному сознанію, рѣдко посѣщалъ эти вечера: «страха ради іудейска». Этотъ страхъ не удержалъ Пушкина и за эту смѣлость онъ получилъ отъ А. Х. Бенкендорфа нѣчто въ родѣ «внушенія», выраженнаго въ весьма вѣжливой и мягкой формѣ въ вышеприведенномъ письмѣ, на которое Пушкинъ не замедлилъ отвѣтомъ.

Псковъ 29-го ноября 1826 года.

«Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ ми-

лость и великодушіе государя императора, также какъ снисходительную благосклонность вашего превосходительства. Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ—конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ высочайшую волю государя,—то поставляю за долгъ препроводить ее вашему превосходительству, въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другаго списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить [1]).

«Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ издателей. Прошу отъ вашего превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ.—Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства, всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ». (Помѣта: получено 9-го декабря 1826 г.).

Получивъ это письмо, Бенкендорфъ тотъ же день отвѣчалъ Пушкину:

С.-Петербургъ. 9-го декабря 1826 г.

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ! Получивъ письмо ваше вмѣстѣ съ препровожденною при ономъ драматическою піесою, я поспѣшаю васъ о томъ извѣстить, съ присовокупленіемъ, что я оную представлю его императорскому величеству и дамъ вамъ знать о воспослѣдовать имѣющемъ высочайшемъ отзывѣ.

«Между тѣмъ прошу васъ сообщить мнѣ на сей же предметъ всѣ и мелкіе труды блистательнаго вашего пера.

«Примите увѣреніе отличнаго моего уваженія и искренной преданности. (Подписано) А. Бенкендорфъ».

«Его Высокоблагородію А. С. Пушкину».

---

[1]) Списокъ этотъ и былъ возвращенъ поэту, но за то представленныя года черезъ два, упомянаемыя выше Погодинымъ, «Пѣсни о Стенькѣ Разинѣ» остались у гр. Бенкендорфа, и до сихъ поръ не отыскиваются ни въ подлинникѣ, ни въ копіяхъ.

Докладъ А. Х. Бенкендорфа государю императору послѣдовалъ 14-го декабря 1826 года. «Борисъ Годуновъ» былъ первоначально названъ Пушкинымъ: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Въ виду этого, къ рукописи было приложено слѣдующее примѣчаніе:

«По названію комедія, данному піесѣ, не должно думать, что это комедія въ такомъ родѣ, какъ называются драматическія произведенія, изображающія странности общества и характеровъ.—Пушкинъ хотѣлъ подражать, даже въ заглавіи, старинѣ. Въ началѣ русскаго театра въ 1705 году, комедіей называлось какое нибудь происшествіе, историческое или выдуманное, представленное въ разговорѣ. Въ спискѣ таковыхъ комедій, находившихся въ посольскомъ приказѣ 1708 года, мы находимъ заглавіе: «Комедія о Франталасѣ царѣ Эпирскомъ и о Мирандомѣ сынѣ его и о прочихъ», «Комедія о честномъ измѣнникѣ въ ней же первая персона Арцухъ (то-есть, герцогъ) Фридрихъ-фонъ-Поплей», «Комедія о крѣпости Грубипона, въ ней же первая персона Александръ, царь Македонскій» и тому подобное Въ подражаніе симъ названіямъ Пушкинъ назвалъ свое сочиненіе: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ».

«Въ сей піесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это отдѣльныя сцены, или, лучше сказать, отрывки изъ X-го и XI-го тома «Исторіи Государства Россійскаго», сочиненія Карамзина, передѣланные въ разговоры и сцены. Характеры, происшествія, мнѣнія—все основано на сочиненіи Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедіи принадлежитъ только разсказъ, расположеніе дѣйствія на сценѣ.

«Почти каждая сцена составлена изъ событій, упомянутыхъ въ исторіи, исключая сцены самозванца въ корчмѣ на литовской границѣ, сцены юродиваго и свиданія самозванца съ Мариною».

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1827 по 1831 годъ, образъ жизни Пушкина поразителенъ своею подвижностью, а литературная его дѣятельность ознаменована неутомимостью, обиліемъ и совершенствомъ произведеній. Въ этотъ періодъ времени геній Пушкина достигъ своего апогея.

Въ исходѣ декабря 1826 года поэтъ отправился въ Москву, гдѣ пробылъ до мая 1827 года; въ маѣ отправился въ Петербургъ; отсюда въ деревню; зиму 1827 — 1828 года провелъ попеременно въ Москвѣ и въ Петербургѣ, весну и лѣто въ Михайловскомъ; осень въ Малинникахъ, тверскомъ имѣніи А. Н. Вульфа. Затѣмъ, какъ-то мелькомъ появляясь попеременно въ обѣихъ столицахъ — въ мартѣ 1829 года Пушкинъ отправился на Кавказъ, былъ свидѣтелемъ дѣй-

ствій нашихъ войскъ и взятія Арзрума; въ ноябрѣ возвратился въ Болдино, свое нижегородское имѣніе. Послѣ того, по самый день его брака, 18-го февраля 1831 года, видимъ Пушкина поперемѣнно то здѣсь, то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ. Съ семействомъ Натальи Николаевны Гончаровой, будущей супруги своей, онъ познакомился въ 1828 году на балѣ, когда ей было лишь шестнадцать лѣтъ. Черезъ два года молва о необыкновенной красотѣ дѣвицы Гончаровой усилила въ сердцѣ Пушкина въ неукротимый пламень первую искру страсти, запавшую при первой встрѣчѣ.

Я восхищенъ, я очарованъ,
Короче—я огончарованъ!

— шутливо говорилъ онъ своимъ друзьямъ. Но любовь эта не была мимолетною прихотью: въ день Свѣтлаго Воскресенья, 6-го апрѣля 1830 года, Пушкинъ сдѣлалъ формальное предложеніе семейству Наталіи Николаевны, а 15-го мая (въ Вознесеніе) была его формальная помолвка. Замѣчательно, что съ 1828 года обуянный какимъ-то лихорадочнымъ стремленіемъ къ перемѣнѣ мѣстъ, стремясь то въ Италію, то въ Турцію, то въ Китай, Пушкинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, выказывалъ странную, юношескую (что-бы не сказать—ребяческую) влюбчивость въ каждое хорошенькое личико, въ каждую женщину, оказывавшую свое вниманіе великому поэту. Съ 1827 по 1831 годъ, кромѣ новаго стихотворенія Аннѣ Петровнѣ Кернъ, Пушкинъ воспѣвалъ: княгиню З. А. Волконскую, К. А. Тимашеву, *** (ей были посвящены стихи: «Городъ пышный, городъ бѣдный»), *** (to Dawe esq.), Оленину («Ея глаза»), *** («Счастливъ, кто избранъ своенравно»), и мн. др. Въ письмахъ своихъ къ А. Н. Вульфу и Н. М. Языкову Пушкинъ по прежнему не безъ нѣжности отзывался о барышняхъ семейства П. А. Осиповой.

Воспоминанія А. П. Кернъ заключаютъ въ себѣ многія любопытныя черты, относящіяся до Пушкина и его образа жизни въ 1827—1828 годахъ. Приводимъ подлинный ея разсказъ.

«Съ Пушкинымъ я опять увидѣлась въ Петербургѣ въ домѣ его родителей, гдѣ я бывала почти всякій день и куда онъ пріѣхалъ изъ своей ссылки въ 1827 году, проживъ въ Москвѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Онъ былъ тогда веселъ, но чего-то ему недоставало. Онъ какъ будто не былъ такъ доволенъ собою и другими, какъ въ Тригорскомъ и Михайловскомъ.... Друзья не покидали его въ ссылкѣ; нѣкоторые посѣщали его, а именно: Дельвигъ, Баратынскій и Языковъ, а другіе переписывались съ нимъ, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ съ богатымъ запасомъ выработанныхъ мыслей. Тотчасъ по пріѣздѣ, онъ усердно началъ писать и мы его рѣдко видѣли.

Онъ жилъ въ трактирѣ Демута; его родители на Фонтанкѣ у Семеновскаго моста; я съ отцомъ и сестрою—близь Обухова моста, и онъ иногда заходилъ къ намъ. Мать его, Надежда Осиповна, горячо любившая дѣтей своихъ, гордилась имъ и была очень рада и счастлива когда онъ посѣщалъ ихъ и оставался обѣдать. Она заманивала его къ обѣду печенымъ картофелемъ, до котораго Пушкинъ былъ большой охотникъ. Въ годъ возвращенія его изъ Михайловскаго, имянины свои праздновалъ онъ въ домѣ родителей, въ семейномъ кружкѣ, и былъ очень милъ. Я въ этотъ день обѣдала у нихъ и имѣла удовольствіе слушать его любезности. Послѣ обѣда Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, подойдя ко мнѣ съ Пушкинымъ, сказалъ: «Неужели вы ему сегодня ничего не подарили, а онъ такъ много вамъ писалъ прекрасныхъ стиховъ».—И въ самомъ дѣлѣ,—отвѣчала я, — мнѣ-бы надо подарить васъ чѣмъ-нибудь: вотъ вамъ кольцо моей матери, носите его на память обо мнѣ.—Онъ взялъ кольцо, надѣлъ на свою маленькую, прекрасную руку и сказалъ, что дастъ мнѣ другое. Въ этотъ вечеръ мы говорили о Львѣ Сергѣевичѣ, который въ то время служилъ на Кавказѣ, и я, припомнивъ стихи, написанные имъ ко мнѣ, прочитала ихъ Пушкину. Онъ остался ими доволенъ и сказалъ очень наивно: Il a aussi beaucoup d'esprit (онъ также очень уменъ).

«На другой день Пушкинъ привезъ мнѣ обѣщанное кольцо съ тремя брилліантиками и хотѣлъ было провести у меня нѣсколько часовъ; но мнѣ было нужно ѣхать съ графинею Ивеличъ и я предложила ему прокатиться къ ней на лодкѣ. Онъ согласился и я опять увидѣла его почти такимъ же любезнымъ, какимъ онъ бывалъ въ Тригорскомъ. Онъ шутилъ съ лодочникомъ, уговаривая его быть осторожнымъ и не утопить насъ. Потомъ мы заговорили о Веневитиновѣ [1]) и онъ сказалъ мнѣ: «Pourquoi l'avez-vous laissé mourir? il était aussi amoureux de vous, n'est-ce pas?» (Зачѣмъ вы допустили его умереть? онъ тоже былъ влюбленъ въ васъ—не правда-ли?). На это я отвѣчала ему, что Веневитиновъ оказывалъ мнѣ только нѣжное участіе и дружбу, и что сердце его давно уже принадлежало другой. Тутъ, кстати, я разсказала ему о нашихъ бесѣдахъ съ Веневитиновымъ, полныхъ той высокой чистоты и нравственности, которыми онъ отличался; о желаніи его нарисовать мой портретъ и о

---

[1]) Д. В. Веневитиновъ умеръ въ мартѣ 1827 года. Подробности его кончины описаны въ статьѣ А. И. Тургенева (См. «Русскую Старину» изд. 1875 г., томъ XII, стр. 748—749). Его письма къ С. А. Соболевскому (стр. 820—821).

моей скорби, когда я получила отъ Хомякова его посмертное изображеніе. Пушкинъ слушалъ мой разсказъ внимательно, выражая только по временамъ досаду, что такъ рано умеръ чудный поэтъ...

«Зимой 1827 года Пушкинъ писалъ «Полтаву» и, полный ея поэтическихъ образовъ и гармоническихъ стиховъ, часто входилъ ко мнѣ въ комнату, повторяя послѣдній написанный имъ стихъ; такъ, онъ разъ вошелъ, громко произнося: «Ударилъ бой, полтавскій бой!» Онъ это дѣлалъ всегда, когда его занималъ какой нибудь стихъ, удавшійся ему, или почему нибудь запавшій ему въ душу. Онъ, напримѣръ, въ Тригорскомъ безпрестанно повторялъ: «Обманетъ, не придетъ она!»...

«Посѣщая меня, онъ разсказывалъ иногда о своихъ бесѣдахъ съ друзьями и однажды, встрѣтивъ у меня Дельвига съ женою, передалъ свой разговоръ съ Крыловымъ, во время котораго, между прочимъ, былъ споръ о томъ, можно-ли сказать бывывало? Кто-то замѣтилъ, что можно даже сказать «бывывывало». «Очень можно,— проговорилъ Крыловъ,—да только этого и трезвому не выговорить!»

«Разсказавъ это, Пушкинъ много шутилъ. Во время этихъ шутокъ ему попался подъ руку мой альбомъ—совершенный слѣпокъ съ того уѣздной барышни альбома, который описалъ Пушкинъ въ «Онѣгинѣ», и онъ сталъ въ немъ переводить французскіе стихи на русскій языкъ и русскіе на французскій. Въ альбомѣ было написано:

Oh, si dans l'immortelle vie
Il existait un être parfait,
Oh, mon aimable et douce amie
Comme toi sans doute il est fait..., etc.

«Пушкинъ перевелъ:

Если въ жизни поднебесной
Существуетъ духъ прелестный,
То тебѣ подобенъ онъ,
Я скажу тебѣ резонъ:
«Невозможно!»

«Подъ какими-то весьма плохими стихами было подписано: écrit dans mon exil (написано въ моемъ изгнаніи); Пушкинъ приписалъ:

Amour, exil—
Какая гиль!

«Димитрій Николаевичъ Барковъ написалъ одни, всѣмъ извѣстные стихи не совсѣмъ правильно и Пушкинъ вмѣсто перевода написалъ:

На смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевесть,
И даже имени такова
Не смѣю громко произнесть!

«Такъ нѣсколько часовъ было проведено среди самыхъ живыхъ шутокъ, и я никогда не забуду его игривой веселости, его дѣтскаго смѣха, которымъ оглашались въ тотъ день мои комнаты. Въ подобномъ расположеніи духа, онъ разъ принелъ ко мнѣ и, заставъ меня за письмомъ къ меньшой сестрѣ моей въ Малороссію, приписалъ въ немъ:

Когда помилуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни Украинскихъ черешенъ!

«Въ этотъ самый день я восхищалась чтеніемъ его «Цыганъ» въ Тригорскомъ и сказала: «Вамъ-бы слѣдовало, однако-жъ, подарить мнѣ экземпляръ «Цыганъ», въ воспоминаніе того, что вы ихъ мнѣ читали»...

«Онъ прислалъ ихъ въ тотъ-же день, съ надписью на оберткѣ всѣми буквами: «Ея прев-ству Аннѣ Петровнѣ Кернъ отъ господина Пушкина, усерднаго ея почитателя. Трактиръ Демутъ, № 10».

Черезъ нѣсколько дней онъ написалъ Аннѣ Петровнѣ извѣстное стихотвореніе.

Я ѣхалъ къ вамъ. Живые сны
За мной вились толпой игривой и т. д.

Онъ писалъ ихъ напѣвая, а при стихѣ:

И мѣсяцъ съ лѣвой стороны
Сопровождалъ меня уныло!

замѣтилъ смѣясь: «разумѣется, съ лѣвой, потому что ѣхалъ назадъ!»

«Въ это время,—продолжаетъ А. П. Кернъ,—онъ очень усердно ухаживалъ за одной особой (Олениной), къ которой были написаны стихи: «Городъ пышный, городъ бѣдный» и «Предъ ней задумавшись стою». Не смотря, однакожъ, на чувство, которое проглядываетъ въ этихъ прелестныхъ стихахъ, онъ никогда не говорилъ о ней съ нѣжностью и однажды, разсуждая о маленькихъ ножкахъ, сказалъ: «Вотъ, напримѣръ, у ней, вотъ какія маленькія ножки, да чортъ-ли въ нихъ?» Въ другой разъ, разговаривая со мною, онъ сказалъ: «Сегодня Крыловъ просилъ, чтобы написать что нибудь въ ея альбомъ». — А что вы сказали?—«А я сказалъ: Ого!» Въ такомъ родѣ онъ часто выражался о предметѣ своихъ вздыханій.

«Пушкинъ очень любилъ карты и говорилъ, что это един-

ственная его привязанность. Онъ былъ, какъ всѣ игроки, суевѣренъ и разъ, когда я попросила у него денегъ для одного бѣднаго семейства, онъ, отдавая послѣдніе 50 рублей, сказалъ: «Счастье ваше, что я вчера проигралъ». По отъѣздѣ отца и сестры изъ Петербурга, я перешла на маленькую квартиру въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ Дельвигъ и была свидѣтельницею свиданія его съ Пушкинымъ. Послѣдній, узнавши о пріѣздѣ Дельвига, тотчасъ пріѣхалъ, быстро пробѣжалъ черезъ дворъ и бросился въ его объятія; они цѣловали другъ у друга руки и, казалось, не могли наглядѣться одинъ на другаго. Они всегда такъ встрѣчались и прощались: была обаятельная прелесть въ ихъ встрѣчахъ и разставаніяхъ. Въ эту зиму (1827—1828 гг.) Пушкинъ часто бывалъ по вечерамъ у Дельвига, гдѣ собирались два раза въ недѣлю лицейскіе товарищи его: Лангеръ, князь Эристовъ, Яковлевъ, Комовскій и Илличевскій. Кромѣ этихъ, приходили на вечера Подолинскій, Щастный, молодые поэты, которыхъ выслушивалъ и благословлялъ Дельвигъ, какъ патріархъ. Иногда также являлся кн. Сергѣй Голицынъ и М. И. Глинка, геній музыки, добрый и любезный человѣкъ, какъ свойственно геніальному существу. Тутъ кстати замѣтить, что Пушкинъ говорилъ часто: «Злы только дураки и дѣти»; не смотря однакоже на это убѣжденіе, и онъ бывалъ часто золъ на словахъ — но всегда раскаявался. Такъ однажды, когда онъ мнѣ сказалъ какую-то злую фразу, и я ему замѣтила: «ce n'est pas bien de s'attaquer à une personne aussi inoffensive» (не хорошо нападать на такое безобидное существо), — обезоруженный моею фразою, онъ искренно началъ извиняться. Въ поступкахъ онъ всегда былъ добръ и великодушенъ. — На вечера къ Дельвигу являлся и Мицкевичъ. Вотъ кто былъ постоянно любезенъ и пріятенъ.—Не помню, встрѣчался ли онъ часто съ Пушкинымъ, но знаю, что Пушкинъ и Дельвигъ его уважали и любили..... Многіе изъ тогдашнихъ писателей читали (у Дельвига) свои произведенія. Такъ, напримѣръ, Щастный читалъ намъ своего «Фариса», переведеннаго имъ тогда (изъ Мицкевича), и заслужилъ вообще одобреніе. За этотъ переводъ Дельвигъ очень благоволилъ къ нему, хоть вообще Щастный, какъ поэтъ, былъ гораздо ниже другихъ второстепенныхъ писателей. Среди этихъ послѣднихъ видное мѣсто занималъ Подолинскій и многими его стихами восхищался Пушкинъ. Особенно нравились ему слѣдующіе:

Когда стройна, и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она,
Я мыслю: гурія пророка
Съ небесъ на землю сведена.... и т. д.

«Пушкинъ въ эту зиму бывалъ часто мрачнымъ, разсѣяннымъ и апатичнымъ. Въ минуты разсѣянности онъ напѣвалъ какой нибудь стихъ и разъ былъ очень забавенъ, когда повторялъ безпрестанно стихъ барона Розена: «Неумолимая, ты не хотѣла жить!»... передразнивалъ его и голосъ и выговоръ».

Въ дополненіе къ Воспоминаніямъ А. П. Кернъ о стихахъ Подолинскаго прибавимъ изъ собственныхъ его воспоминаній, что стихи: «Когда, стройна и свѣтлоока» дѣйствительно нравились Пушкину, и онъ, примѣняя ихъ къ Аннѣ Петровнѣ, пародировалъ однажды:

Когда, стройна и свѣтлоока,
Передо мной стоитъ она...
Я мыслю: «въ день Ильи-пророка
Она была разведена!»

Странная характеристическая черта: великій поэтъ весьма часто обращалъ предметы недавняго благоговѣйнаго восторга въ предметы язвительныхъ насмѣшекъ—и, наоборотъ, благоговѣлъ передъ вещами, недавно возбуждавшими въ немъ насмѣшливость, глумленіе и сарказмъ... Одни и тѣ же лица нерѣдко служили ему сюжетами восторженныхъ похвалъ и злѣйшихъ эпиграммъ, таковы: Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій, кн. Шаховской и мн. др. [1]).

---

[1]) Эту измѣнчивость своихъ убѣжденій высказалъ самъ поэтъ въ двухъ своихъ стихотвореніяхъ: въ «Посланіи Катенину» (о портретѣ А. М. Колосовой) и въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ». Въ первомъ онъ говоритъ:

Такъ легкомысленной душой,
О, боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ!

Во второмъ:

Я содрагаюсь, сердцу больно,
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.
Къ чему, несчастный, я стремился?
Предъ кѣмъ унизилъ гордый умъ?
Кого восторгомъ чистыхъ думъ
Боготворить не устыдился?

Онъ воспѣвалъ Тригорское, писалъ стихи въ альбомы провинціальныхъ барышень, а между тѣмъ про нихъ же сказалъ:

Но ты, губернія Псковская,
Теплица юныхъ дней моихъ!
Что можетъ быть, страна святая,
Несноснѣй барышень твоихъ,
Плаксивыхъ, скучныхъ, своенравныхъ.... и т. д.

Приведенное замѣчаніе А. П. Кернъ, что въ зиму 1827—1828 гг. Пушкинъ былъ мраченъ, разсѣянъ, объясняется тѣмъ, что въ это время ему грозила новая бѣда. Именно, въ 1827 г., началось уголовное дѣло по найденнымъ у кандидата Московскаго университета Леопольдова стихамъ Пушкина: «Андрей Шенье», на которыхъ Леопольдовъ сдѣлалъ помѣту, что они писаны «на 14-е декабря 1825 г.». Дѣло длилось почти два года (до сентября 1828 г.), прошло много инстанцій и доходило до государственнаго совѣта (см. «Русскую Старину» 1874 г., т. XI, стр. 584—588) и Пушкинъ подвергался неоднократнымъ допросамъ, которые, къ удивленію, однако не касались отобранной у Леопольдова Пушкинской же «Оды на свободу», не идущей ни въ какое сравненіе съ невинными стихами, послужившими поводомъ къ началу дѣла. Государственный совѣтъ нашелъ, что Пушкина, «за выпускъ стиховъ въ публику прежде дозволенія цензуры, надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но какъ сіе учинено имъ до состоянія Всемилостивѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 г., то, по силѣ 1-го пункта онаго, избавя его, Пушкина, отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою, дабы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія и пропуска цензуры не осмѣливался выпускать въ публику, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія».—Этимъ и окончилось безцензурное печатаніе сочиненій Пушкина, выше нами указанное, да кромѣ того надъ поэтомъ былъ учрежденъ полицейскій надзоръ, какъ видно изъ документовъ, сообщенныхъ намъ г-мъ Берже, относящихся ко времени поѣздки Пушкина на Кавказъ въ слѣдующемъ за рѣшеніемъ дѣла 1829-мъ году.

Вотъ эти документы, сообщенные Ад. П. Берже:

«Донесеніе исправляющаго должность начальника штаба генералъ-маіора барона Остенъ-Сакена тифлисскому военному генералъ-губернатору генералъ-адъютанту Стрекалову, отъ 12-го мая 1829 года, № 28.

«Извѣстный стихотворецъ, отставной чиновникъ X-го класса Александръ Пушкинъ отправился въ мартѣ мѣсяцѣ изъ С.-Петербурга въ Тифлисъ, а какъ по высочайшему его императорскаго величества повелѣнію состоитъ онъ подъ секретнымъ надзоромъ, то по приказанію его сіятельства (графа Паскевича), имѣя честь донести о томъ вашему превосходительству, покорнѣйше прошу не оставить распоряженіемъ вашимъ о надлежащемъ надзорѣ за нимъ по прибытіи его въ Грузію».

Вслѣдствіе этого донесенія генералъ-адъютантъ Стрекаловъ предписалъ тифлисскому губернатору, отъ 14-го мая: «по прибытіи г. Пушкина, обратить на поведеніе его строгое вниманіе и доносить

секретно объ образѣ его жизни», а потомъ сообщилъ графу Бенкендорфу:

«Отношеніе генералъ-адъютанта Стрекалова къ Александру Христофоровичу Бенкендорфу.

«Почтеннѣйшимъ отношеніемъ, отъ 1-го числа настоящаго октября мѣсяца, ваше высокопр—ство изволите требовать отъ меня увѣдомленія: по чьему позволенію извѣстный стихотворецъ Александръ Пушкинъ предпринялъ путешествіе изъ Тифлиса въ Эрзерумъ?

«Исправляющій должность начальника штаба отдѣльнаго Кавказскаго корпуса генералъ-маіоръ баронъ Остенъ-Сакенъ увѣдомилъ меня по приказанію главнокомандующаго, въ минувшемъ маѣ, о путешествіи, предпринятомъ г. Пушкинымъ въ мартѣ мѣсяцѣ въ Закавказскій край, и просилъ меня по прибытіи его въ Грузію имѣть за нимъ надлежащій секретный надзоръ.

«Имѣя въ виду высочайшее его императорскаго величества повелѣніе о состояніи Александра Пушкина подъ надзоромъ правительства, я, кромѣ предписанія тифлисскому гражданскому губернатору наблюдать за его поведеніемъ, лично обращалъ на образъ его жизни надлежащее вниманіе.

«Путешествіе же изъ Тифлиса въ Эрзерумъ произведено имъ по дозволенію его сіятельства генералъ-фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго, изъясненному въ предписаніи его ко мнѣ, отъ 8-го числа минувшаго іюня мѣсяца, № 194.

«Въ концѣ августа г. Пушкинъ возвратился въ Тифлисъ, откуда по прошествіи нѣсколькихъ дней отправился въ Москву. Предъ отъѣздомъ его изъ Грузіи, я счелъ нужнымъ тогда же увѣдомить о томъ московскаго военнаго генералъ-губернатора и сообщилъ ему высочайшее государя императора повелѣніе о состояніи Александра Пушкина подъ секретнымъ надзоромъ правительства. Увѣдомляя о семъ ваше высокопр—ство», и пр. [1]).

Начало 1831 года, въ которомъ Пушкинъ повѣнчался съ Н. Н. Гончаровою, было ознаменовано тяжкимъ для него ударомъ: въ половинѣ января, за мѣсяцъ до свадьбы, Пушкинъ получилъ извѣстіе о кончинѣ его безцѣннаго друга, барона А. А. Дельвига. «Вотъ первая смерть, мною оплаканная», писалъ онъ П. А. Плетневу: «Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ, какъ русскій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига».... «Память Дельвига есть единственная тѣнь моего свѣтлаго существованія», писалъ онъ черезъ недѣлю послѣ свадьбы. Воспоминаніе о

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879, томъ XXV, стр. 753.

другѣ было неразлучно съ сердцемъ Пушкина до самой его кончины; оно проявлялось, подобно блестящимъ слезинкамъ, во многихъ изъ стихотвореній Пушкина 1831—1837 гг. Эта смерть имѣла громадное вліяніе на характеръ поэта: прежняя юношеская веселость уступила мѣсто глубокой, осмысленной задумчивости, меланхоліи—истинной, а не навѣянной чтеніемъ Байрона. Съ Дельвигомъ Пушкинъ схоронилъ свою юность; могила поэта-идиллика была порогомъ, чрезъ который Пушкинъ вступилъ въ возрастъ мужества....

Самая свадьба поэта была ознаменована многими дурными примѣтами, которыя, по народному повѣрью, не предвѣщаютъ счастья и долгоденствія молодымъ. Посѣщая домъ невѣсты, Пушкинъ обратилъ вниманіе на вывѣску гробовщика, жившаго насупротивъ оконъ квартиры Гончаровыхъ. Это непріятное memento mori заронило въ умъ Пушкина первую мысль написать «Гробовщика»—одну изъ повѣстей Бѣлкина. Эта мысль преслѣдовала поэта до самаго дня его свадьбы, до тѣхъ поръ, покуда не сложилась въ изящный разсказъ. Замѣтимъ еще, что въ февралѣ 1831 года надъ Москвою тяготѣло всеобщее уныніе, слѣдствіе недавней холеры; траурныя платья встрѣчались на каждомъ шагу; разсказы о недавнихъ ужасахъ эпидеміи еще ходили изъ устъ въ уста. Въ Петербургѣ, куда весною уѣхали новобрачные, ихъ ожидали новые ужасы...

Свадьба Пушкина происходила 18-го февраля 1831 года. Во время обряда, Пушкинъ, задѣвъ нечаянно за аналой, уронилъ крестъ; говорятъ, при обмѣнѣ колецъ, одно изъ нихъ упало на полъ... Поэтъ измѣнился въ лицѣ и тутъ же шепнулъ одному изъ присутствовавшихъ: «tous les mauvais augures» (все дурныя примѣты).

Предчувствія не обманули Пушкина, и черезъ шесть лѣтъ эти примѣты, къ несчастію, оправдались.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

VI [1]).

Пребываніе въ Петербургѣ.—Отношеніе къ обществу и литературному кругу.—Путешествіе въ восточную Россію.—Историческіе труды.—1831—1834 гг.

Новобрачные Пушкины со дня свадьбы прожили въ Москвѣ до Ѳоминой недѣли 1831 года (Пасха была 19-го апрѣля); затѣмъ отправились въ Петербургъ, откуда, послѣ непродолжительнаго пребыванія, переѣхали на дачу въ Царское Село. Озабоченный устройствомъ домашнихъ дѣлъ, Пушкинъ на нѣкоторое время прекратилъ свои литературныя занятія. Весна и лѣто страшнаго холернаго года были счастливѣйшею эпохою въ жизни поэта. По прихоти судьбы, первые мѣсяцы супружества ему было суждено проводить въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ протекла его юность. Ближайшими сосѣдями Пушкиныхъ по дачѣ были В. А. Жуковскій и очаровательная своею любезностью А. О. Смирнова. О дружбѣ съ обоими поэтами и о посѣщеніи ихъ Александра Осиповна многое разсказываетъ въ своихъ Воспоминаніяхъ [2]). Въ Царскомъ Селѣ весною 1831 года жилось весело, не смотря на то, что польская кампанія была въ самомъ разгарѣ, а холера съ запада и съ востока надвигалась на столицу. Политическія событія не надолго отвлекли Пушкина отъ любви и дружбы, единственно затѣмъ, чтобы высказать взглядъ на польскій бунтъ и на свои отношенія къ полякамъ... Дѣло въ томъ, что одинъ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXV, стр. 371—388; 671—690 т. XXVI, стр. 291—328; 505—522. Изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 129—148.

[2]) Воспоминанія г-жи Смирновой были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» 1871 г., стр. 1869 и слѣд.

изъ членовъ временнаго правительства въ Варшавѣ, Іоахимъ Лелевель [1]), въ пламенной рѣчи по поводу возстанія, произнесенной имъ въ національномъ собраніи, выразилъ свое сочувствіе къ Пушкину, какъ къ поэту, произведенія котораго проникнуты свободолюбіемъ и какъ бы доброжелательствомъ полякамъ. Была-ли эта рѣчь напечатана въ иностранныхъ газетахъ [2]), инымъ-ли какимъ нибудь путемъ, но она дошла до свѣдѣнія правительства, о чемъ Пушкину сообщилъ дальній родственникъ семейства Гончаровыхъ—графъ Григорій Александровичъ Строгановъ [3]). По поводу этого-то сообщенія, Пушкинъ писалъ графу:

— Monsieur le comte! J'expie bien tristement les chimères de ma jeunesse. L'accolade de Lelewel me paroit plus dûre qu'un exil en Sibérie. Je vous remercie cependant de ce que vous avez bien voulu me communiquer l'article en question: il me servira de texte au sermon. Veuillez, Monsieur le comte, me mettre aux pieds de Madame votre femme et agréez l'hommage de ma haute considération. Alexandre Pouchkine.

(Переводъ). Графъ! Печально приходится мнѣ искупать мечты моей молодости. Объятія Лелевеля кажутся мнѣ жестче ссылки въ Сибирь. Однако-же весьма вамъ благодаренъ за то, что вы изволили сообщить мнѣ упомянутую статью: она послужитъ текстомъ для моей отповѣди. Благоволите, графъ, повергнуть меня къ стопамъ супруги вашей и примите дань моего глубочайшаго уваженія. Александръ Пушкинъ.

Отповѣдью Пушкина, по видимому, были написанныя имъ (въ августѣ того же 1831 года) стихотворенія «Клеветникамъ Россіи» и «Бородинская годовщина». Въ обоихъ Пушкинъ является пламеннымъ защитникомъ интересовъ своей родины.

Вѣсть о появленіи холеры въ Петербургѣ застала Пушкина въ садахъ Царскаго Села, воздухъ котораго, благодаря разобщенію лѣтней резиденціи съ столицей, не былъ отравленъ заразою. Поэзію ужаса, неразлучную съ появленіемъ моровыхъ повѣтрій, Пушкинъ, еще за годъ передъ тѣмъ, передалъ неподражаемо въ драматическихъ своихъ сценахъ: «Пиръ во время чумы». Холера носилась

---

[1]) См. о немъ «Русскую Старину» изд. 1878 года, т. XXII, стр. 633—656, и т. XXIII, стр. 75—98 (Лелевель род. 1785 † 29-го мая 1861 г.).

[2]) Пересмотрѣвъ французскія газеты 1831 года, мы не нашли въ нихъ не только подлинной рѣчи Лелевеля, но даже и малѣйшаго на нее намека.

[3]) Графъ Григорій Александровичъ Строгановъ прославился энергіею и распорядительностью въ бытность свою нашимъ посланникомъ въ Константинополѣ, въ 1821 году. Онъ былъ въ дальнемъ родствѣ съ семействомъ Гончаровыхъ, а впослѣдствіи—однимъ изъ опекуновъ дѣтей Пушкина.

близко отъ него еще въ 1830 году, когда онъ проживалъ въ Болдинѣ и въ Москвѣ; для него эта зараза не была новостью... но годъ назадъ жизнь поэта еще не была связана съ жизнью страстно любимой жены. Прогрессивный періодъ холеры продолжался, какъ извѣстно, четыре недѣли (съ 7-го іюня по 7-е іюля); въ послѣднихъ числахъ іюня мѣсяца въ Петербургѣ умирало отъ эпидеміи не менѣе 1,000 человѣкъ въ день. Въ эту самую пору, Пушкинъ писалъ въ Тригорское, Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой:

Sarskoé Sélo. 29 Juin, 1830 [1].

Je différais de vous écrire m'attendant à tout moment à vous voir nous arriver; mais les circonstances ne me permettent plus de l'espérer.

C'est donc par écrit, madame, que je vous félicite et que je souhaite à m-lle Euphrosine tout le bonheur dont ici bas nous sommes capables et dont est si digne un être aussi noble et aussi doux.

Les temps sont bien tristes. L'épidémie fait à Pétersbourg de grands ravages. Le peuple s'est ameuté plusieurs fois. Des bruits absurdes s'étaient répandus. On prétendait que les médecins empoisonnaient les habitans. La populace furieuse en a massacré deux. L'Empereur s'est présenté au milieu des mutins. On m'écrit: «Государь говорилъ съ народомъ—чернь слушала на колѣняхъ—тишина—одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». Ce n'est pas le courage ni le talent de la parole qui lui manquent; cette fois-ci l'emeute s'est apaisée; mais les desordres se sont renouvellés depuis.

Peut être sera-t-on obligé d'avoir recours à la mitraille. Nous attendons la cour à Sarskoé Sélo, qui j'usqu'à présent n'est pas encore attaqué de la contagion; mais je crois que cela ne tardera pas. Que Dieu préserve Trigorskoé des sept plaies d'l'Egypte; vivez heureuse et tranquille et puissé-je me retrouver un jour dans votre voisinage! Et à propos de cela, si je ne craignais d'être indiscret, je vous prierais, comme bonne voisine et bien chère amie, de me faire savoir si je ne pourrais pas faire l'acquisition de Savkino, et quelles en seraient les conditions. J'y bâtirais une chaumière, j'y mettrais mes livres et j'y viendrais passer quelques mois de l'année auprès de mes bons et anciens amis. Que dites-vous, madame, de mes chateaux en Espagne, ou de ma chaumière à Savkino? Pour moi ce projet-là m'enchante et j'y reviens à tout moment. Recevez, madame, l'hommage de ma haute consi-

[1] Очевидная описка; слѣдуетъ читать: 1831 года.

dération et de mon entier dévouement. Mes hommages à toute votre famille; agréez aussi ceux de ma femme, en attendant que je n'aie eu l'avantage de vous la présenter.

Адресъ: «Ея высокородію м. г. Прасковьѣ Александровнѣ Осиповой, въ Опочку». Письмо исколото въ карантинѣ.

Царское Село, 29-го іюня 1830 (1831) года.

(Переводъ). Я откладывалъ отсылку къ вамъ моего письма, ожидая съ минуты на минуту вашего къ намъ пріѣзда; но обстоятельства не дозволяютъ мнѣ болѣе на это надѣяться.

И такъ, милостивая государыня, письменно поздравляю васъ и желаю Евпраксіи Николаевнѣ всего того счастія, какое только намъ возможно на землѣ и котораго достойно существо столь благородное и кроткое [1]).

Очень грустныя времена. Зараза жестоко опустошаетъ Петербургъ. Народъ бунтовался нѣсколько разъ. Распространились нелѣпые слухи: утверждали, будто доктора отравляютъ жителей. Разъяренная чернь умертвила двухъ докторовъ. Явился Императоръ среди мятежниковъ. Мнѣ пишутъ [2]): «Государь говорилъ съ народомъ—чернь слушала на колѣняхъ—тишина—одинъ царскій голосъ, какъ звонъ святой, раздавался на площади». За храбростью и умѣньемъ говорить у него дѣло не станетъ; на этотъ разъ мятежъ былъ усмиренъ; но послѣ того безпорядки возобновились.

Придется, можетъ быть, прибѣгнуть къ картечи. Мы ожидаемъ прибытія двора въ Царское Село, которое до сихъ поръ еще не постигнуто заразою; но я думаю, что это не замедлитъ. Оборони Боже Тригорское отъ семи язвъ египетскихъ; живите счастливо и спокойно и авось придетъ время, когда я опять буду жить въ вашемъ сосѣдствѣ! И къ слову сказать: если бы я не боялся быть нескромнымъ, то попросилъ бы васъ, какъ добрую сосѣдку и дорогаго друга моего, увѣдомить меня, нельзя-ли мнѣ пріобрѣсть Савкино и на какихъ условіяхъ. Я построилъ бы здѣсь избушку, помѣстилъ бы свои книги и пріѣзжалъ бы проводить нѣсколько мѣсяцевъ въ кругу моихъ добрыхъ и старыхъ друзей. Что вы скажете, сударыня, о моихъ воздушныхъ замкахъ, или о моей избушкѣ въ Савкиномъ? Что до меня, я въ восхищеніи отъ этой мысли и она ежеминутно приходитъ мнѣ въ голову. Примите, сударыня, увѣреніе въ глубокомъ моемъ уваженіи и совершенной преданности. Мой поклонъ всему вашему семейству; примите также поклонъ и отъ жены моей, въ ожиданіи, когда буду имѣть удовольствіе лично вамъ ее представить.

---

[1]) Евпраксія Николаевна Вульфъ выходила тогда замужъ за барона Бориса Александровича Вревскаго. Счастливые супруги съ дѣтьми и внучатами живутъ и понынѣ въ Псковской губ., въ своемъ селѣ Голубовѣ, въ 17-ти верстахъ отъ воспѣтаго Пушкинымъ и Языковымъ села Тригорскаго и сосѣдняго съ нимъ села Михайловскаго.

[2]) Любопытно сличить разсказъ Жуковскаго объ этомъ же событіи. Онъ также написалъ письмо (и также по французски) къ принцессѣ Луизѣ Прусской, отъ 4-го іюля 1831 года.

29 Juillet. Zarskoé Sélo.

Votre silence commençait à m'inquiéter, chère et bonne Прасковья Александровна; votre lettre est venue me rassurer fort à propos. Je vous félicite encore une fois et vous souhaite à tous et du fond de mon coeur—prospérité, repos et santé. J'ai porté moi-même vos lettres à Pavlovsk, en mourant d'envie d'en savoir le contenu; mais ma mère était sortie. Vous savez l'aventure qui leur était arrivée, l'escapade d'O—a, la quarantaine etc. Dieu merci, tout est maintenant fini. Mes parents ne sont plus aux arrets, le choléra n'est guère à craindre. Il va finir à Pétersbourg. Savez-vous qu'il y a eu des troubles à Novgorod dans les colonies militaires? Les soldats se sont ameutés toujours sous l'absurde pretexte de l'empoisonnement. Les généraux, les officiers et les medecins ont été massacrés avec un rafinement d'atrocité! L'Empereur y est allé, et a apaisé l'emeute avec un courage et un sang-froid admirable (sic); mais il ne faut pas que le peuple s'accoutume aux emeutes, et les emeutés à sa présence. Il parait que tout est fini. Vous jugez de la maladie beaucoup mieux que ne l'ont fait les docteurs et le gouvernement. «Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ». Si cette vérité était connue avant, nous eussions evité bien des maux. Maintenant on traite le choléra comme tout empoisonnement avec de l'huile et du lait chaud, sans oublier les bains de vapeur. Dieu donne que vous n'ayez pas besoin d'employer cette recette à Тригорское.

Je remêts en vos mains mes interêts et mes projets. Je ne tiens ni à Savkino, ni à tout autre lieu, je tiens à être votre voisin et propriétaire d'un joli site. Veuillez me faire savoir le prix de telle propriété ou de telle autre. Les circonstances, à ce qu'il parait, vont me retenir à Petersbourg plus longtemps que je n'eus voulu, mais cela ne change rien à mon projet et mes esperances.

Agréez l'hommage de mon dévouement et de ma considération. Je salue toute votre famille.

29-го іюля. Царское Село.

(Переводъ). Ваше молчаніе начинало меня тревожить, дорогая и добрая Прасковья Александровна; письмо ваше успокоило меня какъ нельзя болѣе кстати. Еще разъ поздравляю васъ и желаю вамъ всѣмъ отъ глубины сердца—благополучія, спокойствія и здоровья. Я самъ отнесъ ваши письма въ Павловскъ и, признаюсь, смертельно желалъ узнать ихъ содержаніе; но матушки моей не было дома. Вы знаете о приключеніи, бывшемъ съ ними, о шалости —и, о карантинѣ и проч. Теперь, слава Богу, все кончено. Родители мои

болѣе не подъ арестомъ, холеры бояться уже нечего. Въ Петербургѣ она скоро прекратится. Знаете-ли, что въ Новгородѣ, въ военныхъ поселеніяхъ, были мятежи? Солдаты взбунтовались и все подъ тѣмъ же нелѣпымъ предлогомъ отравленія. Генералы, офицеры и доктора были умерщвлены съ утонченнымъ звѣрствомъ! Императоръ отправился туда и усмирилъ бунтъ съ удивительною храбростію и хладнокровіемъ; но народу не слѣдуетъ привыкать къ бунтамъ, а бунтовщикамъ—къ его присутствію. Кажется, все кончено. Вы судите о болѣзни гораздо лучше, нежели доктора и правительство. «Болѣзнь повальная, а не зараза, слѣдственно карантины лишніе; нужны однѣ предосторожности въ пищѣ и въ одеждѣ». Если бы эта истина была намъ ранѣе извѣстна, мы избѣгнули-бы многихъ бѣдствій. Теперь холеру лечатъ какъ всякую отраву—деревяннымъ масломъ и теплымъ молокомъ, не забывая и паровой ванны. Дай Богъ, чтобы рецептъ этотъ не понадобился вамъ въ Тригорскомъ. Вамъ вручаю мои интересы и планы. Я не особенно держусь за Савкино или за какое другое мѣсто; я желаю только быть вашимъ сосѣдомъ и обладателемъ хорошенькой мѣстности. Благоволите сообщить мнѣ о цѣнѣ той или другой усадьбы. Обстоятельства задержатъ меня, по видимому, въ Петербургѣ болѣе чѣмъ-бы я желалъ, но это нисколько не измѣняетъ ни моихъ намѣреній, ни надеждъ.

Примите увѣреніе въ моей преданности и совершенномъ уваженіи. Поклонъ всему вашему семейству.

Пушкины прожили въ Царскомъ Селѣ до 22-го октября и по переѣздѣ въ Петербургъ наняли квартиру въ Галерной улицѣ, въ домѣ Брискорнъ. Тогда же Александръ Сергѣевичъ писалъ въ Москву, другу своему Павлу Воиновичу Нащокину: «...обо всемъ надо подумать. Не знаю, не затѣю-ли чего нибудь литературнаго, журнальнаго альбома, или тому подобнаго: лѣнь! Кстати, я издаю «Сѣверные Цвѣты» для братьевъ покойнаго Дельвига—заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь [1]). Поклонъ твоимъ, обнимаю отъ сердца». Но, кромѣ изданія альманаха, Пушкинъ прилежно занимался въ государственныхъ архивахъ собираніемъ матеріаловъ для исторіи Петра Великаго; хлопоталъ о поступленіи своемъ на службу, на которую и былъ зачисленъ 14-го ноября 1831 года (по вѣдомству государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ), съ производствомъ жалованья по пяти тысячъ руб. ассигнаціями въ годъ, по особенному благоволенію Государя Императора.

Съ этого времени по самый день несчастнаго своего поединка, великій поэтъ былъ неутомимымъ труженикомъ для жены и дѣтей. Завистники и недоброжелатели обвиняли его въ корыстолюбіи, въ алчности къ наживѣ, даже въ неблагодарности къ Государю, именно въ томъ смыслѣ, что, не довольствуясь пожалованнымъ ему окладомъ,

---

[1]) Пушкинъ говоритъ о «Повѣстяхъ Бѣлкина», тогда только что вышедшихъ изъ печати.

Пушкинъ слишкомъ часто прибѣгалъ къ своему державному покровителю съ просьбами о пособіяхъ. Память поэта въ оправданіяхъ не нуждается, а обвинители его не рѣшились бы на порицанія, если бы безпристрастнѣе отнеслись къ общественному положенію Пушкина. Женитьба на Гончаровой породнила его съ нѣкоторыми знатными фамиліями обѣихъ столицъ; посѣщеніе большаго свѣта было насущною потребностью для жены Пушкина, свѣтски образованной, молодой красавицы... Эти выѣзды были сопряжены съ немалыми расходами. Хотя простота одежды самого Пушкина доходила почти до небрежности (въ которой иные видѣли своего рода оригинальность или желаніе подражать Байрону), но онъ, любя страстно жену, не могъ равнодушно относиться къ ея туалету. Несомнѣнно, что скромность въ его одеждѣ, эта мнимая оригинальность, была ничѣмъ другимъ какъ самопожертвованіемъ съ его стороны. Замѣтимъ, что люди такого сорта, для которыхъ свѣжесть перчатокъ, покрой фрака, или изящно повязанный галстухъ служатъ мѣриломъ достоинства человѣческаго, изподтишка глумились надъ Пушкинымъ, но и онъ не оставался въ долгу: пустота, фатство, мишурность свѣтскаго круга часто вызывали у него цѣлый рядъ колкостей. Графъ Соллогубъ въ воспоминаніяхъ своихъ о Пушкинѣ весьма вѣрно передаетъ положеніе поэта въ кругу великосвѣтскихъ людей, полагающихъ хорошій тонъ единственно въ соблюденіи условій ненарушимаго кодекса общежитія. «Главное несчастіе Пушкина,—говоритъ онъ,—заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтскою жизнью, его убившею. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которою не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ, и по достатку и по значенію, въ этой аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ офиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: «карету Пушкина!»—Какого Пушкина?—«Сочинителя»... Пушкинъ обижался, конечно, не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось къ названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто-бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ: не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстухѣ, въ двубортномъ жилетѣ, съ откидными, ненакрахмаленными воротничками, и т. п. Прочимъ же условіямъ онъ подчинялся безусловно. Жена его была красавица, украшеніе всѣхъ собраній и, слѣдовательно, предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ и соперницъ. Для того, чтобы приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнке-

ромъ (къ январю 1834 года). Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ для сопутствія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва-ли не смѣшную. Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ. Къ тому же свѣтская жизнь требовала значительныхъ издержекъ, на которыя у него часто не доставало средствъ. Эти средства онъ хотѣлъ пополнять игрою, но постоянно проигрывалъ, какъ всѣ люди, нуждающіеся въ выигрышѣ»...

Въ томъ же большомъ свѣтѣ Пушкинъ встрѣчалъ разныхъ особъ, кичившихся передъ нимъ знатностью происхожденія, тогда какъ родъ Пушкиныхъ принадлежалъ къ одному изъ старинныхъ дворянскихъ родовъ, и въ данномъ случаѣ гордецы, по чванству—бояре эпохи мѣстничества, жестоко ошибались. Тѣмъ не менѣе, большинство нашей знати относилось къ Пушкину съ оскорбительнымъ высокомѣріемъ. Литературныхъ враговъ Пушкина—писателей по ремеслу, это радовало: «ништо ему,—говорили они,—зачѣмъ льнетъ къ аристократіи, зачѣмъ садится не въ свои сани». Такимъ образомъ Пушкинъ, по общественному своему положенію, находился между двухъ огней: презрительное пренебреженіе знати—съ одной стороны, ненависть и укоризны литературной мелочи—съ другой.

Замѣтимъ при этомъ, что въ тридцатыхъ годахъ русскіе писатели дѣлились на литераторовъ-господъ и на господъ литераторовъ. Къ первымъ принадлежали: князья В. Ѳ. Одоевскій, П. А. Вяземскій и А. А. Шаховской; графы С. С. Уваровъ и Д. И. Хвостовъ; Д. Н. Блудовъ, А. Н. Муравьевъ, В. И. Панаевъ, А. С. Норовъ, Д. Н. Бантышъ-Каменскій; изъ военныхъ, въ генеральскихъ чинахъ: И. Н. Скобелевъ и А. И. Михайловскій-Данилевскій. Къ числу «господъ-литераторовъ» принадлежали корифеи нашей журналистики: Гречъ, Булгаринъ, Воейковъ, Сенковскій, Полевой и пр. Питая презрѣніе къ послѣднимъ, Пушкинъ придерживался писателей-сановниковъ; примѣру его вскорѣ послѣдовалъ и Гоголь. Презрѣніе Пушкина къ журналистамъ имѣло причины. Достаточно вспомнить неприличныя выходки Булгарина, направленныя противъ великаго поэта, грубость полемическихъ пріемовъ и неряшливость нашихъ литературныхъ нравовъ того времени вообще—чтобы оправдать Пушкина. Прикрываясь псевдонимомъ «Косичкина», поэтъ бичевалъ Булгарина нещадно; не скрывалъ своего отвращенія къ собраніямъ литераторовъ въ редакціяхъ, книжныхъ магазинахъ и типографіяхъ, гдѣ бесѣда начиналась обѣдомъ со спичами, стихами и т. п., а оканчивалась потасовками или плясками въ присядку подъ хоровое пѣніе жуковскихъ пѣсенниковъ. Понятна послѣ этого вся ядовитость отвѣта Пушкина, на вопросъ

одного изъ своихъ знакомыхъ: почему не бываетъ онъ на вечерахъ у журналиста N. N.?

— «Я человѣкъ женатый, и въ такіе дома ѣздить не могу!»

Къ новому 1832 году Пушкинъ возвратился въ Петербургъ изъ Москвы, куда ѣздилъ для приведенія въ порядокъ своихъ домашнихъ дѣлъ и откуда спѣшилъ возвратомъ для занятій историческими своими трудами, а также для изданія газеты или журнала и послѣдней главы «Евгенія Онѣгина». Какъ черту, свидѣтельствующую о суевѣріи великаго поэта, приводимъ выдержку изъ его письма къ П. В. Нащокину (отъ 5-го января 1832 года):

«...Да сдѣлай одолженіе, перешли мнѣ Опекунскій билетъ, который я оставилъ въ секретномъ твоемъ комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь—и ее перешли. Ты ихъ счастью не вѣруешь, а я вѣрую».

Къ П. А. Осиповой Пушкинъ постоянно питалъ чувство искренней пріязни. Слѣдующія два письма писаны имъ были въ 1832 году; первое писано въ началѣ января, второе осенью.

Помѣта рукою П. А. Осиповой: reçue le 14 de Janvier 1832.

Recevez, madame, mes bien cincères remerciments pour les soins que vous avez bien voulu vous donner avec mes livres. J'abuse de vos bontés et de votre temps, mais je vous supplie, pour dernière grâce, de vouloir bien faire demander à nos gens de Михайловское s'il n'y a pas encore un coffre envoyé à la campagne avec les caisses qui contenaient mes livres. Je soupçonne qu'Архипъ ou d'autres en retiennent un à la prière de Nikita, mon domestique (à présent celui de Léon). Il doit contenir (j'entends le coffre et non Nikita) ses hardes, ses effets et aussi les miens, ainsi que quelques livres que je ne retrouve pas. Encore une fois je vous supplie de pardonner mon importunité, mais votre amitié et votre indulgence m'ont tout-à-fait gâté.

Je vous envoye, madame, les «Сѣверные Цвѣты» dont je suis l'éditeur indigne. C'est la dernière année de cet almanach et un tribut à la mémoire de notre ami, dont la perte nous sera longtemps récente. J'y joins de contes à dormir débout; je souhaite que cela vous amuse un moment. Nous avons appris ici la grossese de m-me votre fille. Dieu donne que tout cela finisse heureusement et que sa santé se rétablisse tout-à-fait. On dit que les premières couches embellissent une jenne femme; Dieu donne qu'elles soient aussi favorables à la santé.

Daignez, madame, agréer l'hommage de ma haute considération et de mon inaltérable attachement. A. P.

Помѣта: получено 14-го января 1832 г.

(Переводъ). Примите, милостивая государыня, мою искреннюю благодарность за тѣ заботы, которыя вамъ угодно было приложить о моихъ книгахъ. Я употребляю во зло доброту и время ваши, но умоляю оказать мнѣ послѣднюю милость—потрудиться приказать спросить у моихъ людей въ Михайловскомъ, нѣтъ-ли тамъ еще сундука, присланнаго въ деревню вмѣстѣ съ ящиками, въ которыхъ уложены мои книги. Подозрѣваю, что Архипъ или другіе удерживаютъ одинъ ящикъ, по просьбѣ Никиты, моего слуги (теперь Лёвинова). Онъ долженъ заключать въ себѣ (т. е. сундукъ, а не Никита), вмѣстѣ съ платьями и вещами Никиты, также мои вещи и нѣсколько книгъ, которыхъ я не могу отыскать. Еще разъ, умоляю васъ простить мою докучливость, но ваша дружба и ваше снисхожденіе избаловали меня.

Посылаю вамъ, сударыня, «Сѣверные Цвѣты», коихъ я недостойный издатель. Это—послѣдній годъ этого альманаха и дань памяти нашего друга, утрата котораго долго будетъ казаться намъ недавнею. Прилагаю къ этому снотворныя сказки; желаю, чтобы онѣ на минуту позабавили васъ.

Мы услыхали здѣсь о беременности дочери вашей. Дай Богъ, чтобы все кончилось благополучно и чтобы здоровье ея совершенно оправилось. Говорятъ, что отъ первыхъ родовъ молодая женщина хорошѣетъ; дай Богъ, чтобы они были также благопріятны и здоровью.

Благоволите, милостивая государыня, принять увѣреніе въ моемъ высокомъ почтеніи и неизмѣнной преданности. А. П.

— M-r Алымовъ part cette nuit pour Pskow et Trigorsky et il a bien voulu se charger d'une lettre pour vous, chère, bonne et respectable Прасковья Александровна. Je ne vous ai pas félicité sur la naissance d'un petit fils. Dieu veuille que lui et sa mère se portent bien et que nous assistions tous à sa noce, si nous n'avons pu assister à son baptême. A propos de bâptême: j'en aurai bientôt un на Фурштатской въ домѣ Алымова. N'oubliez pas cette adresse, si vous voudrez m'ecrire un mot. Je ne vous donne aucune nouvelle ni politique, ni littéraire. Je suppose que vous en êtes fatiguée comme nous tous. Il n'est rien de plus sage, que de rester dans son village et d'arroser ses choux,— vieille vérité dont tous les jours je me fais l'application au milieu d'une xistence toute mondaine et toute bouleversée. Je ne sais si nous nous verrons cet été, c'est un de mes rêves; puisse-t-il s'accomplir.

Adieu, madame, je vous salue bien tendrement, vous et toute votre famille.

(Переводъ). Г. Алымовъ въ нынѣшнюю ночь отправляется въ Псковъ и въ Тригорское и ему угодно было взять на себя доставку письма къ вамъ, милая, добрая и почтенная Прасковья Александровна. Я не поздравилъ васъ съ рожденіемъ внука. Дай Богъ здоровья ему и его матери, а намъ всѣмъ приведи Богъ быть у него на свадьбѣ, если не пришлось быть на его крестинахъ. Къ слову о крестинахъ: онѣ будутъ скоро у меня «на Фурштадт-

ской, въ домѣ Алымова». Не забудьте этотъ адресъ, если вздумаете написать мнѣ слово. Не сообщаю вамъ никакой политической, ни литературной новости. Полагаю, что онѣ утомили васъ, также какъ и насъ. Нѣтъ ничего разумнѣе, какъ оставаться въ своей деревнѣ и поливать капусту,—старая истина, которую я ежедневно примѣняю къ себѣ, живя жизнью совершенно свѣтскою и совершенно безалаберною. Не знаю, увидимся-ли мы нынѣшнимъ лѣтомъ, это одно изъ любимѣйшихъ моихъ мечтаній; хорошо если-бы оно сбылось.

Простите, сударыня; нѣжнѣйшій мой привѣтъ вамъ и всему вашему семейству.

Осенью 1832 года Пушкинъ познакомился съ Н. В. Гоголемъ. Любовь и благоговѣніе къ Пушкину автора «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ распространяться: поэты поняли и оцѣнили другъ друга... Мысль написать «Ревизора» и фабула «Мертвыхъ Душъ» были внушены Гоголю Пушкинымъ. Объ этомъ самъ Гоголь упоминаетъ въ свой «Авторской Исповѣди» (стр. 268—269 изд. 1855 г.): «онъ хотѣлъ сдѣлать самъ что-то въ родѣ поэмы», и сюжета этого, по словамъ самого Пушкина—«онъ бы не отдалъ никому другому»... По этому поводу приводимъ разсказъ родной сестры Пушкина. Ольги Сергѣевны Павлищевой, записанный съ ея словъ сыномъ ея [1]).

— «Гоголь, въ которомъ Александръ Сергѣевичъ первый открылъ громадный талантъ и много содѣйствовалъ его успѣхамъ на литературномъ поприщѣ, сблизился съ Пушкинымъ въ 1832—1833 годахъ. Посѣщая Александра Сергѣевича, онъ часто пользовался его совѣтами. Бесѣдовали же они, бо́льшею частью, глазъ-на-глазъ, такъ какъ Николай Васильевичъ въ присутствіи дамъ конфузился, въ чемъ неоднократно сознавался Александру Сергѣевичу.

«Въ одну изъ этихъ бесѣдъ, Пушкинъ передалъ Гоголю слышанную имъ новость, что какой-то господинъ, жившій въ Псковской губерніи (не подалеку отъ Михайловскаго), занимаясь покупкою мертвыхъ ревизскихъ душъ, попался въ этихъ подвигахъ властямъ предержащимъ. Разсказавъ объ этомъ, онъ прибавилъ:

— «Знаете ли, Гоголь, что это отличный матеріалъ и какъ разъ мнѣ на руку: я имъ займусь... Къ стихамъ я нынѣ охладѣлъ и, какъ вамъ извѣстно, занимаюсь прозою»...

«Николай Васильевичъ выслушалъ исторію о первообразѣ своего «Чичикова» съ видомъ полнѣйшаго равнодушія, не подавая вида, что онъ принимаетъ ее къ свѣдѣнію. Между тѣмъ, впослѣдствіи,

---

[1]) Львомъ Николаевичемъ Павлищевымъ, сообщившимъ этотъ разсказъ редакціи «Русской Старины», 19-го января 1872 года.

Александръ Сергѣевичъ показывалъ своей сестрѣ самую программу повѣсти, или романа, на сюжетъ похожденій скупщика мертвыхъ душъ. Но Гоголь предупредилъ его и когда трудъ его на столько подвинулся, что онъ сообщилъ о немъ Жуковскому и Плетневу—Александръ Сергѣевичъ былъ этимъ крайне недоволенъ.

— «Языкъ мой—врагъ мой,—говорилъ онъ женѣ своей.—Гоголь, хитрый малороссъ, воспользовался моимъ сюжетомъ. Исторію г-на N. N., которую я ему разсказывалъ, онъ какъ будто пропустилъ мимо ушей... Впрочемъ,—прибавилъ онъ,—я не написалъ бы лучше. Въ Гоголѣ бездна юмору и наблюдательности, которыхъ во мнѣ нѣтъ».

«Чтеніе самимъ Гоголемъ первыхъ главъ его «Мертвыхъ Душъ» Пушкину не только примирило великаго поэта съ похитителемъ его идеи, но заставило еще болѣе прежняго поощрять Николая Васильевича къ его литературнымъ трудамъ».

Заботы о средствахъ къ обезпеченію семейства часто и довольно надолго отвлекали Пушкина отъ его домашняго очага. Супружеская жизнь поэта продолжалась почти шесть лѣтъ и изъ этого періода надобно вычесть годъ и три мѣсяца (въ общей сложности), проведенные имъ въ разлукѣ съ женою и дѣтьми. Частыя отлучки, разумѣется, много способствовали развитію чувства ревности въ пылкой душѣ поэта. Это чувство особенно рѣзко проявлялось въ его письмахъ къ женѣ, въ недавнее время напечатанныхъ [1]). Появленіе этихъ писемъ, не смотря на предисловіе И. С. Тургенева, въ которомъ онъ выяснилъ важность ихъ значенія въ передачѣ «нравственнаго облика поэта», возбудило много разнорѣчивыхъ толковъ—за и противъ. Откровенный ихъ тонъ, нецеремонность выраженій, домашнія и чисто семейныя дѣла, разоблаченныя предъ глазами читателей—все это показалось нѣкоторымъ какъ-бы профанаціею памяти великаго поэта. Другіе (большинство), съ редакторомъ этихъ писемъ во главѣ, признали ихъ изданіе подвигомъ со стороны дочери Пушкина, графини Н. А. Меренбергъ (бывшей Дубельтъ) и громадною съ ея стороны услугою, оказанною исторіи русской словесности. Не вдаваясь въ разборъ вопроса—на сколько правы обѣ стороны, мы дозволимъ себѣ нѣсколько выдержекъ изъ переписки Пушкина съ его женою, въ той мѣрѣ, на сколько онѣ способствуютъ выясненію постепеннаго развитія въ душѣ поэта чувства ревности.

«(Москва, 26-го сентября 1832 г.)... Верхомъ не ѣзди, а кокетничай какъ нибудь иначе. Здѣсь о тебѣ всѣ отзываются очень благо-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1878 г., январь и мартъ.

склонно. Твой Давыдовъ, говорятъ, женится на дурнушкѣ. Вчера разсказали мнѣ анекдотъ, который тебѣ сообщаю. Въ 1831 году, февраля 18-го, была свадьба на Никитской въ приходѣ Вознесенія. Во время церемоніи двое молодыхъ людей разговаривали между собою. Одинъ изъ нихъ нѣжно утѣшалъ другаго, нещастнаго любовника вѣнчаемой дѣвицы. А нещастный любовникъ, съ воздыханіемъ и слезами, надѣялся современемъ забыть безумную страсть, и пр., и пр. Княжны Вяземскія слышали весь разговоръ и думаютъ, что нещастной любовникъ былъ Давыдовъ. А я такъ думаю—Пѣтушковъ, или Буяновъ, или паче Сорохтинъ. Ты какъ? Не правда ли, интересный анекдотъ?

«(27-го сентября).... Не хорошо только, что ты пускаешся въ разныя кокетства: принимать (Мусина)-Пушкина тебѣ не слѣдовало, во первыхъ, потому, что при мнѣ онъ у насъ ни разу не былъ, а во вторыхъ, хоть я въ тебѣ и увѣренъ, но не должно свѣту подавать поводъ къ сплетнямъ. Въ слѣдствіе сего деру тебя за ухо и цалую нѣжно, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

«(30-го сентября). Вотъ видишь, что я правъ: нечего было тебѣ принимать Пушкина. Просидѣла-бы ты у Идаліи, и не сердилась на меня. Теперь спасибо за твое милое, милое письмо. Я ждалъ отъ тебя грозы, ибо по моему расчету прежде воскресенья ты отъ меня письма не получила, а ты такъ тиха, такъ снисходительна, такъ забавна, что чудо. Что это значитъ? Ужъ не кокю-ли я? Смотри! Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякой день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не Ангелы прелести, не Мадоны, etc., etc.—Знаешь русскую пѣсню:

Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ.

«А бѣдному-то мужу въ чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ.

«(Октября 3-го).... Видишь-ли, что я правъ, а ты кругомъ виновата. Виновата: 1) потому что всякой вздоръ забираешь себѣ въ голову; 2) потому что пакетъ Бенкендорфа (вѣроятно, важный) отсылаешь съ досады на меня Богъ вѣдаетъ куда; 3) кокетничаешь со всѣмъ дипломатическимъ корпусомъ, да еще жалуешься на свое положеніе, будто-бы подобное Нащокинскому! женка, женка!»

Не трудно замѣтить, читая эти письма, что грустное чувство рев-

ности пробивается сквозь шутливый тонъ, но покуда поэтъ пеняетъ женѣ на кокетничанье, съ боязнью допустить мысль, чтобы она могла подать и малѣйшій поводъ къ ревности основательной. Это лишь зародыши той кипучей, слѣпой ревности, которая привела Пушкина къ безвременной могилѣ.

Пребываніе его въ Москвѣ въ 1832 году продолжалось съ 17-го сентября до первыхъ чиселъ октября. По возвращеніи своемъ къ женѣ и дѣтямъ, онъ успокоился отъ своей душевной тревоги; по крайней мѣрѣ, его присутствіе замыкало уста праздному злословію и отдаляло отъ его жены докучливыхъ свѣтскихъ любезниковъ.

Раннею весною 1833 года Александръ Сергѣевичъ съ женою и дочерью, младенцемъ-первенцомъ, переѣхалъ на дачу, на Черную рѣчку, гдѣ въ то время обыкновенно жили многіе представители высшаго круга. Черезъ нѣсколько дней по переѣздѣ, Пушкинъ писалъ П. А. Осиповой:

(Помѣта: reçue le 20 de Mai 1833).

— Pardon, mille fois pardon, chère Прасковья Александровна, si j'ai tardé à vous remercier pour votre aimable lettre et pour son intéressante vignette. Des embarras de toutes espèces m'en ont empêché. Je ne sais quand j'aurai le bonheur de me présenter à Trigorsky, mais j'en meurs d'envie. Pétersbourg ne me convient nullement: ni mes goûts, ni ma fortune ne peuvent s'en accomoder. Mais durant 2 ou trois ans il faudra patienter. Ma femme vous fait dire mille amitiés, ainsi qu'à Анна Николаевна. Ma fille nous a donné de l'inquiètude pendant ces cinq ou six jours: je suppose qu'elle fait ses dents. Elle n'en a pas une seule jusqu'à présent. On a beau se dire que tout le monde a passé par là, mais ces créatures sont si frêles, qu'il est impossible de ne pas trembler en les voyant souffrir. Mas parents viennent d'arriver de Moscou. Ils comptent venir à Михайловское vers le mois de Juillet. Je voudrais bien être du voyage.

(Переводъ). «Получено 20-го мая 1833».—Виноватъ, тысячу разъ виноватъ, дорогая Прасковья Александровна, что замедлилъ поблагодарить васъ за ваше весьма любезное письмо и за его интересную виньетку. Всякаго рода затрудненія помѣшали мнѣ. Не знаю, когда дождусь счастья явиться въ Тригорское, но охота смертная. Петербургское житье отнюдь не по мнѣ: ни мои склонности, ни мои средства не ладятся съ нимъ. Но года на два, на три, приходится взять терпѣнья. Жена моя свидѣтельствуетъ тысячу любезностей вамъ и Аннѣ Николаевнѣ. Дочь моя потревожила насъ въ теченіе этихъ пяти или шести дней: полагаю, что у нея прорѣзываются зубы. До сихъ поръ еще ни одного нѣтъ. Какъ ни говори себѣ, что это всеобщій жребій,

но эти созданьица такія нѣжныя, что невозможно безтрепетно смотрѣть на ихъ страданія. Родители мои только что прибыли изъ Москвы. Они располагаютъ пріѣхать въ Михайловское въ половинѣ іюля. Какъ бы я желалъ имъ сопутствовать!

Жизнь Пушкина на дачѣ ничѣмъ не отличалась отъ жизни труженика-чиновника, ежедневно ходящаго на службу. Александръ Сергѣевичъ также ежедневно пѣшкомъ ходилъ съ Черной рѣчки въ государственный архивъ и въ библіотеку Эрмитажа. Купанье поддерживало его силы, а часы досуга онъ посвящалъ бесѣдамъ съ навѣщавшими его знакомыми, визитамъ съ женою, и уединеннымъ прогулкамъ по окрестностямъ, именно: на острова и въ Новую деревню, гдѣ ему особенно нравилось кладбище. Свѣтлыя лѣтнія ночи, такъ неподражаемо имъ воспѣтыя въ «Онѣгинѣ» и «Мѣдномъ Всаднике», были по прежнему любезны поэту и въ ночной тиши всего чаще осѣняло его вдохновеніе. Въ одну изъ подобныхъ вечернихъ прогулокъ на Крестовскомъ островѣ, онъ встрѣтилъ одного изъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ, гвардейскаго офицера барона Ст., съ какимъ-то пріѣзжимъ нѣмцемъ. Ихъ пошлые комплименты и приторныя любезности до того надоѣли Александру Сергѣевичу, что онъ убѣжалъ отъ нихъ; но эта встрѣча доставила нѣмцу случай посвятить памяти Пушкина нѣсколько страницъ, мѣстами проникнутыхъ чувствомъ и не лишенныхъ поэзіи. Приводимъ нѣкоторыя выдержки. Разговоръ происходилъ на французскомъ языкѣ [1]).

— «Тоска и разобщеніе съ свѣтомъ были замѣтны въ рѣчахъ Пушкина. Онѣ не казались мнѣ пустымъ, наружнымъ представленіемъ, такъ часто проявляющимся въ словахъ поэтовъ, алчно наслаждающихся жизнію. Такъ нѣкогда наслаждался и Пушкинъ и наслажденія его утомили, что доказывается его лѣнивымъ молчаніемъ въ послѣдніе годы жизни (?).

«На вопросъ нашъ, не увидимъ-ли мы скоро новое его произведеніе, онъ отвѣчалъ: «Я не могу болѣе работать! Здѣсь-бы я хотѣлъ построить себѣ хижину и сдѣлаться отшельникомъ»... прибавилъ онъ съ улыбкою.

— «Еслибъ въ Невѣ были прекрасныя русалки»,—отвѣчалъ мой спутникъ, намекая на прелестное, юношеское стихотвореніе Пушкина «Русалка» («Надъ озеромъ, въ глухихъ дубровахъ») и приводя изъ него слова, которыми она зоветъ пустынника:

«Монахъ! монахъ! ко мнѣ! ко мнѣ!

---

[1]) Ein Russischer Dichter. Petersburger Erinnerung aus dem Jahre 1833 von T. Tietz (Familien-Journal v. 1865, № 606).

*

— «Какъ это глупо! — пробормоталъ поэтъ, — никого не любить кромѣ самого себя».

— «У васъ достойная любви, прекрасная жена»,—сказалъ ему мой товарищъ. Насмѣшливое, протяжное «да» было отвѣтомъ. Потомъ онъ заговорилъ о красивой лошади, купленной моимъ другомъ, и прибавилъ: «Завтра послѣ обѣда я заѣду къ вамъ: мнѣ надобно посмотрѣть вашего коня».

«Я сказалъ пару словъ, выражая мое восхищеніе прекрасною, теплою сѣверною ночью. «Она очень пріятна послѣ сегодняшней страшной жары», небрежно и прозаически отвѣчалъ мнѣ поэтъ..... Товарищъ мой смѣшался, стараясь навести поэта на болѣе серьезный разговоръ; но онъ постоянно отъ того уклонялся.

— «Тамъ вечерняя заря, малое пространство ночи, а тамъ уже заря утренняя»,—задумчиво сказалъ мой другъ, показывая на горизонтъ, склонявшійся къ сосѣднему взморью.—«Смерть, мракъ гроба и пробужденіе къ прекраснѣйшему дню!»

— «Оставьте это, мой милый!»—отвѣчалъ Пушкинъ съ улыбкою. «Когда мнѣ было 22 года, зналъ и я такія превыспреннія мгновенія... Но въ нихъ ничего нѣтъ дѣйствительнаго... Утренняя заря, пробужденіе.... Мечты, только мечты!»

«.....Въ это время внизъ по Невѣ плыла лодка съ многочисленною компаніею. Бывшіе на ней пѣвцы только что окончили народную пѣсню. Пушкинъ внимательно вслушивался въ ея послѣдніе звуки и нога его невольно двигалась, какъ въ русской пляскѣ. Раздалось нѣсколько аккордовъ гитары и пріятный мужской голосъ запѣлъ пѣсню Пушкина: «Черная шаль». Если я не ошибаюсь, эта пѣсня была положена на музыку знаменитымъ композиторомъ Глинкою [1])— такъ что музыка соотвѣтствовала ея содержанію (?). Лишь только окончилась первая строфа, какъ Пушкинъ, лицо котораго показалось мнѣ блѣднѣе обыкновеннаго, проговорилъ какъ-бы про-себя:

«Съ тѣхъ поръ я не знаю спокойныхъ ночей....»

— «И сказавъ намъ отрывисто: «Bon soir, messieurs», исчезъ въ зеленой темнотѣ лѣса».

Въ исходѣ лѣта, 12-го августа, взявъ формальный отпускъ отъ мѣста своего служенія, Пушкинъ отправился въ путешествіе по юго-восточной Россіи. Онъ хотѣлъ заѣхать предварительно въ Дерптъ,

---

[1]) Авторъ ошибается, какъ и во многихъ мѣстахъ своего біографическаго очерка. Музыка романса «Черная шаль» сочинена А. Н. Верстовскимъ и плясовой ея мотивъ всего менѣе соотвѣтствуетъ словамъ.

посѣтить Екатерину Андреевну Карамзину, которая проживала здѣсь по случаю нахожденія въ университетѣ ея сына, Андрея Николаевича (въ числѣ товарищей котораго находился графъ В. А. Соллогубъ). Что-то помѣшало, однако, поэту исполнить это намѣреніе (см. письмо къ женѣ отъ 8-го октября). Онъ отправился прямо въ Москву и въ концѣ августа былъ уже въ своемъ Болдинѣ (Нижегородской губерніи); 6-го сентября прибылъ въ Казань: ѣздилъ за 10 верстъ отъ города на Троицкую мельницу, гдѣ стоялъ лагеремъ Пугачевъ; посѣтилъ купца Крупенникова, бывшаго въ плѣну у самозванца. Въ городѣ, съ самымъ искреннимъ радушіемъ былъ принятъ въ домѣ К. Ѳ. Фуксъ; съ нимъ и его супругою, Александрою Андреевною († 4-го февраля 1853 г.), Пушкинъ долго бесѣдовалъ о магнитизмѣ, въ который вполнѣ вѣрилъ, о ясновидѣніи, предчувствіяхъ, примѣтахъ... припоминалъ и предсказаніе ворожеи о его грядущей участи, именно—погибели отъ «бѣлаго человѣка»... На слѣдующій день, 8-го сентября, Пушкинъ отправился въ Симбирскъ; 12-го посѣтилъ село Языково, принадлежавшее поэту Николаю Михайловичу Языкову; 14-го числа, выѣхалъ изъ Симбирска къ Оренбургу, но возвратился съ третьей станціи: заяцъ перебѣжалъ ему дорогу, и Пушкинъ, вѣрный предразсудку, не рѣшился продолжать своего пути. 19-го сентября онъ прибылъ въ Оренбургъ. Сопутствуемый Владиміромъ Ивановичемъ Далемъ, объѣхалъ Оренбургскую линію крѣпостей, повсюду отыскивая преданій и свидѣтельствъ очевидцевъ о Пугачевѣ. Въ числѣ такихъ былъ старикъ Димитрій Пьяновъ, а въ селеніи Берды—старая казачка, бывшая любовница самозванца. Въ Уральскѣ Пушкинъ былъ привѣтствованъ всѣмъ городскимъ обществомъ, которое дало въ честь его обѣдъ. 23-го сентября онъ выѣхалъ изъ Оренбурга, и чрезъ Саратовъ и Пензу прибылъ въ Болдино 2-го октября. Здѣсь провелъ болѣе мѣсяца и къ 28-му числу ноября возвратился въ Петербургъ.

Слѣдующія выдержки изъ писемъ Пушкина къ женѣ, написанныхъ въ этотъ періодъ времени, свидѣтельствуютъ о возобновленіи душевной тревоги и мучительныхъ ревнивыхъ думъ, постоянныхъ его спутницъ при разлукѣ съ Наталіею Николаевною:

«(21-го августа). Машу не балуй, а сама береги свое здоровье, не кокетничай. 26-го. Да бишь! не съ кѣмъ.

«(4-го октября). Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я попова и также озлился на нихъ, какъ на симбирскаго зайца. Не даромъ всѣ эти встрѣчи. Смотри, женка! Того и гляди избалуешься безъ меня, забудешь меня—изкокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебя отъ искушеній разсѣянности.

«(10-го октября). Безобразовъ умно дѣлаетъ, что женится на кн. Хилковой. Давно-бы такъ. Лучше завести свое хозяйство, нежели волочиться весь свой вѣкъ за чужими женами и выдавать за свои—чужіе стихи. Не кокетничай съ Соболевскимъ и не сердись на Нащокина»...

Наконецъ, отъ шутокъ Пушкинъ переходитъ къ болѣе серьезному тону:

«(30-го октября). Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, спасибо; но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не нутемъ изкокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнова тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою, какъ за . . . . бѣгаютъ . . . . . [1]); есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Прасковьѣ Петровнѣ легко за собою приучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ; стоитъ разгласить, что-де я большая охотница. Вотъ вся тайна кокетства. Было бы корыто, а свиньи будутъ. Къ чему тебѣ принимать мущинъ, которые за тобою ухаживаютъ? Не знаешь на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому, какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то—можете наскочить на Кузьму. Видишь-ли? Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой Ангелъ, цалую тебя какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, женка; только не загуливайся и меня не забывай. Мочи нѣтъ, хочется мнѣ увидѣть тебя причесанную à la Ninon; ты должна быть чудо какъ мила. Какъ ты прежде объ этой старой курвѣ не подумала и не переняла у ней ея прическу? Опиши мнѣ свое появленіе на балахъ, которые, какъ ты пишешь, вѣроятно, уже открылись.—Да, Ангелъ мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь какъ я не люблю все, что пахнетъ московскою барышнею, все что не comme il faut, все что vulgar.... Если при моемъ возвращеніи я найду, что твой милый простой аристократическій тонъ измѣнился — разведусь, вотъ те Христосъ, и пойду въ солдаты съ горя».

---

[1]) Выпускъ пяти словъ въ печати указываетъ, что Пушкинъ выразился крайне рѣзко и непристойно.

«(8-го ноября). Другъ мой, женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню, что я тебѣ писалъ. Помнится, я былъ немножко сердитъ и, кажется, письмо немного жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ, и хоть оно имѣетъ свои приятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношеніяхъ къ свѣту: уваженія. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; курва, у которой переняла ты прическу (NB. ты очень должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью), Ninon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: à la plus facile. Послѣ этого изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ. Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно.—Женка, женка! Я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по три мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу—для чего?—Для тебя, женка, чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги-же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мущины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности, etc., etc.,—не говоря объ cocuage, о коемъ прочелъ я на-дняхъ цѣлую диссертацію въ Брантомѣ».

Пушкинъ возвратился въ Петербургъ къ 28-му числу ноября 1833 г., съ богатымъ запасомъ новыхъ произведеній, между которыми находились «Мѣдный Всадникъ» и «Исторія Пугачевскаго бунта». Его тревожили теперь заботы о цензурныхъ затрудненіяхъ при печатаніи этого труда; однако-же на него, благодаря высочайшему покровительству государя, цензура не наложила своей руки...

Въ домашнемъ быту, великій поэтъ немало страдалъ и отъ денежныхъ недостатковъ. Судьба видимо отказала ему въ мирной, спокойной жизни. Въ половинѣ декабря 1833 года онъ писалъ въ Москву къ Нащокину:

— «Я получилъ отъ тебя два грустныя письма, любезный Павелъ Воиновичъ, и ждалъ третьяго съ нетерпѣніемъ, желая знать, что́ дѣлается съ тобою и какое направленіе принимаютъ дѣла твои домашнія и сердечныя. Но ты, вѣроятно, слишкомъ озабоченъ, и я не знаю, чего надѣяться: перемѣнилась ли, успокоилась ли судьба твоя? Напиши ко мнѣ объ этомъ подробнѣе.

«Въ твои именины семья моя (въ томъ числѣ Григорій Ѳедоровичъ) пила твое здоровье и желала тебѣ всякого благополучія. Объ

Алешѣ [1]) не имѣю извѣстія: онъ живетъ у Эристова [2]), а я на его имя получаю изъ Москвы письма. Сумасшедшій отецъ его написалъ мнѣ сумасшедшее письмо, на которое ужъ мнѣ поздно отвѣчать; онъ безпокоится о калиграфическихъ трудахъ своего сына, и о томъ, не плачетъ-ли мальчикъ и не тоскуетъ-ли о своихъ родныхъ? Успокой старика, какъ умѣешъ.

«Не знаю, буду-ли я у васъ въ январѣ. Наслѣдники дяди [3]) дѣлаютъ мнѣ дурацкія предложенія—я отказался отъ наслѣдства.— Не знаю, войдутъ-ли они въ новые переговоры. Здѣсь имѣлъ я непріятности денежныя: я сговорился было съ Смирдинымъ и принужденъ былъ уничтожить договоръ, потому что «Мѣднаго Всадника» цензура не пропустила – это мнѣ убытокъ. Если не пропустятъ Исторію (Пугачевскаго бунта), то мнѣ придется ѣхать въ деревню. Все это очень непріятно. На деньги твои однако я надѣюсь; думаю весною приступить къ полному собранію моихъ сочиненій.

«Всѣ мои здоровы—крестникъ твой [4]) тебя цалуетъ; мальчикъ славный. Съ Плетневымъ о Павлѣ еще не говорилъ, потому что дѣло не къ спѣху. Прощай—кланяюсь князя Гагарину [5]) и желаю вамъ обоимъ щастія. А. П.».

Опасенія Пушкина на счетъ цензурнаго пропуска «Исторіи Пугачевскаго бунта» оказались напрасными: государь, вмѣстѣ съ высочайшимъ разрѣшеніемъ печатать Исторію въ одной изъ казенныхъ типографій по собственному выбору Пушкина, пожаловалъ ему заимообразно 20,000 руб. асс. на изданіе и званіе камеръ-юнкера (31-го декабря 1833 года). Новый 1834 годъ начался для Пушкина при самыхъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ; а между тѣмъ, въ началѣ этого самаго года въ Петербургъ пріѣхалъ тотъ человѣкъ, которому судьбою было суждено стать убійцею Пушкина.

---

[1]) Слово «Алешѣ» зачеркнуто и замѣнено другимъ, котораго нельзя разобрать.

[2]) Князь Дмитрій Ивановичъ—лицейскій товарищъ Пушкина и пріятель Нащокина.

[3]) Василія Львовича, умершаго въ 1830 году.

[4]) Александръ Александровичъ Пушкинъ, родившійся въ 1833 году.

[5]) Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ (род. 1786 † 6 сентября 1863 г.), отставной генералъ-маіоръ, извѣстный храбростью кавалерійскій офицеръ и дуэлистъ.

VII.

Дантесъ.—Баронъ Гекеренъ.—Письма къ П. А. Осиповой.—Изданіе «Исторіи Пугачевскаго бунта».—А. Х. Бенкендорфъ.—Жизнь домашняя и общественная.

1834—1835 гг.

Жоржъ д'Антесъ (d'Anthès) [1]) по собственнымъ его разсказамъ, потомокъ знатной ирландской фамиліи, сынъ барона Наполеоновской имперіи, самъ-же легитимистъ (бывшій пажъ герцогини Беррійской), прибылъ въ Россію съ множествомъ рекомендательныхъ писемъ, съ цѣлію поступить на службу. Графиня Фикельмонъ, пользовавшаяся особеннымъ благоволеніемъ покойной императрицы Александры Ѳеодоровны, и бо́льшая часть знатныхъ барынь и господъ приняли юнаго искателя фортуны подъ особенное свое покровительство. Д'Антесъ, по отзывамъ лицъ близко его знававшихъ, былъ красивый собою «блондинъ», пользовался хорошею репутаціею, былъ скорѣе остроуменъ, нежели уменъ, а образованія поверхностнаго. Отличительною чертою его характера была истинно французская (вѣрнѣе сказать: гасконская) хвастливость успѣхами у прекраснаго пола. Хвастливымъ разсказамъ его тѣмъ легче было вѣрить, что д'Антесъ одаренъ былъ завиднымъ свойствомъ, какъ-то особенно располагать въ свою пользу съ перваго взгляда. Однимъ словомъ, для великосвѣтскихъ гостиныхъ и будуаровъ этотъ господинъ былъ истинною находкою. Кромѣ знатныхъ барынь, въ судьбѣ д'Антеса живѣйшее участіе приняла французская колонія въ Петербургѣ, въ особенности одинъ изъ ея членовъ, баталическій живописецъ Ладюрнеръ [2]), мастерская котораго находилась въ Эрмитажѣ и нерѣдко удостоивалась посѣщеній императора Николая Павловича. Имѣя это въ виду, Ладюрнеръ задумалъ «будто-бы случайно» тредставить государю своего соотечественника. Съ этою цѣлью, на одномъ изъ холстовъ (самимъ Ладюрнеромъ, или д'Антесомъ) набросано было нѣсколько эскизовъ съ изображеніемъ грушеобразной головы короля Людовика-Филиппа, къ которому, какъ извѣстно, покойный государь питалъ непріязненныя чувства. Сдѣлавъ это, д'Антесъ началъ посѣщать мастерскую художника изо дня въ день, и преимущественно въ тѣ

---

[1]) У насъ фамилію его пишутъ разно: Dantès, Dantess, D'Antesse—но мы придерживаемся орѳографіи автора статьи о Пушкинѣ въ Révue des deux Mondes (Août 1837): она вѣрнѣе всѣхъ прочихъ.

[2]) См. о немъ «Русскую Старину» изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 661 и 669.

часы, въ которые туда могъ быть государь. Расчетъ оказался вѣренъ. Въ одинъ прекрасный день, заслышавъ его шаги, Ладюрнеръ спряталъ за ширмы дежурившаго въ мастерской д'Антеса и встрѣтилъ августѣйшаго своего посѣтителя. Увидѣвъ изображеніе Людовика-Филиппа, государь спросилъ Ладюрнера:

— Est-ce que c'est vous, par hasard, qui vous amusez à faire ces choses-là?

— Non, Sire! C'est un de mes compatriotes, légitimiste comme moi, M-r d'Anthès...

— Ah, d'Anthès!.. mais je le connais: l'Impératrice m'en a déjà parlé [1]),—сказалъ государь и выразилъ желаніе видѣть д'Антеса; а Ладюрнеръ тотчасъ же вывелъ его изъ-за ширмъ.

Императоръ милостиво говорилъ съ нимъ и смѣльчакъ-французъ тутъ-же просилъ государя о дозволеніи ему вступить въ русскую военную службу, на что получилъ высочайшее соизволеніе. Государынѣ угодно было принять его, прямо офицеромъ, въ Кавалергардскій Ея Величества полкъ. Во вниманіе къ бѣдности д'Антеса государь назначилъ ему отъ себя негласное ежегодное пособіе. Такимъ образомъ карьера д'Антеса была упрочена. Кромѣ того, вскорѣ по опредѣленіи въ полкъ, этотъ баловень счастія до такой степени расположилъ въ свою пользу бывшаго тогда въ Петербургѣ голландскаго посланника барона Геккерена [2]), человѣка съ большимъ состояніемъ, что тотъ усыновилъ его, съ единственнымъ условіемъ, чтобы д'Антесъ принялъ его фамилію.

Достойно вниманія, что, по какой-то странной, необъяснимой случайности, Пушкинъ отмѣтилъ въ своей записной книжкѣ день пріѣзда д'Антеса въ Петербургъ. Лицейскій товарищъ Пушкина и, впослѣдствіи, его секундантъ—Константинъ Карловичъ Данзасъ въ первый разъ встрѣтилъ д'Антеса и познакомился съ нимъ за общимъ столомъ въ ресторанѣ у Дюме, гдѣ Пушкинъ и будущій его убійца сидѣли рядомъ.

---

[1]) — Что это? Не вы-ли забавляетесь этими штуками?

— Нѣтъ, Государь! Это работа моего земляка, такого-же легитимиста какъ и я—г. д'Антеса.

— А, д'Антеса! но я его знаю: о немъ уже говорила мнѣ императрица.

[2]) Камергеръ баронъ Геккеренъ де-Беверваардъ (baron J. T. B. A. de Heeckeren de Beverwaard) съ 1-го іюня 1842 года былъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при австро-венгерскомъ дворѣ. Имя его не далѣе какъ въ 1875 году еще было показано въ спискахъ Готскаго альманаха (Almanach de Gotha, 1875. Annuaire diplomatique, p. 503).

Оставимъ на время д'Антеса и возвратимся къ Пушкину.

Въ Великомъ посту 1834 года (Пасха была поздняя: 22-го апрѣля) Пушкинъ отправилъ свое семейство къ женинымъ роднымъ въ Калужскую губернію, проводивъ его до Ижоры. Весну и часть лѣта онъ провелъ въ безпрерывныхъ хлопотахъ по издательскимъ, домашнимъ и служебнымъ дѣламъ. Къ періоду времени съ марта по августъ 1834 года относятся слѣдующія его письма:

П. А. Осиповой.

29 Juin S.P.b.

Je vous remercie de tout mon coeur, chère, bonne et aimable Прасковья Александровна, pour la lettre que vous avez eu la bonté de m'écrire. Je vois que vous me gardez toujours la même amitié et le même interêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connais honnête homme et, pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky, vû que je connais le premier et que je ne connais pas le second. N'ayant pas l intention de venir m'établir à Boldino, je ne puis songer à relever un bien, qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complête; je veux seulement n'être pas volé et payer les interêts du Lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de misère et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pas pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pèse. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé, quand ce ne serait que pour Olga et Léon, qui pour perspective ont la mendicité, ou tout au moins la pauvreté. Mais je ne suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui dépend de moi, et qui sans moi tombera dans la misère. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis et des désagréments. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvaient prendre sur eux de rester quelques années à Michailovsky, les affaires pourraient s'arranger, mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arrêter à Trigorsky. Veuillez présenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remerciments et l'expression de mon respect et de mon inaltérable amitié. A. P.

13 Juillet. Voici une lettre qui devait déjà être chez vous depuis deux semaines; je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mes affaires m'arrêteront encore quelque temps à Pétersbourg. Mais j'ai toujours le projet de me présenter à votre porte.

29-го іюня. Спб.

(Переводъ). Отъ всего сердца благодарю васъ, милая, добрая и любезная Прасковья Александровна, за письмо, которое вы мнѣ написали. Вижу, что вы постоянно сохраняете ко мнѣ тѣ же чувства дружбы и участія. Касательно Рейхмана отвѣчу вамъ откровенно. Я знаю его за честнаго человѣка, а въ данную минуту мнѣ только это и нужно. Я не могу имѣть довѣрія ни къ Михайлѣ, ни къ Пенковскому, такъ какъ знаю перваго и вовсе не знаю втораго. Не имѣя намѣренія поселиться въ Болдинѣ, не могу и думать объ устройствѣ имѣнія, дошедшаго, между нами будь сказано, до совершеннаго раззоренія; я хочу только, чтобы меня не обкрадывали, и исправно вносить проценты въ ломбардъ. Улучшенія придутъ впослѣдствіи. Но будьте спокойны: Рейхманъ пишетъ мнѣ, что крестьяне находятся въ такой нищетѣ, а дѣла идутъ такъ худо, что онъ не могъ взять на себя управленіе Болдинымъ и въ эту минуту онъ въ Малинникахъ.

Не можете себѣ представить до какой степени тяготитъ меня управленіе этимъ имѣніемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Болдино стоитъ того, чтобы его спасти, хотя-бы для Ольги и для Льва, которымъ грозитъ въ будущемъ нищенская сума, или, по меньшей мѣрѣ, бѣдность. Но я не богатъ, у меня самого семья, которая отъ меня зависитъ и безъ меня впадетъ въ нищету. Я принялъ имѣніе, которое принесетъ мнѣ однѣ заботы и непріятности. Родители мои не знаютъ, что они на волосъ отъ полнаго раззоренія. Если бы они могли рѣшиться пожить нѣсколько лѣтъ въ Михайловскомъ, то дѣла могли-бы уладиться; но этого никогда не будетъ.

Надѣюсь увидѣться съ вами нынѣшнимъ лѣтомъ и, разумѣется, остановиться въ Тригорскомъ. Благоволите передать мое почтеніе всему вашему семейству и еще разъ примите мою благодарность и выраженіе чувствъ моего уваженія и неизмѣнной дружбы. А. П.

13-го іюля. Это письмо должно было бы быть у васъ двѣ недѣли тому назадъ; не знаю, какъ случилось, что оно не было послано. Дѣла мои удержатъ меня еще на нѣкоторое время въ Петербургѣ. Но я все-таки располагаю явиться къ вамъ.

Графу А. Х. Бенкендорфу.

1.

3 Juillet (1834).

Monsieur le Comte! Il y a quelques jours que j'ai eu l'honneur de m'adresser à votre excellence pour en obtenir la permission de me retirer du service. Cette démarche étant inconvenante, je vous supplie, monsieur le Comte, de ne pas y donner de suite. J'aime mieux avoir l'air d'être inconséquent que d'être ingrat.

Cependant un congé de quelques mois me serait indispensable. Je suis avec respect, monsieur le Comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur. Alexandre Pouchkin.

3-го іюля (1834).

(Переводъ). Графъ! Нѣсколько дней тому назадъ я имѣлъ честь обратиться къ вашему сіятельству, испрашивая у васъ дозволеніе оставить службу. Такъ какъ поступокъ этотъ неприличенъ, то и прошу васъ, графъ, не давать моей просьбѣ дальнѣйшаго хода. Предпочитаю лучше казаться непослѣдовательнымъ, нежели быть неблагодарнымъ.

Однако-же отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ былъ-бы мнѣ необходимъ. Имѣю честь быть, съ почтеніемъ, вашего сіятельства нижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

2.

4-го іюля 1834 г. Спб.

Милостивый государь, графъ Александръ Христофоровичъ! Письмо вашего сіятельства отъ 30-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностію и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

3.

6 Juillet S.P.b. (1834).

Monsieur le Comte. Permettez moi de vous parler à coeur ouvert. En demandant mon congé, je ne pensais qu'à des affaires de famille embarassantes et pénibles. Je n'avais en vue que l'inconvénient d'être obligé de faire plusieurs voyages tandis que je serais attaché au service. Sur mon Dieu et sur mon âme, c'était ma seule pensée; c'est avec une douleur profonde que je la vois si cruellement interprêtée. L'Empereur m'a comblé de grâces, dès le premier moment que sa royale pensée s'est portée sur moi. Il y en a auxquelles je ne puis penser sans une profonde émotion: tant il y a mis de loyauté et de générosité. Il a toujours été pour moi une Providence et si, dans le cours de

ces huit ans, il m'est arrivé de murmurer, jamais, je le jure, un sentiment d'aigreur ne s'est mêlé à ceux que je lui ai voués. Et dans ce moment, ce n'est pas l'idée de perdre un protecteur tout puissant, qui me remplit de douleur — c'est celle de laisser dans son esprit une impression que, par bonheur, je n'ai pas méritée.

Je réitère, monsieur le Comte, ma très humble prière de ne pas donner de suite à la demande que j'ai faite si etourdiment.

C'est en me recommandant à votre puissante protéction, que j'ose vous présenter l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respêct, monsieur le Comte, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur, Alexandre Pouchkin.

6-го іюля. Спб. (1834).

(Переводъ). Графъ! Позвольте мнѣ говорить откровенно. Испрашивая мою отставку, я думалъ лишь о моихъ семейныхъ дѣлахъ, тягостныхъ и затруднительныхъ. Я имѣлъ въ виду единственное неудобство часто отлучаться въ отпуски, состоя на службѣ. Богомъ и душою моею клянусь, что это было единственнымъ моимъ помышленіемъ; съ глубочайшею скорбью вижу, что оно было столь жестоко истолковано. Императоръ осыпалъ меня милостями съ первой-же минуты, въ которую царская его мысль низошла на меня. Между этими милостями есть такія, при воспоминаніи о которыхъ не могу удержаться отъ глубочайшаго чувства: такъ много соединено было въ нихъ благородства и великодушія. Онъ всегда былъ для меня Провидѣніемъ и если, въ теченіе послѣднихъ восьми лѣтъ, мнѣ случалось роптать, то никогда, клянусь вамъ, чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я посвятилъ ему. И въ эту минуту сердце мое переполнено грустью не отъ мысли лишиться всемогущаго покровителя, но отъ боязни оставить въ его душѣ впечатлѣніе, мною, по счастію, не заслуженное.

Повторяю, ваше сіятельство, всепокорнѣйшую мою просьбу не давать дальнѣйшаго хода прошенію, поданному мною столь опрометчиво.

Поручая себя вашему мощному покровительству, осмѣливаюсь принести вамъ дань моего глубокаго уваженія.

Съ таковыми чувствами имѣю честь быть вашего сіятельства нижайшій и всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ.

Безпокойство Пушкина о монаршей къ нему немилости по поводу просьбы объ отставкѣ, заботы о разстроенномъ имѣніи и объ отсутствующемъ семействѣ, не попрепятствовали ему, однако-же, въ это самое время, оказать просвѣщенное покровительство одному талантливому, своеобразному художнику. Это былъ нѣкто Александръ (Alexandre), французъ-вантрилокъ (чревовѣщатель), дававшій свои представленія въ Петербургѣ и въ свое время надѣлавшій много шуму въ столицѣ. Изъ разсказовъ лицъ, видѣвшихъ представленія чревовѣщателя, можно заключить о его необыкновенномъ искусствѣ. Въ

небольшихъ пьесахъ, нарочно для него написанныхъ, Александръ, одинъ, являлся въ нѣсколькихъ роляхъ: старухи, знатнаго барина, глупаго лакея, охотника и т. д., столь-же быстро переодѣваясь и измѣняя лицо, какъ и самый голосъ. Убѣгая за дверь, онъ мгновенно возвращался въ другомъ костюмѣ съ совершенно инымъ лицомъ и голосомъ. Неподражаемо выходила у него сцена, въ которой баринъ бранится со слугою, запертымъ въ ларь и силящимся изъ него вылѣзти. Этотъ самый чревовѣщатель являлся къ Пушкину (еще до отъѣзда его семейства въ деревню) и вотъ что по этому случаю разсказываетъ шуринъ покойнаго поэта, Сергѣй Николаевичъ Гончаровъ, тогда очень молодой человѣкъ, жившій у него въ домѣ [1]).

— «У Александра Сергѣевича былъ самый счастливый характеръ для семейной жизни: ни взысканій, ни капризовъ. Однимъ могли разсердить его не на шутку. Онъ требовалъ, чтобъ никто не входилъ въ его кабинетъ отъ часа до трехъ: это время онъ проводилъ за письменнымъ столомъ или ходя по комнатѣ обдумывалъ свои творенія и встрѣчалъ далеко не гостепріимно того, кто стучался въ его дверь.

«Его кабинетъ былъ надъ моей комнатой, и въ часы занятій или уединенія Пушкина мнѣ часто слышался его мѣрный или же тревожный шагъ. Но разъ, къ моему удивленію, наверху раздались звуки нестройныхъ и крикливыхъ голосовъ. Стало быть, Пушкинъ былъ не одинъ. Однако, я не рѣшился идти къ нему и узнать, почему онъ допустилъ нарушеніе привычки, которой такъ строго держался. Когда всѣ собрались къ обѣду, я спросилъ у него, что происходило въ его кабинетѣ?

— «Жаль, что ты не пришелъ,—отвѣчалъ Пушкинъ.—У меня былъ вантрилокъ».

«Тутъ онъ распространился о его выходкахъ. По окончаніи обѣда онъ сѣлъ со мною къ столу и, продолжая свой разсказъ, открылъ машинально евангеліе, лежавшее передъ нимъ, и напалъ на слова: «что ти есть имя? Онъ-же рече: легіонъ: яко бѣси мнози внидоша въ онъ» (отъ Луки, гл. VIII, ст. 30). Лицо его приняло незнакомое мнѣ до тѣхъ поръ выраженіе; онъ поднялъ голову, устремилъ взоръ впередъ, и, послѣ непродолжительнаго молчанія, сказалъ мнѣ: «принеси скорѣй клочокъ бумаги и карандашъ». Исполнивъ порученіе, я сѣлъ противъ Пушкина и не спускалъ съ него глазъ. Онъ принялся писать, останавливаясь, отъ времени до времени задумываясь, и часто

---

[1]) Кромѣ шурина, въ семействѣ Пушкина жили его свояченицы: Александра и Катерина Николаевны Гончаровы.

вымарывая написанное. Такъ прошелъ съ небольшимъ часъ: стихотвореніе было окончено. Александръ Сергѣевичъ пробѣжалъ его глазами, потомъ сказалъ мнѣ: «слушай». Слова евангелія вдохновили поэта; онъ взялъ ихъ эпиграфомъ, а стихи относились къ вантрилоку. Я пришелъ въ восторгъ; но попросить стихотвореніе, чтобъ его списать, не посмѣлъ, потому что Пушкинъ этого никогда не дозволялъ. Онъ выдвинулъ ящикъ стола, у котораго сидѣлъ, и бросилъ въ него исписанную бумагу. Вечеромъ, когда семейство разошлось, я вернулся въ гостиную съ надеждой, что найду стихотвореніе въ столѣ и перепишу его—но ящикъ былъ пустъ».

Этотъ самый вантрилокъ, задумавъ дать нѣсколько представленій въ Москвѣ, явился къ Пушкину съ просьбою о рекомендательномъ письмѣ. Это посѣщеніе напоминало италіанца-импровизатора въ «Египетскихъ ночахъ». Приходъ Александра къ Пушкину былъ совсѣмъ не кстати: въ ту самую пору, когда онъ былъ озабоченъ прошеніемъ о своей отставкѣ и его послѣдствіями, именно когда онъ три дня тому назадъ писалъ третье свое письмо къ графу А. Х. Бенкендорфу. Однако-же великій поэтъ исполнилъ просьбу чревовѣщателя и написалъ М. Н. Загоскину, бывшему тогда директоромъ московскихъ театровъ, слѣдующее:

9-го іюля 1834 года.

Милостивый государь Михаилъ Николаевичъ! Вы изволили вспомнить обо мнѣ и прислали мнѣ послѣднее прекрасное ваше твореніе и не слыхали отъ меня спасибо [1]). Вы имѣете полное право считать меня неучемъ, варваромъ и неблагодарнымъ. Но виноватъ пріятель мой Соболевскій [2]), который ѣдетъ въ Москву каждый день и уже седьмой мѣсяцъ какъ взялъ отъ меня письмо, которое обѣщался немедленно вамъ доставить.

Обращаюсь къ вамъ съ нужнымъ дѣломъ: г. Александръ, очень занимательное лицо (или даже лица), собирается въ Москву и предлагаетъ вамъ слѣдующія условія: доходъ за представленіе пополамъ съ дирекціею (издержки спектакля на ея счетъ) и бенефисъ. Удостойте меня отвѣтомъ и потѣшьте матушку Москву.

Съ глубочайшимъ уваженіемъ и совершенною преданностію честь имѣю быть, милостивый государь, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга А. Пушкинъ.

---

[1]) Пушкинъ говоритъ, вѣроятно, о романахъ Загоскина: «Тоска по родинѣ» или «Аскольдова могила».

[2]) Сергѣй Александровичъ Соболевскій (родился 10-го сентября 1804 † 6-го октября 1870), весьма близкій знакомецъ Пушкина.

Въ половинѣ августа Пушкинъ отправился за своимъ семействомъ въ Калужскую губернію, побывалъ въ своемъ Болдинѣ, и къ 18-му числу октября возвратился въ Петербургъ. Тогда же была отпечатана «Исторія Пугачевскаго бунта», продажа которой нѣсколько поправила разстроенныя денежныя обстоятельства автора. Въ концѣ года онъ писалъ П. В. Нащокину:... «Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка. Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего не остается у меня за пазухой и все идетъ на расплату». Жизнь въ столицѣ, обязательные выѣзды въ большой свѣтъ и пріемъ великосвѣтскихъ знакомыхъ у себя въ домѣ—все это поглощало доходы Пушкина. Переселеніе на нѣсколько времени въ Михайловское или въ Болдино могло-бы поправить его обстоятельства, если-бы эти имѣнія не были въ самомъ плачевномъ состояніи. Посѣщая зимою 1834—1835 годовъ семейства Карамзиныхъ, князя Вяземскаго, графа Строганова, фрейлины Загряжской, Пушкинъ встрѣчалъ у нихъ барона Гекерена и его нареченнаго сына д'Антеса. Въ воспоминаніяхъ Данзаса сказано, что отецъ и сынъ часто посѣщали и домъ Пушкина. Александръ Сергѣевичъ любилъ вести съ д'Антесомъ шутливые разговоры и смѣялся его остроумнымъ выходкамъ, хотя онѣ иной разъ были запечатлѣны особенною колкостью въ отношеніи къ Пушкину. Такъ, однажды, когда Пушкинъ съ женою и обѣими свояченицами собирался на балъ, д'Антесъ, намекая на длинные шлейфы дамъ, сказалъ: voilà le pacha à trois queues! (Вотъ трехъ-хвостный—трехбунчужный—паша!) и т. п.

Любезность д'Антеса при его разговорахъ и при встрѣчѣ на балахъ съ Натальею Николаевною, въ этотъ періодъ времени, ничѣмъ не нарушала правилъ общежитія и еще не могла подать повода къ злословію. Супруга Пушкина имѣла обыкновеніе передавать Александру Сергѣевичу почти отъ слова до слова свои разговоры съ посторонними мужчинами. Самъ-ли онъ требовалъ этого отъ жены, или она сама, по врожденному легкомыслію, желала похвастать своими побѣдами, но, какъ-бы то ни было, эта странная привычка едва не довела Пушкина до дуэли съ графомъ В. А. Соллогубомъ и много способствовала несчастному поединку съ д'Антесомъ.

Весь 1835 годъ былъ проведенъ Пушкинымъ въ заботахъ объ улучшеніи его денежныхъ средствъ. Документальными тому доказательствами служатъ его письма къ брату Льву Сергѣевичу, къ П. А. Осиповой и къ графу А. Х. Бенкендорфу. Почти половину года Пушкинъ провелъ въ разлукѣ съ семействомъ, въ разъѣздахъ—въ Москву

(съ 5-го по 24-е мая) и въ Михайловское (съ 27-го августа по 15-е декабря). Вотъ что писалъ онъ:

Л. С. Пушкину.

2-го мая 1835 года.

Отецъ согласенъ дать тебѣ въ полное управленіе половину Кистенева [1]). Свою часть уступаю сестрѣ (т. е. одни доходы). Я писалъ о томъ уже управителю. У тебя будетъ чистаго доходу около 2,000 р. Совѣтую тебѣ предоставить платежъ процентовъ управляющему, а самому получать только эту сумму. 2,000 р.—не много, но все-же можно ими жить. Мать у насъ умирала; теперь ей легче, но не совсѣмъ. Не думаю, чтобъ она долго могла жить. А. П.

(Адресовано: Въ Тифлисъ. На почтовомъ штемпелѣ: Спб. 3-го мая 1835 г.).

Графу А. Х. Бенкендорфу.

1.

22 Juillet 1835. S-t Petersbourg.

Monsieur le Comte! J'ai eu l'honner de me présenter à la porte de Votre Excellence, sans avoir eu le bonheur de la trouver chez elle.

Comblé de bontés de Sa Majesté, c'est à vous, monsieur le Comte, que je viens m'adresser pour vous rendre grâce de l'interêt que vous avez bien voulu me témoigner et pour vous exposer franchement ma situation.

Pendant les cinq dernières années de mon séjour à Pétersbourg, j'ai contracté près de soixante milles roubles de dettes. J'ai été de plus obligé de prendre en mains les affaires de ma famille; cela m'a si fort embarrassé, que j'ai été obligé de renoncer à un héritage et que les seuls moyens que j'eus de mettre ordre à mes affaires, étaient—ou de me retirer à la campagne, ou bien d'emprunter, une fois pour toutes, une forte somme d'argent. Mais ce dernier parti est presque impossible en, Russie, où la loi accorde au créancier une trop faible garantie, et où les emprunts sont presque toujours des dettes entre amis et sur parole.

La réconnaissance n'est pas pour moi un sentiment pénible; et certes, mon dévouement à la personne de l'Empereur n'est troublé par aucune arrière pensée de honte ou de remords; mais je ne puis me dissimuler que je n'ai absolument aucun droit aux bienfaits de Sa Majesté, et qu'il m'est impossible de rien demander.

---

[1]) Оброчная деревня, неподалеку отъ Болдина. Нынѣ принадлежитъ дѣтямъ Александра Сергѣевича.

C'est donc à vous, monsieur le Comte, que je remets encore une fois à décider de mon sort, et c'est en vous suppliant d'agréer l'hommage de me haute considération, que j'ai l'honneur d'être avec respect et reconnaissance, monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur. Alexandre Pouchkine.

(Помѣта вверху письма, карандашомъ, рукою гр. Бенкендорфа, 26-го іюля 1835 г.: «l'Empereur lui propose 10,000 roubles et 6 moi (sic) de congé au bout de quel (sic) il voira (sic) s'il doit prendre son congé ou non»).

22-го іюля 1835 года. С.-Петербургъ.

(Переводъ). Графъ! Я имѣлъ честь являться къ вашему сіятельству, но не имѣлъ счастія застать васъ дома.

Осыпанный милостями его величества, обращаюсь къ вамъ, графъ, съ благодарностью за участіе, которое вы благоволили принять во мнѣ, и съ откровеннымъ изъясненіемъ моего положенія.

Въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ пребыванія моего въ Петербургѣ, я надѣлалъ долговъ около шестидесяти тысячъ рублей. Кромѣ того, я былъ обязанъ взять на свои руки дѣла моего семейства и это до такой степени меня затруднило, что я былъ вынужденъ отказаться отъ одного наслѣдства и едиными способами къ водворенію порядка въ моихъ дѣлахъ было—или удаленіе мое въ деревню, или заемъ, единожды и навсегда, значительной денежной суммы. Послѣдній способъ почти невозможенъ въ Россіи, гдѣ законъ даетъ слишкомъ слабое ручательство заимодавцу и займы почти всегда суть долги между друзьями и на-слово.

Для меня благодарность чувство не тягостное, и привязанность моя къ особѣ императора, конечно, не возмущается тайною мыслью стыда или угрызенія совѣсти; но я не могу скрыть отъ себя самого, что не имѣю рѣшительно никакихъ правъ на благодѣянія его величества и что мнѣ невозможно просить его о чемъ-либо.

И такъ, графъ, еще разъ вамъ предоставляю я рѣшить мою участь и, прося васъ принять дань моего глубочайшаго уваженія, имѣю честь быть съ почтеніемъ и признательностью вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

Помѣта: «Императоръ предлагаетъ ему 10 тысячъ рублей и шестимѣсячный отпускъ, по прошествіи котораго онъ увидитъ—подать ему въ отставку, или нѣтъ».

2.

26 Juillet 1835. S-t Pétersbourg.

Monsieur le Comte! Il m'en coute au moment où je reçois une grâce inattendue d'en demander deux autres, mais je me décide a avoir recours en toute franchise à celui qui a daigné être ma Providence.

De mes 60,000 de dettes, la moitié sont de dettes d'honneur. Pour

les acquitter je me vois dans la necessité de contracter des dettes usuraires [1]), ce qui redoublera mes embarras, ou bien me mettera dans la nécessité d'avoir de nouveau recours à la générosité de l'Empereur.

Je supplie donc Sa Majesté de me faire une grâce pleine et entière, premièrement, en me donnant la possibilité d'acquitter ces 30,000 roubles et en second lieu en daignant me permettre de regarder cette somme comme un emprunt et en faisant, en conséquence, suspendre le paiement de mes appointements, jusqu'à ce que ma dette soit liquidée.

C'est en me recommandant à votre indulgence, que j'ai l'honneur d'être avec le respêct le plus profond et la reconnaissance la plus vive, Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

(Помѣта вверху письма, карандашомъ, рукою гр. Бенкендорфа: «l'Empereur lui accorde les 30,000 roubles en retenant, comme il les (sic) demande, ses appointements. 29-го іюля 1835 г.»).

26-го іюля 1835. С.-Петербургъ.

(Переводъ). Графъ! Тяжело мнѣ, въ минуту полученія неожиданной милости, просить еще о двухъ другихъ, но я рѣшаюсь съ совершенною откровенностью прибѣгнуть къ тому, кто благоволилъ быть моимъ Провидѣніемъ.

Изъ 60,000 руб. моихъ долговъ, половину составляютъ долги чести. Для уплаты ихъ я вижу себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ займамъ подъ проценты, что удвоитъ мое затрудненіе, или поставитъ меня въ необходимость снова прибѣгнуть къ великодушію императора.

Посему всеподданнѣйше умоляю его величество объ оказаніи мнѣ полной и совершенной милости, дарованіемъ мнѣ—во первыхъ, возможности уплатить это 30,000 р., а во вторыхъ—дозволеніемъ мнѣ смотрѣть на сію сумму, какъ на заемъ, и вслѣдствіе этого—удержаніемъ получаемаго мною жалованья впредь до погашенія моего долга.

Поручая себя снисходительности вашей, имѣю честь быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и живѣйшею признательностью вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою. Александръ Пушкинъ.

(Помѣта): «Императоръ жалуетъ ему 30,000, съ удержаніемъ, согласно просьбѣ, его жалованья».

Въ это же время прибавились Пушкину еще и цензурныя заботы, давно ему неизвѣстныя, благодаря милостивому вниманію Государя къ его произведеніямъ. С. С. Уваровъ, смертельный врагъ А. С. Пушкина, захотѣлъ снова наложить цензурныя путы на поэта, какъ это видно изъ слѣдующаго заявленія Пушкина:

---

[1]) Выноска другою рукою на подлинникѣ:
Т. сов. Родофиникину 1-го августа 2590.
Ему-же 1-го августа 2591.
Мин. Финанс. 1-го августа 2592.

Въ главный комитетъ цензуры.

Честь имѣю обратиться въ главный комитетъ цензуры съ покорнѣйшею просьбою о разрѣшеніи встрѣтившихся затрудненій.

Въ 1826 году Государь Императоръ изволилъ объявить мнѣ, что ему угодно быть самому моимъ цензоромъ. Въ слѣдствіе Высочайшей воли, все, что съ тѣхъ поръ было мною напечатано, доставляемо было мнѣ прямо отъ Его Величества изъ 3-го отдѣленія Собственной Его канцеляріи, при подписи одного изъ чиновниковъ «Съ дозволенія Правительства». Такимъ образомъ были напечатаны: «Цыганы»—повѣсть (1827), 4-я, 5-я, 6-я, 7-я и 8-я главы «Евгенія Онѣгина»—романа въ стихахъ (1827, 1828, 1831, 1833), «Полтава» (1829), 2-я и 3-я часть «Мелкихъ Стихотвореній», 2-е исправленное изданіе поэмы «Русланъ и Людмила» (1828), «Графъ Нулинъ» (1828), «Исторія Пугачевскаго бунта» и проч.

Нынѣ, по случаю втораго исправленнаго изданія «Анджело», перевода изъ Шекспира (неисправно и съ своевольными поправками напечатаннаго книгопродавцемъ Смирдинымъ), г. попечитель Спб. учебнаго округа изустно объявилъ мнѣ, что не можетъ болѣе позволить мнѣ печатать моихъ сочиненій, какъ доселѣ они печатались, т. е. съ надписью чиновника Собственной Его Величества канцеляріи. Между тѣмъ, никакого новаго распоряженія не воспослѣдовало, и, такимъ образомъ, я лишенъ права печатать свои сочиненія, дозволенныя самимъ Государемъ Императоромъ.

Въ прошломъ маѣ мѣсяцѣ Государь изволилъ возвратить мнѣ сочиненіе мое, дозволивъ оное напечатать, за исключеніемъ собственноручно замѣченныхъ мѣстъ. Не могу болѣе обратиться для подписи въ Собственную канцелярію Его Величества, и принужденъ утруждать комитетъ всеуниженнымъ вопросомъ: какую новую форму соизволитъ онъ предписать мнѣ для представленія рукописей моихъ въ типографію?—Титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ.

25-го сентября 1835 года Уваровъ препроводилъ копію съ этого прошенія Пушкина къ управлявшему 3-мъ отдѣленіемъ С. Е. И. В. канцеляріи Александру Николаевичу Мордвинову и увѣдомилъ: «что главное управленіе цензуры опредѣлило объявить г. Пушкину, въ отвѣтъ на его прошеніе, что рукописи, издаваемыя съ особаго высочайшаго разрѣшенія, печатаются независимо отъ цензуры министерства народнаго просвѣщенія, но всѣ прочія изданія, назначаемыя въ печать, должны, на основаніи высочайше утвержденнаго въ 22-й день апрѣля 1828 года устава о цензурѣ, быть представ-

ляемы въ цензурный комитетъ, которымъ разсматриваются и одобриваются по общимъ цензурнымъ правиламъ».

Съ П. А. Осиповой переписка продолжалась въ слѣдующихъ письмахъ:

П. А. Осиповой.

1.

(Въ исходѣ августа 1835 г.).

Me voici, madame, arrivé à Pétersbourg; imaginez vous, que le silence de ma femme provenait de ce qu'elle s'était mis dans la tête d'adresser ses lettres à Опочка. Dieu sait d'où cela lui est venu. En tout cas je vous supplie d'y envoyer un de nos gens, pour dire au maître de poste, que je ne suis plus à la campagne et qu'il renvoye tout ce qu'il a à Pétersbourg.

J'ai trouvé ma pauvre mère à extrémité; elle était venu de Pavlovsk pour chercher un logement et elle est tombée subitement en faiblesse chez M-r Княжнинъ où elle s'était arrêtée. Rauch et Spaski n'ont aucune espérance. Dans cette triste situation j'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Nathalie en bût à la haine du monde. On dit partout qu'il est affreux, qu'elle soit si élégante, quand son beau-père et sa belle-mère n'ont pas de quoi manger, et que sa belle-mère se meurt chez des étrangers. Vous savez ce qu'il en est. On ne peut pas dire à la rigueur qu'un homme qui a 1,200 paysans soit dans la misère. C'est mon père qui a quelque chose et c'est moi qui n'ai rien. En tout cas Nathalie n'a que faire dans tout cela, c'est moi qui devrait en répondre. Si ma mère s'était venu établir chez moi, Nathalie, comme de raison, l'aurait reçue; mais une maison froide, remplie de marmailles et encombrée de monde, n'est guère convenable à une malade. Ma mère est mieux chez elle. Je l'ai trouvée déjà déménagée; mon père est dans un état bien à plaindre. Quant à moi je fais de la bile et je suis tout abasourdi.

Croyez m'en, chère madame Ossipof, la vie, toute «süsse Gewohnheit» qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante, et c'est un vilain lac de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское. Je vous salue de tout mon coeur.

(Переводъ). Вотъ я и въ Петербургѣ, милостивая государыня; представьте себѣ, что молчаніе жены моей происходило отъ того, что она вздумала адресовать свои письма въ Опочку. Богъ знаетъ, съ чего это она взяла. Во всякомъ случаѣ, покорно васъ прошу послать туда кого нибудь изъ нашихъ людей, сказать почтмейстеру, что меня болѣе нѣтъ въ деревнѣ, и чтобы все у него находящееся онъ переслалъ обратно въ Петербургъ.

Мать мою я нашелъ въ крайне опасномъ положеніи; она пріѣхала изъ Павловска искать квартиры и вдругъ почувствовала слабость, будучи у Княжнина, гдѣ остановилась. Раухъ и Спасскій не имѣютъ никакой надежды. Къ этому печальному положенію примѣшивается еще грусть при видѣ, что бѣдная моя Наташа служитъ цѣлью для злыхъ нападокъ свѣта. Повсюду говорятъ—какъ это ужасно, что она такъ наряжается, когда ея свекру и свекрови ѣсть нечего, когда ея свекровь умираетъ у чужихъ людей. Вы знаете въ чемъ дѣло. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человѣкъ, у котораго 1,200 душъ крестьянъ, находился въ нищетѣ. Стало, у моего отца кое-что есть, а у меня ничего нѣтъ. Во всякомъ случаѣ Наташа тутъ ни при чемъ и за все долженъ быть я въ отвѣтѣ. Если бы мать моя вздумала поселиться у насъ, Наташа приняла-бы ее, разумѣется; но холодный домъ, наполненный ребятишками, набитый гостями—едва-ли годится для больной. Матери моей лучше у себя дома. Я нашелъ ее уже переѣхавшею; отецъ въ весьма плачевномъ положеніи. Что касается до меня, я въ жалкомъ настроеніи духа и совершенно оглушенъ.

Повѣрьте мнѣ, милая M-me Осипова, жизнь—при всемъ томъ, что она «сладкая привычка»—содержитъ въ себѣ горечь, отъ которой, наконецъ, дѣлается противною; свѣтъ-же—гнусная, грязная лужа. Мнѣ милѣе Тригорское. Привѣтъ мой вамъ отъ всего сердца.

2.

26 Decembre (1835).

Enfin, madame, j'ai eu la consolation de recevoir votre lettre du 27 Novembre. Elle a été près de 4 semaines en chemin. Nous ne savions que penser de votre silence. Je ne sais pourquoi je vous suppose à Pskov et c'est là que je vous adresse cette lettre. La santé de ma mère est améliorée, mais ce n'est pas encore une convalescence. Elle traine, cependant la maladie s'est calmée. Mon père est bien à plaindre. Ma femme vous remercie de votre souvenir et se recommande à votre amitié. Ребятишки также. Je vous souhaite santé et bonne fête, et je ne vous dis rien de mon inaltérable dévouement.

L'Empereur vient d'accorder la grâce à la plûpart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекеръ. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. C'est un beau pays, mais je voudrais le savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terrres de M-me Glinka, sa soeur. Le gouvérnement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.

Quand je songe que 10 ans se sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées—ma situation, etc., etc. En vérité, il n'y a que mon amitié pour vous et votre

famille, que je retrouve en mon âme toujours la même, toujours pleine et entière.

Votre lettre de change est prête et je vous l'enverrai la prochaine fois. (Помѣта рукою П. А. Осиповой: «je ne l'ai jamais reçue»).

26-го декабря (1835).

(Переводъ). Наконецъ, милостивая государыня, я былъ утѣшенъ полученіемъ вашего письма отъ 27-го ноября. Оно около четырехъ недѣль находилось въ дорогѣ. Мы не знали, что́ подумать о вашемъ молчаніи. Не знаю почему, но полагаю, что вы въ Псковѣ, куда и адресую это письмо. Здоровье матери моей улучшилось, но это еще не выздоровленіе. Она слаба, однако-же болѣзнь утихла. Отецъ жалокъ. Жена моя благодаритъ васъ за память и поручаетъ себя дружбѣ вашей. Ребятишки также. Желаю вамъ здоровья и пріятнаго праздника; не говорю о моей неизмѣнной привязанности.

Императоръ явилъ милость свою многимъ изъ заговорщиковъ 1825 года, между прочими и моему бѣдному Кюхельбекеру. По указу долженъ онъ быть поселенъ въ южной части Сибири. Страна прекрасная, но я желалъ-бы знать, что онъ поближе къ намъ; можетъ быть, ему позволятъ поселиться въ имѣніи г-жи Глинки, его сестры. Правительство относилось къ нему всегда кротко и снисходительно.

Какъ подумаю, что уже десять лѣтъ протекло со времени этого несчастнаго возмущенія, то мнѣ все это кажется сномъ. Сколько событій, сколько перемѣнъ во всемъ, начиная съ моихъ мыслей, моего положенія, и проч., и проч. По правдѣ сказать, только дружбу мою къ вамъ и вашему семейству нахожу я въ душѣ моей все тою же, всегда полною и ненарушимою.

Вексель вашъ готовъ и я вышлю его въ слѣдующій разъ. (Помѣта рукою П. А. Осиповой: «Я его никогда не получала»).

Изъ писемъ Пушкина къ его друзьямъ и короткимъ знакомымъ не трудно понять, что свѣтскій образъ жизни, бывшій насущною потребностью для жены его, былъ ненавистенъ самому поэту; отрѣшиться-же отъ него онъ не могъ, по многимъ причинамъ. Свѣтскія удовольствія, отъ которыхъ онъ хотѣлъ бы убѣжать подальше, не утратили еще привлекательности въ глазахъ его молодой, хорошенькой собою жены. Эти развлеченія отрывали его отъ литературныхъ и историческихъ трудовъ, или, наоборотъ—серьезныя занятія отвлекали отъ свѣтскихъ удовольствій. Въ теченіе шести лѣтъ супружества, какъ мы выше сказали, болѣе года, въ общей сложности, онъ провелъ въ разлукѣ съ женою и съ дѣтьми. Наталья Николаевна, оставаясь съ двумя сестрами и младшимъ братомъ, была особенно привлекательною цѣлью для злыхъ языковъ большаго свѣта.

(Продолженіе слѣдуетъ).

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

VIII [1]).

Столкновеніе Пушкина съ кн. Н. Г. Репнинымъ.—Размолвка и примиреніе съ гр. В. А. Соллогубомъ.—Программа журнала.—«Современникъ», изд. 1836 г.—Кончина матери.—Предчувствіе.—д'Антесъ.—Пасквили.—Вызовъ.—На балѣ.—д'Аршіакъ.—Взятіе вызова обратно.—Помолвка д'Антеса съ К. Н. Гончаровой.—Письмо къ Геккерену.

1836 г.

Наступилъ 1836 годъ, въ теченіе котораго тайная злоба враговъ Пушкина изъ высшаго класса общества, подъ покровительствомъ и при дѣятельномъ участіи гр. Б—а и кн. Б—ой, достигла своей ужасной цѣли: характеръ Пушкина совершенно измѣнился и ревность, не дававшая ему ни минуты покоя, приняла еще бо́льшіе размѣры. Отъ природы недовѣрчивый, Пушкинъ сдѣлался подозрителенъ и болѣзненно раздражителенъ; въ каждомъ словѣ, сказанномъ ему неумышленно, онъ доискивался двусмысленности, дерзкаго намека, колкости; малѣйшая свѣтская любезность, оказанная кѣмъ-либо его женѣ, казалась ему волокитствомъ, искательствомъ; явное къ ней равнодушіе—оскорбительнымъ презрѣніемъ.

Самое начало 1836 года было ознаменовано въ жизни Пушкина двумя столкновеніями съ лицами изъ высшаго круга. О первомъ мы можемъ судить по находящимся въ нашихъ рукахъ документальнымъ даннымъ; о второмъ—по разсказу самого лица, которое совершенно неумышленно навлекло на себя гнѣвъ Пушкина.

Въ исходѣ января, до Пушкина, чрезъ нѣкоего Боголюбова, дошли слухи, будто князь Николай Григорьевичъ Репнинъ, находясь въ домѣ у Сергѣя Семеновича Уварова [2]), неблагосклонно отзы-

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXV, стр. 371—388; 671—690; т. XXVI, стр. 291—328; 505—522. Изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 129—148; т. XXVIII, стр. 69—104.

[2]) Уваровъ крайне враждебно относился тогда къ Пушкину, за его стихотвореніе, напечатанное въ сентябрьской книжкѣ «Московскаго Наблюдателя» 1835 г.: «На выздоровленіе Лукулла». П. Е.

вался о Пушкинѣ, какъ о человѣкѣ. Не взявъ на себя труда провѣрить этотъ слухъ, Александръ Сергѣевичъ, въ пылу негодованія, написалъ князю Репнину слѣдующее:

5 Fevrier 1836.

Mon Prince. C'est avec regret que je me vois contraint d'importuner Votre Excellence; mais gentilhomme et père de famille, je dois veiller à mon honneur et au nom que je dois laisser à mes enfants.

Je n'ai pas l'honneur d'être personellement connu de Votre Excellence. Non seulement jamais je ne vous ai offensé, mais par des motifs à moi connus, je vous ai porté jusqu'à présent un sentiment vrai de respêct et de reconnaissance.

Cependant un M-r Bogolubof a publiquement répété des propos outrageants pour moi et cela comme venant de vous. Je prie Votre Excellence de vouloir bien me faire savoir à quoi je dois m'en tenir.

Je sais mieux que personne la distance qui me sépare de vous; mais vous qui êtes non seulement un grand seigneur, mais encore le réprésentant de notre ancienne et véritable Noblesse, à laquelle j'appartiens aussi, j'espère que vous comprendrez sans peine l'impérieuse nécessité qui m'a dicté cette demarche. Je suis avec respect de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur Alexandre Pouchkine.

(Переводъ). Князь! Съ сожалѣніемъ вижу себя принужденнымъ обратиться къ вашему сіятельству; но, какъ дворянинъ и отецъ семейства, я обязанъ блюсти мою честь и имя, которое оставлю моимъ дѣтямъ.

Не имѣю чести быть лично извѣстенъ вашему сіятельству. Я никогда не только не оскорблялъ васъ, но по извѣстнымъ мнѣ причинамъ донынѣ питалъ къ вамъ истинныя чувства уваженія и признательности.

Однако-же, нѣкто г. Боголюбовъ публично повторяетъ оскорбительные обо мнѣ отзывы, будто бы произнесенные вами. Прошу ваше сіятельство благоволить увѣдомить меня, какъ мнѣ поступить въ этомъ случаѣ.

Я знаю лучше нежели кто либо разстояніе, отдѣляющее меня отъ васъ, но вы, будучи не только знатнымъ вельможею, но еще и представителемъ нашего древняго и настоящаго дворянства, къ которому и я также принадлежу, надѣюсь, что вы поймете безъ труда всю силу необходимости, побудившей меня поступить такимъ образомъ. Остаюсь съ уваженіемъ вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ.

Черезъ четыре дня Пушкинъ получилъ слѣдующій отвѣтъ:

9-го февраля.

Милостивый государь, Александръ Сергѣевичъ! Письмо ваше отъ 5-го февраля, вчерась только мною полученное, крайне меня удивило, ибо оно доказываетъ, что вы повѣрили разсказамъ на мой счетъ, не

смотря на ту расположенность ко мнѣ, которой вы меня въ семъ письмѣ почтили.

Г-на Боголюбова я только иногда встрѣчаю у С. С. Уварова и никакихъ съ нимъ особенныхъ сношеній не имѣю, слѣдственно ничего на счетъ вашъ ни ему, ни при немъ кому либо не говорилъ; вамъ-же самому, милостивый государь, скажу, что я искренно желаю, дабы вы геніальный талантъ вашъ употребляли на пользу и славу отечества и не въ оскорбленіе частныхъ людей.

Простите мнѣ сію правду безъ лести; она послужитъ вѣрнѣйшимъ доказательствомъ тѣхъ чувствъ искренняго и отличнѣйшаго почтенія, съ коимъ имѣю честь быть (безъ подписи) [1]).

Спокойный, благоразумный тонъ письма князя Н. Г. Репнина охладилъ запальчивость Пушкина, что́ видно изъ его отвѣта:

11-го февраля 1836.

Милостивый государь, князь Николай Григорьевичъ! Приношу вашему сіятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнѣніе вашего сіятельства касательно сочиненій, оскорбительныхъ для чести частнаго лица, совершенно справедливо. Трудно ихъ извинить, даже когда они написаны въ минуту огорченія и слѣпой досады; какъ забава суетнаго или развращеннаго ума, они были бы непростительны.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенной преданностію есмь, милостивый государь, вашего сіятельства покорнѣйшимъ слугою Александръ Пушкинъ [2]).

Почти одновременно съ эпизодомъ объясненій поэта съ княземъ Репнинымъ, произошло столкновеніе Пушкина съ графомъ В. А. Соллогубомъ. Неточность хронологическихъ указаній въ данномъ случаѣ крайне затруднительна для біографа. По словамъ П. В. Анненкова, съ 26-го февраля по конецъ мая 1836 года Пушкинъ былъ командированъ въ Москву для занятій въ Московскомъ Главномъ архивѣ;

---

[1]) Подлинникъ (черновой отпускъ) писанъ на чистой половинѣ листа перваго письма Пушкина, сначала, по видимому, карандашомъ, по которому послѣ обведено чернилами.

[2]) Подлинники этихъ трехъ писемъ сообщены редакціи Павломъ Дмитріевичемъ Хрущовымъ (Харьковской губерніи и уѣзда, с. Каршаево). По сообщенію дочери кн. Репнина переписка была первоначально напечатана въ «Русскомъ Архивѣ» 1864 г., № 10. П. Е.

между тѣмъ, въ примѣчаніи къ его письмамъ 1836 г., напечатаннымъ въ «Вѣстникѣ Европы» (мартъ 1878 г., стр. 33), сказано, что онъ уѣхалъ изъ Петербурга «въ концѣ апрѣля»—первое его письмо къ женѣ изъ Москвы писано 4-го мая [1]). Между тѣмъ, изъ другихъ писемъ Александра Сергѣевича видно, что съ 26-го февраля по конецъ марта онъ первый разъ былъ командированъ въ Москву; въ первыхъ числахъ апрѣля сопровождалъ въ Святогорскій монастырь тѣло умершей матери своей, Надежды Осиповны, и изъ Псковской губерніи въ первыхъ числахъ мая снова былъ въ Москвѣ. Очевидно, что размолвка Пушкина съ графомъ В. А. Соллогубомъ относится къ первымъ числамъ февраля 1836 года. Вотъ что разсказываетъ о ней графъ Соллогубъ.

«Я рѣшился на время оставить Петербургъ и просилъ какой нибудь командировки по министерству внутреннихъ дѣлъ, гдѣ числился по департаменту духовныхъ дѣлъ, директоромъ котораго былъ Ф. Ф. Вигель. Командировку мнѣ дали: я былъ назначенъ секретаремъ слѣдственной коммисіи, отправляемой въ Ржевъ, Тверской губерніи, по случаю совершеннаго тамъ раскольниками святотатства. Предсѣдателемъ коммисіи былъ назначенъ только что вернувшійся тогда изъ Іерусалима Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ.—Слѣдствіе продолжалось долго и было ведено исправно. Оно ознаменовалось разными любопытными эпизодами... Самымъ-же замѣчательнымъ для меня было полученное отъ Андрея Карамзина [2]) письмо, въ

[1]) Вообще хронологическія указанія въ «изслѣдованіяхъ» г. Анненкова и его изданіи сочиненій Пушкина крайне небрежны и запутаны. Не останавливаясь на томъ, что, говоря о произведеніяхъ Пушкина, П. В. Анненковъ перескакиваетъ къ стихотвореніямъ, раздѣленнымъ между собою цѣлыми десятилѣтіями, онъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукописяхъ Пушкина «вычиталъ» разныя указанія, напр. окончаніе «Мѣднаго Всадника» 31-го октября и 31-го ноября 1833 г. (т. I, стр. 373, и т. III, стр. 552); 1-я сцена въ «Русалкѣ» 12 и 27 апрѣля (т. I, стр. 362, и т. IV, стр. 465); «Клеветникамъ Россіи» 5 и 2 августа (т. I, стр. 318, и т. III, стр. 19); «Разставаніе» 5 и 8 октября (т. I, стр. 307, и т. II, стр. 539); посвященіе «Полтавы» 27-го и 29-го октября (т. I, стр. 212, и т. III, стр. 517); «Критонъ» 14 іюня въ Арзерумѣ, а взятіе Арзерума 27 іюня (т. I, стр. 217 и 222); письмо Толстому 1822 и 1823 г. (т. I, стр. 186; и т. VII, стр. 185); «Три ключа» 27 іюля и 18 іюня 1827 г. (т. I, стр. 175, и т. II, стр. 440); «Когда за городомъ» 14 марта и 14 августа 1836 г. (т. I, стр. 422, и т. VII, стр. 38) и многія другія. Странно поэтому, что г. Анненковъ обидѣлся (печатно) на замѣчаніе г. Бартенева, что «бумаги Пушкина требуютъ точнѣйшаго разсмотрѣнія», тогда какъ выписанныя нами неточности далеко не исчерпываютъ всѣхъ противорѣчій, внесенныхъ г. Анненковымъ въ его изданіе. П. Е.

[2]) См. о немъ «Русскую Старину» изд. 1878 г. томъ XXII, стр. 193—216 Онъ былъ убитъ 16-го мая 1854 года, при рекогносцировкѣ у Слатина.

которомъ онъ меня спрашивалъ: зачѣмъ-же я не отвѣчаю на вызовъ А. С. Пушкина? Карамзинъ поручился ему за меня, какъ за своего дерптскаго товарища, что я отъ поединка не откажусь.

«Для меня это было совершенной загадкой. Пушкина я зналъ очень мало, встрѣчался съ нимъ у Карамзиныхъ; смотрѣлъ на него какъ на полу-бога.... и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, онъ вызываетъ меня стрѣляться, тогда какъ передъ отъѣздомъ я съ нимъ даже не видѣлся вовсе. Рѣшительно нельзя было ничего тутъ понять, кромѣ того, что Пушкинъ чѣмъ-то обидѣлся, о чемъ-то мнѣ писалъ и что письмо его было перехвачено. Слѣдствіе кончилось. Я переѣхалъ жить въ Тверь.... Съ Карамзинымъ я списался и узналъ, наконецъ, въ чемъ дѣло. Наканунѣ моего отъѣзда я былъ на вечерѣ вмѣстѣ съ Натальею Николаевною Пушкиной, которая шутила надъ моей романической страстью и ея предметомъ. Я ей хотѣлъ замѣтить, что она уже не дѣвочка и спросилъ: «давно-ли она замужемъ?» Затѣмъ разговоръ коснулся Ленскаго, очень милаго и образованнаго поляка, танцовавшаго тогда превосходно мазурку на петербургскихъ балахъ. Все это было до крайности невинно, и безъ всякой задней мысли. Но присутствующія дамы соорудили изъ этого простаго разговора цѣлую сплетню: что я, будто, оттого говорилъ про Ленскаго, что онъ будто нравится Натальѣ Николаевнѣ (чего никогда не было), и что она забываетъ о томъ, что она еще недавно замужемъ. Наталья Николаевна, должно быть, сама разсказала Пушкину про такое странное истолкованіе моихъ словъ, такъ какъ она вообще ничего отъ мужа не скрывала, хотя и знала его пламенную, необузданную природу. Пушкинъ написалъ тотчасъ ко мнѣ письмо, никогда ко мнѣ не дошедшее, и, какъ мнѣ было передано, началъ говорить, что я уклоняюсь отъ дуэли. Получивъ это объясненіе, я написалъ Пушкину, что я совершенно готовъ къ его услугамъ, когда ему будетъ угодно, хотя не чувствую за собой никакой вины, по такимъ и такимъ-то причинамъ. Пушкинъ остался моимъ письмомъ доволенъ и сказалъ С. А. Соболевскому: «немножко длинно, молодо; а впрочемъ хорошо!» Въ то же время онъ написалъ мнѣ по французски письмо слѣдующаго содержанія: «М. Г. Вы приняли на себя напрасный трудъ, сообщивъ мнѣ объясненія, которыхъ я не спрашивалъ. Вы позволили себѣ невѣжливость относительно жены моей. Имя, вами носимое, и общество, вами посѣщаемое, вынуждаютъ меня требовать у васъ сатисфакціи за непристойность вашего поведенія. Извините меня, если я не могу пріѣхать въ Тверь прежде конца нынѣшняго мѣсяца», и проч. Оригиналъ этого письма долго у

меня хранился, но потомъ кѣмъ-то у меня взятъ, едва-ли не въ Симбирскѣ. Дѣлать было нечего, я сталъ готовиться къ поединку: купилъ пистолеты, выбралъ секунданта, привелъ бумаги въ порядокъ и началъ дожидаться—и прождалъ такъ напрасно три мѣсяца [1]). Пушкинъ все не пріѣзжалъ, но разспрашивалъ про дорогу, на что одинъ мой тогдашній пріятель (нынѣ государственный сановникъ), навѣстившій меня проѣздомъ черезъ Тверь, отвѣчалъ, что до Твери дорога хорошая. Вѣроятно, гнѣвъ Пушкина давно уже охладѣлъ; вѣроятно, онъ понималъ неумѣстность поединка съ молодымъ человѣкомъ, почти ребенкомъ, изъ самой пустой причины «во избѣжаніе какой-то свѣтской молвы». Наконецъ, отъ того же пріятеля узналъ я, что въ Петербургѣ явился (?) новый французъ-роялистъ Дантесъ, сильно уже надоѣдавшій Пушкину [2]). Съ другой стороны, онъ, по особому щегольству его привычекъ, (?!) не хотѣлъ уже отказаться отъ, дѣла имъ затѣяннаго. Весной, я получилъ отъ моего министра, графа Блудова, предписаніе немедленно отправиться въ Витебскъ, въ распоряженіе генералъ-губернатора Дьякова. Я забылъ сказать, что я завѣдывалъ въ то время принадлежавшей моей матушкѣ тверской вотчиной. Передъ отъѣздомъ въ Витебскъ нужно было сдѣлать нѣсколько распоряженій. Я и поѣхалъ въ деревню на два дня; вечеромъ въ Тверь пріѣхалъ Пушкинъ. На всякій случай я оставилъ письмо, которое отвезъ ему мой секундантъ князь Козловскій.

---

[1]) Не сомнѣваясь въ правдивости разсказа графа Соллогуба, позволимъ себѣ, однако, замѣтить хронологическую неточность. Почтенный разскащикъ не выясняетъ—въ началѣ 1836, или въ декабрѣ 1835 онъ былъ на балу и говорилъ съ Н. Н. Пушкиной? Если въ январѣ 1836 года, то когда же могъ быть посланъ вызовъ Пушкина, ждавшаго отвѣта?

[2]) Въ выноскѣ, графъ Соллогубъ говоритъ, что Дантесъ прибылъ въ Россію около 1833 года (въ брошюрѣ Амосова, изд. 1863 года, стр. 5, показанъ 1834 годъ). Зачѣмъ-же тогда сказано явился и прибавлено «сильно надоѣдавшій Пушкину»? Нелѣпая молва объ ухаживаніи Дантеса за Пушкиной разнеслась въ большомъ свѣтѣ послѣ двухъ или трехъ баловъ на Минеральныхъ водахъ, лѣтомъ 1836 года (брошюра Амосова, стр. 8), и лишь съ этого времени въ сердце Пушкина заронилась первая искра его ненависти къ барону Гекерену и д'Антесу; безыменныя письма довершили остальное. Съ другой стороны, въ брошюрѣ Амосова слишкомъ короткимъ кажется промежутокъ времени, въ который успѣла созрѣть до ея ужасныхъ размѣровъ ненависть Пушкина. Самая-же разительная хронологическая несообразность — женитьба д'Антеса на Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой—зимой 1835 года (Амосовъ, стр. 11). Но свадьбы бываютъ лишь до 14-го ноября и снова разрѣшаются съ 7-го января слѣдующаго года. Въ какомъ же именно мѣсяцѣ: въ ноябрѣ 1836 или въ январѣ 1837 года была свадьба д'Антеса?

Пушкинъ жалѣлъ, что не засталъ меня, извинялся, и былъ очень любезенъ и разговорчивъ съ Козловскимъ. На другой день онъ уѣхалъ въ Москву. На третій я вернулся въ Тверь и съ ужасомъ узналъ, съ кѣмъ я разъѣхался. Первой моей мыслію было, что онъ подумаетъ, пожалуй, что я отъ него убѣжалъ. Тутъ мѣшкать было нечего. Я послалъ тотчасъ за почтовой тройкой и безъ оглядки поскакалъ прямо въ Москву, куда пріѣхалъ на разсвѣтѣ, и велѣлъ везти себя прямо къ П. В. Нащокину, у котораго останавливался Пушкинъ. Въ домѣ всѣ еще спали. Я вошелъ въ гостиную и приказалъ разбудить Пушкина. Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ ко мнѣ въ халатѣ, заспанный, и началъ чистить необыкновенно-длинные ногти. Первыя взаимныя привѣтствія были очень холодны. Онъ спросилъ меня, кто мой секундантъ? Я отвѣчалъ, что секундантъ мой остался въ Твери; что въ Москву я только пріѣхалъ и хочу просить быть моимъ секундантомъ извѣстнаго генерала князя Θ. Гагарина. Пушкинъ извинился, что заставилъ меня такъ долго дожидаться, и объявилъ, что его секундантъ П. В. Нащокинъ.

«Затѣмъ разговоръ нѣсколько оживился и мы начали говорить о начатомъ имъ изданіи «Современника».—«Первый томъ былъ слишкомъ хорошъ,—сказалъ Пушкинъ.—Второй я постараюсь выпустить поскучнѣе: публику баловать не надо». Тутъ онъ разсмѣялся и бесѣда между нами пошла почти дружеская, до появленія Нащокина. Павелъ Воиновичъ явился, въ свою очередь, заспанный, съ взъерошенными волосами, и, глядя на мирный ликъ его, я невольно пришелъ къ заключенію, что никто изъ насъ не ищетъ кровавой развязки, а что дѣло въ томъ, какъ-бы всѣмъ выпутаться изъ глупой исторіи, не уронивъ своего достоинства. Павелъ Воиновичъ тотчасъ приступилъ къ роли примирителя. Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ, чтобъ я передъ нимъ извинился. Обиженнымъ онъ, впрочемъ, себя не считалъ, но ссылался на мое свѣтское значеніе и какъ будто боялся компрометировать себя въ обществѣ, если оставитъ безъ удовлетворенія дѣло, получившее уже въ небольшомъ кругу нѣкоторую огласку. Я, съ своей стороны, объявилъ, что извиняться передъ нимъ ни подъ какимъ видомъ не стану, такъ какъ я не виноватъ рѣшительно ни въ чемъ; что слова мои были перетолкованы превратно и сказаны въ такомъ-то смыслѣ. Споръ продолжался довольно долго. Наконецъ, мнѣ было предложено написать нѣсколько словъ Натальѣ Николаевнѣ. На это я согласился; написалъ прекудрявое французское письмо, которое Пушкинъ взялъ и тотчасъ же протянулъ мнѣ руку, послѣ чего сдѣлался чрезвычайно ласковъ и дружелюбенъ.

Этому прошло 30 лѣтъ [1]): многое, конечно, я уже забылъ, но самое обстоятельство мнѣ весьма памятно, потому что было основаніемъ ближайшихъ, впослѣдствіи, моихъ сношеній съ Пушкинымъ, и, кромѣ того, выказываетъ одну странную сторону его характера, а именно его пристрастіе къ свѣтской молвѣ, къ свѣтскимъ отличіямъ и условіямъ.

«Моя исторія съ Пушкинымъ (заключаетъ графъ В. А. Соллогубъ разсказываемый имъ эпизодъ) можетъ быть немаловажнымъ матеріаломъ для будущаго его біографа. Она служитъ прологомъ къ кровавой драмѣ его кончины; она объясняетъ, какъ разливались въ немъ чувства тревоги, томленія, досады и безсилія противъ удушливой свѣтской сферы, которой онъ подчинялся. И тутъ, какъ и послѣ, жена его была только невиннымъ предлогомъ, а не причиной его взрывочнаго возмущенія противъ судьбы. И не смотря на то, онъ дорожилъ своимъ великосвѣтскимъ положеніемъ. «Il n'y a qu'une seule bonne société,—говаривалъ онъ мнѣ потомъ,—c'est la bonne» [2]). Письмо же мое Пушкинъ, кажется, изорвалъ, такъ какъ оно никогда не дошло по своему адресу. Тотчасъ же послѣ нашего объясненія я уѣхалъ въ Витебскъ».

По поводу «Современника», о которомъ Пушкинъ говорилъ съ графомъ Соллогубомъ, замѣтимъ, что его изданіемъ нашъ великій поэтъ осуществилъ свою давнюю, завѣтную мечту—быть редакторомъ періодическаго литературнаго обозрѣнія, замѣняющаго альманахи, исчезновенію которыхъ, дѣйствительно, не мало содѣйствовало появленіе «Современника» [3]). Первый томъ журнала, вышедшій въ апрѣлѣ 1836 года, возбудилъ много толковъ въ читающей публикѣ: большинство, подъ обаяніемъ имени издателя, восхищалось безусловно каждою статьею; меньшинство, состоявшее, однако, изъ людей образованныхъ, знакомыхъ съ иностранными révues, отзывалось о «Современ-

---

[1]) Воспоминанія писаны въ 1866 году.

[2]) «Только одно общество и хорошо: хорошее общество».

[3]) Кстати выписываемъ изъ газеты «День» 1862 г., № 2, программу журнала, набросанную Пушкинымъ еще около 1832 года: «Что есть журналъ европейской.—Что есть журналъ русской.—Нынѣшніе русскіе журналы.—Каковъ можетъ быть русской журналъ.—Часть политическая.—Внѣшняя политика.—Происшествія.—Политическая полемика.—Предварительное изъявленіе мнѣній правительства.—Внутреннія происшествія; Указы.—О мѣрахъ правительства.—З. матеріалы отъ правительства.—Корреспонденція.—Литература.—Внѣшняя литература.—Лучшія статьи изъ журналовъ.—Критика иностранныхъ книгъ.—Внутренняя: Историческіе матеріалы.—Текучая литература.—Feuilleton.—Théatre.—Библіографія.—Объявленія.—Пособіе: повелѣніе министровъ.—Журналъ мой предлагаю правительству, какъ орудіе его дѣйствія на общее мнѣніе.—Офиціальность». П. Е.

никѣ» далеко не сочувственно. Расчетъ геніальнаго поэта, не обладавшаго талантами смѣтливаго издателя, оказался ошибоченъ: вмѣсто чаемыхъ выгодъ, онъ въ первый (и послѣдній) годъ изданія понесъ значительные убытки.

Такъ какъ первые четыре тома «Современника», изданные Пушкинымъ въ 1836 г., нынѣ составляютъ библіографическую рѣдкость, то мы полагаемъ нелишнимъ ознакомить читателей съ ихъ содержаніемъ.

«Современникъ». Литературный журналъ, издаваемый Александромъ Пушкинымъ. Первый томъ. С.-Петербургъ, въ Гуттенберговой типографіи. 1836 г. 320 стр. въ 8 д. л. (Разрѣшеніе цензора А. Крылова дано 31-го марта 1836).

Содержаніе: 1) Пиръ Петра Великаго (стр. 1—3). 2) Императрица Марія (стр. 4—13). 3) Ночной смотръ. (Подпись) Жуковскій (стр. 14—16). 4) Путешествіе въ Арзрумъ во время похода 1829 года (стр. 17—84). 5) Собраніе сочиненій Георгія Конисскаго, архіепископа бѣлорусскаго, изданное протоіереемъ Іоанномъ Григоровичемъ. Спб. 1835 г. (стр. 85—110). 6) Скупой рыцарь. Сцены изъ Ченстоновой траги-комедіи The cavetous Knight (стр. 111—130). 7) О рифмѣ. (Подпись) Баронъ Розенъ (стр. 131—154). 8) Долина Ажитугай. За Кубанью 3-го іюля 1834 г. (Подпись) Султанъ Казы-Гирей (стр. 155—169) 9. Коляска. Повѣсть. (Подпись) Н. Гоголь (стр. 170—190). 10) Изъ А. Шенье: «Покровъ, упитанный язвительною кровью» (стр. 171). 11) О движеніи журнальной литературы въ 1834 и 1835 году (стр. 192—225). 12) Роза и Кипарисъ. Графинѣ М. А. Потоцкой. (Подпись) К. Вяземскій (стр. 226). 13) Утро дѣловаго человѣка. Петербургскія сцены (стр. 226—241). 14) Разборъ Парижскаго математическаго ежегодника на 1836 годъ Annuaire du Bureau des longuitudes présenté au Roi) (стр.242—257). (Подпись) Князь Козловскій. 15) Парижъ. Хроника русскаго (стр. 258—295). 16) Новыя книги (стр. 296—319).

— Второй томъ (317 стр. въ 8 д. л. Разрѣшеніе того-же цензора отъ 30-го іюня 1836 года).

Содержаніе: 1) Россійская Академія (стр. 1—13). 2) Французская Академія (стр. 14—52). 3) Записки Н. А. Дуровой, издаваемыя А. Пушкинымъ (стр. 53—132). 4) Персидскій анекдотъ (стр. 133—139). (Подпись) Султанъ Казы-Гирей. 5) Предисловіе къ «Битвѣ при Тиверіадѣ (стр. 140—154). Отрывки изъ «Битвы при Тиверіадѣ» (стр. 155—179). 6) Миѳологія вотяковъ и черемисъ (стр. 180—188). (Подпись) А. Елпчеевъ. 7) Урожай. Стихотвореніе. (Подпись) А. Кольцовъ (стр. 189—193). 8) Іоаннъ III и Аристотель. Отрывокъ изъ трагедіи: «Дочь Іоанна III». (Подпись) Баронъ Розенъ (стр. 194—205). 9) О враждѣ къ просвѣщенію, замѣченной въ новѣйшей литературѣ. (Подпись) С. Ѳ. (стр. 206—217). 10) Статистическое описаніе Нахичеванской провинціи, составленное В. Г. Спб. 1833 года. (Подпись) В. Золотницкій (стр. 218—228). 11) Драматическая сказка объ Иванѣ-Царевичѣ, Жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ. Отрывокъ. (Подпись) Н. Языковъ (стр. 229—246). 12) Наполеонъ и Юлій-Цесарь. — (Précis des guerres de Jules-Cesar par l'Empereur Napoléon ecrit à l'île S-te Hélène sous la dictée de l'Empereur par M. Marchand, suivi de plusieus

fragments inédits et authentiques. Paris. 1836. (Подпись) В. (стр. 247—266). 13) Новая поэма Э. Кине. (Napoléon., poème par Edgar Quinet. Paris. 1836). (Подпись) В (стр. 267—284). 14) Ревизоръ. Комедія Н. Гоголя. 1836 г. (Подпись) В. (стр. 285—309). 15) Увѣдомленіе И. И. Дмитріева. Москва 21-го апрѣля 1836 года. Москва (стр. 310). 16) Отъ редакціи (стр. 311—312). 17) Новыя русскія книги (стр. 312—317).

Третій томъ (332 стр. въ 8 д. л. Разрѣшеніе цензора отъ .... сентября 1836 года).

Содержаніе: 1) Стихотворенія (I—XV), присланныя изъ Германіи. (Подпись) Ѳ. Т. (стр. 1—22). 2) О надеждѣ. (Подпись) Князь Козловскій (стр. 23—47). 3) Какъ пишутся у насъ романы. (Подпись) С. Ѳ. (стр. 48—51). 4) Челобитная (стихотвореніе). (Подпись) Денисъ Давыдовъ (стр. 52—53). 5) Ночь, повѣсть (стр. 54—90). 6) «Kennst Du das Land» (стихотвореніе). (Подпись) К. В. (стр. 91—93). 7). Мнѣніе М. А. Лобанова о духѣ словесности, какъ иностранной, такъ и отечественной,—читанное 18-го января 1836 года въ Императорской россійской академіи (стр. 94—106). 8) Отвѣтъ: «Не говори, красавица for ever» (стр. 107—108). 9) Объ Исторіи Пугачевскаго бунта. Разборъ статьи, напечатанной въ «Сынѣ Отечества» въ январѣ 1835 года. (Подпись) А. П. (стр. 109—134). 10) Эпиграммы и проч. (стр. 135—137). 11) О партизанской войнѣ. (Подпись) Денисъ Давыдовъ (стр. 138—151). 12) Родословіе моего героя (Езерскій) (стр. 152—157). 13) Вольтеръ. Correspondance inédite de Voltaire avec le président de Brosses (стр. 158—169). 14) Ѳракійскія элегіи. Стихотворенія Виктора Теплякова. 1836 года (стр. 170—186). 15) Анекдоты (стр. 187—191). 16) Полководецъ (стихотвореніе) (стр. 192—194). 17) Подражаніе испанскимъ сегедильямъ (стр. 195—196). 18) Отрывокъ изъ неизданныхъ записокъ дамы. 1811 годъ (по поводу романа: «Рославлевъ»). (Подпись) Съ французскаго (стр. 197—203). 19) Сапожникъ (стихотвореніе) (стр. 204). 20) Джонъ Теннеръ (Подпись) The Reviewer (стр. 205—256). 21) 3-го іюля 1836 года (стихотвореніе). (Подпись) Семенъ Стромиловъ (стр. 257—259). 22) Прогулка по Москвѣ. (Подпись) Пѣшеходъ (стр. 260—265). 23) Государственная внѣшняя торговля въ 1835 году. (sic) Въ разныхъ ея видахъ (стр. 166—306). 24) Новыя книги: Объ обязанностяхъ человѣка, Сильвіо Пеллико. Словарь о святыхъ. Новый романъ (замѣтка) (стр. 307—320). 25) Письмо къ издателю. (Подпись) А. Б. (стр. 321—329). 26) Отъ редакціи (стр. 330—332).

Томъ четвертый (307 стр. въ 8-ю д. л. Разрѣшеніе цензора отъ 11-го ноября 1836 года).

Содержаніе: 1) Занятіе Дрездена, 1813 года 10-го марта. Изъ дневника партизана Дениса Давыдова (стр. 5—31). 2) Стихотворенія, присланныя изъ Германіи (XVI—XXIII) (стр. 32—41). 3) Капитанская дочка. (Подпись) 19-го октября 1836 года. Издатель (стр. 42—215). 4) Къ князю П. А. Вяземскому (стихотвореніе). (Подпись) С. Баратынскій (стр. 216—218). 5) Вечеръ въ Царскомъ Селѣ (стр. 219—231). 6) Молитва объ Ольгѣ Прекрасной (стр. 231—233). 7) Парижъ. Хроника русскаго (стр. 234—266). 8) Прогулка за Балканомъ. Отрывокъ изъ невѣроподобнаго разсказа чичероне дель К... О... (стр. 267—289). 9) Предназначеніе. Уралъ и Кавказъ. Подражаніе Саади стихотвореніе). (Подпись) Л. Якубовичъ (стр. 290—294). 10) Объясненіе (о

стихотвореніи «Полководецъ»). (Подпись) А. Пушкинъ (стр. 295—298). 11) Отъ редакціи (объ изданіи князя Вяземскаго: «Старина и Новизна») (стр. 297—300). 12) Новыя книги (стр. 301—307).

По странной причудѣ судьбы, появленіе каждаго изъ четырехъ томовъ «Современника» совпадало съ самыми непріятными и печальными событіями въ жизни его издателя. Первый томъ вышелъ въ свѣтъ—когда Пушкинъ хоронилъ мать; второй—когда въ большомъ свѣтѣ разнеслась первая молва объ ухаживаніи д'Антеса-Гекерена за Натальею Николаевною; третій—во время разрыва Пушкина со своимъ обидчикомъ; четвертый—когда ядовитые пасквили и безыменныя письма—произведенія донынѣ неизвѣстныхъ великосвѣтскихъ негодяевъ [1])—окончательно нарушили покой незабвеннаго поэта и успѣшно натолкнули его на то пространство въ двадцать шаговъ длиною, гдѣ его ожидала пуля противника.

Смерть матери произвела на Пушкина глубокое впечатлѣніе. Мысль о смерти, въ послѣдніе годы такъ часто посѣщавшая поэта, съ этого времени неотвязчивѣе стала его преслѣдовать. Бесѣдуя съ сестрою Ольгою Сергѣевной, пріѣхавшею изъ Варшавы по случаю кончины матери, Пушкинъ съ какимъ-то тайнымъ наслажденіемъ говорилъ о смерти, о тайнахъ жизни загробной, высказывая при этомъ предчувствіе о близости своего послѣдняго часа:

— Si vous saviez, ma chère soeur,—говорилъ онъ сестрѣ,—combien l'existence m'est a charge! J'espère qu'elle ne durera pas longtemps.... et je vous dirai mieux: je le sens [2]).

Помимо мрачныхъ предчувствій, тяготившихъ Пушкина, его вѣрованіе въ примѣты оправдалось въ его послѣднемъ письмѣ къ женѣ, изъ Москвы (18-го мая 1836 г.).—«Твои петербургскія новости ужасны,—говоритъ онъ.—То, что ты пишешь о Павловѣ, помирило меня съ нимъ. Я радъ, что онъ вызывалъ Апрѣлева.—У насъ убійство можетъ быть гнуснымъ расчетомъ: оно избавляетъ отъ дуэли и подвергается одному наказанію—а не смертной казни»... [3]).

---

[1]) Указывали на кн. П. В. Долгорукаго, кн. И. С. Гагарина и гр. N. N. (покойнаго). Первые двое съ негодованіемъ отреклись печатно отъ всякаго участія въ гнусномъ дѣлѣ. Указанія на послѣдняго не проникали въ печать по его положенію. П. Е.

[2]) «Если бы ты знала, милая сестра, какъ мое существованіе мнѣ тягостно; надѣюсь, оно не будетъ продолжительно... скажу тебѣ лучше: я это чувствую! «Разговоръ Пушкина съ Ольгою Сергѣевною сообщенъ редакціи «Русской Старины» Л. Н. Павлищевымъ (19-го января 1872 года).

[3]) Событіе, о которомъ говоритъ Пушкинъ, надѣлало въ Петербургѣ много шуму, весною 1836 года. Кажется, Апрѣлевъ обольстилъ сестру Павлова; братъ требовалъ удовлетворенія или брака: обольститель уклонился отъ того и дру-

23-го мая, Пушкинъ съ своимъ семействомъ переѣхалъ на дачу, на Каменный островъ. Здѣсь образъ его жизни былъ все тотъ-же, труженическій; отдыхомъ ему были уединенныя прогулки. Нѣкоторыя стихотворенія, написанныя имъ въ это время, проникнуты чувствомъ религіозной, тихой меланхоліи. Въ одинъ изъ осеннихъ уже дней (14-го августа) [1]) Пушкинъ посѣтилъ Новодеревенское кладбище и здѣсь его осѣнило вдохновеніе, подъ наитіемъ котораго онъ написалъ: «Когда за городомъ задумчивъ я брожу»...

Сколько искренности, теплоты въ заключительныхъ строфахъ:

....Но какъ же любо мнѣ
Осеннею порой, въ вечерней тишинѣ,
Въ деревнѣ посѣщать кладбище родовое,
Гдѣ дремлютъ мертвые въ торжественномъ покоѣ:
Тамъ неукрашеннымъ могиламъ есть просторъ;
Къ нимъ ночью темною не лѣзетъ блѣдный воръ;
Близь камней вѣковыхъ, покрытыхъ желтымъ мохомъ,
Проходитъ селянинъ съ молитвой и со вздохомъ;
На мѣсто праздныхъ урнъ и мелкихъ пирамидъ,
Безносыхъ геніевъ, растрепанныхъ харитъ—
Стоитъ широкій дубъ надъ важными гробами,
Колеблясь и шумя!....

Въ городъ Пушкины возвратились въ началѣ октября. 19-го числа бывшіе питомцы лицея, согласно принятому обыкновенію, праздновали день его основанія. Пушкинъ приготовлялъ къ этому дню обычное стихотвореніе, но не успѣлъ его окончить. Явясь на праздникъ, онъ извинился передъ товарищами, что прочтетъ имъ піесу, не вполнѣ доконченную; развернулъ листъ бумаги... все смолкло... онъ началъ:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

И вдругъ слезы покатились изъ его глазъ; голосъ пересѣкся. Онъ положилъ бумагу на столъ и отошелъ въ уголъ комнаты, на

гаго и посватался на какой-то дѣвицѣ хорошей фамиліи. Въ день свадьбы братъ подстерегъ его у подъѣзда (или на церковной паперти) и закололъ кинжаломъ. Убійца былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ и ссылкѣ. Ходили слухи, будто, при обрядѣ лишенія дворянскаго достоинства, палачъ тяжко ранилъ преступника, ломая шпагу надъ его головой. И вотъ, въ послѣднемъ письмѣ своемъ къ женѣ—за восемь мѣсяцевъ до кончины—Пушкинъ пишетъ именно о дуэли и убійствѣ.

[1]) У г. Анненкова, какъ мы указали выше, это стихотвореніе показано написаннымъ и 14-го марта, и 14-го августа (т. I, стр. 422, и VII стр. 38). П. Е.

диванъ. Другой товарищъ прочиталъ за Пушкина его послѣднюю «Лицейскую годовщину».

Приступаемъ къ обзору событій послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ жизни Пушкина, руководствуясь исключительно разсказами лицъ къ нему близкихъ.

Лѣтомъ 1836 года, послѣ одного или двухъ баловъ на Минеральныхъ водахъ [1]), гдѣ были Пушкина и д'Антесъ, по городу разнеслись слухи объ ухаживаніи его за Натальей Николаевною. Когда толки дошли до Александра Сергѣевича, онъ пересталъ принимать д'Антеса и взаимныя ихъ отношенія стали холодны и натянуты. Графъ В. А. Соллогубъ, по возвращеніи, осенью, изъ своей командировки въ Витебскъ, сблизился съ Пушкинымъ. Тогда отношенія его къ д'Антесу были весьма недружелюбныя. «Однажды, на вечерѣ у кн. Вяземскаго (разсказываетъ гр. Соллогубъ), онъ вдругъ сказалъ, что д'Антесъ носитъ перстень съ изображеніемъ обезьяны. Д'Антесъ былъ тогда легитимистомъ и носилъ на рукѣ портретъ Генриха V. «Посмотрите на эти черты,—воскликнулъ тотчасъ д'Антесъ,—похожи-ли онѣ на г. Пушкина?» Размѣнъ невѣжливостей остался однако-же безъ послѣдствій. Пушкинъ говорилъ отрывисто и ѣдко. Скажетъ, бывало, колкую эпиграмму и вдругъ зальется звонкимъ, добродушнымъ, дѣтскимъ смѣхомъ, выказывая два ряда бѣлыхъ, арабскихъ зубовъ. Объ этомъ времени можно было бы еще припомнить много анекдотовъ, остротъ и шутокъ».

Не принимая д'Антеса у себя въ домѣ, Пушкинъ и жена его встрѣчались однако-же съ нимъ и съ барономъ Гекереномъ въ домахъ общихъ знакомыхъ изъ круга столичной знати. Избѣгая разговоровъ съ д'Антесомъ, Наталья Николаевна говорила съ его нареченнымъ отцомъ, барономъ Гекереномъ, выбиравшимъ (какъ впослѣдствіи оказалось) предметомъ для своихъ разговоровъ съ молодою дамою своего д'Антеса; при чемъ онъ намекалъ ей на его чувства къ ней, на его страданія вслѣдствіе отказа отъ дому, и т. п. О положеніи семейныхъ дѣлъ Пушкина и его отношеніяхъ къ Гекерену и д'Антесу, въ ноябрѣ 1836 года, даетъ самое точное понятіе, слѣдующій разсказъ графа Соллогуба:

— «Я жилъ тогда въ Большой Морской, у тетки моей Васильчиковой. Въ первыхъ числахъ ноября 1836 года [2]) она велѣла

[1]) Зданіе Минеральныхъ водъ (сгорѣвшее лѣтомъ 1876 года) въ то время было любимымъ мѣстомъ собраній избраннаго столичнаго общества. Въ 1847 году И. И. Излеръ превратилъ его въ гульбище, впослѣдствіи не пользовавшееся особенно лестною репутаціей.

[2]) Никакъ не ранѣе 4-го числа, одновременно съ полученіемъ Пушкинымъ безыменныхъ писемъ.

однажды утромъ меня позвать къ себѣ и сказала: «Представь себѣ, какая странность! Я получила сегодня пакетъ на мое имя, распечатала и нашла въ немъ другое, запечатанное письмо съ надписью: Александру Сергѣевичу Пушкину. Что мнѣ съ этимъ дѣлать?» Говоря такъ, она вручила мнѣ письмо, на которомъ было дѣйствительно написано, кривымъ, лакейскимъ почеркомъ: Александру Сергѣевичу Пушкину. Мнѣ тотчасъ же пришло въ голову, что въ этомъ письмѣ что нибудь написано о моей прежней личной исторіи съ Пушкинымъ: что, слѣдовательно, уничтожать его я не долженъ, а распечатать не въ правѣ. Затѣмъ я отправился къ Пушкину, и, не подозрѣвая нисколько содержанія приносимаго мною гнуснаго пасквиля, передалъ его Пушкину. Онъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, распечаталъ конвертъ и тотчасъ сказалъ мнѣ:

— «Я ужъ знаю, что такое; я такое письмо получилъ сегодня-же отъ Елисаветы Михайловны Хитрово [1]): это мерзость противъ жены моей. Впрочемъ, понимаете, что безыменнымъ письмомъ я обижаться не могу. Если кто нибудь сзади плюнетъ на мое платье, такъ это дѣло моего камердинера вычистить платье, а не мое. Жена моя— ангелъ, никакое подозрѣніе коснуться ея не можетъ. Послушайте, что я по сему предмету пишу г-жѣ Хитрово». Тутъ онъ прочиталъ мнѣ письмо, вполнѣ сообразное съ его словами».

Вотъ этотъ ругательный дипломъ, написанный безвѣстнымъ негодяемъ, который былъ присланъ Пушкину. Приводимъ настоящій документъ единственно потому, что значеніе его въ жизни великаго поэта роковое: онъ былъ толчкомъ къ катастрофѣ, которою прервалась драгоцѣнная для всей Россіи жизнь великаго поэта.

«Les Grands Croix, Commandeurs et Chevaliers du sérénissime Ordre des Cocus réunis au Grand-Châpitre, sous la présidence du vénérable Grand-Maître de l'Ordre, S. E. D. L. Nar.....n, ont nommé à l'unanimité M-r Alexandre Pouchkin coadjuteur du Grand-Maître de l'Ordre des Cocus et historiographe de l'Ordre.

«Le secrétaire perpétuel C-te Rzk.»

---

[1]) Елисавета Михайловна Хитрово, рожденная княжна Кутузова-Смоленская (скончалась въ маѣ 1839 г.), по первому мужу—графиня Тизенгаузенъ. Письма къ ней ея родителя были напечатаны въ «Русской Старинѣ» (изд. 1871 и 1872 гг.). Когда петербургское общество, по поводу распри Пушкина съ Гекеренами, распалось на два лагеря, Елисавета Михайловна приняла сторону Пушкина и была его постоянною защитницею.—Есть указаніе, что къ ней (а не къ Олениной) относится стихотвореніе Пушкина «М. хвастунъ безстыдный» и пр. и что на нее же написана непзданная эпиграмма: «Лиза въ городѣ жила» и пр. (Срав. «Р. Архивъ» 1874 г., № 2, ст. 445, о Лизѣ гол.). П. Е.

Было прислано и второе анонимное письмо—дословное повтореніе предыдущаго. Оба письма имѣли одинаковый адресъ, написанный другою рукою, нежели былъ написанъ текстъ пасквилей: «Александру Сергѣевичу Пушкину».

«Въ сочиненіи гнуснаго пасквиля Пушкинъ подозрѣвалъ одну даму, которую мнѣ и назвалъ [1]). Тутъ онъ говорилъ спокойно, съ большимъ достоинствомъ и, казалось, хотѣлъ оставить все дѣло безъ вниманія. Только двѣ недѣли спустя узналъ я, что въ этотъ же день онъ послалъ вызовъ кавалергардскому поручику д'Антесу, усыновленному, какъ извѣстно, Гекереномъ. Я продолжалъ затѣмъ гулять, по обыкновенію, съ Пушкинымъ и не замѣчалъ въ немъ особой перемѣны. Однажды спросилъ я его только—не дознался-ли онъ, кто сочинялъ подметныя письма? Точно такія же письма были получены всѣми членами Карамзинскаго кружка, но истреблены ими тотчасъ по прочтеніи. Пушкинъ отвѣчалъ мнѣ, что не знаетъ, но подозрѣваетъ одного человѣка. «S'il vous faut un troisième, ou un second,—сказалъ я ему,—disposez de moi» [2]). Эти слова сильно тронули Пушкина и онъ мнѣ сказалъ тутъ нѣсколько такихъ лестныхъ словъ, что я не смѣю ихъ повторить; но слова эти остались отраднѣйшимъ воспоминаніемъ моей литературной жизни.

«Порадовавъ меня своимъ отзывомъ, Пушкинъ прибавилъ: «дуэли никакой не будетъ; но я, можетъ быть, попрошу васъ быть свидѣтелемъ одного объясненія, при которомъ свидѣтельство свѣтскаго человѣка (опять-таки свѣтскаго человѣка) мнѣ желательно, для надлежащаго заявленія въ случаѣ надобности». Все это было говорено по французски. Мы зашли къ оружейнику. Пушкинъ прицѣнивался къ пистолетамъ, но не купилъ, по неимѣнію денегъ. Послѣ того мы заходили еще въ лавку къ Смирдину, гдѣ Пушкинъ написалъ записку Кукольнику, кажется, съ требованіемъ денегъ. Я, между тѣмъ, оставался у дверей и импровизировалъ эпиграмму:

Коль ты къ Смирдину войдешь,
Ничего тамъ не найдешь,
Ничего ты тамъ не купишь:
Лишь Сенковскаго толкнешь....

---

[1]) Вѣроятно, княгиню Б—ю, о которой мы сказали выше. П. Е.

[2]) Если вамъ нуженъ третій или второй (секундантъ), располагайте мною! Непереводимый каламбуръ.

«Эти четыре стиха я сказалъ выходящему Александру Сергѣевичу, который съ необыкновенною живостью заключилъ:

Иль въ Булгарина наступишь!

«Я былъ совершенно покоенъ, такимъ образомъ, на счетъ послѣдствій письма, но черезъ нѣсколько дней долженъ былъ разувѣриться. У Карамзиныхъ праздновался день рожденія старшаго сына. Я сидѣлъ за обѣдомъ подлѣ Пушкина; онъ вдругъ нагнулся ко мнѣ и сказалъ мнѣ скороговоркой: «Ступайте завтра къ д'Аршіаку [1]). Условьтесь съ нимъ только на счетъ матеріальной стороны дуэли. Чѣмъ кровавѣе, тѣмъ лучше. Ни на какія объясненія не соглашайтесь». Потомъ онъ продолжалъ шутить и разговаривать, какъ-бы ни въ чемъ не бывало. Я остолбенѣлъ, но возражать не осмѣлился. Въ тонѣ Пушкина была рѣшительность, не допускавшая возраженій. Вечеромъ я поѣхалъ на большой раутъ къ австрійскому посланнику графу Фикельмону. На раутѣ всѣ дамы были въ траурѣ по случаю смерти Карла X. Одна Катерина Николаевна Гончарова, сестра Пушкиной (которой на раутѣ не было), отличалась отъ прочихъ бѣлымъ платьемъ. Съ ней любезничалъ д'Антесъ-Гекеренъ. Пушкинъ пріѣхалъ поздно, казался очень встревоженъ; запретилъ Катеринѣ Николаевнѣ говорить съ д'Антесомъ и, какъ узналъ я потомъ, самому д'Антесу высказалъ нѣсколько болѣе чѣмъ грубыхъ словъ. Съ д'Аршіакомъ, статнымъ, молодымъ секретаремъ французскаго посольства, мы выразительно переглянулись, но разошлись, не будучи знакомы. Д'Антеса я взялъ въ сторону, и спросилъ его, что онъ за человѣкъ? «Я человѣкъ честный,—отвѣчалъ онъ—и надѣюсь скоро это доказать». Затѣмъ онъ сталъ объяснять, что не понимаетъ, чего отъ него Пушкинъ хочетъ; что онъ поневолѣ будетъ съ нимъ стрѣляться, если будетъ къ тому принужденъ; но никакихъ ссоръ и скандаловъ не желаетъ. Ночь я, сколько мнѣ помнится, не могъ заснуть: я понималъ какая лежала на мнѣ отвѣтственность предъ всей Россіей. Тутъ уже было не то, что исторія со мной. Со мной,—я за Пушкина не боялся. Ни у одного русскаго на него бы рука не поднялась; но французу русской славы жалѣть было нечего.

«На другой день погода была страшная: снѣгъ, метель. Я по-

---

[1]) Виконтъ д'Аршіакъ пользовался особеннымъ расположеніемъ нашего высшаго круга, за свой умъ, любезность и вполнѣ свѣтское образованіе. Вскорѣ послѣ дуэли Пушкина онъ самъ погибъ отъ нечаяннаго выстрѣла на охотѣ.

ѣхалъ сперва къ отцу моему, жившему на Мойкѣ, потомъ къ Пушкину, который повторилъ мнѣ, что я имѣю только условиться на счетъ матеріальной стороны самаго безпощаднаго поединка—и, наконецъ, съ замирающимъ сердцемъ отправился къ д'Аршіаку. Каково же было мое удивленіе, когда съ первыхъ словъ д'Аршіакъ объявилъ мнѣ, что онъ самъ всю ночь не спалъ; что онъ, хотя не русскій, но очень понимаетъ, какое значеніе имѣетъ Пушкинъ для русскихъ, и что наша обязанность сперва просмотрѣть всѣ документы, относящіеся до порученнаго намъ дѣла. Затѣмъ онъ мнѣ показалъ:

1) Экземпляръ ругательнаго диплома на имя Пушкина.

2) Вызовъ Пушкина д'Антесу, послѣ полученія диплома.

3) Записку посланника барона Гекерена, въ которой онъ просилъ, чтобы поединокъ былъ отложенъ на двѣ недѣли.

4) Собственноручную записку Пушкина, въ которой онъ объявлялъ, что беретъ свой вызовъ назадъ, на основаніи слуховъ, что г. д'Антесъ женится на его невѣсткѣ (свояченицѣ) К. Н. Гончаровой.

«Я стоялъ пораженный, какъ будто свалился съ неба. Объ этой свадьбѣ я ничего не слыхалъ, ничего не вѣдалъ, и только тутъ понялъ причину вчерашняго бѣлаго платья, причину двухъ-недѣльной отсрочки, причину ухаживанія д'Антеса. Всѣ хотѣли остановить Пушкина; одинъ Пушкинъ того не хотѣлъ. Мѣра терпѣнія преисполнилась. При полученіи глупаго диплома отъ безыменнаго негодяя, Пушкинъ обратился къ д'Антесу, потому что послѣдній, танцуя часто съ Натальей Николаевной, былъ поводомъ къ мерзкой шуткѣ. Самый день вызова неопровержимо доказываетъ, что другой причины не было. Кто зналъ Пушкина, тотъ понимаетъ, что не только въ случаѣ кровной обиды, но что даже при первомъ подозрѣніи, онъ не сталъ бы дожидаться подметныхъ писемъ. Одному Богу извѣстно, что̀ онъ въ то время выстрадалъ, воображая себя осмѣяннымъ и поруганнымъ въ большомъ свѣтѣ, преслѣдовавшемъ его мелкими, безпрерывными оскорбленіями. Я твердо убѣжденъ, что если бы С. А. Соболевскій былъ тогда въ Петербургѣ [1]), онъ, по вліянію его на Пушкина, одинъ могъ бы удержать его. Прочіе были не въ силахъ.

— «Вотъ положеніе дѣла,—сказалъ д'Аршіакъ.—Вчера кончился двухъ-недѣльный срокъ и я былъ у г. Пушкина съ извѣщеніемъ, что мой другъ д'Антесъ готовъ къ его услугамъ. Вы понимаете, что д'Антесъ желаетъ жениться, но не можетъ жениться иначе, какъ

---

[1]) С. А. Соболевскій уѣхалъ за границу въ августѣ 1836 года.

если г. Пушкинъ откажется просто отъ своего вызова безъ всякаго объясненія, не упоминая о городскихъ слухахъ. Г. д'Антесъ не можетъ допустить, чтобъ о немъ говорили, что онъ былъ принужденъ жениться и женился во избѣжаніе поединка. Уговорите г. Пушкина безусловно отказаться отъ вызова. Я вамъ ручаюсь, что д'Антесъ женится и мы предотвратимъ, можетъ быть, большое несчастіе».

«Мое положеніе было самое непріятное: я только теперь узналъ сущность дѣла; мнѣ предлагали самый блистательный исходъ, то, что я и требовать и ожидать бы никакъ не смѣлъ, а между тѣмъ я же имѣлъ порученіе вести переговоры. Потолковавъ съ д'Аршіакомъ, мы рѣшились съѣхаться въ три часа у самого д'Антеса. Тутъ возобновились тѣ же предложенія, но въ разговорахъ д'Антесъ не участвовалъ, все предоставивъ своему секунданту. Никогда въ жизнь свою я не ломалъ такъ головы. Наконецъ, потребовавъ бумаги, я написалъ, по французски, къ Пушкину слѣдующую записку:

«Согласно вашему желанію, я условился на счетъ матеріальной стороны поединка. Онъ назначенъ 21-го ноября въ 8 часовъ утра, на Парголовской дорогѣ, на десять шаговъ барьера. Впрочемъ, изъ разговоровъ узналъ я, что г. д'Антесъ женится на вашей свояченицѣ, если вы только признаете, что онъ велъ себя въ настоящемъ дѣлѣ какъ честный человѣкъ. Г. д'Аршіакъ и я служимъ вамъ порукой, что свадьба состоится; именемъ вашего семейства умоляю васъ согласиться», и т. д.

«Точныхъ словъ я не помню, но содержаніе письма вѣрно. Очень мнѣ памятно число 21-го ноября, потому что 20-го было рожденіе моего отца, и я не хотѣлъ ознаменовать этотъ день кровавою сценой. Д'Аршіакъ прочиталъ внимательно записку, но не показалъ ея д'Антесу, не смотря на его требованіе, а передалъ мнѣ и сказалъ: «Я согласенъ. Пошлите». Я позвалъ своего кучера, отдалъ ему въ руки записку и приказалъ везти на Мойку, туда, гдѣ я былъ утромъ. Кучеръ ошибся и отвезъ записку къ отцу моему, который жилъ тоже на Мойкѣ и у котораго я тоже былъ утромъ. Отецъ мой записки не распечатывалъ, но, узнавъ мой почеркъ и очень встревоженный, выглядѣлъ (?!!) условія о поединкѣ. Однако, онъ отправилъ кучера къ Пушкину, тогда какъ мы около двухъ часовъ оставались въ мучительномъ ожиданіи. Наконецъ, отвѣтъ былъ привезенъ. Онъ былъ, въ общемъ смыслѣ, слѣдующаго содержанія: «Прошу гг. секундантовъ считать мой вызовъ недѣйствительнымъ, такъ какъ по городскимъ слухамъ (par le bruit public) я узналъ, что г. д'Антесъ женится на моей свояченицѣ. Впрочемъ, я готовъ признать, что въ настоящемъ

дѣлѣ онъ велъ себя честнымъ человѣкомъ».—«Этого достаточно!» сказалъ д'Аршіакъ; отвѣта д'Антесу не показалъ и поздравилъ его женихомъ. Тогда д'Антесъ обратился ко мнѣ съ словами:

—«Ступайте къ г. Пушкину и поблагодарите его, что онъ согласенъ кончить нашу ссору; я надѣюсь, что мы будемъ видаться какъ братья».

«Поздравивъ съ своей стороны д'Антеса, я предложилъ д'Аршіаку лично повторить эти слова Пушкину и ѣхать со мной. Д'Аршіакъ и на это согласился. Мы застали Пушкина за обѣдомъ. Онъ вышелъ къ намъ нѣсколько блѣдный и выслушалъ благодарность, переданную ему д'Аршіакомъ.

— «Съ моей стороны,—продолжалъ я,—я позволилъ себѣ обѣщать, что вы будете обходиться съ своимъ зятемъ (?) какъ со знакомымъ»...

—«Напрасно!—воскликнулъ запальчиво Пушкинъ.—Никогда этого не будетъ! Между домомъ Пушкина и домомъ д'Антеса ничего общаго быть не можетъ»...

«Мы грустно переглянулись съ д'Аршіакомъ. Пушкинъ затѣмъ немного успокоился.

—«Впрочемъ,—добавилъ онъ,—я призналъ и готовъ признать, что г. д'Антесъ дѣйствовалъ, какъ честный человѣкъ».

—«Больше мнѣ и не нужно!»—подхватилъ д'Аршіакъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

«Вечеромъ, на балѣ С. В. Салтыкова, свадьба была объявлена; но Пушкинъ д'Антесу не кланялся. Онъ сердился на меня, что, не смотря на его приказаніе, я вступилъ въ переговоры. Свадьбѣ онъ не вѣрилъ.

—«У него, кажется, грудь болитъ,—говорилъ онъ,—того гляди, уѣдетъ за границу. Хотите биться объ закладъ, что свадьбы не будетъ? Вотъ у васъ тросточка [1]), у меня бабья страсть къ этимъ игрушкамъ. Проиграйте мнѣ ее»!

—«А вы проиграйте мнѣ всѣ ваши сочиненія».

—«Хорошо!» (онъ былъ въ это время какъ-то желчно-веселъ).

—«Послушайте,—сказалъ онъ мнѣ черезъ нѣсколько дней [2]),—вы были болѣе секундантомъ д'Антеса, чѣмъ моимъ; однако я не хочу ничего дѣлать безъ вашего вѣдома. Пойдемте въ мой кабинетъ». Онъ

---

[1]) Какимъ образомъ графъ Соллогубъ могъ быть на балу съ тросточкою?

[2]) Слѣдовательно, въ послѣднихъ числахъ ноября 1836 года.

заперъ дверь и сказалъ: «я прочитаю вамъ мое письмо къ старику Гекерену. Съ сыномъ уже покончено... Вы мнѣ теперь старичка подавайте».

«Тутъ онъ прочиталъ мнѣ всѣмъ извѣстное письмо къ голландскому посланнику. Губы его задрожали, глаза налились кровью. Онъ былъ до того страшенъ, что только тогда я понялъ, что онъ дѣйствительно африканскаго происхожденія. Что могъ я возразить противъ такой сокрушительной страсти? Я промолчалъ невольно и такъ какъ это была суббота (пріемный день князя Одоевскаго), то поѣхалъ къ князю Одоевскому. Тамъ я нашелъ Жуковскаго и разсказалъ ему про то, что слышалъ. Жуковскій испугался и обѣщалъ остановить отсылку письма. Дѣйствительно, это ему удалось: черезъ нѣсколько дней [1]) онъ объявилъ мнѣ у Карамзиныхъ, что онъ дѣло уладилъ и письмо послано не будетъ. Пушкинъ, точно, не отсылалъ письма, но берегъ его у себя на всякій случай».

(Окончаніе слѣдуетъ).

[1]) Опять таже неясная фраза: «черезъ нѣсколько дней». Предположимъ, что—черезъ недѣлю послѣ послѣдняго визита графа—выйдетъ, что это было въ первыхъ числахъ декабря 1836 года.

add 10.

«РОДОСЛОВНАЯ»

АЛЕКСАНДРА СЕРГѢЕВИЧА ПУШКИНА.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 года, томъ XXVI, стр. 735, помѣщена замѣтка П. А. Ефремова, по поводу стихотворенія Пушкина «Моя родословная». Позволяю себѣ пополнить эту замѣтку сообщеніемъ, что подлинникъ этого стихотворенія, долго считавшійся утраченнымъ, къ счастію почитателей геніальнаго его автора, отысканъ и, чтобъ обезпечить его сохранность, онъ принесенъ мною въ даръ библіотекѣ университета св. Владиміра. Объ этомъ, впрочемъ, кромѣ «Университетскихъ Извѣстій», было сообщено и въ одной изъ кіевскихъ корреспонденцій «Новороссійскаго Телеграфа», а именно въ № 1378.

Къ этому слѣдуетъ прибавить, что университетскій экземпляръ не тотъ автографъ, который видѣлъ г. Ефремовъ въ магазинѣ Черкесова, а другой (вѣроятно, позднѣйшій). Въ этомъ убѣждаетъ, кромѣ варіантовъ, несходство самаго заглавія и отсутствіе помѣты «16-го октября 1830 года. Болдино».

Не излишнимъ считаю сдѣлать подробное описаніе самой рукописи, безъ всякаго сомнѣнія, написанной рукою Пушкина. Стихотвореніе написано на двухъ листахъ, вложенныхъ одинъ въ другой, сѣрой, грубой и необрѣзной бумаги, на которой противъ свѣта видны водные знаки: на одномъ полулистѣ А. Г., а на другомъ—1830 г. Первая страница занята однимъ заглавіемъ [1]):

Моя Родословная
или
Русской мѣщанинъ
вольное подражаніе
Лорду Байрону.

Страницы 3—6 и половина 7-й заняты строфами, подъ которыми подпись: А. Пушкинъ (литеры А и П связаны: «АПушкинъ»). Описываемый мною экземпляръ не можетъ быть признанъ черновымъ, ибо въ немъ всего только три помарки, а именно:

Послѣ стиха 17-го былъ сейчасъ же написанъ стихъ 20-й и перечеркнутъ (ясно, что это описка, а не поправка).—Стихъ 19-й былъ написанъ:

«Не пѣлъ съ придворными дьячками»,

---

[1]) Всѣ цитаты я привожу, придерживаясь точно оригинала. **И. С.**

а потомъ исправленъ:

«Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками».

Эта поправка, которая была и въ другомъ подлинникѣ, видѣнномъ г. Ефремовымъ, ясно показываетъ, что Пушкинъ долго колебался въ выборѣ между этими двумя редакціями стиха. — Наконецъ, стихъ 79-й былъ начатъ словомъ «Чесма», которое зачеркнуто.

Автографъ написанъ небрежною, разгонистою скорописью. Оставляя въ сторонѣ орѳографическія особенности рукописи, я, впрочемъ, рекомендую читателю обратить вниманіе на знаки препинанія послѣдняго стиха, который я привожу ниже, въ варіантахъ. Отличаясь отъ знаковъ препинанія въ изданіи «Русской Старины», они не безразличны при декламаціи этого стихотворенія.

Существованіе варіантовъ въ рукописи университетской, при сравненіи ея съ рукописью, изданною въ этомъ журналѣ, не можетъ, конечно, возбудить сомнѣнія о подлинности той или другой. Эти варіанты доказываютъ только разновременность ихъ редакцій, изъ коихъ ни одна не можетъ быть признана окончательною, такъ какъ при жизни автора стихотвореніе не было напечатано. Можетъ быть, современемъ найдутся и другіе подобные автографы, а редакціонныя отличія, по всей вѣроятности, найдутся въ каждомъ. Слово Чесма, которымъ былъ начатъ 79-й стихъ, ясно свидѣтельствуетъ, что у поэта была мысль о передѣлкѣ этого стиха. Въ виду этого, мнѣ кажется, что варіанты, встрѣчающіеся въ автографическихъ рукописяхъ, имѣютъ важное значеніе, а потому я и привожу ихъ съ самою тщательною точностію, подчеркивая слова, несходныя съ текстомъ, напечатаннымъ въ «Русской Старинѣ».

Стихъ 14 И слава Богу не одинъ,—
— 43 Съ Петромъ мой пращуръ не поладилъ
— 58 Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
— 59 И крови спѣсь угомонилъ [1]).
— 65 Видокъ Фигляринъ сидя дома,
— 81 Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный
— 83 Что-жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
— 84 Онъ?.... Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

Судя по этимъ варіантамъ, особенно въ стихахъ 14, 43 и 58-мъ, мнѣ кажется, редакцію университетской рукописи должно признать позднѣйшею, какъ болѣе совершенную или, лучше сказать, усовершенствованную.

Въ заключеніе настоящей замѣтки привожу все стихотвореніе Пушкина буквально по его автографу, нынѣ подаренному мною библіотекѣ кіевскаго университета св. Владиміра.

---

[1]) «И» въ этомъ стихѣ—очевидная описка.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ

ИЛИ

РУССКОЙ МѢЩАНИНЪ

вольное подражаніе

Лорду Байрону.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ
Писаки Рускіе, толпой,
Меня зовутъ аристократомъ:
Смотри пожалуй... вздоръ какой.
Я не лейб-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не Академикъ, не профессоръ,
Я просто—руской мѣщанинъ.

*
* *

Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей.
У насъ нова рожденьемъ знатност,
И чѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
И слава Богу не одинъ, —
Бояръ старинныхъ я потомокъ:
Я Мѣщанинъ! Я мѣщанин!

*
* *

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ Князья не прыгалъ изъ Хохловъ,
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками,
Не ваксилъ Царскихъ сапоговъ.
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ,
Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ.
Куда жъ мнѣ быть аристократом
Я слава богу мѣщанинъ.

*
* *

Мой предокъ Радша, службой бранной
Святому Невскому служилъ;
Его потомство гнѣвъ вѣнчанный
Иванъ IV пощадилъ.
Водились Пушкины съ Царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ.
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій Мѣщанинъ.

Смиривъ крамолы и коварство,
И ярост бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей Народъ,
Мы къ оной руку приложили,
Насъ жаловалъ страдальца сынъ,
Бывало нами дорожили.
Но я..... Я темный мѣщанинъ

*
* *

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ,
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой Пращуръ не поладилъ,
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой.
Не любитъ споровъ Властелинъ,
Не всякъ Князь Яковъ Долгорукой,
Счастливъ покорный мѣщанинъ.

*
* *

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся,
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ Карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И зародился — Мѣщанинъ.

*
* *

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ схоронилъ,
и не якшаясь съ новой знатью,
и крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ
Я Пушкинъ, просто, не мусинъ,
Я Самъ большой, не Передворецъ,
Я грамоте, я мѣщанинъ.

*
* *

PS.

Видокъ Фигляринъ сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ Купленъ за бутылку рома,
и въ руки Шкиперу попалъ.

Сей шкиперъ былъ—Тотъ Шкиперъ Славный,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ роднаго корабля:
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно Купленный арапъ
возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ—а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей вспылала,
и палъ впервые Наваринъ.
Рѣшилъ Фигляринъ вдохновенный:
Я во дворянствѣ—мѣщанинъ.—
Что жъ онъ, въ семьѣ своей почтенной?
Онъ?.. Онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

А Пушкинъ.

Примѣчаніе. При напечатаніи этого стихотворенія съ подлинника руки Пушкина, мною соблюдены всѣ его погрѣшности противъ правописанія. Прописныя буквы, знаки препинанія, стихи, начатые строчною буквой — все точно такъ, какъ въ подлинной рукописи.

Сообщ. **И. Г. Савенко.**

Отъ редакціи. Весьма признательные И. Г. Савенко за настоящее сообщеніе, долгомъ считаемъ напомнить, что именно П. А. Ефремову, уважаемому знатоку исторіи отечественной литературы и редактору имѣющаго выйти въ свѣтъ новаго изданія полнаго собранія сочиненій Пушкина, русская литература, между прочимъ, обязана первымъ сообщеніемъ подлинника «Родословной» Пушкина, помѣщенной въ «Русской Старинѣ» 1879 г., томъ XXVI; безъ сообщенія П. А. Ефремова, быть можетъ, кіевскій университетъ и не получилъ бы подарка, сдѣланнаго его библіотекѣ владѣльцемъ драгоцѣннаго автографа

Замѣтки и поправки.

Въ алфавитномъ указателѣ къ «Русской Старинѣ» 1879 г. ошибочно указанъ годъ рожденія Гоголя—1809 г. Изъ метрическаго свидѣтельства о его рожденіи, напечатаннаго В. П. Гаевскимъ въ «Современникѣ» 1852 г., томъ XXXV, отд. VI, стр. 141—148, видно, что Гоголь родился 20-го марта 1810 года. **А. Н. Гусевъ.**

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г. замѣчены слѣдующія погрѣшности и опечатки:

Въ XXVII т, въ статьѣ Я. М. Невѣрова о Грановскомъ вкралось нѣсколько описокъ въ правописаніи фамилій:

Извѣстный латинистъ Zumpt—названъ Zumpft (стр. 744).

Вмѣсто Гриза слѣдуетъ читать Гриса (стр. 746).

Вмѣсто Гервига слѣдуетъ читать Гервега (стр. 749). Тамъ же: Liter. Bilder aus dem Russlande—читай: L. B. aus Russland. Опять M-me Гервигъ вмѣсто Гервегъ.

На стр. 752 читаемъ Бееръ вмѣсто Беръ.

Въ XXVIII т., въ статьѣ Ад. П. Берже «Присоедин. Грузіи къ Россіи»:

Стр. 5	строка	18 сн.	напеч.:	праздненство;	слѣдуетъ:	празднество.
» 8	»	11 св.	»	шести	»	шерсти.
» 10	»	19 сн.	»	свои	»	своимъ.
» 28	»	12 св.	»	Каіехосро	»	Кайхосро.
» 29	»	18 сн.	»	портоваго пути	»	торговаго пути.
» 34	»	7 сн.	»	№ 922	»	№ 959.

А. С. ПУШКИНЪ.

Замѣтка о «Родословной» и выходка Ѳ. Булгарина.

По поводу текста «Моей родословной» А. С. Пушкина, который мы напечатали по автографу поэта въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXVI, стр. 735,—получена нами замѣтка отъ г. К—го, упрекающаго насъ, будто-бы мы «очевидно невѣрно» передали помѣту надъ стихотвореніемъ: вольное подражаніе лорду Байрону. «Вмѣсто лорду Байрону,—говоритъ г. К—й,—Пушкинъ несомнѣнно написалъ «Беранже», и это доказывается тѣмъ, что его стихотвореніе есть вполнѣ вольное, но, однакожъ, подражаніе пѣснѣ Беранже «Le vilain» и пр.

Мы можемъ отвѣтить только одно, что помѣта списана нами буквально съ рукописи, и поэтому если бы вмѣсто Байрона стоялъ даже измышленный самимъ Пушкинымъ Ченстонъ, то и его мы не смѣли бы перемѣнить на Беранже; а въ своей замѣткѣ къ стихотворенію мы потому болѣе и назвали помѣту Пушкина характерною, что она относится не къ формѣ стихотворенія, но къ его сущности, къ гордости старинным родомъ, которою его упрекали, какъ подражаніемъ Байрону, сначала Рылѣевъ и Бестужевъ (см. переписку съ ними 1825 г.), а впослѣдствіи Булгаринъ. Въ письмѣ къ брату, написанномъ какъ разъ послѣ укоровъ Рылѣева и Бестужева, Пушкинъ писалъ между прочимъ, чтобъ онъ выслалъ ему книгу о верховой ѣздѣ: «Хочу жеребцовъ выѣзжать—вольное подражаніе Alfieri и Байрону». Не знаемъ, чье имя или чьи имена тутъ, по мнѣнію г. К—го, несомнѣнно долженъ бы былъ написать Пушкинъ.

Столь-же неосновательнымъ мы считаемъ и второй упрекъ намъ въ замѣткѣ г. К—го, объ искаженіи стиха: «Я по кресту не дворянинъ», тогда какъ въ спискѣ, имѣющемся у г. К—го, онъ чи-

тается: «Не по кресту я дворянинъ». Не говоря уже о томъ, что списокъ не имѣетъ никакого значенія въ сравненіи съ подлинникомъ, ибо мало-ли чего напутаетъ переписчикъ, мы замѣтимъ только, что стихъ этотъ въ редакціи г. К—го противорѣчитъ всему отрицательному тону стихотворенія, и что прямое подтвержденіе: «не по кресту я дворянинъ» нисколько не вяжется съ слѣдующимъ за нимъ: «я просто русскій мѣщанинъ», т. е.: я дворянинъ, и я-же мѣщанинъ! Кромѣ того, стихъ, по редакціи г. К—го, имѣетъ такое значеніе: «Я дворянинъ не по кресту», т. е. хотя у меня и есть крестъ, но я дворянинъ не по немъ, а по старинамъ предкамъ. Креста-же, какъ извѣстно, у Пушкина вовсе не было.

Затѣмъ, мы получили еще замѣтку, съ укоромъ, будто неправильно прибавили неотносящіеся къ «Моей родословной» четыре послѣднихъ стиха: «Рѣшилъ Булгаринъ вдохновенный» и пр. Повторяемъ, что мы списывали съ рукописи, а въ ней они не только не отдѣлены, даже не отодвинуты ни на сколько отъ прочихъ 16-ти стиховъ, помѣщенныхъ въ «Post-Scriptum» стихотворенія.

Кстати приводимъ сообщенную намъ Григоріемъ Николаевичемъ Геннади выписку изъ «Сѣверной Пчелы», имѣющую непосредственное отношеніе къ стихотворенію Пушкина и въ особенности къ указанному «Post-Scriptum».

«Въ «Сѣверной Пчелѣ» 1830 г., № 94,—пишетъ г. Геннади,—помѣщенъ фельетонъ Ѳ. Б. (Булгарина): «Второе письмо изъ Карлова на Каменный Островъ». Въ концѣ выходки этого фельетона противъ критика альманаха «Денница» находятся слѣдующія строки:

«Лордство Байрона и аристократическія его выходки, при образѣ мыслей—Богъ вѣсть какомъ, свели съ ума множество поэтовъ и стихотворцевъ въ разныхъ странахъ, и всѣ они заговорили о шестисотлѣтнемъ дворянствѣ! Въ добрый часъ! Дай Богъ, чтобъ это вперило желаніе быть достойными знаменитыхъ предковъ (если у кого есть они); однакожъ, это не сдѣлаетъ глаже и умнѣе ни прозы, ни стиховъ. Разсказываютъ анекдотъ, что какой-то поэтъ въ Испанской Америкѣ, также подражатель Байрона, происходя отъ Мулата, или, не помню, отъ Мулатки, сталъ доказывать, что одинъ изъ предковъ его былъ Негритянскій Принцъ. Въ ратушѣ города доискались, что въ старину былъ процессъ между шкиперомъ и его помощникомъ за этого Негра, котораго каждый изъ нихъ хотѣлъ присвоить, и что шкиперъ доказывалъ, что онъ купилъ Негра за бутылку рому! Думали-ли тогда, что къ этому Негру признается стихотворецъ!—Vanitas Vanitatum».

Объ этой-то выходкѣ Булгарина и говорится въ постскриптумѣ «Моей родословной».

П. А. Ефремовъ.

Примѣчаніе. Профессоръ Кіевскаго университета В. С. Иконниковъ сообщилъ намъ, что ранѣе появленія въ «Русской Старинѣ» стихотворенія Пушкина «Моя родословная»—владѣтель драгоцѣннаго автографа этого стихотворенія, помощникъ библіотекаря университета И. Г. Савенко подарилъ его, т. е. автографъ, университету. Изъ выписки изъ протокола Совѣта университета о принятіи этого дара—видно, между прочимъ, что заглавіе стихотворенія одинаково съ тѣмъ, какъ оно напечатано П. А. Ефремовымъ: «Моя родословная или русскій мѣщанинъ. Вольное подражаніе Байрону». Ред.

Пушкинъ въ Кремлевскомъ дворцѣ

1826 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 года, томъ XXVII, стр. 130—145, въ біографическихъ замѣткахъ объ Александрѣ Сергѣевичѣ Пушкинѣ, я нашелъ, между прочимъ, такое свѣдѣніе:

«Разсказъ о какихъ-то очень подозрительныхъ стихахъ, потерянныхъ Пушкинымъ на лѣстницѣ Кремлевскаго дворца (въ началѣ сентября 1826 г., во время представленія императору Николаю Павловичу), сохранился въ кругу его знакомыхъ, увѣрявшихъ, будто бы они слышали о томъ отъ самого Александра Сергѣевича. Дѣло въ томъ, что Государь выразилъ, будто бы, желаніе узнать, нѣтъ ли при Пушкинѣ какого нибудь новаго стихотворенія. Пушкинъ вынулъ изъ кармана бумаги, захваченныя имъ второпяхъ при отъѣздѣ изъ Михайловскаго, но не нашелъ между ними никакого стихотворенія. Выходя изъ дворца и спускаясь по лѣстницѣ, Пушкинъ замѣтилъ на ступенькѣ лоскутъ бумажки, поднялъ его и узналъ въ немъ свои стихи къ друзьямъ, сосланнымъ въ Сибирь.... Эту бумажку онъ выронилъ, вынимая изъ кармана платокъ. Возвратясь въ гостинницу, онъ тотчасъ же сжегъ это стихотвореніе. Этотъ разсказъ, ходившій тогда въ кружкѣ знакомыхъ Пушкина, повторялъ впослѣдствіи и близкій пріятель Пушкина С. А. Соболевскій, но повторялъ съ нѣкоторыми варіантами. По его словамъ, потеря листка съ стихами была сдѣлана; но листокъ отыскался не во дворцѣ, а въ собственной квартирѣ Соболевскаго, куда Пушкинъ пріѣхалъ изъ дворца; самый листокъ заключалъ «Пророка» съ первоначальнымъ, впослѣдствіи измѣненнымъ, текстомъ послѣдней строфы:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи!
Позорной ризой облекись,
Иди—и съ вервіемъ на выи и пр.».

Авторъ статьи предпосылаетъ этому разсказу (на стр. 131—132), общее замѣчаніе, что всѣ «подробности представленія Пушкина императору Николаю», передаваемыя въ нѣсколькихъ варіантахъ,—«не особенно разнорѣчивы, но довольно сомнительной правдивости».

Я не понимаю, почему разсказъ объ одномъ и томъ же обстоятельствѣ, повторяемый безъ особеннаго разнорѣчія людьми, несомнѣнно близкими къ Пушкину (какъ, напримѣръ, Соболевскимъ), можетъ заслужить себѣ аттестацію «сомнительной правдивости»:—развѣ только потому, что онъ позже другихъ разсказовъ попалъ въ печать и что самъ Пушкинъ не упоминаетъ объ интересующемъ насъ обстоятельствѣ ни въ письмѣ къ П. А. Осиповой, ни въ своей изустной бесѣдѣ съ А. Г. Хомутовой? Но это обстоятельство имѣетъ на столько щекотливый характеръ, что разглашать его было вовсе неудобно какъ самому Пушкину, такъ и друзьямъ его,—тѣмъ болѣе, что въ это же время весьма бдительнымъ аргусомъ возлѣ великаго поэта сталъ шефъ жандармовъ, Бенкендорфъ.... Думаю, что ничѣмъ инымъ, кромѣ вынужденной скромности, нельзя объяснить и молчанія Соболевскаго, который только «впослѣдствіи», то есть по смерти Пушкина, разсказывалъ объ этомъ, да и то въ тѣсномъ кругу.

Что Соболевскій не выдумалъ этого факта,—я могу лично подтвердить тѣмъ, что подобный же разсказъ я слышалъ отъ покойнаго Алексѣя Владиміровича Веневитинова (сенатора и почетнаго опекуна, роднаго брата извѣстнаго поэта Дм. Влад. Веневитинова), который, до преклонныхъ лѣтъ, отличался замѣчательною памятью и, въ особенности, твердо помнилъ все то, что относилось къ порѣ его молодости. А. В. Веневитиновъ разсказывалъ мнѣ, что Пушкинъ, выѣзжая изъ деревни съ фельдъегеремъ, положилъ себѣ въ карманъ стихотвореніе «Пророкъ», которое, въ первоначальномъ видѣ, оканчивалось слѣдующею строфою:

Возстань, возстань, пророкъ Россіи,
Позорной ризой облекись
И съ вервьемъ вкругъ смиренной выи
Къ царю . . . . . явись!

(Послѣдніе два стиха составляютъ измѣненіе и дополненіе приведеннаго въ «Русской Старинѣ» варіанта). Являясь въ Кремлевскій дворецъ, Пушкинъ имѣлъ твердую рѣшимость, въ случаѣ неблагопріятнаго исхода его объясненій съ Государемъ, вручить Николаю Павловичу, на прощанье, это стихотвореніе. Счастливая судьба сбе-

регла для Россіи пѣвца «Евгенія Онѣгина», и благосклонный пріемъ Государя заставилъ Пушкина позабыть о своемъ прежнемъ намѣреніи. Поэтическое оружіе, захваченное имъ для самозащиты, такъ и осталось въ его карманѣ. Выходя изъ кабинета вмѣстѣ съ Пушкинымъ, Государь сказалъ, ласково указывая на него своимъ приближеннымъ: «Теперь онъ мой!»

Считаю нужнымъ прибавить, въ видѣ ручательства за правдивость этого разсказа, что А. В. Веневитиновъ былъ въ это время въ Москвѣ, что Пушкинъ въ домѣ Веневитиновыхъ читалъ во второй разъ своего «Бориса Годунова» (12-го сентября 1826 г.) и что, слѣдовательно, Алексѣй Владиміровичъ могъ слышать всю эту исторію изъ первыхъ устъ.

А. П. Пятковскій.

5-го февраля 1880 г.

Замѣтка къ поправкамъ и возраженіямъ по поводу «Записокъ о польскомъ возстаніи 1863—1864 гг.».

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 года, томъ XXVI, стр. 702—708, помѣщена Замѣтка Свиты Его Величества генералъ-маіора Валя о графѣ Ѳ. Ѳ. Бергѣ, гдѣ сказано, между прочимъ, что «авторъ Записокъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ относится къ графу Бергу недоброжелательно». Рѣшаюсь протестовать противъ этого выраженія. Быть недоброжелательнымъ къ одному только графу Бергу изъ нѣсколькихъ сотъ, мною изображенныхъ въ моемъ трудѣ, было бы очень странно и неестественно. Я не имѣю къ этому ни малѣйшихъ поводовъ и сохранилъ къ покойному фельдмаршалу, какъ къ частному человѣку, полное мое уваженіе, но — одно дѣло частныя отношенія и взгляды, другое дѣло отношенія къ кому либо историка и писателя. Тутъ надо всемѣрно стараться освободить себя отъ всякихъ субъективныхъ вліяній, вооружиться не одними собственными наблюденіями, а выслушать и отъ постороннихъ лицъ, что̀ можно, и прочесть, что̀ найдется прочесть. Составленная мною характеристика графа Ѳ. Ѳ. Берга основана на разсказахъ и запискахъ людей высокаго общественнаго положенія, знавшихъ Берга вдоль и поперегъ, и притомъ честныхъ и добросовѣстныхъ, которыхъ имена будутъ въ свое время оглашены. Я не отмѣчалъ «однѣ лишь слабости, проходя молчаніемъ многочисленныя заслуги покойнаго» (какъ говоритъ авторъ «Замѣтки» на стр. 703). Равно изъ написаннаго мною никакъ не выходитъ, чтобы «Графъ достигъ фельдмаршальскаго

жезла благодаря только своему искательству и усмирилъ польскій мятежъ 1863 года съ помощью своихъ странностей». Прошу автора «Замѣтки» еще разъ прочитать внимательно все то, что я написалъ о графѣ Бергѣ, не въ одной, а въ разныхъ книгахъ «Русской Старины» изд. 1879 г. Я коснулся и военныхъ, и дипломатическихъ его отличій, и его чрезвычайной, неусыпной энергіи въ уничтоженіи террора, охватившаго большія пространства. Не смотря, однако же, на все желаніе быть вполнѣ справедливымъ и точнымъ, я, какъ человѣкъ, очень близко стоявшій къ изображаемымъ событіямъ, для которыхъ нѣтъ еще надлежащей исторической дали, (о чемъ я и говорю въ заключеніи моихъ Записокъ, глава X, стр. 691), и какъ вообще человѣкъ,—могъ, конечно, сдѣлать ошибки, только ошибки неумышленныя. Могу положить въ этомъ случаѣ спокойно руку на сердце и смотрѣть прямо въ глаза кому угодно. Полагаю, что за меня, съ этой стороны, достаточно стоитъ все, напечатанное мною въ «Русской Старинѣ» и въ другихъ изданіяхъ. Я вездѣ говорю однимъ и тѣмъ-же языкомъ, не щадя никого, гдѣ это, по моему мнѣнію, нужно, даже людей, несравненно болѣе ко мнѣ близкихъ, чѣмъ графъ Бергъ.... Я могъ бы указать страницы, гдѣ я высказался съ полнымъ безпристрастіемъ прямо о моихъ личныхъ друзьяхъ, какъ равно похвалилъ все хорошее даже въ нашихъ лютыхъ врагахъ. Я не скрылъ, что красный безумецъ Вашковскій обладалъ рѣдкою энергіей и такою-же честностью (глава X, стр. 670); я имѣлъ смѣлость отыскать хорошія стороны въ дикой «бунчучной фигурѣ» Чаховскомъ (та же глава, стр. 652); я отнесся съ похвалою о военныхъ талантахъ тоже нашего лютаго врага Сигизмунда Хмѣленскаго; о выдающихся, геройскихъ свойствахъ Траугута, Краевскаго, Точискаго... и вдругъ, къ одному только графу Бергу я буду, ни съ того, ни съ сего, недоброжелателенъ! Буду, описывая его, вооружаться какимъ-то «невѣрнымъ увеличительнымъ стекломъ!!»

За всѣ указанія неточностей, случайно вкравшихся въ мой разсказъ о покушеніи противъ графа Берга, 7-го сентября 1863 г., приношу автору «Замѣтки» мою искреннюю благодарность и непремѣнно ими воспользуюсь при новомъ изданіи моихъ Записокъ. Напрасно авторъ «Замѣтки», обходя со мною домъ Замойскаго и разсказывая все, что онъ зналъ о днѣ 7-го сентября, не сообщилъ мнѣ и того, что теперь оглашаетъ печатью, или сообщилъ иначе. Въ источникахъ, которые мнѣ были доступны (офиціальные документы, брошюра Устимовича и разсказъ самого намѣстника Берга), все такъ, какъ у меня описано. О томъ, что графъ былъ въ этотъ день въ Сельце, сообщено мнѣ имъ самимъ. Конечно, онъ могъ забыть и пе-

репутать такія мелочи. Такъ точно имъ-же сообщена мнѣ и цифра «30 тысячъ человѣкъ солдатъ», разставлявшихся по улицамъ. Но я замѣчаю въ одномъ мѣстѣ, что графъ Бергъ говорилъ въ подобныхъ случаяхъ весьма приблизительно (глава IX, стр. 261). Однажды онъ разсказалъ мнѣ, что «по системѣ набора на исключительныхъ основаніяхъ, введенной тотчасъ по усмиреніи возстанія 1830—1831 годовъ, захвачено въ рекруты сто тысячъ человѣкъ». Это было ужъ до того приблизительно, что я не рѣшился нигдѣ упомянуть объ этой цифрѣ. Я сомнѣвался во многомъ, что̀ разсказывалъ мнѣ графъ Бергъ, можетъ, и вполнѣ искренно, однакоже рѣшился иное изъ этого сомнительнаго записать и напечатать: пусть время исправляетъ это, какъ хочетъ. Оно достаточно сильно, чтобы привести впослѣдствіи все къ должному историческому знаменателю. Вообще надо сказать, что графъ Бергъ относился къ исторіи какъ-то странно, по своему. Для него ничего не значило иное усилить, иное ослабить. Онъ разумѣлъ подъ исторіей что-то другое, а не то, что̀ обыкновенно разумѣютъ подъ исторіей въ Европѣ. Впрочемъ, многіе русскіе генералы хромаютъ на ту же ногу....

Въ заключеніе скажу (по поводу кое-какихъ мелочей, исправленныхъ у меня г. Валемъ, напримѣръ: пуля, а не картечь; книжная лавка, а не кондитерская; замокъ, а не домъ коменданта): сколько бы кто ни старался изобразить тѣ или другія событія вполнѣ точно и вѣрно, такъ, какъ они совершились на самомъ дѣлѣ,—никогда не достигнетъ желаемаго. И не въ этомъ суть исторіи. Какая масса фактовъ въ жизнеописаніи лицъ, игравшихъ важную историческую роль, до сихъ поръ изображается однимъ писателемъ такъ, другимъ иначе. Напримѣръ, многіе отрицаютъ переходъ Наполеона I, со знаменемъ въ рукѣ, черезъ мостъ, въ битвѣ подъ Арколе, что̀ извѣстно всякому гимназисту по рисункамъ, вездѣ разсѣяннымъ, къ чему такъ привыкъ цѣлый свѣтъ и, можетъ статься, долженъ отвыкнуть, когда будетъ доказано, что это—фактъ фантастическій. Въ 1879 г. явилась замѣтка въ разныхъ газетахъ, что брюки на императорѣ Наполеонѣ I, въ день прощанія его съ войсками въ Фонтенбло, были синіе, а не бѣлые, какъ изображалось донынѣ на всѣхъ картинахъ... и это узнали черезъ полвѣка слишкомъ! Полвѣка всѣ думали, что эти брюки были бѣлые! А ужъ, кажется, какъ перетрясли легіоны историковъ всякую бездѣлицу, касающуюся великаго военнаго генія Франціи! Возьмите-же въ соображеніе, г. авторъ «Замѣтки», направленной противъ меня, что я стою̀ покамѣстъ съ моими Записками о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ послѣ 1831 года—одинъ, на юру; я одинъ покамѣстъ собралъ все то въ книгу, относительно этого

предмета, что̀ было разбросано частями по разнымъ документамъ, что̀ живетъ на устахъ, въ преданіяхъ народа и въ разсказахъ разныхъ лицъ,—я одинъ! И потому мнѣ естественно въ иной бездѣлицѣ промахнуться, сколько бы я ни хлопоталъ объ истинѣ. Не писать же изъ боязни, что на иной историческій фактъ не такъ взглянешь, ошибешься—тоже нельзя: будетъ такою-же ошибкой. Слово современника, могущаго говорить, должно быть произнесено непремѣнно при его жизни. Такъ и я произнесъ свое слово современника сейчасъ послѣ событій, которымъ былъ свидѣтелемъ и полагаю, что найдутся люди, которые скажутъ мнѣ за это спасибо; полагаю даже, что не всѣ адъютанты графа Берга смотрятъ на дѣло глазами г. Валя....

Н. В. Бергъ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Г. АЛЕКСАНДРУ КЛОБУКОВСКОМУ.

Варшава—16-го января 1880 г.

Смѣлое слово современника какимъ либо событіямъ на то и существуетъ, чтобъ его поправляли современники: въ этомъ главныя его привиллегіи и выгоды сравнительно со словомъ позднѣйшимъ. Историческая истина вырабатывается замѣчаніями разныхъ лицъ, могущихъ судить о томъ или другомъ фактѣ, при нихъ совершившемся. Ваше открытое письмо ко мнѣ, отъ 5-го января нынѣшняго года, помѣщенное въ № 12-мъ «Голоса», было не первымъ словомъ современника, которое раздалось печатно послѣ появленія моихъ «Записокъ» о недавнемъ возстаніи Польши. Моя обязанность—выслушивать спокойно все, что̀ кому угодно будетъ сказать о моихъ «Запискахъ», выслушивать и принимать къ свѣдѣнію. Долженъ вамъ признаться откровенно, что въ вашемъ письмѣ поражаетъ меня болѣе всего то, что вы какъ-бы обижаетесь ролью, которую играетъ у меня дрезденскій агентъ народнаго правительства, считаете ее неприличною и невыгодною для чести поляка. Но что же неприличнаго для того, кто рѣшился идти по революціонной дорогѣ (а что вы шли по этой дорогѣ, вы не отказываетесь)—поступить въ высшее учрежденіе революціи, взять письмо у всѣми уважаемаго писателя и ѣхать съ нимъ къ лицу, стоящему въ эмиграціи довольно высоко, бывшему одно время главнымъ уполномоченнымъ агентомъ народнаго правительства за границей, и все это тогда, когда раздраженіе всѣхъ польскихъ захватовъ противъ Россіи дошло до самыхъ крайнихъ предѣловъ? Вѣдь не разъ приходилось вашимъ соотечественникамъ рѣшать трагическій вопросъ: гдѣ стать, подъ какое знамя: русское или нѣмецкое? И теперь обсуждается поляками тотъ же самый роковой вопросъ, и теперь, 16 лѣтъ спустя послѣ террора, господствовавшаго въ Царствѣ и въ западныхъ губерніяхъ, вызваннаго извѣстными всему свѣту обстоятельствами, и теперь находятся между поляками люди, принадлежащіе къ высшей интеллигенціи, которые вскакиваютъ за большими обѣдами на столъ и говорятъ противъ насъ

ромовыя рѣчи... но никто не ставитъ имъ это въ чрезвычайную вину: какъ поляки, они, можетъ быть, и правы...

Вы говорите въ вашемъ письмѣ, что никогда не вели никакихъ переговоровъ съ Тресковымъ, не брали писемъ отъ Крашевскаго и не ѣздили въ Hôtel Lambert—это другое дѣло и спорить съ этимъ никто не станетъ; но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобъ фактъ, разсказанный мною въ X-й главѣ моихъ «Записокъ» о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, на стр. 689—691, не существовалъ. Онъ былъ несомнѣнно. По крайней мѣрѣ, такимъ представляется мнѣ въ настоящую минуту, какъ основанный на показаніяхъ лицъ весьма почтенныхъ, поляковъ высшей интеллигенціи, и, при томъ, могущихъ кое-что знать. Исторія приметъ къ соображенію вашъ отказъ, время исправитъ всякія ошибки, вкравшіяся случайно въ мое и во всѣ прочія повѣствованія современниковъ о послѣднемъ возстаніи Польши, разъяснитъ, какъ надо, всѣ подробности и, если нужно, «отзоветъ» (по вашему выраженію) тѣ или другіе факты.....

Н. В. Бергъ.

Князь Петръ Черкасскій,

ГУБЕРНАТОРЪ СИМБИРСКІЙ.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 180, въ разсказахъ и замѣткахъ г. Богуславскаго помѣщена эпиграмма на бывшаго нѣкогда въ Симбирскѣ губернаторомъ князя Петра Черкасскаго.

Много протекло со времени этого губернаторства воды, много произошло перемѣнъ и въ правителяхъ и въ учрежденіяхъ, но хорошее останется хорошимъ и, конечно, жаль будетъ если достойнѣйшій начальникъ губерніи, за то только, что онъ былъ добрѣйшимъ семьяниномъ, унесетъ улыбку осмѣянія, между тѣмъ какъ онъ дѣйствительно достоинъ лучшей памяти. Да! князь Петръ Черкасскій оставилъ по себѣ въ Симбирской губерніи память добрую, какъ человѣкъ всесторонняго образованія, какъ преданный слуга своему Государю и Отечеству, какъ человѣкъ, который привлекалъ къ себѣ лучшія силы тогдашней молодежи! Эта молодежь занимала должности, которыя часто остаются нынѣ вакантными или замѣщаются зауряд. Около него были чиновниками особыхъ порученій: Юрій Ѳедоровичъ Самаринъ, Михаилъ Николаевичъ Островскій, Кашпировъ, Грибовскій; совѣтникомъ губернскаго правленія Владиміръ Трубниковъ. Эти молодые люди воодушевлялись примѣромъ старика, его строгимъ, образованнымъ, критическимъ отношеніемъ къ дѣлу. Приходя со службы, въ домѣ князя Черкасскаго встрѣчали миловидную, универсальнаго образованія дочь хозяина, и от-

дыхали въ непринужденномъ, порядочномъ обществѣ, можетъ быть, и нѣсколько высоко державшей жезлъ домашняго правленія, княгини.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и ежели архивы губернскаго правленія молчатъ о дѣлахъ покойнаго князя Черкасскаго, то живы люди, которымъ памятна дѣятельность какъ его, такъ и его молодыхъ тогда сослуживцевъ: это были образованные люди, которые, подъ началомъ просвѣщеннаго, опытнаго и человѣчнаго начальника, пріучились смотрѣть на дѣло управленія взглядомъ болѣе обширнымъ, нежели руководящіеся обыденнымъ кругозоромъ, открывающимся съ мѣстныхъ колоколенъ! Дѣятельность Островскаго извѣстна, какъ ближайшаго помощника незабвеннаго Татаринова по преобразованію государственнаго контроля; нынѣ онъ членъ государственнаго совѣта. Владиміръ Трубниковъ былъ видный борецъ по дѣлу крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, а Юрій Самаринъ будетъ жить въ памяти на Руси до тѣхъ поръ, покуда будетъ она имѣть гражданъ, преданныхъ своему отечеству!

Человѣкъ, который соединялъ около себя такія молодыя силы, видимо былъ человѣкъ необыденный: скажемъ-же ему спасибо, за то, что, будучи добрымъ человѣкомъ, хорошимъ правителемъ Симбирской губерніи, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ профессоромъ и педагогомъ.

Дмитрій П. Родіоновъ,
старожилъ Симбирской губерніи.

27-го января 1880 года.
С. Варко-Вешкайма.

Игнатій Сигизмундъ Хмѣленскій

† 7-го декабря 1863 г.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXV, стр. 546, въ примѣчаніи, приведено ошибочное свѣдѣніе о Сигизмундѣ Хмѣленскомъ, которое въ виду истины слѣдуетъ исправить.

Н. В. Бергъ пишетъ, что Хмѣленскій, по окончаніи курса въ одномъ изъ кадетскихъ корпусовъ, перешелъ въ Артиллерійское училище, а потомъ поступилъ въ Генеральный штабъ. Въ 1861 году умѣлъ, вмѣстѣ со многими военными поляками, перебраться на службу въ Царство Польское; въ 1862 году попросился въ отставку, но не получилъ ея.

Вотъ поправка: Хмѣленскій никогда не былъ ни въ Артиллерійскомъ училищѣ, ни въ Генеральномъ штабѣ; вышелъ въ офицеры въ 1854 году изъ Дворянскаго полка; въ 1859 году вся 4-я артиллерійская бригада 10-го мая прибыла въ Варшаву изъ Волынской губерніи. Никогда Хмѣленскій въ отставку не просился, а бѣжалъ за границу въ октябрѣ 1860 года. За вѣрность свѣдѣній ручаюсь.

С. Яцковскій.

Варшава, 28-го декабря 1879 г.

Акад 12

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

Стихотвореніе: «Моя родословная» по подлинной рукописи.

I.

Почти полстолѣтія спустя послѣ смерти Пушкина, намъ случайно удалось наконецъ увидѣть подлинную рукопись одного изъ лучшихъ его стихотвореній: «Моя родословная», считавшуюся утраченной.

Самое это стихотвореніе уже имѣетъ свою цѣлую литературную исторію. Вызванное нападками на аристократичность Пушкина тогдашнихъ критиковъ, и преимущественно Булгарина, оно было написано въ Болдинѣ, въ половинѣ октября 1830 г., но въ печати не появилось ни при жизни Пушкина, ни въ посмертномъ изданіи его сочиненій (1838—1841 г.), равно какъ и въ изданіи г. Анненкова, вышедшемъ въ 1855 г. Здѣсь были помѣщены только 12 стиховъ и то въ «Матеріалахъ для біографіи», составляющихъ 1-й томъ изданія (см. стр. 301), не смотря на то, что уже гораздо болѣе обширные отрывки были напечатаны еще въ 1846 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ», въ отдѣлѣ «смѣси», подъ скромнымъ заглавіемъ «Матеріаловъ для будущихъ издателей сочиненій Пушкина» (№ 4, отд. 6, стр. 118—119). Въ 1857 г. вышелъ VII-й, дополнительный, томъ Анненковскаго изданія, но и тутъ «Моя родословная» явилась сокращенною болѣе чѣмъ на половину. Рукопись этого тома была взята для просмотра кн. П. А. Вяземскимъ, бывшимъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, и передана имъ Н. Ѳ. Щербинѣ, числившемуся его чиновникомъ особыхъ порученій. Щербина показывалъ мнѣ эту рукопись и даже читалъ свою о ней записку. По-истинѣ можно было дивиться его придирчивости, ибо, напримѣръ, онъ признавалъ невозможнымъ печатаніе прекраснаго стихотворенія «Ольга, крестница Киприды», потому только, что въ этомъ стихѣ «смѣшанъ православный обрядъ съ миѳологическою богинею». Впрочемъ, князь Вяземскій не принялъ ни одного замѣчанія Щербины, но самъ вычеркнулъ мѣста нѣкоторыхъ стихотвореній, въ томъ числѣ бо́льшую часть «Родословной», сдѣлавъ однако и одну добавку: въ 8-й строфѣ вмѣсто буквы М. онъ написалъ «Мусинъ» и сбоку добавилъ: «такъ и печатать». Замѣчу также, что при стихотвореніи: «Синонимы—гостиная, салонъ», внесенномъ въ рукопись, князь отмѣтилъ, что это стихотвореніе его, а не Пушкинское.

Годъ спустя, въ «Библіографическихъ Запискахъ» (1858 г., № 11, ст. 348—349) появились еще три съ половиной строфы «Моей родословной», которыя однако г. Геннади не помѣстилъ въ текстъ стихотворенія, напечатаннаго въ Исаковскомъ изданіи, а внесъ въ «примѣчанія» къ стихотворенію.

Полная рукопись стихотворенія, какъ мы сказали выше, считалась утраченною и приведенные отрывки печатались по спискамъ, нерѣдко крайне искаженнымъ. Даже самый объемъ стихотворенія былъ неизвѣстенъ въ точности; такъ, напримѣръ, въ 1861 г., въ Сборникѣ стихотвореній русскихъ поэтовъ восемь строфъ были напечатаны подъ особымъ заглавіемъ: «Мѣщанинъ», и только остальныя двѣ строфы, безъ четырехъ заключительныхъ стиховъ, явились подъ именемъ «Моей родословной», при чемъ была даже сдѣлана такая помѣта: «Это неоконченное стихотвореніе многіе смѣшиваютъ съ стихотвореніемъ «Мѣщанинъ» и при перепискѣ соединяютъ обоихъ (!) въ одно. Но я лично отъ Пушкина знаю, что такое смѣшеніе незаконно». Кто этотъ авторитетный *я* — намъ неизвѣстно, но что онъ написалъ неправду или не понялъ словъ Пушкина, видно изъ открытой теперь рукописи.

Наконецъ, въ 1876 году въ «Рускомъ Архивѣ» (№ 10) г. Гербель напечаталъ будто-бы полный текстъ «Родословной». Оказывается однако, что г. Гербель также перепуталъ, потому что одно стихотвореніе разбилъ на три, изъ которыхъ первое напечаталъ подъ именемъ «Моей родословной» (стр. 235—237), а второе и третье подъ отдѣльными рубриками «эпиграммъ» на Ѳадея Булгарина (стр. 227), при чемъ и самый текстъ стихотворенія искаженъ противъ вѣрнаго текста Анненковскихъ отрывковъ, такъ что даже вмѣсто Пушкинскаго арапа поставленъ арабъ, что, конечно, не одно и то же.

II.

Не могу удержаться, чтобы не остановиться на указанной выше статьѣ г. Гербеля, такъ какъ она озаглавлена: „Для будущаго полнаго собранія сочиненій Пушкина“ и поэтому можетъ служить поводомъ къ обвиненію будущихъ издателей въ пропускахъ и измѣненіяхъ текста противъ указаній г. Гербеля. Во 1) онъ напечаталъ три стихотворенія вовсе не Пушкинскія: «Цѣль нашей жизни» (стр. 207), «Гараль и Гальвина» (стр. 223) и «Сошлися книжники» (стр. 226). Правда, лѣтъ 15—20 назадъ они встрѣча-

лись въ рукописныхъ сборникахъ съ именемъ Пушкина (въ томъ числѣ и въ моемъ), но съ тѣхъ поръ много воды утекло и, вѣроятно, только г. Гербелю неизвѣстно: кому именно они принадлежатъ (и при томъ не одному лицу, но пусть г. Гербель самъ поищетъ—кому). Во 2) какъ Пушкинское стихотвореніе, онъ напечаталъ эпиграмму на кн. Шаликова (стр. 226), тогда какъ это ничѣмъ не подтверждается, ибо, найдя это стихотвореніе въ одномъ рукописномъ сборникѣ (очень плохомъ), и теперь у меня хранящемся, я переписалъ его въ свой Пушкинскій сборникъ, а отъ меня оно и пошло по рукамъ, чему доказательствомъ служитъ 5-й мной лично ошибкою измѣненный при перепискѣ стихъ. Въ 3) изъ несомнѣнно Пушкинскихъ стихотвореній г. Гербель пропустилъ напечатанное въ томъ же «Русскомъ Архивѣ» (1866, № 4): «Изыде сѣятель сѣяти сѣмена свои» — и пропустилъ, по всей вѣроятности, потому, что руководился просмотромъ только «указателя» къ книгамъ „Русскаго Архива", а не самыхъ книгъ; въ указателѣ-же „Русскаго Архива" за 10-лѣтіе это стихотвореніе пропущено. Въ 4) изъ напечатаннаго мною въ «Современномъ Обозрѣніи» (1868, № 3) полнаго посланія «Къ Языкову», прерывавшагося прежде на полустихѣ, г. Гербель взялъ этотъ пропускавшійся конецъ съ печатавшимся полустихомъ и напечаталъ подъ именемъ особаго, небывалаго «Посланія къ И. И. Пущину» (стр. 216). Въ 5) въ текстѣ Пушкинскихъ стиховъ г. Гербель допустилъ измѣненія, безъ оговорокъ, что они сдѣланы имъ, а они иногда или пошлы, какъ Шкаликовъ (ст. 226) вмѣсто Шаликовъ, или вовсе нелѣпы, какъ агрономитъ (стр. 221), потому что такого слова ни въ какомъ языкѣ не существуетъ. Въ 6) въ спискѣ приписанныхъ Пушкину чужихъ стихотвореній г. Гербелемъ: а) не указано слона, — говоримъ слона, потому что это стихотвореніе можно было замѣтить въ Исаковскомъ изданіи какъ слона въ кунсткамерѣ, ибо оно напечатано даже два раза (т. I, стр. 551 и XXVI). Стихотвореніе это: «Псковъ», взятое г-мъ Геннади въ изданіе (да еще дважды) изъ „Русскаго Архива" 1869 г., № 10, тогда какъ въ № 12-мъ того же года было оговорено, что стихотвореніе это написано нѣкоимъ В. Панкратьевымъ (помнится, учителемъ уѣзднаго училища). б) Не указано также, что печатающееся въ Исаковскихъ изданіяхъ стихотвореніе «къ Е—ву» (къ Есакову) принадлежитъ Ознобишину (т. I, стр. 552). в) Не означено, что стихотворенія, сообщенныя, преимущественно г. Грековымъ, въ «Русское Слово», «Русскую Рѣчь», «Развлеченіе» и «Наше Время» съ именемъ Пушкина, крайне плохія («Смотрю печально», «Весь день отъявленный лѣнивецъ», «Я жизнь любилъ»,

«Тебѣ въ прощальныя мгновенья», (т. I, стр. 503—505 и 506), хотя и перепечатываются въ изд. Исакова, но не имѣютъ за собой рѣшительно никакого подтвержденія въ принадлежности Пушкину. Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, напримѣръ, въ «Нашемъ Времени» и въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1856 года, съ именемъ Лермонтова печатались несомнѣнныя стихотворенія г. Розенгейма, а г. Грековъ одно время сообщалъ въ журналы такъ много стихотвореній съ именами Лермонтова, Пушкина и др., и всѣ эти стихотворенія были до того плохи, что тогда же родилось подозрѣніе въ ихъ достовѣрности.—А вѣдь это необходимо имѣть въ виду будущимъ издателямъ Пушкина. г) Вовсе не указано нѣсколько стихотвореній, явившихся въ печати съ именемъ Пушкина, но ему не принадлежащихъ, какъ, напримѣръ, „Воспитанница музъ, прелестна Катерина“ — въ „Свѣточѣ“ и т. п. Въ 7) Въ томъ же спискѣ, напротивъ, совершенно бездоказательно отрицается г. Гербелемъ принадлежность Пушкину нѣкоторыхъ стихотворныхъ замѣтокъ, тогда какъ многія изъ нихъ, по имѣющимся указаніямъ, несомнѣнно принадлежатъ Пушкину, напримѣръ: „Нашъ пріятель Пушкинъ Левъ“, „Ахъ, какія чудеса!“, „Булгаринъ вотъ полякъ примѣрный“, „На диво намъ и всей Европѣ“, и вовсе неуказанныя г. Гербелемъ: „Какъ отъ снѣжнаго Алтая“, „Эпитафія духовнику Анны Львовны“, на гр. Аракчеева, кн. Голицына, кн. Дондукова-Корсакова и др.

Въ заключеніе я долженъ указать на одно стихотвореніе, дважды являвшееся въ печати съ именемъ Пушкина еще при жизни его. Послѣднее обстоятельство особенно важно въ томъ отношеніи, что Пушкинъ былъ очень щекотливъ въ своей литературной дѣятельности и крайне внимательно слѣдилъ за всѣмъ печатавшимся съ его именемъ. Въ письмахъ къ брату онъ, напримѣръ, не разъ сердился на А. А. Бестужева и Кюхельбекера за небрежное печатаніе его стихотвореній („Наяда“, Море“ и др.) и даже не хотѣлъ за это давать имъ ничего новаго. Когда же появились, даже не съ его именемъ, а съ нѣсколько двусмысленною подписью Ап., его лицейскія стихотворенія въ «Сѣверной Звѣздѣ» 1829 г., то Пушкинъ не замедлилъ оговорить, что они принадлежатъ ему, но написаны давно и при печатаніи искажены издателемъ альманаха. Стихотвореніе, о которомъ я говорю, помнится, было перепечатано въ «Современникѣ», но навѣрное не утверждаю, потому что не могъ теперь его отыскать. Въ первый же разъ оно появилось въ 1828 г. въ Москвѣ: «Романсъ—Я очарованъ былъ прекрасной—слова А. Пушкина. Музыку посвящаетъ Богдану Андреевичу Макарову А. Гурилевъ. Ценз. И. Снегиревъ». Въ Москвѣ я лично зналъ Макарова, но „романсъ“ попался мнѣ уже въ Петербургѣ въ началѣ

1860-хъ годовъ и на запросъ мой о немъ, я къ сожалѣнію получилъ въ отвѣтъ, что Макаровъ не задолго умеръ на кавказскихъ водахъ.— Сверхъ появленія въ видѣ нотъ, этотъ же романсъ былъ напечатанъ, съ именемъ же Пушкина и съ измѣненіемъ перваго стиха, въ 1831 г. въ московскомъ альманахѣ: „Эвтерпа, или собраніе новѣйшихъ романсовъ, балладъ и пѣсенъ извѣстнѣйшихъ и любимѣйшихъ русскихъ поэтовъ" (стр. 163). Не смотря на пошлое заглавіе альманаха, онъ, по видимому, былъ составленъ не промышленникомъ-спекулянтомъ, а лицомъ близкимъ къ тогдашнимъ литературнымъ кружкамъ. Доказательствомъ этому служитъ, что почти всѣ вошедшія въ альманахъ стихотворенія въ большинствѣ принадлежатъ Пушкину, Баратынскому, Дельвигу, кн. Вяземскому, Туманскому, Плетневу, Веневитинову, К. Аксакову, Языкову и пр. и приведены по нѣскольку, въ хорошемъ выборѣ, тогда какъ именъ менѣе извѣстныхъ поэтомъ очень мало и всегда при одномъ только стихотвореніи. Затѣмъ встрѣчаются имена А. А. Бестужева, К. Ѳ. Рылѣева, В. К. Кюхельбекера и Полежаева, которыя тогдашними обычными собирателями стихотворныхъ альманаховъ совершенно исключались. При этомъ стихотвореніе Полежаева «Кто видѣлъ образъ мертвеца» напечатано вполнѣ, тогда какъ во всѣхъ изданіяхъ его сочиненій, и прежде и послѣ, исключался одинъ стихъ. Точно также изъ Жуковскаго напечатано пять стихотвореній, изъ которыхъ одно—«Роза весенній цвѣтъ»—было напечатано въ «Вѣстникѣ Европы» 1808 г. безъ имени Жуковскаго, и кромѣ «Эвтерпы» нигдѣ не перепечатывалось ни съ именемъ, ни безъ имени автора и внесено только въ 7-е, послѣднее собраніе сочиненій Жуковскаго (1878 г.), по указанію гр. Блудова, сдѣланному имъ при печатаніи дополнительныхъ томовъ къ 5-му изданію, такъ что составитель альманаха могъ узнать о принадлежности этого стихотворенія Жуковскому или отъ него самого или отъ людей близкихъ поэту.

Вотъ напечатанное съ именемъ Пушкина стихотвореніе:

Я палъ предъ алтаремъ прекрасной,
Я пѣлъ безумныя мечты,
И кто-бъ поклонникъ не былъ страстной
Ея небесной красоты?
Я пѣлъ ее. Но гимнъ хвалебный
До слуха ей не достигалъ,
Въ душѣ родясь, онъ умиралъ!
Ни вздохъ любви, ни взоръ волшебный
Моихъ стиховъ не оживлялъ,
И что̀ ей дань восторговъ шумныхъ?

О, вѣрю! ей, какъ небесамъ,
Не нуженъ смертныхъ фиміамъ,
Ни дикій крикъ толпы безумныхъ!

III.

Послѣ долгаго вступленія, перехожу наконецъ къ рукописи «Моей родословной». Много лѣтъ тому назадъ, именно 4-го апрѣля 1873 г., мнѣ предложили въ бывшемъ магазинѣ Черкесова пріобрѣсть эту рукопись, оставшуюся въ свое время у переписчика, которому Пушкинъ отдавалъ перебѣлять свои стихи. Первый же взглядъ убѣдилъ въ несомнѣнности Пушкинскаго почерка. Она написана на двухъ несогнутыхъ листахъ и, по видимому, представляетъ окончательно-отдѣланное стихотвореніе, потому что помарокъ почти нѣтъ. Текстъ почти совпадаетъ съ приведеннымъ г. Анненковымъ (въ отрывкахъ), а одинъ совершенно неловкій стихъ послѣдующихъ добавленій къ отрывкамъ Анненкова—по рукописи дѣлается совершенно яснымъ, не говоря уже о мелкихъ неточностяхъ позднѣйшихъ редакцій. Характерна также помѣта при заглавіи, не являвшаяся въ печати. Рукопись эту пріобрѣсть тогда я не могъ, по просилъ дозволенія переписать, что и сдѣлалъ въ магазинѣ же карандашомъ, на-скоро, такъ что изъ зачеркнутыхъ словъ, замѣненныхъ другими, къ сожалѣнію, нѣкоторыя не отмѣтилъ. Тщетно прождавъ нѣсколько лѣтъ, что кто нибудь пріобрѣтетъ эту рукопись и напечатаетъ ея текстъ, я года два тому назадъ началъ самъ розыскивать владѣльца ея: оказалось, что онъ уѣхалъ куда-то на югъ Россіи. Можетъ быть, до него дойдутъ настоящія строки и онъ не откажетъ переслать подлинникъ въ редакцію «Русской Старины». А пока вотъ сдѣланная мной копія.

МОЯ РОДОСЛОВНАЯ.

Вольное подражаніе

лорду Байрону.

Смѣясь жестоко надъ собратомъ,
Писаки русскіе толпой
Зовутъ меня аристократомъ—
Смотри пожалуй вздоръ какой!
Я не лейбъ-кучеръ, не ассесоръ,
Я по кресту не дворянинъ,
Не академикъ, не профессоръ,
Я просто русскій мѣщанинъ!

Понятна мнѣ временъ превратность,
Не прекословлю, право, ей:
У насъ нова рожденьемъ знатность,
И чѣмъ новѣе—тѣмъ знатнѣй.
Родовъ униженныхъ обломокъ,
Я, слава Богу, не одинъ—
Бояръ старинныхъ я потомокъ,
Я мѣщанинъ, я мѣщанинъ!

Не торговалъ мой дѣдъ блинами,
Въ князья не прыгалъ изъ хохловъ,
Не пѣлъ на крылосѣ съ дьячками [1]),
Не ваксплъ царскихъ сапоговъ,
И не былъ бѣглымъ онъ солдатомъ
Нѣмецкихъ пудреныхъ дружинъ—
Куда-жъ мнѣ быть аристократомъ?
Я, слава Богу, мѣщанинъ!

Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ,
Его потомство Гнѣвъ Вѣнчанной—
Иванъ Четвертый пощадилъ!
Водились Пушкины съ царями;
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ поляками
Нижегородскій мѣщанинъ!

Смиривъ крамолы и коварство
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ—

[1]) Вмѣсто зачеркнутаго: «Не пѣлъ съ придворными дьячками».

Мы къ оной руку приложили;
Насъ жаловалъ страдальца сынъ;
Бывало нами дорожили,
Но я—я темный мѣщанинъ!

Упрямства духъ намъ всѣмъ подгадилъ:
Въ родню свою неукротимъ,
Съ Петромъ мой прадѣдъ не поладилъ
И былъ за то повѣшенъ имъ.
Его примѣръ будь намъ наукой—
Не любитъ споровъ властелинъ,
Не всякъ князь Яковъ Долгорукой...
Счастливъ покорный мѣщанинъ!

Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго Двора,
Какъ Минихъ, вѣренъ оставался
Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой—въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился—мѣщанинъ.

Подъ гербовой моей печатью
Я свитокъ грамотъ сохранилъ,
И, не якшаясь съ новой знатью,
Я крови спѣсь угомонилъ.
Я неизвѣстный стихотворецъ,
Я Пушкинъ просто—не Мусинъ;
Я самъ большой, не царедворецъ,
Я грамотѣй, я мѣщанинъ!

P. S.

Видокъ-Булгаринъ, сидя дома,
Рѣшилъ, что дѣдъ мой Ганнибалъ
Былъ купленъ за бутылку рома
И въ руки шкипера попалъ.
Сей Шкиперъ былъ тотъ Шкиперъ славной,
Кѣмъ наша двигнулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державной
Кормѣ роднаго корабля.
Сей Шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ!
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ средь гибельныхъ пучинъ
Громада кораблей вспылала
И палъ впервые Наваринъ!

Рѣшилъ Булгаринъ вдохновенный,
Что я въ дворянствѣ мѣщанинъ,
Кто-жъ онъ въ семьѣ своей почтенной?
Онъ.... онъ въ Мѣщанской дворянинъ.

16-го октября 1830 г. Болдино.

Мы не приводимъ варіантовъ съ напечатаннымъ текстомъ, потому что всякій желающій самъ можетъ сличить новый текстъ съ прежнимъ [1]). Замѣтимъ только, что 1-й и 2-й стихи 4-й строфы до сихъ поръ печатались:

«Мой предокъ ради службы бранной
Святому Невскому служилъ.

Между тѣмъ какъ въ 1-мъ стихѣ прямо указывается предокъ Пушкиныхъ Радша, выѣхавшій изъ Германіи въ XIII столѣтіи.

П. А. Ефремовъ.

Графиня К. П. Клейнмихель.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1879 г., томъ XXVI, въ «Запискахъ Богуславскаго», на страницѣ 546, сказано, между прочимъ, что графъ П. А. Клейнмихель, послѣ развода съ первою своею женой, вступилъ въ бракъ съ Нелидовой. Это ошибка: второю женою графа была Клеопатра Петровна Хорватъ, рожденная Ильинская. Мать второй супруги графа, Елисавета Никаноровна, рожденная Переверзева, была замужемъ сперва за генераломъ П. Ильинскимъ, а потомъ за генераломъ Ильей Михайловичемъ Дука, однимъ изъ славныхъ участниковъ войны 1812-го года. У генерала Ильинскаго въ числѣ прочихъ дѣтей были: Клеопатра Петровна, вышедшая замужъ за ген. Хорвата и, впослѣдствіи, за П. А. Клейнмихеля, и Елисавета Петровна, вышедшая замужъ за Арк. Арк. Нелидова. Отъ И. М. Дука осталась только одна дочь Александра Ильинишна, бывшая замужемъ за сыномъ знаменитаго нашего историка Н. М. Карамзина, сенаторомъ Владиміромъ Николаевичемъ Карамзинымъ, скончавшимся 7-го августа 1879 года, въ Курской губерніи.

Донатъ Бриттикъ.

---

[1]) Списки «Моей Родословной» были чрезвычайно распространены между современниками Пушкина. Еще недавно мы получили въ бумагахъ доктора П. П. Сущинскаго († 1879) два списка «1831 года»; оба они, по количеству строфъ, одинаковы съ текстомъ, нынѣ изданнымъ П. А. Ефремовымъ, но изобилуютъ ошибками. Ред.

Покража кота.

«Въ Томскую градскую полицію отъ губернскаго стряпчаго Сунцова сообщеніе. Бывшій при разборной старыхъ дѣлъ, въ вѣдомствѣ моемъ, губернскій регистраторъ Полковъ, не сказавши ни мнѣ, ни сторожу, унесъ къ себѣ казенную лагушку [1]), по неимѣнію которой теперь сторожу воды принести нечѣмъ. Да означенныя дѣла крайне ѣдятъ мыши, къ уничтоженію коихъ имѣлъ я собственнаго моего кота, но и его упоминаемой Полковъ тихимъ же ходомъ [2]) унесъ, въ чемъ я его уже изобличилъ, и на то есть свидѣтели. Для того прошу оную полицію приказать, какъ лагушку, такъ и кота моего отъ него, Полкова, отобрать и отдать сторожу Степану Балахнину. Таковые поступки Полкова предоставляю полиціи на сужденіе съ просьбою, дабы онъ впредь не осмѣливался чинить оные, то не можно ли взять законныя средства. Губернскій стряпчій Сунцовъ».

«№ 16. 20 марта 1812 г. Городъ Томскъ».

Сообщ. въ 1874 г. С. И. Гуляевъ.

---

[1]) Лагу̀шка (отъ лагнȕ)—шайка, сосудъ съ двумя днами, верхнимъ и нижнимъ, съ прямымъ носкомъ, изъ котораго льютъ въ другую посуду находящуюся въ лагу̀шкѣ жидкость. Вмѣсто носка иногда дѣлается на верхнемъ днѣ отверстіе, затыкаемое деревяннымъ гвоздемъ.

[2]) «Тихимъ ходомъ»—тайно; унести тихимъ ходомъ значитъ—украсть. С. Г.

Arch. B (8)

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПУШКИНЪ

1799—1837.

IX. [1])

Разсказу гр. Соллогуба сопоставляемъ теперь воспоминанія К. К. Данзаса, о томъ же самомъ періодѣ времени, т. е. отъ 4-го ноября до первыхъ чиселъ декабря 1836 года. Безыменныя письма, по его словамъ, Пушкинъ получилъ вслѣдъ за отказомъ д'Антесу отъ своего дома...

«Вслѣдъ за этимъ Пушкинъ получилъ нѣсколько анонимныхъ записокъ на французскомъ языкѣ; всѣ онѣ слово-въ-слово были одинаковаго содержанія, дерзкаго, неблагопристойнаго. Авторомъ этихъ записокъ Пушкинъ подозрѣвалъ барона Гекерена-отца и даже писалъ объ этомъ графу Бенкендорфу. Приводимъ подлинное письмо Пушкина:

21 Novembre 1836.

Monsieur le comte! Je suis en droit et je me crois obligé de faire part à votre excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille. Le matin du 4 novembre, je reçus trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je reconnu dès le premier moment, qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société d'un diplomate. J'allai aux recherches. J'appris que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse, sous double enveloppe. La plûpart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1879 г., т. XXIV, стр. 773—778. Т. XXV, стр. 371—388; 671—690. Т. XXVI, стр. 291—328; 505—522. Изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 129—148; т. XXVII, стр. 69—104; 317—336.

On fut, en général, indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable, on disait que le pretexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait M-r Dantès.

Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accollé, en cette occasion, avec le nom de qui que ce soit. Je le fis dire à M-r Dantès. Le baron de Heckern vient chez moi et accepta un duel pour M-r Dantès, en me demandant un delai de 15 jours.

Il se trouve, que dans l'intervalle accordé, M-r Dantès devint amoureux de ma belle-soeur M-lle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage. Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander à M-r d'Archiak (second de M-r Dantès) que ma provocation fût regardée comme non avenue. En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de M-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvérnement et la société.

Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquent ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux, ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

En tout cas, j'espère, M-r le comte, que cette lettre est une preuve du respêct et de la confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être M-r le comte, votre très humble et très obéissant serviteur. A. Pouchkin.

(Переводъ). Графъ! Считаю, что я въ правѣ и даже обязанъ сообщить вашему сіятельству о томъ, что произошло въ моемъ семействѣ. Утромъ 4-го ноября я получилъ три экземпляра безыменнаго письма оскорбительнаго для моей собственной и для жены моей чести. По виду бумаги, по слогу письма, по его редакціи, я съ первой же минуты догадался, что оно отъ иностранца, человѣка высшаго круга, дипломата. Я сталъ розыскивать. Узнаю, что семь, или восемь особъ въ тотъ же день получили по экземпляру такого же письма, запечатаннаго и адресованнаго на мое имя, подъ двойнымъ конвертомъ. Бо́льшая часть лицъ, его получившихъ, подозрѣвая гнусность не переслали его ко мнѣ.

Вообще негодовали на столь подлую и незаслуженную обиду; но, повторяя, что поведеніе жены моей безукоризненно, говорили, что поводомъ къ этой гнусности послужило настойчивое ухаживанье за нею г. д'Антеса.

Не мнѣ было допустить, чтобы, въ данномъ случаѣ, имя жены моей было связано съ чьимъ бы то ни было именемъ. Я поручилъ передать это г. д'Антесу. Баронъ Гекеренъ пріѣхалъ ко мнѣ и принялъ вызовъ за г. д'Антеса прося у меня двухъ-недѣльной отсрочки.

Случилось такъ, что въ этотъ условленный промежутокъ времени, д'Антесъ влюбился въ мою свояченицу, дѣвицу Гончарову, и сталъ просить ея руки. Узнавъ объ этомъ по общественнымъ слухамъ, я поручилъ попросить г. д'Аршіака (секунданта г. д'Антеса) смотрѣть на мой вызовъ, какъ на несостоявшійся. Между тѣмъ я удостовѣрился, что безыменное письмо было отъ г. Гекерена, о чемъ считаю долгомъ увѣдомить правительство и общество.

Будучи единымъ судьею и блюстителемъ моей и женниной чести, а потому не требуя ни правосудія, ни мщенія, я не могу и не хочу кому бы то ни было предъявлять доказательства того, что̀ утверждаю.

Во всякомъ случаѣ, надѣюсь, графъ, что это письмо служитъ доказательствомъ уваженія и довѣрія моего къ особѣ вашей. Съ этими чувствами имѣю честь быть и проч.

X.

«Надо думать (говоритъ Данзасъ), что отказъ д'Антесу отъ дома не прекратилъ гнусной интриги. Оскорбительные слухи и записки [1]) продолжали раздражать Пушкина и вынудили его, наконецъ, покончить съ тѣмъ, кто былъ видимымъ поводомъ всего этого. Онъ послалъ д'Антесу вызовъ черезъ офицера генеральнаго штаба Клементья Осиповича Россета [2]). Д'Антесъ, принявъ вызовъ Пушкина, просилъ на двѣ недѣли отсрочки.

«Между тѣмъ вызовъ этотъ сдѣлался извѣстнымъ Жуковскому, кн. Вяземскому и барону Гекерену—отцу [3]). Всѣ они старались потушить исторію и разстроить дуэль. Гекеренъ, между прочимъ, объявилъ Жуковскому, что если особенное вниманіе его сына къ г-жѣ Пушкиной и было принято нѣкоторыми за ухаживаніе, то все-таки тутъ не можетъ быть мѣста никакому подозрѣнію, никакого повода къ скандалу, потому что баронъ д'Антесъ дѣлалъ это съ благородной цѣлью, имѣя намѣреніе просить руки сестры г-жи Пушкиной, К. Н. Гончаровой.

«Отправясь съ этимъ извѣстіемъ къ Пушкину, Жуковскій совѣтовалъ барону Гекерену, чтобы сынъ его сдѣлалъ какъ можно скорѣе предложеніе свояченицѣ Пушкина, если онъ хочетъ прекратить всѣ враждебныя отношенія и неосновательные слухи.

«Вслѣдствіе-ли совѣта Жуковскаго, или вслѣдствіе прежде предположеннаго имъ намѣренія, но д'Антесъ на другой или въ тотъ-же день (когда-же именно?) сдѣлалъ предложеніе и зимой въ 1836 году была его свадьба съ дѣвицей Гончаровой [4]).

---

[1]) Когда Пушкинъ отказалъ д'Антесу отъ дома, д'Антесъ нѣсколько разъ писалъ его женѣ (по словамъ Данзаса); Наталья Николаевна всѣ эти письма показывала мужу.

[2]) Сначала Пушкинъ просилъ быть своимъ секундантомъ секретаря англійскаго посольства Мегниса, но тотъ отказался, ссылаясь на общественное свое положеніе.

[3]) Совершенное противорѣчіе тому, что говоритъ Пушкинъ въ своемъ письмѣ къ графу Бенкендорфу.

[4]) Зимою 1836 года свадьбы не могло быть: у насъ не вѣнчаютъ съ первой половины ноября до первыхъ чиселъ января слѣдующаго года.

«Во весь промежутокъ этого времени, не смотря на оскорбительные слухи и дерзкія анонимныя записки, Пушкинъ, сколько извѣстно, не измѣнилъ съ женою самыхъ нѣжныхъ, дружескихъ отношеній, сохранилъ къ ней прежнее довѣріе и не обвинялъ ее ни въ чемъ. Онъ очень любилъ и уважалъ свою жену и возведенная на нее гнусная клевета глубоко огорчила его: онъ возненавидѣлъ д'Антеса и, не смотря на женитьбу его на Гончаровой, не хотѣлъ съ нимъ помириться. На свадебномъ обѣдѣ, данномъ графомъ Строгановымъ въ честь новобрачныхъ, Пушкинъ присутствовалъ, не зная цѣли этого обѣда, заключавшейся въ условленномъ заранѣе нѣкоторыми лицами примиренія его съ д'Антесомъ [1]). Примиреніе это однако-же не состоялось и когда, послѣ обѣда, баронъ Гекеренъ-отецъ, подойдя къ Пушкину, сказалъ ему, что теперь, когда поведеніе его сына совершенно объяснилось, онъ, вѣроятно, забудетъ все прошлое и измѣнитъ настоящія отношенія свои къ нему на болѣе родственныя, Пушкинъ отвѣчалъ сухо, что, не взирая на родство, онъ не желаетъ имѣть никакихъ отношеній между его домомъ и г. д'Антесомъ.

«Со свояченицей своей во все это время Пушкинъ былъ милъ и любезенъ по прежнему и даже весело подшучивалъ надъ нею, по случаю свадьбы ея съ д'Антесомъ. Разъ, выходя изъ театра, Данзасъ встрѣтилъ Пушкиныхъ и поздравилъ К. Н. Гончарову, какъ невѣсту(?) д'Антеса; при этомъ Пушкинъ сказалъ шутя Данзасу: «ma belle soeur ne sait pas maintenant de quelle nation elle sera: russe, française ou hollandaise?» (Теперь моя свояченица не знаетъ, какой она будетъ націи: русской, французской, или голландской?)».

Послѣдующія событія, о которыхъ разсказывалъ К. К. Данзасъ, относятся, по времени, къ январю 1837 года—и потому возвращаемся къ воспоминаніямъ графа Соллогуба.

«Въ началѣ декабря (говоритъ онъ) я былъ командированъ въ Харьковъ къ графу Г. А. Строганову, и выѣхалъ, совершенно успокоенный, въ Москву. Въ Москвѣ я заболѣлъ и пролежалъ два мѣсяца. Передъ отъѣздомъ я пошелъ проститься съ д' Аршіакомъ, который показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ бланковъ съ разными шутовскими дипломами на разныя нелѣпыя званія. Онъ разсказалъ мнѣ, что вѣнское общество цѣлую зиму забавлялось разсылкою подобныхъ мисти-

---

[1]) Въ разсказѣ А. Н. Амосова, записывавшаго указанія Данзаса, нѣтъ хронологической послѣдовательности. Обѣдъ происходилъ въ половинѣ января 1837 г.; а на слѣдующей страницѣ разсказчикъ говоритъ о К. Н. Гончаровой, какъ о невѣстѣ.

фикацій. Тутъ находится тоже печатный образецъ диплома, посланнаго Пушкину. Такимъ образомъ гнусный шутникъ, причинившій его смерть, не выдумалъ даже своей шутки, а получилъ образецъ отъ какого-то члена дипломатическаго корпуса и списалъ [1]). Кто былъ виновнымъ, оставалось тогда еще тайной непроницаемой. Послѣ отъѣзда, д'Антесъ женился и былъ хорошимъ мужемъ(?) и теперь, по кончинѣ жены, весьма нѣжный отецъ (трогательно!). Онъ пожертвовалъ собой(?), чтобъ избѣгнуть поединка. Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но, какъ человѣкъ вѣтреный, онъ и послѣ свадьбы, встрѣчаясь на балахъ съ Натальей Николаевной, подходилъ къ ней и балагурилъ съ нѣсколько казарменною непринужденностью. Взрывъ былъ неминуемъ и произошелъ несомнѣнно отъ площаднаго каламбура. На балѣ у графа Воронцова, женатый уже, д'Антесъ спросилъ Наталью Николаевну, довольна-ли она мозольнымъ операторомъ, присланнымъ ей его женою. «Le pédicure prétend, прибавилъ онъ, que votre cor est plus beau que celui de ma femme» [2]). Пушкинъ объ этомъ узналъ. Въ письмѣ его къ посланнику Гекерену есть намеки на этотъ каламбуръ. Письмо, впрочемъ, было то же самое,

---

[1]) Австрійскимъ посланникомъ былъ графъ Фикельмонъ, а супруга его покровительница д'Антеса. Изобрѣтеніе подметныхъ писемъ могло имѣть здѣсь свое начало.

[2]) «Мозольной операторъ увѣряетъ, что ваша мозоль лучше мозоли моей жены». Игра словъ cor (мозоль) и corps (тѣло).

Есть другой разсказъ по поводу пошлости, сказанной д'Антесомъ переполнившей чашу терпѣнія Пушкина:

Однажды Пушкинъ, гуляя въ саду вдовы Карамзиной, увидѣлъ д'Антеса въ концѣ аллеи на колѣняхъ предъ его женою, цѣлующимъ ея руки. Пушкинъ поспѣшилъ къ нимъ; тогда Наталья Николаевна встрѣтила мужа словами: «Тебѣ нечего удивляться изліянію радости г. д'Антеса—онъ просилъ руки моей сестры и я согласилась на ихъ бракъ!» ...Бракъ этотъ состоялся. Затѣмъ, по открытіи зимняго сезона, открылись и залы Карамзиной. Въ толпѣ, молодые люди поздравляли новобрачнаго д'Антеса, изъявляя преувеличенныя похвалы о красотѣ молодой, по сравненію съ ея сестрою, т. е. Натальею Николаевною Пушкиной, которая была прекрасна лицомъ. Д'Антесъ при этомъ позволилъ себѣ сказать: «Je suis maintenant à même de dire, que tout le corps de M-me Pouchkine ne vaut pas le cor du pied de ma femme!». Пушкинъ, проходя, слышалъ эти слова.

Сообщаемое было мнѣ передано, много лѣтъ тому назадъ, а именно въ концѣ сороковыхъ годовъ, Матвѣемъ Михайловичемъ Карніолинъ-Пинскимъ, бывшимъ впослѣдствіи, первымъ, по времени, первоприсутствующимъ кассаціоннаго уголовнаго департамента сената. Карніолинъ-Пинскій былъ всю жизнь большой пріятель съ сенаторомъ Данзасомъ, однимъ изъ секундантовъ Пушкина. Весьма можетъ быть, что и свѣдѣнія эти получилъ онъ отъ Данзаса, хотя положительно этого теперь не припомню.

Сообщ. **Д. П. Родіоновъ.**

которое онъ мнѣ читалъ за два мѣсяца—многія мѣста я узналъ; только прежнее было, если я не ошибаюсь, длиннѣе, и какъ оно ни покажется невѣроятнымъ, еще оскорбительнѣе».

О времени, предшествовавшемъ отсылкѣ этого письма, К. К. Данзасъ разсказываетъ слѣдующее:

«Сухое и почти презрительное обращеніе, въ послѣднее время, Пушкина съ барономъ Гекереномъ, котораго Пушкинъ не любилъ и не уважалъ, не могло не озлобить противъ него такого человѣка, каковъ былъ Гекеренъ. Онъ сдѣлался отъявленнымъ врагомъ Пушкина, и, скрывая это, началъ вредить тайно поэту. Будучи совершенно убѣжденъ въ невозможности помирить Пушкина съ д'Антесомъ, чего онъ даже едва-ли и желалъ, но относя негодованіе перваго единственно къ чрезмѣрному его самолюбію и ревности, мстительный голландецъ тѣмъ не менѣе продолжалъ показывать видъ, что хлопочетъ объ этомъ ненавистномъ Пушкину примиреніи, понимая очень хорошо, что это дастъ ему поводъ безнаказанно и безпрестанно мучить и оскорблять своего врага. Съ этою цѣлью, съ помощью другихъ, подобно ему враговъ Пушкина, а иногда и недогадливыхъ друзей поэта, онъ постоянно заботился о встрѣчахъ его съ д'Антесомъ; заставлялъ сына своего писать къ нему письма, въ которыхъ д'Антесъ убѣждалъ его забыть прошлое и помириться. Такихъ писемъ Пушкинъ получилъ два: одно, еще до обѣда, бывшаго у графа Строганова, на которое и отвѣчалъ за этимъ обѣдомъ барону Гекерену на словахъ то, что мы сказали уже выше, т. е. что онъ не желаетъ возобновлять съ д'Антесомъ никакихъ отношеній. Не смотря на этотъ отвѣтъ, д'Антесъ пріѣзжалъ къ Пушкину со свадебнымъ визитомъ; но Пушкинъ его не принялъ. Вслѣдъ за этимъ визитомъ, который д'Антесъ сдѣлалъ Пушкину, вѣроятно, по совѣту Гекерена, Пушкинъ получилъ второе письмо отъ д'Антеса. Это письмо Пушкинъ, не распечатывая, положилъ въ карманъ и поѣхалъ къ бывшей тогда фрейлинѣ госпожѣ Загряжской, съ которою былъ въ родствѣ. Пушкинъ черезъ нее хотѣлъ возвратить письмо д'Антесу; но встрѣтясь у нея съ барономъ Гекереномъ, онъ подошелъ ко нему и, вынувъ письмо изъ кармана, просилъ барона возвратить его тому, кто писалъ его, прибавивъ, что не только читать писемъ д'Антеса, но даже о имени его онъ слышать не хочетъ.

«Вѣрный принятому имъ намѣренію—постоянно раздражать Пушкина, Гекеренъ отвѣчалъ, что такъ какъ письмо это писано было Пушкину, а не къ нему, то онъ и не можетъ принять его.

«Этотъ отвѣтъ взорвалъ Пушкина, и онъ бросилъ письмо въ лицо Гекерену со словами: «Tu la recevra, gredin!» (примешь, шушера!).

«Послѣ этой исторіи, Гекеренъ рѣшительно ополчился противъ Пушкина и въ петербургскомъ обществѣ образовалось двѣ партіи: одна за Пушкина, другая за д'Антеса и Гекерена.—Партіи эти дѣйствуя враждебно другъ противъ друга, одинаково преслѣдовали поэта, не давая ему покоя [1]).

На сторонѣ барона Гекерена и д'Антеса былъ, между прочими, и покойный графъ Бенкендорфъ, не любившій Пушкина. «Однимъ только этимъ нерасположеніемъ (говоритъ Данзасъ) и можно объяснить что дуэль Пушкина не была остановлена полиціей. Жандармы были посланы, какъ онъ слышалъ, въ Екатерингофъ, будто-бы по ошибкѣ, думая, что дуэль должна была происходить тамъ, а она была за Черной рѣчкой, около комендантской дачи...

«Партизаны враждующихъ сторонъ раздѣлялись весьма страннымъ образомъ, напримѣръ: одна часть офицеровъ кавалергардскаго полка, товарищей д'Антеса, была за него, другая за Пушкина; князь Бѣлосельскій былъ за Пушкина, а княгиня, жена его, противъ Пушкина, за д'Антеса, вѣроятно, по случаю родства своего съ графомъ Бенкендорфомъ. Замѣчательно, что почти всѣ тѣ изъ великосвѣтскихъ дамъ, которыя были на сторонѣ Гекерена и д'Антеса, не отличались блистательною репутаціей и не могли служить примѣромъ нравственности; въ число ихъ Данзасъ не вмѣшиваетъ, однако, княгиню Бѣлосельскую.

«Борьба этихъ партій заключалась въ томъ, что въ то время какъ друзья Пушкина и все общество, бывшее на его сторонѣ, старались всячески опровергать и отклонять отъ него всѣ распускаемые врагами поэта оскорбительные для него слухи, отводить его отъ встрѣчъ съ Гекереномъ и д'Антесомъ—противная сторона, наоборотъ, усиливалась ихъ сводить вмѣстѣ, для чего нарочно устраивали балы, вечера, гдѣ жена Пушкина вдругъ неожиданно встрѣчала д'Антеса.

«Зная, какъ всѣ эти обстоятельства были непріятны для мужа, Наталья Николаевна предлагала ему уѣхать съ нею, на время, куда нибудь изъ Петербурга; но Пушкинъ, потерявъ всякое терпѣніе, рѣ-

---

[1]) Старушка, няня дѣтей Пушкина, разсказывала впослѣдствіи, что въ декабрѣ 1836 г. и въ началѣ января 1837 года Александръ Сергѣевичъ былъ словно самъ не свой: онъ, или по цѣлымъ днямъ разъѣзжалъ по городу, или, запершись въ кабинетѣ, бѣгалъ изъ угла въ уголъ. При звонкѣ въ прихожей, выбѣгалъ туда и кричалъ прислугѣ: «если письмо по городской почтѣ—не принимать», а самъ, вырвавъ письмо изъ рукъ слуги, бросался опять въ кабинетъ и тамъ что-то громко кричалъ по французски. «Тогда, бывало, къ нему и съ дѣтьми не подходи (заключала няня), раскричится и вонъ выгонитъ».

шился кончить это иначе. Онъ написалъ барону Гекерену, въ весьма сильныхъ выраженіяхъ, извѣстное письмо, которое и было окончательною причиной роковой дуэли поэта».

Письмо это, написанное еще 21-го ноября 1836 года, въ черновомъ наброскѣ хранилось у Пушкина «на черный день». Первоначальная его редакція была дѣйствительно «еще оскорбительнѣе», какъ замѣчаетъ графъ Соллогубъ. Два черновыя подлинныя письма Пушкина, находящіяся въ распоряженіи редакціи «Русской Старины», даютъ возможность сличить первоначальное изложеніе съ тѣмъ, которое Пушкинъ оставилъ окончательно въ письмѣ, посланномъ къ Гекерену.

Нѣсколько клочьевъ синей золотообрѣзной почтовой бумаги большаго формата, съ набросками письма на русскомъ и французскомъ языкахъ, чернилами и карандашомъ. Имена Гекерена, д'Антеса; слова: ma femme, lettre, nom (жена, письмо, имя) попадаются на прерванныхъ строчкахъ, часто перечеркнутыхъ. Очевидно, это самые первоначальные наброски, хаотическій безпорядокъ еще не сложившійся въ энергичную рѣчь [1]).

(Письмо, къ которому не достаетъ многихъ лоскутовъ. Скобками означены вставки и зачеркнутыя мѣста, а точками—недостающіе куски):

Monsieur le Baron

Avant tout permettez-moi de fa . . . . . .
de ce qui vient de se pa . . . . . .
La conduite de M-r v. . . . . .
connue et ne pouvait . . . . . .
(comme elle était restrein. . . . . .
convenances, et que d'ail . . . . . point . . . . . .
ma femme méritait ma confiance et y . . . . . .
pect, je me contentais du rôle d'observa . . . . . .
à intervenir lorsque je le jugerai à p . . . . . .
savoir bien qu'une belle figure, une p. . . . . .
malheureuse, une persévérance de deux. . . . . .
. . . . . toujours par produire un . . . . . .
. . . . . d'une jeune personne et qu'alors le . . . . . .
. . . . . moins qu'il ne fut un sot, deviendrait . . . . . .
. . . . . rellement le confident de sa femme et le . . . . . .
. . . . . e sa conduite. (Je vous avouerai que je n'étais. . . . . .
. . . . . s inquiétude). Un incident, que dans tout . . . . . ment
m'eut été très desagréable, vint . . . . . .

---

[1]) Черновые подлинники, изорванные въ клочки самимъ Пушкинымъ, найдены въ его кабинетѣ. Они весьма обязательно подарены въ 1870 г. редактору «Русской Старины» А. П. Заблоцкимъ-Десятовскимъ, которымъ, въ свою очередь, получены отъ одного изъ лицъ разбиравшихъ послѣ смерти Пушкина его бумаги. При настоящей книгѣ «Русской Старины» приложены геліографическіе снимки съ лоскутковъ этого роковаго письма, первыхъ двухъ его редакцій. Кромѣ того сохранилось еще 10 лоскутковъ письма Пушкина, но столь мелкихъ, что ихъ нельзя подобрать.

. . . . . sement me tirer d'affaire. Je reçus des-
. . . . . ymes (en attendant). Je vu que le moment etait venu
. . . . . etai. Vous savez le reste. Je fis jouer à. . . . . .
. . . . . si grotesque et si pitoyable . . . . . .
. . . . . de tout de plattitude, ne . . . . . .
. . . . . et que l'emotion que peut- . . . . . .
. . . . . pour cette grande et sublime . . . . . .
. . . . . s'éteignit (dans) le dégout le plus calme et . . . .
. . . . (le) mérite. (Je suis obligé) Vous me permettrez d'obser- . . . .
. . . . . (v)ous, Monsieur le Baron, quel (a été votre rôle) à . . . .
. . . . . toute cette affaire (n'es) Vous le representant d' . . . .
. . . . . ronnée vous avez été (paternellent) le maquereau . . . .
. . . . de votre (bâtard) ou soi disant bâtard; toute la conduite . . . .
de ce jeune homme a été dirigée par vous. . . . . .
c'est vous qui lui dictiez les pauvretés . . . . . .
débiter et les niaiseries qu'il s'est m . . . . . .
semblable à une obsène vieille vous al . . . . . .
ma femme dans tous les coins pour lui pa . . . . . .
fils, et lorsque malade de vérole il etoit re . . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
fils une conférance, ou . . . . . .
un coup quel'on croyoit. . . . . .
nyme fut composée par . . . . . .
je reçus trois exemplai(res) . . . . . .
l'on avoit distribuée. . . . . .
eté fabriquée avec si peu de précaution, ...
prémier coup d'oeil (je fus sur les trâc . . . . . .
teur). Je ne m'en inquiétois plus, j'eto(is) . . . . . .
trouver mon (mes) drôle. Effecti(vement), c' . . . . . .
jours de récherches, je savois positi(vement), c' . . . . . .
. . . . . non, et quelque soit son
. . . . . pas assez vengé, ni par
. . . . . t M-r votre fils, ni par
. . . . . (e)ut l'air d'une bonne
. . . . . m'embarasse fort peu) ni
. . . . . par la lettre que j'ai l'honneur de vous é-
. . . . . dont je garde la copie pour mon usage
. . . . . ir. Je veux que vous vous donniez le peine
. . . . . vous même les raisons qui seroient suffi-
. . . . . m'engager à ne pas vous cracher à la fi-
. . . . . (an)éantir jusqu'à la trâce de cette misérable

(Переводъ). Господинъ баронъ. Прежде всего позвольте мнѣ сд(ѣлать)
. . . . . того что пр(оизошло) . . . . . .
Поведеніе вашего (сына) . . . . . .
извѣстно и не могло. . . . . .
какъ оно было сдержано. . . . . .
приличій, и что (впрочемъ). . . . . отнюдь . .

моя жена заслуживала моего довѣрія и (уваженія) . . . . . .
я довольствовался ролью наблю(дателя) . . . . . .
вмѣшаться когда признаю къ (стати) . . . . . .
хорошо зналъ, что красивое лицо, (страсть) . . . . . .
несчастную, постоянство въ теченіе двухъ . . . . . .
. . . . всегда производятъ . . . . . .
. . . молодой особы и что тогда (мужъ) . . . . . .
. . если только онъ не дуракъ, сдѣлается (естественно) повѣреннымъ своей жены и—ея поведеніе (признаюсь вамъ я былъ...—опасеній. Случай, который (во всякое другое время) былъ бы мнѣ очень непріятенъ (къ счастію) выпуталъ меня изъ затрудненія). Я получилъ (безыменныя) письма. Я увидѣлъ, что минута наступила . . . . . .
. . . . . состоянія. Вы знаете остальное. Я заставилъ играть (вашего) . . . . . шутовскую и жалкую, ...
. . . . . такой пошлостью, не . . . . . .
. . . . и что волненіе, которое (можетъ быть) . . . . . .
. . . . къ этой великой и возвышенной . . . . . .
. . . . угасло (въ) отвращеніи самомъ спокойномъ и . . . . . .
. . . заслуженномъ . . . . . .
. . . Вы, господинъ баронъ, какая была ваша роль . . . во . . . . . всемъ этомъ дѣлѣ. Вы, представитель (коронованной особы), вы были сводникомъ вашего (ублюдка), такъ называющагося ублюдка; все поведеніе этого молодаго человѣка было направляемо . . . . . Вы диктовали ему жалкія пошлости . . . . . глупыя краснобайства, которыя онъ . . . . . Подобно какой нибудь старухѣ-безстыдницѣ вы . . . . . (искали) мою жену, по всѣмъ угламъ, чтобы (говорить) ей) . . . . . (о вашемъ) сынѣ, и когда онъ, больной любострастной болѣзнью, былъ . . . . . .
. . . . сыномъ, разговоръ, или . . . . . .
ударъ, который, какъ полагали . . . . . .
(безыменное письмо) было сочинено . . . . . .
я получилъ три экземпляра . . . . . .
были розданы . . . . . .
смастерили съ такими ничтожными предосторожностями . . . . . .
съ перваго взгляда я напалъ на слѣдъ (сочинителя). Я болѣе не безпокоился, я (былъ) . . . . . .
отыскать моего (монхъ) шутника (овъ). Дѣйствительно . . . . . .
. . . дней розысковъ, я зналъ (положительно) . . . . . .
. . . . . .
нѣтъ, и каково бы ни было. . . . . .
и вашего сына не достаточно отмщенъ ни . . . . . ни . . . . .
видомъ добраго . . . . . .
(нимало меня не затрудняетъ) ни письмомъ, которое имѣю честь вамъ (писать) . . . . копію съ котораго храню у себя наслучай надобности . . .
Я хочу, чтобы вы взяли на себя трудъ . . . . . .
вы сами причины, которыхъ будетъ (достаточно) чтобы заставить меня не плюнуть вамъ въ (лицо). . . . . .
уничтожить самый слѣдъ этого подлаго . . . . . .

Monsieur le Baron, Avant tout permettez moi de faire le résumé de tout ce qui vient de se passer. La conduite se M-r votre fils m'était entièrement connue et ne pouvait m'être indifférente; mais comme elle était restreinte dans les bonnes des convenances et que d'ailleurs je savais combien ma femme méritait ma confiance et mon . . . . . t, sauf . . . . . sur . . . . . mari, à moins qu'il ne fut un sot, deviendrait tout naturellement le confident de sa femme et le maître de sa conduite. Je vous avouerai que je n'etais pas sans inquiètude. Un incident, qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint, fort heureusement, me tirer d'affaire: je reçus des lettres anonymes. Je vis que le moment été venu, et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à M-r votre fils un rôle si grotesque et si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de plattitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion que, peut être, avait elle ressenti pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le dégoût le plus calme et le mieux mérité.

Mais vous, Monsieur le baron, quel a été votre rôle à vous dans toute cette affaire? Vous le représentant d'une tête couronnée, vous avez éte le (maquereau) . . . . . vous avez guétté (ma femme) . . . . . les coins pour lui parler de votre fils, et lorsque malade de vérole, il était retenu chez lui (par) des remèdes, vous disiez, infâme que vous êtes, qu'il se mourrait d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez-moi mon fils. — Ce n'est pas tout.

(Vous voyez que j'en suis long; mais attendez ce n'est pas tout: je vous disais bien que l'affaire se compliquait. Revenons aux lettres anonymes. Vous vous doutez bien qu'elles vous intéressent).

Le 2 de Novembre vous eûtes cru M-r votre fils à la suite d'une . . . . . [coup de plaisir. Il vous dit . . . . . té que ma femme cré] . . . . lettre anonyme . . . . . (elle en perdait la tête) . . . . frapper un coup décisif . . . . . composée par vous et . . . . . plaires (de la lettre ano(nyme) . . 'on avait distribué) . . t été fabriquée avec . . . . . sur . . . . . inquiètais plus. Effectivement, avant trois jours de recherches, je savais à quoi m'en tenir. Si la diplomatie n'est que l'art de savoir ce qui se fait chez les autres et de se jouer de leurs projets; Vous me rendrez la justice d'avouer que vous avez été vaincu sur tous les points.

Maintenant j'arrive au bût de ma lettre: (Peut être désirez-vous savoir ce qui m'a empêché jusqu'à présent de vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la votre) . . . . . .

Je suis bon, ingénu, ... mais mon coeur est sensible . . . . Un duel ne me suffit plus . . . . . et quelque soit son . . . . . assez vengé ni par la . . . . . lettre . . . . . qu'à la trace de cette misérable affaire dont il me sera facile de faire un excellent chapitre dans mon histoire du cocuage.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron, Votre très humble et trés obéissant serviteur A. Pouchkine.

(Переводъ). Господинъ баронъ! Прежде всего позвольте мнѣ вкратцѣ изложить все происшедшее. Поведеніе вашего сына было мнѣ вполнѣ извѣстно и я не могъ относиться къ нему безучастно; но такъ какъ оно сдерживалось границами привиличій и къ тому же я зналъ на сколько жена моя заслуживала моего довѣрія и моего. . . . . кромѣ . . . . . на . . . . . мужъ, если только онъ не дуракъ, становится, весьма естественно, повѣреннымъ своей жены и руководителемъ ея поступковъ. Признаюсь вамъ, что я тревожился. Случай, который во всякое другое время былъ бы мнѣ очень непріятенъ, весьма счастливо выпуталъ меня изъ затрудненія: я получилъ безыменныя письма. Я увидѣлъ, что минута наступила и воспользовался ею. Остальное вамъ извѣстно: я заставилъ вашего сына играть такую шутовскую и жалкую роль, что жена моя, удивленная этою бездною пошлости, не могла удержаться отъ смѣха и волненіе, съ которымъ она, можетъ быть, относилась къ этой великой и возвышенной страсти, угасло въ отвращеніи самомъ спокойномъ и какъ нельзя болѣе заслуженномъ.

Но вы, господинъ баронъ, какая же была ваша роль во всемъ этомъ дѣлѣ? Вы, представитель вѣнчанной головы, вы были (сводникомъ вашего) . . . . вы подстерегали . . . . . углахъ, чтобы говорить ей о вашемъ сынѣ, а когда онъ, больной любострастною болѣзнью, лечился у себя дома, вы говорили—подлый вы человѣкъ!—что онъ умираетъ отъ любви къ ней; вы бормотали ей: отдайте мнѣ моего сына.—Это еще не все.

(Вы видите, я распространяюсь; но погодите, это еще не все: я говорилъ вамъ, что дѣло усложнилось. Возвратимся къ безыменнымъ письмамъ. Вы конечно догадываетесь, что онѣ васъ интересуютъ).

2-го ноября вы полагали что сынъ вашъ, вслѣдствіе . . . . . (много) удовольствія. Онъ сказалъ вамъ . . . что моя жена . . . . . безыменное письмо . . (у нея отъ того голова шла кругомъ) . . . . нанести рѣшительный ударъ . . . . . сочиненное вами и (три экземпл)яра (безыменнаго письма). . . . роздали . . . . . смастерили съ . . . . . на . . . . . безпокоился болѣе. Дѣйствительно, не прошло и трехъ дней въ розыскахъ, какъ я узналъ въ чемъ дѣло. Если дипломатія ничто иное, какъ искусство знать о томъ, что дѣлается у другихъ, и разрушать ихъ замыслы, то вы отдадите мнѣ справедливость, сознаваясь, что сами потерпѣли пораженіе на всѣхъ пунктахъ.

Теперь я дошелъ до цѣли моего письма: (можетъ быть, вы желаете знать, что препятствовало мнѣ до сихъ поръ опозорить васъ въ глазахъ нашего двора и вашего....

Я добръ, простодушенъ , ... но сердце мое чувствит . . Дуэли мнѣ болѣе недостаточно. . . . . и каковъ бы ни былъ ея (исходъ) . . . . . достаточно отмщенъ на. . . . . письмо . . . . . самый слѣдъ этого гнуснаго дѣла, изъ котораго мнѣ легко будетъ написать главу въ моей исторіи рогоносцевъ.

Имѣю честь быть, г. баронъ, вашимъ покорнѣйшимъ слугою А. Пушкинъ.

(Окончательная редакція: письмо въ томъ видѣ, въ какомъ оно было послано къ Гекерену).

Monsieur le Baron! Permettez moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de M-r votre fils m'était connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente. Je me contentai du rôle d'observateur, sauf à intervenir lorsque je le jugerai à propos. Un accident, qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire. Je reçus les lettres anonymes.

Je vis que le moment d'agir était venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à M-r votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de platitude, ne put s'empêcher de rire, et que l'emotion, que peut-être avait-elle ressenti pour cette sublime passion, s'éteignit dans le mépris le plus calme et le mieux mérité. Vous me permetterez de dire, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des plus convenable. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de votre bâtard, un soi-disant tel. Toute sa conduite (assez maladroite d'ailleurs) a été probablement dirigée par vous: c'est vous, probablement, qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'ecrire. Semblable à une obscène vielle vous alliez guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler de votre fils; et lorsque, malade de vérole, il était retenu chez lui par les remèdes, vous disiez qu'il se mourrait d'amour pour elle, vous lui marmottiez: «rendez-moi mon fils».

Vous sentez bien, qu'après tout cela je ne pouvais souffrir qu'il y eût des rélations entre ma famille et la votre. C'était à cette condition que j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire et à ne pas vous deshonorer aux yeux de notre cour et de la votre, comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que M-r votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenue, ose encore lui adresser la parole, encore moins qu'il lui fasse la cour et débite des calembourgs de corps de garde, tout en jouant le devouément et la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleutre et qu'un chenapan. Je suis donc obligé, M-r le Baron, de faire finir tout ce manége, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas. J'ai l'honneur d'être etc. A. Pouchkin.

(Переводъ). Баронъ! Позвольте изложить вамъ вкратцѣ все, что случилось. Поведеніе вашего сына было мнѣ давно извѣстно и я не могъ относиться къ нему равнодушно. Я довольствовался ролью наблюдателя съ тѣмъ, чтобы вмѣшаться въ дѣло, когда сочту это нужнымъ. Случай, непріятный во

всякое другое время, выпуталъ меня изъ затрудненія. Я получилъ безыменныя письма. Я увидѣлъ, что пришла минута дѣйствовать и воспользовался ею. Остальное вамъ извѣстно. Я заставилъ вашего сына играть столь жалкую роль, что жена моя, удивленная такою пошлостью, не могла удержаться отъ смѣха, и волненіе, которое, быть можетъ, она ощущала при видѣ этой возвышенной страсти, угасло въ презрѣніи самомъ спокойномъ и вполнѣ заслуженномъ. Вы позволите мнѣ сказать вамъ, господинъ баронъ, что роль ваша во всемъ этомъ дѣлѣ была не изъ самыхъ приличныхъ. Вы, представитель коронованной особы, были, отечески, сводникомъ вашего ублюдка или величающаго себя такимъ. Все его поведеніе (впрочемъ довольно неловкое) было, вѣроятно, направляемо вами; вѣроятно, вы подсказывали ему жалкія любезности, въ которыхъ онъ разсыпался, и пошлости, которыя онъ писалъ. Подобно старой безстыдницѣ, вы подстерегали жену мою во всѣхъ углахъ, чтобы говорить ей о любви вашего сына и когда онъ, больной любострастной болѣзнью, сидѣлъ дома за лекарствами, вы говорили, что онъ умираетъ отъ любви къ ней, вы ей бормотали: «отдайте мнѣ моего сына».

Вы понимаете, что послѣ всего этого я не могъ терпѣть, чтобы какія нибудь сношенія существовали между моимъ и вашимъ семействомъ. Только на этомъ условіи я согласился оставить безъ послѣдствій это грязное дѣло и не опозорить васъ въ глазахъ дворовъ нашего и вашего, на что имѣлъ право и намѣреніе. Я не хочу, чтобы жена моя выслушивала ваши отеческія увѣщанія. Не могу дозволить, чтобы сынъ вашъ, послѣ гнуснаго своего поступка, осмѣливался еще съ нею говорить, и того менѣе ухаживать за нею и отпускать ей казарменные каламбуры, разыгрывая нѣжно преданнаго и несчастнаго вздыхателя, тогда какъ онъ ни что иное, какъ мерзавецъ и шалопай. И такъ, я вынужденъ просить васъ, г. баронъ, прекратить всѣ эти уловки, если желаете избѣжать новаго скандала, передъ которымъ я, конечно, не отступлю. Имѣю честь быть и проч. А. Пушкинъ.

«Говорятъ, что, получивъ это письмо, Гекеренъ бросился за совѣтомъ къ графу Строганову и что графъ, прочитавъ письмо, далъ совѣтъ Гекерену, чтобы сынъ его, д'Антесъ, вызвалъ Пушкина на дуэль, такъ какъ послѣ подобной обиды, по мнѣнію графа, дуэль была единственнымъ исходомъ.

Отвѣтъ Гекерена Пушкину былъ слѣдующій:

Monsieur! Ne connaissant ni votre écriture, ni votre signature, j'ai recours à M-r le vicomte d'Archiac, qui vous remettera la présente pour constater que la lettre à laquelle je réponds, vient de vous. Le contenu est tellement hors de toutes les bornes du possible, que je réfuse de répondre à tous les détails de cet épitre. Vous paraissez oublier, Monsieur, que c'est vous qui vous êtes dédit de la provocation, que vous aviez fait adresser au Baron Georges de Heckern et qui avait été acceptée par lui. La preuve de ce que j'avance ici existe, écrite de votre main et est restée entre les mains des seconds. Il ne me reste qu'à vous prévenir que M-r le vicomte d'Archiac se rend chez vous pour convenir avec vous du lieu où vous vous rencontrerez avec le baron

Georges de Heckern et à vous prévenir que cette rencontre ne souffre aucun delai.

Je saurai plus tard, Monsieur, vous faire apprécier le respêct dû au caractère dont je suis revêtu et qu'aucune demarche de votre part ne saurait atteindre. Je suis, Monsieur, votre très humble serviteur. B. de Heckern.—Lu et aprouvé par moi, le Baron Georges de Heckern.

(Переводъ). Милостивый государь! Не зная ни вашего почерка, ни вашей подписи, я обратился къ г. виконту д'Аршіаку, который вручитъ вамъ это письмо въ подтвержденіе, что письмо, мною полученное, прислано вами. Содержаніе его до такой степени внѣ всякихъ границъ возможнаго, что я отказываюсь отвѣчать на всѣ подробности этого посланія. Повидимому, вы позабыли, милостивый государь, что вы сами отказались отъ вызова, сдѣланнаго барону Жоржу Гекерену и имъ принятому. Тому существуетъ доказательство, вами писанное и находящееся въ рукахъ секундантовъ. Мнѣ остается только предупредить васъ, что виконтъ д'Аршіакъ отправляется къ вамъ, чтобы условиться о мѣстѣ, на которомъ вы встрѣтитесь съ барономъ Жоржемъ де-Гекереномъ и предупредить васъ, что эта встрѣча не терпитъ никакого отлагательства.

Впослѣдствіи, милостивый государь, я съумѣю заставить васъ уважать званіе, которымъ я облеченъ и которое не можетъ оскорбить никакая со стороны вашей выходка. Остаюсь, милостивый государь, вашъ покорный слуга Б. де-Гекеренъ.—Читано и одобрено мною—баронъ Жоржъ де-Гекеренъ.

Во вторникъ (26-го января) и въ среду (27-го) Пушкинымъ были получены отъ д'Аршіака три записки касательно условій дуэли. Эти документы, равно какъ и отвѣтъ Пушкина, заслуживаютъ вниманія:

Mardi 26 Janvier (7 Fevrier) 1837.

Le soussigné informe Monsieur de Pouchkin, qu'il attendra chez lui jusqu'à 11 heures du soir de ce jour et après cette heure au bal de la comtesse Razoumovsky, la personne qui sera chargée de traiter l'affaire, qui doit se terminer demain. En attendant il offre à M-r Pouchkin l'assurance de sa considération la plus distinguée. Vicomte d'Archiac.

Вторникъ 26-го января (7-го февраля) 1837.

(Переводъ). Нижеподписавшійся извѣщаетъ г. Пушкина, что онъ будетъ ожидать у себя на дому до 11-ти часовъ вечера нынѣшняго числа, а послѣ этого часа на балу у графини Разумовской, особу, которой будетъ поручено переговорить о дѣлѣ, которое должно быть окончено завтра. Въ ожиданіи, онъ свидѣтельствуетъ г. Пушкину отличное свое уваженіе. Виконтъ д'Аршіакъ.

St Petersbourg. Merczedi 9 h. du matin.
27 Janvier (8 Fevrier) 1837.

Monsieur! J'insiste encore ce matin sur la demande que j'ai eu l'honneur de vous faire hier au soir.

Il est indispensable que j'abouche avec le témoin que vous aurez chosi, et cela dans le plus bref delai.

Jusqu'à midi je resterai dans mon appartement; j'espère avant cette heure recevoir la personne que vous voudrez bien m'envoyer.

Agréez, Monsieur, l'assurance de ma considération la plus distinguée.
Vicomte d'Archiac.

С.-Петербургъ. Среда, 9 часовъ утра.
27-го января (8-го февраля) 1837.

(Переводъ). Милостивый государь! Я сегодня утромъ, настоятельно прошу дать отвѣтъ на запросъ, который имѣлъ честь сдѣлать вамъ вчера вечеромъ.

Мнѣ необходимо переговорить съ выбраннымъ вами секундантомъ въ возможно кратчайшій срокъ.

До полудня я буду дома; надѣюсь ранѣе этого часа принять особу, которую вамъ угодно будетъ прислать ко мнѣ.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи.
Викоптъ д'Аршіакъ.

XI

День 27-го января 1837 г.

Не смотря на бурю, кипѣвшую въ душѣ Пушкина, канунъ и самый день своей дуэли онъ провелъ такъ наружно, спокойно, что никто изъ его домашнихъ и короткихъ знакомыхъ не догадывался о предстоящемъ несчастіи. Утромъ 26-го числа, казенный курьеръ, привезъ Александру Сергѣевичу письмо съ черною печатью, бывшее какъ бы роковымъ предзнаменованіемъ: это былъ пригласительный билетъ на погребеніе сына Н. И. Греча, студента Николая Николаевича Греча, умершаго въ цвѣтѣ лѣтъ отъ скоротечной чахотки. Затѣмъ, Пушкинъ посѣтилъ И. А. Крылова; написалъ письмо А. О. Ишимовой [1]) о ея переводѣ для «Современника». Записки д'Аршіака заставили Пушкина написать ему слѣдующій отвѣтъ:

---

[1]) Снимокъ съ этого послѣдняго письма Пушкина былъ приложенъ къ первому посмертному собранію его сочиненій.

Entre 9 /2 et 10 h. du matin. 27 Janvier.

Monsieur le vicomte! Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me refuse donc à tout pour-parler entre seconds. Je n'amenerai le mien que sur la place du rendez-vous. Comme c'est M-r Heckern, qui me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance, quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au lieu, je suis tout-a-fait à ses ordres. D'aprés nos habitudes à nous autres Russes cela suffit... Je vous prie de croire, M-r le vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai de plus à répondre à rien de ce qui concerne cette affaire, et que je ne bouge plus que pour aller sur place. Veulliez accepter l'assurance de ma parfaite considération A. Pouchkin.

Между 9½ и 10 час. утра 27-го января.

(Переводъ). Виконтъ! Я не имѣю ни малѣйшей охоты вмѣшивать въ мои дѣла праздныхъ людей Петербурга; по этому совершенно отказываюсь отъ переговоровъ между секундантами. Я привезу моего лишь на мѣсто поединка. Такъ какъ г. Гекеренъ вызываетъ меня, онъ же и обиженный, то, если ему угодно, можетъ выбрать мнѣ секунданта; заранѣе принимаю его, хотя бы это былъ его выѣздной лакей. Касательно часа и мѣста я совершенно къ его услугамъ. По нашимъ русскимъ обычаямъ этого достаточно. Повѣрьте, виконтъ, что это мое послѣднее слово, и что болѣе мнѣ не на что отвѣчать относительно этого дѣла, и я тронусь изъ дому лишь затѣмъ, чтобы ѣхать на мѣсто дуэли. Благоволите принять увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи. А. Пушкинъ.

Виконтъ д'Аршіакъ—«въ дуэляхъ классикъ и педантъ»—долгомъ счелъ возразить Пушкину:

St. Pétersbourg 27 Janvier (8 Fevrier) 1837.

Monsieur! Ayant attaqué l'honneur du baron Georges de Heckern, vous lui devez réparation. C'est à vous à produire votre témoin. Il ne peut être question de vous en fournir. Prêt de son côté à se rendre sur le terrain le Baron Georges de Heckern vous presse de vous mettre en régle. Tout retard serait considéré par lui comme un réfus de la satisfaction qui lui est due et en ébruitant cette affaire l'empêcher de se terminer.

L'entrevue entre les témoins, indispensable avant la rencontre, deviendrait, si vous le refusiez, une des conditions du Baron Georges de Heckern; vous m'avez dit hier et écrit aujourd'hui que vous les acceptiez toutes.

Recevez, Monsieur, l'assurance de me parfaite consideration. Vicomte d'Archiac.

С.-Петербургъ 27-го января (8-го февраля) 1837.

(Переводъ). Милостивый государь! Оскорбивъ честь барона Жоржа Гекерена, вы должны дать ему удовлетвореніе. Ваше дѣло добыть себѣ секунданта.—О пріисканіи его вамъ не можетъ быть и рѣчи. Готовый, съ своей стороны, явиться на мѣсто поединка, баронъ Жоржъ де-Гекеренъ проситъ васъ поспѣшить устроить все въ порядкѣ. Всякое замедленіе будетъ имъ сочтено за отказъ въ должномъ ему удовлетвореніи, а огласка этого дѣла помѣшаетъ его окончанію.

Свиданіе секундантовъ, необходимое до встрѣчи, было бы въ случаѣ вашего отказа однимъ изъ условій барона Жоржа де Гекерена; вы же сказали мнѣ вчера и написали сегодня, что вы принимаете всѣ его условія.

Примите, милостивый государь, увѣреніе въ совершенномъ моемъ почтеніи. Виконтъ д'Аршіакъ.

По полученіи этого письма, Пушкинъ отправился къ К. О. Россетъ на Пантелеймонскую улицу, но не засталъ его дома. Рѣшаясь пригласить къ себѣ въ секунданты Константина Карловича Данзаса Пушкинъ поѣхалъ къ нему и на Пантелеймонской же встрѣтилъ его. Остановивъ Данзаса, онъ сказалъ:

— Данзасъ, я ѣхалъ къ тебѣ, садись со мной въ сани и поѣдемъ во французское посольство [1]), гдѣ ты будешь свидѣтелемъ одного разговора....

Во время пути (разсказываетъ К. К. Данзасъ) Пушкинъ говорилъ, какъ будто ничего не бывало, совершенно о постороннихъ вещахъ. Такимъ образомъ доѣхали они до дома французскаго посольства, гдѣ жилъ д'Аршіакъ.

Послѣ обыкновеннаго привѣтствія съ хозяиномъ, Пушкинъ сказалъ громко, обращаясь къ Данзасу: «Je vais vous mettre maintenant au fait de tout [2]) и началъ разсказывать ему все, что происходило между нимъ, д'Антесомъ и Гекереномъ. При этомъ прочиталъ вслухъ списанную имъ самимъ копію съ письма своего къ Гекерену отцу и отдалъ ее Данзасу. Пушкинъ окончилъ объясненіе свое словами:

— Maintenant, la seule chose que j'ai à vous dire, c'est que si l'affaire ne se termine pas aujourd'hui même, la première fois que je rencontre Heckeren, père ou fils, je leur cracherai à la figure [3]).

Тутъ онъ указалъ на Данзаса и прибавилъ: «voilà mon témoin!», потомъ спросилъ его: «consentez-vous?» [4]).

---

[1]) Оно помѣщалось на Большой Милліонной.

[2]) Теперь я разскажу вамъ все, въ чемъ дѣло.

[3]) Теперь скажу вамъ только одно, именно: если дѣло сегодня же не будетъ кончено, то въ первый разъ какъ я только встрѣчу Гекереновъ, отца или сына, я имъ плюну въ лицо!

[4]) Вотъ мой секундантъ!—Согласны ли вы?

Послѣ утвердительнаго отвѣта Данзаса, Пушкинъ уѣхалъ, предоставивъ Данзасу, какъ своему секунданту, условиться съ д'Аршіакомъ о дуэли.

Вотъ эти условія:

Драться Пушкинъ съ д'Антесомъ долженъ былъ въ тотъ же день, 27-го января, въ пятомъ часу по полудни. Мѣсто поединка было назначено секундантами за Черной рѣчкой, возлѣ комендантской дачи. Оружіемъ выбраны пистолеты. Стрѣляться соперники должны были на разстояніи двадцати шаговъ, съ тѣмъ, чтобы каждый могъ сдѣлать пять шаговъ и подойти къ барьеру; никому не было дано преимущества перваго выстрѣла; каждый долженъ былъ сдѣлать одинъ выстрѣлъ, когда будетъ ему угодно; но, въ случаѣ промаха съ обѣихъ сторонъ, дѣло должно было начаться снова, на тѣхъ-же условіяхъ. Личныхъ объясненій между противниками никакихъ допущено не было; въ случаѣ-же надобности, за нихъ должны были объясниться секунданты.

По желанію д'Аршіака условія поединка были сдѣланы на бумагѣ.

Съ этой роковою бумагой Данзасъ возвратился къ Пушкину. Онъ засталъ его дома, одного. Не прочитавъ даже условій, Пушкинъ согласился на все. Въ разговорѣ о предстоящей дуэли, Данзасъ замѣтилъ ему, что, по его мнѣнію, онъ бы долженъ былъ стрѣляться съ барономъ Гекереномъ-отцомъ, а не съ сыномъ, такъ какъ оскорбительное письмо онъ написалъ Гекерену, а не д'Антесу. На это Пушкинъ ему отвѣчалъ, что Гекеренъ, по офиціальному своему положенію, драться не можетъ.

Условясь съ Пушкинымъ сойтись въ кондитерской Вольфа, Данзасъ отправился сдѣлать нужныя приготовленія. Нанявъ парныя сани, онъ заѣхалъ въ оружейный магазинъ Куракина за пистолетами, которые были уже выбраны Пушкинымъ заранѣе; пистолеты эти были совершенно схожи съ пистолетами д'Аршіака. Уложивъ ихъ въ сани, Данзасъ пріѣхалъ къ Вольфу, гдѣ Пушкинъ уже ожидалъ его [1]).

Было около четырехъ часовъ по полудни.

Выпивъ стаканъ лимонаду или воды, Пушкинъ вышелъ съ Данзасомъ изъ кондитерской, сѣли въ сани и отправились по направ-

---

[1]) Въ 1877 году въ «Русскомъ Архивѣ», подъ заглавіемъ «Воспоминанія о Пушкинѣ», была напечатана импровизація какого-то господина (такого же знакомца поэта, какъ Хлестаковъ), который говоритъ, что онъ пріѣхалъ къ Александру Сергѣевичу предъ его отъѣздомъ на дуэль: въ передней на ларѣ лежалъ ящикъ съ пистолетами, а Пушкинъ плакалъ, торопясь ѣхать и т. д. Нелѣпость и пошлость очевидныя.

ленію къ Троицкому (?) мосту. Пушкинъ по наружности былъ покоенъ.... На Дворцовой набережной они встрѣтили въ экипажѣ г-жу Пушкину. Данзасъ узналъ ее; надежда въ немъ блеснула: встрѣча эта могла поправить все (?). Но жена Пушкина была близорука, а Пушкинъ смотрѣлъ въ другую сторону.

День былъ ясный. Петербургское великосвѣтское общество каталось на горахъ и въ то время нѣкоторые уже оттуда возвращались. Много знакомыхъ Пушкину и Данзасу встрѣчались, раскланивались съ ними, но никто не догадывался куда они ѣхали; а между тѣмъ исторія Пушкина съ Гекеренами была хорошо извѣстна всему этому обществу.

На Невѣ Пушкинъ спросилъ Данзаса шутя: не въ крѣпость-ли ты везешь меня?—«Нѣтъ,—отвѣчалъ Данзасъ,—черезъ крѣпость на Черную рѣчку самая близкая дорога».

На Каменноостровскомъ проспектѣ они встрѣтили въ саняхъ двухъ знакомыхъ офицеровъ Коннаго полка: князя В. Д. Голицына и Головина. Думая, что Пушкинъ и Данзасъ ѣхали на горы, Голицынъ закричалъ имъ: «что вы такъ поздно ѣдете, всѣ уже оттуда разъѣзжаются!»

Данзасъ не знаетъ, по какой дорогѣ ѣхали д'Антесъ съ д'Аршіакомъ; но къ Комендантской дачѣ они съ ними подъѣхали въ одно время. Данзасъ вышелъ изъ саней и, сговорясь съ д'Аршіакомъ, отправился съ нимъ отыскивать удобное для дуэли мѣсто; они нашли такое саженяхъ въ полутораста отъ Комендантской дачи: болѣе крупный и густой кустарникъ окружалъ здѣсь площадку и могъ скрывать отъ глазъ оставленныхъ на дорогѣ извощиковъ то, что на ней происходило. Избравъ это мѣсто, секунданты утоптали ногами снѣгъ, на томъ пространствѣ, которое нужно было для поединка, и потомъ позвали противниковъ.

Не смотря на ясную погоду, дулъ довольно сильный вѣтеръ. Морозу было градусовъ пятнадцать.

Закутанный въ медвѣжью шубу, Пушкинъ молчалъ и по видимому, былъ столько-же покоенъ, какъ и во время пути, но въ немъ выражалось сильное нетерпѣніе приступить скорѣе къ дѣлу. Когда Данзасъ спросилъ его: находитъ-ли онъ удобнымъ выбранное имъ и д'Аршіакомъ мѣсто? Пушкинъ отвѣчалъ:

— Ça m'est fort égal, seulement tâchez de faire tout cela plus vite! [1]).

Отмѣривъ шаги, Данзасъ и д'Аршіакъ отмѣтили барьеръ своими

---

[1]) Мнѣ совершенно все равно, только постарайтесь сдѣлать это скорѣе.

шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этихъ приготовленій нетерпѣніе Пушкина обнаружилось словами къ своему секунданту:

— Eh bien? Est-ce fini? [1]).

Все было кончено. Противниковъ поставили, подали имъ пистолеты и по сигналу, который сдѣлалъ Данзасъ махнувъ шляпой, они начали сходиться.

Пушкинъ первый подошелъ къ барьеру и, остановясь, началъ наводить пистолетъ. Но въ это время д'Антесъ, не дойдя до барьера одного шага [2]) выстрѣлилъ и Пушкинъ, падая, сказалъ:

— Je crois que j'ai la cuisse fracassée [3]).

Секунданты бросились къ нему и когда д'Антесъ намѣревался сдѣлать то же, Пушкинъ удержалъ его словами:

— Attendez, je me sens assez de force, pour tirer mon coup [4]).

Д'Антесъ остановился у барьера и ждалъ, прикрывъ грудь правою рукою.... При паденіи Пушкина пистолетъ его попалъ въ снѣгъ, а потому Данзасъ подалъ ему другой. Приподнявшись нѣсколько и опершись на лѣвую руку, Пушкинъ выстрѣлилъ: д'Антесъ упалъ.... На вопросъ Пушкина у д'Антеса: куда онъ раненъ? д'Антесъ отвѣчалъ:

— Je crois que j'ai la balle dans la poitrine! [5]).

— Браво! — вскрикнулъ Пушкинъ и бросилъ пистолетъ въ сторону.

Но д'Антесъ ошибся: онъ стоялъ бокомъ и пуля, только контузивъ грудь, попала въ руку.

Пушкинъ былъ раненъ въ правую сторону живота: пуля, раздробивъ кость верхней части ноги у соединенія съ тазомъ, глубоко вошла въ животъ и тамъ остановилась [6]).

Данзасъ съ д'Аршіакомъ подозвали извощиковъ и съ помощію ихъ разобрали находившійся тамъ заборъ, изъ тонкихъ жердей, который мѣшалъ санямъ подъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ раненый Пушкинъ. Общими силами усадивъ его бережно въ сани, Данзасъ приказалъ извощику ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ, подлѣ

---

[1]) Ну, что же? кончено ли?

[2]) Слѣдовательно, д'Антесъ стрѣлялъ въ одиннадцати шагахъ.

[3]) Кажется у меня раздроблено бедро!

[4]) Погодите, я еще чувствую въ себѣ на столько силы, чтобы сдѣлать свой выстрѣлъ.

[5]) Кажется, пуля засѣла мнѣ въ грудь!

[6]) Пушкинъ два раза терялъ сознаніе, но послѣ нѣсколькихъ минутъ забытья пришелъ въ себя и болѣе уже не лишался чувствъ (Пиѣьмо д'Аршіака князю П. А. Вяземскому отъ 1-го февраля; черезъ пять дней ему писалъ и Данзасъ. Оба письма напечатаны въ брошюрѣ Амосова (стр. 61—67).

саней, вмѣстѣ съ д'Аршіакомъ; раненый д'Антесъ ѣхалъ въ своихъ саняхъ за ними.

У Комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякій случай барономъ Гекереномъ-отцомъ [1]). Д'Антесъ и д'Аршіакъ предложили Данзасу отвезти въ ней въ городъ раненаго поэта. Данзасъ принялъ это предложеніе, но отказался отъ другаго, сдѣланнаго ему въ это же время д'Антесомъ, предложенія: скрыть участіе его въ дуэли.

Не сказавъ, что карета была барона Гекерена, Данзасъ посадилъ въ нее Пушкина и сѣвъ съ нимъ рядомъ поѣхалъ въ городъ. Во время дороги Пушкинъ держался довольно твердо; но, чувствуя по временамъ сильную боль, онъ началъ подозрѣвать опасность своей раны. Онъ вспомнилъ про дуэль общаго знакомаго ихъ офицера Московскаго полка Щербачева, стрѣлявшагося съ Дорохо вымъ, на которой Щербачевъ былъ смертельно раненъ въ животъ. Жалуясь на боль, Пушкинъ сказалъ Данзасу: «я боюсь, не раненъ ли я такъ, какъ Щербачевъ». Онъ напомнилъ также Данзасу и о своей прежней дуэли въ Кишеневѣ съ Зубовымъ. Во время дороги, Пушкинъ, въ особенности, безпокоился о томъ, чтобы по пріѣздѣ домой не испугать жены и давалъ наставленія Данзасу, какъ поступить, чтобы этого не случилось.

---

[1]) Въ сороковыхъ еще годахъ была выставлена съ краю дороги, противъ мѣста, гдѣ упалъ раненый Пушкинъ, дощечка съ надписью, насаженная на шестикъ. Въ шестидесятыхъ годахъ мы уже на томъ мѣстѣ не находили ни шестика, ни дощечки. Дощечка была выкрашена черною краскою и на ней написано бѣлыми буквами: «27-го января 1837 года противъ сего мѣста упалъ смертельно раненый на поединкѣ А. С. Пушкинъ». Дощечка эта находилась съ лѣвой стороны давно оставленной дороги въ дер. Коломяги, лѣвѣе существующей, по которой ходятъ теперь дилижансы. Своротъ на старую дорогу тотчасъ же подлѣ огорода, проѣхавъ по дальнему мосту черезъ Черную рѣчку и миновавъ строенія, выходящія на рѣчку съ лѣвой стороны. Экипажи, въ которыхъ пріѣхалъ поэтъ съ секундантомъ и противникъ, только заѣхали за поворотъ и остановились за деревьями. Мѣсто поединка, судя по надписи, было недалеко отъ дороги къ фермѣ комендантской. Деревья въ этомъ мѣстѣ съ обѣихъ сторонъ дороги довольно большія. Сколько намъ извѣстно, въ шестидесятыхъ годахъ живописецъ Адріанъ Волковъ, задумавшій писать картину дуэли Пушкина, обратился къ Данзасу съ просьбою указать ему, гдѣ она происходила. Данзасъ возилъ его на мѣсто поединка и Волковъ сдѣлалъ эскизъ масляными красками. У кого этотъ эскизъ находится мы не знаемъ навѣрное, но предполагаемъ, что у Третьякова. Обстановка картины была написана съ натуры. («Новое Время» 1880 г. № 1528).

Въ «Голосѣ», 5-го іюня 1880 г., была помѣщена подробная замѣтка о мѣстѣ поединка Пушкина, сообщенная Я. А. Исаковымъ съ планомъ этого мѣста. — Вообще все что явилось въ газетахъ въ текущемъ году по поводу Пушкина заслуживаетъ подробнаго отдѣльнаго обозрѣнія.

Пушкинъ жилъ на Мойкѣ, у Пѣвческаго моста, въ нижнемъ этажѣ дома княгини Волконской. У подъѣзда Пушкинъ просилъ Данзаса выйти впередъ, послать людей вынести его изъ кареты, и если жена его дома, то предупредить ее и сказать, что рана не опасна....

Дальнѣйшія подробности о двухъ послѣднихъ суткахъ жизни Пушкина извѣстны всѣмъ и каждому изъ разсказовъ Данзаса и писемъ Жуковскаго, Даля, Спасскаго и князя П. А. Вяземскаго (это послѣднее было впервые напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. томъ XIV, (сентябрь) стр. 92 – 96).

Старанія восьми врачей и хирурговъ [1]) не могли спасти жизни Пушкина—и въ пятницу 29-го января, въ три четверти третьяго часа пополудни онъ скончался. Предсказаніе нѣмки-ворожеи сбылось— Пушкинъ погибъ отъ руки «бѣлаго человѣка»: д'Антесъ былъ бѣлокуръ и носилъ бѣлый мундиръ офицера Кавалергардскаго полка.

Къ вечеру тѣло Пушкина, одѣтое въ его старый, поношенный сюртукъ, лежало на столѣ и надъ нимъ звучалъ унылый, однообразный голосъ псаломщика. Въ это время съ него было сняты два портрета: одинъ покойнымъ Бруни [2]) а другой, ученикомъ К. П. Брюллова Мокрицкимъ [3]). По послѣднему рисунку и двумъ современнымъ гравюрамъ старательно исполненъ для «Русской Старины» рисунокъ на деревѣ художникомъ К. О. Брожемъ. Рисунокъ этотъ гравированъ академикомъ Л. А. Сѣряковымъ. Рисунокъ Мокрицкаго былъ предъ г. Сѣряковымъ при исполненіи имъ гравюры для «Русской Старины». Гравюра предназначена была еще къ майской книгѣ «Русской Старины»: тяжкій недугъ талантливаго художника причина медленности въ выполненіи этого, особенно интереснаго, художественнаго приложенія къ нашему изданію. Вмѣсто подписи приводимъ слова Жуковскаго, вылившіеся изъ глубины его прекрасной души, въ письмѣ къ С. Л. Пушкину, отцу поэта:

....«Но, что выражалось на лицѣ его, я сказать словами не умѣю.

---

[1]) Арендтъ, Буяльскій, Даль, Задлеръ, Саломонъ, Спасскій, Шольцъ, Шерингъ—девятымъ былъ докторъ, имени котораго Данзасъ не помнитъ.

[2]) Оригиналъ, писанный Бруни, былъ препровожденъ къ Сергѣю Львовичу Пушкину. Литографія съ него принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ. Замѣтимъ, что портреты Пушкина, изданные послѣ его смерти, неохотно одобрялись цензурою; самые разговоры о его дуэли велись чуть ни шопотомъ, вслѣдствіе боязни навлечь гнѣвъ графа Бенкендорфа.

[3]) Мокрицкій со своимъ рисункомъ пріѣхалъ къ Брюллову, у котораго тогда былъ въ гостяхъ П. А. Каратыгинъ. Ему Мокрицкій подарилъ свой рисунокъ, сообщенный въ 1878 году П. А. Каратыгинымъ редакціи «Русской Старины». Оригиналъ исполненъ карандашомъ на листѣ почтовой бумаги большаго формата.

Это не было ни сонъ, ни покой; не было выраженіе ума, столь прежде свойственное этому лицу; не было также и выраженіе поэтическое; нѣтъ! какая-то важная, удивительная мысль на немъ развивалась; что-то похожее на видѣніе, на какое-то полное, глубоко-удовлетворяющее знаніе. Всматриваясъ въ него, мнѣ все хотѣлось спросить: что̀ видишь, другъ? И что̀-бы онъ отвѣчалъ мнѣ, если бы могъ на минуту воскреснуть? Вотъ минуты въ жизни нашей, которыя вполнѣ достойны названія великихъ. Въ эту минуту, можно сказать, я увидѣлъ лицо самой смерти, божественно-тайное; лицо смерти безъ покрывала. Какую печать на него наложила она! и какъ удивительно высказала на немъ и свою и его тайну! Я увѣряю тебя, что никогда на лицѣ его не видалъ я выраженія такой глубокой, величественной, торжественной мысли. Она, конечно, таилась въ немъ и прежде, будучи свойственна его высокой природѣ; но въ этой чистотѣ обнаружилась только тогда, когда все земное отдѣлилось отъ него съ прикосновеніемъ смерти».

Жуковскій также послалъ гр. Ростопчиной книжку, приготовленную погибшимъ поэтомъ для своихъ новыхъ стиховъ, и самъ началъ эту книжку стихами:

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ
Руки свои опустивъ.—Голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза;
Было лицо это мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ—въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ, но̀ сіялъ острый умъ;
Нѣтъ! но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто какое видѣнье,
Что-то сбывалось надъ нимъ, и спросить мнѣ хотѣлось: «что видишь»?

XII.

Гибель великаго поэта послужила первымъ шагомъ къ гибели и для его юнаго преемника, обѣщавшаго Россіи, можетъ быть, втораго Пушкина.

Вскорѣ послѣ его кончины, именно въ первыхъ числахъ февраля 1837 года, въ высшемъ и въ среднемъ кругахъ стало расходиться во множествѣ списковъ стихотвореніе на смерть великаго поэта... Оно было написано молодымъ гусарскимъ офицеромъ Михаиломъ Юрьевичемъ Лермонтовымъ. Просимъ вновь прочитать эти прекрасныя, всѣмъ извѣстныя на Руси «поминки»:

Погибъ поэтъ, невольникъ чести,
Палъ оклеветанный молвой,
Съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести
Поникнувъ гордой головой.
Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ;
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде—и убитъ!
Убитъ!.. къ чему теперь рыданья,
Похвалъ и слезъ ненужный хоръ
И жалкій лепетъ оправданья:
Судьбы свершился приговоръ!
Не вы-ль, сперва, такъ долго гнали
Его свободный, чудный даръ
И для потѣхи возбуждали
Чуть затаившійся пожаръ....
Что-жъ? Веселитесь!.. Онъ мученій
Послѣднихъ перенесть не могъ.
Угасъ, какъ свѣточъ, дивный геній,
Увялъ торжественный вѣнокъ!
Его убійца хладнокровно
Навелъ ударъ—спасенья нѣтъ:
Пустое сердце бьется ровно,
Въ рукѣ не дрогнетъ пистолетъ.
И что за диво?.. Издалека,
Подобно сотнямъ бѣглецовъ,
На ловлю счастья и чиновъ
Заброшенъ къ намъ по волѣ рока;
Смѣясь, онъ дерзко презиралъ
Земли чужой языкъ и нравы;
Не могъ щадить онъ нашей славы,
Не могъ понять въ сей мигъ кровавый
На что онъ руку подымалъ!

* * *

И онъ погибъ,—и взятъ могилой,
Какъ тотъ пѣвецъ невѣдомый, но милой,
Добыча ревности нѣмой,
Воспѣтый имъ съ такою чудной силой,
Сраженный, какъ и онъ, безжалостной рукой!
Зачѣмъ отъ мирныхъ нѣгъ и дружбы простодушной
Вступилъ онъ въ этотъ свѣтъ, завистливый и душной
Для сердца вольнаго и пламенныхъ страстей?
Зачѣмъ онъ руку далъ клеветникамъ безбожнымъ?
Зачѣмъ повѣрилъ онъ словамъ и ласкамъ ложнымъ,
Онъ—съ юныхъ лѣтъ постигнувшій людей!
И прежній снявъ вѣнокъ, они вѣнецъ терновой,
Увитый лаврами, надѣли на него...
Но иглы тайныя сурово
Язвили славное чело!
Отравлены его послѣднія мгновенья

Коварнымъ шопотомъ безчувственныхъ невѣждъ
И умеръ онъ, съ глубокой жаждой мщенья,
Съ досадой тайною обманутыхъ надеждъ!

***

Замолкли звуки дивныхъ пѣсенъ,
Не раздаваться имъ опять:
Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ
И на устахъ его печать!

***

А вы, надменные потомки
Извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ,
Пятою рабскою поправшіе обломки
Игрою счастія обиженныхъ родовъ!
Вы, жадною толпой стоящіе у трона—
Свободы, генія и славы палачи!
Таитесь вы подъ сѣнію закона,
Предъ вами судъ и правда—все молчи!
Но есть и Божій судъ, наперсники разврата...
Есть грозный судія—онъ ждетъ;
Онъ недоступенъ звону злата;
И онъ мысли и дѣла знаетъ наперед...
Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью:
Оно вамъ не поможетъ вновь;
И вы не смоете всей вашей черной кровью
Поэта праведную кровь!

Стихотвореніе Лермонтова, особенно его окончаніе, возмутило именитыхъ покровительницъ и покровителей д'Антеса. Въ лицѣ юнаго поэта, наша знать видѣла живой портретъ самого Пушкина... Доносомъ не замедлили и слѣдующіе документы свидѣтельствуютъ объ энергическихъ мѣрахъ, принятыхъ заботами гр. Бенкендорфа къ укрощенію Лермонтова [1]):

1837 г. № 43. Дѣло о стихахъ корнета Лермонтова на смерть Пушкина и о распространеніи ихъ чиновникомъ 12-го класса Раевскимъ.

«Командующій отдѣльнымъ гвардейскимъ корпусомъ генералъ-адъютантъ Бистромъ, въ дополненіе записки отъ сего числа за № 78, имѣетъ честь препроводить при семъ къ его сіятельству графу Александру Христофоровичу стихи, писанные корнетомъ л.-гв. гусарскаго полка Лермонтовымъ, полученные сего числа отъ генералъ-адъютанта Клейнмихеля. № 79.—22-го февраля 1837 г. (Его сіятельству графу А. Х. Бенкендорфу).

Помѣты карандашомъ: «П. Ѳ-чъ Вейм. все препр. къ Клейнм.».

---

[1]) Они выписаны изъ подлиннаго дѣла.

— «Показать Ал. Ил. не найдетъ ли?»

Бумаги отправлены 24-го февраля 1837 г. къ начальнику штаба Петру Ѳедоровичу Веймарну, при отношеніи отъ графа Бенкендорфа вмѣстѣ съ бумагами чиновника 12-го класса Раевскаго.

Отношеніе военнаго министра графа Чернышева г. шефу жандармовъ и командующему Императорскою главною квартирою (отъ 25-го февраля 1837 г. за № 100).

«Государь императоръ высочайше повелѣть соизволилъ: лейбъ-гвардіи гусарскаго полка корнета Лермонтова, за сочиненіе извѣстныхъ вашему сіятельству стиховъ, перевесть тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ, а губернскаго секретаря Раевскаго, за распространеніе сихъ стиховъ, и въ особенности за намѣреніе тайно доставить свѣдѣніе корнету Лермонтову о сдѣланномъ имъ показаніи, выдержать подъ арестомъ въ теченіе одного мѣсяца, а потомъ отправить въ Олонецкую губернію, для употребленія на службу, по усмотрѣнію тамошняго гражданскаго губернатора.

«О таковомъ высочайшемъ повелѣніи увѣдомляя васъ, милостивый государь, имѣю честъ присовокупить, что должное по оному распоряженіе сдѣлано [1]).

Помѣта графа Бенкендорфа: «убрать».

Мать Раевскаго, титулярная совѣтница Дарья Раевская, 11-го марта 1837 года, изъ губернскаго города Саратова просила графа Бенкендорфа повергнуть ея прошеніе государю о прощеніи ея сына, «который за распространеніе предосудительныхъ стиховъ, написанныхъ корнетомъ Лермонтовымъ на смерть Пушкина», назначенъ къ отправкѣ въ Олонецкую губернію. Прошеніе передано 2-го апрѣля 1837 года статсъ-секретарю Н. М. Лонгинову.

---

[1]) М. Ю. Лермонтову посвящена въ «Русской Старинѣ» цѣлая литература. Въ теченіе первыхъ десяти лѣтъ этого изданія о немъ было напечатано свыше тридцати статей, изъ которыхъ особенное вниманіе читателей обращаемъ на слѣдующія: Неизданныя стихотворенія, отрывки и письма (2-е изд., 1872 г. Томъ V стр. 284—296). Посланіе Лермонтова (изд. 1873 г. Т. VII, стр. 402). Замѣтки о фамиліи и о предкахъ поэта (изд. 1873 г. Т. VII, стр. 549). Валерикъ—по подлинной рукописи (изд. 1874 г. Т. X, стр. 172—185). Неизданное стихотвореніе 1831 г. (изд. 1875 г. Т. XII, стр. 812—814). Маскарадъ—по неизданной рукописи (изд 1875 г. Т. XIII, стр. 1—56). Наброски стихотвореній и письмо 1831—1841 (стр. 57—60). Воспоминаніе о Лермонтовѣ (стр. 60).—О портретахъ Лермонтова (стр. 66—69). Кромѣ того, при XIII томѣ «Русской Старины», изданія 1875 года, былъ приложенъ хромолитографированный въ Парижѣ, отпечатанный красками, портретъ Лермонтова—по сходству единственный изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ.

Одновременно съ появленіемъ въ свѣтъ рукописнаго стихотворенія Лермонтова, подавшаго поводъ къ высылкѣ его автора на Кавказъ, по рукамъ ходили во множествѣ списковъ стихи, совершенно въ другомъ родѣ. Авторомъ ихъ былъ Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ, который отнесся къ смерти Пушина съ точки зрѣнія—религіозной [1])...

Несравненно удачнѣе было стихотвореніе также на смерть Пушкина даровитаго поэта Губера, вошедшее въ собраніе его стихотвореній и переводовъ.

Наконецъ, много времени спустя, кончину Пушкина воспѣлъ «сынъ народа»: онъ не осыпалъ упреками знатныхъ виновниковъ смерти великаго поэта, не восхвалялъ высокаго покровителя Пушкина, напомнившаго ему о примиреніи съ небомъ... Онъ оплакалъ обожаемаго имъ русскаго пѣвца въ своей «думѣ», которая неразлучна съ воспоминаніями о Пушкинѣ. Эта дума—одно изъ прекраснѣйшихъ произведеній Кольцова.... Ходили также въ рукописяхъ и стихотворенія осуждавшія жену поэта.....

Въ первые дни послѣ гибели Пушкина отечественная печать какъ бы онѣмѣла: до того былъ силёнъ гнётъ надъ печатью своенравнаго опекуна надъ великимъ поэтомъ—графа А. Х. Бенкендорфа. Ценсура трепетала предъ шефомъ жандармовъ, страшась вызвать его неудовольствіе—за поблажку въ пропускѣ въ печать—словъ сочувствія къ Пушкину. Въ одной лишь газетѣ: «Литературныя прибавленія къ «Русскому Инвалиду»,—Андрей Александровичъ Краевскій,—редакторъ этихъ прибавленій, помѣстилъ нѣсколько теплыхъ, глубоко прочувственныхъ словъ. Вотъ онѣ въ томъ самомъ видѣ, такимъ же шрифтомъ и въ такой же рамкѣ напечатанныя, какъ явились на послѣдней страницѣ «Литературныхъ прибавленій» (1837 г. № 5):

> Солнце нашей поэзіи закатилось! Пушкинъ скончался, скончался во цвѣтѣ лѣтъ, въ срединѣ своего великаго поприща!... Болѣе говорить о семъ не имѣемъ силы, да и не нужно; всякое русское сердце знаетъ всю цѣну этой невозвратимой потери и всякое русское сердце будетъ растерзано. Пушкинъ! нашъ поэтъ! наша радость, наша народная слава!.. Неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ уже у насъ Пушкина! къ этой мысли нельзя привыкнуть!
>
> 29-го января 2 ч. 45 м. по полудни.

Эти немногія строки вызвали весьма характерный эпизодъ.

[1]) Стихи его сообщены редакціи изъ Москвы, въ 1877 году, г. П. Семеновымъ, но до того они уже были напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ». Впрочемъ, есть указанія, что они написаны не Авраамомъ Сергѣевичемъ, а его братомъ Александромъ, помѣщавшимъ много весьма посредственныхъ стихотвореній въ тогдашнихъ альманахахъ.

А. А. Краевскій, на другой же день по выходѣ нумера газеты, былъ приглашенъ «для объясненій» къ попечителю С.-Петербургскаго учебнаго округа князю М. А. Дундукову-Корсакову, который былъ предсѣд. ценс. комитета. Необходимо замѣтить, что г. Краевскій состоялъ тогда на службѣ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, именно помощникомъ редактора журнала министерства и членомъ археограф. коммисіи, будучи, такимъ образомъ, вдвойнѣ зависимымъ отъ министерства: ценсура, какъ извѣстно, была въ вѣденіи того же министерства.

— «Я долженъ вамъ передать, сказалъ попечитель г. Краевскому,—что министръ (Сергѣй Семеновичъ Уваровъ) крайне, крайне недоволенъ вами! Къ чему эта публикація о Пушкинѣ? Что это за черная рамка вокругъ извѣстія о кончинѣ человѣка не чиновнаго, не занимавшаго никакого положенія на государственной службѣ? Ну, да это еще куда бы ни шло! Но что за выраженія! «Солнце поэзіи!!» помилуйте, за что такая честь? «Пушкинъ скончался.... въ срединѣ своего великаго поприща!» Какое это такое поприще? Сергѣй Семеновичъ именно замѣтилъ: развѣ Пушкинъ былъ полководецъ, военачальникъ, министръ, государственный мужъ?! Наконецъ, онъ умеръ безъ малаго сорока лѣтъ! Писать стишки не значитъ еще, какъ выразился Сергѣй Семеновичъ, проходить великое поприще! Министръ поручилъ мнѣ сдѣлать вамъ, Андрей Александровичъ, строгое замѣчаніе и напомнить, что вамъ, какъ чиновнику министерства народнаго просвѣщенія, особенно слѣдовало бы воздержаться отъ таковыхъ публикацій».

А. А. Краевскову — ничего не осталось, чтобъ успокоить «Попечителя», какъ сослаться на то, что Пушкину было, по высочайшей волѣ, поручено составленіе исторіи царствованія Петра Великаго и вотъ едва были собраны имъ матеріалы, едва готовъ онъ былъ писать исторію,—съ поприща этого труда смерть похитила историографа и поэта.

Князь М. А. Дундуковъ-Корсаковъ былъ впрочемъ добрый человѣкъ и, безъ всякаго сомнѣнія, передавая нелѣпо-гнусное замѣчаніе Уварова, оставшагося смертельнымъ врагомъ Пушкина и послѣ его роковой смерти,—едва ли въ душѣ раздѣлялъ мнѣніе о немъ Уварова

Впрочемъ на А. А. Краевскаго за его поклоненіе генію Пушкина было «обращено вниманіе» гр. Уваровымъ еще ранѣе, и вотъ по какому поводу: 4-го января 1837 г. вышелъ первый нумеръ «Литературныхъ прибавленій къ «Русскому Инвалиду», подъ редакціей г. Краевскаго. Новому литературному органу, на зубокъ, Пушкинъ далъ одно изъ прелестнѣйшихъ своихъ стихотвореній: «Аквилонъ». (Собр. соч. Пушкина, изд. 1880 г. томъ I, стр. 454).

Когда г. Краевскій, по выпускѣ перваго нумера своей газеты, представилъ его Уварову, своему начальнику;—тотъ принялъ его

крайне сухо, и по выходѣ изъ кабинета г. Краевскаго, сказалъ бывшему при этомъ кн. М. А. Дундукову-Корсакову:

— «Развѣ г. Краевскій не знаетъ, что Пушкинъ состоитъ подъ строжайшимъ присмотромъ тайной полиціи, какъ человѣкъ неблагонадежный? Служащему у меня въ министерствѣ не слѣдуетъ имѣть сношеніе съ людьми, столь вреднаго образа мыслей, какимъ отличается Пушкинъ».

Къ сказанному должно добавить, что общественное мнѣніе—прямо указывало въ 1837-мъ году на С. С. Уварова какъ на злѣйшаго врага Пушкина..... Было бы крайне желательно, дабы лица близко знавшіе Уварова и владѣющіе матеріалами къ біографіи этого, во всякомъ случаѣ, достопамятнаго человѣка, выяснили-бы отношенія его къ Пушкину.

Съ 1837 года по 1856 годъ, съ котораго у насъ появилась обширная біо-и библіографическая лѣтопись о Пушкинѣ, мы насчитали лишь слѣдующія статьи, относящіяся къ біографіи великаго поэта:

1) Ѳ. Глинка. Воспоминаніе о поэтической жизни Пушкина. М. 1837. 2) Два письма Пушкина («Современникъ» 1838 г. Томъ IX, № 1) 3). А. С. Пушкинъ, біографическій очеркъ («Современникъ» 1838 г. Томъ X, № 2). 4) Воспоминанія о Пушкина А. Грена («Современникъ» 1838 г. Т. XI, № 3). 5) Воспоминаніе о П. (Галатея Раича. 1840 г.). 6) С. Л. Пушкинъ: объ отрывкѣ изъ дневника Пушкина («Современникъ». Томъ XV, № 3, 1840 г.). 7) Рудыковскій: встрѣча съ П. «Русскій Вѣстникъ» 1841 г. Часть I. 8) Портретная и біографическая галлерея. Спб. 1841 г. 9) Замѣтка на статью въ ней. С. Л. Пушкина («Отечественныя Записки» 1841 г. № 4). 10) Уваженіе П. къ стихамъ Батюшкова («Москвитянинъ» 1841 г. книга 3). 11) Для біографіи П. («Москвитянинъ» 1842 г. кн. 3). 12) Альбомныя памяти соч. Иванчина-Писарева (тамъ же). 13) Макаровъ о дѣтствѣ П. («Современникъ» 1843 г., № 3). 14) Рядъ превосходныхъ статей В. Г. Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1843—1846 гг. 15) Рядъ статей Бурачка въ «Маякѣ» 1844 г. 16) Воспоминанія г-жи Фуксъ («Казанск. Губ. Вѣд.» 1844 г. № 2). 17) Баронъ Розенъ: ссылка на мертвыхъ («Сынъ Отечества» 1847 г. іюль). 18) Выдержки изъ дневника о Пушкинѣ В. П. Горчакова («Москвитянинъ» 1850 г. кн. 2). 19) Воспоминанія А. С. Стурдзы («Москвитянинъ» 1851 г. кн. 21). 20) Сельцо Захарово. Н. Берга («Москвитянинъ» 1851 г. кн. 9). 21) «Сюрпризъ» альманахъ кн. Оболенскаго—(воспоминаніе о П.) Спб. 1851. 22) Для біографіи П. («Москвитянинъ» 1852 г., кн. 24). 23) Родъ и дѣтство П. П. Бартенева («Отечественныя Записки» 1853 г., № 11). 24) Л. С. Пушкинъ біографич. извѣстія о П. («Москвитянинъ» 1853 г., № 10). 25) Статьи В. П. Гаевскаго («Современникъ» 1853 г., №№ 2 и 5, и 1854 г. №№ 1—9). 26) Статья К. Зеленецкаго («Москвитянинъ» 1854 г., № 9). 27) Статьи П. И. Бартенева («Московскія Вѣдомости» 1854 г., № 71, и 1855 г., №№ 142—145). 28) Замѣтка къ нимъ В. Журавлева («Московскія Вѣдомости» 1855 г. № 143). 29) Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. П. В. Анненкова. Сочиненія Пушкина. Томъ I. изд. 1855 года.

Арх. 14

СТИХОТВОРЕНІЕ И ПИСЬМО А. С. ПУШКИНА.

[Сообщилъ П. А. Ефремовъ].

По отпечатаніи и по выходѣ въ свѣтъ I-го тома послѣдняго изданія сочиненій А. С. Пушкина, мнѣ привелось увидѣть у И. Ѳ. Золотарева два подлинныхъ автографа Пушкина. Одинъ изъ нихъ заключаетъ извѣстное посланіе къ А. Ѳ. Орлову, до сихъ поръ печатавшееся со списковъ, какъ нынѣ оказывается, искаженныхъ переписчиками, и относимое не къ тому году, въ которомъ было написано (1818 вмѣсто 1819 г.). Другой автографъ—письмо къ А. И. Тургеневу, которое хотя и было напечатано съ той же самой рукописи И. Ѳ. Золотарева въ «Русскомъ Архивѣ» (1866 г. № 4), но съ необъяснимою ничѣмъ небрежностью. Именно, не говоря уже о томъ, что въ текстѣ письма вмѣсто «демократа» Пушкинъ называетъ себя у г. Бартенева подражателемъ «Демокрита», допущена непонятная небрежность въ отношеніи стиховъ письма: Пушкинъ приводитъ четыре строфы изъ своего «Наполеона» и именно тѣ, которыя не пропускались цензурою въ прежнихъ изданіяхъ и внесены вполнѣ только въ послѣднее, но не съ подлинной рукописи, а по списку. Издатель же «Русскаго Архива» напечаталъ только четыре строки и сдѣлалъ выноску: «и такъ далѣе, какъ въ печатномъ, до словъ цѣпи». Оказывается, однако, что въ печатномъ было вовсе не такъ, и рукопись исправляетъ нѣсколько неточностей, такъ что съ возстановленіемъ Пушкинскаго текста указанныя строфы пріобрѣтаютъ болѣе стройности, особенно благодаря указанію «настоящаго» заключительнаго стиха первой приводимой строфы. Вотъ эти драгоцѣнные автографы:

Къ Орлову.

О, ты, который сочеталъ
Съ душою пылкой, откровенной
(Хотя и русскій генералъ)
Любезность, разумъ просвѣщенный;
О, ты, который съ каждымъ днемъ
Вставая на военну муку,
Усталымъ усачамъ верхомъ
Преподаешь царей науку,
Но не безславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презрѣнной палкой палача!
Орловъ, ты правъ: я забываю
Свои гусарскія мечты
И съ Соломономъ восклицаю:
Мундиръ и сабля—суеты!
На генерала Киселева
Не положу своихъ надеждъ—
Онъ очень милъ, о томъ ни слова;
Онъ врагъ коварства и невѣждъ.
За шумнымъ, медленнымъ обѣдомъ
Я радъ сидѣть его сосѣдомъ;
До ночи слушать радъ его;
Но онъ придворный, обѣщанья
Ему не стоютъ ничего.
Смиривъ немирныя желанья,
Безъ доломана и усовъ,
Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ цѣвницей, нѣгой и природой,
Подъ сѣнью дѣдовскихъ лѣсовъ!
Надъ озеромъ въ спокойной хатѣ,
Или въ травѣ густыхъ луговъ,
Или холма на злачномъ скатѣ,
Въ бухарской шапкѣ и въ халатѣ.
Я буду пѣть монхъ боговъ
И буду ждать. Когда жъ возстанетъ
Съ одра покоя богъ мечей
И брани грозный вызовъ грянетъ,
Тогда покину миръ полей!
Питомецъ пламенной Беллоны
У трона вѣрный гражданинъ!
Орловъ! я стану подъ знамены
Твоихъ воинственныхъ дружинъ:
Въ шатрахъ, средь сѣчи, средь пожаровъ,
Съ мечемъ и съ лирой боевой,
Рубиться буду предъ тобой
И славу пѣть твоихъ ударовъ!

Іюль. 1819.

Письмо къ А. И. Тургеневу.

1-го декабря [1823].

Вы помните Кипренскаго, который изъ поэтическаго Рима напечаталъ вамъ въ «Сынѣ От(ечества)» поклонъ и свое почтеніе. Я обнимаю васъ изъ прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цѣня въ полной мѣрѣ и ваше воспоминаніе и дружеское попеченіе, которому я обязанъ перемѣною своей судьбы. Надобно, подобно мнѣ, провести 3 года въ душномъ Азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и невольнаго Европейскаго воздуха. Теперь мнѣ было бы совершенно хорошо, еслибъ не отсутствіе кой-кого. Когда мы свидимся, вы не узнаете меня: я сталъ скученъ какъ Грибко и благоразуменъ какъ Чеботаревъ.

Исчезла прежня живость.
Простите-жъ иногда мою мнѣ молчаливость,
Мое уныніе.... Терпите, о друзья,
Терпите казнь за то, что къ вамъ привязанъ я.

Къ стати о стихахъ: вы желали видѣть оду на смерть N. Она нехороша; вотъ вамъ самыя сносныя строфы:

Когда надеждой озаренной
Отъ рабства пробудился міръ,
И Галлъ десницей разъяренной
Низвергнулъ ветхій свой кумиръ;
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскій трупъ лежалъ
И день великій, неизбѣжный,
Свободы яркій день вставалъ —
Тогда въ волненьи бурь народныхъ
Предвидя чудный свой удѣлъ,
Въ его надеждахъ благородныхъ
Ты человѣчество презрѣлъ.
Въ свое погибельное счастье
Ты дерзкой вѣровалъ душой,
Тебя плѣняло самовластье
Разочарованной красой.
И обновленнаго народа
Ты буйность юную смирилъ;
Новорожденная свобода,
Вдругъ онѣмѣвъ, лишилась силъ.
Среди рабовъ до упоенья
Ты жажду власти утолилъ,
Помчалъ къ боямъ ихъ ополченья
Ихъ цѣпи лаврами обвилъ.

Вотъ послѣдняя:

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ возмутитъ укоромъ
Твою развѣнчанную тѣнь!
Хвала! Ты Русскому народу
Высокій жребій указалъ,
И міру вѣчную свободу
Изъ мрака ссылки завѣщалъ.

Эта строфа нынѣ не имѣетъ смысла, но она писана въ началѣ 1821 года. Впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ; я закаялся и написалъ на-дняхъ подражаніе баснѣ умѣреннаго демократа:

(Изыде сѣятель сѣяти сѣмена своя).
Свободы сѣятель пустынный
Я вышелъ рано, до звѣзды;
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя;
Но потерялъ я только время,
Благія мысли и труды....
Насытесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство ихъ изъ рода въ роды
Ярмо съ гремушками да бичъ.

Поклонъ братьямъ и братьѣ. Благодарю васъ за то, что вы успокоили меня на счетъ Н. М. и К. А. К(арамзиныхъ). Но, что дѣлаетъ поэтическая, незабвенная, конституціональная, Анти-Польская, небесная княгиня Голицына? Возможно-ли, чтобъ я еще жалѣлъ о вашемъ Петербургѣ.

Жуковскому грѣхъ; чѣмъ я хуже принц. Шарлотты, что онъ мнѣ ни строчки въ 3 года не напишетъ. Правда-ли, что онъ переводитъ «Гяура»? А я надосугѣ пишу новую поэму, Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлебываюсь желчью, и двѣ пѣсни уже готовы.

Примѣчаніе. Замѣтимъ, что въ послѣднемъ письмѣ мы позволили себѣ сдѣлать поправку, основанную на другой бывшей у насъ подлинной рукописи стихотворенія о сѣятелѣ. Вѣроятно, при скорости писанія Пушкинъ пропустилъ въ письмѣ къ Тургеневу девятый стихъ этого стихотворенія, возстановленный нами. Съ вставкою его, какъ и слѣдовало, изъ шести послѣднихъ стиховъ три имѣютъ одну риѳму, и три — другую, безъ него же это единство нарушалось.

П. А. Ефремовъ.

Письмо А. С. Пушкина къ Павлу Борисовичу Мансурову

[1819 г.].

На силу упросилъ я Всеволожскаго [1]), чтобъ онъ позволилъ мнѣ написать тебѣ нѣсколько строкъ, любезный Мансуровъ, чудо-Черкесъ! Здоровъ-ли ты, моя радость; веселъ-ли ты моя прелесть—помнишь-ли насъ, друзей твоихъ (мужескаго полу)— —мы не забыли тебя, и въ 7 часовъ съ $^1/_2$ каждый день поминаемъ въ театрѣ рукоплесканьями, вздохами—и говоримъ: свѣтъ-то нашъ Павелъ! что-то дѣлаетъ онъ теперь въ великомъ Новгородѣ? завидуетъ намъ—и плачетъ о Кр... [2])— — — — Каждое утро крылатая дѣва летитъ на репетицію мимо оконъ нашего Никиты, по прежнему подымаются на нее телескопы — — — — но увы...., ты не видишь ее, она не видитъ тебя — Оставимъ Элегію, мой другъ. Исторически буду говорить тебѣ о нашихъ—все идетъ по прежнему; Шампанское, слава Богу, здорово — Актрисы также— . . . . . такъ и должно. . . . . Всеволожскій N. играетъ; мѣлъ столбомъ! деньги сыплются! Сосницкая и Кн. Шаховской толстѣютъ и глупѣютъ—а я въ нихъ не влюбленъ—однакожъ его вызывалъ за его дурную комедію [3]), а ее за посредственную игру—Tolstoy [4]) боленъ . . . . . Зеленая Лампа [5]) нагорѣла—кажется гаснетъ—а жаль—масло есть (т. е. Шампанское нашего друга) пишешь ли ты мой собратъ—напишишь ли мнѣ, мой холосенькой—поговори мнѣ о себѣ—о военныхъ

---

[1]) Никита Всеволодовичъ.

[2]) Крыловой, актрисѣ, отличавшейся, сколько извѣстно, болѣе наружностью, чѣмъ искусствомъ. Точки на строкахъ находятся въ самомъ подлинномъ письмѣ. Черточками — — — — — — — — — — — — означаемъ слова пропущенныя нами какъ вовсе непригодныя для печати.

[3]) «Пустодомы», комедія въ 5-ти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, игранная въ первый разъ 10-го декабря 1819 года.

[4]) Яковъ Николаевичъ.

[5]) Извѣстное дружеское общество, къ которому принадлежали и упоминаемыя въ письмѣ лица. Эти послѣднія жили близъ Большаго театра, въ домѣ, кажется, до сихъ поръ уцѣлѣвшемъ (бывшемъ въ недавнее время Галахова).

Я. Г.

поселеньяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу деспотизмъ—прощай, лапочка. Пушкинъ.

27-го oct. 1819.

Примѣчаніе. Помѣщаемое здѣсь письмо А. С. Пушкина, принадлежащее къ первому періоду его петербургской жизни, передано мнѣ въ подлинномъ автографѣ Борисомъ Павловичемъ Мансуровымъ. Отецъ его Павелъ Борисовичъ, къ которому оно адресовано, состоялъ въ то время адъютантомъ при генералѣ Депрерадовичѣ; въ 1812—1814 годахъ онъ былъ ординарцемъ Раевскаго, въ 1815 поступилъ въ конноегерскій полкъ. Въ 1825 году онъ женился и вышелъ въ отставку, позднѣе служилъ одно время въ министерствѣ финансовъ. Достигнувъ глубокой старости, онъ въ настоящее время доживаетъ свой вѣкъ въ деревнѣ.

Сообщ. академикъ Я. К. Гротъ.

ПИСЬМА А. С. ПУШКИНА КЪ Н. И. ГНѢДИЧУ

1820—1830 гг.

Письма Пушкина къ Гнѣдичу, по своей безъискусственной простотѣ и откровенности, представляютъ собою одинъ изъ особенно интересныхъ матеріаловъ для біографіи нашего великаго поэта, а между тѣмъ они почти неизвѣстны біографамъ, потому что являлись разбросанными отрывочно по многимъ изданіямъ и въ разные годы. Между прочимъ шесть изъ нихъ были напечатаны въ журналѣ «Современное Обозрѣніе», въ 1868 г., изданіи, прекратившемся на полугодіи и имѣвшемъ очень мало подписчиковъ, такъ что вышедшихъ книжекъ уже давно не встрѣчается въ продажѣ. Поэтому мы сочли не лишнимъ воспроизвести эту переписку, вновь провѣривъ текстъ съ подлинниками, хранящимися у насъ и у П. Я. Дашкова. Переписка начинается коротенькою запиской, писанной передъ самой высылкою Пушкина изъ Петербурга на югъ Россіи, то есть въ концѣ апрѣля или въ началѣ мая 1820 г., когда только хлопотамъ П. Я. Чаадаева и заступничеству Н. М. Карамзина Пушкинъ былъ обязанъ, что его не постигло болѣе суровое наказаніе.

П. А. Ефремовъ.

I.

(Безъ означенія мѣста и года).

Чадаевъ хотѣлъ меня видѣть непремѣнно—и просилъ отца прислать меня къ нему, какъ можно скорѣе. По счастію—тутъ и все. Дѣло шло о новыхъ слухахъ, которые нужно предупредить. Благодарю за участіе и безпокойство. Пушкинъ.

II.

(Изъ Каменки 1820).

Вотъ уже восемь мѣсяцовъ, какъ я веду страннческую жизнь (1), почтенный Николай Ивановичъ. Былъ я на Кавказѣ, въ Крыму, въ Молдавіи, и теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ отшельниковъ, братьевъ генерала Раевскаго (2). Время мое протекаетъ. между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разсѣянное, было недавно—разнообразная и веселая смѣсь

умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любопытныхъ для незнакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, немного стиховъ. — Вы повѣрите легко, что, преданный мгновенью, мало заботился я о толкахъ Петербургскихъ. Поэму мою, напечатанную подъ вашимъ отеческимъ надзоромъ и поэтическомъ покровительствѣ, я не получилъ (3), но сердечно благодарю васъ за милое ваше попеченіе. Нѣкоторые №—ра Сына (4) доходили до меня. Видѣлъ я прекрасный переводъ Андромахи (5), котораго читали вы мнѣ въ вашемъ эпикурейскомъ кабинетѣ и вдохновенныя строфы:

«Уже въ послѣдній разъ привѣтствовать я мнилъ» и проч.

Они оживили во мнѣ воспоминанья объ васъ и чувство прекраснаго, всегда драгоцѣнное для моего сердца, но не примирили меня съ критиками, которыя нашелъ я въ томъ же Сынѣ Отечества. Кто такой этотъ В. (6), который хвалитъ мое цѣломудріе, укоряетъ меня въ безстыдствѣ, говоритъ мнѣ: краснѣй, нещастной! (что между прочимъ очень неучтиво), говоритъ, что характеры моей поэмы писаны мрачными красками этаго нѣжнаго, чувствительнаго Корреджіо, и смѣлою кистію Орловскаго, который кисти въ руки не беретъ и рисуетъ только почтовыя тройки да киргизскихъ лошадей? Согласенъ со мнѣніемъ неизвѣстнаго эпиграммиста — критика его для меня ужасно какъ тяжка (7). Допрощикъ умнѣе (8), а тотъ, кто взялъ на себя трудъ отвѣчать ему (благодарность и самолюбіе въ сторону), умнѣе всѣхъ ихъ (9). Въ газетахъ читалъ я, что Русланъ, напечатанный для пріятнаго препровожденія скучнаго времени, продается съ превосходною картинкою (10); кого мнѣ за нее благодарить? Друзья мои! надѣюсь увидѣть васъ передъ своей смертію. Покамѣстъ у меня еще поэма готова или почти готова (11). Прощайте, нюхайте гишпанскаго табаку и чихайте громче, еще громче. Пушкинъ.

Каменка, 4-го декабря 1820 г.

Гдѣ Жуковскій? уѣхалъ-ли онъ съ Ея В? (12). Обнимаю съ братскимъ лобзаніемъ Дельвига и Кюхельбекера. Объ немъ нѣтъ ни слуха, ни духа,—журнала его не видалъ, писемъ также (13).

Мой адресъ: въ Кишиневъ—Его Пр. Ивану Никитичу Инзову.

III.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанный
И хитрымъ Августомъ изгнанный
Овидій мрачны дни влачилъ;
Гдѣ элегическую лиру
Глухому своему кумиру
Онъ малодушно посвятилъ,
Далече сѣверной столицы
Забылъ я вѣчный вашъ туманъ,
И вольный гласъ моей цѣвницы
Тревожитъ сонныхъ Молдаванъ.
Все тотъ же я какъ былъ и прежде:
Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,

Съ Орловымъ (14) спорю, мало пью,
Октавію—въ слѣпой надеждѣ—
Молебновъ лести не пою,
И Дружбѣ легкія посланья
Пишу безъ строгаго старанья.
Ты, коему судьба дала
И смѣлый умъ и духъ высокой,
И важнымъ пѣснямъ обрекла,
Отрадѣ жизни одинокой;
О ты, которой воскресилъ
Ахилла призракъ величавый,
И смѣлую пѣвицу славы
Отъ звонкихъ узъ освободилъ (15),
Твой гласъ достигъ уединенья,
Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
Ханжи и гордаго глупца—
И вновь онъ оживилъ пѣвца,
Какъ сладкій голосъ вдохновенья.
Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
Твои хвалы мнѣ драгоцѣнны;
Для Музъ и дружбы живъ поэтъ.
Его враги ему презрѣнны:
Онъ Музу битвой площадной
Не унижаетъ предъ народомъ,
И поучительной лозой
Зоила хлещетъ мимоходомъ.

Вдохновительное письмо ваше, почтенный Николай Ивановичъ, нашло меня въ пустыняхъ Молдавіи; оно обрадовало и тронуло меня до глубины сердца—благодарю за воспоминаніе, за дружбу, за хвалу, за упреки, за форматъ этого письма—все показываетъ участіе, которое принимаетъ живая душа ваша во всемъ что касается до меня. Платье, сшитое по заказу вашему на Руслана и Людмилу прекрасно. И вотъ уже четыре дни какъ печатные стихи, виньета и переплетъ дѣтски утѣшаютъ меня. Чувствительно благодарю почтеннаго А. О. (Оленина); эти черты сладкое для меня доказательство его любезной благосклонности.—Не скоро увижу я васъ; здѣшнія обстоятельства пахнутъ долгой, долгою разлукой! Молю Феба и Казанскую Богоматерь, чтобъ возвратился я къ вамъ съ молодостью, воспоминаньями и еще новой поэмой;—та, которую недавно кончилъ, окрещена Кавказскимъ плѣнникомъ. Вы ожидали многое, какъ видно изъ письма вашего—найдете малое, очень малое. Съ вершинъ заоблачныхъ безснѣжнаго Бешту видѣлъ я только въ отдаленьи ледяныя главы Казбека и Эльбруса.—Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи въ глухихъ ущеліяхъ Кавказа—я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца,—гдѣ возвышаются въ дальномъ разстояніи другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняя Кавказа.—Во всей поэмѣ не болѣе 700 стиховъ—въ скоромъ времени пришлю вамъ ее—дабы сотворили вы съ нею что только будетъ угодно.—

Кланяюсь всѣмъ знакомымъ, которые еще меня не забыли—обнимаю дру-

зей.—Съ нетерпѣніемъ ожидаю 9-го тома Русской Исторіи—Что дѣлаетъ Н. М.? (Карамзинъ) здоровы ли онъ, жена и дѣти?—Это почтенное семейство ужасно недостаетъ моему сердцу.—Дельвигу пишу въ вашемъ письмѣ—Vale. Пушкинъ.

1821 марта 24 Кишиневъ.

IV.

29 апрѣля 1822. Кишиневъ.

Parve (nec invideo) sine me, liber, ibis in urbem,
Heu mihi! quo domino non licet ire tuo.

Не изъ притворной скромности прибавлю: Vade, sed incultus, qualem decet exulis esse! недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ явны что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Поэту возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предаю моего Кавказскаго плѣнника: въ награду за присылку прелестной вашей Идиліи (о которой мы поговоримъ на досугѣ) завѣщаю вамъ скучныя заботы изданія, но дружба ваша меня избаловала. Назовите это стихотвореніе сказкой, повѣстію, поэмой или вовсе никакъ не называйте, издайте его въ двухъ пѣсняхъ или только въ одной, съ предисловіемъ или безъ, отдаю вамъ въ полное распоряженіе. Vale. Пушкинъ.

Это письмо сохранилось и въ черновомъ наброскѣ найденномъ въ бумагахъ Пушкина, но изъ этого наброска въ переписанное письмо вошло только двѣ строки. Вотъ этотъ черновой оригиналъ:

«Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно—такъ ясны, что я долго не могъ рѣшиться ее напечатать. Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія, описаніе нравовъ Черкесскихъ не связано съ происшествіемъ и есть не иное что, какъ географическая статья, или отчетъ путешественника. Характеръ главнаго лица (а всего-то ихъ двое) приличенъ болѣе роману, нежели поэмѣ, да и что за характеръ? Кого займетъ изображеніе молодаго человѣка, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ Кавказской дѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было-бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собой истекали-бы изъ предметовъ. Черкесъ, плѣнившій моего Русскаго, могъ быть любовникомъ его избавительницы; мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть каждый свою роль, свой характеръ—всѣмъ этимъ я пренебрегъ: во первыхъ, отъ лѣни; во вторыхъ, что разумныя эти размышленія пришли мнѣ на умъ тогда, когда обѣ части поэмы были уже кончены, а съ-изнова начинать не имѣлъ я духа.... Вы видите, что отеческая нѣжность не ослѣпляетъ меня на счетъ Кавказскаго плѣнника, но, признаюсь, люблю его, самъ не зная за что: въ немъ есть стихи моего сердца....»

V.

(Изъ Кишинева 1822 г.).

Благодарю васъ, любезный и почтенный, за то, что вспомнили вы Бессарабскаго Пустынника. Онъ молчитъ, боясь надоѣдать тѣмъ, которыхъ любитъ, но очень радъ случаю поговорить съ вами объ чемъ бы то ни было.

Если можно приступить ко второму изданію Руслана и Плѣнника (16), то всего бы короче для меня положиться на вашу дружбу, опытность и попеченіе; но ваши предложенія останавливаютъ меня по многимъ причинамъ: 1) Увѣрены-ли вы, что Цензура, поневолѣ пропустившая въ 1-й разъ Руслана, нынче не опомнится и не заградитъ пути второму его пришедствію? Замѣнять же прежнее новымъ, въ ея угоду, я не въ силахъ и не намѣренъ. 2) Согласенъ съ вами, что предисловіе есть пустословіе довольно скучное (17), но мнѣ никакъ не льзя согласиться на присовокупленіе новыхъ бредней моихъ: онѣ мною обѣщаны Якову Толстому (18) и должны поступить въ свѣтъ особливо. Правда, есть у меня готовая поэмка (19), да NB Цензура.

Tout bien vu, не кончить-ли дѣла предисловіемъ. Дайте попробовать, авось не наскучу. Я что-то въ милости у русской публики.

Je n'ai pas mérité
Ni cet excès d'honneur ni cette indignité.

Какъ бы то ни было, воспользуюсь своимъ случаемъ, говоря ей правду неучтивую, но, быть можетъ, полезную. Я очень знаю мѣру понятія, вкуса и просвѣщенія этой публики. Есть у насъ люди, которые выше ея; этихъ она недостойна чувствовать; другіе ей по плечу; этихъ она любитъ и почитаетъ. Помню, что Хмѣльницкій читалъ однажды мнѣ своего Нерѣшительнаго. Услыша стихъ: И должно честь отдать, что нѣмцы аккуратны—я сказалъ ему: вспомните мое слово, при этомъ стихѣ все захлопаетъ и захохочетъ. — А что тутъ остраго, смѣшнаго? Очень желалъ бы знать, сбылось-ли мое предсказаніе.

Вы, коего Геній и труды слишкомъ высоки для этой дѣтской публики, что вы дѣлаете, что дѣлаетъ Гомеръ? Давно не читалъ я ничего прекраснаго. Кюхельбекеръ пишетъ мнѣ четырестопными стихами, что онъ былъ въ Германіи, въ Парижѣ, на Кавказѣ, и что онъ падалъ съ лошади. Все это къ стати о Кавк. Плѣнникѣ. Отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ, о Баратынскомъ также—но я люблю ихъ и лѣнивыхъ. Vale, sed delenda est censura. Пушкинъ.

13-го мая, Кишиневъ. (1822).

Своего портрета у меня нѣтъ—да на кой чортъ имѣть его.

Знаете ли вы трогательный обычай русскаго мужика въ свѣтлое воскресеніе выпускать на волю птичку? Вотъ вамъ стихи на это—

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку отпускаю
На свѣтломъ праздникѣ весны

Я сталъ доступенъ утѣшенью:
За чемъ на Бога мнѣ роптать,
Когда хоть одному творенью
Могу я волю даровать?

Напечатаютъ ли безъ имени въ С. О.? (20)

VI.

(Изъ Кишинева, 1822 г.).

Письмо ваше такое существительное, которому не нужно было прилагательнаго, чтобъ меня искренно обрадовать. Отъ сердца благодарю васъ за ваше дружеское попеченіе. Вы избавили меня отъ большихъ хлопотъ, совершенно обезпечивъ судьбу Кавказскаго плѣнника. Ваши замѣчанія на счетъ его недостатковъ совершенно справедливы и слишкомъ снисходительны; но дѣло сдѣлано. Пожалѣйте обо мнѣ: живу межъ Гетовъ и Сарматовъ; никто не понимаетъ меня; со мною нѣтъ просвѣщеннаго Аристарха; пишу какъ нибудь, не слыша ни оживительныхъ совѣтовъ, ни похвалъ, ни порицаній. Но какова наша цензура? Признаюсь, никакъ не ожидалъ отъ нее такихъ большихъ успѣховъ въ эстетикѣ. Ея критика приноситъ честь ея вкусу. Принужденъ съ нею согласиться во всемъ: Небесный пламень слишкомъ обыкновенно; долгій поцелуй поставлено слишкомъ на выдержку (trop hasardé). Его томительную нѣгу вкусила тутъ она вполнѣ — дурно, очень дурно — и потому осмѣливаюсь замѣнить этотъ Киргизъ-Кайсацкій стишокъ слѣдующими: Какой угодно

поцелуй разлуки
Союзъ любви запечатлѣлъ.
Рука съ рукой, унынья полны
Сошли ко брегу въ тишинѣ—
И Руской въ шумной глубинѣ
Уже плыветъ и пѣнитъ волны
Уже противныхъ скалъ достигъ,
Уже хватается за нихъ,
Вдругъ и проч.

Съ подобострастіемъ предлагаю эти стихи на разсмотрѣніе цензуры—между тѣмъ поздравьте ее отъ моего имени—конечно, иные скажутъ, что эстетика не ея дѣло; что она должна воздавать кесарево кесарю, а Гнѣдичево Гнѣдичу, но мало-ли что говорятъ.

Я отвѣчалъ Бестужеву и послалъ ему кое что. Нельзя-ли опять стравить его съ Катенинымъ? Любопытно бы. Г. Гречъ разсмѣшилъ меня до слезъ своею сравнительною скромностью. Жуковскому я также писалъ, а онъ и въ усъ не дуетъ: нельзя-ли его разшевелить? Нельзя-ли потревожить и Слѣпина, если онъ купилъ остальные экземпляры «Руслана». Съ нетерпѣніемъ ожидаю Шильонскаго узника; это не чета Пери (21) и достойно такого переводчика, каковъ пѣвецъ «Громобоя» и «Старушки». Впрочемъ, мнѣ досадно, что онъ переводитъ, и переводитъ отрывками—иное дѣло Тассъ, Аріостъ и Гомеръ, иное дѣло пѣсни Маттисона и уродливыя повѣсти Мура. Когда-то говорилъ онъ

мнѣ о поэмѣ «Родригъ» Саутея; попросите его отъ меня, чтобъ онъ оставилъ его въ покоѣ, не смотря на просьбу одной прелестной дамы. Англійская словесность начинаетъ имѣть вліяніе на русскую. Думаю, что оно будетъ полезнѣе вліянія французской поэзіи, робкой и жеманной. Тогда нѣкоторые люди упадутъ, и посмотримъ гдѣ очутится Ив. Ив. Дмитріевъ съ своими чувствами и мыслями, взятыми изъ Флоріана и Легуве (22) Такъ-то пророчу я не въ своей землѣ—а между тѣмъ не предвижу конца нашей разлуки. Здѣсь у насъ Молдованно и тошно; ахъ, Боже мой, что-то съ нимъ (23) дѣлается— судьба его меня безпокоитъ до крайности—напишите мнѣ о немъ, если будете отвѣчать. А. Пушкинъ.

27-го іюня.

VII.

(Изъ Кишинева, 1822 г.).

Пріѣхали плѣнники (24)—и сердечно васъ благодарю, милый Николай Ивановичъ. Перемѣны, требуемыя цензурою, послужили въ пользу моего (25); признаюсь, что я думалъ увидѣть знаки роковыхъ ея когтей въ другихъ мѣстахъ и безпокоился;—напримѣръ, еслибъ она перемѣнила стихъ простите, вольныя станицы, то мнѣ было-бы жаль. Но, слава Богу! Горькой поцелуй прелесть; ей дней ей-ей неблагозвучнѣе ночей; уповательныхъ мечтаній: упоительныхъ; на домы, дождь и градъ; на долы (26). Вотъ единственныя ошибки, замѣченныя мною.

Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю похожъ ли; примѣчаніе издателей очень лестно—не знаю справедливо-ли (27). Переводъ Жуковскаго est un tour de force. Злодѣй! въ бореньяхъ съ трудностью силачь необычайной! Должно быть Байрономъ, чтобъ выразить съ столь страшной истинной первые признаки сумасшествія, а Жуковскимъ, чтобъ это перевыразить. Мнѣ кажется, что слогъ Жуковскаго въ послѣднее время ужасно возмужалъ, хотя утратилъ первоначальную прелесть. Ужъ онъ не напишетъ ни Свѣтланы, ни Людмилы, ни прелестныхъ Элегій 1-й части Спящихъ Дѣвъ. Дай Богъ, чтобъ онъ началъ создавать.

Князь Александръ Лобановъ предлагаетъ мнѣ напечатать мои мѣлочи въ Парижѣ. Спасите ради Христа; удержите его, покрайнѣй мѣрѣ до моего пріѣзда, — а я вынырну и явлюсь къ вамъ. — Катенинъ ко мнѣ писалъ, не знаю получилъ-ли мой отвѣтъ. Какъ вашъ Петербургъ поглупѣлъ! а побывать тамъ бы нужно. Мнѣ брюхомъ хочется театра и кой-чего еще. Дельвигу и Баратынскому буду писать. Обнимаю васъ отъ души. А. Пушкинъ.

27-го сентября, Кишиневъ.

Я писалъ къ брату, чтобъ онъ Слѣпина упросилъ не печатать моего портрета. Если на то нужно мое согласіе—то я не согласенъ.

VIII.

(Изъ деревни, 1825 г.).

Кажется, вамъ обязанъ Онѣгинъ покровительствомъ Шишкова и счастливымъ избавленіемъ отъ Бирукова (28). Вижу, что дружба наша не измѣнилась, и это меня утѣшаетъ.

Нынѣшнія мои обстоятельства не позволяютъ мнѣ и желать вашихъ писемъ. Но жду стиховъ вашихъ, хоть печатныхъ, хоть рукописныхъ.—Пѣсни

Греческія прелесть и tour de force (29). Объ остроумномъ предисловіи можно бы потолковать? Сходство пѣсенной поэзіи обоихъ народовъ явно—но причины?...

Братъ говорилъ мнѣ о скоромъ совершеніи вашего Гомера. Это будетъ первый классическій, Европейской подвигъ въ нашемъ Отечествѣ (чортъ возьми это Отечество!). Но отдохнувъ послѣ Иліады, что предпримите вы въ полномъ цвѣтѣ Генія, возмужавъ во храмѣ Гомеровомъ, какъ Ахиллъ въ вертепѣ Кентавра? Я жду отъ васъ Эпической Поэмы. Тѣнь Святослава скитается не воспѣтая—писали вы мнѣ когда-то. А Владиміръ? А Мстиславъ? А Донской? А Ермакъ? А Пожарской? Исторія народа принадлежитъ поэту.

Когда вашъ корабль, нагруженный сокровищами Греціи, входитъ въ пристань при ожиданьи толпы — стыжусь вамъ говорить о моей мѣлочной лавкѣ № 1.—Много у меня начато; ничего неокончено. Сижу у моря, жду перемѣны погоды. Ничего не пишу, а читаю мало, потому что вы мало печатаете.

23-го февраля, день объявленія греческаго
бунта Александромъ Ипсиланти.

IX.

(Въ Петербургѣ. 1830 г.).

Я радуюсь, я щастливъ, что нѣсколько строкъ, робко набросанныхъ мною въ Газетѣ, могли тронуть васъ до такой степени (30). Незнаніе греческаго языка мѣшаетъ мнѣ приступить къ полному разбору Иліады вашей. Онъ не нуженъ для вашей славы, но былъ бы нуженъ для Россіи, Обнимаю васъ отъ сердца. Если вы будете у Andrieux, то я туда загляну. Увижусь съ вами прежде.

Весь вашъ Пушкинъ.

ПРИМѢЧАНІЯ П. А. ЕФРЕМОВА.

1. Пушкинъ былъ сосланъ на югъ Россіи въ началѣ мая 1820 г., въ половинѣ мая былъ уже въ Екатеринославлѣ, въ концѣ (съ разрѣшенія Инзова) поѣхалъ съ Н. Н. Раевскимъ и его семействомъ на Кавказъ, оттуда (въ августѣ) въ Крымъ и наконецъ (въ сентябрѣ) проводилъ Раевскихъ до села Каменки, подъ Кіевомъ, гдѣ жили ихъ родственники Давыдовы. Потомъ Пушкинъ отправился уже въ Кишиневъ и отсюда опять ѣздилъ въ Каменку и Кіевъ, въ концѣ 1820 и въ началѣ 1821 г.

2. Въ Каменкѣ жила мать героя 1812 г., Н. Н. Раевскаго, рожденная гр. Самойлова, во второмъ бракѣ Давыдова. Изъ дѣтей ея (Александръ и Василій Львовичи) старшій былъ женатъ на гр. Грамонъ (Аглая).

3. «Русланъ и Людмила», вышедшая съ 1820 г.

4. «Сынъ Отечества».

5. Отрывки напечатаны въ «Сынѣ Отечества», а отдѣльно переводъ не былъ изданъ.

6. А. Ѳ. Воейковъ. Статьи его напечатаны въ № 34—37 «Сына Отечества» 1820 г. Ни г. Анненковъ, ни г. Геннади, не указали Воейкова, тогда какъ на это указано въ самомъ «Сынѣ Отечества» (№ 43, стр. 114).

7. Послѣдній стихъ эпиграммы, приписываемой И. А. Крылову и напечатанной въ «Сынѣ Отечества» 1820 г., № 38.

8. Послѣ критики Воейкова въ № 38 «Сына Отечества» напечатано «Письмо къ сочинителю критики на поэму «Русланъ и Людмила», въ которомъ N. N. предлагаетъ Воейкову вопросы о недостаткахъ поэмы. Авторъ вопросовъ, былъ молодой гвардейскій офицеръ Дм. Петр. Зыковъ.

9. «Замѣчанія» на письмо Зыкова напечатаны въ № 41 «Сынѣ Отечества», съ подписью К. Григорій Б—въ. Село Хмарино. Но этимъ полемика не кончилась и въ № 42 были напечатаны новыя «Замѣчанія» въ защиту Воейкова, съ подписью П. К—въ (самъ же Воейковъ), Павловскъ; а въ № 43 помѣщенъ «Скромный отвѣтъ на нескромное замѣчаніе Г. К—ва», съ подписью М. К—въ.

10. Виньетка, изображающая нѣсколько сценъ изъ поэмы, составлена была А. Н. Оленинымъ, рисована А. Ивановымъ и гравирована М. Ивановымъ.

11. «Кавказскій Плѣнникъ».

12. В. А. Жуковскій въ то время состоялъ преподавателемъ русскаго языка при великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. За границу онъ сопровождалъ высочайшихъ особъ въ началѣ 1821 г.

13. Лицейскій товарищъ Пушкина В. К. Кюхельбекеръ въ 1820—1821 г., участвовалъ вмѣстѣ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, въ журналѣ «Невскій Зритель». Замѣчательно, что и въ этомъ журналѣ поэма «Русланъ и Людмила» не была одобрена за ея «безнравственность».

14. Михаилъ Ѳедоровичъ, командовавшій тогда дивизіей въ Кишиневѣ, братъ извѣстнаго Алексѣя Ѳедоровича.

15. Гнѣдичъ началъ было продолжать переводъ «Иліады» Кострова александрійскими стихами съ риѳмами, но вскорѣ оставилъ и принялся за переводъ гекзаметрами (безъ риѳмъ).

16. Второе изданіе—относится только къ «Руслану и Людмилѣ», а не къ «Кавказскому Плѣннику».

17. Вѣроятно, была переписка о томъ, чтобъ ко второму изданію «Руслана» было приложено предисловіе, на что Гнѣдичъ, по видимому, не соглашался. Въ 1828 году вышло это 2-е изданіе съ обширнымъ предисловіемъ.

18. Отправляясь въ ссылку, Пушкинъ взялъ у Н. В. Всеволожскаго 1,000 р. и за это отдалъ ему для изданія приготовленную къ печати рукопись своихъ стихотвореній. Въ 1822 г. князь Лобановъ-Ростовскій хотѣлъ купить право изданія и общій ихъ знакомый Я. Н. Толстой велъ съ Пушкинымъ переговоры. Вѣроятно, дѣло остановилось, какъ только Пушкинъ узналъ, что печатать его стихотворенія предполагается за границею. Изъ слѣдующаго письма видно, какъ это его встревожило.

19. По всей вѣроятности—«Бахчисарайскій Фонтанъ».

20. Это стихотвореніе напечатано было въ «Литературныхъ Листкахъ» Ѳ. Булгарина 1823 г. № 2, съ замѣною словъ въ 4-мъ стихѣ: при свѣтломъ; въ 6-мъ: за что и въ послѣднемъ: я могъ свободу даровать. Въ слѣдующихъ изданіяхъ вмѣсто: отпускаю — выпускаю. Булгаринъ прибавилъ къ стихотворенію свое примѣчаніе, въ которомъ примѣнилъ его «къ выкупу изъ тюрьмы невинныхъ должниковъ».

21. Жуковскій перевелъ изъ Томаса Мура «Пери и Ангелъ». Стихи эти были напечатаны въ «Сынѣ Отечествѣ», 1821 г., № 20.

22. Пушкинъ въ это время былъ сердитъ на Дмитріева за его нелестный отзывъ о «Русланѣ и Людмилѣ».

23. Съ В. К. Кюхельбекеромъ, о которомъ Пушкинъ вспомнилъ написавъ слово «Молдаванно», потому что оно напоминало ему его же эпиграмму, съ выраженіемъ «Кюхельбекерно».

24. Гнѣдичъ одновременно напечаталъ «Кавказскаго Плѣнника» и «Шильонскаго Узника». Не только эти двѣ поэмы, но даже «Орлеанская Дѣвственница» Жуковскаго съ трудомъ проходили черезъ тогдашнюю цензуру. Вотъ что писалъ Жуковскій: «Что узникъ? любезный Гандишь! Ты теперь сдѣлался тюремщикомъ. Къ тебѣ пріѣхалъ, говорятъ, съ Кавказа другой прекраснѣйшій узникъ, которому дай ко мнѣ прогуляться, хотя на поруку, а моего продай... И Іоанна попала въ узники и къ такому тюремщику, что уже не видать ей свободы. Мы, кажется, не въ Европѣ, а у.....».

25. Т. е. «Кавказскаго Плѣнника».

26. Всѣ эти опечатки исправлены были въ изд. 1828 г., но въ письмѣ къ кн. Вяземскому, Пушкинъ указалъ еще нѣсколько ошибокъ, оставшихся потомъ не исправленными (Р. Архивъ 1874 г., №1). Цензурою было измѣнено между прочимъ:

«Немного радостныхъ ей дней
Судьба на долю ниспослала».

Вмѣсто:

«Немного радостныхъ ночей
Судьба на долю ей послала».

Кромѣ того были исключены восемь стиховъ изъ 1-й части поэмы, оставшіеся не внесенными и въ слѣдующія изданія, кромѣ вышедшаго въ прошедшемъ маѣ мѣсяцѣ. Именно, послѣ стиховъ:

Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.
«Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленныя тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый идолъ обнималъ».

27. Къ этому изданію былъ приложенъ портретъ молодаго Пушкина, въ гравюрѣ Гейтмана, съ замѣткою издателей, въ которой, между прочимъ, сказано: «они думаютъ, что пріятно сохранить юныя черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ». Превосходный снимокъ, геліографическій, съ этого портрета приложенъ при апрѣльской книгѣ «Русской Старины» изд. 1879 г.

28. Первая глава «Онѣгина вышла въ Петербургѣ», въ началѣ 1825 г. Цензурное разрѣшеніе подписано цензоромъ Бируковымъ 24-го декабря 1824 г. Шишковъ былъ въ то время министромъ народнаго просвѣщенія.

29. Пушкинъ говоритъ о вышедшей тогда книгѣ: «Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ грековъ, съ подлинникомъ. Изд. и перев. въ стихахъ, съ прибавленіемъ введенія, сравненія ихъ съ простонародными пѣснями русскими и примѣч. Н. Гнѣдичемъ» (С.-Пб., 1825 г.).

30. Замѣтка о выходѣ «Иліады» въ переводѣ Гнѣдича была помѣщена Пушкинымъ въ № 2 «Литературной Газеты» 1830 г.

П. А. Ефремовъ.

ЖОБАРЪ И ПУШКИНЪ

1836 г.

М. А. Веневитиновъ предоставилъ въ мое литературное распоряженіе цѣлую пачку документовъ по дѣлу профессора Жобара. Съ благодарностью пользуясь даннымъ мнѣ правомъ, спѣшу сообщить изъ этого дѣла нѣсколько документовъ, открывающихъ еще одну печальную страницу въ исторіи послѣднихъ дней Пушкина, когда испытанія и потрясенія падали на измученную душу поэта даже съ такихъ сторонъ, откуда не только нельзя было ихъ ожидать, но и существованія которыхъ невозможно было подозрѣвать. Одинъ изъ такихъ «камней на голову» упалъ изъ рукъ Жобара.

Имя Жобара едва-ли кому изъ читателей извѣстно, а между тѣмъ ему суждено было прибавить не малую каплю горечи къ той чашѣ страданій, которую испивалъ поэтъ, и можетъ быть, косвенно, безъ знанія и намѣренія, повліять и на самый трагическій исходъ его жизни. Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ этой личности. Не будемъ передавать всей его исторіи, которая со временемъ представитъ любопытный эпизодъ для характеристики администраціи 1830-хъ годовъ въ области просвѣщенія и правосудія, частію потому, что она не вся и не вполнѣ намъ извѣстна, частію потому, что и въ этихъ отрывкахъ она представляется безконечно длинною и чрезвычайно сложною. Ограничимся только краткимъ перечнемъ главнѣйшихъ фактовъ его біографіи, пользуясь послужнымъ спискомъ, который онъ самъ издалъ въ 1854 году, въ Вѣнѣ, подъ громкимъ заглавіемъ: Extrait de mes mémoires sur la Russie. Альфонсъ Жобаръ (Jobard) родился въ 1793 году во Франціи, воспитывался сначала въ Лангрѣ (Langres), потомъ въ митавской гимназіи, по окончаніи курса въ которой, въ 1817 году, сдѣлался учителемъ французскаго языка въ рижской гимназіи. Затѣмъ, въ 1820 году, онъ перешелъ на службу въ Петербургъ, въ Смольный институтъ, состоявшій подъ покровительствомъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, отъ которой, за свою службу, удостоился получить золотую табакерку. Здѣсь же познакомился онъ съ Магницкимъ, который, въ 1822 году, назначилъ его въ казанскій университетъ профессоромъ словесности греческой, латинской и французской, съ удвоеннымъ окладомъ жалованья. Из-

вѣстно, что̀ такое былъ казанскій университетъ подъ управленіемъ Магницкаго. Въ это-то гнѣздо произвола, интригъ, ссоръ, зависти и вражды попалъ Жобаръ. Трудно было найти человѣка, болѣе способнаго еще сильнѣе разжечь страсти и усилить волненія. Жобаръ принадлежалъ къ числу людей, страдающихъ, если можно такъ выразиться, нравственнымъ дальтонизмомъ. Такіе люди не только не замѣчаютъ нѣкоторыхъ цвѣтовъ въ нравственномъ мірѣ, но иногда всѣ явленія его видятъ только въ одномъ какомъ нибудь цвѣтѣ. Они бываютъ сухи душой, черствы сердцемъ. Это однако же не исключаетъ въ нихъ возможности самой пылкой, горячей страсти. Только эта страсть, направленная не на предметы чувства, а на отвлеченныя теоретическія идеи, создаетъ изъ нихъ фанатиковъ. Люди для нихъ не существуютъ: это только символы преслѣдующей ихъ идеи. Они не знаютъ ни прощенія, ни пощады, ни снисхожденія. Они не способны ни понять другаго человѣка, объяснивъ себѣ его побужденія, ни принять во вниманіе его интересы, когда съ нимъ сталкиваются, ни, тѣмъ болѣе, подумать о послѣдствіяхъ своихъ поступковъ для другихъ людей. Для нихъ нѣтъ ни оцѣнки, ни выбора средствъ: всякое средство хорошо, коль скоро оно логически ведетъ къ цѣли. Не будучи ни сколько лицемѣрами, напротивъ искренніе въ своемъ убѣжденіи (правомъ или неправомъ—этого они не разбираютъ), они безсознательно слѣдуютъ езуитскому принципу. Безпощадные, какъ логики, упрямые, какъ теоретики, эти люди не имѣютъ никакихъ интересовъ внѣ своей идеи и бываютъ готовы выдержать за нее самую упорную борьбу, вытерпѣть всевозможныя страданія. За то въ защитѣ своей идеи они обнаруживаютъ изумительную силу ума, самую изворотливую діалектику, несокрушимую послѣдовательность, неистощимую изобрѣтательность. Для Жобара, такою властвующею идеею, была идея формальной справедливости. Онъ не зналъ, что справедливость есть только внѣшнее выраженіе другаго, болѣе широкаго и внутренняго требованія человѣческой природы—нравственной правды. Жобаръ зналъ только законъ, и притомъ законъ писанный, и, внѣ его, не признавалъ ничего. Еще въ 1854 году онъ не переставалъ требовать отъ русскаго правительства 200,000 фр. жалованья за тѣ годы, когда онъ не только не читалъ лекцій въ университетѣ, но даже и не жилъ въ Казани, основываясь на томъ, что онъ не былъ формально уволенъ въ отставку и слѣдовательно имѣлъ право и на званіе дѣйствительнаго профессора и на соединенное съ этимъ званіемъ жалованье. Не удивительно, что жизнь такого человѣка полна противорѣчій. Многіе его поступки носятъ безспорно отпечатокъ высокой честности, но рядомъ съ ними мы встрѣчаемъ дѣйствія до того низкія и недо-

стойныя, что затрудняемся приписать ихъ одному и тому же лицу. Строгій въ жизни или, лучше сказать, совершенно ей чуждый (tout moine que vous êtes—писалъ къ нему Магницкій), и обладая въ тоже время избыткомъ здоровья и физической силы, Жобаръ доходилъ до неистовства въ защитѣ своей идеи (votre grande santé, qui vous échauffant vous fait agir avec une violence—Магницкій въ томъ же письмѣ). Директоръ университета, Никольскій, такъ описываетъ одну изъ совѣтскихъ сценъ: «лицо Жобара, и въ спокойномъ положеніи, всегда красное, горѣло; глаза были мутны, какъ у человѣка, готовящагося къ битвѣ, а голосъ гремѣлъ, какъ у оратора въ народномъ собраніи». «У меня самого», наивно (или коварно?) прибавляетъ Никольскій, «трепетало сердце при этомъ страшномъ зрѣлищѣ» [1]). Принятый сначала съ величайшимъ почетомъ, какъ лицо, близкое къ попечителю, Жобаръ скоро разошелся и съ товарищами по университету и, даже, съ своимъ покровителемъ. Послѣ ревизіи астраханской гимназіи, гдѣ Жобаръ обнаружилъ вопіющія злоупотребленія, началась его ожесточенная и безконечная борьба, сначала съ Магницкимъ, а потомъ, послѣдовательно, со всѣми министрами народнаго просвѣщенія: кн. Ливеномъ, Уваровымъ. Мы не знаемъ, какія особенныя причины предубѣждали Уварова противъ Жобара, но именно Уварова послѣдній считалъ своимъ величайшимъ врагомъ. Еще Магницкій пустилъ въ ходъ мысль о «разстройствѣ идей» Жобара; этою мыслію воспользовался и Уваровъ, когда Жобаръ 2-го мая 1835 года успѣлъ, гдѣ-то на улицѣ Петербурга, подать императору Николаю Павловичу слѣдующую записку:

Sire,

Daignez m'entendre.

Jobard.

Но, Жобаръ добился освидѣтельствованія въ московскомъ губернскомъ правленіи, присутствіе котораго, 20-го іюля 1835 года, нашло его «совершенно въ здравомъ состояніи разсудка». Послѣ этого, ожесточеніе Жобара не знало предѣловъ. Къ Пасхѣ 1836 года, онъ послалъ Уварову и распространилъ въ публикѣ письмо подъ заглавіемъ: «Mon oeuf de Pâques», въ которомъ пытался доказать, что ученые труды Уварова, какъ-то: изслѣдованіе объ элевзинскихъ таинствахъ и др., принадлежали не ему, а профессору Грефе. Не трудно видѣть, какъ долженъ былъ отравлять жизнь министру такой ожесточенный и неотвязчивый врагъ.

---

[1]) Е. М. Ѳеоктистовъ: Матеріалы для исторіи просвѣщенія въ Россіи I. Магницкій. О Жобарѣ стр. 109—123.

Въ самый разгаръ этого ожесточенія появилась извѣстная ода Пушкина: «На выздоровленіе Лукулла», направленная, какъ того не отрицаетъ и самъ Пушкинъ, на Уварова. Опять-таки мы не знаемъ, чѣмъ было вызвано появленіе и напечатаніе этой оды; во всякомъ случаѣ она имѣла чрезвычайно важныя послѣдствія для поэта, такъ какъ окончательно возстановила противъ него Уварова, который давно уже питалъ къ нему явное нерасположеніе. Эта ода навлекла на Пушкина тотъ серьезный и холодный выговоръ, который онъ долженъ былъ съ покорностью принять отъ князя Репнина [1]). Наконецъ, какъ можно заключать изъ нижеслѣдующаго письма Пушкина, она вызвала даже неудовольствіе Государя. Среди тревогъ своей жизни, Пушкинъ, конечно, желалъ, чтобы эта вспышка была какъ можно скорѣе забыта. Но тутъ-то его злымъ геніемъ и явился Жобаръ. Въ своемъ неразборчивомъ бѣшенствѣ онъ ухватился за оду Пушкина, какъ за средство, чтобы еще разъ уколоть своего врага. Онъ перевелъ эту оду на французскій языкъ и послалъ къ Уварову (раньше или позже Пасхальнаго яйца трудно понять, но, по всей вѣроятности раньше), испрашивая его разрѣшеніе напечатать въ Бельгіи свой переводъ «съ объяснительными примѣчаніями». Излишне прибавлять, на сколько этотъ случай содѣйствовалъ улучшенію отношеній между Уваровымъ и Пушкинымъ. Послѣ этого объясненія, приводимъ самые документы:

I.

EPITRE A M-r OUVAROFF

Ministre de l'instruction publique, Président de l'académie des sciences, auteur de commentaires savants sur les classiques anciens, traducteur de la querelle des Slaves etc. etc.

Protecteur des beaux arts, grand Mécène du Nord,
Ma muse, en ton honneur, vient de faire un effort:
In tenui labor, at tenuis non gloria; du sage
Je chante les hauts faits: accepte cet hommage,
Grand Ministre, et bientôt l'Europe et ses savants
Sauront apprécier tes vertus, tes talents.

Oui, Monsieur, à la lecture de la poésie ci-jointe dont Pouchkine votre poète de prédilection vient d'enrichir la littérature russe, l'enthousiasme s'est emparé de mon âme, et quoique, j'aie depuis longtemps perdu l'usage de mesurer mes discours, je n'ai pu m'empêcher de mettre

[1]) См. «Русская Старина» изд. 1880 года, томъ XXVIII (іюнь), стр. 318—320.

en vers français cette ode admirable, que lui a sans doute inspirée la protection spéciale dont Votre Excellence daigne honorer les fils d'Apollon.

Désirant attirer aussi sur ma muse inconnue un regard favorable du Mécène du Nord, je prends la liberté de déposer au pied de l'Hélicon, sa demeure inaccessible [1]), la traduction française du dernier chant du Pindare russe, de cet enfant chéri des muses.

Votre Excellence ayant daigné naguère Elle même mettre en vers français la querelle des Slaves [2]) j'ose espérer qu'Elle voudra bien agréer cet hommage de la part du plus respectueux, du plus dévoué de ses subordonnés.

Etant bien résolu de faire connaitre à l'Europe cette pièce extraordinaire, je me propose de l'adresser à mon frère, lithographe, imprimeur, libraire et redacteur de l'Jndustriel à Bruxelles, avec tous les commentaires que peut réclamer l'intelligence du text: mais avant de faire cette démarche, j'ai cru devoir soumettre ma traduction au jugement de Votre Excellence et lui demander son autorisation à ce sujet. J'ose espérer que Votre Excellence saura apprécier la pureté de mes intentions, daignera m'honorer d'une réponse favorable, et accordera peut-être même une audience au plus sincère admirateur de ses vertus et de ses talents au plus respectueux, au plus dévoué de ses subordonnés A. Jobard, Professeur ordinaire actuel de litterature grecque, latine et française près l'université de Kasan, de la 7-ième classe et chevalier de l'ordre de St Vladimir de la 4-ième classe.

Moscou, le 13 Janvier 1836.

II.

ODE.

Sur la guérison de Luculle, imité d'Horace par A. P.

I.

Tu te mourais, jeune richard,
Et malgrè les secours de l'art,
La mort au teint pâle et livide
Sur la trame de tes beaux jours
Etendait une main avide
Et, sourde aux cris de tes entours,
Sur toi d'un bras impitoyable
Brandissait sa faulx redoutable.

---

[1]) Жобаръ неоднократно добивался свиданія съ Уваровымъ, но его просьбы объ этомъ оставались со стороны Уварова безъ всякаго отвѣта.

[2]) Вѣроятно «Клеветникамъ Россіи». Объ этомъ переводѣ гр. Уварова ничего неизвѣстно.

II.

Atterrés et sans espérance,
Les fils d'Hippocrate, en silence
De l'art consultant les secrets,
T'ouvraient les secours de la vie,
De la mort bravaient les décrets.
Tes amis, tes serfs, ta patrie
Pour toi de leurs pleurs, de leurs voeux
Sans cesse importunaient les cieux.

III.

Déjà ton héritier, ainsi qu'un vil corbeau,
Qui dévore sa proie enlevée au tombeau,
Livide et frémissant d'une soif criminelle,
Convoitait en son coeur ta dépouille mortelle;
Et son seing odieux, empreint sur tes lambris,
Trahissait de l'honneur sa haine et son mépris.
Délirant dans les feux d'une cruelle attente,
Il comptait tes trésors d'une main palpitante.

IV.

«Desormais», pensait-il en son étroit cerveau,
«Je n'irais plus, des grands flattant les vils caprices,
«De leurs enfants criards balancer le berceau;
«D'autres, plus vils encore, m'offriront leurs services.
«Me voilà donc enfin haut et puissant seigneur,
«Et n'ai plus maintenant que faire de l'honneur:
«Pourtant je cesserai d'escroquer ma pouponne
«Et ne volerai plus le bois de la couronne».

V.

Tu revis: tes amis, accourant pleins de joie,
Te pressent dans leurs bras, et les vasseaux heureux
S'embrassent d'allegresse et rendent grâce aux cieux;
A un transport des plus vifs ton Esculape en proie
Triomphe de ta mort, s'applaudit de son art;
Le fossoyeur, déçu, baisse un triste regard:
Celui, qui convoitait ton immense héritage,
Chassé par les valets,—a la honte en partage.

VI.

Enfin la vie, ainsi que tous ses charmes
Te sont rendus; c'est un don précieux;
Sache en jouir, mets fin à nos alarmes,
De tes amis écoute aussi les voeux:
Elle s'écoule aride, infructueuse;
Rends la fertile, et sans autre examen,
Prends une épouse et belle et vertueuse;
Le ciel, crois—moi, bénira ton h y m e n.

[Переводъ] Посланіе къ г-ну Уварову, министру народнаго просвѣщенія, президенту академіи наукъ, автору ученыхъ примѣчаній къ древнимъ классикамъ, переводчику оды: Клеветникамъ Россіи и пр. и пр.

Покровитель искусствъ, великій сѣверный Меценатъ,
Въ честь тебя вдохновляется моя муза:
In tenui labor, at tenuis non gloria: мудреца
Пою великіе подвиги: прими этотъ знакъ почтенія,
Великій министръ, и скоро Европа и ея ученые
Научатся цѣнить твои добродѣтели, твои таланты.

Да, м. г., восторгъ овладѣлъ душой моей, когда я прочиталъ прилагаемое стихотвореніе, которымъ вашъ любимецъ Пушкинъ только что обогатилъ русскую словесность, и хотя я ужъ давно отвыкъ влагать въ стѣсненные размѣры свою рѣчь, тѣмъ не менѣе я не могъ удержаться и переложилъ во французскіе стихи эту удивительную оду, внушенную, безъ сомнѣнія, тѣмъ особымъ покровительствомъ, какимъ ваше превосходительство удостоиваете чтить сыновъ Аполлона.

Желая привлечь и на мою невѣдомую музу благосклонный взоръ сѣвернаго мецената, я осмѣливаюсь почтительно сложить у подошвы Геликона, его недоступной обители, французскій переводъ послѣдней пѣсни русскаго Пиндара, этого баловня музъ.

Смѣю надѣяться, что ваше превосходительство, который недавно сами удостоили перевести на французскій языкъ: «Клеветникамъ Россіи», соблаговолите принять это приношеніе почтительнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ вашихъ подчиненныхъ.

Твердо рѣшившись познакомить Европу съ этимъ необыкновеннымъ произведеніемъ, я предполагаю переслать въ Брюссель моему брату, литографу, типографу, издателю и редактору «Индюстріеля», этотъ переводъ съ примѣчаніями, какихъ можетъ потребовать уразумѣніе текста; но прежде, чѣмъ это сдѣлать, я счелъ долгомъ подвергнуть мой переводъ сужденію вашего превосходительства и испросить на это вашего разрѣшенія.

Позволяю себѣ надѣяться, что ваше превосходительство оцѣните чистоту моихъ намѣреній, соблаговолите почтить меня благопріятнымъ отвѣтомъ, а, можетъ быть, удостоите и личнаго свиданія почтительнѣйшаго и преданнѣйшаго изъ своихъ подчиненныхъ.

А. Жобаръ,

дѣйствительный ординарный профессоръ греческой, латинской и французской словесности въ Казанскомъ университетѣ, чиновникъ 7-го класса и кавалеръ ордена св. Владиміра 4-й степени.

Москва. 13-го января 1836 года.

III.

На выздоровленіе Лукулла [1]).

(Подражаніе латинскому).

Ты угасалъ, богачъ младой!
Ты слышалъ плачъ друзей печальныхъ.
Ужь смерть являлась за тобой
Въ дверяхъ сѣней твоихъ хрустальныхъ.
Она, какъ втершійся съ утра
Заимодавецъ терпѣливый,
Торча въ передней молчаливой,
Не трогалась съ ковра.
Въ померкшей комнатѣ твоей
Врачи угрюмые шептались;
Твоихъ нахлѣбниковъ, цирцей
Смущеньемъ лица омрачались;
Вздыхали вѣрные рабы
И за тебя боговъ молили,
Не зная въ страхѣ, что судили
Имъ тайныя судьбы.
А между тѣмъ наслѣдникъ твой,
Какъ воронъ къ мертвечинѣ падкой,
Блѣднѣлъ и трясся надъ тобой,
Знобимъ стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургучъ
Пятналъ замки твоей конторы;
И мнилъ загресть онъ злата горы
Въ пыли бумажныхъ кучъ.
Онъ мнилъ: «Теперь ужь у вельможъ
Не стану няньчить ребятишекъ;
Я самъ вельможа буду тожъ,
Въ подвалахъ, благо, есть излишекъ.
Теперь мнѣ честность—трынь-трава!
Жену обсчитывать не буду,
И воровать уже забуду
Казенныя дрова!»
Но ты воскресъ. Твои друзья,
Въ ладони хлопая, ликуютъ;
Рабы, какъ добрая семья,
Другъ друга въ радости цѣлуютъ;
Бодрится врачъ, поднявъ очки;
Гробовый мастеръ взоры клонитъ,
А вмѣстѣ съ нимъ прикащикъ гонитъ
Наслѣдника въ толчки.

---

[1]) Эта ода была впервые напечатана во 2-й сент. книжкѣ «Москов. наблюдателя» 1835 г. и затѣмъ въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1858 г. № 12, откуда мы ее и перепечатываемъ. В. Н.

Такъ, жизнь тебѣ возвращена
Со всею прелестью своею;
Смотри: безцѣнный даръ она;
Умѣй-же пользоваться ею;
Укрась ее; года летятъ.
Пора! Введи въ свои чертоги
Жену-красавицу — и боги
Вашъ бракъ благословятъ.

А. Пушкинъ.

Посылая свое письмо къ Уварову, Жобаръ, въ тоже время сообщилъ копію съ него и Пушкину. Письмо Жобара къ Пушкину не сохранилось, но вотъ отвѣтъ на него А. С. Пушкина:

IV.

Письмо А. С. Пушкина къ А. Жобару.

«Monsieur, J'ai reçu avec un véritable plaisir votre charmante traduction de l'ode à Luculle et la lettre si flatteuse qui l'accompagne. Vos vers sont aussi jolis qu'ils sont malins, ce qui est beaucoup dire. S'il est vrai, comme vous le dites dans votre lettre, qu'on ait voulu légalement constater, que vous aviez perdu l'esprit, il faut convenir, que depuis vous l'avez diablement retrouvé!

«La bienveillance, que vous paraissez me porter et dont je suis fier, m'autorise à vous parler en pleine confiance. Dans votre lettre à M-r le ministre de l'Instruction publique, vous semblez disposè à imprimer votre traduction en Belgique en y joignant quelques notes, necessaires, dites vous, pour l'intelligence du texte: j'ose vous supplier, Monsieur, de n'en rien faire. Je suis faché d'avoir imprimé une pièce que j'ai écrite dans un moment de mauvaise humeur. Sa publication a encouru le déplaisir de quelqu'un dont l'opinion m'est chère et que je ne puis braver sans ingratitude et sans folie. Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicité à l'idée d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre avec l'aide de votre talent une production, qui sans cela tombera dans l'oubli, qu'elle mérite. J'ose espérer, que vous ne me refuserez pas la grâce, que je vous demande, et vous prie de vouloir bien recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

«J'ai l'honneur d'être, Monsieur, Votre très-humble et très-obeissant serviteur, A. Pouchkine».

24 Mars, 1836.
St. Petersbourg.

[Переводъ]. М. Г. Съ истиннымъ удовольствіемъ получилъ я вашъ прелестный переводъ Оды къ Лукуллу и лестное письмо, которое вы къ нему приложили. Ваши стихи на столько же милы, на сколько злы, а это много значитъ. Если справедливо, какъ вы разсказываете въ своемъ письмѣ, что васъ хотѣли на законномъ основаніи объявить лишеннымъ разсудка, то надо признать, что послѣ того вы воротили его въ чертовской степени.

Расположеніе, которое повидимому вы ко мнѣ питаете и которымъ я горжусь, даетъ мнѣ право съ полною откровенностью говорить съ вами. Въ письмѣ къ г-ну министру народнаго просвѣщенія вы, кажется, изъявляете намѣреніе напечатать свой переводъ въ Бельгіи съ присовокупленіемъ нѣкоторыхъ примѣчаній, необходимыхъ, по вашему мнѣнію, для пониманія стихотворенія: осмѣливаюсь умолять васъ, М. Г., отнюдь этого не дѣлать. Мнѣ самому досадно, что я напечаталъ произведеніе, написанное въ минуту раздраженія. Опубликованіе его вызвало неудовольствіе одного лица, котораго мнѣніемъ я дорожу и которымъ пренебрегать я не могу, не оказавшись неблагодарнымъ и безумцемъ. Будьте добры: удовольствіемъ гласности пожертвуйте мысли оказать услугу собрату. Не воскрешайте своимъ талантомъ произведеніе, которое само по себѣ впадетъ въ заслуженное забвеніе.

Позволяю себѣ надѣяться, что вы не откажете мнѣ въ любезности, о которой я прошу. Примите увѣреніе въ моемъ совершенномъ почтеніи.

Честь имѣю быть вашимъ, милостивый государь, нижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою

А. Пушкинъ.

24-го марта 1836 года
С.-Петербургъ.

Разумѣется, письмо Пушкина могло остановить печатаніе[1]) оды, но оно уже было безсильно устранить дѣйствіе, произведенное Жобаромъ на Уварова, да къ тому же и года не прошло послѣ этой переписки, какъ для Пушкина стали безразличны и открытые враги, и услужливые друзья въ родѣ Жобара.

Сообщ. **В. В. Никольскій.**

---

[1]) Жобаръ дѣйствительно не напечаталъ своего перевода, да едва ли и имѣлъ серьезное намѣреніе это сдѣлать. Иначе онъ могъ бы поднести Уварову печатный экземпляръ. Для него было достаточно уязвить врага хотя бы пустою угрозою. **В. Н.** По настоянію Уварова—Жобаръ былъ высланъ изъ Россіи немедленно, что онъ и обозначалъ на своихъ визитныхъ карточкахъ. Таковую карточку «высланнаго изъ Россіи» Жобаръ оставилъ у кн. П. А. Вяземскаго. **П. Е.**

МОЕ ЗНАКОМСТВО СЪ А. С. ПУШКИНЫМЪ.

(Изъ Воспоминаній Александры Михайловны Каратыгиной).

I.

Въ 1879 году, на страницахъ «Русской Старины» [1]) была напечатана эпиграмма, написанная на меня Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ въ лѣта нашей съ нимъ юности. Стихотвореніямъ подобнаго рода знаменитый нашъ поэтъ не только не придавалъ никакого значенія, но всего чаще, по минованіи его безотчетной досады на лицъ, не только совершенно безвинно но и по дѣломъ имъ уязвленныхъ, спѣшилъ залечить уколъ своей сатиры какимъ нибудь любезнымъ мадригаломъ, или хвалебнымъ диѳирамбомъ.... То же самое было и со стихами, которыми поэтъ, ни за что, ни про что, ядовито посмѣялся надо мною въ роли «Эсѳири»: его «Посланіе къ П. А. Катенину»:

«Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ»....

должно было изгладить злую эпиграмму изъ памяти лицъ, которымъ Пушкинъ читалъ ее; меня самое она болѣе смѣшила, нежели огорчала; и теперь, по прошествіи столькихъ лѣтъ, я не обратила бы особеннаго вниманія на эту эпиграмму, явившуюся въ печати, еслибы это появленіе не было нарушеніемъ слова, даннаго мною Пушкину— никогда не вспоминать о ней. На эту строгость въ исполненіи даннаго слова мнѣ могутъ возразить напоминаніемъ о давности време-

---

[1]) «Русская Старина», изданіе 1879 года, томъ XXV: «Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ», стр. 380.

ни... Но Пушкинъ—внѣ законовъ давности: безсмертный въ памяти всей Россіи, онъ долженъ оставаться чистъ и безукоризненъ въ глазахъ потомства! Стихи, которыхъ онъ, впослѣдствіи, самъ стыдился, не должны входить въ собраніе его сочиненій, какъ бы мы ни дорожили его памятью.... Скажу болѣе: самое уваженіе къ памяти Пушкина требуетъ умолчанія о тѣхъ изъ его мелкихъ стихотвореній, которымъ онъ самъ не придавалъ никакой цѣны [1]).

Какъ бы то ни было, но эпиграмма на мой третій дебютъ въ роли «Эсѳири» (3-го января 1819 года) напечатана въ весьма распространенномъ, уважаемомъ публикою изданіи; перепечатана во всѣхъ нашихъ газетахъ. Эта огласка вызываетъ меня припомнить давно минувшее время и на страницахъ той же уважаемой «Русской Старины» передать небольшой разсказъ о моемъ знакомствѣ съ незабвеннымъ А. С. Пушкинымъ.

Готовясь къ дебюту подъ руководствомъ князя Шаховскаго (о которомъ такъ много любопытныхъ разсказовъ въ «Запискахъ» моего покойнаго деверя П. А. Каратыгина, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ»), я иногда встрѣчала Пушкина у него въ домѣ. Князь съ похвалою отзывался о дарованіи этого юноши, не особенно красиваго собою, рѣзваго, вертляваго; почти мальчика.... «Сашу Пушкина» онъ рекомендовалъ своимъ гостямъ покуда только—какъ сына Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны; лишь черезъ пять лѣтъ, для этого «Саши» наступила пора обратной рекомендаціи и о родителяхъ его говорили: «они отецъ и мать Пушкина»; ихъ озарилъ отблескъ славы геніальнаго сына. Знакомцы князя Шаховскаго: А. С. Грибоѣдовъ, П. А. Катенинъ, А. А. Жандръ ласкали талантливаго юношу, но, покуда относились къ нему, какъ старшіе къ младшему: онъ дорожилъ ихъ мнѣніемъ и какъ бы гордился ихъ пріязнью. Понятно, что въ ихъ кругу, Пушкинъ не занималъ перваго мѣста и почти не имѣлъ голоса. Изрѣдка, къ слову о театрѣ и литературѣ, будущій геній смѣшилъ ихъ остроумною шуткой, экспромтомъ или справедливымъ замѣчаніемъ, обличавшимъ его тонкій эстетическій вкусъ и далеко не юношескую наблюдательность.

Встрѣчаясь у князя Шаховскаго мы взаимно не обращали другъ на друга особеннаго вниманія; а между тѣмъ семейство Пушкиныхъ, жившее тогда въ домѣ рядомъ съ графинею Екатериною Марковною

---

[1]) Писано Александрою Михайловною Каратыгиною въ концѣ 1879 г., не задолго до ея кончины. Ред.

Ивеличъ (на Фонтанкѣ, близъ Калинкина моста) было точно также близко знакомо съ нею, какъ и мы съ матушкою. Пушкины и графиня Ивеличъ на Страстной недѣли говѣли вмѣстѣ съ нами въ церкви театральнаго училища (на Офицерской улицѣ, близъ Большаго театра). Помню какъ графиня Екатерина Марковна разсказывала мнѣ, что Саша Пушкинъ, видя меня глубоко ростроганною за всенощною Великой Пятницы, при выносѣ святой плащаницы, просилъ сестру свою, Ольгу Сергѣевну, напомнить мнѣ, что ему очень больно видѣть мою горесть, тѣмъ болѣе, что Спаситель воскресъ; о чемъ же мнѣ плакать? Этой шуткой онъ, видимо, хотѣлъ обратить на себя мое вниманіе; самъ же, конечно, не могъ быть равнодушенъ къ шестнадцати-лѣтней дѣвочкѣ.

— Vous aviez seize ans, lorsque je vous ai vue, говорилъ онъ мнѣ впослѣдствіи—pourquoi ne me l'avez vous pas dit.

— Et alors? смѣялась я ему.

— C'est que j'adore ce bel âge! [1])

Въ «Онѣгинѣ» Пушкинъ жестоко нападаетъ на альбомы провинціальныхъ барышень и великосвѣтскихъ барынь:

...«Разрозненные томы
Изъ библіотеки чертей»...

но, въ то время, альбомъ былъ такой же неизбѣжной принадлежностью каждой барышни, какъ во времена нашихъ бабушекъ—опахала. Я завела себѣ хорошенькій альбомъ еще въ бытность мою въ пансіонѣ. Бережливости ради, я обложила его сафьянный переплетъ листомъ чистой бумаги. Впослѣдствіи эту обертку и я сама и мои подруги испестрили разными росчерками, «пробами пера», карикатурными рожицами.... Разъ, бывши въ гостяхъ у графини Ивеличъ, Пушкинъ увидалъ мой альбомъ и принялся его разсматривать; потомъ началъ приставать къ графинѣ, чтобы она, тайкомъ отъ меня, одолжила ему этотъ альбомъ на нѣсколько времени, обѣщая написать въ него стихи и что нибудь нарисовать.... Графиня уступила его просьбамъ. Пушкинъ сдержалъ свое обѣщаніе: исписалъ нѣсколько страницъ очень милыми стихами, и что-то нарисовалъ.... Груст-

---

[1]) — Вамъ было шестнадцать лѣтъ, когда я васъ видѣлъ; зачѣмъ вы мнѣ не сказали, что вамъ шестнадцать лѣтъ?

Что же изъ этого?

— То, что я обожаю этотъ прелестный возрастъ!

но мнѣ каяться въ моемъ вандализмѣ: впослѣдствіи я затеряла этотъ альбомъ, не придавая ни стихамъ, ни рисункамъ Пушкина никакого значенія!!! Такъ, увы, въ большинствѣ случаевъ относятся современники геніальныхъ писателей къ ихъ автографамъ: не дорожатъ ими, не сберегаютъ ихъ; тогда какъ потомство вполнѣ справедливо считаетъ безцѣннымъ малѣйшій лоскутъ бумаги, къ которому прикасалась рука творца «Руслана», «Онѣгина», «Кавказскаго плѣнника»... Но, стихами и рисунками въ моемъ альбомѣ Пушкинъ не ограничился. Онъ имѣлъ терпѣніе скопировать всѣ росчерки и наброски перомъ на бумажной обложкѣ переплета: подлинную взялъ себѣ, а копіею подмѣнилъ ее и такъ искуссно, что мы съ графинею долгое время не замѣчали этого «подлога»....—«Зачѣмъ вы это сдѣлали?»—спрашивали мы его.

— «Старую обложку я оставилъ себѣ на память!» смѣялся милый шалунъ.

Наконецъ онъ познакомился съ нами и сталъ довольно часто посѣщать насъ. Мы съ матушкой отъ души его полюбили. Угрюмый и молчаливый въ многочисленномъ обществѣ «Саша Пушкинъ», бывая у насъ смѣшилъ своею рѣзвостью и ребяческою шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидитъ спокойно на мѣстѣ: вертится, прыгаетъ, пересаживается, перероетъ рабочій ящикъ матушки, спутаетъ клубки гарусу въ моемъ вышиваньи; разбросаетъ карты въ гранъ-пасіансѣ, раскладываемомъ матушкою.... «Да уймешься ли ты, стрекоза!» крикнетъ бывало моя Евгенія Ивановна—«перестань, наконецъ!» Саша минуты на двѣ пріутихнетъ, а тамъ опять начинаетъ проказничать. Какъ-то, матушка, пригрозилась наказать неугомоннаго Сашу: «остричь ему когти»—такъ называла она его огромные, отпущенные на рукахъ ногти. «Держи его за руку», сказала она мнѣ взявъ ножницы—«а я остригу!» Я взяла Пушкина за руку, но онъ поднялъ крикъ на весь домъ, началъ притворно всхлипывать, стенать, жаловаться, что его обижаютъ и до слезъ разсмѣшилъ насъ.... Однимъ словомъ, это былъ сущій ребенокъ, но истинно благовоспитанный—enfant de bonne maison.

Въ 1818 году, послѣ жестокой горячки, ему обрили голову и онъ носилъ парикъ. Это придавало какую-то оригинальность его типичной физіономіи и не особенно ее красило. Какъ-то, въ Большомъ театрѣ, онъ вошелъ къ намъ въ ложу. Мы усадили его, въ полной увѣренности, что здѣсь нашъ проказникъ будетъ сидѣть смирно.... Ничуть не бывало! Въ самой патетической сценѣ, Пушкинъ, жалуясь на жару, снялъ съ себя парикъ и началъ имъ обмахиваться

какъ вѣеромъ.... Это разсмѣшило сидѣвшихъ въ сосѣднихъ ложахъ, обратило на насъ вниманіе и находившихся въ креслахъ. Мы стали унимать шалуна, онъ же со стула соскользнулъ на полъ и сѣлъ у насъ въ ногахъ, прячась за барьеръ; наконецъ, кое-какъ надвинулъ парикъ на голову, какъ шапку: нельзя было безъ смѣха глядѣть на него! Такъ онъ и просидѣлъ на полу во все продолженіе спектакля, отпуская шутки на счетъ піэсы и игры актеровъ. Можно ли было сердиться на этого забавника?

Но за что Пушкинъ могъ разсердиться на меня, чтобы, послѣ нашихъ добрыхъ отношеній, бросить въ меня пасквилемъ? Нѣтъ дѣйствія безъ причины и въ данномъ случаѣ, какъ я узнала впослѣдствіи, причиною озлобленія Пушкина была нелѣпая сплетня, выдуманная на мой счетъ какимъ-то «доброжелателемъ». Говоря о Пушкинѣ у князя Шаховскаго, Грибоѣдовъ назвалъ поэта «мартышкой» (un sapajou). Пушкину перевели будто бы это прозвище было дано ему—мною! Плохо же онъ зналъ меня, если могъ повѣрить, чтобы я позволила себѣ такъ дерзко отозваться о немъ, особенно о его наружности; но, какъ быть! Раздраженный, раздосадованный, не взявъ труда доискаться правды, поэтъ осмѣялъ меня (въ 1819 г.) въ своемъ пасквилѣ [1]). Катенинъ и Грибоѣдовъ пеняли ему, настаивали на томъ, чтобы онъ извинился передо мною;—укоряя его, они говорили, что выходка его тѣмъ стыднѣе, что ее могутъ приписать угодливости поэта «Клитемпестрѣ» (такъ называли они К. С. Семенову). Пушкинъ сознался въ своей опрометчивости, ругалъ себя и намѣревался ѣхать ко мнѣ съ повинной.... Но тутъ послѣдовала его высылка изъ Петербурга и въ теченіе семи или восьми лѣтъ, мы съ нимъ не видались. Далѣе я разскажу о нашей встрѣчѣ послѣ этой долгой разлуки; теперь же, къ слову, припомню о Катеринѣ Семеновнѣ Семеновой.

Никогда, во все продолженіе одновременной моей службы съ Семеновою, я не унижала себя завистью, и, еще того менѣе—со-

---

[1]) Напомнимъ эту эпиграмму, изъ «Русской Старины» перешедшую уже въ I-й томъ «Собранія сочиненій А. С. Пушкина», изд. 1880 г. стр. 228 и 541:

Все плѣняетъ насъ въ Эсѳири:
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ,
Голосъ нѣжный, взоръ любови,
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И огромная нога!

перничествомъ съ нею. Одаренная громаднымъ талантомъ, но равномѣрно ему и себялюбивая, Семенова желала главенствовать на сценѣ.. Желаніе неисполнимое! Превосходная трагическая актриса, она была невозможна въ высокой комедіи и современной драмѣ (la haute comédie et le drame moderne), т. е. именно въ тѣхъ роляхъ, въ которыхъ я заслуживала, лестное для меня, одобреніе публики... Каждому свое! Неподражаемая Федра, Клитемнестра, Гекуба, Медея — Семенова не могла назваться безукоризненною въ роляхъ Моины, Химены, Ксеніи, Антигоны, Ифигеніи. П. А. Каратыгинъ, въ своихъ «Запискахъ» разсказываетъ, какъ однажды, Катерина Семеновна Семенова и Софья Васильевна Самойлова играли наивныхъ дѣвочекъ въ комедіи И. А. Крылова «Урокъ дочкамъ» [1]); въ другой разъ, по той же шаловливости, Семеновой вздумалось играть роль субретки Саши въ «Воздушныхъ замкахъ» Н. И. Хмѣльницкаго... Оно, дѣйствительно, было очень смѣшно; но съ тѣмъ вмѣстѣ это было глумленіе самой актрисы надъ собственнымъ талантомъ и надъ сценическимъ искусствомъ... Ни за какія блага въ мірѣ я не позволила бы себѣ, въ бытность мою на сценѣ, играть роль въ какомъ-нибудь водевилѣ!

Впослѣдствіи времени, когда Катерина Семеновна, тогда уже княгиня Гагарина, пріѣзжала въ Петербургъ изъ Москвы, по поводу несчастнаго семейнаго процесса ея дочери, она часто бывала у насъ, обѣдывала и проводила вечера. Мы вспоминали съ нею былое, ея безпричинную вражду, неосновательное подозрѣніе меня въ невозможномъ соперничествѣ и отъ души смѣялись... До самой кончины княгини Гагариной, мы были съ нею въ самыхъ добрыхъ и пріязненныхъ отношеніяхъ. Когда она скончалась, мы съ мужемъ провожали ея прахъ на Митрофаніевское кладбище и присутствовали при отпѣваніи. Немногія лица изъ театральнаго міра отдали послѣдній долгъ знаменитой артисткѣ [2]). При этихъ проводахъ, я вспомнила погребеніе Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго (въ октябрѣ 1822 года): тогда представителями драматической труппы, точно также были: В. А. Каратыгинъ и я — тогда еще Колосова-младшая.

---

[1]) См. Записки П. А. Каратыгина, «Русская Старина» изд. 1879 года, томъ XXIV, стр. 430—431.

[2]) См. «Русская Старина» 1875 года, томъ XII, стр. 726—728.

II.

Пушкина, послѣ его отъѣзда на югъ Россіи и возвращенія изъ ссылки, я увидѣла въ 1827 году, когда я была уже замужемъ за Василіемъ Андреевичемъ. Это было на Маломъ театрѣ, (онъ находился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александринскій). Въ тотъ вечеръ играли комедію Мариво: «Обманъ въ пользу любви» (Les fausses confidences), въ переводѣ П. А. Катенина. Онъ привелъ ко мнѣ въ уборную «кающагося грѣшника», какъ называлъ себя Пушкинъ. «Размалеванныя брови»... напомнила я ему смѣясь.—«Полноте, Бога ради», перебилъ онъ меня, конфузясь и цѣлуя мою руку—«кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ! Позвольте мнѣ взять съ васъ честное слово, что вы никогда не будете вспоминать о моей глупости, о моемъ мальчишествѣ!?»...

Слово было дано; мы вполнѣ примирились... За «Сашу Пушкина» передо мною извинился Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ—слава и гордость родной словесности!

Съ мужемъ моимъ онъ сблизился въ домѣ у покойнаго князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго, гдѣ собирались: графъ Михаилъ Юрьевичъ Вielьгорскій, Веневитиновъ, графъ В. А. Соллогубъ и мн. др. Впослѣдствіи времени, уже въ началѣ тридцатыхъ годовъ, Александръ Сергѣевичъ при И. А. Крыловѣ читалъ у насъ своего «Бориса Годунова». Онъ очень желалъ, чтобы мы, съ мужемъ, прочитали на театрѣ сцену у фонтана, Димитрія съ Мариною. Не смотря однако же на наши многочисленныя, личныя просьбы, графъ А. Х. Бенкендорфъ, съ обычною своею любезностью и извиненіями, отказалъ намъ въ своемъ согласіи: личность самозванца была тогда запрещеннымъ плодомъ на сценѣ. Послѣ того Пушкинъ подарилъ моему мужу, для его бенефиса, своего «Скупаго рыцаря»... Но и эта пьеса не была играна при жизни автора, по какимъ-то цензурнымъ недоразумѣніямъ. Однимъ словомъ, дружественныя наши отношенія къ Пушкину продолжались по самый день его несчастной кончины. Въ самую ея минуту, я дожидалась, въ саняхъ у подъѣзда квартиры Александра Сергѣевича, извѣстія о его положеніи: мужъ мой, выйдя ко мнѣ съ графомъ Вielьгорскимъ и княземъ Петромъ Андреевичемъ Вяземскимъ, сообщилъ мнѣ тогда роковую вѣсть, что Пушкина не стало!

По присланному намъ приглашенію отъ Наталіи Николаевны

Пушкиной, мы съ мужемъ присутствовали при отпѣваніи великаго поэта въ Конюшенной церкви; мы оплакивали его, какъ роднаго... Да и могло ли быть иначе!

Къ сожалѣнію, какъ говорятъ французы: le sinistre trébuche quelquefois sur le ridicule, (печальное иногда спотыкается о смѣшное). Я стояла, близъ гроба, въ группѣ дамъ, между которыми находилась добрая, искренно мною уважаемая Елизавета Михайловна Хитрово. Заливаясь слезами, выражая свое сожалѣніе о кончинѣ Пушкина, она шепнула мнѣ сквозь слезы, кивнувъ головою на стоявшихъ у гроба оффиціантовъ, во фракахъ, съ пучками разноцвѣтныхъ лентъ на плечахъ:

— Voyez, je vous prie, ces gens: sont-ils insensibles [1])?... Хоть бы слезинку проронили!»... Потомъ она тронула одного изъ нихъ за локоть—«что же ты милый, не плачешь? Развѣ тебѣ не жаль твоего барина?»

Оффиціантъ обернулся и отвѣчалъ невозмутимо:

— Никакъ нѣтъ-съ... мы, значитъ, отъ гробовщика, по наряду!

— Плакать мнѣ какая стать:
Вѣдь я не здѣшняго прихода!

Шепнулъ намъ С. А. Соболевскій.

— И можно ли требовать слезъ отъ наемника? продолжалъ онъ, обращаясь къ Елизаветѣ Михайловнѣ. «Да и вы сами, быть можетъ, умѣрите ваши сѣтованія, если я вамъ напомню, что покойный отзывался о васъ не совсѣмъ-то благосклонно...

— Что же такое? спросила Елизавета Михайловна.

— Но вы не разсердитесь? Оно, конечно, здѣсь и не мѣсто и не время поминать лихомъ нашего Пушкина, однако же, зачѣмъ скрываться. Какъ-то подъ веселый часъ, Александръ Сергѣевичъ написалъ такого рода стишки:

«Лиза въ городѣ жила,
Съ дочкой Доринькой;
Лиза въ городѣ слыла
Лизой го..... [2]).

---

[1]) Посмотрите, пожалуйста, на этихъ людей: какая безчувственность!

[2]) Принадлежность Пушкину этой эпиграммы, указана въ «Русской Старинѣ» 1880 г. (іюнь), стр. 330, въ примѣч. П. А. Ефремова. Вотъ окончаніе эпиграммы:

Нынѣче Лиза en gala
У австрійскаго посла—
Не по прежнему мила,
Не по прежнему . . .

Ред.

Окончанія не припомню; знаю только, что въ этихъ стихахъ, прочитанныхъ Соболевскимъ, Пушкинъ довольно зло посмѣялся надъ Елисаветой Михайловной, въ особенности надъ ея слабостью рядиться не по лѣтамъ. При всей своей незлобивости и любви къ Пушкину, она видимо разсердилась и во все продолженіе церковной службы была угрюма и молчалива.

Эта выходка Соболевскаго, неумѣстная и неприличная (тѣмъ болѣе со стороны человѣка, имѣвшаго притязаніе быть другомъ Пушкина) раздосадовала и меня. Не ручаюсь за подлинность стиховъ читанныхъ Соболевскимъ: не были ли они его собственнымъ произведеніемъ, выданнымъ за сочиненіе Пушкина? По окончаніи богослуженія, я замѣтила Сергѣю Александровичу, что эти стихи онъ могъ бы прочитать при иной обстановкѣ:

— «Совершенно съ вами согласенъ—отвѣчалъ онъ—но мнѣ надоѣли стенаніе и причитыванія Елизаветы Михайловны; вы видѣли, что послѣ стиховъ, она ихъ прекратила!

Весьма сожалѣю, что съ воспоминаніемъ о прощаніи съ останками Пушкина у меня сопряженъ этотъ эпизодъ со стихами его, или Соболевскаго... Не имѣю причинъ злословить памяти ни того ни другаго; тѣмъ не менѣе—фактъ на лицо.

Къ слову о Пушкинѣ, припомню о его отцѣ, Сергѣѣ Львовичѣ. Въ одну изъ моихъ съ нимъ встрѣчъ, онъ разсказывалъ мнѣ о своемъ участіи въ любительскихъ спектакляхъ въ Москвѣ. Онъ отличался во французскихъ піэсахъ, а Ѳедоръ Ѳедоровичъ Кокошкинъ (по его словамъ) былъ его несчастнымъ соперникомъ—въ русскихъ. Онъ игралъ въ «Димитріи Донскомъ». и въ «Мизантропѣ» своего перевода. Шутливые свои разсказы онъ заключилъ анекдотомъ:

— Когда хоронили жену Кокошкина (рожденную Архарову) и выносили ея гробъ мимо его кабинета, куда отнесли лишившагося чувствъ Ѳедора Ѳедоровича—дверь вдругъ отворилась и на порогѣ явился онъ самъ, съ поднятыми на лобъ золотыми очками, съ распущеннымъ галстухомъ и съ носовымъ платкомъ въ приподнятой рукѣ:

— Возьми меня съ собою! продекламировалъ онъ мрачнымъ голосомъ въ слѣдъ за уносимымъ гробомъ;

— C'était la scène la plus réussie de toutes, celles que je lui ai vu représenter [1])! Заключилъ свой разсказъ Сергѣй Львовичъ Пушкинъ.

---

[1]) Изъ всѣхъ сценъ, имъ разыгранныхъ, эта была самая удачная!

Когда я потомъ разсказывала это Александру Сергѣевичу, онъ замѣтилъ смѣясь:

— Rivalité de métier! (Соперничество по ремеслу).

Вотъ все, что сохранилось въ моей памяти о Пушкинѣ, вмѣстѣ съ благоговѣніемъ къ его безсмертному имени.

А. М. Каратыгина, рожденная Колосова.

1879 г. Спб

Примѣчаніе. Напомнимъ «посланіе» А. С. Пушкина, которымъ онъ искупилъ грѣхъ своей эпиграммы на А. М. Колосову; вотъ это посланіе—

Павлу Александровичу Катенину.

Кто мнѣ пришлетъ ея портретъ,
Черты волшебницы прекрасной?
Талантовъ обожатель страстной,
Я прежде былъ ея поэтъ.
Съ досады, можетъ быть, неправой,
Когда одна въ дыму кадилъ
Красавица блистала славой,
Я свистомъ гимны заглушилъ.
Погибни, злобы мигъ единой,
Погибни, лиры ложный звукъ:
Она виновна, милый другъ,
Предъ Селименой и Моиной.
Такъ легкомысленной душой,
О боги, смертный васъ поноситъ;
Но вскорѣ трепетной рукой
Вамъ жертвы новыя приноситъ.

А. Пушкинъ.

5-го апрѣля 1821 г. (Изд. 1880 г., т. I, стр. 361).

ВСТРѢЧИ СЪ АЛЕКСАНДРОМЪ СЕРГѢЕВИЧЕМЪ ПУШКИНЫМЪ

въ 1824 и 1829 гг.

Воспоминанія Н. Б. Потокскаго [1]).

I.

Въ 1824 году, Александръ Сергѣевичъ, вынужденно оставивъ и проѣзжая чрезъ Малороссію въ свое родовое помѣстье Михайловское мимо деревни извѣстнаго въ то время писателя, Аркадія Гавриловича Родзянки, заѣхалъ къ нему. Когда къ дому быстро подкатила почтовая тележка, съ нея спрыгнулъ незнакомецъ, странно костюмированный; узнавъ же отъ встрѣтившаго слуги, что Родзянка дома, поспѣшно прошелъ залу въ кабинетъ хозяина. На незнакомцѣ былъ красный молдаванскій плащъ, такого же цвѣта широчайшіе шаровары, на ногахъ желтыя мечты (туфли), а на головѣ турецкая фессъ съ длинною кистью; длинные волоса касались плечъ, въ рукѣ же держалъ длинную палку съ крючкомъ на концѣ, подобную тѣмъ, какія носятъ степные пастухи. Въ это время зала и весь домъ, съ ранняго утра, были наполнены гостями, съѣхавшимися на семейный праздникъ гостепріимнаго помѣщика. Спустя не болѣе получаса, хозяинъ провелъ своего гостя подъ руку черезъ залу до самой телеги, ожидавшей у подъѣзда. Когда же возвратился въ покои и началъ здороваться съ собравшимися посѣтителями, то они, забывъ привѣтствовать хозяина съ его домашнимъ праздникомъ, начали разспрашивать о пріѣзжавшемъ человѣкѣ; когда же узнали, что то былъ А. С. Пушкинъ—зала моментально опустѣла и все общество выбѣжало за ворота; но тамъ только увидѣли большой столбъ пыли отъ быстро удалявшейся телеги.

---

[1]) Въ настоящей статьѣ есть нѣкоторыя разнорѣчія съ показаніями біографовъ Пушкина, тѣмъ не менѣе, въ виду интереса какой вызываетъ къ себѣ все, что относится до Пушкина, мы съ удовольствіемъ даемъ мѣсто разсказу Н. Б. Потокскаго.

Ред.

Во весь этотъ день у Родзянки только и было разговоровъ о А. С. Пушкинѣ; молодые кавалеры, дамы, дѣвицы—упрекали хозяина за то, почему онъ не удержалъ у себя на цѣлый день такого интереснаго гостя, и до того жалѣли, что многіе чуть не плакали; предъ именемъ Пушкина виновникъ домашняго праздника совсѣмъ стушевался.

II.

Въ 1829 году, въ началѣ лѣта, ровно черезъ пять лѣтъ, освободясь отъ опеки своихъ родичей, я съ большими надеждами поспѣшалъ на Кавказъ. Въ Екатериноградской станицѣ, на рѣчкѣ Малкѣ, неожиданно встрѣтилъ я А. С. Пушкина и, тутъ же познакомившись съ нимъ, напомнилъ ему о первой встрѣчѣ съ нимъ у А. Г. Родзянки, и разсказалъ, какъ взволновалась тогда вся собравшаяся у него публика, и упрекала за то, что не удержалъ его у себя подолѣе.

Пушкинъ смѣялся и говорилъ: «Вѣрно не я интересовалъ ихъ, а мой костюмъ; не могъ я остаться у Аркадія, давъ слово, при отъѣздѣ изъ Одессы, нигдѣ не останавливаться въ дорогѣ, а при томъ со мной ѣхалъ дядька» [1]). Въ Екатериноградѣ оканчивалась въ то время почтовая дорога. Здѣсь сосредоточивалось все, слѣдующее изъ Россіи въ Тифлисъ и другія мѣста, а также въ армію, оперировавшую въ Малой Азіи; казенные и частные транспорты, почты со всѣхъ мѣстъ Россіи—до того были велики, что отправлялись отсюда въ одно время на пятнадцати и болѣе телегахъ, по наряду отъ казаковъ, за прогоны, до кр. Владикавказа, отстоящаго до 105 верстъ; такимъ же образомъ отправлялись и всѣ проѣзжавшіе по собственному желанію, кто верхомъ, кто на телегѣ. Пришлось въ вышепомянутой станицѣ ожидать отправленія оказіи [2]) нѣсколько дней. Александръ Сергѣевичъ очень скучалъ и, прогуливаясь со мною по станицѣ, любовался прелестными видами горъ, убѣленныхъ снѣгомъ; но когда начали съѣзжаться сюда гвардейскіе офицеры, слѣдовавшіе въ армію, гражданскіе чиновники, купцы и прочіе путешественники, а также прибыло нѣсколько замѣчательныхъ личностей [3]), все оживилось; затѣвались разныя развлеченія, и, конечно, душою многочисленнаго общества былъ А. С. Пушкинъ. Все потомъ начало принимать

---

[1]) Намекая этимъ на сидѣвшаго рядомъ съ ямщикомъ, на козлахъ, какого-то полицейскаго чина.

[2]) Такъ назывались въ то время огромные обозы, отправляемые далѣе, подъ прикрытіемъ роты пѣхоты, сотни казаковъ и двухъ пушекъ, подъ начальствомъ офицера.

[3]) Прибыли изъ Сибири, въ сопровожденіи жандармовъ, нѣсколько человѣкъ декабристовъ, назначенныхъ въ армію рядовыми, боюсь ошибиться кто именно изъ нихъ, такъ какъ фамиліи не упомню. Всѣ были въ солдатскихъ шинеляхъ, фуражкахъ, и глядѣли молодцами. Н. П.

воинственный видъ, въ ожиданіи скораго отправленія. А. С. Пушкинъ изъ первыхъ одѣлся въ черкесскій костюмъ, вооружился шашкой, кинжаломъ, пистолетомъ; подражая ему, многіе изъ мирныхъ людей накупили у казаковъ кавказскихъ нарядовъ и оружія. Наконецъ, наступило раннее утро, и, подъ звуки барабана, все зашевелилось и колонна выступила длинною вереницей; а въ виду того, чтобы пѣхоту не утомлять, двигались очень медленно; но все-таки безъ приваловъ дѣло не обходилось. Палящее солнце днемъ, тихая ѣзда, все это очень намъ надоѣдало. Александръ Сергѣевичъ затѣвалъ скачки, другіе, тоже подражая ему, далеко удалялись за цѣпь, но всегда были возвращаемы обратно командовавшимъ транспортомъ офицеромъ, предупреждавшимъ объ опасности быть захваченнымъ или подстрѣленнымъ хищниками. Тогда Пушкинъ, подъѣзжая къ офицеру, бралъ подъ козырекъ и произносилъ: «слушаемъ, отецъ-командиръ!». Переходы въ длинные лѣтніе дни верстъ 20 и болѣе тоже очень надоѣдали; въ каждомъ укрѣпленіи располагались на ночлегъ, и такимъ образомъ только на четвертый день разстояніе 105 верстъ было пройдено и мы достигли до кр. Владикавказа. На ночлегахъ начиналось чаепитіе, ужины, веселые разговоры, пѣсни, иногда продолжавшіеся до разсвѣта. Александръ Сергѣевичъ очень любилъ расписывать двери и стѣны мѣломъ и углемъ въ отводившихся для ночлега казенныхъ домикахъ. Его рисунки и стихи очень забавляли публику — но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали неудовольствіе и ворчаніе старыхъ инвалидовъ-сторожей, которые, замѣтивъ гдѣ нибудь нарисованную каррикатуру или написанное, немедленно стирали все тряпкой; когда же ихъ останавливали, говоря: «братцы, не троньте, вѣдь это писалъ Пушкинъ»—то разъ одинъ изъ старыхъ ветерановъ отвѣтилъ: «Пушкинъ или Кукушкинъ—все равно, но зачѣмъ же казенныя стѣны пачкать, комендантъ за это съ нашего брата строго взыскиваетъ». Александръ Сергѣевичъ, услыхавъ такую рѣчь старика-инвалида и подойдя къ нему, просилъ не сердиться, потрепалъ его по плечу и далъ на водку серебряную монету. Въ кр. Владикавказѣ остановка на цѣлыя сутки. Всѣ проѣзжавшіе являлись коменданту, старому кавказскому служакѣ генералу Скворцову. Многихъ онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать, въ томъ числѣ и Александра Сергѣевича Пушкина.

Во время сытнаго обѣда и добраго кахетинскаго вина, Александръ Сергѣевичъ внимательно слушалъ разсказы почтеннаго хозяина объ эпизодахъ изъ своей кавказской боевой жизни, отъ души смѣялся, подшучивалъ и дѣлалъ ему разные вопросы, при которыхъ старикъ задумывался. «Такъ по вашему, генералъ, Александръ Македонскій проходилъ Дарьяльскимъ ущельемъ въ Индію?» Когда же пиръ окончился и всѣ разошлись по квартирамъ, А. С. Пушкинъ, взявъ кусокъ мѣлу, исписалъ всю дверь стихами, начало коихъ приблизительно было слѣдующее:

Не черкесъ, не узбекъ,
Сѣдовласый Казбекъ —
Генералъ Скворцовъ [1])
Угостилъ молодцовъ —
Славно! и т. д.

Теперь же, я долженъ возвратиться немного назадъ, ко вчерашнему, только что оконченному, путешествію отъ Екатериноградской станицы сюда— во Владикавказъ. Когда наша кавалькада продолжала медленнымъ шагомъ подвигаться впередъ, я старался всегда примкнуть какъ можно ближе къ Пушкину, дабы слушать его интересныя рѣчи. Разъ, онъ выразилъ какъ-то очень рѣзко свое неудовольствіе на наше черепашье путешествіе. Тутъ я не выдержалъ и отвѣтилъ: Александръ Сергѣевичъ! будьте терпѣливы, мы дождемся, что ваше пророчество сбудется! — и, указавъ рукой, поднятою вверхъ, на чудную картину снѣговыхъ горъ, громко продекламировалъ его стихи изъ «Кавказскаго Плѣнника»:

... И гдѣ гнѣздились вы, —
Пройдетъ тамъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы!

Александръ Сергѣевичъ, крикнувъ браво! браво! быстро оборотился ко мнѣ, схватилъ руку и крѣпко сжалъ въ своей, и, немного помолчавъ, спросилъ: «откуда это вы знаете?» Тогда я разсказалъ ему, что всѣ его произведенія почти наизусть знаю съ самыхъ юныхъ лѣтъ. «А ну-те, ну-те, что нибудь скажите»,—отвѣтилъ онъ. Я началъ съ поэмы «Цыгане», и скоро всю наизусть прочелъ до конца, потомъ первую главу «Евгенія Онѣгина», и наконецъ началъ «Кавказскаго Плѣнника»; но Александръ Сергѣевичъ остановилъ меня, сказавъ: «Вы устали; да, у васъ прекрасная память; скажите, когда вы все это успѣли заучить?» — А вотъ какъ,—отвѣтилъ я.—Еще будучи школьникомъ, часто просиживая ночи, переписывалъ всѣ появлявшіяся въ свѣтъ прелестныя произведенія ваши, потому что они тогда дорого стоили, напримѣръ, каждая выходившая глава «Евгенія Онѣгина» была въ продажѣ пять рублей, а другія сочиненія и дороже; потомъ, прочитавъ разъ—другой, зналъ уже наизусть. Вотъ видите, Александръ Сергѣевичъ, что въ то время, когда вы проѣзжали Малороссію и заѣхали къ Аркадію Родзянкѣ, общество, собравшееся у него, было заинтересовано не вашимъ костюмомъ, а собственно вами. И, подобно мнѣ, у насъ молодые люди, а въ особенности дамы и дѣвицы, заучиваютъ ваши произведенія и восхищаются ими.—Съ тѣхъ поръ до самаго Тифлиса, Александръ Сергѣевичъ особенно былъ ко мнѣ внимателенъ и называлъ «юнымъ дорожнымъ товарищемъ». Тогда мнѣ не было еще 20-ти лѣтъ.

На другой день мы оставили Владикавказъ и всѣ, слѣдовавшіе на-легкѣ,

[1]) У него была бѣлая голова, подобно горѣ Казбеку, убѣленному снѣгомъ и тутъ же ясно видимому. Н. П.

и спѣшившіе въ армію, были отправлены верхомъ на лошадяхъ, а вещи на вьюкахъ, подъ конвоемъ полусотни казаковъ; транспорты же, тяжелыя почты, и проч.—съ ротой пѣхоты и артиллеріею. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, мы вступили въ ущелье, а пройдя первую станицу Ларсъ, вошли въ грозную тѣснину Дарьяльскую; всѣ восхищались нависшими надъ головою скалами и ревомъ Терека. За укрѣпленіемъ Дарьяльскимъ и мостомъ, перекинутымъ чрезъ Терекъ, тѣснина начинаетъ разширяться; потомъ, проѣзжая сел. Казбекъ, остановились здѣсь для перемѣны лошадей, а пока разбрелись по деревушкѣ и любовались на чудный отсюда видъ на гору Казбекъ и древнюю церковь, монастырь на скатѣ одного изъ отроговъ цѣпи горъ; въ самомъ селеніи Казбекъ находится также замѣчательная по архитектурѣ небольшая церковь; здѣсь первое грузинское селеніе. Обходя церковь, мы увидѣли сидящаго на камнѣ, на самомъ обрывѣ надъ рѣкой, молодаго горца красивой наружности, съ русыми волосами на головѣ и голубыми глазами, чисто одѣтаго въ черкеску. Пушкинъ первый подошелъ къ нему и сдѣлалъ вопросъ по русски: чья эта деревня? Тотъ отвѣтилъ чистымъ русскимъ языкомъ: моя—и гордо окинулъ всѣхъ насъ своими прекрасными глазами; разговаривая съ нимъ, мы узнали, что этотъ молодой человѣкъ былъ владѣлецъ вышепомянутаго селенія, князь Михаилъ Казбекъ. На вопросъ Александра Сергѣевича: почему онъ не ѣдетъ въ армію, гдѣ получилъ бы скоро чинъ,—князь Казбекъ отвѣтилъ ему: «Знаете, господинъ, умретъ и прапорщикъ, и генералъ одинаково,—не лучше-ли сидѣть дома и любоваться этою картиной»,—указывая рукой на горы. «Да, ваша правда, князь!—добавилъ Александръ Сергѣевичъ.—Еслибъ эта деревня была моя, и я бы отсюда никуда не поѣхалъ». Впослѣдствіи кн. Казбекъ вступилъ въ службу и дослужился до генерала. Нерѣдко я напоминалъ ему о нашей первой встрѣчѣ. Лошади ждали насъ и мы отправились далѣе къ станціи Коби. По дорогѣ часто попадались толпы оборванныхъ плѣнныхъ турокъ, разработывавшихъ нашъ путь и обращавшихся къ проѣзжавшимъ за подачками денегъ или табаку. Около заката солнца прибыли въ Коби. Постовый начальникъ, казачій офицеръ, не совѣтовалъ рисковать переѣзжать ночью чрезъ снѣжныя горы Крестовую и Гутъ, а остаться до утра. Вся публика тотчасъ согласилась съ умною рѣчью, такъ какъ всѣ порядочно устали отъ долгой верховой ѣзды на неудобныхъ сѣдлахъ, а главное—проголодались; даже и очень торопившіеся въ армію наши гвардейцы, и тѣ предпочли остаться ночевать въ Коби. Въ ожиданіи приготовленія чая и ужина, наше общество разбрелось по окрестностямъ поста любоваться окружавшими его скалами. Не далѣе какъ въ двухъ верстахъ, находится довольно большой аулъ, у самаго ущелья, изъ котораго беретъ свое начало р. Терекъ. Александру Сергѣевичу пришла мысль отправиться въ этотъ аулъ и осмотрѣть его; все общество, конечно, согласилось и насъ человѣкъ 20 отправились въ путь, пригласивъ

съ собою какого-то оборваннаго туземца вмѣсто переводчика, такъ какъ онъ оказался довольно знающимъ по русски. Александръ Сергѣевичъ набросилъ на плечи плащъ и на голову надѣлъ красную турецкую фессъ, захвативъ по дорогѣ толстую суковатую палку, и такъ выступая впереди публики, открылъ шествіе. У самаго аула толпа мальчишекъ встрѣтила насъ и робко начала отступать, но тутъ появилось множество горцевъ взрослыхъ мужчинъ и женщинъ съ малютками на рукахъ. Началось осматриваніе внутренности саклей, которыя охотно отворялись, но конечно, ничего не, было въ нихъ привлекательнаго; разумѣется, при этомъ дарились мелкія серебряныя деньги, принимаемыя съ видимымъ удовольствіемъ; наконецъ, мы обошли весь аулъ и, собравшись вмѣстѣ, располагали вернуться на постъ къ чаю. Густая толпа все-таки насъ не оставляла. Осетины, обыватели аула, разспрашивали нашего переводчика о красномъ человѣкѣ; тотъ отвѣчалъ имъ, что это «большой господинъ». Александръ Сергѣевичъ, желая знать о чемъ переводчикъ съ горцами бесѣдуетъ, вышелъ впередъ и приказалъ переводчику сказать имъ, что «красный—не человѣкъ, а шайтанъ (чортъ); что его поймали еще маленькимъ въ горахъ русскіе; между ними онъ привыкъ, выросъ и теперь живетъ подобно имъ». И когда тотъ передалъ имъ все это, толпа начала понемногу отступать, видимо испуганная; въ это время, Александръ Сергѣевичъ поднялъ руки вверхъ, состроилъ сатирическую гримасу и бросился въ толпу. Поднялся страшный шумъ, визгъ, писк дѣтей — горцы бросились вразсыпную, но, отбѣжавъ, начали издали бросать въ насъ камнями, а потомъ и приближаться все ближе, такъ что камни засвистѣли надъ нашими головами. Эта шутка Александра Сергѣевича могла кончиться для насъ очень печально, если бы постовый начальникъ не поспѣшилъ къ намъ съ казаками; къ счастію, онъ увидалъ густую толпу горцевъ, окружившую насъ съ шумомъ и гамомъ, и подумалъ о чемъ-то недобромъ. Извѣстно, на сколько суевѣрный, дикій горецъ вѣритъ въ существованіе злыхъ духовъ въ Кавказскихъ горахъ. И такъ, мы отретировались благополучно.

На другой день, рано утромъ, поднялись на самый верхъ Крестовой горы. Пушкинъ первымъ прискакалъ къ памятнику, сооруженному въ 1817 г. въ честь А. П. Ермолова,—начальникомъ горскихъ народовъ, полковникомъ Кановымъ, — какъ гласила надпись на каменномъ крестѣ. Вся покатость и вершина этой горы была покрыта снѣгомъ, и не доѣзжая Чортовой долины, переѣхали Ледяной мостъ. Александръ Сергѣевичъ гарцовалъ на добромъ конѣ, и плащъ его живописно рисовался на бѣломъ фонѣ долины. Благополучно совершивъ послѣдній перевалъ чрезъ Гуть-гору и перемѣнивъ лошадей на Кайшаурскомъ посту, спустились по очень крутой квишетской дорогѣ въ долину р. Арагвы. Здѣсь насъ встрѣтило жаркое лѣто юга. Вообще восхитительные виды горъ, скаты которыхъ покрыты роскошною раститель-

ностію, приводили всѣхъ въ неописанный восторгъ. Здѣсь мы встрѣтили адъютанта главнокомандующаго гр. Паскевича, барона Фелькерзама, спѣшившаго въ Петербургъ съ донесеніемъ Государю Императору и трофеями, о славной побѣдѣ надъ турками. Александръ Сергѣевичъ крикнулъ ура!—ему вторили другіе спутники,—и потомъ началъ совѣтовать гвардейскимъ офицерамъ спѣшить въ армію: «война можетъ скоро кончиться и вы, господа, можете остаться ни при чемъ, на бобахъ, и такъ—маршъ скорѣе въ Тифлисъ!» крикнулъ еще ура! и поскакалъ впередъ. Въ горахъ, къ несчастію, я схватилъ простуду; молодой организмъ не выдержалъ и, не доѣзжая Тифлиса станціи за двѣ, я не въ состояніи былъ держаться верхомъ. Александръ Сергѣевичъ позаботился о тележкѣ, уложили меня на сѣнѣ, и такъ доставили полуживаго въ Тифлисъ. Онъ былъ неотлучно подлѣ меня въ дорогѣ и придумывалъ разныя средства къ облегченію моихъ страданій. Въ Тифлисѣ всѣ наши спутники размѣстились въ единственной въ то время небольшой гостинницѣ иностранца Матаси, и на другой день уѣхали въ армію; меня, больнаго, помѣстили въ крошечной комнаткѣ одного, и тотчасъ же послали искать доктора. Къ счастію моему, отыскали доктора Ивана Карловича Деннера. Объ этомъ незабвенномъ человѣкѣ разскажу послѣ.

III.

Когда, чрезъ нѣсколько дней, я пришелъ въ сознаніе, докторъ, часто навѣщая меня, передавалъ о томъ, какъ Александръ Сергѣевичъ нерѣдко приходилъ въ мою комнату и дѣлалъ вопросъ: «что, докторъ, будетъ-ли живъ мой юный спутникъ?»—Всякій разъ просилъ его постараться поднять меня на ноги; когда же за перегородкой поднимался шумный разговоръ между путешественниками, Александръ Сергѣевичъ всегда удерживалъ ихъ, напоминая, что близко отчаянно-больной, нашъ юный дорожный товарищъ. Эта сердечная доброта его меня трогала до слезъ и волновала ужасно; тогда докторъ предупреждалъ меня, что болѣзнь можетъ возобновиться и будетъ худо. Въ Тифлисѣ, Александръ Сергѣевичъ, пробывъ нѣсколько дней, уѣхалъ въ армію, находившуюся подъ Эрзерумомъ. Спустя недѣли двѣ послѣ его отъѣзда, я началъ быстро поправляться и получилъ позволеніе доктора выходить на прогулки; первое мое посѣщеніе было П. С. Санковскому, тогдашнему издателю и редактору интересныхъ въ то время «Тифлисскихъ вѣдомостей»,—давнему знакомому А. С. Пушкина [1]). Я имѣлъ къ нему письмо отъ сестеръ его, жившихъ въ Малороссіи въ небольшой своей деревушкѣ.

---

[1]) Объ этомъ замѣчательно талантливомъ человѣкѣ, прежде времени скончавшемся чрезъ любимую женщину, которой желалъ угодить, разскажу послѣ.
Н. П.

Павелъ Степановичъ просилъ навѣщать его чаще, и такимъ образомъ, спустя недѣли три послѣ отъѣзда А. С. Пушкина въ армію, когда я сидѣлъ у П. С. Санковскаго за вечернимъ чайнымъ столомъ, разговоръ, какъ всегда, и на сей разъ коснулся Александра Сергѣевича. П. С. Санковскій заговорилъ: «Меня безпокоитъ неизвѣстность, что теперь тамъ дѣлаетъ Александръ Сергѣевичъ и здоровъ-ли онъ?» Вдругъ дверь съ шумомъ распахнулась и къ намъ въ комнату неожиданно влетѣлъ Пушкинъ и бросился въ объятія Санковскому. На Пушкинѣ былъ широкій бѣлой матеріи турецкій плащъ, а на головѣ красная фессъ. На вопросы Павла Степановича—что такъ скоро вернулся изъ арміи? Александръ Сергѣевичъ отвѣтилъ:

— «Ужасно мнѣ надоѣло вѣчное хожденіе на помочахъ этихъ опекуновъ, дядекъ; мнѣ крайне было жаль разстаться съ моими друзьями, но я вынужденъ былъ покинуть ихъ. Паскевичъ надоѣлъ мнѣ своими любезностями; я хотѣлъ воспѣть (?) геройскіе подвиги нашихъ молодцовъ кавказцовъ; это славная часть нашей родной эпопеи, но онъ не понялъ меня, и старался выпроводить изъ арміи. Вотъ я и поспѣшилъ къ тебѣ, мой другъ Павелъ Степановичъ». Затѣмъ обратясь ко мнѣ, взялъ за руку и проговорилъ: «Очень радъ васъ видѣть, юный товарищъ, воскресшимъ изъ мертвыхъ. Когда ворочусь въ Россію, вышлю вамъ всѣ мои бездѣлушки доселѣ напечатанныя»,—и просилъ дать мой адресъ.

Оставивъ затѣмъ и хозяина и гостя вдвоемъ, я удалился къ себѣ. Потомъ, на другой и на третій день, я еще встрѣчался съ Пушкинымъ и Санковскимъ и вмѣстѣ дѣлалъ прогулки по городу; между прочимъ, посѣтили еще свѣжую тогда могилу Грибоѣдова, предъ коей Александръ Сергѣевичъ преклонилъ колѣна и долго стоялъ наклонивъ голову, а когда поднялся, на глазахъ были замѣтны слезы. На четвертый день пребыванія своего въ Тифлисѣ, Пушкинъ уѣхалъ въ Россію, оставивъ Санковскому на память своего боеваго коня, а мнѣ повторилъ обѣщаніе выслать свои сочиненія въ замѣнъ моихъ рукописныхъ, при томъ добавилъ: «Когда будете въ арміи, то прошу передать мои поклоны друзьямъ моимъ: Вальховскому, Раевскому и другимъ» [2]). Это порученіе меня очень обрадовало, болѣе потому, что я могъ узнать подробности неудовольствія между главнокомандующимъ гр. Паскевичемъ-Эриванскимъ и А. С. Пушкинымъ.

---

[2]) В. Д. Вальховскій, товарищъ Александра Сергѣевича по Царскосельскому лицею, тогда полковникъ генеральнаго штаба и оберъ-квартирмейстеръ арміи; Н. Н. Раевскій — генералъ-маіоръ, начальникъ кавалеріи; къ нему я имѣлъ письмо отъ отца, жившаго въ Полтавѣ, извѣстнаго героя 1812 года.

IV.

Совершенно оправившись отъ тяжкаго недуга, я поспѣшилъ въ армію съ письмами къ главнокомандующему отъ его отца, дяди, брата и проч. Разумѣется, я стремился туда съ большими надеждами. По прибытіи въ станъ арміи, изъ первыхъ посѣтилъ Владиміра Дмитріевича Вальховскаго, человѣка мнѣ очень близкаго. Отъ него я узналъ нѣкоторыя подробности о ссорѣ Паскевича съ Пушкинымъ. Мнѣ передавали, что когда Александръ Сергѣевичъ прибылъ въ армію, Паскевичъ принялъ его очень радушно и даже велѣлъ поставить ему палатку возлѣ своей ставки.

Разумѣется, Александра Сергѣевича болѣе влекла къ себѣ задушевная бесѣда съ товарищемъ по лицею Вальховскимъ и друзьями Раевскимъ и Муравьевымъ(?). У нихъ-то онъ проводилъ все свободное время, и рѣдко посѣщалъ свою палатку. До того онъ рыскалъ по лагерю, что иногда посланные отъ главнокомандующаго звать Пушкина къ обѣду не находили его. При всякой же перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, во время движенія войскъ впередъ, Пушкина видѣли всегда впереди скачущихъ казаковъ или драгунъ, прямо подъ выстрѣлы. Паскевичъ неоднократно предупреждалъ Александра Сергѣевича, что ему опасно зарываться такъ далеко, и совѣтовалъ находиться во время дѣла неотлучно при себѣ, точь-въ-точь какъ будто адъютанту. Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпѣніе Александра Сергѣевича Пушкина—стоять сложа руки и бездѣйствовать. Онъ, какъ будто нарочно, дразнилъ главнокомандующаго и, не слушая его совѣтовъ, при первой возможности, скрывался отъ него, и являлся гдѣ нибудь впереди въ самой свалкѣ сраженія. Послѣ всего этого, вышла открытая ссора—между И. Ѳ. Паскевичемъ и А. С. Пушкинымъ. Наконецъ, главнокомандующій, видя, что Александръ Сергѣевичъ явно удаляется отъ него, призвалъ его къ себѣ въ палатку (во время доклада бумагъ Вальховскимъ), и рѣзко объявилъ:

— «Господинъ Пушкинъ! мнѣ васъ жаль, жизнь ваша дорога для Россіи; вамъ здѣсь дѣлать нечего, а потому я совѣтую немедленно уѣхать изъ арміи обратно, и я уже велѣлъ приготовить для васъ благонадежный конвой».

Владиміръ Дмитріевичъ Вальховскій передалъ мнѣ, что Александръ Сергѣевичъ порывисто поклонился Паскевичу и выбѣжалъ изъ палатки, немедленно собрался въ путь, попрощавшись съ знакомыми и друзьями, и въ тотъ же день уѣхалъ. Вальховскій передавалъ мнѣ подъ секретомъ еще то, что одною изъ главныхъ причинъ неудовольствія главнокомандующаго было нерѣдкое свиданіе Александра Сергѣевича съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, находившимися въ арміи рядовыми. Говорили потомъ, что нѣкоторыя личности шпіонили за поведеніемъ Пушкина и передавали свои наблюденія Паскевичу, разумѣется, съ прибавленіями, желая тѣмъ выслужиться.

Такъ окончилась прогулка Александра Сергѣевича въ азіатскую нашу армію. Потомъ, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, получилъ я отъ Александра Сергѣевича всѣ его печатныя въ то время стихотворенія, съ надписью: «На память юному дорожному товарищу». Эти сочиненія Александра Сергѣевича я долго хранилъ какъ святыню, но они, при одномъ несчастномъ случаѣ, погибли безслѣдно въ дорогѣ, со всѣмъ моимъ имуществомъ.

Въ 1837 году, я находился на службѣ въ Варшавѣ и по порученію начальства прибылъ въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ дошла до меня страшная вѣсть о кончинѣ Александра Сергѣевича наканунѣ моего пріѣзда въ столицу. Забывъ и отдыхъ послѣ ужасной курьерской ѣзды, и переодѣванье, я бросился на извощичьи дрожки, и поскакалъ въ квартиру Пушкина. Войдя въ залу, я увидѣлъ лежащій въ гробѣ бездыханный трупъ незабвеннаго поэта. Дьяконъ, въ полумракѣ, бормоталъ псалтырь; много какихъ-то неизвѣстныхъ мнѣ личностей, одѣтыхъ въ черные костюмы, то входили, то выходили съ мрачными и печальными лицами. У меня слезы полились ручьемъ; не помню, сколько времени стоялъ я на колѣнахъ у гроба и молился, но когда вышелъ изъ дому—тоска и грусть о невозвратной потерѣ до того легли на душу своею тяжестію, что выразить этого словами невозможно.

Нынѣ, при преклонныхъ лѣтахъ, я счастливъ, что дожилъ до того времени, когда вся Россія чествуетъ память великаго своего поэта сооруженіемъ ему памятника въ Москвѣ — его колыбели.

Н. Б. Потокской.

26 мая 1880 г.

«СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ А. С. ПУШКИНА»

вышедшее въ 1880 году.

Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе третье, исправленное и дополненное, подъ редакціей П. А. Ефремова. Спб. 1880 г. въ 8-ю д. Изданіе книгопродавца Я. А. Исакова:

Томъ первый. IV+584 стр. Стихотворенія 1811—1824 годовъ.—Русланъ и Людмила.—Кавказскій Плѣнникъ.—Братья Разбойники.—Бахчисарайскій Фонтанъ.—Цыганы.

Томъ шестой. Исторія Пугачевскаго бунта.—Историческіе матеріалы.—490+V стр. и одинъ планъ.

Между современными статьями и замѣтками, вызванными открытіемъ памятника Пушкину, несомнѣнно славнѣйшимъ, лучшимъ памятникомъ великому поэту является новое собраніе его собственныхъ твореній. Вышло пока два тома, но они являются прекраснымъ залогомъ того, что все это изданіе будетъ значительно превосходить предыдущія и явится наконецъ достойнымъ геніальнѣйшаго поэта нашего отечества. Высказываемъ это предположеніе тѣмъ съ бо̀льшею увѣренностью, что первый томъ—вышедшій уже въ свѣтъ—безъ малѣйшаго сомнѣнія, самый трудный для редактора. Разобраться въ массѣ мелкихъ (по объему) стихотвореній, составляющихъ однако въ бо̀льшинствѣ драгоцѣннѣйшіе перлы поэзіи Пушкина; сличить каждое изъ нихъ со всѣми редакціями, въ какихъ они являлись еще

при жизни поэта въ различныхъ журналахъ и альманахахъ; подыскать и сообразить всевозможныя указанія, до нихъ относящіяся— разсѣянныя въ письмахъ, замѣткахъ, статьяхъ, матеріалахъ и прочихъ сообщеніяхъ, составляющихъ обширную литературу, до Пушкина относящуюся; позачинить тѣ прорѣхи, какія образовало тамъ и сямъ въ стихотвореніяхъ Пушкина усердіе цензуры, отъ временъ приснопамятныхъ Красовскаго и Бирукова до временъ позднѣйшихъ, при чемъ для починки этихъ прорѣхъ обратиться либо къ рукописнымъ сборникамъ и опятъ-таки къ сличенію текста, разновременно появлявшагося въ печати, либо къ письмамъ Пушкина, тамъ и сямъ разсѣяннымъ въ печати и зачастую хранящимъ въ себѣ текстъ эпиграммъ, посланій и прочихъ произведеній пера поэта, наконецъ исправить погрѣшности, допущенныя по небрежности, невниманію и легкомыслію прежнихъ издателей сочиненій Пушкина, начиная съ «альманашниковъ» и «журналистовъ», на которыхъ такъ часто доводилось сердиться самому еще Пушкину за искаженіе его произведеній, и кончая тѣми редакторами, которые занимались изданіями «собраній сочиненій Пушкина», предшествовавшихъ нынѣшнему — вотъ та, по истинѣ, египетская работа, которую съ энергіей, добросовѣстностью и неутомимымъ трудолюбіемъ исполнилъ П. А. Ефремовъ. До чего кропотливъ и великъ такой трудъ можно судить изъ того, что на редакцію и наблюденіе за печатаніемъ одного лишь перваго тома понадобилось два года, не считая предварительной работы до начала печатанія, конечно, тоже не легкой и продолжительной. Само собою разумѣется, что послѣдующіе томы, заключающіе бо̀льшія по объему лирическія, а также драматическія сочиненія и прозу Пушкина, потребуютъ уже менѣе труда и времени.

Дабы яснѣе опредѣлить значеніе того труда, какой предпринятъ при редакціи нынѣ вышедшихъ томовъ, и дабы выяснить отношеніе новаго «собранія сочиненій А. С. Пушкина» къ предшествовавшимъ ему — приводимъ вполнѣ предисловіе П. А. Ефремова къ первому тому:

«Въ этомъ изданіи мы старались собрать все, до сихъ поръ напечатанное у насъ съ именемъ Пушкина, и тщательно провѣрить текстъ каждаго произведенія въ стихахъ и прозѣ, освободивъ его съ одной стороны отъ постороннихъ прибавокъ и ошибокъ, а съ другой пополнивъ тѣмъ, что было исключено или измѣнено помимо воли автора или даже имъ самимъ, но по какимъ нибудь особымъ, временнымъ причинамъ, теперь уже не существующимъ.

«Къ сожалѣнію, мы не могли имѣть доступа къ тѣмъ драгоцѣннымъ рукописямъ поэта, которыя находились въ распоряженіи П. В. Анненкова, и потому должны были ограничиться только хранящимися у нѣкоторыхъ частныхъ лицъ и въ общественныхъ книгохранилищахъ; а при скудости такихъ рукописей, обратились къ первоначальнымъ изданіямъ и производили свѣрку со всѣми.

«Въ основу текста для настоящаго изданія мы принимали тотъ, который установленъ былъ самимъ поэтомъ при послѣднемъ, при его жизни и подъ его присмотромъ, напечатаніи каждаго разсматриваемаго нами произведенія. Для тѣхъ же произведеній, которыя явились или по смерти автора или при его жизни, но не подъ непосредственнымъ его наблюденіемъ, мы руководствовались указаніями печатныхъ статей о Пушкинѣ, изъ которыхъ особенно должны упомянуть о статьяхъ В. П. Гаевскаго, съ необыкновенною тщательностью и полнотою разработавшаго и выяснившаго текстъ такъ называемыхъ «лицейскихъ» произведеній поэта.

«Кромѣ того однимъ изъ наиболѣе существенныхъ основаній для правильности принимаемаго нами текста служили письма самого поэта къ знакомымъ и роднымъ, а также и письма къ нему разныхъ лицъ.

«Все, откинутое Пушкинымъ изъ его произведеній, въ видахъ приданія имъ художественной отдѣлки, цѣльности и единства, мы отнесли въ «лицейскихъ» стихотвореніяхъ къ примѣчаніямъ, а при произведеніяхъ болѣе зрѣлой эпохи его таланта помѣщали въ текстѣ книги, но особо, вслѣдъ за каждымъ такимъ произведеніемъ, потому что во многихъ случаяхъ откинутыя мѣста, нарушая единство стихотворенія или статьи, сами по себѣ представляли отдѣльные прекрасные очерки, которые жаль было терять въ примѣчаніяхъ, какъ напримѣръ прелестный конецъ стихотворенія «Воспоминаніе» (1828 г.),

«Затѣмъ мы съ особенною тщательностью прослѣдили, по перепискѣ Пушкина и по статьямъ о немъ, что именно было исключено помимо его воли, или что исключалъ онъ самъ, но или по цензурнымъ соображеніямъ того времени, или по личнымъ и общественнымъ своимъ отношеніямъ какъ напримѣръ стихи, гдѣ онъ не хотѣлъ, чтобы узнала себя особа, къ которой они относятся («Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда» и др.). Всѣ такія исключенія введены нами въ текстъ, и въ каждомъ случаѣ оговорены въ примѣчаніяхъ.

«Порядокъ распредѣленія стиховъ и прозы принятъ нами единственно возможный для каждаго изданія, претендующаго быть хорошимъ, именно хронологическій по обоимъ отдѣламъ, не исключая изъ общаго рода: поэмъ, повѣстей, драматическихъ произведеній, сказокъ и пр., какъ это сдѣлано предыдущими изданіями. Самъ Пушкинъ только въ первомъ изданіи, сдѣланномъ въ 1826 г. и при томъ не имъ самимъ, подчинился школьному распредѣленію стихотвореній породамъ поэзіи, но и при этомъ вездѣ, гдѣ помнилъ, выставилъ годы. Изданіе 1829—1835 гг., сдѣланное самимъ поэтомъ, совсѣмъ устранило это дѣленіе и приняло строго-хронологическій порядокъ, въ который были введены и

драматическія сцены и сказки. Правда, Пушкинъ издалъ отдѣльно два тома поэмъ, Бориса Годунова и Евгенія Онѣгина, но это потому, что дѣло еще не шло о полномъ собраніи сочиненій. Хронологическій порядокъ былъ снова откинутъ посмертнымъ изданіемъ 1838—1841 гг., выходившимъ подъ главнымъ наблюденіемъ Жуковскаго, но самъ же Жуковскій убѣдился впослѣдствіи въ несостоятельности своего взгляда и послѣднее изданіе собственныхъ сочиненій сдѣлалъ въ строго-хронологическомъ порядкѣ, введя въ общій рядъ и многочисленныя поэмы свои и драмы.

«Г. Анненковъ возстановилъ хронологическій порядокъ, но только отчасти. Подъ вліяніемъ сказанной классификаціи, онъ выдѣлилъ нѣсколько параллельныхъ отдѣловъ, при чемъ, конечно, явился личный произволъ, напримѣръ, стихотвореніе «Женихъ» отошло въ особый отдѣлъ, а «Андрей Шенье» оставлено въ общемъ ряду и т. п. Кромѣ того, достаточно вѣрно распредѣливъ стихотворенія по годамъ, г. Анненковъ въ самыхъ годахъ уже не наблюдалъ никакой хронологіи, такъ что стихотвореніе, написанное въ началѣ года, печаталось въ концѣ его, и, слѣдовательно, соприкасалось не съ предыдущимъ, а съ слѣдующимъ, чѣмъ послѣдовательная связь произведеній значительно нарушалась. Причиной этому было то, что старое дѣленіе по родамъ поэзіи, откинутое въ общемъ, сбережено было издателемъ въ каждомъ отдѣльномъ годѣ, гдѣ стихотворенія группировались имъ именно по родамъ, съ подборомъ антологическихъ особо, посланій особо и т. д. Мы, напротивъ, старались и въ каждомъ годѣ опредѣлить время, въ которое написана каждая пьеса. Для этого намъ служили указаніемъ, какъ выше сказано, переписка и статьи о Пушкинѣ; а если точныхъ данныхъ не встрѣчалось, то мы размѣщали стихи по времени ихъ напечатанія, напримѣръ, пьесу, помѣщенную въ первыхъ нумерахъ какого нибудь журнала извѣстнаго года, мы печатали прежде помѣщенной въ слѣдующихъ за тѣмъ нумерахъ, на что въ изданіи г. Анненкова не было обращено вниманія, и пьеса, напечатанная, напримѣръ, въ № 6, ставилась прежде напечатанной въ № 1, того же года.

«Всѣ числовыя и другія помѣты Пушкина подъ стихами и статьями, находящіяся въ рукописяхъ или при первоначальномъ напечатаніи, мы съ точностью воспроизвели въ нашемъ изданіи. За тѣмъ обозначали въ скобкахъ тѣ помѣты времени, на которыя находили «точныя» и «опредѣленныя» указанія въ перепискѣ или статьяхъ о поэтѣ.

«Черновые наброски и отрывки, извлеченные г. Анненковымъ изъ рукописей Пушкина и сгруппированные послѣдними изданіями въ одинъ отдѣлъ, сдѣлавшійся поэтому неудобочитаемымъ, мы старались, по соображеніямъ и указаніямъ, размѣстить въ концѣ тѣхъ годовъ, съ стихотвореніями которыхъ имѣютъ соотношеніе сказанные наброски и отрывки, иногда даже превосходящіе своимъ достоинствомъ четверостишія, обыкновенно печатаемыя въ текстѣ сочиненій Пушкина.

«Въ тѣхъ случаяхъ, когда сохранился первоначальный текстъ стихотворенія, впослѣдствіи совершенно переработаннаго и измѣненнаго, мы помѣщали въ книгѣ послѣдній, исправленный, а прежній относили въ примѣчанія, чтобы читатель имѣлъ передъ собой стихотвореніе именно въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлъ ему дать самъ поэтъ, а потомъ бы уже знакомился съ его внутреннею, авторскою работою. Къ примѣчаніямъ же отнесены нами и всѣ «сомнительныя» произведенія, явившіяся въ печати съ име-

немъ Пушкина, но не имѣющія за собою доказательствъ.

Къ одному изъ слѣдующихъ томовъ мы прилагаемъ два снимка съ портретовъ Пушкина. Подлинникъ перваго, гдѣ поэтъ изображенъ въ юношескихъ лѣтахъ, былъ приложенъ къ первому изданію «Кавказскаго Плѣнника» въ гравюрѣ Е. Гейтмана, по рисунку, какъ утверждаютъ, знаменитаго К. П. Брюллова. Второй портретъ, рисованный О. Кипренскимъ и гравированный Н. И. Уткинымъ, былъ приложенъ къ «Сѣвернымъ Цвѣтамъ» на 1828 г. и затѣмъ ко второму изданію «Руслана и Людмилы». Онъ считается лицейскими товарищами Пушкина и людьми, близко его знавшими, самымъ схожимъ изъ всѣхъ существующихъ изображеній нашего великаго поэта[1]).

Библіографическія примѣчанія, сопровождающія первый томъ новаго собранія сочиненій Пушкина, занимаютъ 70 страницъ мелкой печати. Здѣсь читатели найдутъ весьма обстоятельныя указанія на время и мѣсто появленія каждаго стихотворенія, въ какомъ видѣ оно являлось, какъ перепечатывалось, какіе были пропуски, ошибки, искаженія, откуда взяты исправленія и дополненія, какіе были поводы къ возникновенію того или другаго произведенія, и проч. и проч. Много знанія и труда надо было положить въ дѣло составителю этихъ примѣчаній; но только вполнѣ благоговѣйною любовью къ памяти великаго отечественнаго поэта—можно объяснить себѣ то вниманіе, съ какимъ отнесся П. А. Ефремовъ къ каждому стихотворенію, къ каждой строкѣ, къ каждому слову, вышедшему изъ-подъ пера Пушкина; до чего это доходитъ—читатели увидятъ просматривая помянутыя примѣчанія, въ которыхъ составитель ихъ нерѣдко оговариваетъ мельчайшій недосмотръ своихъ предшественниковъ, напримѣръ, невѣрно поставленную запятую, искажавшую однако смыслъ произведенія поэта.

Настоящее собраніе сочиненій Пушкина,—если г. Исаковъ издастъ и остальные томы [2]), безъ всякаго сомнѣнія будетъ имѣть право назваться если не полнымъ — такъ какъ изъ подлинныхъ рукописей Пушкина—лишь, къ сожалѣнію, не многія были въ распоряженіи П. А. Ефремова, то, во всякомъ случаѣ, въ ряду всѣхъ

---

[1]) Портреты Пушкина, о которыхъ здѣсь говорится, читатели «Русской Старины» уже имѣютъ при книгахъ этого журнала изд. 1879 года (книга IV, апрѣль, и VII, іюль 1879 г.) въ наиточнѣйшихъ геліографическихъ снимкахъ, превосходно исполненныхъ въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

[2]) Кстати замѣтимъ, г. Исаковъ выпустивъ нынѣ два тома (I-й и VI-й) сочиненій Пушкина, продаетъ ихъ не иначе какъ принимая подписку на все

прочихъ, наиполнѣйшимъ изданіемъ сочиненій Пушкина. Такъ мы вправѣ предполагать по вышедшимъ двумъ томамъ. Первый изъ нихъ заключаетъ въ себѣ произведенія нашего поэта за время съ 1811-го до 1824-го года включительно. И дѣйствительно—всѣ стихотворенія, какія вышли изъ подъ пера Пушкина въ этотъ періодъ времени и какія несомнѣнно ему принадлежатъ — всѣ помѣщены въ этомъ томѣ; если же нѣкоторыя, и притомъ, къ счастію, весьма немногія, — оказалось рѣшительно невозможнымъ помѣстить цѣликомъ, то изъ нихъ приведены отдѣльныя строфы или отрывки. Таковы: Сказки (I, 205), Вольность, Эпическіе отрывки (I, 436), двѣ эпиграммы на гр. Аракчеева (I, 316) и, наконецъ, двѣ эпиграммы на кн. А. Н. Голицына (I, 42).

Извѣстно, что еще при жизни поэта, а того болѣе послѣ его смерти, даже до нашихъ дней, довольно много стихотвореній, эпиграммъ и разныхъ мелкихъ, преимущественно сатирическихъ произведеній гуляетъ по рукописнымъ сборникамъ, и попадаетъ въ печать, какъ въ Россіи, такъ въ особенности заграницей въ печатные сборники съ именемъ Пушкина. Довольно указать напр. на «дополнительный томъ стихотвореній Пушкина», изданный въ 1861-мъ году въ Берлинѣ и затѣмъ нѣсколько разъ перепечатывавшійся тамъ же и въ Лейпцигѣ: чего и чего тамъ нѣтъ такого, въ чемъ ни мало не повиненъ Пушкинъ!

Такія, облыжно приписанныя ему произведенія, конечно, не помѣщены въ нынѣ вышедшій томъ его стихотвореній (1811—1824 гг.). Въ «Ефремовскомъ» изданіи сочиненій Пушкина не нашли себѣ мѣста мнимо Пушкинскія произведенія:

1) Князь Голицынъ мудрость вѣсилъ....
2) На вопареніе Александра Павловича.
3) Къ памятнику его же.
4) Въ Россіи нѣтъ закона....
5) На постройку Исакіевскаго храма.
6) «Ужель нашъ архіерей»....
7) Графинѣ Аннѣ Алексѣевнѣ Орловой: «Благословенная жена»....
8) «Князь Шаликовъ газетчикъ нашъ печальный»...
9) Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову: «Хоть участье не поможетъ»....

изданіе, т. е. на всѣ шесть томовъ, причемъ взимаетъ единовременно десять рублей. Въ виду всевозможныхъ случайностей, устранить которыя впрочемъ зависитъ отъ г. Исакова, ему слѣдовало-бы теперь же и вполнѣ точно объявить: въ какіе сроки явятся въ свѣтъ остальные томы.

10) Нѣсколько произведеній Илличевскаго и барона Дельвига, до сихъ поръ ошибочно приписываемыхъ Пушкину.
11) Михаилу Александровичу Дмитріеву: «Сошлися книжники»....
12) В. А. Жуковскому:—эпиграма: «Изъ савана облекся онъ въ ливрею»...
13) «Накажи святой угодникъ»....
14) Разговоръ Орловой съ архимандритомъ Фотіемъ.
15) Разговоръ Орлова съ Истоминой.
16) «Ты хочешь знать моя драгая...».
17) Нѣсколько эпиграммъ принадлежащихъ Сергѣю Александровичу Соболевскому, между прочимъ: на Ѳ. Н. Глинку, Ф. Ф. Вигеля и друг., также ошибочно приписываемыя Пушкину..... и т. п.

Тѣмъ не менѣе, все, что явилось въ печати съ именемъ Пушкина въ предѣлахъ Россіи—все было подвергнуто редакторомъ новаго изданія внимательнѣйшему изслѣдованію: о каждомъ таковомъ стихотвореніи (1811—1824 гг.) дано обстоятельное объясненіе и коль скоро принадлежность его перу Пушкина оказалась несомнѣнною, то оно и внесено въ надлежащее мѣсто изданія. При этомъ каждый читатель легко усмотритъ, что многое явилось нынѣ, въ разсматриваемомъ томѣ,—либо значительно полнѣе, исправнѣе, противъ того, какъ печаталось доселѣ, либо напечатано даже впервые въ Россіи. Такъ, напримѣръ, вошли въ собраніе сочиненій Пушкина — впервые или въ болѣе полномъ видѣ—нижеслѣдующія его произведенія:

А. Ѳ. Орлову [О ты, который сочеталъ] (I, 203).
Посланія Петру Яковлевичу Чаадаеву (I, 205, 320 и 364).
Двѣ эпиграммы на Н. М. Карамзина (I, 212).
Н. В. Всеволожскому (I, 538 [1]).
Еврейкѣ (I, 369).
«Лемносскій богъ тебя сковалъ.....» (I, 370).
Наполеонъ (I, 371).
Жалоба [Вашъ дѣдъ портной].... Сѣверину (I, 413).
Изыде сѣятель сѣяти семена своя..... (I, 441).
Отрывокъ [Недвижный стражъ дремалъ]... (I, 442).
«Сказали разъ царю»... (I, 445).
«Тимковскій царствовалъ»..... (I, 451).
На М. В—ва [Полумилордъ, полукупецъ]. (I, 452).
Первое посланіе цензору (I, 465).
Второе посланіе цензору (I, 468) и нѣкоторыя другія стихотворенія.

---

[1]) Впервые напечатано вполнѣ П. А. Ефремовымъ въ «Русской Старинѣ» 1880 г. январь, томъ XXVII, стр. 191—193.

Въ заключеніе, привѣтствуя вышедшіе два тома «собранія сочиненій Пушкина», пожелаемъ возможно скорѣйшаго выхода въ свѣтъ остальныхъ четырехъ томовъ и порадуемся, что цензорскія ножницы впервые, вполнѣ къ чести нашего времени, не прикоснулись къ собранію сочиненій величайшаго и любимѣйшаго поэта Россіи [1]).

Павловскъ.
1880 г.

Ред.

Экспромтъ

М. А. Л.

Поэзія не есть искусство,
Но отпечатокъ всей души;
Какъ хочешь пиши,
Но чтобы говорило чувство!...

А. Писаревъ.

Любезная сестра!

Своимъ умомъ я не богатъ,
Но съ вами и чужимъ готовъ я подѣлиться;
А если опытъ мнѣ счастливѣе случится,
Увидите, что я, усерднѣйшій вамъ братъ
И лучшимъ всѣмъ дѣлиться съ вами радъ.

N. Гнѣдичъ.

Іюля 26-го
1824 г.

Сообщ. подлинникъ П. Главацкій.

---

[1]) Изъ всего перваго тома по отпечатаніи его исключено лишь «подражаніе Баркову» и ничтожное четверостишіе Пестелю. То и другое исключенія сдѣланы самимъ г. Ефремовымъ, пришедшимъ къ заключенію, что первое несомнѣнно принадлежитъ Полежаеву, а не Пушкину, а послѣднее весьма сомнительно, чтобы принадлежало Пушкину. Ред.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

Обзоръ всѣхъ изданій комедіи „Горе отъ Ума“.

II 1825—1874.

30-го октября 1857 года было одобрено цензоромъ Мацкевичемъ изданіе объемистой книги подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

XVII. А. С. Грибоѣдовъ и его сочиненія. Съ приложеніями: 1) портрета автора; 2) изображенія памятника надъ его могилою; 3) автографа; 4) герба Грибоѣдовыхъ; 5) сценъ изъ комедіи „Горе отъ Ума“: а) балъ, б) разъѣздъ, в) явленіе Репетилова; 6) статей о „Горѣ отъ Ума“ изъ лучшихъ журналовъ (1825—1857 гг.) Изданіе Евграфа Серчевскаго. „Горе отъ Ума“ напечатано въ этой книгѣ по рукописи, употребляемой при представленіи комедіи на императорскихъ театрахъ. Спб., 1858 г., in 8°; страницъ: III для оглавленія, III отъ издателя, XCI на матеріалы для біографіи и 404 для сочиненій Грибоѣдова. „Горе отъ Ума“ занимаетъ 77—184 страницы. Грибоѣдовъ изображенъ на портретѣ во весь ростъ, [1]) въ сидячемъ положеніи.

Текстъ комедіи тотъ же, какъ въ изданіи Смирдина 1857 г., статьи же о комедіи извлечены изъ журналовъ безъ достаточной полноты и безъ критики. Матеріалы для біографіи являются въ сыромъ видѣ. Родословная поэта изложена темно; Тегеранская катастрофа представляетъ выписку изъ оффиціальныхъ документовъ безъ сличенія съ другими источниками.

По внѣшней сторонѣ изданіе хорошо, напечатано четко и читается легко. Опечатокъ встрѣчается мало, и то при самомъ внимательномъ просмотрѣ. Вообще, это изданіе можно назвать хоро-

[1]) Портретъ этотъ снятъ съ Грибоѣдова П. А. Каратыгинымъ и, по словамъ Серчевскаго, имѣетъ болѣе сходства, чѣмъ портретъ грав. Уткинымъ.

шимъ и полезнымъ, хотя далеко необработаннымъ. Несмотря на дорогую цѣну въ продажѣ (3 р.), оно все разошлось и нынѣ едва-ли имѣется два-три экземпляра въ старыхъ книжныхъ магазинахъ, да у немногихъ букинистовъ. Даже Императорская Публичная Библіотека имѣетъ только одинъ экземпляръ книги Серчевскаго, для читальной залы, крайне подержанный, прошедшій сквозь многія руки, оставившія на книгѣ слѣды своихъ работъ. Главнѣйшій недостатокъ книги — отсутствіе критики и коментарій, и перепечатка текста безъ свода варіантовъ. Не отмѣчены даже вновь внесенные стихи.

Казалось бы, что послѣ изданія комедіи Серчевскимъ не оставалось мѣста для выпуска книженокъ, позорящихъ книгопечатное дѣло; но Москва не знала мѣры въ книжномъ дѣлѣ и подарила читающую публику слѣдующими произведеніями торгашества:

XVIII. „Горе отъ Ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова. Изданіе пятое. Москва. Въ типографіи С. Попова. 32-ю д. л. 224 стр. Дозволено цензоромъ Гиляровымъ-Платоновымъ 5-го іюля 1858 г.

XIX. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Изданіе шектое (вм. шестое). Москва. Въ типографіи С. Попова, 32-ю д. л., стр. 224. Дозволено 5-го іюля 1858 г. цензоромъ Гиляровымъ-Платоновымъ. На послѣдней страницѣ обертки сказано: „Изданіе В. Шерапова“. Къ обѣимъ книженкамъ приложенъ наигрубѣйшій, лубочной работы, портретъ автора. Опечатокъ, ошибокъ нѣтъ числа. Между обѣими книженками разница только въ одномъ словѣ: пято и шектое; во всемъ остальномъ онѣ тождественны, т. е., издатель, не представляя даже экземпляра въ цензуру, перемѣнилъ заглавный листъ съ единственнымъ словомъ шектое.

Въ 1858 г., кромѣ русскихъ невѣжественныхъ издателей, стали искажать комедію и за границею. Приманкою служило то, что книга, во-первыхъ, печатается не у насъ и, во-вторыхъ, печатается, будто бы, полный текстъ. Воспользоваться такою слабостью русской натуры пришлось Юрію Приваловскому, выпустившему въ 8-ю д. л. слѣдующую книжку:

XX. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Полное изданіе Юрія Приваловскаго. Лейпцигъ, у Густава Бера: Leipzig, Gustav Baer. 1858. Внизу заглавной страницы рука, указывающая на „Единственное полное изданіе“. Въ небольшомъ предисловіи, издатель говоритъ, что онъ удостовѣрился въ точности рукописей, съ которыхъ, со всею добросовѣстностью, возстановлялъ полный текстъ.

Издатель, очевидно, билъ на хорошій сбытъ книги и особенно на

довѣрчивость публики къ заграничной безцензурной печати русскихъ авторовъ. Но до какихъ границъ безобразія можетъ быть доведена подобная эксплоатація русскаго добродушія, это можно видѣть изъ близкаго ознакомленія съ этимъ плачевнымъ изданіемъ. Не вдаваясь, впрочемъ, въ подробности, остановимся хотя на нѣкоторыхъ искаженіяхъ комедіи. Пропущены вовсе стихи:

На страницахъ:

9. Далъ чинъ ассессора и взялъ въ секретари;
30. Въ Москву переведенъ черезъ мое содѣйство;
42. Для замысловъ какихъ-то непонятныхъ,
122. Безумный! Что онъ тутъ за чепуху мололъ!

Слѣдующіе стихи потеряли смыслъ отъ вставки ненужныхъ словъ на страницахъ:

41. Не поминайте намъ: ужъ мало-ли мостятъ,
Съ тѣхъ поръ, дороги, тротуары,
Дома, и все на новый ладъ.
44. И офицеровъ вамъ начту притомъ,
56. Малѣйшая въ комъ странность чуть видна,
И спортитъ все, веселость ваша не скромна.

Въ трехъ мѣстахъ слиты въ одно цѣлое двѣ редакціи стиховъ: рукописная и передѣлка для печати. Именно, на стр. 50-й:

Софья.

Пораньше. Съѣдутся домашніе друзья
Потанцовать подъ фортепіано.
(Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.
(Смотрите-жъ, опоздать нельзя.

И два отвѣта Молчалина на 67-й страницѣ:

(Вѣдь надобно-жъ имѣть въ виду,
(Завпсить отъ другихъ.

Чацкій.

За чѣмъ же надобно?

Молчалинъ.

(Чтобъ не попасть въ бѣду,
(Въ чинахъ мы небольшихъ.

Приведемъ для образца и своевольную передѣлку нѣкоторыхъ, на выдержку, стиховъ, на страницахъ:

21. На съѣздахъ, на балахъ, на праздникахъ приходскихъ
Господствуетъ еще смѣшенье языковъ.
27. Она не родила,—по моему разсчему (вм. разсчету)
Должна вскорѣ родить.

28. Не веселъ я! Въ мои лѣта
Вѣдь не скакать же мнѣ въ присядку.
36. Вотъ кресла вамъ, раскиньтесь на покой.
41. Порадуйтесь—не истребятъ
Ни годы ихъ, ни люди, ни парады.
101. Пилъ за̀ мертво—не спалъ ночей по девяти
111. А! дѣло! день идетъ къ разсвѣту.

По внѣшности, изданіе красиво и опрятно; опечаткамъ, опискамъ и искаженіямъ нѣтъ числа. Несмотря на то, оно проникло въ Россію и хорошо продавалось, въ 1860-хъ годахъ, даже по 3 р. сер.

Одновременно съ Приваловскимъ принялся за Грибоѣдова въ Берлинѣ Фердинандъ Шнейдеръ и выпустилъ, въ 8-ю д. л., въ 203 стр., очень опрятную, на глазированной бумагѣ, книжку съ такимъ титуломъ:

XXI. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, А. С. Грибоѣдова. Полнѣйшее изданіе. Berlin, 1858. Ferdinand Schneider. Lenné Strasse. 3. Paris, A. Bonne et Schultz. Rue de Rivoli. 170, vis-à-vis du Louvre. Печатано въ типографіи Шульца въ Берлинѣ. Neue Friedrich Strasse. 47.

Это изданіе хотя и вѣрнѣе (немного) предъидущаго, но въ текстѣ комедіи повторились всѣ тѣ передѣлки, кои нами приведены изъ изданія Приваловскаго, и передѣланы стихи Чацкаго:

Родныхъ мильонъ у нихъ, а съ помощью сестрицъ

такимъ образомъ:

Родней богатые, и съ помощью сестрицъ

и въ заключительномъ монологѣ:

Безумнымъ вы меня прославили?... нѣтъ споровъ

вмѣсто подлиннаго стиха:

Безумнымъ вы меня провозгласили хоромъ...

Это изданіе хотя и проникло въ Россію, но, сколько мы успѣли добыть свѣдѣній, расходилось туго.

Несмотря на двѣ неудачныя попытки издавать „Горе отъ Ума“ за границею, въ 1859 г., въ Берлинѣ же, вновь появилось въ 20 листовъ, четко и толково, даже, можно сказать, изящно отпечатанное изданіе комедіи подъ такимъ заголовкомъ:

XXII. Сочиненія А. С. Грибоѣдова. (Первое полное изданіе). Берлинъ. Рудольфъ Вагнеръ. № 19, подъ липами. Печатано въ типографіи Шульца, въ Берлинѣ, 1860.

Въ это изданіе вошла часть другихъ сочиненій Грибоѣдова, такъ что оно распалось, по числу страницъ на 3 отдѣла: 1 — 160 сочине-

нія Грибоѣдова, 161 — 296 „Горе отъ Ума“, 297 — 326 примѣчанія. Въ продажѣ этого изданія мы не нашли. Въ Импер. Публ. Библ. оно значится по карточкамъ подъ №№ XVIII, 150—6—15.

Это изданіе представляетъ пеструю смѣсь текста по изданіямъ Приваловскаго, Смирдина и частію нѣкоторыхъ рукописей. Видна усидчивая, кропотливая надъ текстомъ и примѣчаніями работа, которая не легко доставалась заграничной типографіи. Но новаго, противъ прежнихъ изданій, въ немъ не прибавлено ни единаго слова; и потому выраженіе заголовка „первое полное изданіе“ нужно понимать въ томъ смыслѣ, что это было, по убѣжденію издателя и по доступности ему матеріаловъ, первымъ полнымъ изданіемъ не „Горя отъ Ума“, а собранія сочиненій Грибоѣдова.

Варіанты крайне незначительны, встрѣчаются по большей части въ словахъ, но не въ цѣлыхъ стихахъ. Несмотря на добросовѣстное выполненіе своей задачи, изданіе это имѣло до того плохой сбытъ, что чрезъ 10 лѣтъ, именно въ 1870 г., оказалось необходимымъ изъять его изъ залежей и пустить въ продажу въ новой обложкѣ, прибавивъ на ней „второе полное изданіе“.

Недоступность цѣны изданія Серчевскаго вызвала, въ 1860 г., книгопродавца Мухина выпустить собраніе сочиненій Грибоѣдова въ маленькомъ форматѣ, въ 24-ю д. л., подъ такою первою заглавной страницей:

XXIII. Полное собраніе сочиненій А. С. Грибоѣдова, съ портретомъ автора и 5-тью картинами. Спб., въ типогр. Штаба военно-учебныхъ заведеній., 1860. Среди страницы эпиграфъ:

Судьба—проказница шалунья,
Устроила на свѣтѣ такъ она:
Всѣмъ глупымъ счастье отъ безумья,
А умнымъ—горе отъ ума. [1])

Предъ этимъ заглавіемъ очень плохой портретъ автора и гербъ рода Грибоѣдовыхъ, по одну сторону котораго вылитографировано: „Род. 4-го января 1793 г.“, а подругую — „Убитъ 30-го января 1829 г.“. На оборотѣ цензурное дозволеніе отъ 20-го мая 1860 г. (ценз. Обертъ). На второмъ листѣ слѣдующее посвященіе: „Уважающимъ память незабвеннаго творца комедіи: „Горе отъ Ума“, посвящаетъ издатель Мухинъ“.

[1]) Подлинная редакція этого эпиграфа слѣдующая:
Судьба — проказница, шалунья
Опредѣлила такъ сама:
Всѣмъ глупымъ — счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ — горе отъ ума.

Изданіе начинается краткою біографіею (I—XVIII стр.) поэта, послѣ которой идетъ комедія „Горе отъ Ума“ (1—199 стр.), и затѣмъ страницы 200—334 для прочихъ сочиненій. Въ этой книжкѣ помѣщены: „Молодые супруги“, отрывокъ изъ 2-го акта комедіи: „Своя семья“, „Прологъ Фауста“, посланіе „Телешевой“, и затѣмъ: Хищники на Чегемѣ, Душа, Востокъ, Отрывокъ изъ поэмы Кальянчи, Романсъ и Эпиграмма, въ которой два послѣднихъ, приведенныхъ нами въ выноскѣ, стиха замѣнены точками[1]). Изданіе это является образцомъ своеобразной работы, представляя только перепечатку съ изданія Серчевскаго, но въ „Горѣ отъ Ума“ болѣе вѣрную постановку знаковъ препинанія. Пять картинъ скопированы съ рисунковъ Серчевскаго, но уменьшенныя, онѣ явились очень плохою копировкою. Въ „Горѣ отъ Ума“ варіанты ничтожны, въ отдѣльныхъ словахъ, больше даже слоговые; но въ текстѣ „Своя Семья“ Мухинъ помѣстилъ варіантъ цѣлыхъ двухъ явленій, не указавъ, впрочемъ, той рукописи, съ которой печаталъ текстъ. Такъ какъ мы имѣемъ въ виду только „Горе отъ Ума“, то и не считаемъ нужнымъ приводить этого варіанта.

Относительно „Горя отъ Ума“ Мухинъ ограничился сводомъ въ одно цѣлое полнаго текста явившихся изданій и театральной рукописи, надо полагать, принадлежавшей Кирѣеву; критически же къ дѣлу не отнесся. Изданіе впрочемъ разошлось быстро. Теперь оно составляетъ рѣдкую книгу. Едва могли мы найти два экземпляра въ Александровскомъ рынкѣ.

12-го января 1861 г., цензоръ Бекетовъ подписалъ къ выпуску новую брошюру, отпечатанную въ 2 столбца петитомъ на 26 страничкахъ, in 4°, подъ заглавіемъ:

XXIV. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Новое, дополненное изданіе. Спб., 1862 г. Цѣна 10 к., съ перес. 40 к. На оборотной страницѣ обертки, послѣ перечисленія изданій книжнаго магазина Битепажа и Калугина, ярко напечатано: „Лейпцигъ, въ типографіи Ѳ. А. Брокгауза“. Типографія же Тиблена, гдѣ работалась эта бро-

---

[1]) Вотъ эта эпиграмма по нашей рукописи:

И сочиняютъ—врутъ, и переводятъ—врутъ!
Зачѣмъ же врете вы, о дѣти!.... Дѣтямъ—прутъ.
Шалите рифмами, нанизывайте стопы,
Ужъ такъ и быть! — Но вы ругаться удальцы:
Такъ чтобы были вы умнѣе, молодцы,
Вамъ слѣдуетъ всѣмъ присправно выдрать ж . . .

И. Г.

шюрка, означена на оборотѣ заглавнаго листа едва замѣтнымъ шрифтомъ. Но ни ссылка на Брокгауза, ни гостинодворскій маневръ не дали быстраго хода брошюркѣ, которую и нынѣ легко отыскать.

Наконецъ, въ 1862 г., за серьезное изданіе комедіи взялся книгопродавецъ Н. Тибленъ, напечатавъ разрѣшенную В. Бекетовымъ, in 16°, majore на 109 стр., 25-го марта 1862 г., комедію подъ такимъ заголовкомъ:

XXV. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“. Первое полное изданіе Николая Тиблена. Цѣна 10 коп.

Издатель, назвавъ текстъ полнымъ, не указалъ той рукописи, которой держался. Но мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія, что ему основою служила рукопись Кирѣева, текстъ которой сходился съ изданіями Серчевскаго, берлинскимъ и Смирдина. Оттого вошли въ изданіе столь крупныя погрѣшности, что онѣ были замѣчены даже самимъ издателемъ, оговорившимъ ихъ при 2-мъ изданіи.

Такъ на стр. 14-й, стихъ:

Гдѣ чудеса, тамъ мало складу.

измѣненъ такъ:

Въ немъ мало складу.

Два стиха въ отвѣтѣ Молчалина Фамусову:

Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ, а въ иныхъ....

неудачно передѣланы въ такой варіантъ:

Я только несъ ихъ для докладу,
Что въ ходъ нельзя пустить безъ справокъ; а въ нихъ....

Стихъ:

Сидишь, а на дворѣ давно ужъ побѣлѣло.

получилъ сокращеніе стопъ:

Сидишь, а на дворѣ ужъ побѣлѣло.

На стр. 39-й, вмѣсто ироническаго стиха:

И гдѣ не воскресятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты.—

употребленъ варіантъ, лишенный смысла:

И гдѣ не истребятъ кліенты-иностранцы
Прошедшаго житья подлѣйшія черты?

На 46-й страницѣ подлинный стихъ:

Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя.

появился въ такомъ варіантѣ:

Смотрите-жъ опоздать нельзя.

На 77-й страницѣ неправильно скандированъ стихъ Загорѣцкаго:

Объ Чáц | комъ; óнъ | въ комнá| тѣ сéй | часъ здѣсь | былъ.

вмѣсто:

Объ Чацкомъ. Онъ сейчасъ здѣсь въ комнатѣ былъ.

Въ IV дѣйствіи (стр. 86) впервые появилось подробное описаніе декораціи сѣней дома Фамусовыхъ.

Наконецъ заключительный монологъ Чацкаго представляетъ смѣсь рукописи Кирѣева съ заграничнымъ изданіемъ Приваловскаго, а оттого представляетъ совершенную путаницу понятій и переходитъ въ наборъ громкихъ фразъ. Такъ какъ разсматриваемаго изданія нынѣ въ продажѣ нѣтъ, то мы приводимъ варіантъ этого монолога, какъ образчикъ искаженія текста, когда къ изданію его приступаютъ безъ предварительной подготовки:

Чацкій.

Не образумлюсь! Виноватъ!
Не знаю, какъ я невпопадъ
Представилъ васъ себѣ одной изъ хладнокровныхъ
Искательницъ фортунъ и жениховъ чиновныхъ,
Которой красотѣ едва дано разцвѣсть,
Ужъ глубоко натвержено искусство
Не сердцемъ понимать, а взвѣсить и разчесть
И торговать собой въ замужство!
Нѣтъ, нѣтъ—ошибся я.... намѣченъ былъ у васъ
Любовникъ, миленькой, котораго подъ часъ
Могли бы,—несмотря, что въ возрастѣ онъ зрѣломъ,—
Беречь, и пелепать, и посылать за дѣломъ.
Мужъ мальчикъ, мужъ слуга, изъ женнинныхъ пажей
Высокій идеалъ московскихъ всѣхъ мужей.
Но, Боже мой, кого себѣ избрали?
Когда размыслю я, кого вы предпочли?
За что меня взманили, завлекли,
Повергли въ бездну золъ, мученій и печали!
Слѣпецъ! Въ комъ я искалъ награду всѣхъ трудовъ!
Спѣшилъ, летѣлъ, дрожалъ! Вотъ счастье, думалъ, близко!
Предъ кѣмъ я давеча, такъ страстно и такъ низко
Былъ расточитель нѣжныхъ словъ.
Но что? наказаны всѣ горемъ справедливымъ...
А вы, сударь, отецъ,—вы, страстные къ чинамъ,
Желаю вамъ дремать въ невѣдѣньи счастливомъ!
Я сватаньемъ моимъ не угрожаю вамъ; и проч.

Остальное, какъ и вездѣ.

Мы успѣли, кромѣ извѣстныхъ оффиціально, перечитать до 30—

40 рукописей комедіи, принадлежащихъ разнымъ лицамъ, и такой пестроты представленій нигдѣ не находили, хотя по большей части этотъ монологъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ стиховъ, является въ приведенной формѣ, а не какъ у К. Полеваго (изд. 1839 г.). Сожалѣемъ, что намъ не пришлось видѣть рукопись Кирѣева, и потому мы не можемъ утверждать, чтобы она, какъ подаренная авторомъ владѣльцу, послужила оригиналомъ Тиблену. Это первоначальная, такъ сказать, черновая работа поэта, которая въ надлежащей формѣ, приведенной позднѣе Полевымъ, явилась уже въ 1824 г, когда самъ авторъ исключилъ изъ комедіи все, что шло въ разрѣзъ съ его предначертанными типами.

Въ одно время съ предъидущимъ, какъ видно изъ цензорской помѣтки, вышло роскошное, иллюстрированное изданіе „Горя отъ Ума“, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

XXVI. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Полный текстъ съ 25-ю рисунками М. С. Башилова, рѣзанными на деревѣ Августомъ Габеромъ, въ Дрезденѣ. Изданіе Николая Тиблена. Спб., 1862. Въ тип. Н. Тиблена и К°. (Ценз. Бекетовъ. 25-го марта 1862 г.). jn folio, 113 стр. Цѣна 5 руб.

За ликвидаціею дѣлъ Тиблена, изданіе это было куплено М. Вольфомъ и, несмотря на высокую цѣну, расходилось хорошо, такъ что нынѣ его можно имѣть только у немногихъ книгопродавцевъ. Оно имѣетъ тѣже недостатки, какъ и первое, но и такія достоинства, какихъ не имѣло ни одно изъ вышедшихъ по настоящій день изданій „Горя отъ Ума“. Не останавливаясь на погрѣшностяхъ текста, роскошно и четко напечатаннаго, такъ какъ въ этомъ случаѣ пришлось бы повторить все вышесказанное, укажемъ на главнѣйшее достоинство изданія. Это – рисунки, къ тексту приложенные, возстановляющіе живые типы, съ ихъ костюмами, манерою, общественнымъ положеніемъ, моменты котораго художникомъ схвачены мастерски и съ глубокимъ знаніемъ московской, своеобразной жизни. Башиловъ, сколько намъ извѣстно отъ людей, близко знавшихъ этого художника, пользовался, при созданіи своихъ типовъ, не одними модными журналами 20-хъ годовъ, не одними, такъ сказать, археологическими, по части костюмовъ, розысканіями, но преданіями, хорошо ему извѣстными, какъ москвичу, разсказами и указаніями лицъ, знавшихъ и то общество, съ которымъ ему приходилось знакомить публику, и ту „типичность“, которая могла быть уловима однимъ лишь москвичемъ. Фамусовъ, Софья, Лиза и Молчалинъ, — это мѣткіе портреты своихъ прототиповъ. Если въ Скалозубѣ коментаторы видятъ троихъ, въ то

время счастливыхъ полковниковъ, то Башиловымъ выведенъ именно тотъ, который, командуя полкомъ, покрывалъ своимъ басомъ даже полковую музыку. Репетиловъ какъ бы снятъ съ Пл. Ал. Шатилова, а Загорѣцкій — вылитый тогдашній управляющій виннымъ откупомъ, впослѣдствіи самъ ставшій откупщикомъ. Не удались вполнѣ художнику три лица: Горичевыхъ и Хлестовой, — но и сквозь художественное выполненіе, сквозь позу, какая имъ дана, можно все-таки догадаться, что это люди не нашего времени, а тѣ, на которыхъ

От головы до пятокъ
Есть особый отпечатокъ.

Наконецъ, на 90-й страницѣ (рис. 21), парадная лѣстница, съ колоннадою и выходящимъ въ боковую сторону дверным тамбуромъ, такъ живо напоминаютъ москвичамъ знакомый домъ, что никто изъ старожиловъ не усомнится указать мѣсто дѣйствія. Во всѣхъ рисункахъ „московскій барскій духъ, Москвою пахнетъ“.

Вообще, рисунки Башилова составляютъ серьезный матеріалъ. Въ этомъ отношеніи, изданіе Тиблена заслуживаетъ почетнаго мѣста во всякой серьезной, научной библіотекѣ.

Въ этомъ изданіи, какъ и въ первомъ, возстановлено впервые правильное чтеніе фамиліи Анфисы Ниловны Хлёстовой, чрезъ постановку двоеточія надъ *е*, а не Хлестòвой, какъ привыкли ее произносить. Очевидна попытка размѣщать стихи по стопамъ, законченная нынѣ (хотя и не вездѣ удачно) г. Гербелемъ. Но въ изданіи этомъ бросается въ глаза одна странность, когда сравниваешь его съ 1-мъ и 2-мъ изданіями того же Тиблена. Помѣчено оно къ выпуску цензоромъ въ одно число съ 1-мъ, вышло ранѣе 2-го, слѣдовательно должно бы быть съ первымъ тождественно; между тѣмъ, въ заключительномъ монологѣ Чацкаго, мы видимъ смѣсь текста 1-го изданія съ рукописью А. А. Жандра, по которой исправлено второе. Считаемъ необходимымъ привести ту вставку нѣсколькихъ стиховъ, которыхъ нѣтъ въ 1-мъ изданіи, и которая, какъ заимствованная изъ рукописи, публикѣ неизвѣстной, придаетъ монологу еще болѣе пестроты:

За чѣмъ мнѣ прямо не сказали,
Что все прошедшее вы обратили въ смѣхъ;
Что память даже вамъ постыла
Тѣхъ чувствъ въ обоихъ насъ, движеній сердца тѣхъ,
Которыя во мнѣ ни даль не охладила,
Ни развлеченія, ни перемѣна мѣстъ!
Дышалъ я ими, жилъ, былъ занятъ безпрерывно!
Сказали бы, что вамъ внезапный мой пріѣздъ,
Мой видъ, мои слова, поступки — все противно!
Я съ вами бы тотчасъ сношенія пресѣкъ,

И передъ тѣмъ, какъ на всегда разстаться,
Не сталъ бы очень добиваться,
Кто этотъ вамъ любезный человѣкъ....
Довольно, съ вами я горжусь моимъ разрывомъ!
(*Фамусову*).
А вы, сударь, отецъ... и т. д. (какъ въ прочихъ изданіяхъ).

Первое изданіе разошлось такъ быстро, что чрезъ два мѣсяца появилось, подписанное 9-го мая 1862 г. цензоромъ Еленевымъ, вновь:

XXVII. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Второе полное (исправленное) изданіе Н. Тиблена. Спб., 1862 г. Тип. П. А. Кулиша. in 8°, 97 стр. сѣроватой бумаги. На послѣдней страницѣ сдѣлана слѣдующая оговорка:

«Въ первое полное изданіе вкралось значительное количество погрѣшностей. Онѣ были частію слѣдствіемъ недосмотровъ, частію слѣдствіемъ того, что изъ нѣсколькихъ рукописей, повидимому, заслуживающихъ одинаковаго довѣрія, не было и двухъ совершенно сходныхъ между собою. Настоящее изданіе провѣрено окончательно по рукописи А. А. Жандра, исправленной самимъ Грибоѣдовымъ. Къ сожалѣнію, издатель получилъ ее, когда первые листы были уже отпечатаны,—а потому оказалось и въ этомъ изданіи нѣсколько погрѣшностей противъ помянутой рукописи. Важнѣйшія изъ нихъ указаны на оборотѣ» (т. е. въ таблицѣ опечатокъ).

Идея Тиблена дать рисунки вызвала вполнѣ каррикатурное изданіе подъ такимъ заглавіемъ:

XXVIII. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“. Комедія въ черехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ Полное (?!) иллюстрированное изданіе. Рисунки рисовалъ Іогансонъ. Рѣзалъ на деревѣ Михайловъ. Москва. Въ тип. Степановой. Стр. 106, in 8°. Рисунковъ 17. Помѣта цензуры 12-го ноября 1862 года. Спустя короткое время, въ 1863 году, книгопродавецъ Шамовъ выпустилъ эту же книгу, съ тѣмъ же числомъ страницъ, подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ тѣми же рисунками уже вторымъ изданіемъ:

XXIX. А. С. Грибоѣдовъ и проч. Полное иллюстрированное второе изданіе книгопродавца К. И. Шамова. 1864. Въ Универс. тип. (Каткова и К°). (Дозволено цензурою 3-го апрѣля 1863 г.).

Текстъ той и другой книги не имѣетъ никакихъ особенностей; это дословная перепечатка 2-го изд. Тиблена, съ ничтожными отступленіями въ знакахъ препинанія. Но 17 „картинъ“ представляютъ образецъ непониманія ихъ исполнителемъ ни текста комедіи, ни задачи, за которую онъ взялся. Лубочныя картины шемякина суда и погребенія мышами кота болѣе заключаютъ въ себѣ правдоподобія, чѣмъ эти несчастныя каррикатуры.

Въ промежутокъ времени между приведенными двумя изданіями появились новыя:

XXX. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Изданіе дополненное новымъ, нигдѣ еще ненапечатаннымъ, варіантомъ, соч. А. С. Грибоѣдова, состоящимъ изъ 25-ти стиховъ. Москва. Въ тип. Л. В. Степановой, 87 стр., in 8° majore. Цѣна 40 к. Разрѣшено 8-го іюня 1863 года.

XXXI. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоѣдова. (Безъ пропусковъ). Изд. Ив. Бочкарева. Осташковъ, in 8°, стр. 102. Цѣна 10 к. Разрѣшено 10-го іюня 1863 г.

Смотря на 1-е изъ нихъ, нельзя не удивляться смѣлости издателя, рѣшившагося дурачить публику: „Нигдѣ еще ненапечатанныя 25 строкъ“, есть перепечатка изъ Тибленовскаго изданія послѣдняго монолога Чацкаго, въ видѣ выноски, заимствованнаго изъ 2-го изданія. Второе же было плодомъ разсчета типографщика Бочкарева.

XXXII. „Горе отъ Ума“. Грибоѣдовъ. Полный текстъ съ рисунками М. С. Башилова. Изд. Н. Тиблена. Спб., 1865 г. Дозволено 25-го августа 1865 г. Цѣна 30 к. Напечатано въ два столбца. Рисунки тѣже, что и въ № XXVI.

Если иллюстрированное съ рисунками Башилова изданіе обременительно для библіотекъ по высокой цѣнѣ, то это изданіе должно составлять необходимую книгу въ каждомъ собраніи книгъ по исторіи русской литературы.

Въ 1866 г. Товарищество „Общественная Польза“ выпустило, тоже in folio, на гласированной бумагѣ книгу подъ заглавіемъ.

XXXIII. А. С. Грибоѣдовъ. „Горе отъ Ума“. Полное иллюстрированное изданіе Товарищества „Общественная Польза“. Съ 32-мя рисунками академика П. А. Соколова. 122 стр.

Сверху перваго заглавнаго листа, курсивомъ, приведена подпись съ рукописи Булгарина: „Горе мое поручаю Булгарину. Вѣрный другъ А. Грибоѣдовъ“. На второмъ листѣ помѣщенъ рѣзанный Даммиллеромъ портретъ поэта, окруженный какими-то фантастическими набросками, смысла которыхъ искать было бы безполезно. Напечатанный превосходно, текстъ комедіи не имѣетъ никакихъ особенностей, кромѣ постановки знаковъ препинанія, употребленныхъ по личному усмотрѣнію редакціи, чѣмъ значительно испорченъ смыслъ комедіи. Въ продажу оно было пущено дешевле тибленовскаго (3 р. 50 к.) и все-таки не пошло въ ходъ, упавъ въ настоящее время до 1 р. 50 к. и дешевле. Куплено оно было отъ Тов.

„Общ. Польза“ картографомъ Ильинымъ, въ числѣ другихъ книгъ, и нынѣ продается повсюду. Рисунки сдѣланы изящно въ художественномъ отношеніи, но представляютъ рядъ каррикатуръ и отсутствіе правды. Нѣтъ позы, которая знакомила бы съ представителями Москвы начала XIX вѣка; нѣтъ костюма, который напоминалъ бы намъ оригинальныя моды москвичей до и послѣ пожара 1812 г.

26-го мая 1869 г. подписано къ выпуску слѣдующее:

XXXIV-е изданіе: „Классная Библіотека. Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 6-й. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Полный текстъ съ рукописи, подаренной авторомъ Ѳ. В. Булгарину. Съ учеными примѣчаніями В. Я. Яковлева. Спб. Изданіе Я. А. Исакова. 1869 г. Типографія Безобразова и К°, in 8°, стр. 121.

При всемъ снисходительномъ отношеніи къ новѣйшимъ изданіямъ комедіи, не могли мы прибрать приличнаго эпитета для редакціи г. Яковлева. Было-ли это изданіе проявленіемъ совершеннѣйшаго незнакомства редакціи съ библіографіею „Горя отъ Ума“, или оно явилось сарказмомъ надъ публикою, которая, авось-де, бросится покупать комедію съ „учеными“ примѣчаніями, да еще напечатанную съ рукописи Булгарина,—опредѣлить мы никакъ не могли. Перепечатка оказалась не только плохою, но искаженною на столько, на сколько ухитрялись портить комедію московскіе книжныхъ дѣлъ мастера въ 1854 и 1857 годахъ. Ученыхъ же примѣчаній мы не нашли во всей книгѣ ни одного, кромѣ небольшой перепечатки статьи А. Д. Галахова изъ III ч. его христоматіи.

Несмотря, однако, на безцеремонность, съ какою г. Яковлевъ обработалъ „Горе отъ Ума“, изданіе все было распродано и нынѣ нѣтъ ни одного экземпляра даже въ магазинѣ самого издателя. Замѣтимъ, что для приманки прибавленъ, подъ чертою, все тотъ же несчастный варіантъ монолога Чацкаго, о которомъ мы сказали подъ № XXVIII.

Въ 1870 году за границею появилась книга:

XXXV. Gribojedoff vollstendige Werke. Сочиненія А. С. Грибоѣдова. (Второе полное изданіе). Berlin. B. Behr's Buchhandlung. (E. Book) 27. Unter den Linden. In 8°. Страницъ 1—160 для сочиненій Грибоѣдова; 160—264 для „Горя отъ Ума“ и по 326-ю примѣчанія.

Это изданіе на столько тождественно съ берлинскимъ 1860 года, что при наложеніи, на выдержку, какой-либо страницы одного на такую же другаго, совершенно совпадаютъ не только цѣлые стихи, шрифты, пробѣлы, но даже буквы. Изъ этого можно вывести только

одно заключеніе, что залежавшемуся изданію 1860 года дали новую обложку съ заглавнымъ листомъ и пустили въ продажу, пользуясь возникшимъ запросомъ на комедію.

Въ 1870 г. на „Горе отъ Ума“ обратилъ должное вниманіе бывшій преподаватель 3-й Спб. гимназіи, нынѣ инспекторъ классовъ Николаевскаго сиротскаго института, въ Москвѣ, В. Я. Стоюнинъ, выпустивъ съ объясненіями сперва „Недоросля“, а потомъ „Горе отъ Ума“, въ одной съ „Недорослемъ“ книжечкѣ, на которой значится цензурная помѣта отъ 24-го сентября 1870 г. Это первое, позволимъ сказать, научное и серьезное изданіе появилось подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

XXXVI. „Недоросль“. Комедія Фонвизина. 1782 г. „Горе отъ Ума“. Комедія Грибоѣдова. 1823 г., съ примѣчаніями и вопросами, для изученія въ учебныхъ заведеніяхъ. Редакція В. Стоюнина. Спб. Типографія Эдуарда Праца, Офицерская улица, д. № 26, 1870, in 16°.

Съ 1—117-й стр.— идетъ „Недоросль“, съ 118—227—„Горе отъ Ума“, и 229—330 — вопросы для изученія комедіи. Подъ текстомъ 58 примѣчаній, имѣющихъ, впрочемъ, общій характеръ и не касающихся тѣхъ серьезныхъ задачъ, кои проведены Грибоѣдовымъ. Текстъ не полный, въ виду опредѣленной цѣли изданія. Почтенный издатель находилъ, напримѣръ, злобную характеристику Чацкимъ Молчалина въ словахъ, приведенныхъ нами разрядкой:

А впрочемъ чѣмъ не мужъ?... Ума въ немъ только мало.
Но, чтобъ имѣть дѣтей,
Кому ума недоставало!

не пригодною для класснаго чтенія, тогда какъ г. Яковлевъ, редактируя „Горе отъ Ума“, какъ классное же пособіе, этихъ и имъ подобныхъ стиховъ не исключилъ. Впрочемъ, В. Я. Стоюнинъ имѣлъ въ виду преимущественно женскія среднеучебныя заведенія, въ которыхъ на чтеніе писателей и на выборъ ихъ существуетъ свой, такъ сказать, спеціальный взглядъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, не только нельзя читать многихъ, признанныхъ безвредными общественной совѣстью писателей, но даже нельзя упоминать имена нѣкоторыхъ литераторовъ. Къ такой учебно-воспитательной опалѣ относятся Чаадаевъ, Бѣлинскій, Добролюбовъ и нѣкоторые изъ другихъ, дѣйствовавшихъ на развитіе интеллектуальныхъ силъ въ воспитуемыхъ. А такое пріуроченіе изданія къ мѣсту и тѣсной цѣли ограничиваетъ и стѣсняетъ дѣятельность издателя. Болѣе всего удивляетъ въ этомъ изданіи постановка знаковъ препинанія и варіанты текста въ отдѣльныхъ словахъ. Нужно пожалѣть, что г. Стоюнинъ не указалъ

рукописи, съ которой печаталъ текстъ; но рукопись его должна быть довольно своеобразна. Послѣ внимательнаго сличенія этого изданія со всѣми берлинскими, тибленовскими и рукописями Имп. Публ. Библ., невольно приходишь къ заключенію, что рукопись, послужившая основою его изданія, составляла общій сводъ различныхъ редакцій. Заключительный монологъ Чацкаго есть варіантъ, употребленный въ заграничныхъ изданіяхъ и въ одной изъ рукописей Имп. Публ. Библ. По сравненіи съ изданіемъ г. Гербеля — изданіе г. Стоюнина можно назвать діаметральною ему противоположностью. Сличая ихъ буква въ букву, мы не нашли двухъ строкъ, вполнѣ согласныхъ по правописанію.

Въ концѣ 1872 г. Я. А. Исаковъ, несмотря на находившееся въ продажѣ (20 коп.) г. Стоюнина и свое изданія, выпустилъ новое, разрѣшенное 28-го ноября 1872 г., подъ такою заглавною страницею:

XXXVII. „Классная Библіотека. Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній“. Выпускъ 6-й. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Полный текстъ съ рукописи, подаренной авторомъ Ѳ. В. Булгарину. Изданіе 2-е книгопродавца Я. А. Исакова. 1872. Спб. Типографія Безобразова и К°, in 8°, 111 стр.

Искаженіе текста неправильною постановкою знаковъ препинанія доведено въ этомъ изданіи до крайнихъ размѣровъ. Нѣтъ буквально одного стиха, который выдержалъ бы серьезную критику. О сравненіи изданія съ другими и говорить нельзя. Приведенный въ 1-мъ изданіи варіантъ здѣсь выкинутъ, а объ „ученыхъ примѣчаніяхъ“ нѣтъ и помину. Такое неудачное выполненіе изданія вызвало новую попытку, о которой мы говоримъ подъ № XXXIX, а теперь укажемъ на трудъ г. Гербеля, появившійся съ такимъ заглавіемъ:

XXXVIII. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоѣдова. Изданіе Н. Гербеля, счетомъ 30-е, напечатанное въ первый разъ съ соблюденіемъ всѣхъ стихотворныхъ правилъ, при размѣщеніи стиховъ по стопамъ, чего не было сдѣлано ни при одномъ изданіи. Спб., 1873. Тип. Имп. Акад. Наукъ. In 16°, 1—27 стр. біографія Грибоѣдова и 28—168 текстъ комедіи. Цѣна 25 коп.

Если бы о достоинствѣ книги судить по формѣ, а не по содержанію, то, конечно, изданіе Гербеля удовлетворило бы взыскательный глазъ, какъ чистенькое, уютненькое (карманное) и четко отпечатанное. Но произведенія, подобныя „Горю отъ Ума“, судятся по ихъ содержанію; а послѣднее-то и осталось у издателя въ загонѣ. Изъ множества недостатковъ укажемъ на важнѣйшіе:

1) Несмотря на усиліе очистить стихъ и подвести подъ піитическій законъ, у него проскакиваютъ, какъ замѣтили мы, 7-ми стопные ямбы, внесенные въ рукописи безграмотными переписчиками:

Ну ка́къ | пере́ | вести́: | мада́мъ | и ма́ | дему́ | азе́лль?

2) Правописаніе глаголовъ вполнѣ отступаетъ отъ грибоѣдовскаго и несогласно съ законами грамматики. Мы назвали бы его гербелевскимъ правописаніемъ, если бы почтенный издатель, кромѣ изданій своихъ, заявилъ себя какимъ-либо филологическимъ трудомъ. Такъ, онъ повсюду пишетъ вошолъ вм. вошелъ, окончанія въ прилагательныхъ аго, ого и ова, чрезвычайно характерныя въ комедіи, употребляетъ, какъ и гдѣ ему лично заблагоразсудится; по такому же благоусмотрѣнію, отступая отъ всякаго грамматическаго закона, ставитъ и знаки препинанія, напр. на стр. 137-й:

Вотъ случай вамъ со мной—онъ не новый: (: вм. точки).
Москва и Петербургъ во всей Россіи то,
Что человѣкъ изъ города Бордо: (опять : вм. точки).
Лишь ротъ открылъ—имѣетъ счастье (— вм. запятой),
Во всѣхъ княжонъ вселять участье.

3) Строки пестрятся лишними, ненужными и непринятыми нашею орѳографіей надстрочными знаками, напр. на стр. 58-й:

Онъ всё своё

4) Опечатки не оговорены, слѣдовательно приходится убѣждаться, что все, что бы могло считаться опечаткою, есть собственное, усидчивое изобрѣтеніе издателя. Впрочемъ, нужно замѣтить, что въ краткой біографіи, предъ текстомъ, есть нѣсколько дѣльныхъ и любопытныхъ извлеченій изъ старой литературы, очень полезныхъ тѣмъ, кто незнакомъ съ журналистикою прежнихъ лѣтъ.

Послѣднимъ на русскомъ языкѣ изъ всѣхъ печатныхъ изданій было выпущено слѣдующее, разрѣшенное цензурой 19-го августа 1873 г., въ количествѣ 5,000 экземпляровъ:

XXXIX. „Классная библіотека. Литературное пособіе для среднихъ учебныхъ заведеній. Выпускъ 6-й[1]). „Горе отъ Ума". Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоѣдова. Редакція и примѣчанія И. Д. Гарусова. Спб. Типографія Скарятина. I—XXIX стр. объ авторѣ и комедіи, 1—120—для текста, 121—129—для вопросовъ при изученіи комедіи. Къ тексту приложено 137 подстрочныхъ объясненій и 97 примѣчаній и варьянтовъ.

[1]) Подъ этою цифрою «выпускъ 6-й» вышло три псаковскія изданія: два—подъ редакціею В. Яковлева и третье, разсматриваемое, подъ моей. **И. Г.**

По независѣвшимъ отъ насъ обстоятельствамъ, мы, при редакціи комедіи, были вынуждены держаться установившагося взгляда на издательское дѣло и цѣли изданія; и потому сами, лучше всякаго рецензента, знаемъ множество капитальныхъ недостатковъ этого изданія, которые надѣемся исправить въ приготовляемомъ нами и печатающемся трудѣ. Укажемъ лишь на одно, что, говоря о неполнотѣ всѣхъ, доселѣ извѣстныхъ, изданій, мы, въ подтвержденіе нашихъ словъ, сдѣлали слѣдующія замѣтки на страницахъ:

73. Недостаетъ 4-хъ стиховъ между строкъ:

Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.
. . . . . .
При немъ остерегись.

75. Нигдѣ не находится 45-ти стиховъ послѣ словъ Хлестовой:

Я за уши его дирала — только мало.

76. Нѣтъ 6-ти стиховъ послѣ словъ Хлестовой:

Знакомить, не спросясь, пріятенъ-ли намъ, нѣтъ-ли.

91. Неизвѣстны въ печати 3 стиха Чацкаго послѣ:

И онъ осмѣлится ихъ гласно объявить —

99. Въ монологѣ Репетилова совсѣмъ исчезли изъ памяти два стиха послѣ словъ:

Объ чемъ бишь? Нѣчто? Обо всемъ.

102. Въ обращеніи Репетилова къ Скалозубу пропущено вездѣ 5 стиховъ между словами:

Все служба на умѣ.
Mon cher, гляди сюда:

103. Ни въ рукописяхъ, ни въ печати, нѣтъ послѣднихъ 3-хъ стиховъ монолога Репетилова. Такъ же и на стр. 107-й нѣтъ начала монолога Репетилова въ числѣ 12-ти стиховъ.

Всѣ недостатки разсмотрѣннаго изданія мы надѣемся исправить въ выпускѣ, въ текущемъ 1874 г., полнаго текста „Горя отъ Ума“, съ поясненіями и всѣми найденными нами варіантами, каковой выпускъ и будетъ:

XL. Сороковымъ изданіемъ комедіи Грибоѣдова на русскомъ языкѣ.

Изъ переводовъ „Горя отъ Ума“ на иностранные языки, обращаютъ на себя вниманіе два нѣмецкихъ:

I. Russische Bibliothek für Deutsche. Von Karl von Knorring.

Reval 1831. Gedrukt bei Lindfors Erben. „Горе отъ Ума“ oder Leiden durch Bildung. Lustspiel in vier Aufzügen, aus dem Russischen des Gribojedow. Цензоръ Фридрихъ Эрдманъ, 18-го сентября 1831 года. Несмотря на тонкія буквы готическаго шрифта, изданіе читается легко. Есть противъ текста крупныя измѣненія. Переводчикъ многаго въ комедіи не уяснилъ и не понялъ. Должность Фамусова названа не „Управляющаго въ казенномъ мѣстѣ“, а „Oberforsmeuster'омъ“. Изъ двухъ редакцій стиха:

Вѣкъ не встрѣчалъ: {Въ томъ клятву дамъ —
{Подписку дамъ —

переведена вторая половина такъ:

... gern will ich es schrifftlich geben...

Стихъ:

И не торопится вписаться въ цехъ (полкъ) шутовъ —
.....im Chor der Thoren.

На 72-й стр. принята одна первая редакція стиха:

Мы въ траурѣ, такъ бала дать нельзя
.....den einen Ball zu geben
Ich nicht erlaubt, weil wir ja Trauer tragen.

Несмотря на то, что изданіе вышло подъ цензурою двумя годами ранѣе изданія Улитина, однако, слова Молчалина:

Вамъ недались чины? по службѣ неуспѣхъ?
Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ:
Въ чинахъ мы не въ большихъ.

переведены по подлинѣнику, что и доказываетъ позднѣйшую ихъ въ русскомъ изданіи передѣлку:

Mann wollte Sie zu keinem Rang erheben
Im Dienste, scheintes, haben sie kein Glück.
Man muss abhängen von der Andern doch
Wir sind im Rang nicht hoch.

По полнотѣ текста, это изданіе близко къ тибленовскому.

II. Verstand Schtafft Leiden. („Горе отъ Ума“). Schauspiel in vier Akten und in Versen nach dem Russichen der Gribojaedoff metrisch übertragen von der Bertram. Den Bühnen gegenüber als Manuscript zu bertrachten. Leipzig, in Commission bei F. A. Brockhaus. Переводъ крайне вольный, съ значительными отступленіями и передѣлками текста, съ прибавленіями, какія мы нашли только въ одной рукописи (случайно сохранившейся отъ 1824 г.). Мы назвали бы это изданіе или вольнымъ переводомъ, или передѣлкою русской комедіи на нѣмецкій складъ. Предѣлы нашаго обзора не позволяютъ намъ дѣ-

лать сравненій, такъ какъ пришлось бы привести половину текста; ограничимся лишь нѣсколькими стихами:

Und dennoch leb 'ich so, dass jeder, der mich kennt,
Mein Leben exemplarisch nennt.

Lisette.

Doch dürft'ich fragen, Herr, wie's...

Такъ переведены два грибоѣдовскихъ стиха:

Монашескимъ извѣстенъ поведеньемъ.

Лиза.

Осмѣлюсь я, сударь....

Въ первомъ монологѣ Фамусова, во II-мъ дѣйствіи, переводчикъ совершенно утратилъ художественное изображеніе старосвѣтской барской наивности, пѣтушинаго величія среди челядинцевъ, комическаго простосердечія и практичности, которыми пропитанъ Фамусовъ до мозга костей. Его задушевная исповѣдь утратила въ переводѣ весь свой непередаваемый юморъ и высокій комизмъ.

Стихи:

Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ
Во вторникъ званъ я, на форели.

переведены:

Am Dienstag zur Baronin Fladen
Bin auf Forellen ich geladen.

При каждомъ дѣйствіи указана обстановка сцены; а въ IV дѣйствіи, описывая сцену, переводчикъ далъ ей уже свою обстановку, имѣя въ виду выполненіе „Горя отъ Ума“ въ Москвѣ въ невозвратимые дни дебютовъ покойнаго Фамусова — Щепкина.

III. Biada temu kto ma rosum („Горе отъ Ума“). Komedya w cztérech aktach, wiérszem napisana przéz A. Grybojedowa. Tłumaczył polskim wiérszem Josef Lewart-Lewiński. Varszawa. Henryk Natanson. 1857 г. Старшій цензоръ Собѣщанскій. 5/17 Listopada (ноября) 1855 г.

Нужно полагать, что переводъ этотъ сдѣланъ съ рукописи, а не съ печатнаго текста. Переводъ очень близокъ къ подлиннику, но въ немъ является много такихъ измѣненій и отступленій, которыя можно замѣтить лишь при сравнительномъ сличеніи комедіи. Чтобы сохранить риѳму польскаго стиха, переводчикъ часто отступаетъ отъ смысла.

Стихи:

Къ Прасковьѣ Ѳедоровнѣ въ домъ,
Во вторникъ званъ я на форели.

переведены такъ:

Do domu księżnéj Adeli
Na pstragi jèstem proszony.

Выпущены въ переводѣ этомъ всѣ тѣ стихи, которые не вошли въ изданіе Смирдина и Серчевскаго.

На англійскомъ языкѣ комедія явилась подъ такимъ заглавіемъ:

IV. Gore ot ouma a comedy from the russian of Gribojedoff translated by Nicholas Benardaky. London, 1857. Printed by R. and R. Clark, Edinburgh. 134 стр., in 8° maj. На превосходной веленевой бумагѣ. Комедіи предпослана небольшая статья о значеніи „Горя отъ Ума“, о Грибоѣдовѣ и его типахъ. Переводъ сдѣланъ въ прозѣ и очень близко къ подлиннику. Замѣтно, что переводчикъ, принимаясь за дѣло, былъ чуждъ меркантильныхъ цѣлей, а смотрѣлъ на комедію, какъ на образцовое произведеніе и старался съ нею, какъ можно точнѣе, ознакомить англичанъ.

V. Мы не могли отыскать переведенныхъ на французскій языкъ третьяго и четвертаго актовъ „Горе отъ Ума“, переведенныхъ Сенъ-Моромъ (St. Maur), и потому не можемъ о нихъ ничего сказать.

VI. На грузинскій языкъ „Горе отъ Ума“ переведено кандидатомъ московскаго университета, нынѣ занимающимъ одну изъ судебныхъ должностей на Кавказѣ, Цинамсгваровымъ. Въ предисловіи своемъ, переводчикъ изложилъ идею комедіи и, какъ видѣвшій ее на московской сценѣ и сохранившій много преданій, хорошо очертилъ характеры дѣйствующихъ лицъ.

И. Д. Гарусовъ.

ЦЕСАРЕВИЧЪ ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ.

Историческіе матеріалы, хранящіеся въ Библіотекѣ дворца города Павловска.

Печатаются съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества Государя

Великаго Князя Константина Николаевича.

VI.[1])

Мысли герцога Сюлли.

(Выдержки изъ его записокъ).

еликій князь Павелъ Петровичъ, во многіе годы своего досуга, въ уединенномъ Павловскѣ[2]), до восшествія на престолъ, прилежно занимался чтеніемъ, дѣлая выписки изъ любимыхъ авторовъ. Со своей стороны императрица Екатерина II, поддерживая въ сынѣ своемъ эту склонность, нерѣдко руководила имъ при выборѣ книгъ, снабжая великаго князя таковыми и изъ собственной своей библіотеки. «Записки Сюлли» принадлежали къ числу этихъ немногихъ избранныхъ сочиненій [3]) и онѣ же были любимымъ чтеніемъ великаго князя. Вотъ что по по-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1873 г., т. VIII, стр. 649 — 690; 853 — 884; изд. 1874 г., т. IX, стр. 37 — 56; 277 — 300; 473 — 512; 667 — 684; т. X, стр. 60 — 70; 309 — 320; 549 — 560.

[2]) Виньетка изображаетъ памятникъ основанію этого города въ 1777 г.; памятникъ находится въ Павловскѣ, на берегу р. Славянки.

[3]) См. «Русская Старина», томъ IX, 1874 г., январь, стр. 47 — 48.

воду этой книги говорится въ запискахъ графини Н. Н. Мордвиновой: [1]) «Будучи еще великимъ княземъ, онъ (Павелъ Петровичъ) подарилъ отцу моему (графу Н. С. Мордвинову) изъ собственной своей библіотеки Записки Сюлли (Les mémoires de Sully), съ вензелемъ П. П. подъ императорской короной, въ знакъ искренности своего чувства и сказалъ: «когда я буду царемъ, ты будешь при мнѣ моимъ Сюлли». «Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ графиня,—книга эта пропала у насъ въ подмосковной при нашествіи французовъ въ 1812 г.».

Максиміліанъ де-Бетюнь герцогъ Сюлли родился въ Рони въ 1560 г. Въ дѣтствѣ былъ сверстникомъ, а въ юности ратнымъ товарищемъ короля Наварскаго, принималъ дѣятельное участіе въ усобицахъ Лиги. Вскорѣ по восшествіи Генриха IV на престолъ, онъ былъ назначенъ супер-интендантомъ (1597) и вполнѣ оправдалъ довѣріе своего государя. Сюлли нашелъ средство ликвидировать громадный государственный долгъ; наполнилъ казну сборомъ недоимокъ; далъ Генриху IV денежныя средства вести войны съ Испаніею и Савойею и, наконецъ, не взирая на всевозможныя препятствія, искоренилъ многія злоупотребленія, издавна вкравшіяся въ государственную администрацію. Стараніямъ Сюлли Франція была обязана развитіемъ и успѣхами земледѣлія, что хотя и вредило отчасти промышленности мануфактурной, однакоже, дало государству богатѣйшіе хлѣбные запасы и многіе милліоны казнѣ. Сюлли тѣмъ удобнѣе было совершать великія преобразованія, что онъ поочередно занималъ высшія государственныя должности, будучи губернаторомъ Бастиліи, главнымъ инспекторомъ путей сообщенія и дворцовъ, потомственнымъ начальникомъ водяныхъ коммуникацій, генералъ-фельдцейхмейстеромъ, генералъ-инженеромъ и губернаторомъ Пуату. Обѣ послѣднія должности онъ сохранилъ за собою послѣ смерти Генриха IV (1610) и хотя имѣлъ личныя неудовольствія съ королевою-правительницею Маріею-Медичи, но почти не принималъ никакого участія въ смутахъ, ознаменовавшихъ эпоху этого регентства. Людовикъ XIII пожаловалъ его въ маршалы (1634), уважая въ немъ вѣрнаго друга и сподвижника своего родителя. Сюлли умеръ въ преклонной старости, въ 1641 году. Имя его—самое лестное прозвище, которое только можно дать государственному человѣку. Вѣрному своему другу Рони Генрихъ IV обязанъ всей своею славою. Неподкупный, благородный, безстрашный Сюлли былъ не только совѣтникомъ, но весьма часто и руководителемъ своего державнаго друга. Онъ велъ борьбу и съ его врагами, и съ многочисленными его фаворитками, видя въ каждой изъ нихъ позорное пятно царствованія Генриха. Генриху IV вѣрный Сюлли высказывалъ въ глаза самыя горькія истины и король всегда умѣлъ ихъ выслушивать; скупой во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о какой-нибудь пустой забавѣ Генриха IV,—Сюлли не жалѣлъ денегъ, если съ затратою соединялась выгода государства или величіе короля. Записки Сюлли (les Economies royales), помимо ихъ историческаго значенія, весьма любопытны, какъ заключающія въ себѣ многія правила и афоризмы, вполнѣ достойныя вниманія.

Выписки дѣланы въ небольшую тетрадь и сохраняются въ числѣ прочихъ бумагъ великаго князя Павла Петровича въ Библіотекѣ дворца города Павловска. Ред.

---

[1]) «Воспоминанія объ адмиралѣ графѣ Н. С. Мордвиновѣ». Спб. 1873, стр. 21.

Томъ I, стр. 65. Добродѣтель, вслѣдствіе постояннаго ей служенія, должна до такой степени обращаться въ привычку, чтобы никакое добродѣтельное дѣяніе никогда не казалось тягостнымъ и чтобы,—въ случаѣ необходимости все спасти путемъ преступленія, или всего лишиться вслѣдствіе добраго дѣла,—сердце даже и не вѣдало внутренней борьбы между склонностью и обязанностью.

Стр. 148. Всѣ слова великаго государя должны до такой степени быть ненарушимы, чтобы не было повода даже и къ мысли—сомнѣваться въ его честности.

Стр. 157. Горе тому государю, который на столько безразсуденъ, что не въ состояніи скрывать своей ненависти къ людямъ, служба которыхъ становится для него необходимою. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, скажемъ въ пользу добродѣтели, что уваженіе къ ней самая несомнѣнная порука за успѣхъ въ важнѣйшихъ предпріятіяхъ. Мудрость, справедливость, благоустройство, порядокъ, храбрость, счастіе порождаются добродѣтелью въ вышеупомянутой послѣдовательности; таково сцѣпленіе дѣяній истинно великихъ людей. Инымъ путемъ шествуютъ неправедно украшающіеся этимъ прекраснымъ именемъ: въ ихъ дѣяніяхъ видимъ, напротивъ, дерзость и упрямство—спутниковъ слѣпаго честолюбія; упоеніе могуществомъ; суетную увѣренность въ своихъ дарованіяхъ; кичливость при удачѣ и всѣ послѣдствія лести, обыкновенно никого не порабощающей такъ могущественно, какъ этихъ мнимыхъ героевъ, воображающихъ, будто они рождены поработить весь міръ.

Стр. 182. Люди, по бо̀льшей части, дорожатъ своими обязанностями, обществомъ и родствомъ, ради надеждъ и выгодъ — отнюдь не по влеченію къ добрымъ дѣламъ, къ честности и добродѣтели.

Стр. 228. Въ какія треволненія способенъ впасть государь нерѣшительный, робкій и лѣнивый! Для государства нѣтъ ничего хуже характера нерѣшительнаго. Въ трудныхъ обстоятельствахъ не должно предоставлять все на волю случая, или все отнимать у него; но избравъ цѣль, по разумномъ и холодномъ размышленіи, надобно стараться направить всѣ свои дѣйствія къ ея достиженію. Не слѣдуетъ также покупать необходимаго мира, или спѣшить его заключеніемъ; особенное же стараніе прилагать къ тому, чтобы умы подданныхъ не оставались въ сомнѣніи между миромъ и войною.

Стр. 228. Недостатокъ, свойственный умамъ, способнымъ только на мелкія, ничтожныя интриги, и вообще тѣмъ, въ которыхъ болѣе живости, нежели здравомыслія,—представлять себѣ ближайшіе предметы въ ослѣпительномъ свѣтѣ, отдаленные же видѣть сквозь туманъ.

Нѣсколько мгновеній, нѣсколько дней — вотъ въ чемъ для нихъ состоитъ вся будущность.

Стр. 233. Часто сущая бездѣлица, ничтожность, производятъ дѣйствія, обыкновенно приписываемыя инымъ, важнѣйшимъ причинамъ.

Стр. 272. Перевороты, совершающіеся въ великихъ государствахъ, отнюдь не дѣло случая, или слѣдствіе прихоти народовъ. Ничто такъ не возмущаетъ вельможъ въ государствѣ, какъ слабое и безпорядочное правленіе. Что же касается до народа, онъ возстаетъ не изъ желанія напасть, но по недостатку терпѣнія переносить страданія.

Стр. 346. Поражая внезапностью, храбрость, одушевленная славою и затрудненіями, помогаетъ меньшинству противъ массы и тѣмъ почти уравниваетъ стороны.

Стр. 363. Случается видѣть государей, способныхъ воздавать добромъ за добро и быть благодарными; но, какъ рѣдко это чувство усиливается, или только сохраняется при счастіи!

Томъ II, стр. 14. Нельзя слишкомъ полагаться на руку того, чье сердце намъ не принадлежитъ.

Стр. 99. По успѣху нельзя было бы вѣрно судить о достоинствахъ и дарованіяхъ, еслибы, въ тоже время, мѣрилами успѣху не служили препятствія.

Стр. 210. Истинно достойнымъ престола оказывается тотъ, кто умѣетъ преодолѣвать въ себѣ склонность и естественное стремленіе взойти на престолъ.

Стр. 219. Для успѣшныхъ переговоровъ о политическихъ дѣлахъ, нѣсколько затруднительныхъ, надобно привѣтливо обходиться со всѣми; мало обѣщать; дѣлать видъ, что желаешь кончить, слагая всю вину въ промедленіи на препятствія, и прилежно трудиться надъ ихъ отстраненіемъ.

Стр. 220. Разница между торопливостью и быстротою въ томъ, что послѣдняя, подобно первой, врагъ бездѣйствія и лѣни, не дѣлаетъ, однакоже, ни единаго шагу безъ совѣщанія съ разсудкомъ; при всемъ томъ, въ практической жизни, одну съ другою почти ежеминутно смѣшиваютъ.

Стр. 228. Отъ снисходительности къ государю до лести весьма ничтожное разстояніе.

Стр. 266. Мужество возвышаетъ сердце, придаетъ ему великодушія и наполняетъ благородною гордостью, которая ничто иное, какъ чувство сознанія своего достоинства, не имѣющее ничего общаго съ низкимъ тщеславіемъ и съ напыщеннымъ самообожаніемъ. Человѣкъ прямой искренъ и правдивъ; не способенъ ни на хитрость, ни на коварство; уступчивъ разсудку и справедливости. Тому, кто

соединяетъ мужество съ прямодушіемъ, иногда бываетъ свойственъ одинъ только порокъ — вспыльчивость.

Стр. 278. Женщинамъ ничего не значитъ обѣщать хранить тайну, потому что ихъ вообще обвиняютъ въ дурномъ храненіи тайнъ.

Стр. 307. Бываютъ обстоятельства, при которыхъ самое счастливое намѣреніе превращается во вздорное и неисполнимое — по свойству препятствій, по различію духа и характера народовъ, по складу законовъ, ими принятыхъ, и по долгому ихъ владычеству, налагающему на законы послѣднюю печать. Только время и долгій опытъ способны исцѣлить недостатки въ обычаяхъ государства съ установленнымъ образомъ правленія, что̀ должно быть всегда по образцу его первобытныхъ узаконеній. Это до такой степени вѣрно, что каждый разъ, когда государство ведется иными путями, противуположными его основнымъ законамъ, можно быть твердо убѣжденнымъ, что оно недалеко отъ великаго переворота. Впрочемъ, и наилучшія лекарства не дѣйствуютъ на больныхъ, если они упрямятся ихъ принимать.

Стр. 334. Министръ и всякое должностное лицо совершаетъ вопіющую несправедливость, принимая подарки, которые въ данную минуту, или впослѣдствіи, но всегда приведутъ къ ущербу королю или ко вреду народу. Если мы не должны полагаться на честность намѣреній дарящихъ, то̀ еще того менѣе не должны полагаться на самихъ себя, подарки принимающихъ. Пріучимъ себя смотрѣть, какъ на двѣ несовмѣстныя, непримиримыя противуположности: на выгоду государя и на нашу собственную; при этомъ замѣтимъ, если даритъ самъ государь, то его даянія должны быть на столько щедры, чтобы мы не имѣли повода къ жалобамъ, коль скоро убѣдимъ его, что иныхъ доходовъ у насъ нѣтъ. Но горе въ томъ, что привычка считать деньги и пропускать чрезъ свои руки громадныя суммы, почти всегда, нечувствительно, ведетъ насъ къ тому, чтобы считать за ничто суммы, достаточныя для счастія и благосостоянія частнаго лица.

Стр. 341. Невозможно убѣдить честолюбцевъ, что самыя благія намѣренія тѣ, которыя соединены съ выгодами посредственными, но вѣрными и никакимъ случайностямъ неподверженными.

Стр. 426. Истинно великій человѣкъ умѣетъ быть, попеременно и судя по обстоятельствамъ, начальникомъ, или равнымъ; государемъ, или гражданиномъ. Онъ ничего не утратитъ, нисходя на степень человѣка обыкновеннаго, лишь бы внѣ ея былъ одинаково способенъ къ дѣламъ военнымъ и политическимъ: царедворецъ всегда помнитъ, что онъ состоитъ при государѣ.

Стр. 435. Хотя люди, одаренные живымъ и сильнымъ воображеніемъ, обыкновенно подвержены двумъ большимъ недостаткамъ: мелочности въ мысляхъ, безпорядку и непостоянству въ намѣреніяхъ, однакоже, ихъ не должно считать за совершенно неспособныхъ къ дѣламъ, потому что имъ нерѣдко удается измышлять средства, ускользающія отъ умовъ холодныхъ и безстрастныхъ; надобно только постоянно наблюдать за ними и направлять ихъ.

Стр. 436. Льстецъ всегда наговоритъ болѣе, нежели сказать хочетъ.

Томъ III, стр. 21. У непорочности есть нѣкоторыя нѣмыя доказательства, въ которыхъ трудно обмануться.

Стр. 26. По какой роковой случайности знанія, пріобрѣтаемыя однимъ вѣкомъ, обширнѣйшія сравнительно со знаніями вѣковъ предъидущихъ, никогда не служатъ на пользу добродѣтели, а только для утонченности порока?

Стр. 94. Первый законъ для государя — соблюденіе всѣхъ законовъ. Выше его самого два повелителя: Богъ и законъ. Правосудіе должно возсѣдать на престолѣ; кротость должна быть прочнѣйшею его опорою. Богъ—истинный властитель царствъ; цари, будучи только правителями, своими качествами и совершенствами должны олицетворять народамъ Того, чьи они намѣстники; царствовать, подобно Ему, они могутъ только тогда, когда будутъ отцами своихъ подданныхъ.

Въ государствахъ монархическихъ-наслѣдственныхъ существуетъ заблужденіе, которое также можно назвать наслѣдственнымъ: оно состоитъ въ томъ, что государь властенъ въ жизни и въ имуществѣ всѣхъ своихъ подданныхъ и немногими словами: мнѣ такъ угодно, избавляется отъ отчета въ причинахъ своихъ поступковъ, можетъ даже и вовсе не имѣть никакихъ причинъ. Если такъ, то можетъ-ли что быть неосторожнѣе, какъ возбуждать къ себѣ ненависть въ тѣхъ, кому государь ежеминутно принужденъ ввѣрять свою жизнь? И не есть-ли это несчастіе—насильственно пользоваться правомъ, заявляя при томъ, что оно будетъ употреблено во зло?

Что касается до подданныхъ, первый законъ, налагаемый на нихъ, какъ религіею, такъ природою и разсудкомъ, есть, безспорно,—послушаніе. Они должны уважать, бояться, чтить своихъ государей, будто изображающихъ Всевышняго, какъ-бы пожелавшаго въ ихъ лицѣ явиться на землѣ, подобно тому, какъ на небесахъ, Онъ проявляется въ совершеннѣйшихъ свѣтилахъ. Подданные обязаны питать эти чувства къ государямъ изъ признательности за спокойствіе и за всѣ тѣ блага, которыми они пользуются подъ покровомъ царскаго имени. Въ виду несчастія имѣть царя несправедливаго, надмен-

наго, жестокаго, у подданныхъ одно только средство: царя укрощать покорностью, Бога—умилостивлять молитвою. Всѣ будто-бы справедливыя причины сопротивляться царямъ, въ сущности—если ихъ пристально поразсмотрѣть—ничто иное, какъ предлоги измѣны, тонко закрашенные; этими путями никогда ни исправляли царей, ни избавлялись отъ налоговъ.

Стр. 101. Непомѣрное уваженіе къ древности, ложная мысль о послѣдствіяхъ удаленія отъ старины, мало обдуманный выводъ изъ событій минувшихъ, недостатокъ болѣе ясныхъ и вѣрныхъ воззрѣній на будущее—въ чемъ, къ несчастію, не хотятъ сознаться—вотъ причины увѣковѣченія старинныхъ злоупотребленій. Говорятъ: не должно ничего измѣнять въ законахъ и въ обычаяхъ. Я большой приверженецъ этого правила, кромѣ того случая, когда польза,—а еще того болѣе—необходимость требуютъ, чтобы отъ него отступили.

Стр. 108. Одно изъ главнѣйшихъ правилъ монархическаго правленія заключается въ томъ, чтобы государь всего болѣе остерегался доводить своихъ подданныхъ до неповиновенія ему, не только на дѣлѣ, но даже и на словахъ.

Стр. 312. У царей въ добрыхъ подданныхъ никогда не бываетъ недостатка, въ царяхъ же случается недостатокъ у добрыхъ подданныхъ. Величайшая трудность будетъ всегда заключаться въ обрѣтеніи государя, который не искалъ бы въ своемъ совѣтѣ министра по своему вкусу и прихотямъ; который, соединяя великую мудрость съ великою прозорливостью, взялъ бы на себя заботу призывать на главныя должности только тѣхъ, которые извѣстны ему, какъ обладающія богатымъ запасомъ прямоты, здраваго смысла и способностей; наконецъ, который будучи самъ съ дарованіями, не завидовалъ бы имъ въ другихъ. Эта зависть къ чужимъ достоинствамъ—въ государѣ, полагающемъ, что онѣ есть и въ немъ, въ извѣстномъ смыслѣ приносятъ государству болѣе вреда, нежели ему приноситъ пользы ненависть къ нѣкоторымъ порокамъ.

Стр. 327. Государи подлежатъ отвѣтственности предъ судомъ Бога, судящаго о войнахъ, къ несчастію государей-воителей, не по правиламъ сихъ послѣднихъ.

Стр. 384. Состояніе, въ которомъ долженъ находиться каждый разсудительный человѣкъ, имѣвшій важныя причины къ огорченіямъ, должно заключаться въ томъ, чтобы онъ не охуждалъ, не одобрялъ ихъ; не вызывалъ воспоминаній о минувшемъ, но и не предавалъ его забвенію.

Томъ IV, стр. 243. У самыхъ добрыхъ государей бываютъ минуты недовѣрчивости и дурнаго расположенія духа. Иногда одной

подобной минуты достаточно, чтобы погубить самаго могучаго министра.

Томъ V, стр. 172. Любовники никогда съ такой охотою не восхваляютъ своихъ любезныхъ, какъ высказавъ о нихъ всевозможное зло.

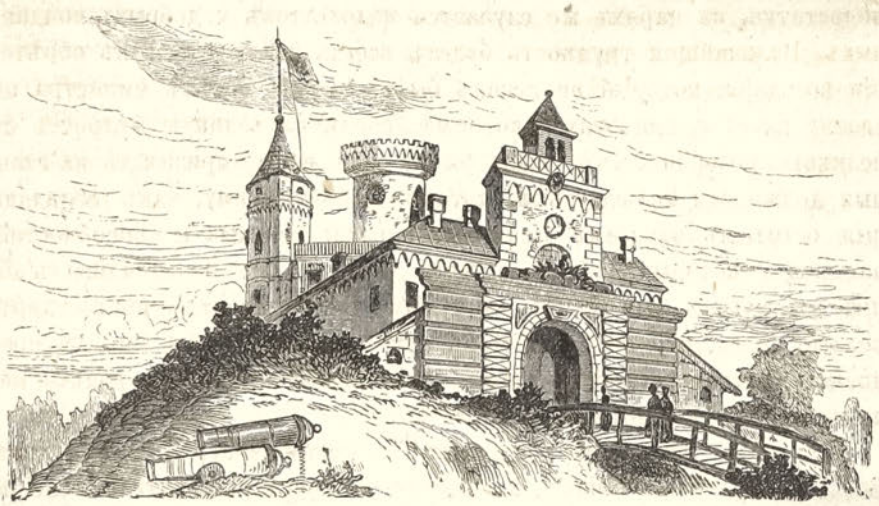
Стр. 241. Благоразуміе — качество, несвойственное человѣку съ нечистой совѣстью.

Стр. 292. Добрые нравы и хорошія узаконенія взаимно образуютъ другъ друга. Къ несчастію для насъ, это отрадное сочетаніе одного съ другимъ замѣтно только тогда, когда нравственная порча и въ тоже время злоупотребленія достигаютъ высочайшей степени; такъ что у людей въ величайшемъ злѣ всегда скрываются начатки добра.

Стр. 330. Въ политикѣ время дастъ все, когда умѣешь его дождаться.

Стр. 392. Должно быть, для зависти нѣтъ ничего завѣтнаго, коль скоро она можетъ принудить себя даже хвалить другихъ. Она не только хвалитъ того, кого внутренно ненавидитъ, но еще могла бы въ этомъ случаѣ дать уроки и самой лести.

Стр. 436. Благодарность — добродѣтель, несвойственная царедворцу.

Маріенталь, построенный въ 1778 г., крѣпость Бибъ въ городѣ Павловскѣ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

Обзоръ всѣхъ изданій комедіи „Горе отъ Ума“.

I 1825—1874.

Въ нынѣшнемъ 1874 году исполнилось пятьдесятъ лѣтъ со времени созданія Грибоѣдовымъ его безсмертнаго произведенія.

«Русская Старина», вѣрная одной изъ своихъ задачъ—содѣйствовать всесторонней обработкѣ біографій отечественныхъ дѣятелей, посвятила памяти Грибоѣдова статью, сущность которой состоитъ въ подлинныхъ, донынѣ еще не бывшихъ въ печати, письмахъ покойнаго, проливающихъ яркій свѣтъ на характеристику автора «Горя отъ Ума»,—матеріалъ для его будущаго біографа.

Какъ участь Грибоѣдова заставляетъ призадуматься каждаго мыслящаго и чувствующаго человѣка, такъ и судьба его комедіи пробуждаетъ въ каждомъ любителѣ роднаго слова безотрадныя мысли. Въ теченіи пятидесяти лѣтъ, многострадальное «Горе отъ Ума» перенесло такое множество стѣсненій, что къ нему невольно можно примѣнить слова Чацкаго:

...какъ игру судьбы постичь!
Людей съ душой—гонительница, бичь,—
Молчалины блаженствуютъ на свѣтѣ!

До появленія въ печати, комедія во множествѣ списковъ разошлась по всей Россіи: примѣръ небывалый—можно было бы сказать завидный—если бы эти списки, или бо́льшая ихъ часть, не были искажены невѣждами—переписчиками. Появилось «Горе отъ Ума» въ печати, но тутъ его постигло другое, неизбѣжное горе: на него наложила свою десницу неумолимая цензура, и рѣчи всѣхъ дѣйствующихъ лицъ были обезображены выкидками и сокращеніями; о Чацкомъ и говорить нечего—онъ подвергся просто-на-просто урѣзанію языка; вполнѣ пощаженъ былъ только князь Тугоуховскій: въ его рѣчахъ цензура не обрѣла ничего либеральнаго. Театральная опека, восемь лѣтъ вовсе не допускавшая на подмостки сцены безсмертное произведеніе русскаго писателя, отнеслась затѣмъ къ комедіи Грибоѣдова нѣсколько снисходительнѣе цензуры литературной: по крайней мѣрѣ нѣсколько строкъ допускалось на сценѣ такихъ, которыя въ печати тщательно вычеркивались.

Обзоръ всѣхъ изданій «Горя отъ Ума», тщательно составленный г. И. Д. Гарусовымъ и печатаемый нами, помимо интереса библіографическаго и част-

наго, любопытенъ какъ лѣтопись прохожденія комедіи Грибоѣдова чрезъ цензурныя и рыночныя мытарства. Дождется-ли безсмертное произведеніе Грибоѣдова—черезъ пятьдесятъ лѣтъ—изданія себя достойнаго? неужели ему суждено вѣки вѣчные оправдывать свое заглавіе? **Ред.**

Не было и нѣтъ до сей поры ни одного литературнаго произведенія, которое имѣло бы такую странную судьбу, какая выпала на долю комедіи Грибоѣдова „Горе отъ Ума“. Сотни тысячъ экземпляровъ въ рукописяхъ облетѣли всю Россію, сотни тысячъ печатныхъ экземпляровъ продавались и продаются до сихъ поръ, несмотря на полувѣковую давность комедіи,—и все-таки Россія не вполнѣ знакома съ „Горемъ отъ Ума“.

П. А. Ефремовъ, перечисляя извѣстныя ему изданія комедіи Грибоѣдова, въ „Библіографическихъ Запискахъ“ 1861 года [1]), насчиталъ 17 изданій по 1862 годъ, включивъ въ то число извѣстное очень немногимъ библіографамъ русское безцензурное изданіе, появившееся безъ означенія мѣста и времени печатанія. При этомъ почтенный библіографъ обѣщалъ познакомить русскую публику съ одною изъ цѣнныхъ рукописей, подаренною бывшему инспектору репертуарной части Кирѣеву авторомъ комедіи, но исполнить этого обѣщанія не могъ за цензурными препятствіями.

Въ прошломъ году Н. В. Гербель, выпустивъ свое изданіе съ оригинальной рекламой на заглавномъ листѣ, отмѣтилъ его по счету 30-мъ. Но какъ г. Ефремовъ, такъ и г. Гербель впали въ ошибку, такъ какъ по 1862 годъ появилось не 17, а 23 изданія, а по 1873 годъ не 29, а 43, т. е. г. Ефремовъ ошибся на 6, а г. Гербель — на 14 изданій.

Заинтересованные судьбами комедіи и желая ознакомиться со всѣми изданіями „Горя отъ Ума“, мы, послѣ долгихъ поисковъ и усилій, собрали все, что только отмѣчено въ печати этимъ именемъ. Результатомъ такого труда появилось убѣжденіе, что комедія стала самымъ бойкимъ и выгоднымъ дѣломъ для книжной спекуляціи; но при этомъ ни издатели, ни редакторы „Горя отъ Ума“ не считали нужнымъ отнестись къ комедіи съ тою добросовѣстностью, какой требовали внутреннія ея достоинства и безсмертное имя автора.

По внимательномъ разсмотрѣніи и оцѣнкѣ всѣхъ изданій комедіи, можно придти къ болѣе или менѣе вѣрному заключенію о взглядѣ на Грибоѣдова, слагавшемся подъ вліяніемъ различныхъ общественныхъ сочетаній, и о значеніи самой комедіи въ исторіи русской ли-

[1]) Томъ III, стр. 387.

тературы. Ровно полвѣка идутъ толки о „Горѣ отъ Ума“, а комедія для массы остается непонятною, несмотря на то, что ея изрѣченія перешли въ пословицы и поговорки. Даже столичные артисты, у которыхъ еще не развѣялись преданія объ авторѣ, даже они не въ силахъ возсоздать грибоѣдовскихъ типовъ, ибо въ большинствѣ случаевъ изображаютъ каррикатуры, а не живыхъ лицъ. Щепкинъ и Орловъ составляли почти единственное исключеніе, воплощая Фамусова и Скалозуба живьемъ; но и они, согласно времени и условіямъ драматической цензуры, оставляли крупные пробѣлы въ типахъ, созданныхъ ими, но, къ сожалѣнію, по днѣсь еще ни кѣмъ послѣ нихъ не воспроизведенныхъ типахъ общественныхъ дѣятелей первой четверти XIX вѣка. О женскихъ роляхъ мы не говоримъ, ибо, кромѣ А. М. Каратыгиной (Наталья Дмитріевна), московской Колосовой (Лиза) и В. В. Самойловой (Софья Павловна), ни одна артистка не могла справиться даже со второстепенной ролью.

„Горе отъ Ума“ еще не оцѣнено по достоинству, несмотря на три крупныхъ замѣтки: Бѣлинскаго, кн. Вяземскаго [1]) и Гоголя, изъ которыхъ каждый выразилъ скорѣе свой личный взглядъ на комедію, нежели научное ея изслѣдованіе. [2])

Грибоѣдовъ самъ сильно хлопоталъ, какъ о постановкѣ „Горя отъ Ума“ на сцену, такъ и о пропускѣ въ печать, но комедія все-таки подверглась запрещенію. Для этого было даже достаточно отзыва московскаго генералъ-губернатора кн. Д. В. Голицина, будто „на всю Москву написалъ онъ (Грибоѣдовъ) пасквиль“.

Въ „Горѣ отъ Ума“, московская общественная жизнь увидѣла себя какъ въ зеркалѣ—и возмутилась, пеняя на это зеркало.

Не только возстала противъ комедіи московская барская клика, но на нее вострилъ зубы всякій мелкій чинъ, ибо всѣ видѣли въ ней приниженіе своего чиновнаго достоинства. Медвѣжью услугу комедіи оказала только-что народившаяся, въ 1834 г., „Библ. для Чтенія“: рецензентъ ея, въ „Литературномъ Обозрѣніи“, приравнивая „Горе отъ Ума“ къ „Свадьбѣ Фигаро“, буркнулъ съ плеча: „это комедія политическая“. Эти слова натолкнули многихъ на мысль — искать въ ней намековъ на событія 14-го декабря, толковать цѣлые стихи, особенно болтовню Репетилова до того произвольно и своеобразно, что тѣ общественные и нравственные вопросы, которые были подняты

[1]) Въ изслѣдованіи о Фонъ-Визинѣ; см. «Фонъ-Визинъ», соч. кн. П. А. Вяземскаго, стр. 221—225.

[2]) На дняхъ явился въ печати весьма интересный: «Очеркъ первоначальной исторіи «Горя отъ Ума», написанный А. Н. Веселовскимъ («Р. А.» 1874 г., тетрадь шестая). Ред.

авторомъ, стушевались. Это обстоятельство вызвало со стороны правительства и цензуры тѣ опасенія, плодомъ которыхъ были передѣлки текста, доведенныя невѣжествомъ издателей и безграмотностью книгопродавцевъ до безобразія.

Въ настоящей статьѣ мы укажемъ на всѣ русскія и заграничныя изданія комедіи, причемъ остановимъ вниманіе читателей лишь на тѣхъ, которыя представляютъ или образецъ искаженій, или варіантъ, дающій иной смыслъ тексту.

По настоящее время „Горе отъ Ума“ имѣло тридцать девять изданій на русскомъ языкѣ и 6 переводовъ на нѣмецкій, польскій, англійскій, французскій и грузинскій языки. „Горе отъ ума“ появилось впервые въ издаваемомъ Ѳ. Булгаринымъ альманахѣ 1825 года „Талія“, съ котораго мы и начнемъ наше обозрѣніе.

I. Въ „Таліи“, начиная съ 257-й страницы, напечатаны были 7-е, 8-е, 9-е и 10-е явленія I дѣйствія и все третье дѣйствіе. Въ настоящее время нѣтъ возможности опредѣлить, какая рукопись послужила оригиналомъ издателю альманаха, но только не та, которую Грибоѣдовъ привезъ въ Петербургъ въ 1824 году, и не та, которую позднѣе (5-го іюня 1828 г.) оставилъ Булгарину. Первая рукопись погибла безвозвратно. Существуетъ догадка, будто она, вмѣстѣ съ письмами Кондр. Рылѣева, кн. Ал. Одоевскаго и другихъ декабристовъ, была сожжена авторомъ. Вторая рукопись не утратилась и понынѣ находится въ семействѣ покойнаго Ѳ. В. Булгарина. Несмотря на неизвѣстность оригинала, мы придаемъ изданію комедіи въ альманахѣ „Талія“ особую важность. Пунктуація и заглавныя буквы соблюдены чрезвычайно вѣрно, напечатаны сцены безъ ошибокъ, и только въ одномъ стихѣ:

Гдѣ время то? Гдѣ возрастъ тотъ невинный,

ошибочно поставленъ знакъ вопроса. Но въ III дѣйствіи уже появляются, противъ разошедшихся по всей Россіи полныхъ списковъ, незначительные варіанты и пропуски. Такъ, вмѣсто стиха:

Во всѣхъ княжонъ вселять участье

употребленъ варіантъ:

Во всѣхъ дѣвицъ вселить участье.

Сравнивая изданіе сценъ 1825 г. со вторымъ (первымъ полнымъ 1833 г.), находимъ выпускъ 15-ти стиховъ, о коихъ скажемъ ниже.

Послѣ долгихъ усилій, покойному артисту Брянскому удалось поставить на сцену, въ свой бенефисъ (26-го января 1831 г.), всю коме-

дію [1]). Игралась она по рукописи бенефиціанта, который заплатилъ Булгарину 1,000 р. ассигнаціями за то, что журналистъ далъ ему свою рукопись для повѣрки.[2]) Но, несмотря на разрѣшеніе—поставить комедію на сцену, все-таки въ печать она не проходила. Наконецъ, книгопродавцу Н. Улитину разрѣшено было издать весь текстъ комедіи по рукописи, утвержденной цензурою 21-го августа 1833 года. Это второе по счету и первое по полнотѣ изданіе вышло подъ такимъ заглавіемъ: [3])

II. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Москва. Въ тип. Авг. Семена, при Имп. мед.-хирург. академіи. 1833. Ценз. Л. Цвѣтаевъ, in 8°, страницъ 167.

На заглавномъ листѣ выставлена комическая маска. Это изданіе имѣетъ ту важность, что, будучи перепечаткой сценъ изъ „Таліи“ съ уродливыми измѣненіями, само послужило оригиналомъ для позднѣйшихъ изданій. При обозрѣніи его, необходимо остановиться на замѣткѣ „Библіографическихъ Записокъ“. П. Е. приписываетъ этому изданію портретъ автора, гравированный худож. Уткинымъ, потому что этотъ портретъ былъ въ книгѣ библіографа, хотя въ примѣчаніи допускаетъ предположеніе, что портретъ могъ быть присоединенъ прежнимъ владѣльцемъ книги. Мы положительно отрицаемъ появленіе при этомъ изданіи портрета, во 1-хъ потому, что въ 1840 г. имѣли въ рукахъ своихъ совершенно новый, свѣжій и не разрѣзанный экземпляръ этого изданія, сохранившійся у насъ и до сей поры, при которомъ портрета не было, и во 2-хъ потому, что о портретѣ этомъ упоминается при другомъ изданіи, какъ увидимъ далѣе.

Въ I томѣ „Библіотеки для Чтенія“ 1834 года, „литературная лѣтопись“ начинается слѣдующими словами: „Наконецъ „Горе отъ Ума“ вышло изъ печати!... Здѣсь не мѣсто разбирать это прекрасное твореніе: сверхъ того, разбирая его, пришлось бы разбирать не сочиненіе умнаго и несчастнаго Грибоѣдова, но пристрастіе $^{9}/_{10}$ частей Россіи къ этому сочиненію, и отвращеніе, обнаруживаемое $^{1}/_{10}$ частію. „Горе отъ Ума“ имѣетъ повсюду столь же пламенныхъ обожателей, какъ враговъ. И самое то обстоятельство, что оно заслужило себѣ пламенныхъ противниковъ, уже неоспоримо доказываетъ высокое его достоинство... когда книга удостоивается сильной вражды, будьте увѣрены, что она необыкновенна во всѣхъ отношеніяхъ“.

---

[1]) Въ Москвѣ она дана была позднѣе, именно 25-го февраля 1831 года.

[2]) Подробности объ этомъ см. въ «Русской Старинѣ», изд. 1873 г., т. VII, стр. 175—179 въ «Воспоминаніяхъ» П. А. Каратыгина. **И. Г.**

[3]) Всѣ заглавія изданій приводимъ съ буквальной точностью. **И. Г.**

Такъ было привѣтствовано второе по счету и первое по полнотѣ (относительной—конечно) изданіе комедіи журналомъ, только-что появившимся въ 1834 году.

„Кто", говорится далѣе, „безусловно поноситъ „Горе отъ Ума". тотъ оскорбляетъ вкусъ всего народа и судъ, произнесенный всею Россіею. Это народная книга: нѣтъ русскаго, который бы не зналъ наизусть по крайней мѣрѣ десяти стиховъ изъ этой комедіи". „Горе отъ Ума" занимаетъ въ нашей словесности, по своему роду и духу, именно то мѣсто, которымъ „Свадьба Фигаро". извѣстная комедія Бомарше, овладѣла во французской. Подобно „Свадьбѣ Фигаро", это комедія политическая: Бомарше и Грибоѣдовъ, съ одинаковыми дарованіями и равною колкостію сатиры, вывели на сцену политическія понятія и привычки обществъ, въ которыхъ они жили, мѣряя гордымъ взглядомъ народную нравственность своихъ отечествъ"..... „Въ этомъ изданіи примѣчаются нѣкоторые маловажные пропуски противъ рукописныхъ экземпляровъ, которыми наводнена Россія: память нынѣшнихъ читателей легко пополнитъ подобныя мѣста при чтеніи".

Это первое полное изданіе напечатано четко, несмотря на мелкій шрифтъ, но имѣетъ слѣдующіе недостатки: 1) знаки препинанія поставлены произвольно и слишкомъ разнятся отъ правописанія сценъ, помѣщенныхъ въ „Таліи"; 2) въ изданіи очень много весьма грубыхъ опечатокъ и измѣненій въ текстѣ.

Что же касается измѣненій въ текстѣ, то онѣ требуютъ поясненія.

На стр. 32-й напечатанъ впервые варіантъ текста:

Въ ученый комитетъ который поселился

вмѣсто булгаринскаго:

Между учеными, который поселился.

На стр. 46-й напечатано:

Вотъ что онъ вздумалъ проповѣдать

вмѣсто возстановленнаго позднѣе:

Онъ вольность вздумалъ (а по инымъ рукописямъ: хочетъ) проповѣдать.

Стихъ:

Онъ ничего не признаетъ...

вмѣсто сохранившагося въ рукописяхъ и появившагося впослѣдствіи стиха:

Да онъ властей не признаетъ.

Слова: вольность, свобода, личность, не только въ 30-хъ, но и въ 40-хъ годахъ были, согласно тогдашнему воззрѣнію, положительно противоцензурнаго свойства. Приведемъ въ подтвержденіе

слѣдующій фактъ. Во время посѣщенія, въ 1847 году, московскаго университета гр. С. С. Уваровымъ, пожелавшимъ выслушать чтенія студентовъ съ каѳедры, покойный профессоръ С. П. Шевыревъ слова: личность, свобода мысли, свобода слова обязалъ своихъ слушателей исключить изъ лексикона, какъ имѣющія отрицательный, почти неблагонамѣренный оттѣнокъ. Тѣмъ болѣе могла казаться предосудительною фраза въ комедіи Грибоѣдова: о непризнаніи властей. взятая отдѣльно, безъ критическаго отношенія къ цѣлому.

Въ стихѣ на стр. 49-й:

А? что? Ну такъ и жду содома!

слово „что“ поставлено вмѣсто: „Бунтъ?“ Послѣднее слово „Бунтъ“ появилось въ позднѣйшихъ изданіяхъ. П. Е. относилъ этотъ стихъ, со словомъ „бунтъ“, къ искаженіямъ, но цензура не возстановила его точной редакціи. На стр. 60-й, вмѣсто слова кредиторовъ, стихъ напечатанъ такъ:

Но должниковъ не согласилъ къ отсрочкѣ.

Полагаемъ, что по московскому складу рѣчи не только 20-хъ годовъ, но и позднѣе, это выраженіе правильно, ибо слово „кредиторъ“ долго въ Москвѣ оставалось научнымъ терминомъ и стало популярнымъ только съ конца 40-хъ годовъ. Намъ случалось слышать во многихъ слояхъ общества, что „должникомъ“ звали именно того, кто въ долгъ даетъ, одолжаетъ, а не беретъ. Въ Петербургѣ, напримѣръ, и по сію пору „закладчикомъ“ зовутъ не того, кто отдаетъ вещи въ залогъ, а того, кто, принявъ вещи въ залогъ, выдаетъ деньги.

На стр. 80-й стихи:

Чтобъ сердца каждаго біенье [1])
Любовью ускорялось къ вамъ.

представляютъ не искаженіе, а неоговоренную опечатку.

На стр. 89-й стихъ:

Съ министрами про вашу связь

редактированъ такъ:

Съ иными важными людьми про вашу связь,

потому, что всякій, даже невинный намекъ на служебное положеніе какого бы то ни было государственнаго сановника считался недозволительнымъ въ драматической литературѣ. Тогда нельзя было надѣвать на сценѣ дѣйствительныхъ орденовъ, а компонировались они

[1]) Эта опечатка, дѣлающая стихъ безсмысленнымъ, къ сожалѣнію, повторилась во всѣхъ позднѣйшихъ изданіяхъ. И. Г.

изъ подходящихъ матеріаловъ; на эполетахъ не употреблялось даже значковъ. Стихи, заключавшіеся во всѣхъ рукописяхъ 1824 года, въ такой редакціи:

Вѣдь надобно-жъ зависѣть отъ другихъ....
Въ чинахъ мы небольшихъ.

замѣнены въ изданіи 1833 года слѣдующимъ образомъ:

Вѣдь надобно-жъ другихъ имѣть въ виду,
Чтобъ не попасть въ бѣду.

Этотъ варіантъ былъ необходимъ по тѣмъ соображеніямъ, что въ чинахъ въ то время утверждались высочайшими указами, и потому какъ эти стихи, такъ и стихъ Чацкаго:

Чины людьми даются,
А люди могутъ обмануться,

были признаны, какъ направленные къ колебанію довѣрія къ высшей власти.

Стихъ на 101-й стр.:

Обшито фалбарой (вм. бахрамой)

имѣетъ, такъ сказать, археологическое значеніе, и потому онъ во всѣхъ изданіяхъ варьировался.

На стр. 107-й стихъ нѣкоторыхъ рукописей:

Отъявленный мошенникъ, плутъ,

сокращенъ такъ:

Извѣстный плутъ

по тогдашнимъ цензурнымъ соображеніямъ, въ виду неприличія публично произносить въ обществѣ слово мошенникъ.

На стр. 111-й, вмѣсто:

Въ его высочества, хотите вы сказать,
Въ Новоземлянскомъ мушкетерскомъ?

напечатано:

То есть, хотите вы сказать:
Въ Новоземлянскомъ мушкетерскомъ?

по тѣмъ соображеніямъ цензуры, что произнесеніе словъ: величество, высочество не только со сцены, но и появленіе ихъ въ драматическомъ сочиненіи принималось, какъ знакъ неуваженія къ власти предержащей.

Особенное вниманіе заслуживаетъ въ разсматриваемомъ изданіи XVII явленіе, гдѣ дѣйствующими лицами двое: Загорѣцкій и Наталья Дмитріевна. Послѣдняя прошла въ этомъ явленіи по всѣмъ (кромѣ заграничныхъ) изданіямъ до 1862 г., съ котораго, вмѣсто На-

тальи Дмитріевны, появляется въ печати уже графиня-внучка, сообразно чему измѣнилось и начало XVIII явленія. Эта редакція съ Натальей Дмитріевной на сценахъ удерживается и до сей поры; между тѣмъ у Булгарина въ „Таліи“ выведена графиня-внучка, подобно этому и въ послѣднихъ изданіяхъ. По какимъ соображеніямъ редакція 1833 г. измѣнила дѣйствующихъ лицъ,—мы доискаться не могли, такъ какъ не знаемъ того оригинала, которымъ редакція руководствовалась.

Шепелявенье и картавленье графини-бабушки впервые возстановлено было только въ 1866 г., но и то не во всѣхъ сценахъ, гдѣ ей приходится говорить. На стр. 130 вставлено, противъ „Таліи“ Булгарина, какъ мы уже замѣтили, 15 стиховъ, отъ стиха: „Чтобъ искру заронилъ онъ...“ до стиха: „Ахъ! если рождены мы все перенимать“. На стр. 131 помѣщенъ семистопный ямбъ:

«Ну ка́къ | пере́ | вести́ | мада́мъ | и ма́ | дему́ | азе́ль, |» (вм. мадамъ, мадмуазель),

который удержался вездѣ и даже у г. Гербеля, несмотря на его заявленіе о возстановленіи правилъ стопосложенія.

На стр. 141-й стихъ рукописей и позднѣйшихъ изданій:

Но государственное дѣло...

явился въ такой неудачной передѣлкѣ:

Литературное есть дѣло;

по тѣмъ, быть можетъ, соображеніямъ цензуры, чтобы не возбуждать повода къ воспоминаніямъ о 14-мъ декабрѣ. Необходимо здѣсь замѣтить, что даже книга барона Корфа о событіяхъ 1825 года[1]) разрѣшена для публики первымъ изданіемъ только въ 1857 г., уже выдержавъ два изданія для лицъ спеціальныхъ и особъ высокопоставленныхъ.

Ограничиваясь, въ отношеніи перваго (полнаго) изданія комедіи этими указаніями, мы соглашаемся съ П. Е. въ томъ, что, если точками означены пропуски стиховъ на стр. 17 и 126, то слѣдовало бы ихъ означить и на страницахъ 44, 45, 54 — 57, 60, 61, 77, 89, 121—6 и 9, 140 и 146. Но и здѣсь, если не редакція, то цензура, полагаемъ, руководилась, согласно съ духомъ времени, такими соображеніями: такъ какъ въ публикѣ и въ литературѣ установилось мнѣніе о политической тенденціозности комедіи, то и оказалось не-

[1]) «Восшествіе на престолъ императора Николая I. Составлено по высочайшему повелѣнію статсъ-секретаремъ барономъ Корфомъ. Третье изданіе. (Первое для публики). С.-Петербургъ, 1857 г. Типографія II Отд. Соб. Его Императорскаго Величества Канцеляріи». XIV и 236 стр., in 8° majore.

избѣжнымъ очистить ее отъ всякихъ на то указаній и намековъ, даже косвенно указывавшихъ на политику, на управленіе, на сословные, а тѣмъ болѣе на общественно-воспитательные вопросы.

Такъ какъ появленіе нѣсколькихъ сценъ въ 1825 году было многими забыто, а большинство и не знало о нихъ, ибо „Русская Талія“, разойдясь въ маломъ числѣ экземпляровъ, скончалась тихо, безъ надеждъ на свое возрожденіе, то и составилось общее убѣжденіе, будто передѣлать, исправить и редактировать комедію для печати было поручено Ксенофонту Полевому. Такое мнѣніе распространилось въ Москвѣ (за исключеніемъ немногихъ) между всѣми, кто имѣлъ понятіе о комедіи Грибоѣдова, а изъ Москвы перешло весьма быстро и повсюду.

Вслѣдъ за этимъ изданіемъ появилось, какъ секретная книга, не въ продажѣ, а по рукамъ нѣкоторыхъ лицъ, полное безцензурное изданіе комедіи in 4°, на писчей бумагѣ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

III. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. Грибоѣдова. 99 стр. Времени и мѣста печатанія не обозначено. Изданіе это, какъ можно безошибочно предполагать, было сдѣлано не для продажи, а для интимнаго кружка, въ которомъ желали увѣковѣчить полный текстъ; но оно исполнено въ высшей степени неудачно. Оно нынѣ составляетъ библіографическую рѣдкость и едва-ли даже сохранилось у кого-либо въ частныхъ рукахъ. Экземпляръ его есть въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ которую пожертвовано оно было отъ казанскаго книгопродавца Мясникова. Нельзя не пожалѣть, что въ отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки за 1858 г. (напечатанномъ въ 1859 г.), въ концѣ 47 и началѣ 48 стр. сказано объ этомъ изданіи лишь нѣсколько строкъ. Не указано даже и того, когда, при бумагѣ-ли, или лично самимъ книгопродавцемъ, изданіе это передано въ Библіотеку и были-ли сообщены о немъ какія-нибудь библіографическія свѣдѣнія. Г. Ефремовъ полагаетъ, что оно появилось „въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ, можетъ быть даже прежде перваго (обыкновеннаго) изданія этой комедіи“. Мы съ этимъ согласиться не можемъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) Изданіе это безъ цензуры и напечатано на полубѣлой писчей бумагѣ Императорской Петергофской бумажной мануфактуры, со штемпелемъ вензелеваго имени Государя Николая I ($\left|\frac{\text{Н}}{\text{I}}\right|$) подъ короною, въ лавровомъ вѣнкѣ. Бумага эта, по цвѣту, плотности, чистотѣ тряпичной массы и по степени выдѣлки относится къ періоду улучшенія петергофскаго бумажнаго производства, т. е. къ управленію фабрикою директора Казина, при которомъ только съ 1834 г. былъ пущенъ

въ продажу именно этотъ сортъ полубѣлой бумаги. 2) Бумага эта преимущественно пріобрѣталась для военныхъ канцелярій, какъ удобная, по плотности, для письма Въ 35-хъ годахъ при многихъ полковыхъ канцеляріяхъ были свои—скудныя типографскими матеріалами—походныя типографіи, съ ручными печатными станками, которыя снабжались старымъ избитымъ шрифтомъ, по большей части круглымъ корпусомъ, съ подходящимъ къ нему курсивомъ и небольшимъ количествомъ заглавныхъ буквъ. Шрифтъ упомянутаго изданія грубъ и избитъ до невѣроятности; правописаніе словъ слишкомъ близко подходитъ къ усвоенному въ 35-хъ и 40-хъ годахъ правописанію военныхъ канцелярскихъ писарей. Всѣ военные чины и званія начинаются большими буквами, слово „высочайшею“ (улыбкой) напечатано врозбивь, какъ тогда оно и употреблялось въ оффиціальныхъ бумагахъ, а въ стихѣ: „При государынѣ Екатеринѣ“, собственное имя „Екатеринѣ“ набрано капителью, чего нѣтъ ни въ рукописяхъ, ни въ одномъ печатномъ изданіи. Тою же капителью напечатано: „его величество король прусскій“. 3) Какъ переписчикъ, такъ и корректоръ, просматривавшій печатные листы, были, замѣтно, люди полуграмотные, безъ всякихъ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, но хорошо знакомые съ военными порядками. Все, что относится къ военному быту, въ изданіи напечатано вѣрно,— что же требуетъ свѣдѣній, выходившихъ изъ круга военнаго канцеляризма, или искажено, или пропущено. Повсюду выброшены не только цѣлыя французскія фразы, но и самыя простыя слова: „мсьё, madame, mon cher“ и т. п.[1])

П. Е. говоритъ: „Текстъ испещренъ искаженіями и опечатками, происшедшими, по всей вѣроятности, отъ неправильности списка, съ котораго комедія печаталась“. Мы полагаемъ это дѣло такъ: по выходѣ перваго изданія въ урѣзанномъ видѣ, копіи съ рукописи, при сравненіи ихъ съ печатнымъ текстомъ, получили еще бо̀льшую цѣнность, а вмѣстѣ съ тѣмъ бо̀льшую таинственность. Вѣроятно, кому-нибудь, владѣвшему полной копіей съ рукописи и имѣвшему нѣкоторую возможность напечатать комедію вполнѣ безъ цензуры, разумѣется, для ограниченнаго круга своихъ знакомыхъ, пришла мысль сдѣлать это. Самому переписать рукопись для типографіи составляло

[1]) Не принадлежитъ-ли это безцензурное изданіе А. А. Закревскому, впослѣдствіи генералъ-губернатору Московскому? По крайней мѣрѣ, намъ извѣстны двѣ тетради, имъ изданныхъ безъ цензуры, для собственнаго любопытства, приказовъ императора Павла; шрифтъ, форматъ этихъ изданій и, кажется, бумага одинаковы съ описываемымъ изданіемъ «Горя отъ Ума». Французскаго языка покойный Закревскій не зналъ, а по-русски писалъ неправильно. Ред.

трудъ, для устраненія котораго рукопись могла быть передана какому-нибудь писарю, чтобы снять съ нея копію для типографскаго набора. Въ виду буквальнаго исполненія подчиненнымъ приказаній начальника, послѣдній, предполагая рабскую копировку, не потрудился сличить списка съ оригиналомъ, а писарь, не понимая многаго въ оригиналѣ, призналъ за лучшее сдѣлать передѣлки и поправки по своему соображенію, искажая текстъ; начальство же не обратило критическаго вниманія на текстъ даже и послѣ печати. Такой произволъ переписчиковъ и склонность къ поправкамъ сочиненій русскихъ писателей были особенно въ ходу не только въ 30-хъ годахъ, но и позднѣе. Мы помнимъ, какъ именно въ это время, стихъ Державина [1]): „Всякъ Курцій, Децій, Буарозъ“ бойкимъ писаремъ одного изъ карабинерныхъ полковъ, съ правильной и чоткой рукописи, переправленъ былъ такъ: „Всякъ куцый Децимъ бурый носъ“. Поправка сдѣлана потому, что куцый и бурый носъ были близки къ понятію переписчика, а о Курціяхъ и Буарозахъ онъ не имѣлъ никакого понятія.

Другою изъ причинъ искаженія текста разсматриваемаго изданія можетъ считаться поспѣшность работы, которая производилась не иначе, какъ украдкою, въ виду правительственнаго запрещенія надъ полнымъ текстомъ. Запретъ, налагавшійся на литературныя произведенія, какъ и всегда, не достигалъ и въ то время цѣли, а велъ за собою всегда отрицательные результаты: или запрещенное произведеніе искажалось въ безчисленныхъ спискахъ, которые быстро расходились въ обществѣ, или искажалось въ заграничныхъ изданіяхъ, несмотря на то, что тамъ редактировалось по рукописямъ болѣе вѣрнымъ. Ничто такъ много не содѣйствовало распространенію комедіи Грибоѣдова, какъ долголѣтній ея запретъ.

Текстъ комедіи напечатанъ хотя по рукописи, относящейся къ 1824 году, но далеко несходной ни съ Жандровой, ни съ Булгаринской, ни съ хранящимися въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Опредѣлить съ точностію оригиналъ, съ котораго печаталось это изданіе, невозможно, по чрезвычайнымъ искаженіямъ стиховъ.

Къ числу особенностей текста относится перечень дѣйствующихъ лицъ на оборотной (2-й) страницѣ заголовка. Вотъ онъ съ сохраненіемъ правописанія:

Павѣлъ Афонасьевичъ Фамусовъ (Управляющій въ казенномъ мѣстѣ).
Софья Павловна, дочь его.
Лизанька, служанка.

---

[1]) Конецъ 8-й строфы изъ оды «На взятіе Измаила».

Алексѣй Степановичъ Молчалинъ (Секретарь Фамусова, живущій у него въ домѣ).
Александръ Андрѣевичъ Чацкій.
Полковникъ Скалозубъ, Сергѣй Сергѣевичъ.
Наталья Дмитріевна, молоденькая дама.
Платонъ Михайловичъ, мужъ ея.
Князь Тугоуховскій и княгиня, жена его, съ 6-ю дочерьми
Графиня Хрюмина, бабушка.
Графининя внучка.
Антонъ Антоновичъ Загорѣцкій.
Старуха Хлёстова, свояченица Фамусова.[1])
Г. N.
Г. Д.
Репетиловъ.
Петрушка, и нѣсколько говорящихъ слугъ.
Множество гостей всякаго разбора и ихъ лакѣевъ при разъѣздѣ.
Офиціанты Фамусова.

Стихи расположены по произволу, то къ лѣвой сторонѣ страницы, то ближе къ срединѣ, а иногда и за середину, на право. Съ прописныхъ буквъ начинаются они только на 3, 4 и 5 стр.; съ 6-й же напечатаны сплошь малыми, кромѣ названій чиновъ. Собственныя и нарицательныя имена, означающія полкъ, чинъ, титулъ, сословіе, пишутся прописными буквами. Въ 1-мъ явленіи 1-го дѣйствія имя служанки вездѣ пишется Лизанька, а барышни—Софія; со 2-го явленія — сокращенія Лиза и Софья.

Буквы *ъ* и *е* употреблены, какъ попало: ну кто придѣтъ, бѣремъ-же, гнева, зачемъ, давичѣ, тожь, завѣсти и т. п.

Буквы *ъ*, *ь*, окончанія *мъ*, *шъ*, *шь* употребляются безразлично, какъ для 2-го, такъ и для 3-го лица глаголовъ, причемъ *ъ* выброшено въ неопредѣленномъ наклоненіи и во 2-мъ лицѣ изъявит. накл. предъ *ся*.

Буквы *в* и *ф* перемѣшаны, напр. тавтицей...

Приведемъ на выдержку нѣсколько грубыхъ опечатокъ. На страницахъ:

5. «на весь кварталъ симоропію гремишь» (вм. симфонію).
8. Вотъ подпрекать мнѣ станутъ
9. Ужастный вѣкъ
10. Цвѣтный лугъ я спала (вм. цвѣтистый лугъ... И я искала)
12. Когда-жъ печальная, ни что на умъ нейдетъ,
14. И отъ болѣзни чай, отъ скуки повольнѣе
16. весь празстроился и падалъ (вм. и растерялся весь, и падалъ) и т. д.
65. кураѣздный вистъ у насъ (вм. курьезный).
— дивился ему трехъ сажень удалецъ (вм. дался)
70. къ партизанамъ (вм. къ фармазонамъ)

[1]) Въ «Библіографическихъ Запискахъ» 1861 г., стр. 388, Хлюстова.

76. бодрый (вм. добрый) нашъ народъ.
84. другіе шестую на музыку кладутъ (вм. шестеро) и т. п.

На стр. 95-й явленіе 13-е оканчивается такъ:

Лиза.

Стукъ! шумъ! ахъ! Боже мой! сюда бѣжитъ весь домъ.

Чацкій.

Вашъ батюшка вотъ будетъ благодаренъ.

Несмотря на сравнительную полноту противъ изданія 1833 г., пропущено много характерныхъ стиховъ, на прим., на стр. 17-й:

Не влюблены-ли вы, прошу мнѣ дать отвѣтъ,

На 33:

Къ тому, къ сему, а больше ни къ чему
Поспорятъ, пошумятъ... и разойдутся.

На 76:

Смѣшные, бритые, сѣдые подбородки.

О пропускѣ словъ въ строкахъ мы не говоримъ, ибо ихъ много.

На 96-й стр. включенъ стихъ, существующій во многихъ рукописяхъ, но не вошедшій въ печатныя (кромѣ 2-хъ изъ 39), изданія:

Молчалинъ *(ползаетъ у ногъ ея).*

Помилуйте...

Первый и послѣдній стихи заключительнаго монолога Фамусова искажены то пропускомъ, то вставкою, отъ чего вмѣсто ямба, вышелъ хорей:

Ну что? | видишь | ты, что | онъ съ у | ма со | шѣлъ?

Вотъ еще искаженіе стиха:

Княгиня Марья Алексѣевна.

Во всей комедіи курсивомъ напечатаны только тѣ стихи, въ которыхъ на первый взглядъ проявляется сколько-нибудь скабрёзности, или которымъ можно дать не совсѣмъ нравственное, приличное толкованіе, напр. на

стр. 9. попалъ или хотѣлъ попасть.
19. вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.
44. помада есть для зубъ и для другихъ причинъ.
51. но чтобъ имѣть дѣтей
кому ума недоставало.
53. я ѣзжу къ женщинамъ, да только не за этимъ.
54. я глупостей не чтецъ
а пуще образцовыхъ.
72. нѣтъ-съ бочками и сороковыми.

На стр. 76-й стихъ не конченъ; вѣроятно, наборщикъ не разобралъ, а корректоръ не понялъ значенія слова мадмоазель. Напечатано такъ:

ну какъ перевести мадама.

Мы остановились особенно долго на этомъ изданіи не только потому, что оно составляетъ нынѣ библіографическую рѣдкость, а вмѣстѣ съ тѣмъ и библіографическій курьезъ, но частью, по другимъ соображеніямъ. Въ цѣломъ своемъ составѣ, какъ „Горе отъ Ума“ вышло изъ-подъ пера автора въ 1823—1824 гг., оно имѣетъ весьма важное литературное значеніе, какъ полное и всестороннее выраженіе своего времени; но въ томъ видѣ, какъ было напечатано въ 1833 г. оно отчасти заслуживало, отсутствіемъ связи и законченности, тѣ нападки, кои появились въ тогдашнихъ журнальныхъ статьяхъ. Вся образованная Россія понимала, что переработка этого произведенія подъ давленіемъ цензуры исказила его, и потому тщательно скрывались и переписывались, какъ полагали переписчики, вполнѣ вѣрныя рукописи; наконецъ, даже выискивались такіе поклонники этой пьесы, которые пожелали имѣть хотя и крайне безграмотный, но печатный текстъ: и вотъ комедія напечатана въ безцензурномъ изданіи.... Все это есть неотразимое свидѣтельство тому, что всякая искусственная мѣра, какова цензурная опека, препятствующая распространенію литературнаго произведенія, заключающаго въ себѣ всѣ достоинства, необходимыя для того, чтобы стать образцовымъ, служитъ только къ бо̀льшему его распространенію, но, увы, въ искаженіяхъ.

IV. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Второе изданіе. С.-Петербургъ. Въ военной типографіи. 1839, in 48.[1]) С и 202 стр. (14-го декаря 1838 г. Цензоръ А. Фрейгангъ).

Къ изданію приложенъ гравированный на стали поясной портретъ автора и статья Ксеноф. Алекс. Полеваго: „О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова“. Текстъ напечатанъ нонпарелемъ, біографія — петитомъ. Несмотря, однако, на столь мелкій шрифтъ, комедія читается легко. Изданіе можно бы было назвать изящнымъ, если бы была чище бумага. Опечатокъ нѣтъ; стихи расположены большею частію по правиламъ стопорасположенія и совершенно иначе, чѣмъ въ изданіи 1833 г. Пропуски въ нѣкоторыхъ мѣстахъ означены точками; но о пропускахъ 4-го дѣйствія нѣтъ даже намека. Употребленіе большихъ буквъ и знаковъ препинанія отличается отъ первыхъ

[1]) Форматъ изданія показанъ различно: въ «Сѣв. Пчелѣ» 1839 г., «Библіот. для Чтенія» и «Отеч. Запискахъ» 1840 г. въ 64-ю долю листа; въ нѣкоторыхъ каталогахъ въ 48-ю и даже въ 32-ю долю малаго формата. И. Г.

изданій. Правописаніе болѣе отчетливо и правильно. Замѣтно, что редакція къ изданію отнеслась строго и заботливо и пользовалась вѣрною рукописью. Все третье дѣйствіе и 7—10 явленія 1-го представляютъ буквальную перепечатку текста изъ альманаха „Талія“ 1825 года, за исключеніемъ стиха:

Между учеными который поселился

напечатаннаго въ концѣ 32 страницы, согласно съ рукописью, такъ:

Въ ученый комитетъ который поселился

Союзъ ужли замѣненъ вездѣ союзомъ уже-ль. Противъ перваго изданія допущены исправленія, наприм. на стр. 98, для соблюденія стопы, употреблено слово „къ прикмахеру“, вмѣсто полной его формы по изд. 1833 г.

Несмотря на бо̀льшую отчетливость и правильность изданія, и въ немъ, однако, повторились нѣкоторыя ошибки 1-го: такъ, на стр. 91 (а въ изд. 1833 г. на 80) стихъ „Чтобъ сердца каждое біенье“ напечатанъ какъ и въ изданіи Улитина:

Чтобъ сердца каждаго біенье.

Эта ошибка исправлена только въ 1857 г.

На стр. 128, при обращеніи Чацкаго къ Горичеву о Загорѣцкомъ, утотреблено слово „съ смѣхомъ“, вмѣсто „съ хохотомъ“, что̀ противорѣчитъ тексту комедіи. При началѣ IV дѣйствія пропущено, какъ и въ изд. 1833 г., описаніе декораціи парадныхъ сѣней богатаго дома Фамусовыхъ. Позволяемъ себѣ предположить, что сдѣлано это лишь потому, чтобы не напомнить еще существовавшей далеко позднѣе 1839 г., въ Москвѣ, и многимъ ея старожиламъ знакомой, роскошной лѣстницы, съ примыкающими къ ней корридорами и дверями, во 2-й этажъ жилья Фамусова, въ его домѣ, находившемся на одной изъ лучшихъ центральныхъ мѣстностей Москвы.[1])

Это изданіе разошлось, какъ и первое, въ самомъ скоромъ времени, несмотря на высокую цѣну: 5 руб. асс. (т. е. 1 р. 43$^1/_3$ к. сер.); теперь его съ трудомъ можно отыскать у с.-петербургскихъ и московскихъ букинистовъ. Оно послужило оригиналомъ для всѣхъ изданій 1854—1857 годовъ.

Супруга Грибоѣдова, Нина Александровна, скончавшаяся 28-го

[1]) Домъ этотъ впослѣдствіи Софьею Павловною (по комедіи) былъ отданъ въ аренду подъ одно техническое учебное заведеніе. Теперь эту мѣстность узнать трудно. Бульвары закрыты громадными постройками; площадь стѣснена: противъ дома возведена прекраснаго рисунка колокольня; высокая ограда скрываетъ старинную церковь, гдѣ говѣли Фамусовы. Нынѣ этотъ домъ совершенно передѣланъ внутри. И. Г.

іюня 1857 г., какъ прямая наслѣдница литературнаго достоянія бездѣтнаго поэта, въ теченіи 25-ти-лѣтняго, съ кончины Грибоѣдова, срока на право литературной собственности, никому не передала исключительнаго права изданія комедіи. Благодаря такому счастливому стеченію обстоятельствъ, „Горе отъ Ума“ съ 1854 г. стало общею литературною собственностью и избѣжало судьбы, тяготѣющей до нынѣ надъ сочиненіями Пушкина, Лермонтова и др. Торговая спекуляція богатыхъ книгопродавцевъ не закабалила комедіи; а чрезъ это появилась возможность множества ея изданій, оказавшихъ услугу литературѣ, несмотря на тѣ искаженія текста, которыми тотчасъ же и заявили себя различные мелкіе книжныхъ дѣлъ мастера.

Двадцатипяти-лѣтній срокъ собственности рода Грибоѣдовыхъ на комедію „Горе отъ ума“ оканчивался 30-го января 1854 г. Между тѣмъ въ С.-Петербургѣ, еще въ декабрѣ мѣсяцѣ 1853 г., въ типографіи Якова Трея уже работала надъ третьимъ изданіемъ „Горя отъ Ума“ предусмотрительная предпріимчивость с.-петербургскаго книготорговца В. А. Терскова. Требуемое закономъ разрѣшеніе на печатаніе отъ цензора А. Фрейганга было получено за двѣ недѣли до наступленія срока общему праву собственности, именно 15-го января 1854 г., а 31-го января уже бросалась въ глаза на прилавкахъ книгопродавческихъ чахлая сѣрая книженочка, въ 32-ю долю листа, на лицевой оберткѣ которой изображено слѣдующее: среди рамки, по матовому полю, представлена сцена, какъ Молчалинъ обнимаетъ Лизу, а Чацкій, въ накинутой шубѣ, смотритъ на нихъ изъ-за тонкой колонки; Софья откинула правую руку, какъ бы сбираясь наградить оплеухою вѣроломнаго. Сверху названіе комедіи, внизу „1854“. На задней оберткѣ, въ огромномъ вѣнкѣ изъ розъ, незабудокъ и другихъ цвѣтовъ, „цѣна 1 р. 50 к. сер.“. Это издѣліе Терскова вышло на свѣтъ Божій подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

V. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Третье изданіе. С.-Петербургъ. Продается у издателя и книгопродавца В. А. Терскова (слѣдуетъ адресъ), 1854. стр. 227, in 32°.

Къ изданію приложенъ портретъ автора, очень плохой, хотя и переведенный съ портрета при изд. 1839 г. Бумага сѣровата, печать хоть и чоткая, но съ значительными опечатками. Текстъ составляетъ буквальную перепечатку предъидущаго изданія, съ значительнымъ измѣненіемъ знаковъ препинанія и съ небольшими отступленіями въ расположеніи стиховъ. Пропусковъ не отмѣчено.

Къ особенностямъ изданія можно отнести: пропускъ на 72-й стр. слѣдующихъ шести стиховъ, противъ двухъ первыхъ изданій:

Скалозубъ.

Однако за полкомъ два года поводили.

Фамусовъ.

Въ погонь-ли за полкомъ!
За то, конечно, въ чемъ другомъ
За вами далеко тянуться.

Скалозубъ.

Нѣтъ-съ, старѣе меня по корпусу найдутся:
Я съ восемьсотъ девятаго служу.

Слѣдующій затѣмъ стихъ измѣненъ.

На 75-й стр. пропущенъ стихъ:

И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ.

На стр. 79-й выброшено 37 стиховъ изъ монолога Чацкаго, начиная со стиха: „Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы?..“ на 111-й стр. возстановлена форма „къ парикмахеру“, въ нарушеніе стопосложенія.

На стр. 188-й, въ стихѣ: „Все знаетъ...“, пропущено окончаніе:

Мы его на черный день пасемъ...

На 216-й и 217-й стр. измѣнена редакція стиха:

И прежній другъ, и женскій стыдъ

Слово „страхъ“ пропущено; а стихи:

Ахъ! какъ игру судьбы постичь?
Людей съ душой?—Гонительница бичъ!

отъ постановки знаковъ препинанія утратился смыслъ.

Отъ вышеприведенныхъ пропусковъ, не оправдываемыхъ ничѣмъ, комедія потеряла многое: изданіе продавалось туго, предлагалось въ Москвѣ и Петербургѣ даже на улицахъ за дешевую цѣну. Его можно повсюду найти и теперь за 15 и даже 10 коп. Но неуспѣху его еще болѣе содѣйствовало появившееся въ продажѣ чрезъ двѣ недѣли, разрѣшенное тѣмъ же цензоромъ А. Фрейгангомъ (1-го февраля 1854 г.), изданіе А. Черноглазова подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

VI. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Съ портретомъ и факсимиле автора и біографіею его, написанною Ѳ. Булгари-

нымъ. Спб. Въ типографіи Императорской Академіи Наукъ. 1854. Стр. XLVI и 154.

Портретъ тотъ же самый, что при изд. 1839 г. На первой заглавной страницѣ слѣдующее факсимиле автора:

Горе мое поручаю Булгарину
вѣрный другъ
Грибоѣдовъ.
5-го іюня 1828.

Изданіе въ 12-ю долю листа, на плотной, полубѣлой бумагѣ, напечатано отчетливо и даже красиво съ изданія 1839 г., съ соблюденіемъ расположенія стиховъ по строкамъ точно также, какъ и во 2-мъ (1839 г.) компактномъ изданіи, но съ тѣми пропусками, какіе сдѣланы въ изданіи Терскова.[1]) Опечатокъ почти нѣтъ. Въ продажу изданіе это было пущено дешево и убило бы оба третьи: московское и петербургское изданія, если бы на другой же день, по его выходѣ, не появилось въ продажѣ, разрѣшенное 2-го февраля 1854 г. тѣмъ же цензоромъ Фрейгангомъ, новое изданіе комедіи подъ заглавіемъ:

VII. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Изданіе Александра Смирдина. Спб. Въ тип. Имп. Акад. Наукъ. 1854. стр. 162, in 12°.

Къ этому изданію былъ впервые приложенъ въ бо̀льшихъ размѣрахъ портретъ Грибоѣдова, гравированный на мѣди Н. Уткинымъ. Издана комедія отчетливо и опрятно, напечатана четкимъ шрифтомъ съ изданія 1839 года. Опечатокъ мало, и тѣ очень незначительны. Но пропуски тѣже, что и во всѣхъ предъидущихъ. Продажная цѣна назначена была 60 коп. Оно вытѣснило изъ продажи изданія Терскова и Черноглазова. О пропущенныхъ стихахъ мы скажемъ при обзорѣ изданія подъ № XII.

Черноглазовъ, не смотря на конкуренцію и еще не распроданныя три изданія, чрезъ 10 дней по выходѣ предъидущаго, именно 12-го февраля 1854 г., выпустилъ новое, компактное изданіе комедіи, по нумераціи страницъ въ 32-ю, а по размѣру листа и числу квадратовъ въ строкѣ—въ 24-ю долю, въ обложкѣ, на которой была перепечатана виньетка и картина, появившіяся въ началѣ на изданіи Терскова, но безъ означенія цѣны. Изданіе это вышло подъ слѣдующимъ заглавнымъ листомъ:

VIII. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. А. С. Грибоѣдова. Сбп. Въ типографіи Штаба-

[1]) Цензура сдѣлала эти исключенія во всѣхъ изданіяхъ 1854 г. Г.

Военно-Учебныхъ Заведеній. 1854 г. XVI и 205. Комедіи предпослана небольшая статья „О жизни и сочиненіяхъ А. С. Грибоѣдова“ (Отрывки изъ воспоминаній).

Въ немъ оказались пропуски и недосмотры. При всемъ нашемъ стараніи, не могли мы добиться свѣдѣній о количествѣ печатныхъ экземпляровъ каждаго изъ предъидущихъ изданій; но полагаемъ, что число ихъ было велико. Послѣднее черноглазовское изданіе раскупалось быстрѣе другихъ; во-первыхъ, оно было дешево, во-вторыхъ, при немъ приложенъ хорошій портретъ, а къ концу книги, на особомъ листочкѣ, факсимиле автора.

Не дремала въ тоже время и московская книгопродавческая промышленность. Въ тѣ самые дни, когда Терсковъ выпускалъ въ С.-Петербургѣ свое третье изданіе комедіи, въ Москвѣ, въ январѣ и февралѣ 1854 г., приготовлялась на Софійкѣ, въ типографіи Александра Семена слѣдующаго заглавія книженка:

IX. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Соч. А. С. Грибоѣдова. Изданіе третье. Москва. 1854. Въ 8-ю д. л., 161 стр. (Цензоръ М. Похвисневъ. Дозволено 28-го февраля 1854 г.) На оборотѣ заглавнаго листа замѣтка: „печатано съ изданія 1833 г.“. Къ книжкѣ приложенъ весьма грубой работы портретъ автора, копированный съ изданія 1839 г., въ такой же 8-ми угольной рамкѣ, окруженной синею виньеткою, изображающею что-то похожее на рѣзьбу въ русскомъ вкусѣ. Подъ портретомъ копированное неудачно факсимиле: „Грибоѣдовъ“. На задней обложкѣ выставлена цѣна „1 р. 50 коп.“.

При сличеніи этого изданія съ оригиналомъ (1833 г.), въ немъ оказались тѣже пропуски, какъ и въ 3-мъ петербургскомъ изданіи Терскова, исключая одного стиха, на стр. 139-й:

Все знаетъ: мы его на черный день пасемъ...

напечатаннаго въ этой редакціи, вѣроятно, по недосмотру. Въ типографскомъ отношеніи изданіе ниже всякой посредственности, и представляетъ образецъ самаго грубаго и безцеремоннаго отношенія невѣжественной спекуляціи къ литературѣ. Кромѣ грубыхъ опечатокъ, встрѣчающихся на каждой страницѣ, есть невѣжественное искаженіе стиховъ.

При множествѣ ошибокъ не приложена къ изданію таблица опечатокъ. Словомъ: это—одно изъ самыхъ безсовѣстныхъ лубочныхъ изданій, которыя когда-либо доводилось намъ встрѣчать.

Указывая на это изданіе въ „Библіографич. Зап.“, П. Е. цитируетъ № 6 „Отеч. Зап.“ 1854 г. и прибавляетъ: „указано 3-е изданіе, въ

24-ю д. л., 227 стр., безъ означенія мѣста напечатанія“. Почтенный библіографъ впалъ въ очевидную ошибку. „Отеч. Зап.“ указывали прямо на 3-е московское изданіе, имѣющее 161 страницу, а 227 стр. имѣетъ петербургское изданіе Терскова. Притомъ же мѣсто печатанія означено на обоихъ изданіяхъ.

Чрезъ 12 дней, по выходѣ предъидущаго изданія, московская спекуляція выпустила новую книженку подъ заглавіемъ:

X. „Горе отъ Ума“. Комедія и т. д. Изданіе четвертое. Москва. Въ тип. Александра Семена, на Софійской улицѣ, 1854 г. (Ценз. М. Похвисневъ. Дозвол. 11-го марта 1854 г.), in 16°, 223. Печатано съ изданія 1854 г. безъ перемѣнъ. Къ изданію приложенъ очень грубо скопированный съ изд. 1839 г. портретъ автора. Печать избитая. Опечатокъ весьма много въ началѣ и почти нѣтъ во всемъ IV дѣйствіи. Много стиховъ искаженныхъ. 2-е л. ед. ч. по большой части оканчивается на шъ (знаешъ). На стр. 26-й, вмѣсто стиха:

Гдѣ чудеса, тамъ мало складу,

напечатано:

Въ немъ мало складу.

На стр. 27-й, вмѣсто: „что дѣло, что ни дѣло“, напечатано: „что дѣло, что не сѣло“.

На 30-й стр. пропущены стихи:

И весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фрунтѣ, о рядахъ.

Кромѣ того, пропущены стихи на 46-й:

Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ,

а на 47-й:

Лицо святѣйшей богомолки.

На 95-й стр. монологъ Лизы:

Вы знаете, что я нельщусь,

не отдѣленъ отъ Молчалина и отнесенъ къ послѣднему. Вообще, изданіе плохое, поспѣшное и небрежное во всѣхъ отношеніяхъ.

21-го іюня 1854 г. было разрѣшено къ печати цензоромъ М. Похвисневымъ въ Москвѣ:

XI. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоѣдова. Москва. Въ Университетской типографіи. 1854, in 8°, стр. 81. Выпущено было это изданіе вмѣстѣ съ 3-ю частью романа гр. Дашъ „Валентина“, въ VII выпускѣ X. т. „Библіотеки романовъ, повѣстей, путешествій и записокъ“, издаваемыхъ Н. Н. Улитинымъ. Изданіе вышло съ тѣми-же пропусками и ошибками, какъ всѣ московскія, 1854 г. Но, кромѣ

пропусковъ, при сличеніи съ изданіями 1833—1839 годовъ и другими современными, нашли мы варьянты и новую постановку знаковъ препинанія, дающую тексту иной смыслъ. Объ этомъ изданіи можно замѣтить, что надъ нимъ работало много рукъ и умовъ: цензоръ выраженіе „за святцами зѣвать“, вѣроятно, находилъ антирелигіознымъ, если только оно было представлено въ рукописи; редакторъ считалъ болѣе возможною свою постановку знаковъ препинанія, а издателю почему-то понадобилась даже передѣлка смысла нѣкоторыхъ стиховъ. Все это представило литературную помѣсь комедіи въ ущербъ существу ея идеи. Любопытствующіе найдутъ это изданіе въ Императорской Публичной Библіотекѣ, въ XVIII залѣ, подъ №№ 266—4—50.

Чрезъ мѣсяцъ, по выходѣ изданія Улитина, именно 7-го августа того же 1854 года было разрѣшено цензоромъ Бекетовымъ къ выпуску новое изданіе комедіи, подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

XII. Полное собраніе сочиненій Русскихъ авторовъ: сочиненія Грибоѣдова и Крюковскаго. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Изданіе Александра Смирдина. С.-Петербургъ, 1854. Въ тип. Якова Трея. in 12°—298 и 123 стр. Книга начинается „Горемъ отъ Ума“ на 140 страницахъ; остальныя 141—300 стр. для другихъ сочиненій Грибоѣдова, и 1—125 для соч. Крюковскаго.

Изданіе это заключаетъ дословную перепечатку описаннаго у насъ подъ № VII. Въ обоихъ ихъ выпущены, противъ печатныхъ изданій 1833 и 1839 годовъ, слѣдующіе стихи, впрочемъ, не только эти, но всѣ, какія опущены и вовсѣхъ изданіяхъ 1854 года.

На страницахъ:

24 и 22. И весело мнѣ страхъ
Выслушивать о фронтѣ и рядахъ.
34 и 37. Вѣдь нынче любять безсловесныхъ
42 и 36. По крайней мѣрѣ искони

Нѣтъ конца монологовъ: Фамусова со словъ:

43 и 37. Мы, напримѣръ, или покойникъ дядя,

и Чацкаго:

Прямой былъ вѣкъ покорности и т. д.

52 и 44. Бываетъ, моего счастливѣе везетъ
54 и 46. И о правительствѣ иной разъ такъ толкуютъ,
55 и 47. Прямые канцлеры въ отставкѣ по уму.
57 и 48. Со словъ: «Гдѣ, укажите намъ, отечества отцы».
115 и 94. Какъ? къ фармазонамъ въ клубъ?
136 и 118. Мы его на черный день насемъ.

Затѣмъ, повторяется много неправильно сформированныхъ и передѣланныхъ стиховъ.

Въ слѣдующемъ 1855 году появилось въ продажѣ новое изданіе комедіи подъ заглавіемъ:

XIII. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоѣдова. Изданіе четвертое. Москва. 1855. in 16°, стр. 224. Въ типографіи Смирновой. Оно ничѣмъ не отличалось отъ всѣхъ московскихъ изданій и не представляло никакихъ особенностей.

Но, видно, потребность въ комедіи „Горе отъ Ума“ была велика и запросъ значителенъ, что московское книжныхъ дѣлъ мастерство и мелкая книжная торговля на перебой пустились вновь издавать пьесу самымъ безцеремоннымъ образомъ. И вотъ, въ 1856 г., въ Москвѣ появилось вдругъ два пятыхъ изданія, печатавшихся въ двухъ разныхъ типографіяхъ:

XIV. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Сочиненіе А. С. Грибоѣдова. Изданіе пятое. Москва. 1857 г., in 16, 224 стр. Типографія Ал—ра Семена, на Софійской улицѣ. (Цензоръ И. Безсомыкинъ. 29-го сентября 1856 г.) Цѣна 1 р. 50 к. с.

и XV. „Горе отъ Ума“. Комедія А. С. Грибоѣдова, въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. Изданіе пятое. Москва. Въ типографіи Н. Эрнста, in 24°, стр. 224. На оборотѣ заглавнаго листа значится: „Печатано съ изданія 1854 г. безъ перемѣнъ“. Разрѣшено въ январѣ 1857 г. цензоромъ Гиляровымъ-Платоновымъ.

Оба изданія ниже всякой критики; издатели ихъ укрылись за типографскою фирмою. При всемъ нашемъ стараніи, мы не могли получить вѣрныхъ свѣдѣній у самыхъ записныхъ московскихъ букинистовъ о томъ, кто былъ издателемъ этихъ спекулятивныхъ искаженій „Горя отъ Ума“. Но, по сличенію изданія подъ № XV съ указанными выше изданіями подъ №№ X и XIV, приходимъ къ слѣдующему, очень грустному, выводу о состояніи нашего книгопечатнаго дѣла и объ отношеніи къ нему читающей публики. По формату, шрифту, числу страницъ и тождественности текста можно допустить, что на разсмотрѣніе цензуры былъ представленъ одинъ изъ печатныхъ экземпляровъ 1854 г., на которомъ и была сдѣлана разрѣшительная помѣта. Затѣмъ, перепечатаны лишь одни заглавные листы на подходящей бумагѣ подходящими къ тексту шрифтами, и затѣмъ залежавшіяся изданія были обернуты въ новую обложку и съ беззастѣнчивостію пущены на книжные прилавки.

Но въ то самое время, когда торговая эксплоатація „Горя отъ

Ума“ доходила до послѣднихъ предѣловъ невѣжества, за разработку матеріаловъ для біографіи Грибоѣдова принялся, въ С.-Петербургѣ, г. Серчевскій, а сынъ Александра Филиповича Смирдина, умершаго въ 1857 году, Александръ Александровичъ (нынѣ также покойный) обратилъ болѣе серьезное вниманіе на самый текстъ комедіи. Онъ добился разрѣшенія пополнить текстъ комедіи включеніемъ тѣхъ стиховъ, кои находились въ рукописи театральной дирекціи. Благодаря предпріимчивости новой фирмы, русская публика дождалась лучшаго, сравнительно со всѣми предшествовавшими, изданія комедіи подъ заглавіемъ:

XVI. „Горе отъ Ума“. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ. А. С. Грибоѣдова. Изданіе придворнаго книгопродавца А. Смирдина (сына) и К°, напечатанное съ Высочайшаго соизволенія, по рукописи, употребляемой при представленіи этой комедіи на императорскихъ театрахъ. С.-Петербургъ, въ тип. Имп. Ак. Наукъ, 1857 г., in 16°, min. стр. 156. Цензоръ В. Бекетовъ. Дозволено цензурою 12-го апрѣля 1857 года.

Изданіе это несравненно лучше всѣхъ предъидущихъ во всѣхъ отношеніяхъ, читается легко и представляетъ самое ничтожное количество опечатокъ. Въ немъ возстановлены всѣ, помѣщенные въ изд. 1833 г. и пропущенные во всѣхъ, слѣдовавшихъ за нимъ, изданіяхъ, стихи. Но при этомъ сдѣланы многія измѣненія въ текстѣ. Правописаніе заглавныхъ буквъ и знаковъ иное, чѣмъ во всѣхъ предшествовавшихъ. Противъ другихъ сдѣланы слѣдующія варіанты:

На сраницахъ:

17. Но робокъ... знаете, кто и пр., вм. знать
23. Не отъ болѣзни, чай—отъ скуки—по вольнѣе (вмѣсто—повѣрнѣе)
31. Вѣдь онъ одинъ изъ безсловесныхъ, вмѣсто стиха:
Вѣдь нынче любятъ безсловесныхъ.
49. Какъ станешь представлять къ крестишку-ли, вм. къ крестишку иль
67. Откуда скромность почерпнуть? вмѣсто скрытность.
71. Къ началу стиха: Ужъ развѣ по умнѣлъ?...
прибавленъ конецъ: А тотъ...
74. Чтобъ сердца каждое біенье — впервые употреблено согласованіе правильно.

На стр. 121-й, въ послѣднемъ монологѣ Чацкаго, употребленъ новый варіантъ стиха:

Кто недругъ глупыхъ лицъ, всѣхъ вычуръ, словъ кудрявыхъ,

вмѣсто Грибоѣдовскаго:

Кто недругъ выписныхъ лицъ, вычуръ, словъ кудрявыхъ.

На стр. 123-й, въ IV дѣйствіи, впервые означена декорація сѣней

въ домѣ Фамусова и напечатано заглавіе дѣйствія: Разъѣздъ послѣ бала.

Издатели умолчали, съ какой именно театральной рукописи печатанъ новый текстъ; но видно, что рукопись много потерпѣла отъ сторонняго вліянія и во многомъ не сходится съ рукописью автора. Появляются и новые стихи, напр., на стр. 40-й:

По крайней мѣрѣ искони
Отцемъ не даромъ называли.

На стр. 41-й и 42-й дополнены монологи Фамусова и Чацкаго.

На стр. 51-й вставленъ новый стихъ:

Бываетъ, моего счастливѣе везетъ.

Но и въ дополнительныхъ стихахъ Фамусова и Чацкаго все-таки есть пропуски и передѣлки.

И. Д. Гарусовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

„Горе отъ ума“ въ Тифлисѣ.

1832.

Въ № 3 «Тифлисскихъ Вѣдомостей» 1832 года (на стр. 69—72) было напечатано нижеслѣдующее письмо, касающееся комедіи А. С. Грибоѣдова. Перепечатывая его тѣмъ охотнѣе, что упомянутыя «Вѣдомости» нынѣ составляютъ библіографическую рѣдкость, редакція «Русской Старины» долгомъ считаетъ выразить свою признательность Г. Н. Геннади за указаніе на эту курьезную статью. **Ред.**

Письмо къ издателю „Тифлисскихъ Вѣдомостей“.

«Читая вашу газету, давно я собирался, милостивый государь, попенять вамъ, что вы мало сообщаете публикѣ извѣстій о нашемъ тифлисскомъ житьѣ-бытьѣ; по всей вѣроятности, наши соотечественники, живущіе въ благословенной Россіи, любопытствуютъ знать, какъ мы здѣсь проводимъ время, съ кѣмъ его раздѣляемъ; что за народы составляютъ публику тифлисскую; какіе здѣсь нравы, обычаи и проч., и проч. Долговременное пребываніе мое за Кавказомъ, лѣта и опытность доставили мнѣ много свѣдѣній о сихъ предметахъ: если угодно, я буду сообщать ихъ публикѣ чрезъ посредство вашихъ литературныхъ листовъ. Можетъ быть разсказы старика понравятся читателямъ. На первый разъ сообщаю вамъ извѣстіе о спектаклѣ, бывшемъ въ домѣ князя Р. И. Багратіона, роднаго брата безсмертнаго русскаго вождя. Тифлисская молодежь играла комедію незабвеннаго А. С. Грибоѣдова—«Горе отъ Ума».

Еще за долго до представленія комедіи, толковали въ тифлисскихъ гостиныхъ о невозможности сыграть эту пьесу, о неудобности оной для домашняго спектакля, и многое, многое выливалось изъ устъ любителей сплетней; но, несмотря на всѣ сіи толки, 21-го января, въ присутствіи г. главнокомандующаго Грузіею, супруги его высокопревосходительства и всего тифлисскаго beau monde, комедія «Горе отъ Ума» была представлена и исполненіе превзошло ожиданіе зрителей. Всѣ сожалѣли только о томъ, что начало и конецъ комедіи не были представлены: она началась появленіемъ Чацкаго и кончилась послѣдними словами Репетилова: «Вези куда-нибудь».

Не разбирая въ подробности игры каждаго лица, я скажу, что вообще пьеса шла какъ лучше быть нельзя. Фамусовъ и Репетиловъ почти достигли совершенства, прочія лица также всѣ поняли свои роли и выполнили ихъ съ

успѣхомъ. Только одинъ Чацкій не вездѣ выдержалъ свою роль—въ изъясненіяхъ любовныхъ онъ слишкомъ былъ холоденъ. Большая часть ролей была играна закавказскими уроженцами; роля (sic) Натальи Дмитріевны прекрасно была сыграна прелестною грузинскою княжною. Слова Чацкаго, сказанныя ей: «Похорошѣли страхъ», невольно исторгли у зрителей громкія рукоплесканія.....[1]).

Вотъ вамъ, на первый случай, нѣсколько словъ о забавахъ тифлисскихъ. Можетъ быть сей разсказъ не для всѣхъ покажется занимательнымъ, и дабы вознаградить читателей за чтеніе сихъ строкъ, помѣщаю здѣсь поправки, сдѣланныя А. С. Грибоѣдовымъ въ безсмертной его комедіи. Поправки сіи, кажется, до сихъ поръ не были извѣстны публикѣ и онѣ сообщены мнѣ однимъ знакомымъ, получившимъ ихъ отъ его превосходительства П. Д. Завилейскаго пользовавшагося дружбою покойнаго автора. Вотъ онѣ: [2])

ДѢЙСТВІЕ II.

ЯВЛЕНІЕ I (стр. 59).

Фамусовъ.

То бережешься, то обѣдъ;

Поправка:

«То постничаешь, то обѣдъ»;

ЯВЛЕНІЕ II (стр. 63).

Фамусовъ.

Тогда не то, что нынѣ
При государынѣ служилъ Екатеринѣ.
«Лѣтъ за сорокъ назадъ все было, братъ, чинъ чиномъ
«Тогда не всякій могъ быть знатнымъ господиномъ;
«Но всякій важностью особенной надутъ»,
Раскланяйся—тупеемъ не кивнутъ!

Чацкій (стр. 64).

Иной глядя на тотъ скачокъ

Поправка:

«Иной глядя на счастливый скачокъ».

ЯВЛЕНІЕ V (стр. 71).

Скалозубъ.

За третье августа: засѣли мы въ траншею;
Ему данъ съ бантомъ, мнѣ—на шею!

---

[1]) Описаніе бала, бывшаго послѣ спектакля, ни мало не любопытное. Ред.

[2]) Ссылки на страницы сдѣланы нами по послѣднему изданію Н. В. Гербеля, С.-Петербургъ, 1873 г., въ малую восьмушку, 148 стр. Поправки мы помѣщаемъ въ ковычкахъ. Ред.

Фамусовъ.

Любезный человѣкъ! И посмотрѣть такъ хватъ!
Прекрасный человѣкъ двоюродный вашъ братъ!

Поправка:

Скалозубъ.

«За третье августа: теперь я не съумѣю
«Сказать вамъ именно за что
«Ему данъ съ бантомъ, мнѣ — на шею!

Фамусовъ.

«Скромны... и братецъ вашъ, люблю его за то!»

Скалозубъ (стр. 72).

У насъ въ пятнадцатой дивизіи, не далѣ [1])

Поправка:

«У насъ въ дивизіи не далѣ»

Фамусовъ (стр. 75).

Его величество король былъ прусскій здѣсь:

Поправка:

«Его высочество, какой-то принцъ былъ здѣсь».

ЯВЛЕНІЕ IX (стр. 84—85).

Софья.

Однако о себѣ скажу,
Что не труслива: такъ бываетъ,
Карета свалится; поднимутъ — я опять
Готова съизнова скакать;
Но все малѣйшее въ другихъ меня пугаетъ!

«Не трушу за себя: карета-ли зацѣпитъ —
«Подымутъ — и опять
«Готова съизнова скакать;
«Но за другихъ — ребячій страхъ и трепетъ!»

ДѢЙСТВІЕ III.

ЯВЛЕНІЕ I (стр. 93).

Софья.

А надъ собой гроза куда не безполезна.

---

1) «А строгость къ самому себѣ не безполезна».
2) «Поправка вамъ не безполезна».
3) «И надъ собой гроза была бы намъ полезна».

---

[1]) И въ многочисленныхъ спискахъ, и въ разныхъ изданіяхъ нумера дивизій варьируются отъ 12-ти до 18-ти. Г. Г.

ЯВЛЕНІЕ V (стр. 107).

Наталья Дмитріевна.

Конечно, былъ бы онъ московскимъ комендантомъ.

---

1) «Конечно, гдѣ-нибудь онъ былъ бы комендантомъ».
2) «Конечно, былъ бы онъ давно ужъ комендантомъ».

ЯВЛЕНІЕ XIX (стр. 127).

Графиня-бабушка.

Какъ? Чацкаго кто свёлъ въ тюрьму?

Поправка:

«Кто Чацкаго отсюда проводилъ въ тюрьму?» [1])

ЯВЛЕНІЕ XXI (стр. 130).

Фамусовъ.

Хоть предъ монаршімъ лицомъ

Поправка:

«Хоть предъ извѣстнѣйшимъ лицомъ».

Хлестова (стр. 132).

По-христіански, такъ онъ жалости достоинъ!

Поправка:

«По человѣчеству онъ жалости достоинъ!»

ЯВЛЕНІЕ XXII (стр. 137).

Чацкій.

Во всѣхъ княжонъ вселять участье

Поправка:

«Во всякомъ возбуждать участье».

Всѣ сіи поправки писаны собственною рукою автора и найдены въ его бумагахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы Грибоѣдовъ былъ въ живыхъ, то, конечно, много бы сдѣлалъ таковыхъ поправокъ и выбросилъ бы изъ своей комедіи всѣ грубыя и непристойныя шутки. Пустынникъ Горетубанскій.

26-гоянваря 1832 г.

«P. S. Я, было, забылъ сказать, что комедія «Горе отъ Ума» была играна въ 1827 г., въ присутствіи автора, въ крѣпости Эривани, въ одной изъ комнатъ

---

[1]) Не выходитъ стиха; явная описка или опечатка. Могло быть:

«Отсюда Чацкаго кто проводилъ въ тюрьму?» **Г. Г.**

дворца сардарскаго. Думалъ-ли Грибоѣдовъ, писавши комедію, что первое представленіе ея онъ увидитъ въ жилищѣ персидскаго сатрапа».[1])

Сообщ. **Г. Н. Геннади.**

Примѣчаніе. По поводу этихъ поправокъ, мы, съ своей стороны, не можемъ не обратить вниманія читателей на то обстоятельство, что почти всѣ измѣненія сдѣланы Грибоѣдовымъ (если только они дѣйствительно принадлежатъ ему самому) видимо въ угоду тогдашней цензуры — литературной и театральной. Опасаясь придирокъ или неосновательныхъ подозрѣній въ умышленномъ оскорбленіи личностей, самъ Грибоѣдовъ взялъ на себя обязанность строгаго, придирчиваго цензора и въ разсказѣ Скалозуба перемѣнилъ названіе дивизіи; прусскаго короля замѣнилъ «какимъ-то» принцемъ; въ разговорѣ Натальи Дмитріевны съ Чацкимъ не рѣшился упомянуть именно о «московскомъ» комендантѣ; даже исключилъ слово «княжны» въ монологѣ Чацкаго въ концѣ III дѣйствія. Любопытно знать, руководствовался-ли Грибоѣдовъ, при этихъ поправкахъ, собственными соображеніями, или послѣдовалъ указаніямъ посторонняго лица? Наивная замѣтка автора «Письма изъ Тифлиса» о грубыхъ и неприличныхъ шуткахъ въ комедіи,— отголосокъ мнѣнія невѣжественнаго большинства современнаго Грибоѣдову чиновнаго люда.

Ред.

---

[1]) Вотъ, слѣдовательно, гдѣ впервые была играна комедія Грибоѣдова до представленія ея на петербургской сценѣ — 26-го января 1831 года. **Г. Г.**

acad. 17

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

Дѣятельность его какъ дипломата

1827—1829 [1]).

Въ двухъ послѣднихъ книгахъ XI-го тома «Русской Старины» напечатана первая часть довольно обширной переписки, характеризующей дипломатическую дѣятельность Александра Сергѣевича Грибоѣдова. Съ тѣхъ поръ прошло почти два года. Нынѣ, возобновляя печатаніе этихъ любопытныхъ документовъ и представляя послѣднюю ихъ серію, мы считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ, что они относятся къ 1827—1829 гг. и, имѣя главною цѣлью восполнить одинъ изъ самыхъ видныхъ пробѣловъ въ біографіи знаменитаго писателя, въ тоже время даютъ вѣрное понятіе о политическомъ состояніи Персіи послѣ заключенія Туркменчайскаго трактата, а также объ отношеніяхъ, въ какія наше правительство было поставлено къ тегеранскому кабинету вслѣдствіе событія, котораго жертвою сдѣлался Александръ Сергѣевичъ со всею почти нашею миссіею. Ред.

А. С. Грибоѣдовъ—гр. Паскевичу.

11-го ноября 1828 г.—Тавризъ.

Я имѣлъ честь извѣстить в. с. объ отправленіи персидскимъ правительствомъ 30 т. тумановъ въ счетъ 8-го курура. Между тѣмъ, ген.-м. Панкратьевъ увѣдомилъ меня, что, по случаю выступленія его изъ Хоя, в. с. угодно учредить, для пріема слѣдующихъ намъ отъ персидскаго правительства денегъ, комитетъ въ Аббас-абадѣ, подъ предсѣдательствомъ ген.-м. Мерлини. Вслѣдствіе чего я уже вступилъ въ надлежащее сношеніе съ здѣшнимъ правительствомъ, дабы оно отправляло слѣдующія намъ деньги не въ Хой, а въ Аббас-абадъ,

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. XI, стр. 516—534 и 746—765.

и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отнесся къ ген.-м. Мерлини, дабы онъ, до учрежденія комитета, отправляемыя персіянами суммы принималъ къ себѣ подъ сохраненіе въ Аббас-абадѣ, гдѣ находились бы онѣ на отвѣтственности коменданта и персидскаго сдатчика до окончательнаго принятія оныхъ новоучрежденнымъ комитетомъ. Но дабы замедленіе съ нашей стороны въ пріемѣ отправляемыхъ персіянами суммъ не могло послужить имъ предлогомъ къ просрочкѣ слѣдующей намъ уплаты, я почелъ нужнымъ обратиться къ в. с. съ убѣдительнѣйшею просьбою, дабы вы изволили предписать, чтобы упомянутый комитетъ въ Аббас-абадѣ былъ учрежденъ въ наискорѣйшемъ времени и немедленно приступилъ къ отправленію ввѣреннаго ему порученія.

12-го ноября 1828 г.—Тавризъ.

По выступленіи нашихъ войскъ изъ Тавриза, надв. сов. Амбургеръ, по лестному выбору в. с., былъ здѣсь оставленъ въ качествѣ коммисара, впредь до учрежденія здѣсь постоянной миссіи, и въ исправленіи ввѣренныхъ ему дѣлъ неоднократно удостоился одобренія вашего. По болѣзненному своему состоянію, онъ лично просилъ в. с., чтобы ему дозволено было, по прибытіи сюда повѣреннаго въ дѣлахъ или министра, отправиться обратно въ Россію для излеченія, и удостоенъ былъ вашимъ на это согласіемъ; но вскорѣ потомъ министерство иностранныхъ дѣлъ нашло полезнымъ учредить вмѣстѣ съ постоянною миссіею и генеральнаго консула, въ которомъ качествѣ былъ назначенъ надв. сов. Амбургеръ. По прибытіи моемъ сюда, онъ вновь повторилъ просьбу свою объ отпускѣ его въ Россію; хотя причины его были весьма уважительны, ибо, кромѣ видимой слабости здоровья, онъ въ теченіи 10-ти лѣтъ почти безпрерывно находился на службѣ въ Персіи, исключая кратчайшій промежутокъ, когда онъ отбылъ въ С.-Петербургъ вслѣдъ за кн. Меншиковымъ, и вскорѣ опять воротился на службу съ д. с. с. Обрѣсковымъ. Я однако не могъ согласиться на его просьбу, находя его пребываніе здѣсь необходимымъ, особенно въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и онъ рѣшился дождаться болѣе благопріятнаго времени. Вмѣстѣ съ симъ я, однако, долженъ замѣтить, что его жалованье весьма недостаточно по здѣшнимъ издержкамъ и притомъ ему ничего не дано на обзаведеніе. В. с. извѣстно, какъ всякое сношеніе съ персіянами завлекаетъ въ непредвидимые и неизбѣжные расходы, и потому я почелъ долгомъ обратиться съ ходатайствомъ къ вашему благосклонному посредству, чтобы Амбургеру испросить прибавку къ нынѣшнему его жалованью, по крайней мѣрѣ, 600 черв., что составитъ 1,800 р. Также единовременную сумму, хотя въ видѣ награды, чтобы онъ могъ

на первый случай устроить свое хозяйство и нѣсколько уравнить приходы свои съ расходами, которые бо́льшею частью опредѣляются не частными прихотями, а надобностями, тѣсно сопряженными съ его званіемъ.

Я увѣренъ, что предстательство ваше, какъ государственнаго человѣка, облеченнаго особеннымъ довѣріемъ Е. И. В., и какъ разборчиваго начальника, имѣвшаго случай оцѣнить по достоинству способности и усердіе Амбургера, непремѣнно будетъ уважено министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, что и побудило меня утрудить в. с. моимъ представленіемъ въ его пользу, преимущественно предъ вице-канцлеромъ, въ глазахъ котораго, конечно, мое мнѣніе не можетъ имѣть равнаго вѣса съ отношеніемъ къ нему в. с—тва.

Гр. Паскевичъ—гр. Нессельроде.

23-го ноября 1828 г.

„В. с-ву, конечно, уже извѣстно, что полномочный нашъ министръ при персидскомъ дворѣ, ст. сов. Грибоѣдовъ, передъ отъѣздомъ своимъ въ Персію, женился на дочери ген.-м. кн. Чавчавадзе, одного изъ значительнѣйшихъ помѣщиковъ грузинскихъ, не испросивъ на сіе разрѣшенія.

„Вслѣдствіе чего обязанностью поставляю увѣдомить в. с., что женитьба Грибоѣдова совершилась нѣкоторымъ образомъ неожиданно и по соединившимся разнымъ обстоятельствамъ, въ особенности-же по поспѣшности, съ которою ему должно было выполнить высочайшую Е. И. В. волю, дабы скорѣе прибыть въ Персію, не могла быть отложена на дальнѣйшее время; почему, по убѣдительной о семъ ст. сов. Грибоѣдова просьбѣ, я принялъ на себя дать ему разрѣшеніе совершить сей бракъ.

„Почему, прося покорнѣйше васъ, м. г., буде вы изволите признать нужнымъ, довести о семъ до высочайшаго свѣдѣнія Е. И. В., съ отличнымъ почтеніемъ и пр.“

На это отношеніе послѣдовалъ слѣдующій отвѣтъ:

„Государь Императоръ, во вниманіе къ причинамъ, описаннымъ въ отношеніи в. с. отъ 23-го ноября, соизволилъ признать совершенно правильнымъ данное вами разрѣшеніе ст. сов. Грибоѣдову вступить въ бракъ съ княжною Чавчавадзе. О семъ увѣдомляя и пр.

Грибоѣдовъ—гр. Паскевичу.

26-го ноября 1828 г.—Тавризъ.

Изъ бумагъ в. с., полученныхъ мною съ послѣднимъ изъ Тифлиса прибывшимъ курьеромъ, я замѣтилъ, что многія мои депеши, давно уже мною отправленныя, до сихъ поръ не получены в. с. Сіе замедленіе я могу только приписать остановкамъ въ карантинахъ, и потому прошу в. с. приказать, чтобы, задерживая моихъ курьеровъ положенное число дней, бумаги отъ нихъ тотчасъ были отбираемы и окурены, для немедленнаго препровожденія къ в. с-тву.

Грибоѣдовъ—гр. Паскевичу.

29-го ноября 1828 г.—Тавризъ.

На почтеннѣйшее отношеніе в. с. отъ 16-го октября, № 420, объ истребованіи отъ персидскаго правительства русскихъ бѣглецовъ, составляющихъ такъ называемый здѣсь русскій баталіонъ, имѣю честь отвѣтствовать, что я, на основаніи словъ трактата, неоднократно повторялъ о томъ требованіе персидскому правительству, но до сихъ поръ оно отъ сего уклонялось по извѣстной своей медлительности въ подобныхъ дѣлахъ и всегдашнему желанію отклоняться отъ всякаго справедливаго нашего требованія, ссылаясь при томъ на статью XIV, въ которой сказано, что ни одна изъ высокихъ договаривающихся сторонъ не будетъ требовать выдачи переметчиковъ и дезертировъ, перешедшихъ въ подданство другой до начатія послѣдней войны или во время оной, а о выдачѣ перебѣжавшихъ послѣ войны умолчено.

Что же касается до такъ называемаго маіора Самсона[1]), то я имѣю уже извѣстіе, что онъ будетъ наконецъ немедленно высланъ за Кизыл-Озень, по неоднократному и настоятельному моему о томъ требованію.

Грибоѣдовъ—гр. Нессельроде.

30-го ноября 1828 г.—Тавризъ.

(Переводъ съ французскаго). Съ тѣхъ поръ, какъ я имѣлъ честь сообщить вамъ мое послѣднее донесеніе, здѣсь не произошло ничего новаго, кромѣ того, что паша Сулейманіэ и Керкука Махмудъ пріѣзжалъ просить помощи у Аббас-мирзы противъ берандузскаго и другихъ племенъ, отказавшихся ему повиноваться. Такъ какъ эти пле-

[1]) Маіоръ Самсонъ Макинцовъ, вахмистръ русской службы, перешелъ въ Персію, гдѣ и умеръ въ чинѣ генерала. См. «Русскую Старину», т. XV, стр. 770—804.

мена населяютъ горы, лежащія на границѣ Персіи и Турціи, то легко можетъ случиться, что будутъ затронуты интересы обоихъ государствъ. Въ подкрѣпленіе своей просьбы, Махмуд-паша внесъ принцу 10 т. тумановъ. Эти деньги были немедленно отправлены въ Аббас-абадъ для доставленія нашимъ чиновникамъ. Аббас-мирза доставилъ Махмуд-пашѣ все, что онъ въ поспѣшности могъ собрать: два баталіона пѣхоты, нѣсколько конницы и двѣ пушки; для послѣднихъ я далъ тѣхъ лошадей, на которыхъ я пріѣхалъ сюда. Войско это выступаетъ завтра, и ему приказано отнюдь не переступать турецкой границы. Между тѣмъ, весьма понравилось предложеніе паши завоевать для принца Багдадъ. Паша предлагалъ даже два курура, только бы ему дали достаточно войска для осуществленія завоевательнаго плана. Дѣло стало за недостаткомъ такого числа войска. Кто знаетъ персіянъ, тотъ не удивится такому задору, не смотря на миръ Турціи съ Персіею. Отъ заманчиваго предложенія принцъ отказался только по неимѣнію средствъ; иначе не послушался-бы онъ и англичанъ, сколько-бы они ни отговаривали его.

Сколько я замѣтилъ, вліяніе англичанъ здѣсь уже не такъ исключительно, какъ бывало прежде. На умы персіянъ сильно подѣйствовала энергія, выказанная нашимъ правительствомъ въ двухъ послѣдовательныхъ войнахъ, равно какъ и побѣды русскихъ армій. Какая нибудь угроза, или изъявленіе расположенія отъ имени Государя Императора уже не ставятся постоянно на вѣсы съ мнѣніемъ англичанъ и ихъ тремя милліонами фунтовъ стерлинговъ, которые они до сихъ поръ потратили въ Персіи, со времени посольства Малькольма. Трудно объяснить такого рода щедрость, и я не повѣрилъ бы ей, если бы самъ Макдональдъ не показалъ мнѣ секретно роспись ихъ расходамъ.

Англичане-же внушили принцу не бросаться безъ оглядки въ объятія Россіи, какъ онъ громко о томъ объявляетъ, но стараться образовать собственныя народныя силы, съ которыми онъ могъ-бы со временемъ идти противъ братьевъ, которые будутъ оспаривать у него право на престолъ. Это, положимъ, и умный совѣтъ, но онъ несообразенъ съ характеромъ Аббас-мирзы. Это человѣкъ умный, тонкій, проницательный и съ вѣрнымъ взглядомъ на людей и на вещи въ обыкновенномъ быту; но въ случаяхъ важныхъ, сильнаго нравственнаго потрясенія, онъ предпочитаетъ отдаться чужому вліянію и ждать внѣшней помощи, чѣмъ въ глубинѣ собственной души почерпать мужество. Я знаю его такимъ уже десять лѣтъ. Теперь онъ мечтаетъ только о поддержкѣ и покровительствѣ Императора. Не знаю, долго ли это продлится; можетъ быть, на столько, на сколько и наши успѣ-

хи въ Турціи. Во всемъ этомъ я крайне недовѣрчивъ, потому что слишкомъ хорошо знакомъ съ персидскою совѣстью.

Недавно, въ присутствіи всѣхъ близкихъ своихъ, онъ прочелъ мнѣ вслухъ письмо брата своего Али-мирзы, изъ Тегерана. Братъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ упрекалъ его въ отступничествѣ отъ Персіи; говорилъ, что народное нерасположеніе къ нему ростетъ, что при дворѣ шаха всѣ увѣрены, что онъ продалъ себя Россіи, и т. д., и, читая это, онъ видимо былъ чрезвычайно доволенъ, точно все это дѣлало ему величайшую честь, но такую честь, которую нельзя не признать довольно странною.

Англичане-же всѣми силами стараются отклонить его отъ путешествія въ Россію, на которое онъ сильно настаиваетъ; пожалуй, что еще окажутъ намъ этимъ невольно услугу. Но я покорнѣйше прошу в. с. сообщить мнѣ ваши приказанія на этотъ счетъ. Принцу уже не терпится съ тѣхъ поръ, какъ онъ узналъ о возвращеніи Е. В. въ Петербургъ. Онъ уже укладывается и назначилъ кому быть въ его свитѣ; я только удерживаю его покуда, представляя ему неприличіе этой поѣздки, если онъ еще не приглашенъ императорскимъ дворомъ.

Если входить въ разсужденіе о томъ, хорошо-ли, дурно-ли отзовется на насъ это путешествіе, то мнѣ кажется, что оно можетъ оказаться полезнымъ для нашихъ восточныхъ дѣлъ. Какъ наслѣдникъ персидскаго престола, Аббас-мирза въ продолженіе всего слѣдованія черезъ бо́льшую часть Россіи имѣлъ-бы случай вѣрнѣе оцѣнить размѣры ея могущества, ея величія, такъ какъ и власти Императора, одинаковой во всѣхъ концахъ имперіи, словомъ, все то, о чемъ онъ не имѣетъ вѣрнаго понятія. Персіяне, бывавшіе въ Россіи, въ разсказахъ о ней всегда умаляли ея истинное превосходство, какъ, напримѣръ, царствующій въ ней порядокъ, бдительную полицію на пространствѣ почти неизмѣримомъ, количество ея силъ и проч.; а въ нашихъ разсказахъ о Россіи принцъ всегда видитъ пристрастіе и самохвальство. Если-бы онъ вздумалъ хлопотать о скидкѣ двухъ остающихся куруровъ, то нѣтъ повода допустить ее; но можно распредѣлить уплату ихъ на другіе болѣе удобные сроки. Что же касается до долга его по очищенію Хоя, то я объявилъ ему, что онъ не выѣдетъ, покуда не заплатитъ до копѣйки 8-го курура, и теперь дѣятельно занимаются пополненіемъ всей суммы. Если-бы Аббас-мирза попросилъ Государя Императора вооруженною рукою посадить его на отцовскій престолъ, по кончинѣ его родителя, то и тогда не слѣдуетъ давать на это формальнаго обязательства. Условное обѣщаніе точно также удовлетворитъ его, какъ тотъ отвѣтъ, который в. с. помѣстили въ вашей

русской инструкціи отъ 1-го мая, которою я уже нѣсколько разъ съ успѣхомъ воспользовался: „Указывая Аббас-мирзѣ на пособіе Россіи, при будущемъ его вступленіи на престолъ, какъ на цѣль, которой онъ долженъ домогаться праводушнымъ своимъ поведеніемъ въ сношеніяхъ съ нами". — Вотъ въ чемъ состоялъ бы для него результатъ его поѣздки въ Петербургъ.

Взятіе Варны произвело здѣсь сильное впечатлѣніе. Я придалъ этому важному извѣстію приличный обстоятельствамъ блескъ. Наши подданные, бо̀льшею частію Тифлисскіе армяне, собрались въ армянской церкви, гдѣ и я присутствовалъ съ своими чиновниками при богослуженіи. Звонили въ колокола,—обычай немыслимый въ мусульманской землѣ; стрѣляли изъ пушекъ, и, кромѣ того, Аббас-мирза задалъ мнѣ великолѣпный праздникъ: обѣдъ, фейерверкъ, и т. п. Англичане отказались присутствовать, подъ предлогомъ добраго согласія ихъ правительства съ Портою, на что Фетх-Али-ханъ, передававшій приглашеніе, отвѣчалъ имъ, что принцу не приходило въ голову, что они такъ дружны съ султаномъ послѣ пораженія турецкаго флота, въ которомъ они принимали такое дѣятельное участіе.

Я, однако, прошу в. с. не заключать изъ всѣхъ сообщенныхъ здѣсь дѣйствій англичанъ, что я съ ними не лажу. Напротивъ, эту послѣднюю черту о нихъ сообщилъ мнѣ Макдональдъ, съ которымъ я очень друженъ, потому что, въ частной жизни, это такой честный и почтенный человѣкъ, какихъ я давно не встрѣчалъ. Я радуюсь, что могъ оказать ему существенную услугу, съ тѣхъ поръ, что я здѣсь, и онъ благодаритъ меня за нее при каждой встрѣчѣ. Дѣло въ томъ, что если-бъ мы очистили Хой по уплатѣ 300 т. тумановъ, какъ было условлено, то Макдональдъ никогда не добылъ бы у персіянъ тѣхъ 100 т., въ которыхъ онъ поручился за нихъ; въ такомъ случаѣ ему пришлось бы обратиться къ своему правительству, а оно дурно приняло бы его заявленіе, такъ какъ на это новое ручательство ему не было дано разрѣшеніе. Я же поступилъ только согласно съ желаніемъ г. главнокомандующаго гр. Паскевича Эриванскаго, который въ то время хотѣлъ, чтобы наши войска оставались въ Хоѣ. Теперь обстоятельства измѣнились: въ Баязетскомъ пашалыкѣ понадобилось подкрѣпленіе, и хойскій отрядъ направился туда, что не причинило большой разницы въ уплатѣ 400 т. тумановъ, выданныхъ почти сполна.

Вотъ въ какомъ порядкѣ получены отдѣльныя части всей суммы:

1) Изъ хойскаго комитета, подъ предсѣдательствомъ
ген. Панкратьева, 4-го ноября, получено . . . . 344,189 тум.

2) Сдано на храненіе въ Аббас-абадѣ, 21-го ноября, впредь до учрежденія комитета для оцѣнки и полученія монеты . . . . . 33,811 „

3) Цѣна золотаго трона Ага-Мамед-шаха, не включая эмаль и работу, хранящагося въ Аббас-абадѣ и предоставленнаго къ выкупу 20-го декабря . . . . . 7,000 „

4) Вексель Макдональда, по которому уже выплачены 11 т. тумановъ персіянами, а остальные сполна будутъ выплачены 12-го декабря . . . . . 15,000 „

Итого . . . 400,000 тум.

В. с. не можете себѣ представить чего стоитъ исторгнуть у персіянъ должныя намъ деньги. Шахъ положительно отказалъ въ выдачѣ Аббас-мирзѣ остальныхъ 100 т. тумановъ, для выкупа алмазовъ, какъ онъ уже однажды не сдержалъ даннаго Макдональду слова. О послѣднемъ займѣ такъ сильно хлопоталъ Макниль, но неудачно. Онъ нагналъ шаха на пути его въ Фераханъ, но тотъ грубо приказалъ ему снова сѣсть на лошадь и запретилъ показываться на глаза. Аббас-мирза, въ свою очередь, старается всѣми силами собрать эту сумму наличными деньгами: всѣмъ мухессилямъ (сборщикамъ доходовъ) приказано сдавать впредь всѣ податныя деньги въ цитадель, и, пока долгъ его не будетъ заплаченъ, не трогать общественныхъ доходовъ, ни для гарема, ни для раздачи жалованья чиновникамъ, ни для какого бы то ни было употребленія. Можетъ быть, въ теченіе зимы онъ будетъ въ возможности удовлетворить насъ; между тѣмъ, его алмазы уже принадлежатъ намъ по праву, но я думаю, что онъ готовъ и отказаться отъ нихъ, тѣмъ болѣе, что онъ изъ кожи лѣзетъ, чтобъ доказать намъ свое желаніе быть исправнымъ. Я подожду на этотъ счетъ приказаній в. с.

Я полагаю, что мнѣ уже не придется писать къ вамъ изъ Тавриза. Шахъ въ скоромъ времени возвратится въ свою столицу, и я желалъ бы прибыть туда нѣсколькими днями ранѣе. Я сильно сомнѣваюсь, чтобы онъ склонился на мои представленія заплатить за сына. До тѣхъ поръ предоставляю нашему генеральному консулу хлопотать у Аббас-мирзы о полученіи остальной суммы.

Прочитавъ эту депешу, я замѣчаю, что пропустилъ одно интересное обстоятельство. Въ день празднованія взятія Варны и возвращенія Императора въ Петербургъ, Аббас-мирза сказалъ мнѣ вслухъ, при всѣхъ, что онъ желаетъ представиться нашему государю не съ цѣлью выпросить кое-какія уступки (это такъ только говорится), но чтобъ удостовѣриться, что Е. В. пріятно будетъ, если онъ

пойдетъ противъ турокъ, и чтобы затѣмъ получить его приказанія. Съ глубочайшимъ почтеніемъ, и проч.

Грибоѣдовъ—гр. Паскевичу.

3-го декабря 1828 г.—Тавризъ.

Англійскій посланникъ, Макдональдъ, свидѣтельствуя в. с. усерднѣйшее почтеніе, проситъ васъ еще разъ быть ходатаемъ для полученія ему ордена св. Анны 1-й степени, всемилостивѣйше уже ему назначеннаго. По статутамъ англійскимъ, никто не можетъ получить чужестраннаго ордена, не участвуя въ военныхъ дѣлахъ той державы, отъ которой получаетъ сей орденъ, но Макдональдъ въ кампаніи 1812 года находился при нашей главной квартирѣ, и въ 1813 году при гр. Милорадовичѣ, въ сраженіи при Люценѣ, также при осадахъ Данцига, Глогау и проч. Сіе даетъ ему вящшее право на полученіе россійскаго ордена, кромѣ чистосердечныхъ стараній его въ пользу нашу, при заключеніи славнѣйшаго Туркменчайскаго мира. Онъ столько увѣренъ въ вашей къ нему благосклонной дружбѣ, притомъ въ дѣйствительности сильнаго вашего представительства, что полагаетъ ваше мнѣніе достаточнымъ для успѣха сего дѣла въ великобританскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, коль скоро оное ему будетъ передано императорскимъ посольствомъ въ Лондонѣ.

Грибоѣдовъ къ Ренненкампфу.

5-го декабря.—Тавризъ.

....Завтра я ѣду въ Тегеранъ; Амбургеръ остается моимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Когда кончите разграниченіе, пошлите ему краткое описаніе вашихъ работъ, съ означеніемъ сомнительныхъ и спорныхъ пунктовъ, а я постараюсь поддержать ваши справедливыя требованія передъ шахомъ, какъ скоро графъ Эриванскій дастъ мнѣ на то приказаніе. Здѣсь придираются къ каждой пяди земли, тогда какъ шахъ всячески избѣгаетъ споровъ и несогласія съ такою державою, какъ Россія. Я пишу вамъ въ качествѣ частнаго лица и совѣтую какъ другъ. Отступитесь отъ всякаго притязанія на увеличеніе нашихъ владѣній противъ условій договора; въ Петербургѣ этого не хотятъ, и графъ Эриванскій не желаетъ, чтобы дѣло такого рода тянулось, и пр. и пр.

7-го декабря.—Тавризъ.

....Мнѣ кажется, все, что я могу здѣсь сдѣлать, это подготовить умы къ принятію рѣшенія главнокомандующаго, какого бы то ни было, хотя бы одобренія вашего мнѣнія. Но трудно увѣрить персіянъ въ

справедливости вашихъ требованій. Мы ошиблись, указавъ на Одина-базаръ, и хотимъ промѣнять его на другое. Но развѣ персидское правительство не можетъ также представить мнѣ, какъ ошибку, данное имъ обязательство заплатить намъ 10-й куруръ, тогда какъ въ дѣйствительности онъ намѣренъ выплатить намъ только 8-мъ.

9-го декабря.—Тавризъ.

....Вотъ конецъ моихъ переговоровъ съ здѣшнимъ правительствомъ: Принцъ согласенъ отступиться отъ Исти-су. Онъ объявилъ мнѣ это формально, также какъ и относительно Лекин-чая; но карта Монтиса заставила его убѣдиться, что Одина-базаръ—рѣка, которая будетъ служить границею. По немъ, сказать, что она не существуетъ, значитъ спорить противъ очевидности, такъ какъ объ этой самой рѣкѣ упомянуто въ Гюлистанскомъ мирномъ трактатѣ. Сегодня будетъ отправленъ ракамъ къ Мирзѣ-Масуду, чтобы онъ отступился отъ Лекин-чая, въ Уджарлинскомъ округѣ, и оставилъ въ сторонѣ Исти-су, въ замѣнъ другаго отрога Астары, болѣе значительнаго, и судя потому, что говоритъ Монтисъ, это, вѣроятно, тотъ самый отрогъ, который вы называете сѣверною Астарою. Мое дѣло здѣсь только составлять записку и соглашать мнѣнія. Я не имѣю ничего болѣе прибавить; прошу васъ только потерпѣть до рѣшенія графа Эриванскаго. У меня все готово, и я выѣзжаю изъ Тавриза сегодня, тотчасъ по отсылкѣ курьера къ вамъ.

11-го декабря.—Тикмедашъ.

....Я отвѣчалъ вамъ съ вашимъ курьеромъ, сказавъ вамъ все, что было нужно по дѣлу. Принцъ говоритъ, что ему нечего болѣе ни измѣнять, ни уступать, развѣ его заставятъ не разумными доводами, а силою. Вотъ мы теперь при чемъ. Но вы не воображайте, что сила здѣсь означаетъ войну; нѣтъ, это значитъ только, что мы, какъ болѣе сильные, всегда можемъ указать на какую угодно границу; но за то это было бы нарушеніемъ справедливости.

Гр. Паскевичъ—Грибоѣдову.

5-го декабря 1828 г.

Изъ сообщенной мнѣ в. п. въ копіи депеши вашей къ вице-канцлеру отъ 23-го октября, № 65, вижу я, что наслѣдникъ персидскаго престола при нѣкоторомъ съ нашей стороны поощреніи и при завѣреніи его, что сіе можетъ быть принято Государемъ Императоромъ, съ удовольствіемъ готовъ открыть противу турокъ непріязненныя дѣйствія, успѣхи коихъ приготовлены уже сношеніями его съ шейхами Кербалайскимъ, Му-

тефикскимъ и другими начальниками арабскихъ поколѣній, также съ значительнѣйшими жителями Багдада, готовыми отдать во власть Аббас-мирзы сей городъ и принадлежащія къ оному владѣнія.

По важности сихъ обстоятельствъ и по связи, которую исполненіе предположенія Аббас-мирзы должно имѣть съ военными нашими дѣйствіями въ Азіятской Турціи, я считаю нужнымъ сообщить вамъ слѣдующія соображенія:

В. п. весьма осторожно поступить изволили, замѣтивъ наслѣдному принцу, что тѣ пашалыки, на кои онъ могъ имѣть свои виды при начатіи войны, теперь нужны собственно для операцій нашихъ, и упомянувъ въ особенности о Баязетѣ, уже занятомъ нами, и о Мушѣ, которые, вѣроятно, покорятся при первомъ появленіи войскъ нашихъ, и изъ коихъ мы можемъ извлекать нужныя для продовольствія средства. Ванъ же отстоитъ далеко отъ операціонной линіи нашей,— слѣдовательно, Аббас-мирзѣ должно будетъ дѣйствовать противъ Багдада, гдѣ, какъ в. п. упоминаете, успѣхъ пріуготовленъ уже тайными его сношеніями какъ съ городскими жителями, такъ и съ шейхами сосѣдственныхъ племенъ арабскихъ.

Если бы вторженіе съ сей стороны Аббас-мирзы въ турецкіе предѣлы было соглашено съ движеніемъ нашимъ противу Эрзерума или учинено нѣсколько ранѣе и если бы можно было ручаться, что наслѣдникъ Персіи будетъ имѣть въ семъ предпріятіи совершенную удачу, то дѣйствія его противу турокъ, конечно, принесли бы собственно для насъ большую пользу; ибо утвердившись въ Багдадѣ и собравъ многочисленныя толпы конницы какъ своей собственной, такъ и ближайшихъ арабовъ и куртинцевъ, онъ могъ бы производить опустошенія и наводить ужасъ по всему Діарбекиру и угрожать съ одной стороны Сиріи, а съ другой, соединясь съ враждующими всегда противу турокъ вехабитами, дѣйствовать даже къ Мединѣ и Меккѣ. Таковые успѣхи естественнымъ образомъ обратили бы противу него значительную часть турецкихъ войскъ, въ Азіи находящихся, облегчили бы исполненіе предположеній нашихъ противу Эрзерума и, можетъ быть, дали бы намъ возможность, проникнувъ далѣе во внутрь Анатоліи, возбудить противу турецкаго правительства часть населенія страны сей и такимъ образомъ распространить смятеніе по всей Азіятской Турціи и рѣшительно обезсилить турокъ въ сей части ихъ владѣній.

Таковы могли бы быть послѣдствія нападенія Аббас-мирзы на Багдадъ, если бы оное исполнено было совершенно успѣшно, но предугадывая выгоды, которыя отъ успѣховъ въ семъ предпріятіи произойти могутъ, не должно выпускать изъ виду и тѣхъ непріятностей,

кои могутъ случиться, если надежды наслѣдника персидскаго престола на тайныя его связи и сношенія въ турецкихъ владѣніяхъ не будутъ оправданы самымъ событіемъ.

Изъ сообщенныхъ мнѣ в. п. въ разныхъ депешахъ свѣдѣній, ясно видно, до какой степени простирается теперь безсиліе персидскаго государства: совершенное истощеніе денегъ, всеобщая бѣдность, недостатокъ пушекъ и снарядовъ, неимѣніе войскъ,—ибо собственно для караула вашего мужики были одѣваемы въ сарбазскую одежду,—наконецъ, пламя бунта, распространяющееся почти во всѣхъ южныхъ провинціяхъ Персіи, не только не обѣщаютъ ей успѣховъ въ войнѣ внѣшней, но при всякой неудачѣ угрожаютъ потрясеніемъ всеобщимъ и даже паденіемъ династіи Каджаровъ. Обнадеживаніе старшинъ багдадскихъ и разныхъ родоначальниковъ, что Аббас-мирзѣ все покорится и все приметъ его сторону, коль скоро онъ покажется съ самымъ малочисленнымъ войскомъ, весьма невѣрны и на оныя столько же мало положиться можно, сколько вообще не должно надѣяться на увѣренія азіятцевъ, въ особенности кочевыхъ племенъ, всѣ виды свои къ однимъ хищничествамъ простирающихъ.

Если предпріятіе Аббас-мирзы не сопровождаемо будетъ желаемымъ успѣхомъ и онъ, заявивъ себя непріятелемъ туркъ, долженъ будетъ возвращаться въ свои предѣлы, то тѣ же самые люди, которые нынѣ его призываютъ, соединятся съ турками, которые, конечно, употребятъ всѣ усилія, дабы отмстить нападателю за нападенія; къ нимъ пристанутъ подвластные Аббас-мирзѣ народы, вообще мало довольные его управленіемъ. Въ крайнемъ безсиліи, въ коемъ Аббас-мирза нынѣ находится, онъ не въ состояніи будетъ противиться соединеннымъ непріятелямъ и внутреннимъ, и внѣшнимъ, которые, прорвавшись въ сердце Персіи, могутъ подкрѣпить и провинціи, бунтующія противу шаха, и сдѣлать возмущеніе всеобщимъ.

Въ таковомъ случаѣ достоинство Россіи и самая польза наша, состоящая въ томъ, дабы удерживать нынѣшнюю династію на персидскомъ престолѣ, заставитъ Россію по необходимости вмѣшаться въ сіе дѣло и оказать шаху и Аббас-мирзѣ, какъ союзникамъ нашимъ, помощь дѣятельную. На сей предметъ должно будетъ отправить войска въ Персію обезсиливая тѣмъ отрядъ, назначаемый противу турокъ, и, можетъ быть, даже остановить дальнѣйшее наше дѣйствіе въ Малой Азіи.

Изложивъ в. п. въ обоихъ видахъ тѣ происшествія, которыя могутъ случиться отъ начатія Аббас-мирзою непріязненныхъ дѣйствій противу Порты, и изобразивъ двѣ крайнія противуположности въ случаѣ успѣха и неудачи, я не сомнѣваюсь, что вы, имѣя всѣ мѣстныя

свѣдѣнія, такъ сказать, подъ руками, зная средства Аббас-мирзы, вѣрность внѣшнихъ его сношеній и настоящее внутреннее положеніе Персіи, конечно, не упустите ничего, что только можетъ послужить къ пользѣ и славѣ Россіи; впрочемъ, не дурно было бы, если бы Аббас-мирза могъ сдѣлать хотя демонстрацію на Багдадъ и могъ удержать войска тамошнія нѣсколько отъ посылки сикурсовъ противу нашихъ отрядовъ.

Гр. Паскевичъ—гр. Нессельроде.

15-го декабря 1828 г.

Полномочный министръ нашъ при персидскомъ дворѣ, ст. с. Грибоѣдовъ, доставивъ ко мнѣ подъ открытою печатью депешу на имя в. с., просилъ по прочтеніи сей депеши переслать ее по адресу въ С.-Петербургъ.

Означенную депешу при семъ препровождая, почитаю себя обязаннымъ изъяснить мнѣніе мое по двумъ предметамъ, въ оной между прочаго заключающимся, именно: касательно предполагаемой поѣздки Аббас-мирзы въ С.-Петербургъ и на счетъ неоднократно уже изъявленнаго имъ желанія дѣйствовать противу Порты Оттоманской вооруженною рукою.

По первому изъ сихъ предметовъ, т. е. въ разсужденіи поѣздки Аббас-мирзы въ С.-Петербургъ, я не раздѣляю мнѣнія ст. с. Грибоѣдова и не нахожу неудобства въ исполненіи ниже предполагаемой отъ сей поѣздки министромъ пользы.

Должно начать съ того, что путешествіе наслѣдника персидскаго престола въ продолженіе зимы не возможно, ибо, не говоря уже о томъ, что онъ со свитою своею долженъ будетъ подвергаться въ сіе время года суровостямъ климата, къ коему онъ непривыченъ, и что на всемъ пути до внутреннихъ губерній Россіи трудно будетъ на каждой станціи пріискать для него со всею свитою удобныя помѣщенія для предохраненія отъ холоду, проѣздъ чрезъ Кавказскія горы въ экипажѣ по такъ называемой Военно-грузинской дорогѣ до мая мѣсяца рѣшительно не возможенъ, направить же его по дорогѣ чрезъ Карабагъ, Дагестанъ и Ширванъ препятствуютъ прежнія сношенія его съ тамошними жителями.

По симъ обстоятельствамъ если бы Е. И. В. благоугодно было на проѣздъ Аббас-мирзы въ нашу столицу изъявить соизволеніе, то онъ не можетъ выѣхать изъ Тавриза прежде какъ въ началѣ мая и къ сему только времени могутъ быть сдѣланы нужныя приготовленія для путешествія его въ нашихъ владѣніяхъ, по полученіи на то разрѣ-

шенія изъ С.-Петербурга; но въ маѣ мѣсяцѣ я долженъ выступить съ дѣйствующимъ отрядомъ противу турокъ и Аббас-мирза не застанетъ уже меня въ Тифлисѣ; по пути же отъ самаго Аракса найдетъ онъ весьма мало войскъ нашихъ, ибо всѣ они, кромѣ немногихъ баталіоновъ, будутъ уже находиться въ турецкихъ предѣлахъ; слѣдуя далѣе во внутрь Россіи, до самой Москвы, онъ также мало встрѣтитъ полковъ нашихъ на всемъ пространствѣ и ему попадаться будутъ однѣ партіи рекрутъ, невыученныхъ и худо обмундированныхъ. Все сіе можетъ въ немъ возродить мысли на счетъ могущества Россіи совершенно противуположныя тѣмъ, которыхъ ст. сов. Грибоѣдовъ ожидаетъ, ибо Аббас-мирза, и вообще всѣ азіятцы, привыкли силы государства исчислять по количеству войскъ, которыя оно выставить можетъ. Впрочемъ, опытъ прошедшей войны научилъ Аббас-мирзу, что 15 т. русскихъ солдатъ были достаточны, дабы понудить Персію къ самому невыгодному для нея миру и потрясти персидскую державу въ самомъ ея основаніи,—слѣдовательно, впечатлѣніе, которое произведетъ въ наслѣдникѣ персидскаго престола путешествіе по Россіи и сужденія, кои отъ оныхъ возродиться могутъ, не должно почитать заслуживающими особеннаго уваженія.

Но по пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, что̀ можетъ случиться не прежде какъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, неизвѣстно еще найдетъ-ли онъ тамъ Государя Императора, и, если Е. И. В. будетъ въ отсутствіи, то пребываніе Аббас-мирзы въ нашей столицѣ можетъ сдѣлаться продолжительнымъ къ отягощенію казны значительными издержками, которыя и безъ того—на путевые издержки, туда и обратно, на содержаніе наслѣдника персидскаго престола со всею свитою, и на приличные всѣмъ подарки—не ограничутся однимъ милліономъ р. асс.

Наконецъ, я совершенно убѣжденъ въ томъ, что самая главная цѣль поѣздки Аббас-мирзы въ С.-Петербургъ есть намѣреніе его испросить лично у Государя Императора уступки двухъ куруровъ (4 мил. р. с.), слѣдующихъ къ полученію отъ Персіи по Туркменчайскому трактату, и что другія причины сей поѣздки, Аббас-мирзою предъявляемыя, какъ-то: просьба о пособіи противу братьевъ въ случаѣ смерти шаха и дабы Государь Императоръ позволилъ участвовать ему въ войнѣ противъ турокъ, суть только предлоги побочные.

Зная свойства Аббас-мирзы, я весьма предвижу, что онъ не остановится публично со всѣми свойственными ему убѣжденіями и даже съ униженіемъ своего сана утруждать Государя Императора объ уступкѣ выше-изъясненныхъ 4-хъ мил. р. с. В. с. совершенно постигнуть изволите въ какое непріятное положеніе могутъ поставить Государя Императора таковыя, часто повторяемыя просьбы и настоянія,

въ коихъ отказать лично наслѣднику Персіи будетъ трудно, ибо можетъ случиться, что политическія отношенія наши къ другимъ европейскимъ державамъ убѣждать будутъ къ оказанію Аббас-мирзѣ снисхожденія и не лучше ли гораздо предупредить всѣ сіи случаи, отклонивъ поѣздку Аббас-мирзы въ С.-Петербургъ, сначала по причинѣ зимы и непроходимости дорогъ, въ особенности чрезъ Кавказскія горы, а потомъ по случаю отсутствія Государя Императора изъ С.-Петербурга, если Е. И. В. оставитъ сію столицу, или же подъ другимъ какимъ-либо благовиднымъ предлогомъ.

По второму предмету, касательно изъявляемаго Аббас-мирзою желанія начать войну противъ Порты, имѣлъ я уже честь сообщить в. с. мнѣніе мое въ приложеніи при депешѣ за № 302, въ коемъ изъяснены оба крайніе случаи, могущіе послѣдовать отъ начатія сей войны Аббас-мирзою, какъ при успѣхахъ его, такъ и неудачѣ въ оной.

Вникая болѣе въ сіе важное дѣло, я убѣждаюсь, что разрѣшеніе вопроса: выгодно-ли для насъ или вредно-ли дѣятельное участіе Персіи въ нынѣшней войнѣ противу турецкаго султана,—зависитъ отъ политическихъ нашихъ сношеній съ европейскими державами и въ особенности съ Англіею.

Если мы можемъ твердо быть увѣрены, что успѣхи наши противу турокъ не возбудятъ зависти лондонскаго кабинета, и что Англія не приступитъ къ явному съ нами разрыву во все продолженіе войны съ турками, то нѣтъ никакой нужды завлекать намъ въ войну сію Аббас-мирзу, не имѣющаго нынѣ никакихъ или весьма мало средствъ для успѣшнаго продолженія оной, и которому въ таковомъ случаѣ съ нашей стороны необходимы будутъ по крайней мѣрѣ матеріальныя пособія. Достаточно если найдется возможнымъ склонить его, чтобы онъ сдѣлалъ противу турокъ демонстрацію и отвлекъ бы ихъ отъ усиленія тѣхъ войскъ, которыя намъ могутъ быть противопоставлены.

Но если на пріязнь великобританскаго двора намъ полагаться не можно и, въ особенности, если должно предвидѣть, что дворъ сей видамъ нашимъ на счетъ Турціи захочетъ противопоставить вооруженныя препоны, то вовлечь Аббас-мирзу въ войну съ турками не только полезно, но даже необходимо, ибо тогда поневолѣ онъ долженъ уже быть нашимъ союзникомъ и вліяніе англичанъ останется безъ дѣйствія. Въ противномъ же случаѣ министерство англійское, которое, какъ в. с. изволите усмотрѣть изъ депешъ ст. сов. Грибоѣдова, со времени посольства Малькольма употребило для поддержанія своего вліянія при персидскомъ дворѣ 75 мил. на наши деньги, не пожалѣетъ еще нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ, дабы вооружить противу насъ Персію и дать ей средства дѣйствовать съ успѣхомъ.

Безъ сомнѣнія, въ послѣдствіи времени держава сія будетъ наказана вновь за нарушеніе мира, но на первый случай, если персіяне рѣшатся начать войну внезапно въ то время, когда войска наши отдалятся во внутрь турецкихъ владѣній, край сей подвергнется опасности величайшей. На всемъ протяженіи персидской границы не могу я оставить болѣе 3-хъ или 4-хъ баталіоновъ, которые могутъ защищать однѣ крѣпости, и то на то только время, пока достанетъ у нихъ провіанту.

Ежели персіяне, собравъ значительныя силы и въ особенности многочисленную конницу, ворвутся въ наши предѣлы, то они легко проникнуть могутъ во внутрь Грузіи и, возбудивъ къ бунту легковѣрные и легкомысленные здѣшніе народы, распространить духъ мятежа даже въ Дагестанѣ и между прочими горцами; съ другой же стороны, отрѣзавъ войска, которыя будутъ находиться противу турокъ, дѣйствовать на сообщенія наши съ тылу и съ фланга, тогда положеніе наше будетъ самое трудное и нельзя исчислить тѣхъ опустошеній, которымъ край сей подвергнуться можетъ.

Предавая разсужденія сіи благоусмотрѣнію в. с. и прося покорнѣйше довести оныя до высочайшаго Е. И. В. свѣдѣнія, я буду ожидать поспѣшнѣйшаго увѣдомленія вашего по сему предмету и если сношенія наши съ Англіею ненадежны, то прошу покорнѣйше испросить немедленно высочайшее Е. И. В. разрѣшеніе по слѣдующимъ предположеніямъ:

1) Убѣдить Аббас-мирзу къ начатію непріязненныхъ дѣйствій противу турокъ, но въ семъ случаѣ должно будетъ обѣщать ему: а) при заключеніи мира съ Турціею предоставленіе въ пользу Персіи пашалыка Багдадскаго или же Вана и Муша, которые должны мы будемъ гарантировать въ ея пользу; b) пособіе — оружіемъ и снарядами, коихъ въ Закавказскихъ областяхъ вовсе недостаточно, а можетъ быть, даже и деньгами, и с) отсрочку на два или на три года, сверхъ назначеннаго срока, уплаты двухъ куруровъ, по Туркменчайскому трактату намъ причитающихся.

2) Буде поощренія Аббас-мирзы къ войнѣ съ турками и пособія, для того ему необходимыя, признаны будутъ неудобными, то не только не должно препятствовать, но даже склонять его къ поѣздкѣ въ С.-Петербургъ, ибо во все то время, пока онъ пробудетъ въ нашихъ владѣніяхъ, нельзя ожидать отъ персіянъ начатія противъ насъ непріязненныхъ дѣйствій.

3) Если, наконецъ, англичане будутъ съ нами въ войнѣ, а на одно изъ вышеизъясненныхъ предположеній Государю Императору неугодно будетъ согласиться, въ такомъ случаѣ непремѣнно должно имѣть въ

ближайшихъ отъ Астрахани мѣстахъ до 10 т. чел. готоваго войска, которое, по первому извѣстію о непріязненныхъ замыслахъ Персіи, тотчасъ могло бы быть перевезено моремъ на лѣвый флангъ нашъ для защиты границы. Можетъ быть, англичане не успѣютъ возбудить въ предстоящемъ году персіянъ къ непріязненнымъ противу насъ дѣйствіямъ, ибо они не могутъ въ скоромъ времени доставить туда денегъ и другихъ способовъ, для начатія войны необходимыхъ, и потому, говоря о приготовленіяхъ войскъ въ Астрахани, я отношу сіе не столько къ 1829 году, сколько къ 1830 году, къ каковому времени, въ случаѣ разрыва съ Англіею въ продолженіе войны съ турками, они будутъ намъ тамъ совершенно необходимы.

Повторяя в. с. убѣдительнѣйшую просьбу о скорѣйшемъ доставленіи отзыва вашего по сему важнѣйшему предмету, имѣю честь присовокупить, что, въ подобныхъ случаяхъ, я полагаю лучшимъ заслужить упрекъ въ излишней осторожности, нежели въ недостаткѣ оной.

Гр. Нессельроде — Грибоѣдову.

18-го декабря 1828 г.

Депеши ваши изъ Тавриза отъ 20-го и 23-го октября, а равно отъ 9-го ноября сего года, получены мною исправно, и были поднесены Государю Императору.

Е. В. съ особеннымъ удовольствіемъ видѣлъ въ оныхъ описываемое вами расположеніе персіянъ къ русскимъ, которое вами замѣчено на пути вашемъ по Адербейджанской области. Симъ доказывается человѣколюбивое и благосклонное поведеніе нашихъ войскъ, во время послѣдней войны, и строгая бдительность командира Кавказскаго корпуса; ласковый же пріемъ, вамъ сдѣланный принцемъ Аббас-мирзою, и постоянное его вниманіе къ вамъ открываютъ предъ вами случай утвердить въ наслѣдникѣ персидскаго престола благопріязнь его къ Россіи, и тѣмъ самымъ пріуготовить себѣ и генеральному нашему консулу возможность достигать всегда удовлетворительнаго конца по дѣламъ политическимъ и тѣмъ, кои будутъ касаться до Россійскихъ подданныхъ по торговымъ ихъ промысламъ.

Сужденія ваши объ образѣ скорѣйшаго расчета по суммамъ, остающимся въ недоимкѣ изъ 8-го курура, слѣдующаго намъ за выводъ войскъ нашихъ изъ Хойской провинціи, найдены основательными, и сообразно съ тѣмъ, по волѣ Е. И. В., даны нужныя разрѣшенія ген.-адъют. гр. Паскевичу Эриванскому.

Затѣмъ, въ депешахъ вашихъ содержатся два важные предмета. На оные, по высочайшему повелѣнію, долгомъ поставляю отвѣтствовать

вамъ и, во-первыхъ, по главнѣйшему, именно: по желанію принца Аббас-мирзы принять участіе въ войнѣ нашей противу Порты Оттоманской, начавъ сіе намѣреніе вторженіемъ въ Багдадскій пашалыкъ и овладѣніемъ самымъ Багдадомъ, въ чемъ надѣется онъ успѣть, имѣя въ томъ городѣ тѣсныя связи.

Вы весьма хорошо отвѣчали Аббас-мирзѣ по сему его предположенію. Дѣйствительно, со стороны Россіи ни малѣйшаго въ томъ не предстоитъ затрудненія, и мы съ удовольствіемъ взирать будемъ на его побѣды и пріобрѣтенія, кои успѣетъ учинить и кои, можетъ быть, будутъ удобнѣе въ сіе время, когда Порта Оттоманская находится въ необходимости обратить всѣ силы свои противу насъ; но на семъ ограничится все то, что можетъ ожидать Аббас-мирза отъ насъ. Война наша съ Турціею не имѣетъ цѣлію расширеніе предѣловъ Россіи; она должна обезпечить торговлю нашихъ южныхъ областей, заставить Порту свято выполнить заключенные ею съ нами договоры и, наконецъ, заплатить намъ всѣ убытки, причиненные намъ какъ до объявленія войны, такъ и войною порожденные. И такъ, коль скоро Диванъ турецкій согласится удовлетворить справедливыя наши требованія, немедленно будетъ положенъ конецъ нашей войнѣ. Тогда Персія не найдется ли въ затруднительномъ положеніи, оставаясь одна на поприщѣ брани, безъ всякой надежды получить откуда-либо пособіе? Если Аббас-мирза, взвѣсивъ всѣ сіи могущія послѣдовать событія, найдетъ для себя неопаснымъ войти вооруженною рукою въ области турецкія, мы, конечно, не можемъ на сіе взирать иначе какъ съ удовольствіемъ, ибо я повторяю вамъ, что успѣхи Аббас-мирзы, при нынѣшнемъ откровенномъ и дружескомъ его расположеніи къ Россіи, будутъ всегда пріятны Государю Императору. Въ такомъ смыслѣ вы не оставите объясниться съ его высочествомъ, при чемъ выразите сему принцу, что послѣ таковаго, самаго искренняго вашего съ нимъ объясненія, и зная предварительно, что Россія, по достиженіи вышеозначенной своей цѣли, немедленно приступитъ къ заключенію мира съ Оттоманскою Портою — Аббас-мирза не будетъ въ правѣ жаловаться или негодовать на насъ за то, что, начавъ войну противъ общаго врага, оставленъ одинъ для продолженія съ нимъ борьбы.

Теперь обращаюсь къ желанію сего принца пріѣхать сюда. Вы согласитесь съ нами, что не любовь къ Россіи, не одна приверженность къ Государю Императору, побуждаютъ наслѣдника персидскаго престола домогаться позволенія прибыть въ С.-Петербургъ. Цѣлью сего вѣроподобно есть надежда испросить уступку 9-го и 10-го курура, намъ еще слѣдующихъ по Туркменчайскому трактату. Весьма возможно также, что подобно отцу своему, по заключеніи Гюлистанскаго трак-

тата непрестававшему домогаться возвращенія присоединенныхъ къ Россіи областей, и онъ будетъ просить подобнаго. Само собою разумѣется, что домогательства его будутъ безъуспѣшны; не менѣе того, непріятно вводить намъ себя въ положеніе отказывать во всемъ на каждомъ шагу гостю, котораго, съ другой стороны, и приличіе и правила Государя Императора будутъ побуждать принять со всѣми знаками пріязни. Если даже Е. В. благоугодно было рѣшиться подарить 9-й и 10-й куруръ персіянамъ, то и въ такомъ случаѣ выгоднѣе сіе сдѣлать безъ пріѣзда сюда Аббас-мирзы, ибо пріѣздъ сей, сверхъ курура, который могъ бы быть ему подаренъ, введетъ насъ въ весьма отяготительныя издержки, кои неизбѣжны по самому достоинству Россіи. Сверхъ того, при нынѣшнихъ занятіяхъ Государя Императора, всякое отвлеченіе дѣлается обременительнымъ. По симъ уваженіямъ, возлагается въ непремѣнную вамъ обязанность, самымъ пріятнѣйшимъ образомъ отклонить удовлетвореніе сего домогательства. Достаточно уважительныхъ причинъ можете вы къ сему имѣть, поставляя главною—неизвѣстность, гдѣ въ какое время будетъ находиться Государь Императоръ при настоящей войнѣ.

Гр. Паскевичъ—Макдональду.

10-го марта 1829 г.

(Переводъ съ французскаго). Я обязанъ выразить вамъ мою живѣйшую признательность за распоряженія ваши по поводу случившейся съ нашею миссіею въ Тегеранѣ катастрофы. Это неслыханное нарушеніе общенароднаго права, уничтожающее безопасность чужестранца въ Персіи, безъ сомнѣнія, возбудитъ негодованіе всѣхъ образованныхъ націй. Я готовъ вѣрить, къ чести персидскаго правительства, что ни одно изъ лицъ, имѣющихъ малѣйшее вліяніе на дѣла, не виновно въ этомъ гнусномъ преступленіи, и что оно есть только слѣдствіе народнаго неистовства. Сдѣланныя вами распоряженія для выѣзда г. Мальцева изъ Тегерана и попеченія ваши о вдовѣ нашего покойнаго посланника, г. Грибоѣдова, довершаютъ всѣ тѣ услуги, которыя вы оказали въ настоящемъ случаѣ, и мнѣ пріятно выразить вамъ, какъ еще болѣе увеличилось мое уваженіе къ вамъ.

Заключу повтореніемъ моей благодарности за усердіе ваше въ дѣлѣ, хотя въ основаніи и близкомъ для всѣхъ націй, однако, въ частности, касающемся только нашего правительства.

Императоръ Николай Павловичъ—Аббас-мирзѣ.

3-го апрѣля 1829 г.—С.-Петербургъ.

Намъ любезному принцу Аббас-мирзѣ, наслѣднику персидскаго престола.

При всемъ благомъ расположеніи моемъ къ в. выс. и постоянной дружбѣ, которую всегда питалъ я къ Е. В. шаху, родителю вашему, не могу сокрыть отъ васъ, что несчастное событіе, котораго жертвою сдѣлался полномочный министръ Россіи въ Тегеранѣ со всею почти миссіею, оскорбивъ меня до высочайшей степени, привело къ рѣшимости употребить средства, отъ Бога мнѣ ввѣренныя, дабы отмстить кровь, невинно и вопреки правамъ всѣхъ народовъ проліянную; но отзывы главнокомандующаго въ Грузіи, ген. гр. Паскевича Эриванскаго, который полагаетъ персидское правительство непричастнымъ оному неистовому злодѣянію, пріостановали исполненіе моей рѣшимости. Въ нелицемѣрной горести, изъявленной вами по сему ужасному случаю, мнѣ пріятно видѣть доказательство постоянной приверженности вашей къ Россійской Имперіи, мнѣ остается токмо, изъ любви къ вамъ и всему вашему дому, душевно сожалѣть, что персіяне погружены еще въ слѣпое невѣжество, содѣлывающее возможными подобныя преступленія. Опасность положенія вашего лично и самого шаха не менѣе возбуждаетъ во мнѣ соболѣзнованіе.

Для отклоненія отъ васъ всего вреднаго, и для содѣйствія вамъ во всѣхъ случаяхъ, я призналъ за благо послать къ вамъ ген.-м. нашихъ императорскихъ войскъ кн. Долгорукаго, который будетъ имѣть честь вручить вамъ сіе письмо. Ему повелѣно оставаться въ Тавризѣ при вашей особѣ, доколѣ вамъ сіе будетъ нужно и пріятно. Выборъ мой палъ на сего генерала преимущественно по тому уваженію, что онъ, во время минувшихъ переговоровъ о мирѣ между Россіею и Персіею, сдѣлался уже лично извѣстнымъ вамъ, и успѣлъ пріобрѣсти ваше къ себѣ расположеніе. Сіе укрѣпляетъ меня въ пріятной надеждѣ, что онъ дѣйствіями своими будетъ способствовать къ утвержденію искренняго согласія между двумя сосѣдними державами.

Посланнаго вами Мирза-Масуда въ Тифлисъ повелѣлъ я допустить къ моему двору.

Донесенія главнокомандующаго въ Грузіи удостовѣряютъ меня въ готовности вашей пріѣхать лично сюда. Но постигая пагубное вліяніе коварныхъ замысловъ, кои нынѣ колеблютъ спокойствіе Персіи, и не преставая радѣть о благѣ какъ сей союзной державы, такъ и о вашемъ собственномъ, я признаю ваше присутствіе въ Тавризѣ не-

обходимымъ для укрощенія буйства и предупрежденія происковъ, а потому приглашаю васъ не удаляться изъ вашихъ предѣловъ въ столь сомнительное время. Я почту достаточнымъ возмездіемъ оскорбленному достоинству Россійской Имперіи, когда шахъ, наказавъ преступниковъ, пришлетъ ко мнѣ торжественное извиненіе чрезъ одного изъ сыновей своихъ или вашихъ, въ сопровожденіи кого либо изъ довѣренныхъ вельможъ.

Сообщивъ вамъ таковое мое разрѣшеніе, въ удовольствіе вмѣняю себѣ изъявить вамъ Монаршую признательность за скорыя мѣры, принятыя вами противу мятежнаго хана Талышинскаго. Таковыхъ мѣръ требовала польза обѣихъ державъ. Не менѣе пріятно было мнѣ узнать о стараніяхъ, вами употребленныхъ касательно разграниченія по Туркменчайскому трактату, которое благополучно приведено къ концу.

Въ заключеніе остается мнѣ повторить вышеизъявленное желаніе, чтобы вы дружелюбно довѣряли назначенному для пребыванія при васъ нашему ген.-м. Долгорукову, и притомъ не оставляли чрезъ его посредство сообщать о вашихъ нуждахъ главнокомандующему въ Грузіи, въ которомъ вы найдете всегда искренняго совѣтника.

Затѣмъ, поручая в. выс. милости Всевышняго, пребываю къ вамъ благосклонный.

Гр. Нессельроде—Мирзѣ Абул-Хасан-хану.

27-го апрѣля 1829 г.

Имѣвъ честь получить чрезъ секретаря Императорской миссіи въ Тегеранѣ, Мальцева, письмо вашего высокостепенства, я спѣшу моимъ отвѣтомъ разрѣшить ваши сомнѣнія. Вы основательно разсуждаете, что неслыханное злодѣйство, котораго жертвою содѣлался полномочный нашъ министръ, должно было возбудить справедливый гнѣвъ моего августѣйшаго повелителя. Государь Императоръ находился въ необходимости передъ своею имперіею и предъ цѣлымъ свѣтомъ употребить всѣ средства, отъ Бога ввѣренныя Е. В., для отмщенія за невинно пролитую кровь представителя Россійской имперіи, коего особа для всей Персіи долженствовала быть священною. Но отзывъ главнокомандующаго въ Грузіи ген. гр. Паскевича Эриванскаго, представляя персидское правительство не имѣвшимъ ни малѣйшаго злонамѣренія противъ особы министра нашего, смягчили Государя Императора и побудили Е. В. разрѣшить пріѣздъ къ своему двору присланнаго Аббас-Мирзою Мирзы Масуда; тогда же повелѣно ѣхать въ Тавризъ ген.-м. Долгорукову. Со всѣмъ тѣмъ Е. В. ожидаетъ, что

персидскій дворъ не преминетъ прислать одного изъ сыновей или шахскихъ или Аббас-Мирзы для подтвержденія невинности и принесенія торжественныхъ извиненій въ злодѣйскомъ оскорбленіи Россійской имперіи въ лицѣ ея посланника. Симъ Государь Императоръ по своему постоянному и великодушному доброжелательству къ Персидской державѣ, соизволяетъ удовольствоваться, ни мало при томъ не сомнѣваясь, что шахъ подвергнетъ всей строгости заслуженнаго наказанія тѣхъ гнусныхъ злодѣевъ, кои дерзнули возложить руки на Россійскую миссію.

Въ полномъ увѣреніи, что просвѣщенный опытами разумъ вашего высокостепенства постигнетъ, сколь важно доставить безъ отлагательства желаемое Россіею удовлетвореніе, пребываю и пр.

Гр. Паскевичъ—Аббас-мирзѣ.

Письма в. выс., отправленныя ко мнѣ съ нарочнымъ курьеромъ, я получилъ исправно. Поздравляю васъ истинно съ присылкою сына вашего въ Тифлисъ. Вы доказали симъ искреннюю приверженность къ Государю Императору и желаніе загладить часть проступка, до сихъ поръ неслыханнаго.

Соображаясь съ тѣмъ, что вы мнѣ говорите въ письмѣ вашемъ. если бы вы были увѣрены въ согласіи моемъ отправить кого въ Петербургъ, то прислали бы сына или брата, я беру сіи выраженія знакомъ желанія, дабы кто либо изъ семейства в. выс. ѣхалъ къ Е. И. В. Посему, не ожидая прибытія объявленнаго вами посольства, которое можетъ еще продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, единственно изъ дружественнаго расположенія къ вамъ, совѣтую отправить возлюбленнаго сына вашего Хозров-мирзу къ августѣйшему двору. Я болѣе былъ къ сему убѣжденъ, получивъ отъ Государя Императора повелѣніе, что Е. И. В. угодно, дабы выслано было важное посольство, т. е. одинъ изъ членовъ вашей фамиліи.

Вслѣдствіе чего имѣю честь объявить в. выс., что намѣреніе Е. И. В. есть, дабы присланный вами сынъ изустно Его увѣрилъ о сожалѣніи персидскаго правительства въ случившемся и, буде не имѣетъ шахскаго письма съ изъявленіемъ причинъ, побудившихъ прислать его внука къ намъ, то покорнѣйше прошу васъ доставить ко мнѣ оное какъ можно скорѣе.

Я дружески совѣтую в. выс. дать сему дѣлу видъ наиторжественнѣйшій. Поручаю особенному вниманію вашему содержаніе писемъ моихъ, кои вручены вамъ кн. Кудашевымъ.

Аббас-мирза—Императору Николаю Павловичу.

(Переводъ съ персидскаго). Хвала и благодареніе Богу, отвратившему неизреченною мудростію своею непріятные случаи, угрожавшіе двумъ великимъ державамъ и устроившему связи дружбы такъ, что два государства составляютъ нынѣ, во всѣхъ отношеніяхъ, одно нераздѣльное политическое тѣло. Благими плодами сего дружественнаго союза наслаждаются всѣ народы. Хвала и благодареніе святымъ пророкамъ и всѣмъ ихъ послѣдователямъ.

В. И. В., всемилостивѣйшему Государю Императору,который страхъ врагамъ, союзникамъ опора и честь, по волѣ коего царствуютъ цари, монарху сильному, великодушному, кроткому, обладателю обширной Россійской державы, имѣю счастіе донести. что я съ удовольствіемъ получилъ радостное извѣстіе о милостивомъ вниманіи В. И. В. къ любезному сыну моему Хозров-мирзѣ.

Великодушное прощеніе происшествія, случившагося съ прежнимъ посланникомъ, согласно съ августѣйшимъ вашимъ словомъ, совершенно убѣждаетъ меня въ милосердіи вашемъ къ подданнымъ и въ милостивомъ расположеніи еще болѣе упрочить связи дружбы съ персидскою державою.

Предъ цѣлою Персіею почитаю себя счастливѣйшимъ, что В. И. В. благоволили уступить одинъ куруръ, остававшійся по мирному трактату, и отсрочили другой куруръ на пять лѣтъ; ибо сіе служитъ полнымъ доказательствомъ милостиваго ко мнѣ вашего расположенія.

Вмѣняю равнымъ образомъ себѣ въ особенную славу, которая выше всѣхъ выраженій, что вы удостоили меня отзывомъ съ наилучшей стороны въ дружескомъ письмѣ вашемъ къ его шахскому величеству.

Я совершенно недоумѣваю при мысли: какую могу я оказать услугу за таковую ко мнѣ вашу милость! Прошу Бога да ниспошлетъ мнѣ силы для исполненія достодолжныхъ услугъ и да напечатлѣетъ въ моемъ сердцѣ то, что согласно съ священною вашею волею.

В. И. В. было угодно, чтобы Россійскій посланникъ ген. Долгоруковъ самъ лично вручилъ означенное письмо его шахскому величеству; посему, не смотря на то, что его шахское величество находился въ походѣ и не дожидая его возвращенія, я употребилъ всѣ мѣры представить упомянутаго посланника въ Тегеранъ. По прибытіи посланника ко двору, высокія доблести В. И. В. и ваша дружба, безъ сомнѣнія, произведутъ сильнѣйшее впечатлѣніе радости въ августѣйшемъ сердцѣ его шахскаго величества.

Прошу В. И. В. удостоить меня всегдашняго вашего вниманія и,

при милостивомъ расположеніи, осчастливить вашимъ увѣдомленіемъ и порученностями.

Мирза-Абуль-Хасан-ханъ — Макдональду.

(Переводъ съ персидскаго). Дружественное письмо, которымъ вы меня почтили съ чапаромъ, прибыло въ благополучное время, и принесло мнѣ пріятную вѣсть о вашемъ здоровьи и благополучіи.

Просьба ваша, писанная къ шаху, была доставлена его величеству въ благополучный часъ.

Такъ какъ вы увѣрены, что министры сего государства не имѣли участія въ послѣднемъ печальномъ случаѣ, касательно смерти покойнаго Россійскаго министра, я въ такомъ же смыслѣ писалъ къ вашему правительству. Вы симъ даете новый залогъ вашей дружбы и доброжелательства къ Персіи, и въ самомъ дѣлѣ безпокойства, которыя вы переносили, и большія услуги, которыя вы оказали сему государству, дѣлаются ежедневно болѣе очевидны, такъ что его величество шахъ самъ объявилъ, что, со времени прибытія этого англійскаго министра (т. е. Макдональда) въ наше государство, онъ никогда не былъ изъятъ отъ трудовъ, которыми обременяло его сіе государство, и можно сказать, тѣмъ оказалъ большія услуги своему государству.

Его величество приказалъ написать ракамъ на ваше имя, цѣль котораго есть увеличить ваше вліяніе.

Если окажутъ намъ справедливость, то обнаружится, что министры сего государства были въ совершенномъ невѣдѣніи о бывшемъ происшествіи. А какъ вы полагаете нужнымъ немедленно отправить посла въ Россію, то здѣшніе министры сдѣлали дѣятельныя приготовленія для отправленія онаго тотчасъ по возвращеніи Мирзы-Масуда изъ присутствія главнокомандующаго въ Грузіи, дабы мы могли судить, какъ судитъ Россійское правительство о послѣднихъ происшествіяхъ въ Тегеранѣ и каковы могутъ быть желанія онаго.

Тогда мы, конечно, отправимъ одного изъ принцевъ или министровъ въ столицу Россіи и съ благословеніемъ Господа Бога все будетъ дружески окончено.

(Приложена печать Мирзы-Абуль-Хасан-хана).

Фетх-Али-шахъ—Императору Николаю Павловичу.

(Переводъ съ персидскаго). Единому Богу, источнику мира и тишины, ниспославшему пророковъ и святый законъ свой, для успокоенія трепетныхъ сердецъ и устроенія къ благой цѣли дѣлъ земныхъ подобаетъ воздавать хвалу и поклоненіе.

Восхвалимъ также и святыхъ пророковъ, которые по велѣнію Творца вливаютъ спокойствіе въ сердца земнородныхъ и вѣщаютъ имъ о волѣ Всевышняго.

Монархъ великій, славящійся побѣдоноснымъ воинствомъ, охранитель своихъ владѣній, доброжелательный, великодушный, знаменитый, великій нашъ братъ, избранный всемогущимъ Богомъ, нить, смыкающая драгоцѣнное ожерелье изъ перловъ искренней дружбы, самодержецъ Всероссійскій, отъ воли коего зависитъ творить добро и зло, повелитель надъ морями и сушею, владѣнія коего ограждены со всѣхъ сторонъ безопасностію, коего престолъ подобенъ тверди небесной, предъ зерцаломъ, блескомъ своимъ уподобляющагося солнцу, сердца вашего величества, изображаемъ радость, которою преисполнились мы при полученіи дружескаго монаршаго письма вашего, врученнаго намъ въ счастливый часъ полномочнымъ министромъ В. В. Извѣстіе о томъ, что единственный благопріятель нашъ находится въ вожделѣнномъ здравіи и питаетъ къ намъ живое чувство братской дружбы—довершило наше благополучіе.

Долгое время, по велѣнію судьбы сего міра, разныя приключенія пресѣкали намъ всѣ пути къ дружескимъ сношеніямъ, и мы не имѣли случая къ изъявленію сердечныхъ чувствъ нашихъ.

И такъ, означенное письмо В. В., съ новыми увѣреніями дружбы, исполнило сердце наше неизъяснимою радостью; окомъ зависти взиралъ міръ на наше счастіе и предъ ядовитымъ его взоромъ затмился свѣтъ нашей звѣзды. Радость наша обратилась въ печаль, горькимъ сдѣлалось то, что прежде было такъ сладостно.

Грибоѣдовъ присланъ былъ полномочнымъ министромъ отъ Россійской державы и былъ по сей причинѣ дорогимъ гостемъ нашего государства. Мы оказали ему такія почести и благорасположеніе, какихъ еще никого изъ посланниковъ не удостаивали; но враждебный рокъ судилъ ужасное происшествіе, коего описаніе стѣсняетъ сердце наше и исполняетъ насъ живѣйшею горестью. Всевѣдущему Богу извѣстно, сколь для насъ сіе происшествіе горестно' и сколь оно насъ тронуло.

Одинъ проницательный и блестящій умъ великаго Императора можетъ открыть намъ путь къ утѣшенію, успокоить сердце и свѣять пыль сомнѣнія, покрывшую лицо наше. Конечно, В. В. извѣстно, что никакой благоразумный человѣкъ никогда не могъ покуситься на подобное дѣло. Милосердый Боже! возможно ли подозрѣвать, чтобы наши визири и вельможи взяли участіе въ семъ ужасномъ происшествіи, въ то самое время, когда новый, счастливый миръ, источникъ радости и благополучія, вѣнчалъ желанія обѣихъ державъ! Хотя драка между

людьми посланника и чернью, столь внезапно возникшая, что невозможно было оказать никакой помощи, была причиною сего ужаснаго происшествія, однако же правительство наше предъ вашимъ покрыто пылью стыда, и лишь струя извиненія можетъ обмыть лицо онаго.

Для приведенія къ благому концу сего ужаснаго дѣла и испрошенія милостиваго прощенія, мы признали лучшимъ средствомъ отправить къ В. В., съ симъ извинительнымъ письмомъ, возлюбленнаго внука нашего, эмир-задэ Хозров-мирзу, вмѣстѣ съ высокостепеннымъ Мамед-ханомъ, однимъ изъ приближеннѣйшихъ и почетнѣйшихъ вельможъ нашего двора, начальникомъ всего регулярнаго нашего войска.

Отъ обширнаго ума, украшающаго вселенную, великаго нашего благопріятеля зависѣть будетъ принять милостиво или отринуть наше извиненіе.

Пришла пора опять скрѣпить
Союзъ пріязни снисхожденьемъ—
И все минувшее затмить
Благотворительнымъ забвеньемъ.

(Изъ Саади).

Аббас-мирза—Императору Николаю Павловичу.

(Переводъ съ персидскаго). Воздадимъ хвалу и поклоненіе единому Богу, дарующему прощеніе грѣховъ и милостиво пріемлющему раскаяніе наше; Богу, коего благость превозмогаетъ гнѣвъ, а милостыня — правосудіе.

Восхвалимъ также святыхъ пророковъ, предстоящихъ предъ ликомъ Всевышняго, коихъ житіе, украшенное добродѣтелью, посвящено на благо земнородныхъ, коихъ радѣніе устроиваетъ дѣла человѣческія къ высокой и благой цѣли.

Монархъ великій, знаменитый, счастливый, могущественный, всемилостивѣйшій, самодержецъ Всероссійскій, коего государство съ древнихъ временъ славится величіемъ, милосердый и добродѣтельный нашъ дядя, коего священный ликъ уподобляется блескомъ своимъ лучезарному солнцу! Мы имѣемъ счастіе докладывать В. В., что возлюбленный нашъ сынъ Хозров-мирза, по повелѣнію великаго шахиншаха [1]), покровителя нашего государства, коему да буду я жертвою, отправленъ къ высокому двору В. В. для испрошенія милостиваго прощенія.

Милостивое и благосклонное расположеніе В. В., коимъ мы имѣемъ счастіе пользоваться, побудило насъ къ избранію сего нашего сына для исполненія сей порученности, возложенной на него.

[1]) Царя царей.

Хотя мы сами долгое время питали себя надеждою представиться В. В. и не достигли до желаемаго, но мы и это считаемъ за счастіе, что счастливый сынъ нашъ достигнетъ нынѣ своего благополучія и удостоится милостиваго вашего пріема.

Мы неоднократно испытали благорасположеніе В. В. и видѣли какъ вы всегда обращали милостивое вниманіе на исполненіе нашихъ желаній, коихъ мы даже и не изъясняли; мы потому и не находимъ нужнымъ обратиться съ просьбою къ В. В., чтобы вы благосклонно приняли нашего возлюбленнаго сына и обратили бы свое милостивое вниманіе на предметы, о коихъ онъ будетъ имѣть счастіе донести лично В. В.

Мы надѣемся, что благосклонный пріемъ и милостивое вниманіе, коихъ В. В. удостоите возлюбленнаго нашего сына, усугубятъ величіе наше при дворѣ нашемъ и обратятъ на насъ милостивые взоры великаго шахин-шаха.

Надѣясь на благость Божію, мы предоставляемъ дѣла на произволъ мудрымъ вельможамъ великаго двора вашего, въ полной увѣренности, что они возъимѣютъ неусыпное попеченіе о благѣ обѣихъ державъ.

Чистосердечная и искренняя преданность наша столь извѣстна В. В., что мы полагаемъ излишнимъ утруждать министровъ вашихъ повтореніемъ чувствованій живѣйшей горести и печали, исполнившей сердце наше, которыя уже изъяснены нами въ письмѣ, отправленномъ чрезъ Мирза-Масуда, по случаю бѣдственнаго приключенія, случившагося съ полномочнымъ министромъ В. В.

Единственное желаніе наше состоитъ въ томъ, чтобы существовали между благосклоннымъ дядею и отцомъ нашимъ тѣснѣйшій союзъ и вѣчное согласіе.—Умоляемъ всемогущаго Творца да сохранитъ онъ насъ отъ всякой вражды и отвратитъ сей источникъ горести и печали.

Такъ какъ высокостепенному Мамед-хану, начальнику всего нашего регулярнаго войска и одному изъ приближенныхъ и почетныхъ вельможъ нашего двора, поручено донести В. В. о нѣкоторыхъ предметахъ, то мы прибѣгаемъ съ просьбою къ В. В. даровать ему на то милостивое позволеніе и буде случатся какія нибудь дѣла или порученности, касающіяся нашего государства, удостоить его своихъ монаршихъ повелѣній.

Да продлитъ Всевышній благополучное царствованіе В. В.

Гр. Нессельроде — гр. Паскевичу.

12-го августа 1829 г.

Наконецъ совершилось торжественное событіе, къ которому, согласно великодушнымъ желаніямъ Государя Императора, стремились дѣятельныя усилія в. с. Персидское чрезвычайное посольство, допущенное 10-го текущаго мѣсяца къ высочайшему присутствію, предъ лицомъ міра засвидѣтельствовало невинность персидскаго правительства въ пагубномъ убіеніи нашего министра. Публичная ауді́енція, данная ихъ императорскими величествами принцу Хозров-мирзѣ, происходила со всѣмъ должнымъ великолѣпіемъ въ присутствіи двора, знаменитѣйшихъ особъ обоего пола и всего дипломатическаго корпуса. Послѣ того какъ принцъ, подавъ грамоту, за три дня полученную отъ шаха на высочайшее имя, произнесъ извинительную рѣчь и выслушалъ чрезъ меня отвѣтъ на оную Государя Императора, Е. В., взявъ Хозров-мирзу за руку, самъ изволилъ произнести слѣдующія слова: „я предаю вѣчному забвенію злополучное тегеранское происшествіе". Засимъ, принцъ удостоился кратковременнаго разговора съ Государемъ Императоромъ, въ особенной комнатѣ, гдѣ всѣ сановники посольства тогда же имѣли счастіе быть чрезъ него представленными. На сей, уже приватной ауді́енціи, Е. В. призналъ за благо замѣтить откровенно Хозров-мирзѣ негодованіе свое противу двуличной политики Персіянъ, позволившей имъ въ самое время отправленія къ намъ его, Хозров-мирзы, производить въ Константинополѣ переговоры съ врагами нашими.

Впрочемъ, нельзя было не замѣтить, сколь живую признательность внушилъ принцу и его свитѣ пріемъ, высочайше оказанный посольству. Теперь мы имѣемъ полное право надѣяться, что персидское правительство, свѣдавъ всѣ сіи подробности, убѣдится въ искреннемъ, великодушномъ расположеніи къ оному нашего двора.

Присовокупляя при семъ печатный церемоніалъ ауді́енціи и копіи съ рѣчей, произнесенныхъ на оной, какъ равно съ шахской и Аббасмирзы грамотъ, долгомъ поставляю извѣстить васъ, что всѣ сіи бумаги нынѣ же препровождаются отъ меня къ ген.-м. кн. Долгорукову.

Рѣчь, произнесенная на публичной ауді́енціи у шаха персидскаго ген.-м. кн. Долгоруковымъ.

Могущественный падишахъ Ирана! Посольство любезнѣйшаго внука вашего величества Хозров-мирзы разсѣяло всю тѣнь, которая могла бы помрачить сношенія Россіи съ Персіею. Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій, обладатель неисчислимыхъ царствъ, великій и могуще-

ственный мой Государь удостоилъ меня повелѣніемъ доставить къ вашему величеству сію дружественную грамоту, въ коей Государь Императоръ самъ изъясняетъ всѣ чувства, кои питаетъ къ вашему величеству.

Да узнаетъ вселенная, что великіе и мудрые вѣнценосцы Россіи и Ирана объяснились между собою и что всѣ недоумѣнія исчезли.

Остается мнѣ присовокупить, что, исполняя высочайшую волю моего великаго повелителя, я считаю себя сугубо счастливѣйшимъ предстать предъ вашимъ величествомъ, и вмѣстѣ съ симъ видѣть еще непоколебимѣе утвержденными сношенія двухъ большихъ государствъ, коихъ само Провидѣніе, по всѣмъ соображеніямъ, предназначило быть въ неразрывной связи и въ незыблемой дружбѣ.

Грамота Императора Николая Павловича—шаху Персидскому.

(По большомъ титулѣ).

Могущественнѣйшему, великолѣпнѣйшему, превозвышенному изъ всѣхъ великихъ государей на востокѣ, Богомъ и пророками охраняемому, повелителю и падишаху Персіи Фетх-Али-шаху, нашему брату и сосѣду, наше императорское привѣтствіе. Грамота вашего величества и объясненія, данныя намъ любезнѣйшимъ вашимъ внукомъ Хозров-мирзою, разсѣяли всѣ подозрѣнія, порожденныя злополучнымъ тегеранскимъ происшествіемъ. Выборъ посла по настоящему случаю былъ самый счастливый: скромное благомысліе Хозров мирзы положило конецъ таковому дѣлу, которое угрожало важными послѣдствіями.

Мы предали оное вѣчному забвенію и питаемъ пріятную надежду, что миръ и дружба нами равномѣрно будутъ сохранены ненарушимо, а наипаче при бдительныхъ и благонамѣренныхъ распоряженіяхъ управляющаго сопредѣльнымъ Россіи Адербейджаномъ, возлюбленнаго вашего сына Аббас-мирзы, вами утвержденнаго наслѣдникомъ престола и нами таковымъ торжественно навсегда признаннаго предъ цѣлымъ свѣтомъ.

Не можемъ, однако, скрыть отъ вашего величества, сколь прискорбны были сердцу нашему всѣ колебанія вашего министерства и всѣ его мѣры, казавшіяся направленными къ рѣшительному разрыву союза съ Россіею. Не опасеніе вторженія персидскихъ войскъ въ Закавказскія наши области занимало насъ, но мы единственно соболѣзновали, видя, что царство намъ сосѣднее, — царство, коего благосостояніе основано на неизмѣнной политикѣ нашего кабинета, добровольно подвергается неизбѣжному потрясенію. Движенія, возникшія въ Персіи, вынудили насъ дать повелѣніе о переходѣ потребнаго числа войскъ изъ внутри Россіи за Кавказъ. Внукъ вашъ видѣлъ

оныя самъ на пути; походъ ихъ причинилъ издержки весьма значительныя; со всѣмъ тѣмъ, какъ мы выше уже произнесли, повторяемъ и еще: предаемъ все вѣчному забвенію. Всѣ пожертвованія Россіи, кои не могли быть для насъ нечувствительными, при существующей, противу желанія нашего, войнѣ съ Турціею,—замѣняются живою радостью, каковую мы ощущаемъ отъ сохраненія прочнаго бытія и благосостоянія Персіи. Мы увѣрены, что къ сей священной цѣли обращены всѣ мысли вашего величества, и что дѣйствія министерства вашего направлены будутъ постоянно къ неразлучному съ тѣмъ соблюденію добраго между нами согласія, которое да утвердитъ Богъ навсегда и да продлитъ жизнь вашу, и, наконецъ, да благословитъ успѣхомъ всѣ тѣ предначинанія ваши, кои будутъ клониться къ устроенію счастія народовъ, великимъ Его промысломъ правленію вашему ввѣренныхъ. Хотя принцъ Хозров-мирза возвратится вскорости въ Персію и подтвердитъ вамъ все вышеизложенное въ подробности, мы не менѣе сочли нужнымъ поспѣшить отправленіемъ къ вашему величеству сей дружественной грамоты, которую повелѣли доставить къ вамъ императорской нашей свиты ген.-м. кн. Долгорукову, желая немедленно доказать предъ лицомъ Персіи, что мы взаимно объяснились и всѣ наши недоразумѣнія прекращены благополучно. С.-Петербургъ..... сентября, въ лѣто отъ Р. Х. 1829, государствованія же нашего въ четвертое.

Грамота Императора Николая Павловича—шаху Персидскому.

(По большомъ титулѣ).

Въ отвѣтъ на грамоту в. в., принесенную мнѣ вашимъ внукомъ, я уже имѣлъ удовольствіе на письмѣ изъяснить вамъ искреннія чувства души моей. Нынѣ пользуюсь обратнымъ отъѣздомъ Хозров-мирзы, дабы изъявить вамъ, сколь мнѣ пріятно, что онъ былъ избранъ в. в. для укрѣпленія союза Персіи съ Россіею. Похвальныя его качества, въ непродолжительное время пребыванія въ Россіи, пріобрѣли ему не токмо мое благоволеніе, но и любовь всеобщую. Я поздравляю васъ, державный государь, со внукомъ, подающимъ блестящія надежды: онъ явился здѣсь достойнымъ сыномъ любимаго вами наслѣдника вашего.

Въ заключеніе, я долгомъ почитаю поручить Хозров-мирзу особенному вниманію и милости вашего величества, и прошу васъ вѣрить непоколебимой моей дружбѣ. Въ С.-Петербургѣ, октября 6-го дня, въ лѣто отъ Рождества Христова 1829, государствованія же нашего въ четвертое.

Публичная высочайшая грамота—Аббас-мирзѣ.

Намъ любезному принцу Аббас-мирзѣ, наслѣднику персидской державы.

Оправданіе, принесенное отъ персидскаго правительства въ неприкосновенности его къ бѣдственному тегеранскому событію, для меня тѣмъ болѣе пріятно, что я принялъ оное отъ сына в. выс. Благоразумiемъ и похвальными качествами своими, онъ снискалъ полную мою благосклонность, и я прошу васъ, въ пріемѣ, оказанномъ Хозровмирзѣ среди россіянъ, и въ почестяхъ, какими онъ пользовался во время своего здѣсь пребыванія, видѣть вмѣстѣ залогъ моего личнаго расположенія къ вамъ и доказательство того благоволенія, какого сынъ вашъ показался мнѣ совершенно достойнымъ.

Я уже извѣстилъ в. выс. особымъ моимъ письмомъ о сложеніи одного изъ куруровъ, кои оставались неоплаченными Персіею по Туркменчайскому договору, и объ отсрочкѣ другаго на пять лѣтъ. Теперь имѣю сказать вамъ, что къ сему подвигло меня единственно желаніе доставить вамъ болѣе способовъ утвердить ваше положеніе на основаніяхъ незыблемыхъ. Въ семъ уваженіи вы можете быть увѣрены, что если бы вамъ встрѣтилась нужда въ содѣйствіи моемъ, то найдете меня всегда готоваго быть для васъ полезнымъ.

Поручая в. выс. покровительству всемогущаго Бога, пребываю вамъ навсегда благосклоннымъ. С.-Петербургъ, 12-го октября 1829 г.

(Внизу укрѣплена государственною печатью).

Особая высочайшая грамота — Аббас-мирзѣ

Намъ любезному принцу Аббас-мирзѣ, наслѣднику персидской державы.

Я получилъ письмо в. выс., присланное ко мнѣ чрезъ Хозровмирзу. Вамъ уже извѣстно, безъ сомнѣнія, отъ сына вашего, что я предъ лицомъ вселенной предалъ вѣчному забвенію прискорбное тегеранское происшествіе, побужденный къ сему чистосердечнымъ оправданіемъ, принесеннымъ торжественно отъ персидскаго двора.

Порученія, возложенныя вами на чрезвычайное посольство, были исполнены имъ въ объясненіяхъ съ моимъ министерствомъ. Но вы сами, одарены будучи отъ Бога прозорливымъ умомъ, сознаетесь, что послѣ убіенія моего министра въ Тегеранѣ, я показалъ довольно умѣренности, и теперь, когда объясненія по сему предмету едва приведены къ концу, не время Россіи обнаруживать чрезвычайное снисхожденіе и жертвовать правами, за нею утвержденными; особенно присовокуплю я, когда доходили до меня вѣрныя извѣстія, что, въ минувшую войну Россіи съ Турціею, сосѣдніе начальники персидскіе,

вопреки существующей между мною и вашимъ родителемъ дружбѣ, не разъ подавали руку помощи Оттоманамъ. И такъ, правительству Персіи подлежитъ спасительный подвигъ утвердить мою къ оному довѣренность, постоянно, неуклонно соотвѣтствуя миролюбивымъ моимъ видамъ и свято наблюдая всѣ статьи трактата. При всемъ томъ, стремясь показать оному мое доброжелательство, я нынѣ повелѣлъ, дабы изъ должныхъ Персіею по договору Туркменчайскому остальныхъ двухъ куруровъ—одинъ вовсе сложить, а платежъ другаго отсрочить на пять лѣтъ.

Впрочемъ, довольно мнѣ извѣстно положеніе государства Персидскаго; извѣстно, что не суммы, должныя и уплаченныя Россіи, разоряютъ его богатство, колеблютъ его силу и спокойствіе, но внутреннія смуты и неустройства народныя. Для отвращенія таковыхъ препонъ къ общему благоденствію, ваше правительство, напрягая всѣ усилія къ обузданію подданныхъ своихъ, покровительствуя торговлѣ и промышленникамъ, отъ всѣхъ народовъ стекающимся для оной въ Персію, пріобрѣтетъ сугубыя права на признательность персіянъ и на мое уваженіе. С.-Петербургъ, 12-го октября 1829 года.

(Приложена государственная печать).

Сообщ. Ад. П. Берже.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

1795 — 1829.

IV.[1])

Въ мартѣ 1823 г. Грибоѣдовъ прибылъ въ Москву. Разлука, разумѣется, не уменьшила любви родныхъ и друзей къ Александру Сергѣевичу. Обширный кругъ знакомыхъ радушно и съ уваженіемъ принялъ молодаго дипломата, не подозрѣвая, что онъ, въ портфелѣ своемъ, привезъ произведеніе, въ которомъ всѣ дѣйствующія лица сняты съ окружавшаго ихъ общества, и что многіе изъ круга общихъ знакомыхъ, своими чертами, послужатъ еще Грибоѣдову для окончательной отдѣлки «Горя отъ Ума». Дѣйствительно, въ бытность свою въ Москвѣ, Грибоѣдовъ имѣлъ возможность дополнить и окончательно отдѣлать свою комедію. Чтеніе ея въ пріятельскихъ кружкахъ возбудило тысячи разнорѣчивыхъ толковъ; одни—восхищались, другіе негодовали, а между тѣмъ стоустая молва и письма, частію даже имѣвшія характеръ предупрежденія кого слѣдуетъ, разнесли по Петербургу вѣсть о комедіи Грибоѣдова. Отрывки изъ комедіи и списки расходились по рукамъ; Булгаринъ напечаталъ нѣсколько сценъ въ своемъ альманахѣ: «Русская Талія». Петербургъ, какъ и слѣдовало ожидать, въ большинствѣ своего общества, отнесся къ произведенію Грибоѣдова съ бо̀льшимъ сочувствіемъ, нежели Москва. Особенно довольна была молодежь. Но, восхищаясь комедіей Грибоѣдова, она не замѣтила, однако, что онъ съ одинаковымъ безпристра-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1874 г., т. X, стр. 152—170.

стіемъ относится къ обоимъ лагерямъ: осмѣиваетъ отсталыхъ и смѣется надъ крайними западниками, къ числу которыхъ принадлежало большинство молодаго поколѣнія. Грибоѣдову, въ равной степени были противны и устарѣлыя, полу-татарскія идеи и слѣпое подражаніе иностранцамъ; въ Россіи онъ желалъ видѣть Россію самобытную, независимую отъ иноземныхъ помочей. Онъ не вполнѣ сочувствовалъ преобразованіямъ Петра Великаго, но и до-петровской Русью не восхищался.

Прибывъ въ Петербургъ въ маѣ 1824 г., Грибоѣдовъ пріобрѣлъ множество новыхъ знакомцевъ и, въ томъ числѣ, сблизился съ будущими декабристами. Онъ былъ особенно друженъ съ родственникомъ своимъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, съ К. Ѳ. Рылѣевымъ и А. А. Бестужевымъ. Довѣряясь благородству Грибоѣдова, они откровенно высказывали при немъ свои убѣжденія.... Однако, искренно любя своихъ пріятелей, Грибоѣдовъ не вполнѣ раздѣлялъ ихъ мнѣнія.

Замѣчательно, что другъ и родственникъ Грибоѣдова, десятью годами его моложе, князь А. И. Одоевскій былъ его постояннымъ спутникомъ въ домахъ знакомыхъ и въ театрѣ, къ которому въ Грибоѣдовѣ опять пробудилась сильная страсть, въ бытность въ Петербургѣ. Одоевскій удерживалъ Грибоѣдова отъ излишняго увлеченія закулисными цирцеями, ухаживая за которыми, авторъ «Горя отъ Ума» могъ навлечь на себя большія непріятности, особенно обращая вниманіе на танцовщицъ, пользовавшихся покровительствомъ гр. Милорадовича, котораго Грибоѣдовъ шутя называлъ le chevalier bavard.[1]) Для Грибоѣдова театръ былъ любимымъ развлеченіемъ. Въ Петербургѣ онъ жилъ уединенно, занимаясь изученіемъ восточныхъ языковъ (подъ руководствомъ профессора Казембека и Мирзы-Джафара), правовѣдѣнія, философіи, исторіи и политической экономіи. Изъ всѣхъ знакомыхъ ему домовъ, Грибоѣдовъ особенно любилъ посѣщать Андрея Андреевича Жандра, у котораго всегда былъ принятъ, какъ родной. Гостиныя большаго свѣта были несносны Грибоѣдову; бе-

[1]) Рыцарь-болтунъ, вмѣсто рыцарь Баярдъ, какъ величали Милорадовича. Кромѣ намека на говорливость, Грибоѣдовъ далъ свое прозвище графу, помня анекдотъ, какъ Милорадовичъ, говоря по-французски Александру I о смерти короля баварскаго, сказалъ вмѣсто: «le roi de Bavière»—«le roi des bavares». Ред.

сѣды съ литераторами и артистами онъ всегда предпочиталъ болтовнѣ свѣтскихъ людей, которые даже и не умѣли цѣнить Грибоѣдова, а если и цѣнили, то болѣе какъ должностное лицо, нежели какъ геніальнаго писателя.

Какъ мы сказали выше, поѣздка Грибоѣдова въ Петербургъ имѣла цѣлію выхлопотать отпускъ за границу, что̀ и было ему дозволено; однако же онъ не воспользовался этимъ дозволеніемъ, а заработался и загостился въ сѣверной столицѣ. Онъ былъ очевидцемъ наводненія 7-го ноября 1824 года, и это бѣдствіе поразило ужасомъ его впечатлительную душу; но именно какъ поэтъ въ душѣ, онъ нашелъ, по его словамъ, мучительное, невыразимое упоеніе, обозрѣвая на другой же день слѣды опустошенія, произведеннаго возмутившейся Невою.

Въ своемъ дневникѣ Грибоѣдовъ записалъ ужасы этого дня художественно-прекрасно, и сдѣлалъ это, можетъ быть, не безъ намѣренія, видя въ нихъ богатый матеріалъ для поэмы, или разсказа.

Грибоѣдовъ не могъ не сознавать достоинствъ своей комедіи, но похвалы «ему досаждали», какъ похвалы Фамусова Чацкому. Съ Булгаринымъ Грибоѣдовъ ладилъ, а между тѣмъ едва не разсорился не на шутку за то, что тотъ въ какой-то статьѣ расхвалилъ Грибоѣдова подъ именемъ «Талантина». Подъ вліяніемъ страннаго каприза, причуды, непонятной брюзгливости, Грибоѣдовъ написалъ Булгарину слѣдующее письмо, сохранившееся въ архивѣ этого литератора, съ его помѣткой карандашемъ:

«Грибоѣдовъ въ минуту сумасшествія».

«Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ. Тонъ и содержаніе этого письма покажутся вамъ странны, что же дѣлать?! Вы сами этому причиною. Я долго думалъ, не рѣшался, наконецъ, принялъ твердое намѣреніе—объявить вамъ истину; il vaut mieux tard, que jamais. [1]) Признаюсь, мнѣ самому жаль: потому что съ перваго дня нашего знакомства вы мнѣ оказали столько ласковостей; хорошее мнѣніе обо мнѣ я въ васъ почитаю искреннимъ. Но, несмотря на всѣ это, не могу далѣе продолжать нашего знакомства. Лично не имѣю противъ васъ ничего; знаю, что намѣреніе ваше было чисто, когда вы меня, подъ имянемъ

[1]) Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Талантина, хвалили печатно и, конечно, не думали тѣмъ оскорбить. Но мои правила, правила благопристойности и собственно къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной, или во всякомъ случаѣ слишкомъ предускоренной. Вы меня хвалили, какъ автора, а я именно, какъ авторъ ничего еще не произвелъ истинно-изящнаго. Не думайте, чтобы какая-нибудь внѣшность, мнѣнія другихъ людей меня побудили къ прерванію съ вами знакомства. Вѣрьте, что для меня моя совѣсть важнѣе чужихъ пересудовъ; и смѣшно бы было мнѣ дорожить мнѣніемъ людей, когда всемѣрно отъ нихъ удаляюсь. Я просто въ несогласіи самъ съ собою: сближаясь съ вами болѣе и болѣе, трудно самому увѣриться, что ваши похвалы были мнѣ не по сердцу, боюсь поймать себя на какой-нибудь низости, не выкланиваю-ли я еще горсточьку ладона!!

«Разстанемтесь. Я бѣгать отъ васъ не буду, но коли гдѣ встрѣтимся: то безъ пріязни и безъ вражды. Мы другъ друга болѣе не знаемъ. Вы вѣрно поймете, что, поступая, какъ я теперь, не съ горяча, а по весьма долгомъ размышленіи, не могу уже ни шагу назадъ отступить. Конечно, и васъ чувство благородной гордости недопуститъ опять сойтись съ человѣкомъ, который отъ васъ отказывается. Гречу объясню это пространнѣе..... а можетъ быть и нѣтъ, какъ случится. Прощайте. Я объ васъ всегда буду хорошихъ мыслей, даже почитаю долгомъ отзываться объ васъ съ благодарностію. Вы обо мнѣ думайте, какъ хотите. Милостивый государь, вашъ всепокорнѣйшій А. Грибоѣдовъ».

Октябрь.

На оборотѣ: «Его высокоблагородію, м. г., Ѳадею Венедиктовичу Булгарину».

Эта размолвка была непродолжительна; вскорѣ Грибоѣдовъ примирился съ Булгаринымъ, и дружба ихъ потомъ уже не нарушалась никакими ссорами.

Во время своего пребыванія въ Москвѣ и въ Петербургѣ, Грибоѣдовъ перевелъ стихами Прологъ изъ Фауста—Гёте (напечатанный въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» на 1825 годъ), написалъ Посланіе къ Телешовой («Сынъ Отечества» 1825 г.) [1])

[1]) Катерина Александровна Телешова была въ то время одною изъ любимѣйшихъ публикою танцовщицъ. По собственному выраженію Грибоѣдова, она: «вскружила ему голову».

и нѣсколько мелкихъ стихотвореній, въ томъ числѣ романсъ для водевиля князя П. А. Вяземскаго: «Братъ и Сестра» [1]). Къ этому же времени относится, вѣроятно, и эпиграмма, изъ которой долго печаталась одна только первая половина.[2])

Пользуясь даннымъ отпускомъ, изъ Петербурга Грибоѣдовъ проѣхалъ въ южную Россію и въ Крымъ и оттуда уже возвратился въ Грузію. Въ его «черновыхъ тетрадяхъ», напечатанныхъ Д. А. Смирновымъ, сохранились замѣтки, касающіяся преимущественно исторіи и археологіи Тавриды. По возвращеніи въ Грузію, Грибоѣдовъ участвовалъ, какъ охотникъ, въ экспедиціи генерала Вельяминова противъ чеченцевъ. Здѣсь, въ виду непріятеля, у подножія кавказскихъ горъ, Грибоѣдовъ написалъ стихотвореніе: «Хищники на Чегемѣ». Оно было напечатано въ «Сѣверной Пчелѣ» (1826 г., № 143), его перепечатали: Серчевскій («А. С. Грибоѣдовъ» стр. 61—63) и Смирдинъ («Сочиненія Грибоѣдова и Крюковскаго» Спб., 1854 г.), но съ ошибками и пропусками, дающими намъ полное право напечатать это стихотвореніе съ подлинника, писаннаго рукою Грибоѣдова:

Хищники на Чегемѣ.[3])

1.

Окопайтеся рвами, рвами
Отразите смерть и плѣнъ —
Блескомъ ружей, тверже стѣнъ!
Какъ не крѣпки вы стѣнами,
Мы надъ вами, мы надъ вами,
Будто быстрые орлы,
Надъ челомъ крутой скалы.

2.

Мракъ за насъ ночей безлунныхъ,
Шумъ потока, выси горъ,
Дождь и мгла, и вихрей споръ.
На угонъ коней табунныхъ,
На овецъ золоторунныхъ,
Гдѣ витаютъ вепрь и волкъ,
Нашъ залегъ отважный полкъ.

---

[1]) Перепечатанъ въ книгѣ Серчевскаго, стр. 72.
[2]) Напечатана тамъ же, стр. 72.
[3]) Горная рѣка при сѣверномъ-склоненіи Кавказа. Прим. **Булгарина**.

3.

Живы въ насъ отцевъ обряды,
Кровь ихъ буйная жива.
Таже въ небѣ синева!
Тѣже льдяныя громады,
Тѣже съ ревомъ водопады,
Таже дикость, красота,
По ущельямъ разлита!

4.

Наши камни, наши кручи!
Русь! Зачѣмъ воюешь ты?
Вѣковыя высоты
Досягнешь-ли? вонъ подъ тучей —
Двувершинный, и могучій,[1])
Рѣжется изъ облаковъ,
Надъ главой твоихъ полковъ.

5.

Паръ изъ бездны отдаленной
Вьется по его плечамъ,
Вотъ невидимъ онъ очамъ! —
Тойже тканію свіенной,
Такъ-же скрыты мы мгновенно,
Въ мигъ явились, мигомъ нѣтъ,
Выстрѣлъ, два — и сгинулъ слѣдъ.

6.

Двиньтесь узкою тропою!
Не въ краю вы селъ и нивъ,
Здѣсь стремнина, тамъ обрывъ,
Тутъ утёсъ — берите съ бою.
Камень сорваный стопою,
Въ глубь летигъ разбитый въ прахъ,
Риньтесь съ нимъ, откиньте страхъ!

7.

Ждемъ. Готовы къ новой сѣчѣ.....
Но и слухъ о нихъ исчезъ!..
Загарайся древній лѣсъ!
Лейся зарево далече!
Мы обсядемъ въ дружномъ вѣчѣ
И по ряду, дѣлежемъ
Дѣлимъ взятое ножемъ.

---

[1]) Эльборусъ. Ѳ. Б.

8.

Доли лучшія отложимъ
Нашимъ панцырнымъ князьямъ,
И Джигитамъ,[1]) Узденямъ,
Юныхъ плѣнницъ приумножимъ,
И Кадіямъ, людямъ Божьимъ,
Красныхъ отроковъ дадимъ
(Вѣрой станъ нашъ невредимъ).

9.[2])

Узникамъ удѣлъ обычный,
Надъ рабами высока
Ихъ стяжателей рука.
Узы — жребій имъ приличный;
Въ ихъ землѣ и свѣтъ[3]) темничный!
И ужасенъ-ли обмѣнъ?
Дома цѣпи! Въ чужѣ — плѣнъ!

10.

Дѣлимъ женамъ ожерелье,
Вотъ обломки хрусталя!
Пьемъ бузу! Стони земля!
Кликомъ огласись ущелье!
Падшимъ — миръ, живымъ — веселье.
Разъ еще увидѣлъ взоръ
Вольный край родимыхъ горъ!

А. Грибоѣдовъ.[4])

Кам. мостъ на Малкѣ.
** октября 1825.

Ермоловъ, при которомъ Грибоѣдовъ состоялъ на службѣ, любилъ его какъ роднаго сына, не полагая предѣловъ ни своей къ нему пріязни, ни снисходительности. Человѣкъ, именемъ котораго горянки пугали своихъ дѣтей и котораго горцы страшились, какъ грозы божьей—Ермоловъ, обладалъ рѣдкимъ даромъ привязывать къ себѣ подчиненныхъ, и гордый Грибоѣдовъ, отзываясь о немъ, не скупился на хвалы самыя восторженныя, хотя и далъ Ермолову прозвище «проконсула». Въ это же время при Ермоловѣ находился на Кавказѣ извѣстный нашъ партизанъ Де-

[1]) Джигитъ: удалецъ. **Ѳ. Б.**

[2]) Въ печати эта строфа была выброшена. **Ред.**

[3]) Это слово написано рукою Булгарина вмѣсто какого-то другаго слова, тщательно вытертаго.

[4]) Фамилія приписана рукою Булгарина. **Ред.**

нисъ Васильевичъ Давыдовъ. Грибоѣдовъ сошелся съ нимъ и полюбилъ его. Въ письмахъ своихъ къ С. Н. Бѣгичеву, онъ отзывался о Давыдовѣ съ самой выгодной стороны. Такъ, въ письмѣ отъ 7-го декабря 1825 г., онъ, между прочимъ, выразился: «Давыдовъ здѣсь во многомъ поправилъ бы ошибки самого Алексѣя Петровича (Ермолова). Эта краска рыцарства, какою судьба оттѣнила характеръ нашего пріятеля, привязала бы къ нему кабардинцевъ» [1]).

Въ началѣ февраля 1826 года, въ Екатериноградскую станицу, прямо къ Ермолову, явился курьеръ изъ Петербурга, для препровожденія туда Грибоѣдова, вслѣдствіе событій 14-го декабря 1825 г. Курьеръ засталъ Ермолова за ужиномъ. Прочитавъ депешу, Алексѣй Петровичъ шепнулъ Грибоѣдову, «чтобы онъ сжегъ бумаги, могущія его компрометировать», и далъ ему на это часъ времени. Грибоѣдовъ послѣдовалъ отеческому совѣту своего начальника; другая часть его бумагъ, находившаяся въ крѣпости Грозной, была вручена курьеру, съ нею вмѣстѣ и Грибоѣдовъ. Не зная за собою ничего преступнаго или предосудительнаго, онъ былъ не только спокоенъ, даже неистощимо веселъ во весь свой путь до Петербурга, куда курьеръ везъ его «къ отвѣту». Прибывъ въ Москву, Грибоѣдовъ, съ согласія уступчиваго своего провожатаго, пробылъ десять часовъ (съ четырехъ по полудни до двухъ ночи); успѣлъ повидаться съ своими друзьями — братьями Бѣгичевыми; позволилъ курьеру повидаться съ своими родными и затѣмъ поѣхалъ въ Петербургъ.

Подъ арестомъ въ главномъ штабѣ Грибоѣдовъ просидѣлъ четыре мѣсяца (съ февраля по іюнь 1826 г.), и памятникомъ этого грустнаго времени остались его записочки къ Булгарину (писанныя на лоскуткахъ и обрывкахъ сѣрой бумаги), въ первый разъ приводимыя здѣсь нами въ точныхъ спискахъ съ подлинниковъ:

Грибоѣдовъ — Булгарину.

1.

Съ дозволенія инквизиціи. [2])

«Друзья мои, Гречъ или Булгаринъ, кто изъ васъ, въ типогра-

[1]) См. «Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности» (Москва 1867) статья: «А. С. Грибоѣдовъ». **Ред.**

[2]) Письма 1, 2 и 4 были напечатаны въ фотолитографическихъ снимкахъ

фіи? Пришлите мнѣ газетъ какихъ-нибудь и журналовъ, и нѣтъ-ли у васъ «Чайльдъ-Гарольда?» Меня здѣсь заперли и я погибаю отъ скуки и невинности. Чуръ! Молчать. Грибоѣдовъ. Главный штабъ, 17-го февр.

Das Papier in's Feuer.[1])

«Ѳаддей, мой другъ, познакомься съ капитаномъ здѣшнимъ Жуковскимъ, nous sommes camarades comme cochons,[2]) можетъ быть удастся тебѣ и ко мнѣ проникнуть. Я писалъ къ Государю, ничего не отвѣчаетъ».

На оборотѣ: «М. г. Николаю Ивановичу Гречу или Ѳадею Венедиктовичу Булгарину въ собственныя руки».

2.

«Сто тысячъ разъ благодарю, что потѣшилъ заключеннаго; а то я сидѣлъ только и проклиналъ моихъ гонителей. Сдѣлай одолженіе не пугайся. Бояться людей, значитъ, баловать ихъ. Пришли мнѣ Пушкина стихотворенія на однѣ сутки. Какъ бы я желалъ тебя видѣть».

На оборотѣ: «Издателю Сѣверной Пчелы».

3.

«Атласъ къ Анахарсису. Вчера я говорилъ Жуковскому,[3]) что ты у него былъ; онъ у меня спрашивалъ, видѣлъ-ли ты меня? Нѣтъ. Коли захочешь, онъ доставитъ тебѣ случай у меня побывать.

(На четвертушкѣ грубой оберточной бумаги).

4.

«Благодарю тебя за четвероногіе «Аппологи»; на дняхъ дочитываю «Degerando»; коли еще нѣтъ продолженія, то достань мнѣ старое изданіе, которое мнѣ 15 лѣтъ тому назадъ подарилъ профессоръ Буле; оно доведено до Фихте и Шеллинга. Также «Анахарсиса» скоро кончу и попрошу на мѣсто его «Шу-

---

въ нашемъ и Ѳ. К. Опочинина изд. «Сборникъ снимковъ съ автографовъ Русскихъ дѣятелей», стр. 57 — 59. Ред.

[1]) Бумагу въ огонь.

[2]) Мы съ нимъ закадычные пріятели.

[3]) Капитанъ главнаго штаба, о которомъ упомянуто въ первой запискѣ. Ред.

бертовы календарики». Кажется, что мнѣ воли еще долго не видать, и вѣроятно, буду отправленъ съ фельдъегеремъ; въ такомъ случаѣ, я матушкѣ дамъ знать о деньгахъ, которыми ты меня одолжилъ».

5.

«Дай, братъ, пожалуста длинныхъ академическихъ газетъ, да еще какихъ-нибудь журналовъ, я тотчасъ пришлю назадъ. Вѣрный твой другъ».

(Писано на клочкѣ сѣрой бумаги).

6.

«Любезный другъ. Съ нами чудныя происшествія. Караулъ приставленъ строжайшій, причина неизвѣстная. Между тѣмъ я Комитетомъ оправданъ начисто, какъ стекло. Ивановскій,[1]) благороднѣйшій человѣкъ, въ крѣпости говорилъ мнѣ самому, и всякому гласно, что я немедленно буду освобожденъ. Притомъ обхожденіе со мною, какъ его, такъ и прочихъ, было совсѣмъ не то, которое имѣютъ съ подсудимыми. Казалось, все кончено. Съѣзди къ Ивановскому, онъ тебя очень любитъ и уважаетъ; онъ членъ вольнаго Общества Любителей Словесности и много во мнѣ принималъ участія. Разскажи ему мое положеніе и навѣдайся, чего мнѣ ожидать. У меня желчь такъ скопляется, что боюсь слечь или съ курка спрыгнуть. Да не будь трусъ, напиши мнѣ, я записку твою сожгу, или передай свѣдѣніе Ж*, а тотъ перескажетъ А*, а А* найдетъ способъ мнѣ сообщить. Vale».

Булгаринъ — Грибоѣдову.

«Любезный другъ! Береги свое здоровье, не мучься и не терзайся напрасно. Ты невиненъ, слѣдственно будешь освобожденъ въ самомъ скорѣйшемъ времени, и одна только печальная церемонія могла удержать теченіе дѣлъ. Почтеннѣйшій Михайла Петровичъ разскажетъ тебѣ, что твое освобожденіе — вещь вѣрная. Цѣлый городъ знаетъ, съ какою радостью Государь освобождаетъ невинныхъ; за что-жъ тебя, ангела, стали бы держать? Пожалуйста успокойся! Умъ и твердость познаются въ противностяхъ судьбы. Ты подвергся только кроткому опыту. Перенеси съ твердостью, и вѣрь, что я въ сердцѣ болѣе мучусь твоею мукою,

[1]) См. о немъ «Русская Старина», т. IX, 1874 г., февр., стр. 392. **Ред.**

нежели ты своимъ заключеніемъ. Теперь я успокоился, и ты успокойся. Познай руку Провидѣнія, которое спасло тебя отъ клеветы. Надѣюсь вскорѣ при.....»

На этихъ словахъ письмо разорвано, а на оборотѣ рукою Грибоѣдова написана слѣдующая записочка:

Грибоѣдовъ—Булгарину.

7.

«Сдѣлай одолженіе, достань у Греча или у кого-нибудь атласъ къ «Анахарсису», или какую-нибудь карту Греціи, да новыхъ журналовъ пришли. О правосудіе!!»

8.

«Любезный другъ, коли ты будешь что-нибудь писать о «Телеграфѣ», не можешь-ли его спросить, какъ онъ ухитрился произнести грозный судъ о ходѣ Катенинской трагедіи по одному только дѣйствію, которое напечатано въ «Таліи»? Это или что-нибудь подобное пожалуйста скажи печатно. Коли я напишу, то никого не увѣришь, чтобы тутъ не примѣшивалось дружеское пристрастіе; я думаю, лучше коли-бы ты самъ вступился.

«Прощай, будь здравъ. Вѣрный твой А. Г.»

9.

19-го марта. (1826 г.)

«Любезный другъ. Одолжи меня 150 рублями, а коли у тебя нѣтъ, то извѣсти о моемъ голодномъ положеніи Ж** или Петр. Никол. Ч*. Въ случаѣ, что меня отправятъ куда-нибудь подалѣе, я чрезъ подателя этой же записки передамъ тебѣ мой адамантовый крестъ, а ты его по боку. Прощай».

10.

«Любезный другъ, очень, очень благодаренъ тебѣ за присылку денегъ. Сдѣлай одолженіе, достань мнѣ «Тавриду» — Боброва, да ежели нельзя имѣть на подержаніе, то купи мнѣ le Calcul différentiel de Francoeur,[1]) по-французски или по-русски».

(На другой половинѣ этой же записки):

«19-го марта получилъ я въ займы отъ Ѳадея Венедиктовича

[1]) Дифференціальное исчисленіе Франкёра.

Булгарина ассигнаціями сто пятьдесятъ рублей. Александръ Грибоѣдовъ».

11.

«Христосъ воскресе,[1]) любезный другъ. Жуковскій (капитанъ) просилъ меня достать ему точно такое же народное изданіе Крылова, какъ то, которое ты мнѣ прислалъ. Купи у Слѣнина. Vous entendez bien, que je ne peux pas lui refuser un petit présent de ce genre.[2]) Да пришли, братъ, газетъ. Другъ мой, когда мы свидимся!!!»

«NB. Крылова онъ нынче же долженъ подарить въ имянины какой-то ему любезной дамочки».

Наконецъ, въ первыхъ числахъ іюня 1826 г., Грибоѣдовъ, совершенно оправданный, освобожденный изъ-подъ ареста, обласканный императоромъ Николаемъ Павловичемъ, былъ награжденъ (8-го іюня) чиномъ надворнаго совѣтника. Но радость его, конечно, была омрачена мыслью объ участи людей когда-то ему близкихъ: страшная кара постигла А. И. Одоевскаго, В. К. Кюхельбекера, которыхъ Грибоѣдовъ любилъ отъ всего сердца. Черезъ два года, прибывъ въ Петербургъ съ Туркманчайскимъ договоромъ и щедро награжденный императоромъ, онъ писалъ къ изгнаннику Одоевскому дружеское письмо, проникнутое любовью друга (см. ниже).

Лѣто 1826 г. Грибоѣдовъ провелъ на уединенной дачѣ, на Выборгской сторонѣ, прилежно занимаясь музыкою и литературою. Къ этому времени относятся слѣдующія его письма къ Булгарину:

12.

«Любезный другъ, пересмотри все, что я отмѣтилъ на память, потому что у меня никакой нѣтъ книги о Персіи. Зачѣмъ ты мнѣ прислалъ вдвойнѣ работу? Я сначала не примѣтилъ, что это одно и тоже и писалъ на черномъ спискѣ, потомъ тоже принужденъ былъ перенести въ бѣлую тетрадь?»

«NB. При имяни Александра Гривсъ, въ Бомбеѣ, нельзя-ли приложи ь слѣдующее замѣчаніе:

---

[1]) Въ 1826 году праздникъ св. Пасхи былъ 18-го апрѣля. Ред.

[2]) Вы понимаете, конечно, что я не могу отказать ему въ подарочкѣ этого рода.

«Семейство Гривсъ, дѣти покойнаго Петербургскаго медика, получило наслѣдство послѣ дяди въ Бомбеѣ, съ условіемъ въ немъ поселиться. Тамъ дѣвицы Гривсъ славятся своею красотою и привязанностью къ Россіи, и вообще извѣстны подъ названіемъ гордыхъ Петербургскихъ красавицъ. Многіе знаменитые искатели домогались ихъ руки, но не были приняты даже въ число ихъ знакомыхъ, между тѣмъ какъ всякій Русскій, или хоть мелькомъ побывавшій въ Россіи, находитъ въ ихъ домѣ самый ласковый и родственный пріемъ. Здѣсь новый этому опытъ.

«Неужели ты не замѣтилъ, что Цикулинъ вретъ объ англійскомъ наказаніи кошками?!»

13.

«Очень хорошъ и заботливъ ты, Калибанъ Венедиктовичъ! Присылаешь ко мнѣ Муханова, а не могъ мнѣ дать знать объ отправленіи въ ночь фельдъегеря; такимъ образомъ, заготовленныя мои письма остались въ столѣ и будутъ лежать по твоей милости. Гдѣ ты вчера, моя душа, набрался необыкновеннаго вдохновенія? Эй, берегись. Галича получилъ; на счетъ шейнаго платка успокой Семена, которому прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе».

14.

«Любезный Булгаринъ, какъ тебя Богъ бережетъ? О Гречѣ я слышалъ непріятность, будто его снова-здорово преслѣдуютъ за Госнера[1]); я, между тѣмъ, странствую по берегу морскому и переношусь то на верхъ Дудоровой горы, то въ пески Ораніенбаума; на дняхъ ворочусь, и прямо въ твою пустыньку.[2]) «Bergeron» не нашелся у Майера; Шмидта я прочелъ и лучше бы не читалъ: безконечное преніе объ уродахъ Уйгурахъ, Турки-ли они

[1]) Въ мартѣ 1824 г. Гречъ печаталъ въ своей типографіи, съ одобренія цензора Бирукова, переводъ «Толкованій на Новый завѣтъ» — пастора Госнера. По происканъ Магницкаго, книга была признана вредною, и издатель подвергся всякимъ гоненіямъ—явнымъ и тайнымъ. Дѣло пошло на разсмотрѣніе комитета министровъ, въ сенатъ; тянулось пять лѣтъ и окончилось, въ 1828 г., совершеннымъ оправданіемъ Греча. Этотъ процессъ имѣлъ на его литературныя дѣла, а съ ними вмѣстѣ и на денежныя его выгоды, большое вліяніе.

Ред.

[2]) На дачу, на берегу Невки, гдѣ онъ жилъ вмѣстѣ съ Булгаринымъ.

Ред.

или Тангутцы? Тибетинцы? Столько трудовъ для объясненія себѣ, кто былъ давно исчезнувшій народъ, о которомъ почти никто не говорилъ, который ничего не сдѣлалъ достопамятнаго и пропалъ, какъ не бывалъ. Сдѣлай одолженіе, пришли «Времянникъ» и «Абуль-Газа», да коли нѣтъ «Бержерона», такъ по-русски «План-Карпина»; вѣроятно, достать можно. Онъ у меня въ Москвѣ есть. Прощай, поминай добромъ. Греча очень, очень жалѣю, но увѣренъ, что всѣ нападки на него пустые. Вѣрный твой».

На оборотѣ: «М. г. Ѳадею Венедиктовичу Булгарину».

V.

Туча, грозившая Грибоѣдову въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, какъ мы уже сказали выше, разрѣшилась милостями къ нему государя, но одновременно опала царская постигла А. П. Ермолова, котораго, 29-го марта 1827 г., замѣнилъ Паскевичъ; при немъ, въ той же самой должности, въ которой былъ при Ермоловѣ, состоялъ и Грибоѣдовъ. Д. В. Давыдовъ, въ своихъ запискахъ,[1]) видитъ въ этомъ явленіи доказательство неблагодарности Грибоѣдова и, по этому поводу, почтенный партизанъ-литераторъ, къ слову, глумится и надъ дипломатическими способностями автора «Горя отъ Ума»... «Грибоѣдову», говоритъ онъ—«не знакомому ни съ какими формами, приходилось иногда, за отсутствіемъ Мазаровича, писать бумаги въ Тифлисъ, гдѣ онѣ возбуждали въ канцеляріи Ермолова лишь смѣхъ».

Воздерживаясь отъ всякихъ голословныхъ оправданій памяти Грибоѣдова, ограничимся указаніемъ на напечатанное въ «Русской Старинѣ» подлинное его донесеніе 1827 г. (Персія и Персіяне, «Р. С.», т. VII, 1873 г., іюнь, стр. 799), предоставляя самому читателю судить, какъ о дипломатическихъ способностяхъ Грибоѣдова, такъ и объ его умѣньи писать форменныя бумаги.

Что касается до намека Д. В. Давыдова, будто Грибоѣдовъ поступилъ на службу къ Паскевичу ради покровительства отъ «роднаго человѣка», то и намекъ этотъ не основателенъ. Опредѣленію Грибоѣдова на службу при Паскевичѣ были иныя, уважительнѣйшія причины.

Грибоѣдовъ до послѣдней минуты горячо любилъ свою мать, прилагая объ участи ея самыя нѣжнѣйшія попеченія. Не беремся

[1]) См. «Русскій Вѣстникъ», 1863 г., декабрь, т. 48, стр. 583–584.

судить, умѣла-ли она цѣнить любовь сына, но изъ статьи Д. А. Смирнова[1]) видимъ, что нрава она была довольно крутаго и сварливаго. Узнавъ, что сына везутъ въ Петербургъ съ фельдъегеремъ (въ февралѣ 1826 г.), она, «съ обыкновенной своей заносчивостью, съ первыхъ же словъ начала ругать сына на чемъ свѣтъ стоитъ: и карбонарій-то онъ, и вольнодумецъ, и проч. и проч.».

Когда Грибоѣдовъ прибылъ изъ Петербурга въ Москву награжденный чиномъ надворнаго совѣтника, Настасья Ѳедоровна, предвидя, что онъ при Паскевичѣ, женатомъ на ея родной племянницѣ, много выиграетъ по службѣ, всячески уговаривала его искать покровительства будущаго фельдмаршала. Грибоѣдовъ отнѣкивался, понимая всю неловкость своего положенія. Тогда г-жа Грибоѣдова прибѣгнула къ другому средству. Она пригласила Александра Сергѣевича ѣхать съ нею помолиться къ Иверской Божіей матери.. Отслужили молебенъ—и г-жа Грибоѣдова, упавъ передъ сыномъ на колѣни, стала слезно умолять его согласиться на то, о чемъ она попроситъ. Грибоѣдовъ, глубоко тронутый, далъ слово—и мать объявила ему, чтобы онъ ѣхалъ служить къ Паскевичу. Могъ-ли Грибоѣдовъ отказать матери?....

Судьба рѣдко тѣшила его удачами и успѣхами, но при каждой ея улыбкѣ, при каждомъ улучшеніи денежныхъ своихъ средствъ, Грибоѣдовъ радовался, не столько за себя, сколько за мать, имѣніе которой было постоянно разстроено. Въ послѣдній разъ, уѣзжая изъ Россіи (въ 1828 г.), всѣмъ друзьямъ своимъ и короткимъ знакомымъ онъ говорилъ, что принялъ постъ посланника единственно съ цѣлію улучшить состояніе своей матери. И это была совершенная истина.

Исполнилось желаніе г-жи Грибоѣдовой—сынъ ея поступилъ на службу подъ начальство Паскевича и, вмѣстѣ съ нимъ, прибылъ въ Тифлисъ. Отсюда, въ декабрѣ 1826 г., онъ писалъ Булгарину:

11-го декабря (1826 г.).

«Сарматъ мой любезный. Помнишь-ли ты меня? А коли помнишь, присылай мнѣ свою «Пчелу» даромъ, потому что у меня нѣтъ ни копѣйки.

---

[1]) «Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности». Москва, 1867, Выпускъ первый. Отдѣленіе второе, стр. 24 — 25.

«Часто, милый мой, вспоминаю о Невкѣ, на берегу которой мы съ тобою дружно и мирно пожили, хотя недолго. Здѣсь твои листки такъ цѣнятся, что ихъ въ клочки рвутъ, и до меня недоходитъ ни строчки, хотя я членъ того клуба, который всякія газеты выписываетъ. Воротилась-ли твоя Länchen? Mein Gruss und Kuss. Tantchen auch meine Wünsche für ihr Wohl[1]) передай исправно. Гречу поклонись. Благодаримъ тебя за присланную Фуссову статью: «Одинъ день изъ жизни Суворова».

«Твои прогулки и встрѣчи тоже здѣсь высоко ставятся; за 3,000 в. полагаютъ, что это истинная картина Петербургскихъ нравовъ. Продолжай, будь также плодовитъ въ твоихъ произведеніяхъ, какъ ты милъ и добръ въ обществѣ хорошихъ пріятелей. Прощай, благослови тебя Богъ. Вѣрный твой.

«P. S. Не искажай слишкомъ Персидскихъ именъ и нашихъ здѣшнихъ, какъ Шаликовъ въ Московскихъ газетахъ пишетъ Шаманда, вмѣсто Шамшадиль, etc. etc.

«Отъ чего вы такъ мало пишите о сраженіи при Елисаветполѣ, гдѣ 7,000 Русскихъ разбили 35,000 Персіянъ?[2]) Самое дерзкое то, что мы врѣзались и учредили наши батареи за 300 саженей отъ непріятеля и, по превосходству его, были имъ обхвачены съ обоихъ фланговъ, а самое умное, что пѣхота наша за бугромъ была удачно поставлена внѣ пушечныхъ выстрѣловъ, но это обстоятельство нигдѣ не выставлено въ описаніи сраженія.

Положеніе Грибоѣдова между двухъ враждовавшихъ генераловъ было крайне непріятное: Паскевичъ — родственникъ, искренно къ нему расположенный; Ермоловъ еще въ недавнее время любилъ Грибоѣдова, какъ роднаго сына..... Въ мартѣ 1827 г. Ермоловъ уступилъ свое мѣсто молодому Паскевичу и покинулъ Кавказъ.[3]) Въ половинѣ мая Грибоѣдовъ участвовалъ съ Паскевичемъ въ персидскомъ походѣ. Въ дипломатѣ заго-

---

[1]) «Леночка? Мой поклонъ и поцѣлуй. Тантушкѣ тоже пожеланія всякихъ благъ.

[2]) 13-го сентября 1826 г. Честь побѣды этого дня неотъемлемо принадлежитъ кн. Мадатову. См. въ «Русской Старинѣ» изд. 1873 г., т. VII.

Ред.

[3]) Изъ статей, относящихся къ этой эпохѣ и напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ», назовемъ слѣдующія: т. V, 1872 г., Ермоловъ, Дибичъ и Паске-

рила кровь прежняго кавалериста, и онъ съ одинаковымъ пыломъ переходилъ отъ пера къ саблѣ, отъ канцелярскаго стола подъ сѣнь боеваго шатра. Еще въ половинѣ апрѣля, передъ открытіемъ военныхъ дѣйствій, онъ писалъ Булгарину изъ Тифлиса:

16-го апрѣля 827 г. Тифлисъ.[1])

«Любезный другъ Ѳадей Венедиктовичъ. Прежде всего прозьба, чтобы незабыть, а потомъ уже благодарность за дружеское твое вниманіе къ скитальцу въ восточныхъ краяхъ. Пришли мнѣ пожалуйста статистическое описаніе, самое подробнѣйшее, сдѣланное по лучшей новѣйшей системѣ, какого-нибудь округа южной Франціи, или Германіи, или Италіи (а именно Тосканской области, коли есть, какъ края, наиболѣе воздѣланнаго, и благоустроеннаго), на какомъ хочешь языкѣ, и адресуй въ канцелярію главноуправляющаго на мое имя. Очень меня обяжешь. Я бы извлекъ изъ этого таблицу нестоль многосложную, но по крайней мѣрѣ порядочную, которую бы разослалъ нашимъ окружнымъ начальникамъ, съ кадрами, которые имъ надлежитъ наполнить. А то съ этимъ невѣжественнымъ чиновнымъ народомъ вѣкъ ничего не узнаешь, и сами они ничего знать не будутъ.[2]) При Алексѣѣ Петровичѣ у меня много досуга было, и если я немного наслужилъ, такъ вдоволь начитался. Авось теперь, съ Божіею помощію, употреблю это въ пользу.

«Стихи Жандра въ 1-мъ № я нигдѣ не могъ отыскать, ты не прислалъ мнѣ, а другіе—«къ Музѣ» я, еще не зная, чьи они, читалъ здѣсь вслухъ у Ховена и увѣренъ былъ, что это произведеніе человѣка съ большимъ дарованіемъ. (Поощряй, пришпоривай его. А я надѣюсь, что, воротясь изъ похода, какъ-нибудь его сюда выпишу). Не могу довольно отблагодарить тебя за прежнее твое письмо, и за присылку журналовъ.

«Желалъ бы имѣть цѣлаго «Годунова». Повѣса Левъ Пушкинъ здѣсь, но не имѣлъ ко мнѣ достаточно вниманія, и не при-

---

вичъ (стр. 706), А. П. Ермоловъ (стр. 431); т. VI,—А. П. Ермоловъ (стр. 493); Ермоловъ, Дибичъ и Паскевичъ (стр. 39); т. VII: Персія и Персіяне,—донесеніе Грибоѣдова (стр. 799). Ред.

[1]) Письмо это было напечатано въ книгѣ Серчевскаго (А. С. Грибоѣдовъ, стр. XVIII—XIX), но съ большими пропусками. Ред.

[2]) Со словъ: «а то...» до конца зачеркнуто Булгаринымъ карандашомъ. Ред.

везъ мнѣ братнина манускрипта. Зато я принялъ его по непріятельски: велѣлъ принести пистолеты и во все время, что онъ у меня сидѣлъ, стрѣлялъ въ дверь моей комнаты, пробилъ ее насквозь съ верху до низу, и Льва съ пальбой отпустилъ въ полкъ на юнкерство.[1])

«Въ первой сценѣ «Бориса» мнѣ нравится Пименъ—старецъ, а юноша Григорій говоритъ, какъ самъ авторъ, вовсе не языкомъ тѣхъ временъ.[2])

«Неожидай отъ меня стиховъ; Горцы, Персіяне, Турки, дѣла управленія, огромная переписка нынѣшняго моего начальника поглощаютъ все мое вниманіе. Не надолго, разумѣется: кончится кампанія, и я откланяюсь. Въ обыкновенныя времена никуда не-гожусь: и не моя вина; люди мелки, дѣла ихъ глупы, душа черствѣетъ, разсудокъ затмѣвается и нравственность гибнетъ безъ пользы ближнему.[3])

«Я рожденъ для другаго поприща.

«Развѣдай у Петерса, моего портнаго, и Жандра попроси, что онъ пятый мѣсяцъ не шлетъ мнѣ платье, получивши деньги 600 р. отъ матушки. Скажи ему по-французски, что онъ свинья. 1-я глава твоей «Сиротки» такъ съ натуры списана, что (прости душа моя) невольно подумаешь, что ты самъ когда-нибудь валялся съ кудлашкой. Тьфу, пропасть! какъ это смѣшно, и жалко, и справедливо. Я нѣсколько разъ заставлъ моего Александра,[4]) когда онъ это читалъ вслухъ своимъ пріятелямъ. Многіе просятъ, чтобы ты непремѣнно продолжалъ и окончилъ эту повѣсть.

«Länchen meiner liebenswürdiger Freundinn und Tante meinen besten Gruss[5]). Прощай; кланяйся друзьямъ и помни о добромъ пріятелѣ, который тебя душевно любитъ. А. Г.».

На оборотѣ: «Его высокоблагородію Ѳадею Венедиктовичу Булгарину, издателю «Сѣверной Пчелы» и пр. Въ С.-Петербургъ, въ типографію Н. И. Греча».

---

[1]) Со словъ: «повѣса Левъ...» до конца зачеркнуто въ подлинникѣ карандашомъ. Ред.

[2]) Со словъ: «а юноша...» въ подлинникѣ зачеркнуто карандашомъ. Ред.

[3]) Со словъ: «люди...» въ подлинникѣ зачеркнуто карандашомъ. Ред.

[4]) Александръ Грибовъ — молочный братъ и камердинеръ Грибоѣдова. Ред.

[5]) «Леночкѣ (женѣ Булгарина), любезнѣйшему моему другу, и тантѣ (ея теткѣ) мой глубокій поклонъ».

Принимая участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, находясь безотлучно при Паскевичѣ, Грибоѣдовъ, по мѣрѣ силъ, содѣйствовалъ ему въ подвигахъ, ознаменовавшихъ эту кампанію, блестящую для нашего оружія. Движеніе къ Аббасъ-Аббаду и даже къ Эривани было слѣдствіемъ убѣдительныхъ настояній Грибоѣдова. Неоднократно, на конѣ, онъ гарцовалъ подъ непріятельскими выстрѣлами, выказывая при этомъ храбрость и хладнокровіе бывалаго, опытнаго воина. «Нашъ слѣпой»[1])—писалъ Паскевичъ г-жѣ Грибоѣдовой—«совсѣмъ меня не слушается: разъѣзжаетъ себѣ подъ пулями, да и только». Не храбрость Грибоѣдова вмѣняя ему въ заслугу, но признательный къ трудамъ его въ кругу служебной дѣятельности, Паскевичъ, въ декабрѣ 1827 г., исходатайствовалъ Грибоѣдову чинъ коллежскаго совѣтника.

Путемъ побѣдъ война близилась къ окончанію славнымъ миромъ Туркменчайскимъ, слѣдствіемъ котораго было присоединеніе къ Россіи сѣверо-восточной Арменіи (провинцій Эриванской и Нахичеванской). Чуждый мелочнаго тщеславія, Грибоѣдовъ радовался успѣхамъ нашего оружія и восторженно увѣдомлялъ о нихъ своихъ друзей въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Вскользь упоминая о собственныхъ своихъ заслугахъ, онъ увлекательно описывалъ ратные подвиги, которыхъ былъ свидѣтелемъ.

Въ переговорахъ о мирѣ Грибоѣдовъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе. Онъ посѣтилъ Аббаса-Мирзу въ его лагерѣ и, несмотря на всѣ уловки и увертки персидскихъ сановниковъ, презирая происки Аллаяр-хана, зятя Фетх-Али-шаха и главнаго виновника бѣдственной для Персіи войны, Грибоѣдовъ привелъ переговоры къ желанному, успѣшному окончанію. Туркманчайскій миръ былъ подписанъ 10-го февраля 1828 г. На Грибоѣдова возложилъ Паскевичъ поднесеніе Государю Туркманчайскаго договора. Исторія оцѣнитъ по достоинству этотъ славный договоръ, во всѣхъ отношеніяхъ выгодный для Россіи, особенно въ виду предстоявшей тогда турецкой кампаніи. Д. В. Давыдовъ, въ своихъ «Запискахъ», не одобряетъ дѣйствій Паскевича. По словамъ почтеннаго партизана, Паскевичъ въ Персіи надѣлалъ тьму ошибокъ.[2])

---

[1]) Намёкъ на близорукость Грибоѣдова, носившаго очки. **Ред.**

[2]) См. «Русскую Старину», изд. 1872 г., т. VI, Записки Д. В. Давыдова.

Грибоѣдовъ не искалъ тѣхъ почестей, которыми его осыпали за персидскую кампанію. Онъ говорилъ самому Паскевичу, что денежное награжденіе, которымъ можно поправить дѣла его матери, онъ предпочитаетъ всякимъ повышеніямъ и почестямъ.

Проѣздомъ черезъ Москву, Александръ Сергѣевичъ посѣтилъ Бѣгичевыхъ и, по собственному его выраженію, «имѣлъ безтактность» явиться къ А. П. Ермолову.[1]) Герой Кавказа принялъ молодаго дипломата, разумѣется, угрюмо и холодно; поздно понялъ Грибоѣдовъ свою ошибку. Это сознаніе побудило его сказать Степану Никитичу Бѣгичеву, или брату его, Димитрію Никитичу: «я вѣчный злодѣй Ермолова!»—въ томъ смыслѣ, т. е., что старикъ глядитъ на него, какъ на личнаго врага, а отнюдь не потому, чтобы онъ самъ питалъ къ Ермолову чувства ненависти. Ѣдучи въ Петербургъ, Грибоѣдовъ живо вспомнилъ, какъ ровно два года тому назадъ, при иныхъ обстоятельствахъ, онъ ѣхалъ въ Петербургъ «къ отвѣту», тяжесть котораго была такъ значительно облегчена ему великодушнымъ Ермоловымъ.

Въ Петербургъ Грибоѣдовъ прибылъ вечеромъ 14-го марта 1828 г. Императоръ пожаловалъ вѣстнику о мирѣ чинъ статскаго совѣтника, орденъ св. Анны, алмазами украшенный, и четыре тысячи червонныхъ. Взысканный щедротами государя, осыпаемый поздравленіями за него радовавшихся друзей, любезностями знати и лестью скороспѣлыхъ поклонниковъ всякаго успѣха, Грибоѣдовъ писалъ (оффиціальнымъ путемъ, чрезъ начальство) другу своему А. И. Одоевскому:

С.-Петербургъ.

«Братъ Александръ! подкрѣпи тебя Богъ! Я сюда прибылъ на самое короткое время. Государь наградилъ меня щедро за мою службу. Бѣдный другъ и братъ! зачѣмъ ты такъ несчастливъ? Теперь ты бы порадовался, если бы видѣлъ меня гораздо въ лучшемъ положеніи, нежели прежде; но я тебя знаю, ты не останешься равнодушенъ, при полученіи этихъ строкъ и тамъ, въ дали, въ горѣ и въ разлукѣ съ ближними.

«Осмѣлюсь - ли предложить тебѣ утѣшеніе въ нынѣшней

[1]) «Этого я себѣ простить не могу»—говорилъ Грибоѣдовъ въ Петербургѣ нѣкоторымъ изъ короткихъ знакомыхъ (въ ихъ числѣ и П. А. Каратыгину). «Что могъ подумать Ермоловъ? Точно я похвастать хотѣлъ..... а ей-Богу заѣхалъ къ нему по старой памяти!» Ред.

судьбѣ твоей? Но есть оно для людей съ умомъ и чувствомъ. И въ страданіи заслуженномъ можно сдѣлаться страдальцемъ почтеннымъ. Есть внутренняя жизнь—нравственная и высокая, независимая отъ внѣшней. Утвердиться размышленіемъ въ правилахъ неизмѣнныхъ, сдѣлаться въ узахъ и въ заточеніи лучшимъ, нежели въ самой свободѣ, вотъ подвигъ, который тебѣ предлагаю. Но кому я это говорю? Я оставилъ тебя прежде твоей экзальтаціи въ 1825 г. Она была мгновенна, и ты, вѣрно, теперь тотъ же мой кроткій, умный и прекрасный Александръ, какимъ былъ въ Стрѣльнѣ и въ Коломнѣ, въ домѣ Погодина. Помнишь, мой другъ, во время наводненія, какъ ты плылъ и тонулъ, чтобы до меня добраться и меня спасти.

«Кто тебя завлекъ въ эту гибель? Ты былъ хотя моложе, но основательнѣе прочихъ. Ни тебѣ бы къ нимъ примѣшаться, а имъ у тебя ума и доброты сердца позаимствовать! Судьба иначе опредѣлила. Довольно объ этомъ.

«Слышу, что, снисхожденіемъ высшаго начальства, тебѣ и товарищамъ твоимъ дозволяется читать книги. Сейчасъ ѣду покупать тебѣ всякой всячины. Реэстръ приложу послѣ».

Въ апрѣлѣ того же 1828 года императоръ Николай Павловичъ назначилъ Грибоѣдова полномочнымъ министромъ при дворѣ персидскомъ. Это назначеніе, котораго Грибоѣдовъ отнюдь не домогался, болѣе опечалило его, нежели обрадовало. Какое-то мрачное предчувствіе отяготило его душу. Въ теченіи десяти лѣтъ, почти непрерывно вращаясь въ кругу Персіянъ, онъ изучилъ характеръ этого народа—отъ деспота до послѣдняго раба—и этотъ характеръ былъ ненадежною порукою за личную безопасность посланника въ этой странѣ—лютости и вѣроломства.

Посѣтивъ друга своего А. А. Жандра и сообщая ему о своемъ назначеніи, Грибоѣдовъ сказалъ:

— «Насъ тамъ непремѣнно всѣхъ перерѣжутъ. Аллаяр-ханъ—мой личный врагъ; не подаритъ онъ мнѣ Туркменчайскаго трактата!»

Онъ выѣхалъ изъ Петербурга въ первыхъ числахъ іюня 1828 г.; выѣхалъ — навсегда. Передъ отъѣздомъ хлопоталъ о дозволеніи представлять на сценѣ «Горе отъ Ума», но всѣ его старанія

были напрасны: комедія терпѣла горе и отъ своего ума и отъ тупоумія ея гонителей... Не суждено было Грибоѣдову видѣть свою комедію ни въ печати, ни на сценѣ.[1])

Къ періоду послѣдняго пребыванія его въ предѣлахъ Россіи относятся слѣдующія письма, сохранившіяся въ архивѣ Булгарина:

А. С. Грибоѣдовъ — Е. И. Булгариной.[2])

5 іюня (1828).

«Adieu, bestes Länchen, theure Freundinn, ich küsse Sie vom ganzen Herzen und Tante auch. Adieu! Ich nehme Abschied auf 3, zehn Jahr, vielleicht auf immer. O, mein Gott! soll ich mein ganzes Leben dort verbringen, in dem Lande, das so fremd ist meinem Gefühl, meinen Sinnen... Nichts zu...[3]) Vielleicht werde ich einmal in Karlowa flüchten, von allem was mir jetzt zuwieder ist. Aber wann? Es ist noch weit bis dahin. Unterdessen, umarme ich Sie, meine gute Freundinn, und leben Sie glücklich. Ihr threuer Freund A. v. Griboyedof».

5-го іюня (1828).

(Переводъ). Прощайте, милая Леночка, дорогой другъ мой, отъ всего сердца цѣлую васъ и танту также. Простите! Прощаюсь года на три, на десять лѣтъ; можетъ быть, навсегда. О, Боже мой! неужели тамъ проведу я всю мою жизнь, въ странѣ, чуждой моимъ чувствамъ, мыслямъ.... Можетъ быть, я когда-

---

[1]) Мы слышали отъ одного цензора, живущаго въ отставкѣ, что еще въ 1824 г., въ пріемную къ министру явился однажды высокій стройный мужчина, во фракѣ, въ очкахъ, съ большею переплетенною рукописью. То былъ Грибоѣдовъ. Разсказчикъ, случившійся въ пріемной, спросилъ вошедшаго, чего онъ желаетъ? Я хочу видѣть министра и просить у него разрѣшенія напечатать мою комедію «Горе отъ Ума». Чиновникъ объяснилъ, что дѣло просмотра рукописи принадлежитъ цензурѣ, и онъ напрасно обращается къ министру. Грибоѣдовъ, однако, стоялъ на своемъ, а потому былъ допущенъ къ министру; тотъ, просмотрѣвъ рукопись, перепугался разныхъ отдѣльныхъ стиховъ, и комедія на многіе годы была запрещена. «Не иди Грибоѣдовъ къ министру, а представь рукопись къ намъ въ комитетъ,—разсказывалъ цензоръ—мы бы вычеркнули изъ нея нѣсколько строкъ и «Горе отъ Ума» явилось бы въ печати почти десяткомъ лѣтъ ранѣе, чѣмъ то случилось, по гордости Грибоѣдова, пожелавшаго имѣть дѣло прямо съ министромъ, а не съ цензурнымъ комитетомъ». Ред.

[2]) Отрывки изъ этого письма напечатаны въ книгѣ Серчевскаго «А. С. Грибоѣдовъ», стр. XXI.

[3]) Невозможно разобрать.

нибудь убѣгу въ Карлово,[1]) отъ всего, что теперь мнѣ противно. Но когда? Еще далеко до этого. Покуда обнимаю васъ, добрый другъ мой, будьте счастливы. Вашъ вѣрный другъ А Грибоѣдовъ.

Грибоѣдовъ—Булгарину.

Москва, 12-го іюня (1828).

«Любезнѣйшій другъ Ѳадей Венедиктовичъ. Чѣмъ далѣе отъ Петербурга, тѣмъ болѣе важности пріобрѣтаетъ мое павлинное званіе. Здѣсь я нѣсколькими часами промедлилъ долѣе, чѣмъ разсчитывалъ. Но ты можешь посудить, до какой степени это извинительно въ обществѣ съ матерью и съ миленькими полу-кузинками, jolies comme des anges,[2]) и этотъ домъ родимый, въ которомъ я вѣчно, какъ на станціи!!! Проѣду, переночую, исчезну!!! Une f....e existence.[3])

«Скажи Ордынскому, что я былъ здѣсь опечаленъ чрезвычайно, имянно на его счетъ. Похвисневъ, котораго я полагалъ сдѣлать предстателемъ у Вельяминова за его братьевъ, умеръ. И жаль собственно за этого молодаго человѣка и за братьевъ нашего пріятеля. Но въ Тулѣ думаю найти истиннаго ко мнѣ дружески расположеннаго А. А., брата Вельяминова, а коли нѣтъ, то буду писать къ нему.

«Сходи къ пикуло человѣкуло. Онъ у меня ускромилъ мѣсяцъ жалованья. Но со мною нѣтъ полномочія, письма Государева къ тому государю, къ которому я ѣду. Подстрекни, чтобы скорѣе прислали, иначе какъ же я явлюсь къ моему назначенію. Я слишкомъ облагодѣтельствованъ моимъ Государемъ, чтобы осмѣлиться въ чемъ-либо ему неусердствовать. Его имянемъ мнѣ объявлено, чтобы я скорѣе ѣхалъ; я уже на пути, но въ томъ не моя вина, коли не снабдили меня всѣмъ нужнымъ для скорѣйшаго исполненія высочайшей воли. Здѣсь я слышу, стороною, вещи, оттудова, которыя понуждаютъ меня торопиться Приторопи же и ты мое азіатское начальство, его превосходительство пи́куло .....дери́куло.

«На первый случай пришли мнѣ Іордена атласъ всеобщій

---

[1]) Помѣстье Ѳ. В. Булгарина, близъ Дерпта.

[2]) Хорошенькими, какъ ангелы.

[3]) Распроклятое житье! — (по-французски еще того рѣзче).

и карту войны, непремѣнно и скорѣе, а антиквитетами и отвлеченностями повремени. Новѣйшее сочиненіе о коммерціи, о веденіи консульскихъ книгъ, двойную или десятерную бухгалтерію тоже пришли, въ руководство мнѣ и моему Амбургеру.

«Вотъ, мой другъ, письмо ко мнѣ моей сестры. Разсуди и, если можно, спишись съ ней и помоги. Адресъ ея: Марьѣ Сергѣевнѣ Дурновой, Тульской губерніи, въ городъ Чернь. Но я совершенно оставляю это на твой произволъ, какъ другу, обо мнѣ искренно попечительному.

«Скажи Александру Всеволодскому, что Одоевскій требуетъ отъ матушки уплаты долгу = 5,000 рублей. Можетъ-ли онъ уплатить ему за матушку (которой онъ самъ долженъ тридцать четыре тысячи)? Она совѣстлива, больна и безденежна. Александръ меня любитъ и честенъ. Поговори ему, и понудь его непремѣнно сдѣлать мнѣ пріятное.

«Прощай. Ты далъ мнѣ волю докучать тебѣ моими дѣлами. Терпи и одолжай меня, это не первая твоя дружеская услуга тому, кто тебя цѣнить умѣетъ.

«Андрея, нашего благороднаго, славнаго и почтеннаго малаго, Андрея обними за меня. Звонятъ здѣсь безъ милосердія,—оглушили. Коляска готова. Прощай на долгую разлуку. Леночькѣ и Тантѣ поклонъ.

(На оборотѣ): «Матушка посылаетъ тебѣ мое свидѣтельство о дворянствѣ, узнай въ герольдіи наконецъ, какого цвѣту дурацкій мой гербъ, нарисуй и пришли мнѣ со всѣми онёрами».

М. С. Дурново—А. С. Грибоѣдову.

25-го мая (1828 г.).

(Переводъ съ французскаго). Любезный Александръ! Я сію минуту уѣзжаю изъ Богородска. Слава Богу, ребенку лучше, благодаря безконечнымъ заботамъ доброй графини, которая не пренебрегла ничѣмъ и употребляла всѣ возможныя старанія къ скорѣйшему моему выздоровленію, и въ особенности къ выздоровленію Саши, котораго я вполнѣ предоставила попеченіямъ ея и нянкинѣмки. Безъ нихъ онъ бы погибъ жертвою моей неопытности, ибо моя нянька, къ несчастью, никогда неходившая за новорожденными, не съумѣла бы какъ должно справиться и только умножила бы

страданія нашего малютки. Твое послѣднее письмо насъ совершенно осчастливило. Люби дорогаго Александра, и если ему суждено жить, то я употреблю всѣ средства, чтобы сдѣлать его достойнымъ любви твоей. Сердце мое обливается кровью при мысли о твоемъ отъѣздѣ. Зачѣмъ должны мы жить всегда вдали другъ отъ друга? Когда же наступитъ счастливое время и мы опять сблизимся? Мужъ мой тебя обожаетъ: единственное его желаніе—видѣть тебя съ нами. Надобно видѣть, какъ каждая строка твоего письма его трогаетъ и восхищаетъ.[1]) Для насъ было бы величайшимъ счастіемъ—видѣть между нами нашего обожаемаго брата. Льщусь этою надеждою, она поддерживаетъ мое существованіе. Во время твоего отсутствія, съ помощью Божіею, я постараюсь привести въ порядокъ наши дѣла. Надѣюсь успѣть, ибо мы живемъ очень экономно и прикопленными деньгами мы уже уплатили часть долговъ. Люди, которымъ мы должны, изъ разряда такихъ, съ которыми никогда не хотѣлось бы и знаться и которые еще воображаютъ, къ несчастію, что, взявъ съ насъ 12 процентовъ, оказываютъ намъ великое одолженіе и грубымъ образомъ даютъ намъ чувствовать свои услуги. Между нами будь сказано, это меня сильно тревожитъ и тяготитъ мнѣ сердце. Обращаюсь къ тебѣ, какъ къ истинному другу: если ты можешь располагать суммою въ 10,000 р., которую желалъ-бы помѣстить, сдѣлай милость, дай ихъ мнѣ въ займы на 10 процентовъ. Проценты ты будешь получать исправно, а меня несказанно одолжишь, избавя отъ подлыхъ людей, которые меня мучатъ. Черезъ два года я уплачу этотъ долгъ и буду ждать твоихъ приказаній, чтобы пустить эти деньги въ выгодный для тебя оборотъ. Итакъ, сдѣлай же милость, привези мнѣ 9,000 руб. съ вычетомъ процентовъ. Достанетъ-ли только у тебя на это средствъ, въ желаніи же услужить мнѣ—не сомнѣваюсь; если нѣтъ, то быть по сему.

Прощай, дражайшій другъ, пріѣзжай же къ намъ скорѣе; мы считаемъ минуты и ожидаемъ тебя съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ. Цѣлую тебя за себя и за Сашу. Вѣроятно, ты передъ тѣмъ, какъ ѣхать къ намъ, заѣдешь къ Бѣгичеву? Пожалуйста

[1]) Покорнѣйше просимъ семейство г. Дурново, буде сохранились у него неизвѣстныя еще въ печати письма А. С. Грибоѣдова, — подѣлиться ими съ читателями «Русской Старины». Ред.

не надолго, и попроси его отъ моего имени также съ тобою къ намъ пріѣхать.

(Приписка г. Дурново, по-русски). «Душевный другъ и братъ, всегда съ восторгомъ получаю твои письма; послѣднее тѣмъ болѣе меня восхитило, что надѣюсь скоро съ тобой видѣться. Ради Бога, пріѣзжай поскорѣе: мы съ Машенькой считаемъ всѣ минуты и часы. Сашка нашъ насъ очень занимаетъ и дѣлается милъ; только жаль, что все боленъ и теперь въ вѣтренной оспѣ, что насъ и задержало въ Богородскѣ долѣе, чѣмъ мы желали; кромѣ тебя, никто его крестить не будетъ, я непремѣнно сего желаю; надѣюсь и Степана Никитича (Бѣгичева) у себя видѣть. Съ нетерпѣніемъ тебя ожидаемъ. Прощай, мой неоцѣненный».

Адресъ: «Въ Москвѣ, его высокородію, милостивому государю, Александру Сергѣевичу Грибоѣдову. Подъ Новинскимъ, въ домѣ госпожи Грибоѣдовой подъ № 61. Письмо самое нужное».

Настасья Ѳедоровна Грибоѣдова—Ѳ. В. Булгарину.

(Москва), 13-го іюня 1828 года.

«Милостивый государь, Ѳаддей Венедиктовичъ. Не имѣя чести быть съ вами знакома, но, по праву дружбы моего сына съ вами, отношусь къ вамъ точно какъ къ своему, почитая его друзей, какъ близкихъ моему сердцу; а какъ вы сами отецъ семейства, то это чувство для васъ и нечуждо, оттого-то и говорю такимъ языкомъ. Прошу, мой почтенный, не охладѣвайте вашу къ нему дружбу, не замедливайте его извѣщеніемъ обо всемъ, что касается до васъ и до него; давайте ему чаще о себѣ извѣстіе; онъ къ вамъ привязанъ истинно, какъ къ ближнему родственнику, котораго любитъ отъ души и сердца; уважаетъ, какъ нельзя болѣе; чтитъ вашъ талантъ съ восхищеніемъ; а я, какъ усердная мать, по всему сему сношенію, обожаю васъ, смѣю сказать, какъ бы моего сына. Не оставляйте его, ради Бога, вашимъ вниманіемъ, вашими совѣтами. Вы, нашъ неоцѣненный другъ, знаете его достоинства, правоту его чувствъ и доброту, знаете, на что и къ чему онъ способенъ; зная же и его нѣжность и безъинтересную личность, на васъ-то и надѣюсь, вы-то и возбудите въ немъ дѣятельность, частую ведя съ нимъ переписку; онъ,

уважая ваши дарованія, воспользуется вашимъ къ нему вниманіемъ; онъ мнѣ все сообщилъ, какъ вы имъ занимаетесь, даже и въ интересныхъ его дѣлахъ. Да вознаградитъ Всевышній вашихъ дѣтей и уподобитъ ихъ почтенному своему родителю. Препровождаю бумаги, нужныя для Александра, и прошу скорымъ вашимъ трудомъ ихъ обработать и къ нему всѣ доставить. Буде вамъ угодно меня удостоить когда-либо вашею памятью, чего я и требовать не смѣю по вашимъ недосугамъ,—я сейчасъ ѣду въ деревню, и мой адресъ прямо въ Ярославъ, Настасьѣ Ѳедоровнѣ Грибоѣдовой. И за симъ, препоручая себя въ ваше знакомство и прося принять мое усердіе всему вашему любезному семейству, честь имѣю быть вамъ, милостивый государь, съ истиннымъ моимъ уваженіемъ, готовая къ услугамъ Настасья Грибоѣдова».

А. С. Грибоѣдовъ — Ѳ. В. Булгарину.

Тула, 13-го іюня (1828 г.).

«Вчера я позабылъ еще объ одномъ для меня важномъ предметѣ: «Hassel's Geographie von Asien, 4 vol.»; всѣ четыре волюма пришли поскорѣе въ Тифлисъ. Грефъ ее при мнѣ ожидалъ. Аделунгъ обѣщалъ купить мнѣ.

«Прощай, Тула, Воронежъ! Что за точьки на семъ свѣтѣ и почему надобно по нескольку часовъ ими заниматься. Какъ въѣдешь? Какъ выѣдешь? Вѣрный твой другъ А. Г.

Адресъ: Въ С-Петербургъ. Его высокоблагородію, м. г., Ѳадею Венедиктовичу Булгарину. Г. издателю «Сѣверной (sic) Пчелы».

Почтовый штемпель: «Тула. 1828 г. іюня 14».

За этимъ письмомъ слѣдовалъ рядъ писемъ почти оффиціальнаго характера. Нѣкоторыя изъ нихъ были своевременно напечатаны въ «Сѣверной Пчелѣ» и въ изданіи Серчевскаго,[1]) но съ большими пропусками и съ измѣненіемъ многихъ выраженій. Замѣтимъ здѣсь, что Ѳ. В. Булгаринъ, во все время пребыванія Грибоѣдова на Кавказѣ и въ Персіи, обязательно исполнялъ все-

[1]) Ставрополь, 27-го іюня (стр. XXIII); о взятіи Карса изъ Владикавказа, 23-го іюня (XXV), явная ошибка, или, лучше сказать, описка самаго Грибоѣдова, какъ явствуетъ изъ содержанія перваго письма. Бивуаки при Казанчѣ, 24-го іюля (XXV—XXVIII). **Ред.**

возможныя порученія своего друга по части литературной, денежной, хозяйственной, вполнѣ оправдывая довѣренность Грибоѣдова и не полагая предѣловъ своей услужливости. Заботливый только о родныхъ и друзьяхъ своихъ, Грибоѣдовъ лично въ отношеніи себя былъ безпеченъ и дѣтски неразсчетливъ.

Ставрополь, 27-го іюня 1828 г.

«Любезнѣйшая Пчела. Вчера я сюда прибылъ съ мухами, съ жаромъ, съ пылью. Пустилъ бы я на свое мѣсто какого-нибудь франта, охотника до почетныхъ назначеній, dandy петербургскаго Bonds-street — Невскаго проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умѣренность въ желаніяхъ и неизвѣстность.

«Здѣсь меня задерживаетъ приготовленіе конвоя. Какъ добрый патріотъ, радуюсь взятію Анапы. Съ этимъ извѣстіемъ былъ я встрѣченъ тотчасъ при въѣздѣ. Нельзя довольно за это благодарить Бога тому, кто дорожитъ безопасностью здѣшняго края. Въ послѣднее время закубанцы сдѣлались дерзки до сумазбродства, переправились на нашу сторону, овладѣли нѣсколькими постами, сожгли Неудобную, обременили себя плѣнными и добычею. Наши, пошедшіе къ нимъ на перерѣзъ съ 1,000 конными и съ 4-мя орудіями, по обыкновенію оттянули, не поспѣли. Пѣхота [1]) вздумала дѣйствовать отдѣльно, растянулась длинною цѣпью, тогда какъ донской полковникъ Радіоновъ предлагалъ, соединившись, тотчасъ напасть на непріятеля, утомленнаго быстрымъ походомъ. Горцы расположены были таборомъ въ виду, но, замѣтивъ несовокупность нашихъ движеній, тотчасъ бросились въ шашки, не дали ни разу выстрѣлить орудію, бывшему при пѣхотномъ отрядѣ, взяли его и перерубили всѣхъ, которые при немъ были, опрокинули его вверхъ колесами и поспѣшили противъ коннаго нашего отряда. Радіоновъ удержалъ ихъ 4-мя орудіями; потомъ хотѣлъ напасть на нихъ со всѣми казаками — линейными и донскими — но, не бывъ подкрѣпленъ, ударилъ на нихъ только съ горстью донцевъ своихъ и заплатилъ жизнію за великодушную смѣлость. Ему шашкою отхватили ногу, потомъ пулею прострѣлили шею, онъ сва-

[1]) 39-го егерскаго полка маіоръ Козачковскій, который думалъ фрунтомъ ударить на черкесскую конницу и самъ тяжело раненъ. Примѣч. Грибоѣд.

лился съ лошади и былъ изрубленъ. Однако, отпоръ этотъ заставилъ закубанцевъ бѣжать отъ Горячихъ Водъ, которымъ они угрожали нападеніемъ. Я зналъ лично Радіонова, жаль его, отличный офицеръ, исполинскаго роста и храбрѣйшій. Тѣло его привезли на Воды.

«Посѣтители сложились, чтобы сдѣлать ему приличныя похороны, и провожали его, какъ избавителя, до могилы.

«Теперь, послѣ паденія Анапы, все перемѣнилось: разбои и грабительства утихли и тепловодцы, какъ ихъ здѣсь называютъ, могутъ спокойно пить воду и чай. Генералъ Эммануель отправился въ Анапу, чтобы принять присягу отъ тамошнихъ князей. На дорогѣ, съ той стороны Кубани, толпами къ нему выходили на встрѣчу всѣ горскіе народы съ покорностію и подданствомъ.

«Опять повторяю, что выгоды отъ взятія Анапы неисчислимы. Бѣситъ меня только этотъ пѣхотный маіоръ, который не соединился съ Радіоновымъ и причиною его безвременной смерти. Онъ 20-й крымской дивизіи. Нашего кавказскаго корпуса штабъ-офицеръ никогда бы этой глупости не сдѣлалъ. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода. Въ 1825 году, я былъ свидѣтелемъ глупости Булгакова, который также пропустилъ закубанцевъ и къ намъ, и отъ насъ.

«Прощай. Лошади готовы.

«Коли къ моему пріѣзду гр. Эриванскій возьметъ Карсъ, то это не мало послужитъ въ пользу моего посольства. Здѣсь я уже къ его услугамъ, всѣ меня привѣтствуютъ съ чрезвычайною перемѣною его характера. Говорятъ, что онъ со всѣми ласковъ, добръ, внимателенъ, и бездну добра дѣлаетъ частнаго и общаго. А у насъ чиновники—народъ добрый, собачья натура, всѣ забыли прошедшее, полюбили его и стали передъ нимъ на заднія лапки. Но жребій людей всегда одинъ и тотъ же. О дурномъ его нравѣ всѣ прокричали въ Петербургѣ, и, вѣрно, умолчатъ о перемѣнѣ, потому что она въ его пользу.

«Прощай еще разъ, любезный другъ. Пришли мнѣ отъ Винтера стекла три-четыре, отъ карманныхъ часовъ, которыя я у него купилъ. Я забылъ запастись ими, а стекло въ дорогѣ расшиблось, и я принужденъ руководствоваться свѣтилами небесными».

«Ура! Любезнѣйшій другъ. Мои желанія и предчувствія сбылись. Карсъ взятъ штурмомъ. Читаю реляцію и проповѣдую ее всенародно. Это столько чести приноситъ войску и генералу, что нельзя русскому сердцу непрыгать отъ радости. У насъ здѣсь всѣ отъ славы съ ума сходятъ. Вѣрный другъ твой Гр.».

«Порадуй отъ меня этимъ его превосходительство Константина Константиновича Родофиникина. Я оттого не доношу ему оффиціально, что не имѣю мѣста, гдѣ бы прислониться съ перомъ и бумагой для чистописанія, а служба требуетъ наблюденія различныхъ формъ благоприличія, несовмѣстныхъ съ дорожною ѣздою».

Письмо изъ Карса къ издателю „Сѣверной Пчелы“.

23-го іюня 1828 г. Крѣпость Карсъ.

«Знамена россійскаго императора развѣваются на стѣнахъ Карса, взятаго штурмомъ сего числа, въ 8 часовъ утра. На югозападной сторонѣ онаго, непріятель имѣлъ укрѣпленный лагерь на высотѣ, господствующей городомъ, которую необходимо было занять для продолженія осадныхъ работъ.

«Храбрыя россійскія войска штыками вытѣснили оттуда превосходнаго числомъ непріятеля, съ отчаяніемъ защищавшагося, на плечахъ его взошли въ форштатъ и въ крѣпость, овладѣвъ приступомъ тремя стѣнами; часть гарнизона успѣла укрыться въ весьма крѣпкой цитадели, но устрашенная успѣхами нашими, сдалась въ числѣ 5,000 человѣкъ, кромѣ 1,250 взятыхъ въ плѣнъ во время приступа. Въ числѣ плѣнныхъ находятся двубунчужный паша Магмедъ-Еминъ, начальникъ кавалеріи Вали-Ага и много другихъ чиновниковъ.

«Штурмъ продолжался три часа; мѣсто укрѣпленнаго лагеря и форштаты усѣяны трупами турокъ, кои всего потеряли до 2,000 убитыми и ранеными; изъ кавалеріи, бывшей въ гарнизонѣ, 3,000 человѣкъ успѣли пробиться между кавалерійскими партіями нашими и скрылись въ горахъ. Всего же гарнизона было до 11,000.

«Съ нашей стороны убито: оберъ-офицеръ 1, нижнихъ чиновъ 33; ранено: штабъ-офицеръ 1, оберъ-офицеровъ 13, нижнихъ чиновъ 216. Въ крѣпости и на батареяхъ непріятельскихъ взято пушекъ и мортиръ 151, отбито 33 знамя; также пріобрѣ-

тено значительное количество артиллерійскихъ снарядовъ, множество разнаго рода оружія и большой хлѣбный магазейнъ.

«Карсъ есть одна изъ первѣйшихъ азіаткихъ крѣпостей и наипаче по мѣстному положенію. Толстыя каменныя стѣны, въ три ряда, съ башнями, построенными въ видѣ бастіоновъ, окружаютъ городъ и часть предмѣстія и находятся подъ обороною цитадели, лежащей на высокой скалѣ, и одной укрѣпленной горы, называемой Карадагомъ. 151 орудіе очищаютъ поле выстрѣлами во всѣ стороны; почва земли чрезвычайно каменистая, препятствующая осаднымъ работамъ; многочисленный гарнизонъ усугублялъ средства защиты сей крѣпости и форштатовъ, обороняемыхъ башнями, въ видѣ бастіоновъ построенными».

Бивакн при Казанчѣ, на турецкой границѣ, 24-го іюля 1828 г.

«Любезный другъ, пишу къ тебѣ подъ открытымъ небомъ, и благодарность водитъ моимъ перомъ, иначе ни какъ бы не принялся за эту работу послѣ труднаго дневнаго перехода. Очень, очень знаю, какъ дѣла мои должны тебѣ докучать Покупать, заказывать, отсылать!!!

«Я тебя изъ Владикавказа увѣдомилъ о взятіи Карса. Съ тѣхъ поръ прибылъ въ Тифлисъ. Чума, которая начала свирѣпствовать въ дѣйствующемъ отрядѣ, задержала меня на мѣстѣ; отъ Паскевича ни слова, и я пустился къ нему на удачу. Въ душной долинѣ, гдѣ протекаютъ Храмъ и Алгетла, лошади мои стали; далѣе, поднимаясь къ Шулаверамъ, никакъ нельзя было понудить ихъ идти въ гору; я въ рѣкѣ ночевалъ; разсердясь, побросалъ экипажи, воротился въ Тифлисъ, накупилъ себѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей, съ тѣмъ, чтобы тотчасъ пуститься снова въ путь; а съ поста казачьего отправилъ депешу къ графу, чтобы онъ мнѣ далъ способы къ нему пробраться; увѣдомилъ его обо всемъ, о чемъ мнѣ крайне нужно имѣть отъ него свѣдѣнія, если уже нельзя намъ соединиться, и между тѣмъ просилъ его удержать до моего пріѣзда Мирзу Джафара, о которомъ я слышалъ, что къ нему посланъ изъ Табриза. Это было 16-го. Въ этотъ день я обѣдалъ у старой моей пріятельницы (Ахвердовой), за столомъ сидѣлъ противъ Нины Чавчавадзевой (второй томъ Леночки), все на нее глядѣлъ, задумался, сердце забилось, не знаю, безпокойства-ли другаго рода, по службѣ, теперь необыкновенно

важной, или что другое придало мнѣ рѣшительность необычайную, выходя изъ (за) стола, я взялъ ее за руку и сказалъ ей: «Venez avec moi, j'ai quelque chose à vous dire».[1]) Она меня послушалась, какъ и всегда; вѣрно думала, что я ее усажу за фортепіано; вышло не то; домъ ее матери возлѣ, мы туда уклонились, взошли въ комнату, щеки у меня разгорѣлись, дыханіе занялось, я не помню, что я началъ ей бормотать, и все живѣе и живѣе, она заплакала, засмѣялась, я поцѣловалъ ее, потомъ къ матушкѣ ее, къ бабушкѣ, къ ее второй матери Праск. Ник. Ахвердовой, насъ благословили, я повисъ у нее на губахъ во всю ночь, и весь день, отправилъ курьера къ ее отцу въ Эривань съ письмами отъ насъ обоихъ и отъ родныхъ. Между тѣмъ, вьюки мои и чемоданы изготовились, все вновь уложено на военную ногу. Во вторую ночь я безъ памяти отъ всего, что со мною случилось, пустился опять въ отрядъ, не оглядываясь назадъ. На дорогѣ получилъ письмо летучее отъ Паскевича, которымъ онъ меня увѣдомляетъ, что намѣренъ сдѣлать движеніе подъ Ахалкалаки.[2]) На самой крутизнѣ Гезобдала гроза сильнѣйшая продержала насъ всю ночь; мы промокли до костей. Въ Гумрахъ я нашелъ, что уже сообщеніе съ главнымъ отрядомъ прервано; графъ оставилъ Карскій пашалыкъ, и въ тылу у него образовались толпы турецкихъ партизановъ; въ самой день моего пріѣзда была жаркая стычка у Басова Черноморскаго полка въ горахъ, за Арпачаемъ. Подъ Гумрами я наткнулся на отрядецъ изъ 2-хъ ротъ Козловскаго, 2-хъ ротъ 7-го Карабинернаго и 100 человѣкъ выздоровѣвшихъ,—все это назначено на усиленіе главнаго корпуса, но не знали, куда идти; я ихъ тотчасъ взялъ всѣхъ подъ команду, 4-хъ проводниковъ изъ татаръ, самъ съ ними и съ казаками, впереди, и вотъ уже второй день веду ихъ подъ Ахалкалаки; всякую минуту ожидаемъ нападенія; коли въ цѣлости доведу, дай Богъ. Мальцевъ въ восхищеніи, воображаетъ себѣ, что онъ воюетъ.

«Въ Гумрахъ-же нагналъ меня отвѣтъ отъ кн. Чавчавадзева—отца, изъ Эривани; онъ благословляетъ меня и Нину, и радуется нашей любви. Хорошо-ли я сдѣлалъ? Спроси милую мою Варвару Семеновну и Андрея. Но не говори Родофиникину, онъ

[1]) Подите со мною, мнѣ нужно что-то сказать вамъ.

[2]) Въ подлинникѣ зачеркнуто: «Въ Гумрахъ»....

вообразитъ себѣ, что любовь заглушитъ во мнѣ чувство другихъ моихъ обязанностей. Вздоръ. Я буду вдвое старательнѣе, за себя и за нее.

«Потружусь за царя, чтобы было чѣмъ дѣтей кормить».

«Строфы XIII, XIV, XV.[1])

. . . . . .

. . . . . .

«Промежутокъ 1½ мѣсяца.

«Дорогой мой Ѳадей. Я, по возвращеніи изъ дѣйствующаго отряда сюда, въ Тифлисъ, 6-го августа занемогъ, желтою лихорадкою. Къ 22-му получилъ облегченіе, Нина не отходила отъ моей постели, и я на ней женился. Но въ самый день свадьбы, подъ вѣнцомъ уже опять посѣтилъ меня пароксизмъ, и съ тѣхъ поръ нѣтъ отдыха; я такъ исхудалъ, пожелтѣлъ и ослабѣлъ, что думаю капли крови здоровой во мнѣ неосталось.

«Еще разъ благодарю за всѣ твои хлопоты. Не бойся, я не введу тебя въ отвѣтственность за мои долги. Вмѣстѣ съ симъ, или вскорѣ послѣ, ты получишь отъ дяди Мальцева 15,000 руб. и слѣдовательно до 1-го января со всѣми расквитаешься.

«Изрѣдка до меня доходитъ «Сынъ Отечества» и «Сѣверный Архивъ», «Сѣверная Пчела» довольно регулярно. Но отчего же прочихъ журналовъ ты мнѣ не присылаешь? А объ иностранныхъ и въ поминѣ нѣтъ. Сдѣлай одолженіе, позаботься и объ этомъ.

«Прощай. Прими поцѣлуй отъ меня и отъ жены».

Въ послѣдній разъ Грибоѣдовъ писалъ Булгарину изъ Табриза (въ ноябрѣ 1828 года), препровождая къ нему, для напечатанія въ «Сѣверной Пчелѣ», статью И. С. Мальцева.[2])

---

[1]) Двѣ строки точекъ въ подлинномъ письмѣ Грибоѣдова. Ред.

[2]) О праздникѣ 24-го ноября, данномъ персіянами русскому посольству, по случаю благополучнаго возвращенія императора Николая въ Петербургъ изъ дѣйствующей арміи (въ Турціи). Подлинникъ статьи сохранился въ архивѣ Булгарина, онъ чисто переписанъ и на немъ слѣды проколовъ въ карантинѣ. Приписка рукою Грибоѣдова сдѣлана на немъ же. Статью г. Мальцева мы не приводимъ здѣсь, такъ какъ она тогда же была напечатана въ «Сѣверной Пчелѣ» и перепечатывалась позднѣе. Помѣщаемъ здѣсь только собственноручную приписку А. С. Грибоѣдова. Ред.

— «Напечатай, любезный другъ Ѳадей, это блестящее описаніе, которое очень удачно вылилось изъ-подъ пера товарища моей политической ссылки».

«Дѣло въ томъ, что насъ, кромѣ праздниковъ, здѣсь точно боятся и уважаютъ. 4/5 слѣдующихъ намъ денегъ взяли; рѣдко пишется отъ меня требованіе здѣшнему правительству, чтобы не было исполнено. Теперь ѣду въ Тегеранъ, куда и шахъ въ скоромъ времени возвращается. Коли все еще меня будутъ ругать пріятели, nos amis les ennemis,[1]) то объяви имъ, что я на нихъ плюю. Ты, въ своихъ письмахъ, крѣпко настаиваешь, чтобы я Аббасъ-Мирзу подвигъ на войну противъ турковъ. Любезный другъ, знаешь-ли ты, имѣю-ли я на то разрѣшеніе? Удивляюсь, что тотъ, кто лучше тебя это знаетъ, говоритъ, что я бы могъ это сдѣлать. Коли служишь, то, прежде всего, слѣдуй буквально ниспосылаемымъ свыше инструкціямъ, а если, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно пожить и для газетъ, и то хорошо. Я, братъ, изъ своей головы готовъ изобретать всякіе наступательные планы, но не исполнять, покудова мнѣ же, наоборотъ, не предпишутъ поступать такъ, а не иначе. Поцѣлуй Леночку и Танту. Вѣрной твой А. Грибоѣдовъ».

Отправляясь въ Тегеранъ, Грибоѣдовъ сказалъ своей супругѣ, что ѣдетъ не надолго... Онъ погибъ 30-го января 1829 года.[2])

Вѣсть о его убіеніи пришла въ Петербургъ 14-го марта: по какому-то роковому предопредѣленію, въ самый тотъ день, въ который Грибоѣдовъ, ровно годъ тому назадъ, прибылъ въ Петербургъ съ договоромъ Туркменчайскимъ.

Согласно желанію покойнаго, бренные его останки были погребены въ Тифлисѣ (2-го мая 1829 г.), въ склепѣ при монастырѣ св. Давида. Рядомъ съ его гробницею, черезъ двадцать восемъ лѣтъ, воздвиглась другая, вдовы Грибоѣдова, Нины Александровны, скончавшейся 25-го ноября 1857 года.[3])

---

[1]) Наши друзья-враги.

[2]) Самое подробное, на подлинныхъ документахъ основанное, изслѣдованіе о смерти А. С. Грибоѣдова принадлежитъ А. П. Берже; оно напечатано въ «Русской Старинѣ», 1872 г., т. VI, авг., стр. 163—207. Ред.

[3]) Нина Александровна Грибоѣдова, рожденная княжна Чавчавадзе, родилась 4-го ноября 1812 года.

СМЕРТЬ А. С. ГРИБОѢДОВА.

Подробности трагической кончины безсмертнаго творца «Горе отъ Ума» до сихъ поръ весьма мало извѣстны; поэтому читатели «Русской Старины»— не безъ интереса прочтутъ обязательно доставленную намъ предсѣдателемъ кавказской археографической коммиссіи А. Берже настоящую статью; она вся состоитъ изъ документовъ, именно изъ нотъ, депешъ и донесеній высшихъ правительственныхъ лицъ Россіи, Персіи и Англіи объ этомъ роковомъ событіи—и всѣ эти важные матеріалы впервые являются въ печати. **Ред.**

Туркменчайскій трактатъ, заключенный съ Персіею, положилъ конецъ непріязненнымъ отношеніямъ между нами и этою державой, ознаменовавшимъ первое двадцатипятилѣтіе русскаго владычества въ Закавказьѣ. Вслѣдъ за возстановленіемъ дружественныхъ сношеній нашихъ, императоръ Николай, указомъ правительствующему сенату отъ 25 апрѣля 1828 года, учредилъ постъ полномочнаго министра при тегеранскомъ дворѣ и генеральнаго консула въ Тавризѣ. Въ званіе министра былъ тогда же назначенъ ст. сов. Грибоѣдовъ, а консуломъ Н. С. Амбургеръ: оба они были уже болѣе или менѣе близко знакомы съ Персіей. Въ іюнѣ того же года Грибоѣдовъ оставилъ Петербургъ. На пути чрезъ Тифлисъ, онъ женился на княжнѣ Нинѣ Александровнѣ Чавчавадзе, а 30 января слѣдующаго 1829 года сдѣлался жертвою неожиданной катастрофы, разразившейся надъ нашимъ посольствомъ въ Тегеранѣ: почти въ цѣломъ составѣ оно было умерщвлено разъяренною толпою персидской столицы. Столь неслыханное происшествіе не могло не нанести сильнаго удара достоинству Россіи, въ отношеніи которой такъ явно были нарушены международныя права; но помимо политическаго значенія событіе это должно было невыразимо тяжело отозваться и среди всего образованнаго русскаго общества, которое въ лицѣ Грибоѣдова безвозвратно утратило творца безсмертой комедіи, служащей лучшимъ украшеніемъ и родной литературы и родной сцены. Вотъ почему извѣ-

стіе о трагической его смерти произвело у насъ самое грустное и тяжелое впечатлѣніе. Между тѣмъ фактъ этотъ и по сію пору остается не вполнѣ разъясненнымъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія о происшествіяхъ, предшествовавшихъ и сопровождавшихъ событія 30 января 1829 г., заключаются въ сдѣланныхъ Ев. Серчевскимъ извлеченіяхъ изъ „Сѣверной Пчелы“ (1829 г., № 34), прибавленіяхъ къ „Сыну Отечества“ и „Сѣверному Архиву“ (1830 г., IX т., № 1) и въ переведенномъ имъ же изъ Nouvelles annales des voyages (XII ann. 1830, t. 48, de la collection et 18 de la 2 série, pag. 337—367) разсказѣ персіянина, помѣщенномъ въ изданіи сочиненій Грибоѣдова. Разсказъ персіянина не лишенъ интереса, но, къ сожалѣнію, переведенъ крайне небрежно, въ особенности же искажены имена собственныя. Всѣ другія попавшіяся мнѣ свѣдѣнія сводятся къ стереотипной фразѣ: „Грибоѣдовъ погибъ жертвой неистовства тегеранской черни“, а подробности о его смерти и вовсе проходятся молчаніемъ. Оффиціальныхъ свѣдѣній относительно даннаго событія, сколько мнѣ извѣстно, въ нашей печати до сихъ поръ не появлялось. А это, по моему мнѣнію, составляетъ довольно важный пробѣлъ въ нашей литературѣ, тѣмъ болѣе важный, что онъ непосредственно касается такой личности, какъ Грибоѣдовъ. Восполненіе этого-то пробѣла служитъ цѣлью настоящей статьи. Я обращу въ ней прежде всего вниманіе на правительственные документы, а затѣмъ сообщу и тѣ данныя, которыя успѣлъ собрать въ Грузіи, равно и въ самой Персіи, гдѣ я провелъ 1853—1855 годы. Но пользуясь источниками отечественными, въ видахъ всесторонняго разъясненія истины, не могу не послѣдовать извѣстному изреченію: „audiatur et altera pars“, къ чему побуждаетъ меня еще и то важное обстоятельство, что занимающее насъ событіе совершилось на почвѣ Персіи. Итакъ, начнемъ съ источниковъ персидскихъ.

Лучшимъ и болѣе достовѣрнымъ источникомъ въ этомъ случаѣ можетъ послужить исторія Персіи, извѣстная подъ именемъ Роузет-уссефа [1]) (садъ удовольствія), составленная Ризою-Кули, по повелѣнію нынѣ царствующаго Наср-эддин-шаха. Риза-Кули описываетъ дѣло такимъ образомъ: „Было условлено, чтобы заключенный между обѣими державами (туркменчайскій) трактатъ былъ переданъ черезъ довѣренныхъ посланниковъ двумъ государямъ: Фетх-Али-шаху и великому императору Николаю. На сей конецъ выборъ со стороны россійскаго правительства палъ на генерала Грибоѣдова, племянника,

[1]) Подъ этимъ названіемъ извѣстна исторія Персіи, написанная Мирхондомъ, а Риза-Кули есть только ея продолжатель. А. Б.

по сестрѣ, ген.-фельдм. Паскевича, главнокомандовавшаго въ Грузіи и на Кавказѣ, съ наименованіемъ его полномочнымъ министромъ высокаго россійскаго двора. Министръ этотъ принималъ участіе въ войнѣ (съ Персіей) и находился при заключеніи трактата. До прибытія въ Тегеранъ онъ ѣздилъ въ Петербургъ по вопросу о дополнительныхъ статьяхъ трактата и тамъ получилъ настоящее назначеніе, съ порученіемъ доставить императорскіе подарки, состоявшіе въ хрустальномъ канделабрѣ и разной посудѣ изъ яшмы. По прибытіи Грибоѣдова изъ Петербурга въ Тифлисъ, наслѣдный принцъ (Аббас-Мирза) назначилъ къ нему михмандаромъ [1]) Назаръ-Али-хана, Авшара Урмійскаго, который и сопровождалъ его оттуда до Тавриза съ большими почестями. Тамъ онъ имѣлъ аудіенцію у наслѣднаго принца, прожилъ въ этомъ городѣ съ мѣсяцъ, назначилъ консула и секретаря, и, не испросивъ согласія у персидскаго правительства, отправилъ также консула въ Гилянъ, послѣ чего, въ сопровожденіи михмандаря, выѣхалъ въ Тегеранъ. Подъѣзжая къ столицѣ 5 реджеба 1244 (1828) года, онъ былъ встрѣченъ Мирза-Мухаммед-Алиханомъ Кашанскимъ, визиремъ принца Зилли-султана [2]) и Мухаммед-Вели-ханомъ Авшаромъ Касумлинскимъ, посланнымъ къ нему на встрѣчу по повелѣнію шаха. Въ сопровожденіи названныхъ сановниковъ, онъ въѣхалъ въ городъ и остановился въ домѣ, отведенномъ ему близъ Шах-Абдул-азимскихъ воротъ. Нѣсколько времени спустя къ нему явились, по приказанію шаха, съ визитомъ: министръ иностранныхъ дѣлъ Мирза-Абуль-Хасанъ-ханъ Ширазскій, Аллах-Кули-ханъ Каджаръ и Мирза-Фезл-Уллахъ-Мустоуфи. Послѣ обычнаго привѣтствія они выразили ему радость по случаю согласія и дружбы, установившихся между обѣими державами. Спустя два-три дня Грибоѣдовъ, согласно этикету, соблюдаемому при представленіи шаху турецкихъ и европейскихъ посланниковъ, былъ введенъ къ его величеству; при чемъ до вступленія въ аудіенц-залу его пригласили на нѣсколько минутъ въ кешикъ-ханэ [3]), со всею при этомъ вѣжливостью и приличіемъ. Но обрядъ этотъ разсердилъ Грибоѣдова,

[1]) Чиновникъ, посылаемый на границу государства для встрѣчи чужестранныхъ посланниковъ и другихъ членовъ дипломатическаго корпуса и для сопровожденія ихъ въ Тегеранъ или другой городъ Персіи. Обязанность его состоитъ въ наблюденіи за ихъ безопасностью и въ доставленіи имъ всевозможныхъ облегченій въ дорогѣ. **А. Б.**

[2]) Т.-е. «тѣнь шаха», титулъ Али-шаха, сына Фетх-Али-шаха. Онъ при отцѣ былъ губернаторомъ Тегерана, а при Мамед-шахѣ бѣжалъ изъ Персіи. **А. Б.**

[3]) Палатка тѣлохранителей. **А. Б.**

который, приписавъ его непочтительности къ сану посланника, сталъ выражаться дерзко и высокомѣрно.

„Я — составитель настоящей книги, хотя и находился тогда въ Фарсѣ и не былъ свидѣтелемъ этихъ происшествій, но слышалъ и читалъ въ разныхъ рукописяхъ, что Грибоѣдовъ, увлекшись успѣхами русскаго оружія въ Адербейджанѣ, началъ держать себя непомѣрно гордо и неблагопристойно обращаться съ шахомъ, превышающимъ достоинствами китайскаго хакана и владѣтелей туркестанскихъ. Благоразумные и проницательные люди объясняли ему, что счастье измѣняетъ нерѣдко и царямъ, при чемъ указывали на неудачи Петра Великаго противъ турокъ и Карла XII, и что въ виду этого именно обстоятельства посланникамъ подобаетъ сохранять къ вѣнценосцамъ вѣжливость и почтительность. Но совѣты не принимались и Грибоѣдовъ не перемѣнилъ поведенія; вельможи же молчали и его дерзости скрывали отъ шаха. Я слышалъ, что онъ однажды, идя къ его величеству, не снялъ галошъ даже на томъ священномъ мѣстѣ, на которомъ совершается лобызаніе великихъ царей, забывъ, что въ коранѣ говорится Моусею: „скинь сандаліи, ибо ты въ священномъ мѣстѣ [1]).

„Въ переговорахъ Грибоѣдовъ также былъ дерзокъ. Несмотря на все это, шахъ, превышающій достоинствомъ Афрасіаба [2]), а мудростью Пирана [3]), не переставалъ обходиться съ нимъ кротко и благосклонно. Сановники нѣсколько разъ и наединѣ высказывали Грибоѣдову, что его обхожденіе съ шахомъ неприлично; но все было тщетно. Шахъ же, во вниманіе къ тому, что онъ министръ русскаго императора и принималъ участіе въ заключеніи трактата; что онъ гость высокаго двора и наконецъ въ виду изреченія пророка: „чтите вашихъ гостей, хотя бы они были и гяуры“, не обращалъ вниманія на предосудительное поведеніе Грибоѣдова.

„Спустя нѣсколько дней случилось, что одинъ изъ евнуховъ шахскаго гарема, Якубъ, задолжавшій казнѣ знатную сумму, желая избавиться требованій правительства и основываясь на XIII ст. мирнаго трактата (туркменчайскаго), по смыслу которой всѣ плѣнные должны быть возвращены, отдался подъ покровительство русскаго посольства. Названный Якубъ, изъ эриванскихъ армянъ, былъ взятъ въ плѣнъ персіянами. Считая себя, на основаніи приведенной статьи,

---

[1]) Гл. XX, ст. 12. Это мѣсто въ коранѣ заимствовано изъ 2-й книги Моусея Исходъ, глава III ст. 5. **А. Б.**

Царь Турана. **А. Б.**

[3]) Визирь Афрасіаба, прославившійся своею мудростью. **А. Б.**

свободнымъ, онъ началъ сообщать министру имена грузинскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ; изъ послѣднихъ многія состояли въ замужествѣ за разными лицами и имѣли дѣтей. Несмотря на это, равно и на то, что возвращеніе ихъ не только было трудно, но по правиламъ ислама даже позорно, нѣкоторыя жены были выданы Грибоѣдову. Въ числѣ прочихъ онъ задержалъ двухъ грузинокъ, перешедшихъ въ мусульманство и жившихъ въ домѣ Аллах-Яр-хана Асиф-уддоулэ [1]), которыя, не желая возвратиться къ христіанству, подали въ этомъ смыслѣ жалобу тегеранскимъ улемамъ. Но не ограничиваясь этими (женщинами), Грибоѣдовъ посылалъ Якуба съ своими людьми въ разные дома отыскивать плѣнницъ и забирать ихъ силою. Такая мѣра возбудила въ народѣ сильное волненіе. Улемы же и муджтехиды [2]), къ которымъ безпрестанно поступали жалобы, видя равнодушіе правительства къ дѣйствіямъ Грибоѣдова, заподозрили шаха въ потворствѣ. Тогда у нихъ и у казіевъ, шейховъ и сеидовъ [3]) заговорило чувство религіозной ревности, и было положено идти противъ министра. Они послали сказать ему, что если они и не имѣютъ права вмѣшиваться въ мирныя соглашенія обоихъ правительствъ, то обязаны нарушить молчаніе, когда дѣло касается основныхъ началъ шаріата; основы же ислама поколеблены, коль скоро результатъ трактата состоитъ въ томъ, чтобы плѣненныя въ Грузіи женщины были силою отбираемы у мусульманъ. „Мы, говорили они, какъ представители нашей религіи, согласно ея велѣніямъ, не можемъ оставаться равнодушными къ мѣрѣ, которая впослѣдствіи повлечетъ за собою народное возстаніе“. Когда посланные явились къ Грибоѣдову съ подобными доводами, онъ вспыхнулъ, и осыпавъ ихъ бранью и угрозами, отпустилъ, не давъ удовлетворительнаго отвѣта.

„Послѣ того улемы и сеиды собрались въ Тегеранской соборной мечети, гдѣ къ нимъ присоединился муджтехидъ Хаджи-Мирза-Месихъ, и съ общаго согласія рѣшили возстать противъ министра. Къ нимъ примкнула большая часть городского населенія и скоро толпа

---

[1]) Аллах-Яр-ханъ, одинъ изъ первостепенныхъ хановъ Юхари-баша,—колѣна каджарскаго племени, къ которому принадлежитъ нынѣ царствующая въ Персіи династія, ведущая свой родъ отъ ашага-баша, другого колѣна того же племени. Онъ былъ родной дядя (по матери) Мамед-шаха, сына Аббас-Мирзы и преемника Фетх-Али-шаха. **А. Б.**

[2]) Высшее духовное лицо въ шіитской іерархіи. **А. Б.**

[3]) Казій — судья; шейхъ — старецъ, лицо, пользующееся уваженіемъ по своимъ лѣтамъ и образу жизни, староста при мечети; сеидъ — потомокъ Мухаммеда. **А. Б.**

недовольныхъ, увеличившаяся прибывавшими изъ окрестностей поселянами, достигла нѣсколькихъ тысячъ, такъ что дальнѣйшій ходъ дѣла былъ уже внѣ власти правительства и улемовъ. Первому трудно было бороться противъ 100 т. сборища, которое, постоянно усиливаясь, приняло грозный видъ и, наконецъ, хлынувъ къ дому Грибоѣдова, окружило его. Принцы и другіе вельможи, посланные шахомъ, чтобы уговорить толпу не предпринимать ничего опаснаго, возвратились безъ успѣха; она рѣшительно объявила, что если правительство станетъ ей препятствовать, она обратится противъ самого шаха. Между тѣмъ, посланникъ со всей миссіей, въ числѣ около 200 чел., заперся и взялся за оружіе; нѣкоторые же взобрались на крышу и начали стрѣлять, при чемъ убили изъ толпы 14-ти-лѣтняго мальчика. Увидя это, народъ съ оружіемъ въ рукахъ осадилъ посольскій домъ. Тогда Грибоѣдовъ приказалъ Якубу выдти къ толпѣ, которая тутъ же его изрубила и отрубила ему голову. Затѣмъ высланы были двѣ грузинки: ихъ тотчасъ же возвратили въ гаремъ. Изъ мусульманъ было убито 80 чел. Когда же нѣкоторые изъ толпы бросились на крышу посольскаго дома, принцъ Зилли-султанъ и др., снова обратились къ народу съ увѣщаніемъ, но все было тщетно. Грибоѣдовъ, съ 37-ю товарищами, былъ убитъ, а домъ разграбленъ и разрушенъ; толпа же разошлась въ разныя стороны и никто не зналъ, откуда она взялась и куда скрылась; изъ зачинщиковъ же и убійцъ никто не былъ открытъ. Секретарь Мальцовъ, при самомъ началѣ дѣла, скрылся у одного мусульманина и спасся. Онъ былъ призванъ къ шаху и осыпанъ его милостями.

„Правительство начало размышлять объ этой страшной катастрофѣ, при чемъ распорядилось о преданіи землѣ убіенныхъ на кладбищѣ тегеранскихъ церквей, а секретаря Мальцова, въ сопровожденіи Назар-Али-хана Авшара и съ почестями, отправило въ Тавризъ. Тамъ онъ лично подтвердилъ наслѣдному принцу (Аббас-Мирзѣ) всѣ ошибки Грибоѣдова“.

Такъ повѣствуетъ объ умерщвленіи нашего посольства персидскій историкъ. Не вдаваясь въ критическую оцѣнку подробностей, заключающихся въ приведенномъ отрывкѣ, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ прямой нашей задачи, замѣтимъ лишь, что, судя по сущности разсказа, причины постигшаго нашу миссія несчастія сводятся:

во-1-хъ, къ отсутствію въ Грибоѣдовѣ знакомства съ требуемымъ этикетомъ и незнанію имъ мѣстныхъ обычаевъ;

во-2-хъ, къ участію, принятому въ свнухѣ Якубѣ, и

въ-3-хъ, къ укрывательству у себя женщинъ.

Послѣднія два обвиненія, о которыхъ будетъ сказано ниже, спра-

ведливы. Что же касается перваго, то оно вполнѣ опровергается сколько личными качествами Александра Сергѣевича, столько же и тѣмъ близкимъ знакомствомъ его съ языкомъ, нравами и обычаями Персіи, изученію которыхъ онъ посвятилъ многіе годы. Но безпристрастное изображеніе событій настолько же мыслимо въ каждомъ персидскомъ повѣствователѣ, сколько всѣмъ вообще персіянамъ присуще самохвальство и хвастовство,—врожденныя качества этой націи.

Обратимся къ нашимъ документамъ.

Умерщвленіе русскаго посольства совершилось, какъ извѣстно, 30-го января 1829 года. Кромѣ Александра Сергѣевича, въ числѣ убитыхъ были: 2-й секретарь, протоколистъ Аделунгъ, шт.-кап. Шах-Назаровъ, канцеляристъ кн. Кобуловъ, переводчикъ кн. Соломонъ Меликовъ, ординаторъ эриванскаго госпиталя Мальмбергъ, грузинъ Ростомъ, Дадаш-бекъ, камердинеръ Александръ Дмитріевъ, поваръ Яковъ Захаровъ и пр., всего съ казаками 37 человѣкъ. Спасся только 1-й секретарь, тит. сов. Мальцовъ.

Извѣстіе о злополучной участи русской миссіи быстро распространилось по Персіи, откуда слухи не замедлили проникнуть и въ Закавказье. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ они принимались недовѣрчиво, какъ вымыселъ, или вѣрнѣе сплетня, столько свойственная увлекающемуся воображенію восточнаго человѣка. Такъ военно-пограничный начальникъ въ Кахетіи генералъ-майоръ Раевскій, отъ 26-го февраля, доносилъ командиру отдѣльнаго кавказскаго корпуса гр. Паскевичу:

„Честь имѣю донести вашему сіятельству, что въ Дагестанѣ распространились слухи о разрывѣ Персіи съ Россіей и о умерщвленіи нашего посланника въ Тегеранѣ. Я еще не знаю, если сіи извѣстія нечаянно распространились, или намѣреніемъ распущены муллами и хаджіями [1]). Я обратилъ всѣ свои старанія, чтобы уничтожить сіи ложные слухи предъ выступленіемъ нашихъ войскъ за границу, и дабы они не препятствовали набору лезгинскаго ополченія“.

Въ другихъ же мѣстахъ слухи передавались въ преувеличенномъ видѣ: „Изъ-заграницы“, доносилъ графу Паскевичу управляющій Карабагомъ майоръ Калачевскій: „безпрестанно привозятся свѣдѣнія, что полномочный нашъ министръ при дворѣ персидскомъ казненъ, по приказанію шаха“.

Въ такомъ видѣ слухи доходили и до Тифлиса. Первое, болѣе подробное и обстоятельное донесеніе о событіяхъ 30 января графъ Паскевичъ получилъ отъ нашего генеральнаго консула Амбургера, который отъ 8 февраля писалъ:

---

[1]) Хаджи — мусульманинъ, совершившій путешествіе въ Мекку. **А. Б.**

„Сегоднишняго утра прибылъ сюда человѣкъ Мирза-Муса-хана, который привезъ извѣстія изъ Тегерана о случившемся тамъ ужасномъ происшествіи. Кажется, что духовенство тегеранское было главною причиною возмущенія, содѣлавшаго нашего министра жертвою ожесточенной черни, ибо въ главной мечети провозглашали сборъ правовѣрныхъ. Злополучный Александръ Сергѣевичъ сдѣлался жертвою своей храбрости. Услышавъ шумъ, выбѣжалъ съ обнаженною саблею въ рукѣ, и въ то самое мгновеніе былъ пораженъ брошеннымъ камнемъ. Онъ палъ отъ удара, ворвавшаяся толпа совершила его ужасную участь! Покой душѣ его! Всѣ люди тутъ бросились къ нему и всѣ пали жертвою остервенѣлой черни.

„Все имущество ограблено кровопійцами, и домъ, данный министру шахомъ, совершенно разрушенъ [1]).

„Самъ шахъ заперся въ аркѣ и окружился своимъ войскомъ. Чернь цѣлый день носилась по городу и еще не извѣстно, какія другія неистовства произвела. Али-шахъ только съ величайшимъ усиліемъ могъ пробиться до дома министра; нѣсколько феррашей и и насакчіевъ [2]) его при семъ были убиты. Отъ Мальцова все еще нѣтъ сообщеній и до полученія оныхъ, какъ происходящихъ отъ очевидца, невозможно ручаться за справедливость получаемыхъ извѣстій. Наибъ-султанъ [3]) въ отчаяніи; при первомъ послѣ сего неимовѣрнаго злодѣйства свиданіи со мною, сказалъ онъ мнѣ: „Не знаю, какая злополучная судьба преслѣдуетъ меня! Только что успѣлъ я чрезвычайными стараніями и жертвами возстановить дружбу между Россіею и Персіею, сіе ужасное смертоубійство, Иранъ навсегда запятнавшее, разрушаетъ то, чего съ такимъ трудомъ достигъ. Да будетъ проклятъ Иранъ и самовольные жители его! клянусь тѣмъ Богомъ, въ котораго мы оба вѣруемъ, ибо Онъ единъ, что я былъ бы радъ замѣнить пролитую кровь кровью моихъ женъ и дѣтей. Что мнѣ сказать про шаха? продолжалъ онъ; бранить его не смѣю, молчать же о его слабости не могу. И это шахъ? не выходитъ изъ своего гарема и не думаетъ о приведеніи въ послушаніе и въ порядокъ своихъ подданныхъ! я не знаю, куда мнѣ дѣться отъ стыда“.

„Каймакамъ [4]) также глубоко чувствуетъ ужасъ происшедшаго. Онъ самъ вызвался съ Мамед-Мирзою ѣхать въ Тифлисъ, говоря, что

---

[1]) Въ бытность мою, въ 1853 г., въ Тегеранѣ, въ домѣ, гдѣ жилъ Грибоѣдовъ, помѣщалась верблюжья артиллерія. **А. Б.**

[2]) Ферраши — ставщики палатокъ, шахская стража; насакчи — стража, предшествующая шаху во время выходовъ его изъ дворца. **А. Б.**

[3]) Наслѣдникъ престола. **А. Б.**

[4]) Мирза Безюргъ. **А. Б.**

оба они готовы смыть своею кровью пятно, сдѣланное Персіи симъ неимовѣрнымъ злодѣяніемъ. Онъ показывалъ мнѣ письма, въ которыхъ Аббас-Мирза пишетъ къ Али-шаху, чтобы онъ немедленно настаивалъ у шаха приказать схватить главныхъ зачинщиковъ и прислать ихъ въ Тифлисъ.

„Я настаивалъ, чтобы тѣла министра и чиновниковъ, падшихъ жертвою кровопійцъ, были высланы въ Тифлисъ; и о семъ было писано въ Тегеранъ..

„Супругу министра я успѣлъ уговорить, не открывая ей о несчастной участи ея супруга, слѣдовать въ Тифлисъ, къ чему не мало способствовало полученное ею письмо отъ своей родительницы, которая ее приглашаетъ къ себѣ".

Одновременно съ донесеніемъ Амбургера, графъ Паскевичъ получилъ изъ Тавриза письмо отъ Макдональда, англійскаго посла въ Персіи, помѣченное тѣмъ же числомъ, слѣдующаго содержанія:

(Переводъ). „Изъ полученнаго мною вчера отъ его королевскаго высочества (Аббас-Мирзы) письма, съ коего у сего прилагается копія, я впервые извѣстился объ ужасахъ въ Тегеранѣ и имѣю честь выразить вамъ мое глубокое и искреннее соболѣзнованіе, по случаю этой неслыханной катастрофы, событія обильнаго несчастіями, ввергшаго въ глубокую скорбь нѣсколько уважаемыхъ семействъ и лишившаго его императорскаго величества слуги даровитаго, ревностнаго и достойнаго, а ваше превосходительство, а равно и меня, любимаго и уважаемаго друга.

„По случаю отдаленности мѣста и за неполученіемъ до нынѣ подробныхъ свѣдѣній, я не могу представить другихъ разъясненій обстоятельствъ, вызвавшихъ такое ужасное нарушеніе народнаго права, кромѣ полученныхъ уже вами или имѣющихъ получиться отъ г. Амбургера и отъ его превосходительства каймакама, немедленно отправ-

---

(Подлинникъ). La copie de la lettre ci-jointe que j'ai reçue hier de S. A. R. de Perse m'a appris pour la première fois les horreurs qui ont eu lieu à Téhéran, et j'ai l'honneur de Vous offrir l'assurance de ma condoléance profonde et sincère sur cette catastrophe inouie; événement fertile en malheur public autant que privé qui a plongé dans la plus profonde douleur plusieurs familles aimables, enlevé à Sa Majesté Impériale un serviteur habile, zélé et distingué, et privé V. E. non moins que moi d'un ami à la fois chéri, estimé et affectionné.

A cette distance de la scène et avec l'information peu détaillé que jusqu'à présent je possède, il m'est impossible de fournir d'autres éclaircissements sur les circonstances qui ont produit cette infraction atroce du droit des gens, outre ceux que Vous avez déjà reçus ou que Vous devrez recevoir de M. Ambourger et S. E. le Kaïm-makam qui doit partir incessamment pour Tiflis. Mais tout obscurement que la chose se présente à moi, je n'hésite guère à déclarer

ляющагося въ Тифлисъ. Но какъ неясно ни представлялось бы мнѣ дѣло это, я, не колеблясь, выскажу мнѣніе свое, основанное на знаніи шахскаго нрава и на результатахъ моихъ разслѣдованій о поводахъ къ этому грустному событію, что ни шахъ и никто изъ его министровъ непричастны дѣлу, которое всецѣло должно быть приписано свирѣпой и внезапной вспышкѣ народнаго неистовства, которое правительство не могло во-время утушить, дабы предупредить преступленіе, которое навсегда и неизгладимо обезчестило національный духъ и доказало несостоятельность ихъ правительства.

„Что касается Аббас-Мирзы, то я не допускаю, что его кто-либо могъ заподозрить, не исключая и тѣхъ, которые составили себѣ о немъ самое дурное мнѣніе. Разстояніе между Тавризомъ и Тегераномъ, его скорбь и изумленіе, его поспѣшность при отправленіи въ качествѣ депутатовъ, старшаго его сына и каймакама, для представленія вашему августѣйшему монарху всевозможныхъ удовлетвореній, суть сильныя и неотразимыя доказательства полной его невинности. Но какъ г. Амбургеръ безъ сомнѣнія уже довелъ до вашего свѣдѣнія, еще задолго до полученія настоящаго письма, обо всѣхъ подробностяхъ этого грустнаго событія, то, по моему мнѣнію, было бы безполезно и я переступилъ бы границы усердія, если бы болѣе останавливался на предметѣ, къ которому никто не можетъ отнестись безъ омерзѣнія и ужаса.

---

mon opinion fondée sur ma connaissance du caractère du Schah et sur les résultats des recherches que j'ai faites sur l'origine de cet événement malheureux, que ni Sa Majesté—ni aucuns de ses ministres peut être avec raison accusé d'avoir participé à un fait, que l'on doit entièrement attribuer à une effervescense féroce et subite de la phrénésie populaire et que le gouvernement ne pouvait dompter assez-tôt pour empêcher la consommation d'un crime qui restera toujours une tâche ineffaçable sur le caractère national et une preuve de l'inefficacité pitoyable de leur gouvernement.

Quant à s. a. r. Abbas-Mirza je ne crois pas que des soupçons puissent s'attacher à lui, même de la part de ceux qui ont la plus mauvaise opinion de lui. La distance entre Tebriz et Téhéran, sa douleur et consternation, sa promptitude à députer son fils aîné et son ministre le Kaïm-makam pour offrir à Votre Auguste Souverain tout expiation et réparation qu'il peut donner, sont des témoignages à la fois forts et irrécusables de son innocence entière. Mais comme M. Ambourger aura sans doute, longtems avant que cette lettre pourra Vous atteindre, porté à la connaissance de V. E. tous les détails de cet événement fâcheux, il serait à mon avis inutile et l'on pourrait même me trouver officieux si je m'arrêtais plus à un sujet que personne ne peut contempler sans éprouver en même tems l'horreur et l'épouvante.

La pauvre madame Griboyédof, ignorante encore le malheur irréparable qu'elle vient d'essayer dans la perte du mari le plus aimable et affectionné, est

„Бѣдная г-жа Грибоѣдова, невѣдающая еще о невознаградимомъ несчастіи, которое она понесла съ потерею мужа, имѣетъ пребываніе у насъ, гдѣ, какъ ваше превосходительство, такъ и скорбящіе родители ея могутъ быть увѣрены, не оставятъ приложить всѣ заботы и все вниманіе до устройства будущаго ея положенія.

„Если я буду такъ счастливъ, что успѣю убѣдить ее отправиться вмѣстѣ съ г. Амбургеромъ въ Тифлисъ (что въ ея положеніи есть самое спасительное средство, какое она можетъ избрать), то въ предупрежденіе всякой случайности въ теперешнемъ ея положеніи, не оставлю поручить одному изъ состоящихъ при мнѣ медиковъ имѣть за нею неослабное наблюденіе до сдачи ея на руки роднымъ или тѣмъ, кому будетъ поручено озаботиться о доставленіи ея къ нимъ.

„Чтобы открыто и разительнѣе выразить ужасъ и безграничную печаль мою по случаю означенной катастрофы, я изъяснилъ членамъ моей миссіи и всѣмъ пребывающимъ нынѣ въ Персіи великобританскимъ подданнымъ мое желаніе, дабы они наложили на себя трауръ на два мѣсяца. Затѣмъ я счелъ долгомъ открыто и формально протестовать противъ поступка, одинаково враждебнаго интересамъ всякой цивилизованной націи.

„Испытывая нѣкоторое опасеніе относительно безопасности г. Мальцова, я намѣренъ отправить капитана Макдональда въ Тегеранъ, дабы избавить г. Мальцова отъ всякой могущей ему приключиться обиды

à présent domiciliée chez nous, où V. E. et ses parents affligés peuvent s'assurer que tout soin et attention lui seront prêtés jusqu'à ce que l'on aura arrangé sa destination future.

Si nous sommes assez heureux pour pouvoir la décidée à se rendre avec m-r Ambourger à Tiflis (ce qui serait dans les circonstances de sa position malheureuse la mésure la plus salutaire qu'elle puisse adopter) je tâcherai pour prévenir tout accident incident à son état actuel de la faire soigner par un des médecins attachés à cette Mission, jusqu'à ce qu'elle sera remise entre les mains de sa famille ou des personnes auxquelles ils confieront le soin de la conduire chez eux.

Pour marquer de la manière la plus publique et la plus frappente mon horreur et regret sans bornes de cette catastrophe épouvantable, j'ai annoncé aux membres de cette Mission, aussi bien qu'à tout sujet Britannique qui se trouve actuellement en Perse, mon désire qu'ils portent le deuil pendant deux mois. Ensuite je l'ai cru de mon devoir de faire une protestation solennelle et formelle contre un acte qui est également hostile aux intérêts de toute nation civilisée.

Comme j'éprouve des craintes un peu vives pour le salut de m-r Maltzof, j'ai l'intention d'expédier m-r le capitaine Macdonald en poste à Téhéran pour délivrer m-r Maltzof du risque d'insulte ou de molestation ultérieure et pour le reconduire à Tébriz. Cette mésure j'espère sera agréé de V. E. Elle n'a été acceptée qu'avec le consentement et le concours de m-r Ambourger.

или дальнѣйшаго оскорбленія и сопровождать его въ Тавризъ. Мѣра эта, я надѣюсь, будетъ одобрена вашимъ превосходительствомъ; она принята съ согласія и при содѣйствіи г. Амбургера."

Но всѣ эти извѣстія исходили изъ источниковъ персидскихъ и потому ихъ надо было принимать съ большою осторожностью. Ближе всего должны были разъяснить происшествіе показанія Мальцова, но онъ могъ представить ихъ только по прибытіи въ Нахичевань, откуда отъ 18-го марта и доносилъ гр. Паскевичу:

„Наконецъ, достигъ я до границы нашей и могу имѣть честь донести вашему сіятельству объ участи россійскаго посольства, при персидскомъ дворѣ находившагося. Доселѣ не имѣлъ я никакой возможности исполнить сію обязанность, ибо въ Тегеранѣ былъ содержимъ, въ продолженіе 3-хъ недѣль, подъ карауломъ и потомъ съ коннымъ конвоемъ провожаемъ до самой границы; я не имѣлъ при себѣ цифири и слѣдовательно не могъ ввѣрить бумагъ своихъ какому-нибудь персидскому курьеру.

„Въ Тегеранѣ посланникъ нашъ былъ принятъ съ такими почестями, которыхъ никогда не оказывали въ Персіи ни одному европейцу. Послѣ первой аудіенціи у шаха, при которой соблюдены были всѣ постановленія существующаго церемоніала и великолѣпныхъ угощеній, дѣланныхъ намъ, по приказанію шаха, тамошними вельможами, посланникъ имѣлъ приватную аудіенцію у его высочества. Шахъ обошелся съ нимъ весьма ласково; говорилъ ему: „Вы мой эминъ, мой визирь, всѣ визири мои ваши слуги; во всѣхъ дѣлахъ вашихъ адресуйтесь прямо къ шаху, шахъ вамъ ни въ чемъ не откажетъ", и много подобныхъ вѣжливостей, на которыя персіяне щедры въ обратной пропорціи скупости своей на все прочее.

„Все, что посланникъ требовалъ, было безъ отлагательства исполнено, а именно: послѣдовалъ строжайшій фирманъ на имя Яхья-Мирзы, воспрещающій въ Рештѣ всѣ притѣсненія, дѣлаемыя тамъ нашимъ промышленникамъ, о которыхъ ваше сіятельство изволили писать къ посланнику, и таковый же на имя казвинскаго шахзадэ [1]), повелѣвающій ему освободить всѣхъ плѣнныхъ, находящихся въ домѣ бывшаго сердаря эриванскаго Хусейн-хана. Шахъ прислалъ посланнику подарки и орденъ Льва и Солнца 1-й степени, а прочимъ чиновникамъ тотъ же орденъ 2-й и 3-й степени. Грибоѣдовъ сбирался ѣхать въ Тавризъ, а для сношеній съ министерствомъ шаха и для представленія его высочеству подарковъ отъ нашего двора оставлялъ меня въ Тегеранѣ; онъ имѣлъ прощальную аудіенцію у шаха; лошади и катера были готовы къ

[1]) Принцъ крови. А. Б.

отъѣзду, какъ вдругъ неожиданный случай далъ дѣламъ нашимъ совсѣмъ иной оборотъ и посѣялъ сѣмя бѣдственнаго раздора съ персидскимъ правительствомъ.

„Нѣкто Ходжа-Мирза-Якубъ, служившій болѣе 15-ти лѣтъ при гаремѣ шахскомъ, пришелъ вечеромъ къ посланнику и объявилъ ему желаніе возвратиться въ Эривань [1]), свое отечество. Грибоѣдовъ сказалъ ему, что ночью прибѣжища себѣ ищутъ только воры, что министръ россійскаго императора оказываетъ покровительство свое гласно, на основаніи трактата, и что тѣ, которые имѣютъ до него дѣло, должны прибѣгать къ нему явно, днемъ, а не ночью. Мирза-Якубъ былъ отосланъ съ феррашами въ домъ свой, съ увѣреніемъ, что персіяне не осмѣлятся сдѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія.

„На другой день онъ опять пришелъ къ посланнику съ тою же просьбою; посланникъ уговаривалъ его остаться въ Тегеранѣ, представлялъ ему, что онъ здѣсь знатный человѣкъ, занимаетъ второе мѣсто въ эндерунѣ [2]) шахскомъ, между тѣмъ какъ у насъ онъ совершенно ничего значить не можетъ и т. п.; но усмотрѣвъ твердое намѣреніе Мирзы-Якуба ѣхать въ Эривань, онъ принялъ его въ домъ миссіи, дабы вывезти съ собою въ Тавризъ, а оттуда, на основаніи трактата, отправить въ Эривань. Грибоѣдовъ послалъ человѣка взять оставшееся въ домѣ Мирзы-Якуба имущество, но когда вещи были уже навьючены, пришли ферраши Манучехр-хана [3]), которые увели катеровъ и вьюки Мирзы-Якуба къ своему господину.

„Шахъ разгнѣвался; весь дворъ возопилъ, какъ будто бы случилось величайшее народное бѣдствіе. Въ день двадцать разъ приходили посланцы отъ шаха съ самыми нелѣпыми представленіями; они говорили, что ходжа (евнухъ) то же, что жена шахская, и что слѣдовательно посланникъ отнялъ жену у шаха изъ его эндеруна. Грибоѣдовъ отвѣчалъ, что Мирза-Якубъ, на основаніи трактата, теперь русскій подданный, и что посланникъ русскій не имѣетъ права выдать его, ни отказать ему въ своемъ покровительствѣ. Персіяне, увидѣвъ, что они ничего не возьмутъ убѣдительною своею логикою, прибѣгли къ другому средству; они взвели огромныя денежныя требованія на Мирзу-Якуба и сказали, что онъ обворовалъ казну шаха и потому отпущенъ быть не можетъ. Для приведенія въ ясность сего дѣла,

---

[1]) Якубъ — житель г. Эривани, изъ фамиліи Маркарьянъ. **А. Б.**

[2]) Внутренніе покои у мусульманъ. **А. Б.**

[3]) Изъ тифлисскихъ армянъ, изъ фамиліи Ениколоповыхъ, впослѣдствіи правитель Испагани. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ персіянами при Эривани, во время управленія Закавказьемъ кн. Циціанова, привезенъ въ Персію и ископленъ въ Тавризѣ. **А. Б.**

Грибоѣдовъ отправилъ его вмѣстѣ съ переводчикомъ Шах-Назаровымъ къ Манучехр-хану. Комната была наполнена ходжами, которые ругали Мирзу-Якуба и плевали ему въ лицо. „Точно, я виноватъ, говорилъ Мирза-Якубъ Манучехр-хану: виноватъ, что первый отхожу отъ шаха; но ты самъ скоро за мною послѣдуешь". Такимъ образомъ, въ этотъ разъ, кромѣ ругательства, ничего не послѣдовало.

„Шаху угодно было, чтобы духовный судъ разобралъ дѣло; посланникъ на это согласился и отправилъ меня, чтобы я протестовалъ въ случаѣ противузаконнаго рѣшенія. Съ Мирзой-Якубомъ и переводчикомъ пріѣхалъ я въ домъ шаро (духовнаго суда) и объявилъ Манучехр-хану, что буде кто-либо позволитъ себѣ по прежнему какоенибудь ругательство въ моемъ присутствіи, то я этого не стерплю, кончу переговоры, уведу съ собою Мирзу-Якуба и они болѣе его никогда не увидятъ; что я, съ своей стороны, ручаюсь ему, что Мирза-Якубъ также не скажетъ никому обиднаго слова.—„Мирза-Якубъ долженъ казначею шахскому нѣсколько тысячъ тумановъ, сказалъ мнѣ Манучехр-ханъ: неужели теперь эти деньги должны пропасть?" Я отвѣчалъ ему, что Мирза-Якубъ объявилъ посланнику, что онъ никому не долженъ здѣсь гроша, и что слѣдовательно должно представить законные документы, и буде есть дѣйствительные векселя, т.-е. засвидѣтельствованные въ свое время у хакима, онъ принужденъ будетъ удовлетворить Зураб-хана.—„Такихъ документовъ нѣтъ, но есть росписки, свидѣтели".—На основаніи трактата, сказалъ я, извѣстно вашему высокостепенству, что такія росписки и словесныя показанія, буде самъ должникъ не признаетъ ихъ справедливыми, въ денежныхъ дѣлахъ не имѣютъ никакой силы; точно, Мирза-Якубъ получалъ деньги отъ Зураб-хана, но онъ былъ казначеемъ въ эндерунѣ и имѣлъ отъ шаха различныя порученія, на каковыя и издерживалъ получаемыя деньги. Онъ говоритъ, что можетъ это доказать имѣвшимися въ его домѣ бумагами и росписками; но ваше высокостепенство послали людей своихъ, которые силою проникли въ его домъ, когда онъ уже находился подъ покровительствомъ нашей миссіи, которые унесли вещи, увели катеровъ и лошадей его, а можетъ быть и выкрали означенныя бумаги; вамъ слѣдовало описать вещи и бумаги въ присутствіи русскаго чиновника, а не насильственно и самовольно захватить все, что попало, и слѣдовательно вся отвѣтственность за нарушеніе правъ русскаго подданнаго падаетъ на васъ; какимъ образомъ судъ можетъ приступить къ справедливому рѣшенію, когда Зураб-ханъ имѣетъ при себѣ документы, между тѣмъ, какъ бумаги Мирзы-Якуба у него отобраны и можетъ быть теперь уже уничтожены?—„Хорошо, сказалъ Манучехр-ханъ: но въ трактатѣ вовсе нѣтъ того, что вы говорите".—

Въ отвѣтъ ему, я приказалъ переводчику прочесть нѣкоторыя отмѣченныя мною статьи коммерческой конвенціи, и всѣ присутствовавшіе по выслушаніи оныхъ остолбенѣли отъ удивленія.—„Если такъ, сказалъ Манучехр-ханъ, то духовнаго суда по этому дѣлу быть не можетъ; пусть все останется какъ есть".

„На другой день посланникъ былъ у шаха и согласился на предложеніе его высочества разобрать дѣло Мирзы-Якуба съ муэтемедомъ [1]) и Мирза-Абуль-Хасан-ханомъ; но сіе совѣщаніе отлагалось со дня на день, до тѣхъ поръ, пока смерть посланника и Мирзы-Якуба сдѣлали оное невозможнымъ.

„Между тѣмъ, посланникъ прилагалъ неусыпное стараніе объ освобожденіи находившихся въ Тегеранѣ плѣнныхъ. Двѣ женщины, плѣнныя армянки, были приведены къ нему отъ Аллах-Яр-хана. Грибоѣдовъ допросилъ ихъ въ моемъ присутствіи, и когда онѣ объявили желаніе ѣхать въ свое отечество, то онъ оставилъ ихъ въ домѣ миссіи, дабы потомъ отправить по принадлежности.

„Впрочемъ, это обстоятельство такъ маловажно, что объ ономъ распространяться нечего. Съ персидскимъ министерствомъ объ этихъ женщинахъ не было говорено ни слова, и только послѣ убіенія посланника начали о нихъ толковать. Я это представилъ въ Тавризъ каймакаму, утверждавшему, что женщины были главною причиною убіенія посланника.—„Ваше высокостепенство, сказалъ я ему, имѣете въ рукахъ своихъ всю переписку посланника съ тегеранскимъ министерствомъ; тамъ много говорено о Ходжа-Мирзѣ-Якубѣ, но есть-ли хотя одно слово о женщинахъ?"—„Точно, о женщинахъ нигдѣ не упоминается, но онѣ были удержаны вами насильственно противъ своей воли". — Смѣю увѣрить васъ, отвѣчалъ я ему, что при мнѣ объявили онѣ посланнику желаніе возвратиться въ свое отечество, а лучшимъ доказательствомъ, что посланникъ никогда насильно не бралъ тѣхъ, которыя не имѣли желанія отсюда ѣхать, можетъ служить происшествіе, извѣстное вамъ, которому весь Казвинъ былъ свидѣтелемъ. Тамъ находились въ домѣ одного сеида двѣ женщины, изъ коихъ одна армянка, а другая—нѣмка, изъ прилежащихъ къ Тифлису колоній. Онѣ были приведены къ посланнику, и когда объявили, что желаютъ остаться въ Кавзинѣ, то немедленно же были отпущены къ сеиду.

„Между тѣмъ дошло до свѣдѣнія муджтехида Мирзы-Месиха, что Мирза-Якубъ ругаетъ мусульманскую вѣру. „Какъ? говорилъ муджте-

[1]) Собственно муэтемед-ддоулэ, т.-е. опора правительства,—титулъ Манучехр-хана. А. Б.

хидъ, — этотъ человѣкъ 20-ть лѣтъ былъ въ нашей вѣрѣ, читалъ наши книги и теперь поѣдетъ въ Россію, наругается надъ нашею вѣрою; онъ измѣнникъ, невѣрный и повиненъ смерти!“ Также о женщинахъ доложили ему, что ихъ насильно удерживаютъ въ нашемъ домѣ и принуждаютъ будто-бы отступиться отъ мусульманской вѣры.

„Мирза-Месихъ отправилъ ахундовъ къ Шахзадэ-Зилли-султану; они сказали ему: „Не мы писали мирный договоръ съ Россіею, и не потерпимъ, чтобы русскіе разрушали нашу вѣру; доложите шаху, чтобы намъ непремѣнно возвратили плѣнныхъ“. Зилли-султанъ просилъ ихъ повременить, обѣщалъ обо всемъ донести шаху. Ахунды пошли домой и дорогой говорили народу: „запирайте завтра базаръ и сбирайтесь въ мечетяхъ; тамъ услышите наше слово!“

„Наступило роковое 30-е число января. Базаръ былъ запертъ, съ самаго утра народъ собирался въ мечети. „Идите въ домъ русскаго посланника, отбирайте плѣнныхъ, убейте Мирзу-Якуба и Рустема!“— грузина, находившагося въ услуженіи у посланника. Тысячи народа съ обнаженными кинжалами вторгнулись въ нашъ домъ и кидали каменья. Я видѣлъ, какъ въ это время пробѣжалъ чрезъ дворъ коллежскій ассесоръ князь Соломонъ Меликовъ, посланный къ Грибоѣдову дядею его Манучехр-ханомъ; народъ кидалъ въ него каменьями и вслѣдъ за нимъ помчался на второй и третій дворъ, гдѣ находились плѣнные и посланникъ. Всѣ крыши были уставлены свирѣпствующей чернью, которая лютыми криками изъявляла радость и торжество свое. Караульные сарбазы (солдаты) наши не имѣли при себѣ зарядовъ, бросились за ружьями своими, которыя были складены на чердакѣ и уже растащены народомъ. Съ часъ казаки наши отстрѣливались, тутъ повсемѣстно началось кровопролитіе. Посланникъ, полагая сперва, что народъ желаетъ только отобрать плѣнныхъ, велѣлъ тремъ казакамъ, стоявшимъ у него на часахъ, выстрѣлить холостыми зарядами, и тогда только приказалъ заряжать пистолеты пулями, когда увидѣлъ, что на дворѣ начали рѣзать людей нашихъ. Около 15-ти человѣкъ изъ чиновниковъ и прислуги собрались въ комнатѣ посланника и мужественно защищались у дверей. Пытавшіеся вторгнуться силою были изрублены шашками, но въ это самое время запылалъ потолокъ комнаты, служившей послѣднимъ убѣжищемъ русскимъ: всѣ находившіеся тамъ были убиты низверженными сверху каменьями, ружейными выстрѣлами и кинжальными ударами ворвавшейся въ комнату черни. Начался грабежъ: я видѣлъ, какъ персіяне выносили на дворъ добычу и съ крикомъ и дракою дѣлили оную между собою. Деньги, бумаги, журналы миссіи, — все было разграб-

лено (я полагаю, что бумаги находятся въ рукахъ у персидскаго министерства).

„Въ это время пришелъ присланный отъ шаха майоръ Хади-бекъ съ сотнею сарбазовъ, но у сего вспомогательнаго войска не было патроновъ; оно имѣло приказаніе противъ вооруженной свирѣпствующей черни употреблять одно краснорѣчіе, а не штыки, и потому было спокойнымъ свидѣтелемъ неистовствъ. Также присланъ былъ визирь Мирза-Мамед-Али-ханъ и серхенгъ (полковникъ). Увидѣвъ серхенга, съ которымъ я былъ довольно коротко знакомъ, я просилъ его къ себѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что посланникъ и всѣ чиновники миссіи убиты; что онъ не понимаетъ, какъ могъ я спастись, приставилъ къ комнатѣ мой караулъ и обѣщался вечеромъ посѣтить меня. За часъ до захожденія солнца, когда въ разоренномъ домѣ нашемъ оставались одни только сарбазы, пришелъ шахскій чиновникъ, который четыремъ стѣнамъ прочелъ громогласно фирманъ, повелѣвающій народу, подъ опасеніемъ шахскаго гнѣва, удалиться спокойно изъ нашего дома и воздержаться отъ всякаго безчинства.

„Въ 9-ть часовъ вечера пришелъ серхенгъ съ вооруженными гулямами, нарядилъ меня и людей моихъ въ сарбазскія платья и повелъ во дворецъ Зилли-султана.

„Всего убито въ сей ужасный день 37 человѣкъ нашихъ и 19 тегеранскихъ жителей“.

Изъ донесенія Мальцова оказывается, что причиною убіенія Грибоѣдова послужили евнухъ Мирза-Якубъ и двѣ женщины изъ гарема Аллах-Яр-хана, въ чемъ показанія его въ общихъ чертахъ совершенно согласны съ разсказомъ персидскаго историка. Но что же вынудило Грибоѣдова такъ горячо за нихъ вступиться? Руководствовался ли онъ въ этомъ случаѣ исключительно статьею туркменчайскаго трактата, безъ какого-либо иного побужденія, или же здѣсь была замѣшана и посторонняя интрига? Вотъ, по моему мнѣнію, тѣ вопросы, разрѣшеніемъ коихъ могутъ объясниться дѣйствія нашего министра, повлекшія за собою избіеніе всей нашей миссіи. Постараюсь отвѣтить на нихъ, руководствуясь данными и сообщеніями, такъ сказать, непосредственнаго мѣстнаго изыскателя, предпоставившаго себѣ цѣлью всестороннее разъясненіе занимающаго насъ событія и обстоятельствъ, предшествовавшихъ ему и за нимъ послѣдовавшихъ.

Грибоѣдовъ на пути въ Персію, какъ извѣстно, остановился въ Тифлисѣ. Здѣсь онъ принялъ къ себѣ на службу нѣсколько туземцевъ, изъ армянъ и грузинъ, людей неблагонадежныхъ, чуждыхъ всякаго образованія, и вдобавокъ, весьма сомнительной нравственности. Въ этомъ отношеніи изъ среды ихъ особенно выдѣлялись лично-

сти Дадаш-бека и Рустем-бека. Тутъ невольно напрашивается возраженіе, что Грибоѣдову, обладавшему столь глубокимъ знаніемъ человѣческаго сердца, людскихъ страстей и пороковъ, никто не мѣшалъ быть осмотрительнѣе въ выборѣ чиновниковъ. Но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ данномъ положеніи Грибоѣдову выбирать было не изъ кого, а познаніе людей съ ихъ характеромъ и наклонностями достигается долгимъ непосредственнымъ наблюденіемъ той среды, изъ которой они вышли. А тифлисская общественная среда, особливо не аристократическая, Грибоѣдову мало была извѣстна; притомъ же на него могли повліять рекомендаціи и указанія новой родни, которую онъ пріобрѣлъ вслѣдствіе своей, только что совершившейся женитьбы. Итакъ, чего же можно было ожидать отъ соприкосновенія подобныхъ упомянутыхъ личностей съ народомъ, съ которымъ мы только что успѣли покончить наши разсчеты, достигнувъ необыкновенно блестящихъ въ нашу пользу результатовъ, и который ни по нравамъ и обычаямъ, ни по вѣрѣ, — словомъ, ни съ какой стороны намъ не могъ симпатизировать? Недружелюбное настроеніе персіянъ противъ посольства обнаружилось еще во время слѣдованія его изъ Тавриза въ Тегеранъ. Обязанные нести всѣ расходы по переѣзду и продовольствію нашей миссіи, сельскіе жители нерѣдко подвергались со стороны вышепоименованныхъ закавказскихъ туземцевъ, а главнымъ образомъ со стороны Рустем-бека всевозможнымъ поборамъ и другимъ притѣсненіямъ, которыя въ Кавзинѣ, по случаю попытки освободить изъ неволи увезенную изъ Эривани нѣмку, жену какого-то сеида, едва не имѣли трагическаго исхода. Съ прибытіемъ въ Тегеранъ они еще болѣе начали буйствовать, такъ что нерѣдко въ пьяномъ видѣ, съ обнаженнымъ оружіемъ и съ криками ходили по улицамъ, предаваясь открытому разврату, что само собою противорѣчило основнымъ правиламъ шаріата, задѣвая и безъ того возбужденную щекотливость жителей столицы. Чаша терпѣнія персіянъ должна была переполниться, когда названныя лица, въ своемъ неразумномъ ослѣпленіи, успѣли склонить Грибоѣдова дѣйствовать по ихъ видамъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ родственницъ и друзей, плѣненныхъ персіянами при нашествіи Ага-Мамед-хана на Тифлисъ (1795 г.) и въ послѣдующихъ войнахъ Россіи съ Персіей за обладаніе Закавказьемъ. Высказываясь такимъ образомъ, я, само собою разумѣется, далекъ отъ мысли объяснять дѣйствія Грибоѣдова въ этомъ случаѣ исключительно вліяніемъ однихъ только лицъ, взятыхъ имъ на службу изъ закавказскихъ уроженцевъ, что̀ было бы недостойно нашего посланника;—нѣтъ, онъ въ своемъ образѣ дѣйствій руководствовался точнымъ смысломъ туркменчайскаго трактата, считая себя внѣ всякой

опасности. Дѣло только въ томъ, что подчинивъ себя вліянію людей, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, и дѣйствуя въ ихъ родственныхъ интересахъ, онъ зашелъ слишкомъ далеко, простирая иногда свое покровительство на тѣхъ изъ плѣнницъ, которыя находились въ гаремахъ лицъ, слишкомъ значительныхъ и вліятельныхъ. И вотъ въ этомъ-то именно увлеченіи и заключается главная ошибка Грибоѣдова!

Принятіе подъ покровительство Мирзы-Якуба вооружило противъ Грибоѣдова самого шаха и всю придворную партію. Да и могло ли быть иначе? Мирза-Якубъ занималъ въ теченіе многихъ лѣтъ должность казначея и главнаго евнуха въ шахскомъ гаремѣ, зналъ всѣ его тайны и семейную жизнь шаха, и съ измѣною его все, чѣмъ такъ дорожитъ правовѣрный, должно было получить огласку, что̀ дѣйствительно и случилось. Едва только народъ узналъ, что Мирза-Якубъ ушелъ изъ шахскаго гарема и находится у русскихъ, какъ громко началъ заявлять о своемъ неудовольствіи. Когда же Грибоѣдовъ укрылъ у себя двухъ женщинъ изъ гарема Аллах-Яр-хана, вражда народная достигла крайняго ожесточенія и Аллах-Яр-хану, какъ человѣку, въ душѣ ненавидѣвшему шаха и Аббасъ-Мирзу и желавшему, во что бы то ни стало, вовлечь Персію въ новую войну съ Россіей, оставалось только воспользоваться представившимся ему удобнымъ случаемъ.

Относительно участія Фетх-Али-шаха въ дѣлѣ убіенія нашего посольства можно почти съ достовѣрностію сказать, что онъ не только въ немъ не участвовалъ, но и не предвидѣлъ такого рокового исхода. Одно не подлежитъ сомнѣнію: шахъ могъ желать убіенія только Мирзы-Якуба, въ чемъ его нельзя безусловно и обвинять, по указаннымъ уже соображеніямъ. Если же онъ не предупредилъ несчастной катастрофы и все ограничилось однимъ лишь пассивнымъ сопротивленіемъ персидскаго караула мятежникамъ, то это объясняется очень просто: вліяніе шаха было совершенно парализовано неожиданностью вспыхнувшаго народнаго мятежа, мгновенно возбужденнаго внушеніями фанатическаго духовенства. Всякая попытка его сдержать силою волненіе народа угрожала бы опасностью собственной его жизни. Въ этомъ случаѣ дѣйствительное вліяніе могла оказать только одна личность—муджтехидъ тегеранскій, мулла Месихъ[1]), но какъ отъявленный изувѣръ и врагъ христіанъ, а въ особенности русскихъ, онъ подлилъ

[1]) Мулла Месихъ вскорѣ послѣ описываемой катастрофы вынужденъ былъ оставить Тегеранъ. А. Б.

въ огонь масла и однимъ сигналомъ „джехадъ“ [1]) погубилъ небольшую нашу колонію.

Что до наслѣдника престола, Аббас-Мирзы, то обстоятельства дѣла заставляютъ признаться, что онъ не только не участвовалъ въ этомъ гнусномъ дѣлѣ, но напротивъ того, содѣйствовалъ къ спасенію Мальцова, единственнаго члена нашей миссіи, избѣгшаго смерти..... „Изъ всѣхъ бумагъ видно, писалъ гр. Паскевичъ къ гр. Нессельроде, отъ 29-го марта: что Аббас-Мирза, дабы не увеличить произведеннаго въ Тегеранѣ злодѣянія умерщвленіемъ Мальцова, къ чему персидское правительство, по предположенію его, было уже наклонно, въ отчаяніи отъ таковаго преступленія, далъ совѣтъ сохранить жизнь его“. Къ тому же, Аббас-Мирза, какъ свидѣтельствовалъ Мальцовъ, находился въ явной немилости у шаха, который считалъ его измѣнникомъ своего отечества. А при такихъ обстоятельствахъ онъ не могъ не желать мира съ Россіей, ибо зналъ, что безъ покровительства императора ему никогда не удалось бы вступить на шахскій престолъ.

Но пусть лучше говорятъ документы; мы приводимъ вслѣдъ за симъ точные переводы съ фирмана Фетх-Али-шаха къ Аббас-Мирзѣ и съ писемъ сего послѣдняго къ императору Николаю и къ графамъ Нессельроде и Паскевичу [2]).

Фирманъ Фетх-Али-шаха на имя наслѣдника престола Аббас-Мирзы:

„Не знаемъ, какъ и описать превратности свѣта! Аллахъ, Аллахъ, какія случаются происшествія! По прибытіи россійскаго полномочнаго министра Грибоѣдова въ Тегеранъ мы приняли его, какъ посредника для укрѣпленія дружбы между двумя великими державами. Ему были оказаны должныя почести и ласки, пріемъ сдѣланъ благосклонный, мы осыпали его разнаго рода милостями и удостоили разрѣшеніемъ возвратиться. Но онъ остался здѣсь еще на нѣкоторое время, и вотъ съ нимъ случилось столь неожиданное и постыдное происшествіе, какого по сіе время не было ни видано, ни слыхано въ Персіи. И могли ли мы предвидѣть, чтобы тегеранцы рѣшились на это? Мирза-Якубъ, по прибытіи къ посланнику, былъ отправленъ къ эшик-агаси-баши (оберъ-церемоніймейстеру) съ переводчикомъ Мирза-Нариманомъ для

---

[1]) Слово арабское, въ переводѣ: священная война, война противъ невѣрныхъ. А. Б.

[2]) Фирманъ и письма мы воспроизводимъ по старымъ ихъ переводамъ на русскій языкъ, позволяя себѣ сдѣлать лишь нѣкоторыя исправленія въ слогѣ переводовъ, а подлинныхъ текстовъ мы, къ сожалѣнію, не имѣли подъ рукою. А. Б.

объявленія, что его берутъ съ собою. Нѣкоторые изъ товарищей Мирзы-Якуба по службѣ доложили намъ, что онъ, какъ завѣдывавшій казначействомъ, состоитъ казнѣ должнымъ, по крайней мѣрѣ, 40 или 50 т. тумановъ [1]), и что потому необходимо удержать его до окончанія счетовъ, а потомъ уже поручить его посланнику. Но мы изъ уваженія къ Грибоѣдову приказали не задерживать Якуба и отправить его обратно, дабы счеты были приведены въ извѣстность съ вѣдома посланника.

„Наконецъ было рѣшено разобрать дѣло Мирза-Якуба въ судѣ, куда онъ и явился на другой день съ людьми посланника и гдѣ началъ ругать законъ и вѣру мусульманскую. Ругательства его сильно огорчили чернь и почетныхъ людей и всѣ подняли ропотъ; но видя наши милости и наше расположеніе къ посланнику, замолчали. Въ это время посланникъ началъ требовать двухъ мушскихъ куртинокъ, издавна находившихся въ плѣну и которыхъ онъ называлъ караклисскими уроженками. Когда же хозяинъ тѣхъ плѣнницъ сталъ доказывать, что онѣ караклисскими жительницами не были, тогда мы, единственно въ угоду посланнику, велѣли отвезти ихъ къ нему для личнаго разбирательства. Грибоѣдовъ, убѣдившись, что онѣ не русскія подданныя, тѣмъ не менѣе удержалъ ихъ, при чемъ не обратилъ никакого вниманія на то, что онѣ нѣсколько лѣтъ какъ мусульманки и что одна изъ нихъ была даже беременна. Вопль упомянутыхъ женщинъ и нежеланіе ихъ остаться въ домѣ посланника взволновали городскихъ жителей, но они, изъ опасенія быть наказаны, ни на что не отважились. Въ тотъ же самый день люди посланника обругали какого-то сеида на базарѣ, а ночью затащили къ себѣ женщину. На слѣдующее утро жители, презирая жизнь, бросились къ посольскому дому съ цѣлью выручить удерживаемыхъ въ немъ женщинъ, но люди посланника и караулъ оказали сопротивленіе, при чемъ 4 или 5 человѣкъ изъ толпы убили и нѣсколько переранили. Увидя убитыхъ, народъ, не обращая уже ни на что вниманія, ни даже на увѣщанія духовныхъ, бросился къ дому посланника и началъ бросать въ него палками и каменьями, при чемъ участвовали даже дѣти. Стоявшіе въ караулѣ сарбазы открыли въ это время перестрѣлку и убили нѣсколько человѣкъ; со стороны посланника также нѣкоторые поплатились жизнью, и въ числѣ ихъ Мирза-Сулейманъ, племянникъ эшик-агаси-баши, который былъ посланъ къ министру съ порученіями. Какъ только донесли о семъ бунтѣ, сыновья Зилли-султана и начальникъ караула, съ дворцовою стражею,

[1]) Туманъ = 3 р. с., а въ то время слишкомъ 4 р. с. **А. Б.**

тотчасъ были отправлены для его прекращенія. Но народъ до такой степени былъ ожесточенъ, что ничего нельзя было сдѣлать; поносили даже самого Зилли-султана. Людямъ его и сарбазамъ удалось спасти, и то съ большимъ трудомъ, одного только перваго секретаря министра съ 6-ю человѣками. Мы удивляемся, какъ могло случиться такое происшествіе, когда не оставили приложить все стараніе къ сохраненію взаимной дружбы. Подобнаго происшествія въ нашемъ государствѣ никогда не бывало. Когда намъ приходилось слышать, что въ томъ или другомъ государствѣ взбунтовался народъ, что такого-то министра смѣнили, что въ государственныхъ дѣлахъ случились перемѣны, то мы удивлялись и говорили: „Какъ при такихъ случаяхъ могъ удержаться порядокъ въ государственныхъ дѣлахъ“. Въ то время, когда Хаджи-Халиль-ханъ, нашъ посланникъ, былъ убитъ такимъ же образомъ въ Индіи, мы не хотѣли вѣрить, чтобы это было сдѣлано народомъ; но когда убѣдились въ добромъ расположеніи англійскаго правительства, то узнали, что это произошло не намѣренно, а случайно.

„Мы не можемъ описать печали и того неудовольствія, какое намъ причинило это происшествіе; да и къ чему ихъ описывать? Мы лучше васъ умѣемъ цѣнить дружбу двухъ государствъ, и болѣе чѣмъ вы опечалены, ибо происшествіе это опозорило Персію, хотя не только ни одинъ благоразумный не припишетъ его благоразумному, но даже безумный безумному; но мы тѣмъ не менѣе сочли нужнымъ сообщить вамъ обо всемъ происшедшемъ. Объясните все это подробно Амбургеру. Мы не различаемъ двухъ державъ (Россію и Персію) и для насъ все одно—случилось ли описанное несчастіе въ Петербургѣ или въ Тегеранѣ; пусть представятъ себѣ, что оно случилось въ Петербургѣ и пусть объяснятъ, что сдѣлали бы намъ, дабы мы, согласно съ правилами и обычаями обѣихъ державъ, учинили должное наказаніе и распоряженіе. Конечно, мы употребимъ все усиліе къ упроченію дружбы и союза между обѣими державами и смоемъ позоръ, нанесенный нашему правительству. Всѣ убитые съ должною почестью преданы землѣ. Мы утѣшаемъ перваго секретаря; виновниковъ же не замедлимъ наказать. Для окончанія этого дѣла мы ожидаемъ отъ васъ извѣстій, согласныхъ съ мнѣніемъ Амбургера. Старшаго секретаря, какъ очевидца и могущаго разсказать все какъ было, мы черезъ два дня отправимъ къ гр. Паскевичу вмѣстѣ съ Назар-Алиханомъ.

„Для уничтоженія и заглаженія сего посрамленія мы ожидаемъ вашего совѣта“.

Письмо Аббас-Мирзы къ государю императору:

„Возславъ прежде всего хвалу Всевышнему, коему извѣстны всѣ тайны и принадлежитъ весь міръ, во власти котораго простить всѣ грѣхи и ниспосылать могущество государямъ; затѣмъ, изъявивъ покорность нашу его отличнымъ святымъ, направляющимъ на истинный путь, и пророкамъ, вѣдающимъ божественныя тайны и ходатайствующимъ за насъ въ день общаго воздаянія, доношу вашему императорскому величеству, лишающему и дарующему, подобно Дарію, царства, одаренному похвальными качествами, достойнѣйшему, извѣстному добротою и милосердіемъ во всемъ мірѣ, любезнѣйшему дядѣ моему и самодержцу всея Россіи, что хотя стыдъ, коимъ по измѣнчивости судьбы покрыла себя, выше всякаго описанія, Персія, но я полагаюсь на милость и великодушіе вашего императорскаго величества.

„Въ прошломъ году Персія, душою и сердцемъ, купила дружбу высокой россійской державы: она не пощадила въ семъ случаѣ ни трудовъ, ни достоянія, доколѣ по милости Аллаха и по великодушію вашего императорскаго величества не пріобрѣла себѣ того, чего столь сильно желала.

„Въ нынѣшнемъ же году я намѣревался для укрѣпленія этой дружбы и по нѣкоторымъ другимъ дѣламъ отправиться въ путь, чтобы удостоиться свиданія съ вашимъ императорскимъ величествомъ. Между тѣмъ, съ россійскимъ полномочнымъ министромъ случилось такое происшествіе, какого въ Персіи никогда не бывало и котораго предупредить не представлялось возможности. Творецъ міра, вѣдающій всякую тайну, свидѣтель, что я предпочелъ бы скорѣе погибнуть со всѣми братьями и сыновьями, чѣмъ видѣть на Персіи такое безславіе. Всѣ вельможи и знатныя особы персидскаго двора, вслѣдствіе такого несчастнаго событія, наложили на себя нынѣ трауръ; его высочество шахъ находится въ великой горести. Не подлежитъ сомнѣнію, что Персія не желаетъ лишиться всѣхъ понесенныхъ ею въ прошломъ году безпокойствъ, трудовъ и убытковъ. Я самъ, желая ѣхать для свиданія съ вашимъ императорскимъ величествомъ, никогда не соглашусь отправиться въ настоящемъ положеніи; народъ же персидскій, какъ вельможи, такъ и чернь, неоднократно испытывалъ горечь вражды и сладость дружбы съ Россіею, и потому быть не можетъ, чтобы онъ пожелалъ промѣнять хорошее на худое, тишину на безпокойство. Клянусь всемогущимъ Творцемъ и вѣнцами всеавгустѣйшихъ государей, что это гнусное и постыдное происшествіе имѣло источникомъ возмущеніе простого народа. Въ городахъ, чуждыхъ порядка и благоустройства, подобныя возмущенія невѣжественной черни, особенно же въ Константинополѣ, столицѣ Турціи,

случаются весьма часто, но до минувшаго года въ персидскихъ городахъ этого никогда не бывало. Когда же по причинѣ прошлогодней войны нашей съ Россіей невозможно было заниматься другими дѣлами, въ нѣкоторыхъ городахъ Персіи произошли подобные безпорядки и возмущенія, за которые правительству нельзя было учинить взысканіе; по поводу же настоящаго случая въ Тегеранѣ оно приложитъ всевозможное стараніе для наказанія бунтовщиковъ и зачинщиковъ. А я потому единственно желалъ имѣть свиданіе съ вашимъ императорскимъ величествомъ, дабы съ помощью Аллаха укрѣпить между двумя державами сердечное единодушіе и расположеніе, и чтобы, благодаря высокимъ качествамъ вашего императорскаго величества, снова разцвѣло все потершѣвшее разстройство чрезъ вражду съ Россіей; впослѣдствіи же милостію Аллаха, чрезъ вниманіе вашего императорскаго величества, въ Персіи прекратятся всѣ безпорядки. Лучшее средство для поправленія нынѣ случившагося событія,—это предоставить его вполнѣ благоугодному распоряженію вашего императорскаго величества. Въ заключеніе дерзаю просить ваше императорское величество удостоить меня высочайшимъ вашимъ на этотъ счетъ повелѣніемъ, чтобы Персія смыла съ себя позоръ; а что до меня, то я поспѣшу предстать предъ ваше императорское величество".

Письмо Аббас-Мирзы къ графу Нессельроде:

„Аллахъ и тѣ, кои здѣсь были, вѣдаютъ, какіе труды перенесли мы въ эти два мѣсяца для заключенія мира между двумя державами. Мы не имѣемъ нужды описывать ихъ, ибо они, конечно, уже извѣстны во всей подробности вашему сіятельству и донесены его императорскому величеству. Мы надѣялись въ началѣ текущаго года удостоиться узрѣть государя императора и загладить приличными извиненіями прежнюю вину, но его императорское величество изволилъ отправиться въ путь. Потомъ, когда по возвращеніи его въ столицу, мы съ величайшимъ удовольствіемъ начали готовиться въ дорогу, за два дня до отправленія получаемъ извѣстіе изъ Петербурга, чтобы отложили на время поѣздку; но, вслѣдъ за тѣмъ, по опредѣленію небесъ, случилась несчастная смерть россійскаго полномочнаго министра, противъ воли и желанія Персіи, которую это происшествіе крайне огорчило, такъ какъ подобнаго въ ней никогда не случалось. Но по безпредѣльной благости Всевышняго, по высокому духу двухъ государей, по благонамѣренности чиновниковъ обѣихъ державъ и по требованію существующей между ними дружбы, мы вполнѣ надѣемся и твердо увѣрены, что печальное событіе будетъ предано забвенію по чувству пріязни Россіи къ Персіи, которая послѣ всѣхъ понесен-

ныхъ ею потерь для пріобрѣтенія той дружбы, не пожелала бы, чтобъ труды и издержки ея оказались напрасными, и что она всецѣло должна быть признана непричастною гнусному поступку, нанесшему ей вѣчное безславіе. Равнымъ образомъ очевидно, что всеобщее возмущеніе и стеченіе народа въ Тегеранѣ, несмотря на существующій въ душѣ каждаго страхъ жестокаго наказанія, не были безъ причины. Впрочемъ, какъ объ этомъ, такъ и о поступкахъ народа, собравшагося около министровъ, будетъ впослѣдствіи сообщено вашему сіятельству, но за всѣмъ тѣмъ, мы, кромѣ извиненія, ничего лучшаго представить не можемъ".

Письмо Аббас-Мирзы къ графу Паскевичу:

„Удивляясь превратности настоящаго свѣта, и будучи покрытъ стыдомъ по случаю несчастнаго происшествія (съ Грибоѣдовымъ), не знаю, какъ его описать и какимъ образомъ открыть съ вашимъ сіятельствомъ двери разъясненій; г. Амбургеръ, видѣвши наше положеніе, конечно, донесетъ вашему сіятельству, какъ велико наше прискорбіе. Мы предпочли бы лучше со всѣми братьями и сыновьями смерть, лишь бы только на Персіи не лежало это вѣчное безславіе; ваше сіятельство сами можете судить, что никто этого не ожидалъ и что не было возможности предпринять что-либо заблаговременно. Происшествіе это случилось вдругъ, отъ необузданности народа, а безчестіе остается за нами, и потому всѣ чиновники нашего двора и управляющіе дѣлами здѣшняго края наложили на себя трауръ. Самъ шахиншахъ чрезмѣрно опечаленъ. Нынѣ, въ день 17-го шаабана, я получилъ отъ его высочества шаха фирманъ, коимъ повелѣваетъ мнѣ просить у вашего сіятельства инструкціи, какимъ образомъ увѣдомить объ этомъ происшествіи государя императора, почему и отправляемъ къ вамъ высокостепеннаго Мирза-Масуда, которому мы предписали переговорить о семъ съ вашимъ сіятельствомъ. Если вы заблагоразсудите, то отправьте его курьеромъ съ моимъ письмомъ къ государю императору; а равно и съ извинительнымъ письмомъ шаха, которое вслѣдъ за симъ къ вамъ будетъ доставлено съ особымъ чиновникомъ и съ секретаремъ министерства г. Мальцовымъ. Однимъ словомъ, повелѣніе шаха состоитъ въ томъ, что его высочество ни за что не измѣнитъ дружбѣ великаго россійскаго двора съ дворомъ персидскимъ, купленной сердцемъ и душой, и что Тегеранъ и Петербургъ онъ считаетъ за одно и то же. Если бы подобное происшествіе случилось въ Петербургѣ, то, конечно, министры россійскаго двора сдѣлали бы должное распоряженіе и дали бы необходимыя наставленія; а потому мы просимъ сообщить ихъ, дабы мы совершенно согласно съ тѣми наставленіями могли приступить къ наказанію виновниковъ

происшествія и къ испрошенію извиненія, и тѣмъ избавить Персію отъ бремени лежащаго на ней позора".

Между тѣмъ, еще за мѣсяцъ до полученія приведеннаго выше донесенія Мальцова, графъ Паскевичъ, отъ 20-го февраля, писалъ графу Нессельроде:

„Съ истиннымъ живѣйшимъ прискорбіемъ поспѣшаю препроводить при семъ полученную мною отъ генеральнаго консула нашего въ Персіи, надворнаго совѣтника Амбургера, на имя вашего сіятельства депешу подъ открытою печатью, въ коей описывается вѣроломное убійство въ Тегеранѣ полномочнаго посланника нашего, статскаго совѣтника Грибоѣдова и всей его свиты, исключая секретаря Мальцова и съ нимъ еще двухъ человѣкъ, спасшихся отъ неистовства злодѣевъ.

„Обязанностію поставляю приложить при семъ также (въ переводѣ) выписку изъ письма къ Аббас-Мирзѣ брата его Зилли-султана, генералъ-губернатора тегеранскаго, въ которомъ ужасное происшествіе, въ Тегеранѣ случившееся, описывается почти въ томъ же видѣ, какъ и въ депешѣ Амбургера [1]).

„Поелику всѣ извѣстія объ убійствѣ посланника нашего, не исключая и депеши г. Амбургера, основаны на свѣдѣніяхъ, доставленныхъ персіянами, коихъ нельзя отнюдь принять за достовѣрныя, то и должно ожидать дальнѣйшихъ вѣрныхъ увѣдомленій о семъ печальномъ случаѣ; въ особенности же все происшествіе объяснить могутъ показанія Мальцова, который одинъ изъ всѣхъ чиновниковъ, бывшихъ при посольствѣ, остался живъ. За всѣмъ тѣмъ, зная характеръ персіянъ, я позволю себѣ нѣкоторыя предположенія о причинахъ столь вѣроломнаго поступка и неслыханнаго нарушенія правъ народныхъ.

„Усомниться можно, чтобы причины сіи были точно таковы, какъ онѣ изложены въ депешѣ Амбургера и письмѣ Зилли-султана, и вѣроятно многія обстоятельства представляются персіянами не въ томъ видѣ, для собственнаго ихъ оправданія; въ особенности въ письмѣ Зилли-султана, повторяемыя обвиненія противу Мирзы-Яхьи или Якуба, служившаго прежде при шахѣ, а потомъ прибѣгшаго подъ покровительство посланника нашего, заставляютъ предполагать, что все сіе происшествіе было предуготовлено прежде, и какъ начало самаго возмущенія, коего Грибоѣдовъ сдѣлался жертвою, произошло отъ Аллах-Яр-хана, который былъ главною пружиною предшествовавшей войны и признается всегда явнымъ непріятелемъ Аббас-Мирзы и

---

[1]) По этой-то причинѣ мы считаемъ излишнимъ привести здѣсь эту выписку. А. Б.

сильнѣйшею опорою враждующихъ къ нему братьевъ, то съ нѣкоторою правдоподобностію заключать должно, что сіе горестное событіе было обдуманнымъ послѣдствіемъ самаго вѣроломнаго коварства и что поводомъ къ тому есть намѣреніе вовлечь опять шаха и Аббас-Мирзу въ войну съ нами, на тотъ конецъ, дабы истребить совершенно династію каджаровъ, или же отдалить отъ наслѣдства персидскаго престола Аббас-Мирзу въ пользу кого-либо изъ его братьевъ, партія коихъ, какъ выше сказано, подкрѣпляется Аллах-Яр-ханомъ.

„На счетъ причины убійства Грибоѣдова я спрашивалъ муджтехида Ага-Мир-Фетта, коему извѣстны всѣ дѣла и интриги двора персидскаго; онъ полагаетъ, что оно учинено съ умысломъ, дабы показать народу, что правительство персидское не такъ боится русскихъ, какъ полагаютъ.

„Если полагаться на персидскія извѣстія, то Фетх-Али-шахъ не только не участвовалъ, но и не предвидѣлъ возмущенія, противъ Грибоѣдова случившагося, ибо онъ самъ лично пріѣхалъ для укрощенія онаго вмѣстѣ съ сыномъ своимъ, генералъ-губернаторомъ тегеранскимъ; въ подтвержденіе сей мысли можетъ служить и то, что изъ числа сарбазовъ, находившихся въ караулѣ при посланникѣ нашемъ, 4 человѣка убито, его защищая, и 30 человѣкъ ранено изъ войскъ Зилли-султана.

„Аббас-Мирза, сколько можно судить по его поступкамъ и въ особенности по письму каймакама къ Мирзѣ-Салеху [1]), въ коемъ живо описываетъ, сколько онъ былъ пораженъ извѣстіемъ о смерти Грибоѣдова, повидимому, вовсе не причастенъ сему гнусному злодѣянію, тѣмъ болѣе, что не далѣе, какъ за десять дней утверждено имъ разграниченіе по новому трактату и весьма недавно прислано въ Аббас-Абадъ 8 т. тумановъ, въ счетъ 8 курура [2]).

„При неизвѣстности настоящихъ обстоятельствъ, выводя разныя заключенія, можно предполагать, что англичане не вовсе были чужды участія въ возмущеніи, вспыхнувшемъ въ Тегеранѣ, хотя, можетъ быть, они не предвидѣли пагубныхъ послѣдствій онаго (ибо они неравнодушно смотрѣли на перевѣсъ нашего министерства въ Персіи и на уничтоженіе собственнаго ихъ вліянія); доказательство неискренности ихъ къ намъ я нахожу въ рапортѣ ко мнѣ бывшаго при разграниченіи коммиссаромъ полковника Рененкампфа, который, между прочимъ, меня увѣдомилъ, что послѣ уже подписанія акта о границахъ персидскимъ коммиссаромъ Мирзою-Максудомъ, сей послѣдній по-

[1]) Чиновникъ особыхъ порученій при Аббас-Мирзѣ и одинъ изъ первыхъ персіянъ, получившихъ образованіе въ Парижѣ. А. Б.

[2]) Куруръ = 2,000,000 руб. сер. А. Б.

лучилъ копію съ туркменчайскаго трактата, за подписью англійскаго министра Макдональда, въ которомъ съ умысломъ границы показаны были неправильно и названія написаны невѣрно; но разграниченіе, какъ выше сказано, было тогда подписано и потому происки г. англійскаго посланника остались тщетными.

„Впрочемъ, въ какомъ бы видѣ ни были представлены причины убійства посланника нашего въ Персіи и обстоятельства, оное сопровождавшія, достоинство россійской имперіи требуетъ разительнаго удовлетворенія за столь звѣрскій поступокъ и неслыханное нарушеніе правъ народныхъ. Но при настоящей войнѣ съ Турціею и при тѣхъ значительныхъ силахъ, которыя собираетъ она въ Азіи, дабы остановить и даже уничтожить успѣхи наши, въ прошлую кампанію пріобрѣтенные, при нынѣшнемъ числѣ войскъ, за Кавказомъ находящихся, совершенно невозможно начинать новую войну съ Персіею".

Предположеніе графа Паскевича объ участіи англичанъ въ событіяхъ 30-го января не лишено основанія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы переступили за главный хребетъ Кавказа, англійская политика, всемѣрно сохраняя въ интересахъ индійской компаніи доброе согласіе съ Персіей, изъ-подъ руки старалась поддерживать непріязненное настроеніе этой державы къ Россіи. Въ 20-хъ же годахъ, быстро развившаяся транзитная европейская торговля чрезъ наши закавказскія владѣнія съ Персіею до того встревожила сен-джемскій кабинетъ, что онъ, для окончательнаго уничтоженія ея однимъ разомъ, вовлекъ Персію въ открытую войну съ нами. Вынужденное блистательными успѣхами нашего оружія на крайне невыгодный миръ, персидское правительство видимо стало охладѣвать къ своимъ коварнымъ друзьямъ, которые, въ свою очередь, не будучи въ состояніи равнодушно глядѣть на рѣшительный перевѣсъ нашего вліянія, должны были быть замѣшаны, хотя косвенно и непримѣтно, въ событіяхъ 30-го января.

Чтобы этотъ выводъ не показался голословнымъ, не могу не привести здѣсь разсказа, слышаннаго мною отъ генерала Арцруни, старожила и хорошаго знатока Персіи, состоявшаго въ чинѣ поручика лейбъ-гвардіи уланскаго полка при генералъ-адъютантѣ князѣ Ник. Анд. Долгоруковѣ, преемникѣ Грибоѣдова.

Прибывъ въ Персію и остановившись въ Тавризѣ, кн. Долгоруковъ рѣшительно объявилъ, что въ Тегеранъ, гдѣ убитъ его предшественникъ, онъ не поѣдетъ, а пусть Фетх-Али-шахъ назначитъ ему по усмотрѣнію другое мѣсто въ государствѣ, гдѣ онъ и не замедлитъ ему представиться. Шахъ въ то время отправлялся въ Ширазъ, откуда и обѣщалъ сообщить о мѣстѣ аудіенціи. По прошествіи нѣко-

тораго времени, кн. Долгоруковъ получилъ приглашеніе прибыть въ Испагань [1]), куда онъ немедленно и выѣхалъ, въ сопровожденіи Мамед-Хусейн-хана, адъютанта Аббас-Мирзы, назначеннаго къ нему въ качествѣ михмандара. Во время этого переѣзда, генералу Арцруни случилось какъ-то разговориться съ Мамед-Хусейн-ханомъ.

— Скажите, ханъ, началъ онъ: изъ-за чего затѣяли вы войну съ Россіей, войну, не обѣщавшую вамъ ничего, кромѣ новыхъ и невозвратныхъ потерь?

— „Аллахъ, Аллахъ! отвѣчалъ михмандаръ: стоитъ-ли объ этомъ говорить: развѣ не извѣстно цѣлому міру, что мы были вовлечены въ нее происками англичанъ?“

— Но какъ же вы, спросилъ снова генералъ Арцруни: могли рѣшиться на такой ни съ чѣмъ несообразный поступокъ, какъ истребленіе русскаго посольства?

— „По этому предмету, возразилъ ханъ, я разскажу вамъ слѣдующее:

„Однажды чертова жена съ своимъ ребенкомъ сидѣла неподалеку отъ большой дороги, въ кустахъ. Вдругъ они завидѣли идущаго по направленію къ нимъ крестьянина съ тяжелою ношею на спинѣ. Поровнявшись съ мѣстомъ, гдѣ сидѣли черти, онъ споткнулся о случившійся на дорогѣ большой камень и упалъ; а когда приподнялся, съ сердцемъ произнесъ: „будь ты, чортъ, проклятъ!“ Слова эти были услышаны чертенкомъ, который тутъ же, обратясь къ матери, сказалъ:—„Какъ люди несправедливы: они бранятъ насъ тамъ, гдѣ насъ нѣтъ; мы такъ далеки отъ камня, а все-же виноваты“.—Тс, молчи, отвѣчала мать, хотя мы и далеки, но хвостъ мой спрятанъ тамъ, подъ камнемъ....“

— „Такъ, заключилъ Мамед-Хусейн-ханъ, было и въ дѣлѣ Грибоѣдова: англичане хотя и жили въ Тавризѣ, но хвостъ ихъ все же былъ скрытъ въ русской миссіи, въ Тегеранѣ“.

Вообще нужно замѣтить, что предположеніе о поддержкѣ англичанами нерасположенія персіянъ къ русскимъ было въ то время значительно распространено въ Персіи и подтверждалось нѣкоторыми, весьма убѣдительными фактами: „Мнѣніе основательныхъ людей въ Персіи, писалъ, въ февралѣ 1829 года, майоръ Калачевскій къ военно-окружному начальнику нашихъ закавказскихъ мусульманскихъ провинцій, генералъ-майору князю Абхазову: есть то, что происшествіе сіе случилось отъ сыновей шаха (не безъ участія англичанъ) и что первые домогаются расторгнуть покровительство им-

[1]) Несмотря на это, аудіенція имѣла мѣсто въ Хамаданѣ. А. Б.

ператора нашего къ Аббас-Мирзѣ, который, по ихъ мнѣнію, съ тѣмъ домогается отправиться въ С.-Петербургъ, чтобы испросить войска для уничтоженія не только ихъ, но и самого шаха".

4-го іюня того же года Мальцовъ доносилъ графу Паскевичу изъ Тавриза:

„ . . . . Я достовѣрно узналъ, что по прибытіи сюда тѣла покойнаго нашего посланника, никто изъ англичанъ не выѣхалъ ему на встрѣчу. По ихъ настоянію тѣла не ввезли въ городъ Тавризъ, а поставили въ маленькой загородной армянской церкви, которой также никто изъ англичанъ не посѣтилъ. Отъ Наиб-султана не было оказано тѣлу покойнаго Грибоѣдова никакихъ почестей, даже не былъ приставленъ почетный караулъ. Аббас-Мирза такъ поступилъ въ угодность Макдональду; признаюсь, что я такой низости никогда не предполагалъ въ англійскомъ посланникѣ; неужели и въ этомъ находитъ онъ пользу для остъ-индской компаніи, чтобы мстить человѣку даже послѣ его смерти".

Но какъ бы враждебно ни относилась англійская политика къ возраставшему вліянію нашему въ Персіи, нельзя отрицать, что англичане не могли предвидѣть всѣхъ пагубныхъ послѣдствій тегеранскаго возмущенія. Пріютъ, данный у себя Макдональдомъ супругѣ Александра Сергѣевича и принятое въ ней участіе, фактъ не слишкомъ-то убѣдительный: это была простая вѣжливость европейца и притомъ дипломата, обусловливаемая положеніемъ женщины въ семьѣ цивилизованныхъ націй, соблюденіе весьма понятнаго приличія къ супругѣ своего собрата по званію и дѣятельности. Болѣе убѣдительнымъ доказательствомъ неожиданности для самихъ англичанъ умерщвленія нашего министра можетъ служить помѣщаемое здѣсь письмо Макдональда къ министру иностранныхъ дѣлъ Мирзѣ-Абуль-Хасанхану, изъ Тавриза, отъ 21-го февраля:

„Съ чрезвычайнымъ ужасомъ и неудовольствіемъ нижеподписавшійся получилъ отъ его королевскаго высочества Аббас-Мирзы оффиціальное извѣщеніе объ убійствѣ россійской миссіи въ Тегеранѣ. Исторія народовъ не представляетъ подобнаго случая; самыя варварскія правительства, о которыхъ есть только свѣдѣнія, признаютъ необходимостію какъ въ мирное, такъ и въ военное время уважать и покровительствовать посылаемыхъ отъ государствъ представителей, и не станутъ оправдывать нарушенія сего постояннаго и непремѣннаго правила. Въ особенности отнести сіе должно къ настоящему случаю, происшедшему посреди совершенно мирныхъ расположеній, въ столицѣ самого государя, который изъ дворца своего могъ слышать шумъ, смятеніе и вопли жертвъ; но, несмотря на то, миссія дру-

жественной націи погибла въ присутствіи всѣхъ тѣхъ властей, которыя, по праву народному и по закону гостепріимства, обязаны были защищать ее.

„Если всякая довѣренность разрушается, то напрасно было бы думать, что представитель какой-либо націи могъ быть безопасенъ въ Персіи: или правительство персидское не хочетъ, или не въ состояніи оказывать ему своего покровительства. Когда даже оное не имѣетъ вниманія къ собственной славѣ и существованію (reputation or existence), при всемъ томъ оно обязано пещись о предохраненіи своего достоинства отъ нареканій, каковымъ нынѣ подверглось. Недовольно того, что правительство должно сдѣлать полное и совершенное удовлетвореніе; кромѣ того, нужно, чтобы были выданы зачинщики и участники убійства и чтобы ни званіе, ни постороннее предстательство, ни приводимые предлоги не укрыли ихъ отъ заслуженнаго наказанія. Малѣйшая въ семъ предметѣ нерѣшительность со стороны правительства сочтена будетъ наклонностью защитить ихъ, и если оное недокажетъ совершенно неприкосновенности своей къ учиненному преступленію, то навлечетъ себѣ не только вражду со стороны Россіи, но и отъ всѣхъ образованныхъ государствъ.

„Посему нижеподписавшійся проситъ персидскихъ министровъ и особенно ваше превосходительство доставить ему по вышеозначенному обстоятельству подробнѣйшее объясненіе для представленія британскому правительству, которое сообразно съ тѣмъ сдѣлаетъ положеніе насчетъ продолженія настоящихъ сношеній своихъ съ тегеранскимъ дворомъ. Нижеподписавшійся искренно желаетъ и надѣется, что въ полномъ и удовлетворительномъ объясненіи насчетъ неприкосновенности правительства не будетъ предстоять затрудненія, хотя съ неудовольствіемъ и сожалѣніемъ замѣчаетъ, что не принято еще никакихъ мѣръ къ наказанію виновныхъ или къ арестованію ихъ.

„Капитанъ Макдональдъ, который вручитъ вамъ сію ноту, отправленъ въ Тегеранъ для принятія тѣхъ доказательствъ (documents), которыя представитъ персидское правительство. Нижеподписавшійся надѣется, что оныя не подадутъ ему повода къ прерванію сношеній своихъ съ министрами его шахскаго величества“.

Но какое же впечатлѣніе произвели событія 30 января на нашъ дворъ, и какъ Россія думала разсчитаться за смерть своего представителя? На это мы отвѣтимъ словами графа Нессельроде, который отъ 16-го марта писалъ къ графу Паскевичу слѣдующее:

„Ужасное происшествіе въ Тегеранѣ поразило насъ до высочайшей степени. Отношенія вашего сіятельства ко мнѣ по сему пред-

мету государь императоръ изволилъ читать съ чувствомъ живѣйшаго прискорбія о бѣдственной участи, столь внезапно постигшей министра нашего въ Персіи и всю почти его свиту, содѣлавшихся жертвою неистовства тамошней черни.

„Достоинству Россіи нанесенъ ударъ сильный; онъ долженъ быть торжественно заглаженъ явнымъ признаніемъ верховной персидской власти въ совершенной ея невинности по означенному случаю.

„При семъ горестномъ событіи его величеству отрадна была бы увѣренность, что шахъ персидскій и наслѣдникъ престола чужды гнусному и безчеловѣчному умыслу, и что сіе происшествіе должно приписать опрометчивымъ порывамъ усердія покойнаго Грибоѣдова, несообразившаго поведеніе свое съ грубыми обычаями и понятіями черни тегеранской, а съ другой стороны, извѣстному фанатизму и необузданности сей самой черни, которая одна вынудила шаха и въ 1826 г. начать съ нами войну.

„Сопротивленіе мятежникамъ, сдѣланное персидскимъ карауломъ, бывшимъ уминистра Грибоѣдова; немалое число людей изъ сего караула и изъ войскѣ, присланныхъ отъ двора, погибшихъ отъ народнаго возмущенія; письмо тегеранскаго губернатора къ Аббас-Мирзѣ, наконецъ поведеніе сего послѣдняго, наложившаго у себя общій трауръ по сему несчастному случаю, служатъ, повидимому, достаточнымъ доказательствомъ, что дворъ персидскій не питалъ никакихъ противъ насъ враждебныхъ замысловъ. Опасеніе однако мщенія Россіи можетъ заставить оный приготовиться къ брани и внять коварнымъ внушеніямъ недоброжелателей каджарской династіи. Принимая все сіе въ соображеніе, его императорское величество соизволилъ въ полной мѣрѣ одобрить мнѣнія ваши и данныя Амбургеру наставленія.

„При настоящемъ положеніи дѣлъ нельзя не ограничиться казнію главныхъ виновниковъ возмущенія и пріѣздомъ сюда Аббас-Мирзы или сына его съ письмомъ къ государю императору отъ шаха, въ коемъ бы объяснена была невинность персидскаго правительства въ гибели нашей миссіи и послѣдовавшее наказаніе за то преступниковъ.

„Если бы отъ персіянъ, при полученіи вашимъ сіятельствомъ сего отношенія моего, не былъ еще сдѣланъ рѣшительный шагъ касательно отправленія сюда кого-либо изъ принцевъ крови, то его императорскому величеству угодно, чтобы вы отозвались къ Аббас-Мирзѣ, что по самымъ сильнымъ доводамъ, вами изъясненнымъ высочайшему двору, сколь далеко персидское правительство отъ малѣйшаго участія въ злодѣяніи, свершившемся въ Тегеранѣ, и во вниманіи къ вашему предстательству государь императоръ соизволяетъ удовольствоваться

токмо пріѣздомъ сюда Аббас-Мирзы или сына его, съ письмомъ отъ шаха, какъ выше уже сказано, дабы въ глазахъ Европы и всей Россіи оправдать персидскій дворъ. Коль скоро кто-либо изъ сихъ особъ прибудетъ къ вамъ, то его величеству благоугодно, дабы поспѣшнѣе былъ отправленъ въ С.-Петербургъ самымъ приличнымъ образомъ; между тѣмъ, вы пришлете сюда расторопнѣйшаго курьера съ предварительнымъ о томъ увѣдомленіемъ и съ нимъ же извѣстите губернаторовъ по сему тракту о пріуготовленіи нужнаго числа лошадей для посольства.

„Отсрочку платежа 9 и 10 курура[1]) государь императоръ совершенно предоставляетъ благоразумію вашему".

Но не такъ думали въ Персіи. Амбургеръ еще отъ 4-го апрѣля доносилъ гр. Паскевичу:

„..... Увѣряютъ, что шахъ писалъ Аббас-Мирзѣ, что онъ достовѣрно узналъ, что государь императоръ не оставитъ смерть своего министра безъ наказанія и что Россія, будучи занята войною съ турками, можетъ быть, теперь не обратитъ вниманія на Персію, но что по окончаніи мира надобно ожидать войны.

„Также пишутъ, что значительное число ружей въ дорогѣ изъ восточной Индіи".

Въ такомъ же смыслѣ писалъ къ нему, двумя мѣсяцами позже, и Мальцовъ:

„..... Надежда возвратить при теперешней войнѣ нашей съ турками, потерянныя въ прошлую кампанію провинціи, Эриванскую и Нахичеванскую, побуждаетъ шаха къ враждебнымъ противъ насъ замысламъ. Онъ полагаетъ, что мы, по окончаніи войны съ турками, или завладѣемъ Адербейджаномъ, или будемъ требовать съ него, сверхъ двухъ послѣднихъ куруръ, штрафъ за кровь Грибоѣдова, и потому разсчитываетъ, что ему выгоднѣе теперь, соединившись съ турками, дать два курура войскамъ и отнять у насъ потерянныя провинціи. Онъ приказывалъ неоднократно Аббас-Мирзѣ напасть на пограничныя наши области и угрожалъ, въ случаѣ неповиновенія, лишить его Адербейджана....."

И дѣйствительно, персіяне продолжали собирать войска и соединили весьма значительныя силы въ Тавризѣ. „Къ войнѣ, писалъ отъ 23-го марта гр. Паскевичъ въ Петербургъ: дѣлаются всѣ приготовленія и я долженъ теперь же принять всѣ предосторожности, дабы сколько можно удержать персіянъ съ самаго начала отъ разоренія сосѣдственныхъ съ ними нашихъ провинцій; но главныя силы свои я

[1]) Два курура равны 4,000,000 руб. сер. А. Б.

непремѣнно долженъ имѣть на турецкой границѣ, ибо турки не замедлятъ открыть кампанію и собираютъ весьма большое число войскъ со всѣхъ провинцій, и потому я въ необходимости нахожусь повторить, ваше сіятельство, что я не могу ручаться за совершенную безопасность ввѣренныхъ мнѣ областей до присылки просимыхъ мною подкрѣпленій, которыя во всякомъ случаѣ признаю я необходимыми.

„..... Словомъ, опасенія насчетъ явнаго разрыва съ Персіею возрастаютъ и ни за что нельзя ручаться".

Но начать войну съ Персіей было не въ видахъ Россіи. Къ тому же и самыя обстоятельства при тогдашней войнѣ съ Турціей, и ненадежное положеніе нашихъ Закавказскихъ владѣній, какъ это видно изъ помѣщаемаго здѣсь отношенія гр. Паскевича къ гр. Нессельроде, отъ 30-го марта, были далеко не въ нашу пользу:

„По всѣмъ соображеніямъ, хотя шаху персидскому и были извѣстны пріуготовленія къ возмущенію, жертвою коего содѣлался полномочный министръ нашъ въ Тегеранѣ, но что цѣль возмущенія сего состояла не въ томъ, чтобы учинить неслыханное надъ Грибоѣдовымъ злодѣяніе, а послѣдовало оное собственно для истребленія Мирзы-Якуба, который, находясь при шахѣ евнухомъ весьма долго, зналъ всѣ его тайны и всѣ происшествія его гарема.

„Извѣстно мнѣ, что достоинство Россіи требуетъ возмездія за убійство нашего посланника и что явное нарушеніе правъ народныхъ не можетъ быть оставлено безъ удовлетворенія; но зная совершенно положеніе наше и обстоятельства здѣшняго края, считаю себя обязаннымъ объяснить слѣдующее:

„Если поступокъ шаха признанъ будетъ неизвиняемымъ никакими оправданіями, и если онъ представленъ будетъ таковымъ предъ лицомъ всей Европы, то необходимо должно, дабы правитель Персіи собственно въ своемъ лицѣ былъ наказанъ за неслыханное злодѣяніе, надъ посланникомъ нашимъ совершонное, и для сего должно будетъ объявить ему войну непримиримую. Но при теперешней войнѣ съ турками предпринять оную съ надеждою успѣха нѣтъ никакой возможности. Для нанесенія шаху персидскому рѣшительнаго удара надобно вторгнуться въ его владѣніе и не только занять Адербейджанъ, но даже перейти Кафлан-кухъ; но какіе способы мы для сего имѣемъ?

„Войскъ, находящихся въ семъ краѣ, недостаточно даже для веденія оборонительной войны съ обѣими державами и просимыя мною подкрѣпленія не прежде могутъ придти, какъ къ исходу сентября. Начавъ наступательную войну съ Персіею, надобно везти съ собою огромные запасы провіанта, артиллерійскихъ зарядовъ и проч. въ сердце самой Персіи; но здѣшній край съ 1826 г. находится въ во-

енномъ положеніи и потому всѣ способы снабженія войскъ и въ особенности транспортировки истощены совершенно до того, что и при теперешней войнѣ съ турками съ большими усиліями едва могу поднять всѣ тягости, нужныя мнѣ для наступательныхъ движеній.

„Если же, начавъ теперь же военныя дѣйствія противъ персіянъ, вести оныя оборонительно до окончанія войны турецкой, то симъ мы дадимъ имъ наилучшее средство приготовиться къ отчаянному сопротивленію; вторженіе наше въ Персію при наступательныхъ дѣйствіяхъ усилитъ внутренніе раздоры партій, что дознано прошедшею войною, но оборонительная война соединитъ всѣ партіи противъ общаго непріятеля, противъ коего ихъ будетъ подстрекать и собственная защита и дѣйствіе фанатизма, имѣющаго неограниченное вліяніе на народъ персидскій. Тогда война сдѣлается нескончаемою и будетъ продолжаться безъ всякой цѣли, между же тѣмъ провинціи наши будутъ разорены совершенно и собственными поставками для войскъ, и набѣгами непріятельскими.

„Итакъ, разсматривая положеніе наше съ сей точки, представляется вопросъ: не признается ли возможнымъ принять тѣ извиненія, которыя персидскій шахъ насчетъ убійства посланника нашего принести намѣренъ? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что бунтъ въ Тегеранѣ былъ начатъ не противъ посланника, но собственно для того, дабы исторгнуть отъ него евнуха шахскаго, удержать коего при себѣ или истребить вовсе шахъ имѣлъ весьма важныя причины; опаснѣе всего доводить персіянъ до совершеннаго отчаянія. Словомъ, настоящія обстоятельства по дѣламъ Персіи требуютъ самыхъ внимательныхъ соображеній и отъ разрѣшенія вопроса: война или миръ съ сею державою? зависитъ безопасность Закавказскихъ нашихъ провинцій. Не долженъ я умолчать также, что при войнѣ съ Персіею нельзя никакъ ручаться, чтобы не возобновились тѣ же бунты и смятенія, которыя происходили въ 1826 г. во всѣхъ почти областяхъ нашихъ, и теперь уже по первому извѣстію о вооруженіяхъ персіянъ горцы оказываютъ непослушаніе. На сей разъ персіяне, конечно, не пощадятъ ни усилія, ни денегъ для возбужденія мятежниковъ, и если бунтъ возникнетъ и разольется даже въ Дагестанѣ, то имѣя двухъ непріятелей на границахъ и повсемѣстно враговъ внутреннихъ, съ трудностью можно будетъ намъ удержаться по полуденную сторону Кавказа, ибо если придутъ секурсы и число войскъ увеличится, то при общемъ бунтѣ неминуемо послѣдуетъ голодъ и прокормить ихъ будетъ нечѣмъ. Словомъ, въ семъ краѣ вести войну съ Турціею и Персіею въ одно время невозможно.

„О семъ я прошу покорнѣйше ваше сіятельство довести до свѣдѣнія его императорскаго величества".

Но еще за четыре дня до отправленія этой бумаги въ Петербургъ, гр. Нессельроде въ двухъ письмахъ, отъ 26-го марта, писалъ:

Въ первомъ. „Не взирая на безпокойные слухи, доходящіе къ вамъ безпрерывно изъ Персіи, государю императору пріятно еще вѣрить, что ни Фетх-Али-шахъ, ни Аббас-Мирза не причастны злодѣйскому умерщвленію нашего министра въ Тегеранѣ. Если правительство персидское доселѣ приступаетъ съ какою-то нерѣшимостью къ мѣрамъ удовлетворенія, то сіе должно приписать боренію и проискамъ партій, раздирающихъ и дворъ, и государство персидское, и замедляющихъ стремленіе шаха и наслѣдника укрѣпить узы дружества съ Россіею. Турецкія козни, можетъ быть, также замѣшаны въ семъ дѣлѣ. Между тѣмъ пересылки Аббас-Мирзы съ Эрзерумомъ и воинскія приготовленія, замѣтныя въ пограничныхъ намъ персидскихъ областяхъ, кажется, можно скорѣе отнести къ страху нашего мщенія за убійство посланника, нежели къ наступательнымъ замысламъ противъ насъ со стороны персіянъ.

„Итакъ, вѣрнѣйшее средство удержать сей народъ въ мирѣ е сть показать немедленно и ясно, что мы нетокмо далеки отъ мести, но твердо увѣрены въ невинности персидскаго правительства и готовы принять его торжественное оправданіе. Потому его величество вполнѣ соизволяетъ, чтобы Мирза-Масудъ [1]), если пожелаетъ сюда ѣхать, былъ съ приличіемъ безъ задержанія отправленъ, какъ равно и принцъ, когда таковой прибудетъ къ вамъ, дабы явиться сюда для объясненія (ибо пріѣздомъ одного сановника, какого бы достоинства онъ ни былъ, нашъ дворъ не можетъ себя признать удовлетвореннымъ). Ваше сіятельство справедливо разсуждаете, что во всякомъ случаѣ мы чрезъ то выиграемъ время и пріобрѣтемъ себѣ заложника.....

„Въ заключеніе необходимымъ нахожу я присовокупить, что несмотря на всѣ старанія наши сохранить тишину въ Персіи, враждебная намъ партія легко можетъ, при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ, восторжествовать и ввергнуть Персію въ бездну междоусобій, которыхъ сѣмена тамъ давно зрѣютъ. Братья наслѣднаго принца могутъ овладѣть слабымъ умомъ шаха и не только пресѣчь Аббас-Мирзѣ путь къ престолу персидскому, но и покуситься на жизнь его. Въ такомъ случаѣ государю императору угодно, чтобы вы предложили у себя прибѣжище сему принцу, ибо не предстоитъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что самъ шахъ душевно будетъ радоваться

[1]) Мирза-Масудъ — секретарь и переводчикъ Аббас-Мирзы. **А. Б.**

всему тому, что будетъ клониться къ спасенію преимущественно предъ всѣми любимаго имъ сына.

Во второмъ: „...Поведеніе Аббас-Мирзы, объясненія его и самого шаха должны, кажется, служить достаточнымъ доказательствомъ, что дворъ персидскій не принималъ участія въ злодѣяніи тегеранскомъ; но сіи самыя объясненія заставляютъ заключать, что оное злодѣяніе учинено не случайно, по буйству черни, но есть послѣдствіе злобы и мести Аллах-Яр-хана и партіи ищущихъ гибели наслѣдника престола и отца его. Опасность, грозящая Персіи, была крайне прискорбна его императорскому величеству, ибо хотя съ вѣроятіемъ не должно теперь ожидать разрыва съ персидскимъ дворомъ, опасаться можемъ однако войны, могущей возродиться отъ междоусобныхъ раздоровъ въ томъ государствѣ, коими руководствуютъ лица, намъ враждебныя, и сія война озаботитъ насъ много по послѣдствіямъ своимъ, которыя, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе могутъ содѣлаться для насъ затруднительными. Чтобъ избѣгнуть таковаго положенія, должно желать, дабы Аббас-Мирза успѣлъ ниспровергнуть замыслы враговъ своихъ и восторжествовать надъ ними.

„Для достиженія однако сей спасительной цѣли достаточны ли будутъ однѣ у сего принца имѣющіяся силы? И въ противномъ случаѣ, не требуютъ ли собственныя наши выгоды дать ему подкрѣпленіе, буде средства ваши представляютъ къ тому возможность?

„Государь императоръ мысль сію ввѣряетъ совершенно соображенію вашему, уполномочивая васъ рѣшиться на то, что по мѣстнымъ обстоятельствамъ покажется вамъ выгоднѣйшимъ для дѣлъ нашихъ. Чтобъ не останавливать долѣе отправленіе экстра-почты, я долженъ ограничиться тѣмъ, что̀ выше изложено; съ отъѣзжающимъ же на дняхъ генералъ-майоромъ княземъ Долгоруковымъ, который по высочайшей волѣ ѣдетъ къ вамъ для употребленія или при Аббас-Мирзѣ или индѣ, по вашему усмотрѣнію, я буду имѣть честь пространнѣе вамъ писать по разнымъ статьямъ сегодня мною полученныхъ депешъ вашихъ.

„Въ заключеніе остается мнѣ еще по повелѣнію государя императора сообщить вашему сіятельству, что по предмету доставленія вамъ нужнаго подкрѣпленія учинены уже должныя распоряженія“.

Но дѣло до войны, какъ извѣстно, не дошло и смерть Грибоѣдова осталась не отмщенною. Все ограничилось пріѣздомъ принца Хозрев-Мирзы, сына наслѣдника персидскаго престола, въ Петербургъ, гдѣ онъ отъ лица шаха просилъ императора предать вѣчному забвенію событія 30-го января [1]).

[1]) Весьма интересно было бы знать, почему первоначальное предположеніе Аббас-Мирзы, ѣхать самому въ Петербургъ, равно какъ и позднѣйшее на-

На другой или на третій день послѣ умерщвленія русскаго посольства, изуродованные трупы убитыхъ были вывезены за городскую стѣну, брошены тамъ въ одну кучу и засыпаны землей. Все это, конечно, не могло сопровождаться никакимъ религіознымъ обрядомъ. Спустя немного времени, тѣло Александра Сергѣевича было отрыто, положено въ простой гробъ и чрезъ Тавризъ отправлено въ Тифлисъ.

„Узнавъ, доносилъ изъ Нахичевани, отъ 16-го апрѣля 1829 года, Амбургеръ графу Паскевичу: что на дняхъ привезутъ сюда тѣло покойнаго нашего министра, безъ всякаго приличія сану его, я почелъ своею обязанностью приготовить здѣсь гробъ, балдахинъ и всѣ потребности для приличнаго сопровожденія тѣла его въ Тифлисъ. Я полагаю, что распоряженіе мое необходимо и надѣюсь, что ваше сіятельство одобрите оное. Что же касается до издержекъ на всѣ приготовленія, то я употреблю потребное число денегъ изъ суммы, присланной мнѣ вашимъ сіятельствомъ. Я почитаю своею обязанностью довести до свѣдѣнія вашего сіятельства, что генералъ-майоръ Мерлини всегда способствовалъ мнѣ во всемъ, какъ равно исправляющіе должность бригаднаго адъютанта Павлоцкій и Грековъ, которые взялись съ охотою исполнить подробности сей порученности“.

30-го апрѣля, покойника привезли въ Гергеры, гдѣ гробъ его видѣлъ А. С. Пушкинъ, упоминающій объ этомъ въ своемъ „Путешествіи въ Арзерумъ“; а 4-го мая Амбургеръ писалъ гр. Паскевичу:

„1-го мая, которое всегда приноситъ съ собою радость и веселіе, было для насъ днемъ грусти и печали. Въ этотъ день, наконецъ, тѣло покойнаго нашего полномочнаго министра въ Персіи было переправлено чрезъ Араксъ. Генералъ-майоръ Мерлини, полковникъ Эксанханъ и многіе чиновники поѣхали на встрѣчу онаго; впередъ былъ посланъ изъ Аббас-Абада священникъ, одинъ баталіонъ тифлисскаго пѣхотнаго полка, съ 2-мя полевыми орудіями, какъ и здѣсь приготовленный балдахинъ.

„Когда встрѣтили мы тѣло, баталіонъ выстроился въ два ряда. Гробъ, содержащій бренные останки покойнаго Грибоѣдова, находился въ тахтиреванѣ, сопровождаемомъ 50-ю конными, подъ начальствомъ Кеиб-Али-султана, который остановился посрединѣ. Когда вынули гробъ изъ тахтиревана и увѣрились сколько возможно, что онъ содержитъ тѣло покойнаго министра, отдали ему воинскую честь и отпѣли вѣчную память, послѣ чего положили его въ гробъ, здѣсь приготовленный, и поставили на дроги подъ балдахинъ. Скомандовали

мѣреніе отправить старшаго сына своего Мамед-Мирзу съ каймакамомъ въ Тифлисъ — было оставлено? А. В.

„на погребеніе“, и тихо и величественно началось траурное шествіе при звукахъ печальной музыки.

„Дроги, везомыя шестью лошадьми, накрытыми черными траурными попонами и ведомыя людьми въ траурныхъ мантіяхъ и шляпахъ, которыхъ было кромѣ сихъ 12-ть человѣкъ, шедшіе съ факелами по обѣ стороны гроба, балдахинъ хорошо убранный—все это произвело на всѣхъ сильное впечатлѣніе, даже на персіянъ. Кромѣ священника русскаго, выѣхало на встрѣчу покойному все духовенство армянское, подъ начальствомъ архіерея Парсеха, что̀ еще болѣе придавало величія печальному шествію. Такимъ образомъ достигли Аланджи-чая, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ.

„2-го числа мая шествіе продолжалось. Когда достигли Нахичеванчайскаго моста, сдѣлали привалъ, люди одѣлись и духовенство облеклось въ ризы; русскій священникъ отслужилъ панихиду и отпѣли вѣчную память,—и шествіе продолжалось. Когда начинали приближаться къ городу, то вышли на встрѣчу генералъ-майоръ Мерлини, полковникъ Эксан-ханъ, подполковникъ Аргутинскій, майоръ Носковъ, я и переводчикъ Ваценко и всѣ военные и статскіе чиновники, которые находились въ Нахичевани и всѣ уже слѣдовали за гробомъ до церкви. Здѣсь офицеры сняли гробъ съ дрогъ и внесли въ церковь, откуда по отслуженіи панихиды и отпѣтіи вѣчной памяти всѣ удалились.

„Народу было неимовѣрное множество; мужчины, женщины и дѣти, всѣ, кажется, принимали живѣйшее участіе въ злополучной участи покойнаго и нерѣдко слышны были между ними громкія рыданія Женщины до самаго вечера не отходили отъ церкви; только надобно замѣтить, что это по большей части были армяне и таковое участіе, конечно, дѣлаетъ честь сему народу.

„На другое утро, 3-го мая, всѣ, которые участвовали прошедшаго дня въ церемоніи, опять собрались въ церковь, отслужили обѣдню, послѣ которой архіерей армянскій Парсехъ говорилъ рѣчь; по окончаніи оной отслужилъ панихиду и отпѣли вѣчную память. Тутъ офицеры тифлисскаго пѣхотнаго полка попеременно со всѣми присутствующими вынесли гробъ, пронесли оный посреди въ двухъ рядахъ выстроеннаго войска, которое отдало воинскую честь, и поставили на дроги и шествіе опять тихо подвигалось впередъ. Стеченіе народа было еще бо̀льшее, нежели 2-го числа; трудно было вѣрить, что Нахичевань содержитъ въ себѣ такое огромное народонаселеніе.

„Всѣ находившіеся въ церкви, генералы, штабъ- и оберъ-офицеры провожали покойнаго до второго источника по эриванской дорогѣ. Здѣсь сняли гробъ съ дрогъ, войско сформировало каре вокругъ

онаго и священникъ русскій отслужилъ панихиду и отпѣли вѣчную память; послѣ чего мы всѣ простились съ покойнымъ, прикладываясь ко кресту на гробѣ его. Исполнивъ такимъ образомъ послѣдній долгъ и отдавъ послѣднюю честь покойному, всѣ возвратились въ городъ.

„Пріятно и трогательно было видѣть живое участіе, которое всѣ принимали въ несчастной кончинѣ покойнаго Грибоѣдова, и это ясно доказываетъ, что кто хотя только одинъ разъ съ нимъ повстрѣтился, уже не могъ забыть его.

„Долго еще толпы народа съ печальными лицами стояли на высотахъ, окружающихъ городъ, и весьма медленно разсыпались.

„Съ сожалѣніемъ долженъ я упомянуть, что при открытіи гроба тѣло покойнаго Александра Сергѣевича не имѣло почти никакихъ признаковъ прежняго своего изображенія; оно, повидимому, было ужасно изрублено и закидано каменьями и перешло въ сильное тлѣніе, а потому и законопатили гробъ и залили нефтью.

„Тѣло препровождается отсюда чрезъ Эчміадзинъ на Гумри и такъ далѣе, съ командою, слѣдующею въ Джелал-Оглу, и прапорщикъ тифлисскаго пѣхотнаго полка Макаровъ провожаетъ оное до Тифлиса.

„Большое утѣшеніе, что послѣднее желаніе Грибоѣдова исполнилось, а именно, чтобы тѣло его не оставалось въ Персіи“.

Желаніе Грибоѣдова, не разъ высказанное имъ женѣ, чтобы, въ случаѣ смерти, останки его были вывезены изъ Персіи и преданы землѣ въ церкви св. Давида, — „этой поэтической“, по собственному его выраженію, „принадлежности Тифлиса“, было исполнено. Графъ Паскевичъ, изъ лагеря близъ Ахалкалакской крѣпости, отъ 21-го мая, писалъ къ экзарху Грузіи митрополиту Іонѣ:

„Покойный министръ нашъ въ Персіи, статскій совѣтникъ Грибоѣдовъ при жизни изъявлялъ желаніе быть погребеннымъ въ Тифлисѣ, въ церкви св. Давида.

„Тѣло статскаго совѣтника Грибоѣдова везется въ Тифлисъ. Желая исполнить волю покойнаго министра, я обращаюсь къ вашему высокопреосвященству съ покорнѣйшею просьбою разрѣшить погребеніе тѣла въ церкви св. Давида и о томъ увѣдомить тифлисскаго военнаго губернатора, которому нынѣ же, согласно съ симъ, дано мною предписаніе“ [1]).

На препровожденіе тѣла Грибоѣдова изъ Тегерана въ Тифлисъ и на погребеніе его при церкви св. Давида, по распоряженію графа Паскевича, было израсходовано 210 червонцевъ и 2,366 руб. 90 коп. сер. Сумма эта, по высочайшему повелѣнію, была принята на счетъ

[1]) Грибоѣдовъ преданъ землѣ 18-го іюля 1829 года. **А. Б.**

государственнаго казначейства (письмо графа Канкрина къ графу Паскевичу, отъ 27-го февраля 1830 г.).

Что касается до труповъ остальныхъ членовъ посольства, сдѣлавшихся жертвами событія 30-го января, то они оставались за городскою чертою до 1836 года. Въ этомъ же году, полномочный министръ нашъ графъ Симоничъ, изъ Фируз-Кухъ, отъ 3-го августа, писалъ къ главнокомандовавшему на Кавказѣ, барону Розену, слѣдующее:

(Переводъ). „Съ тѣхъ поръ, какъ я съ товарищами живу въ Тегеранѣ, мы неоднократно вспоминали съ грустью, что останки нашихъ несчастныхъ соотечественниковъ, павшихъ жертвою страшнаго покушенія 1829 г., находятся сложенными подъ земляною грудою внѣ города, вблизи большой дороги, которою мы, къ несчастію, часто должны были проѣзжать. Я имѣлъ еще въ прошедшемъ году мысль распорядиться о перенесеніи ихъ въ болѣе приличное мѣсто, но рядъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ воспрепятствовалъ ея осуществленію. Въ нынѣшнемъ году я былъ болѣе счастливъ и предположеніе мое исполнилось прежде чѣмъ я присоединился къ свитѣ шаха. Заручившись добрымъ расположеніемъ знатнѣйшаго городского духовенства, а въ особенности дружбою Имама-джум'э [1]), мнѣ было легко, при посредничествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, испросить разрѣшеніе его высочества шаха. Имамъ-джум'э, которому я сообщилъ о своемъ намѣреніи, одобрилъ и похвалилъ его. Затѣмъ, по принятіи должныхъ мѣръ, вечеромъ 12-го числа текущаго мѣсяца, баронъ Боде отправился на мѣсто, гдѣ все было приготовлено для отрытія останковъ несчастныхъ жертвъ. При этомъ, для поддержанія должнаго по-

---

(Подлинникъ). Depuis que nous habitons Téhéran mes camarades et moi, nous songions avec douleur que les restes de nos malheureux compatriotes, victimes de l'affreux attentât de 1829 se trouvaient amoncelés sous un tas de terre hors de la ville, près d'une grande route que par malheur nous étions obligés de traverser souvent. L'année passée j'avais déjà eu l'idée de les faire transporter dans un lieu plus convenable, mais une suite de circonstances imprévues en empêchèrent l'exécution. Cette année j'ai été plus heureux et mon projet a pu être rempli avant mon départ pour rejoindre le Roi. Etant assuré de la bienveillance des principaux membres du clergé de la capitale, surtout de l'amitié de l'Imam-djoumé, j'obtins facilement par l'entremise du ministre des affaires étrangères l'autorisation de S. M. le Schah. L'Imam-djoumé auquel je fis part ensuite de mon intention, approuva cette action comme une oeuvre méritoire. En conséquence après avoir pris les mésures nécessaires le 12 de ce mois

---

[1]) Имамъ-джум'э — вмѣстѣ съ тѣмъ и муджтехидъ, отличающійся отъ послѣдняго только тѣмъ, что читаетъ по пятницамъ молитву въ главной мечети и произноситъ хутбэ, т.-е. хвалу Богу, пророку, шаху и проч. **А. Б.**

рядка, присутствовали со стороны Имама-джум'э два сеида, а со стороны беглербега 6-ть феррашей, но въ толпѣ зрителей не только не проявилось никакого волненія, но даже не замѣчено и малѣйшаго неудовольствія. Армянскій священникъ, въ полномъ облаченіи, читалъ молитвы во все время производства работъ. Останки на 10-ти дрогахъ были перевезены въ городъ и сложены въ заранѣе приготовленный склепъ. По отслуженіи панихиды, при которой находились оба сеида, около 11-ти часовъ ночи, всѣ разошлись.

„Не могу не замѣтить при этомъ, что персіяне, допустивъ перенесеніе тѣлъ въ городъ, побѣдили предразсудокъ, котораго настойчиво придерживаются. Я самъ удивляюсь, не встрѣтивъ въ настоящемъ случаѣ и малѣйшаго затрудненія. Армянская церковь, въ которой сложены останки, находится около воротъ Шах-Абдул-Азима и вблизи мѣста ужаснаго событія".

Въ продолженіе всего пребыванія Грибоѣдова въ Тегеранѣ супруга его оставалась въ Тавризѣ. Сначала отъ нея скрывали злополучную кончину ея мужа, тѣмъ болѣе, что она въ ту пору находилась въ интересномъ положеніи и столь неожиданное извѣстіе могло поразить ее какъ громомъ, и имѣть весьма пагубныя для нея послѣдствія.... „Удерживая Нину Александровну, писалъ Амбургеръ графу Паскевичу, отъ 10-го февраля 1829 г.: въ настоящемъ ея невѣдѣніи о ея несчастіи, я съ помощію супруги англійскаго посланника уговорилъ ее ѣхать въ Тифлисъ. Англійскій докторъ, г. Кормикъ, ее сопровождаетъ и я считаю обязанностью слѣдовать съ нею, о чемъ она меня просила, до нашей границы, гдѣ, я надѣюсь, она встрѣтитъ отца своего, котораго я предупредилъ".

Кромѣ молодой жены, изъ ближайшихъ родственниковъ Грибоѣдовъ оставилъ послѣ себя мать, Анастасію Ѳедоровну, которая въ то

---

au soir, le Baron de Bode alla sur les lieux où tout était préparé pour l'exhumation des corps de ces malheureux victimes. Deux seïds de la part de l'Imamdjoumé et six ferraches du Beglerbeg assistaient pour contenir la populace en cas de besoin, mais aucune marque non seulement de fermentation, mais même d'improbation n'a été remarquée parmi les nombreux spectateurs. Un prêtre arménien en habits sacerdotaux récitait des prières pendant qu'on y travaillait. Dix corbillards d'ossemens furent transportés en ville et déposés dans un caveau qui avait été préparé d'avance. Après un service funèbre auquel les deux seïds assistèrent, on se retira à 11 heures du soir. Il faut que je fasse remarquer à V. E. que dans cette circonstance les Persans ont passé par dessus d'un préjugé auquel ils tiennent beaucoup, en laissant transporter des corps morts dans la ville Je suis moi même étonné de n'avoir pas rencontré sur ce point la moindre difficulté. L'Église arménienne où ces restes sont déposés se trouve près de la porte de Schah-Abdoul-Azim et non loin du théâtre de l'horrible événement.

время проживала въ Москвѣ. Не говоря уже о той невознаградимой потерѣ, какую обѣ онѣ понесли въ нѣжно любимомъ и выше всего дорогомъ для нихъ человѣкѣ, положеніе ихъ было тѣмъ болѣе грустно, что Грибоѣдовъ не оставилъ послѣ себя никакого состоянія, а то немногое, что онъ имѣлъ при себѣ, было разграблено и расхищено въ Тегеранѣ. Но въ судьбѣ молодой вдовы принялъ теплое участіе императоръ Николай. Вслѣдъ за полученіемъ въ Петербургѣ извѣстія объ убіеніи Грибоѣдова, графъ Нессельроде, отъ 6-го апрѣля, писалъ къ графу Паскевичу: „Государь императоръ, сохраняя глубокое чувство сожалѣнія о преждевременной и бѣдственной смерти министра нашего въ Персіи, Грибоѣдова, изволилъ принимать тѣмъ живѣйшее участіе въ судьбѣ его вдовы, столь рано и столь ужаснымъ образомъ лишенной своего супруга. Побуждаемый таковыми милосердыми чувствами, его императорское величество желалъ бы найти средство облегчить горестную участь г-жи Грибоѣдовой, сколько сіе возможно.

„Непремѣннымъ долгомъ поставляя увѣдомить ваше сіятельство о семъ великодушномъ намѣреніи государя императора, обращаюсь къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою почтить меня извѣщеніемъ о томъ, какія монаршія щедроты находили бы вы приличными настоящему положенію г-жи Грибоѣдовой“.

Сообщеніе это вызвало со стороны графа Паскевича отвѣтъ, отъ 15-го мая, слѣдующаго содержанія:

„Ваше сіятельство увѣдомить меня изволили, что его императорскому величеству благоугодно знать мнѣніе мое, касательно вознагражденія женѣ бывшаго посланника нашего при персидскомъ дворѣ, статскаго совѣтника Грибоѣдова за имущество его, разграбленное въ Тегеранѣ при его убійствѣ.

„Вмѣстѣ съ отношеніемъ вашимъ по сему предмету, получилъ я письмо отъ московскаго губернскаго предводителя дворянства. Изъ онаго вы усмотрѣть изволите, что мать Грибоѣдова, употребивъ бо́льшую часть имущества на воспитаніе единственнаго сына, дабы сдѣлать его полезнымъ для службы, впала въ неоплатные долги и разстроила до того состояніе свое, что въ послѣдніе годы покойный удѣлялъ ей часть своего жалованья. Со смертью его лишилась и сей малой помощи; при болѣзни и старости, она остается безъ всякихъ средствъ къ содержанію.

„Жена Грибоѣдова находится въ положеніи, не менѣе плачевномъ. Получивъ пагубное извѣстіе о его смерти, она разрѣшилась прежде времени младенцомъ, который жилъ только нѣсколько часовъ. Такимъ образомъ, потерявъ все и не имѣя никакого средства, она должна испытывать всѣ нужды, съ бѣдностью сопряженныя.

„Движимая собственность Грибоѣдова, наличныя деньги и банковые билеты разграблены въ Тегеранѣ; все, въ чемъ состояло имущество покойнаго, составляло около 60 т. руб. асс. Четвертая часть сего имѣнія принадлежала бы по закону вдовѣ его, а остальныя три части сестрѣ Грибоѣдова, ближайшей по немъ наслѣдницѣ.

„Во исполненіе вышеизъясненнаго высочайшаго соизволенія, увѣдомляя о семъ ваше сіятельство, по милосердому вниманію всемилостивѣйшимъ государемъ въ память покойнаго Грибоѣдова оказываемому, и по заслугамъ его, которыя въ полной мѣрѣ вамъ извѣстны, осмѣливаюсь думать, что справедливо бы было, сверхъ удовлетворенія наслѣдниковъ Грибоѣдова за помянутое имущество, въ Тегеранѣ неистовою чернью расхищенное, оказать особенное пособіе двумъ ближайшимъ по родству къ покойному лицамъ—вдовѣ его и матери, въ крайнемъ положеніи находящимся, назначивъ первой изъ нихъ пожизненный пенсіонъ въ 1,000 черв. въ годъ, что составитъ 6-ю часть жалованья, получаемаго ея мужемъ; послѣдней же для заплаты хотя нѣкоторой части долговъ и во уваженіе того, что изъ предполагаемаго вознагражденія наслѣдникамъ Грибоѣдова за разграбленное его имущество по закону она не можетъ воспользоваться никакою частію, единовременно 30 т. асс.

„Всемилостивѣйшее воззрѣніе его императорскаго величества на судьбу родственниковъ статскаго совѣтника Грибоѣдова и собственное выше благорасположеніе, коимъ пользовался всегда покойный, обнадеживаютъ меня, что вы не откажете благосклоннымъ содѣйствіемъ вашимъ къ облегченію участи жены его и матери, въ самомъ горестномъ состояніи остающихся".

Ходатайство гр. Паскевича было не безуспѣшное: въ январѣ слѣдующаго 1830 года получено увѣдомленіе гр. Нессельроде о назначеніи вдовѣ и матери Грибоѣдова, каждой по 5,000 руб. асс. ежегодно пенсіи и, сверхъ того, единовременно по 30 т. руб. асс. Спустя почти двадцать лѣтъ, а именно въ августѣ 1849 года, пенсія Нины Александровны, благодаря ходатайству тогдашняго намѣстника кавказскаго кн. М. С. Воронцова, была увеличена 570 р. 50 к., такъ что она съ этого времени вмѣсто 5,000 руб. асс. получала 2,000 р. сер. (письмо гр. Вронченко къ кн. Воронцову, отъ 19-го августа 1849 г.).

Нина Александровна, вѣрная первой любви и драгоцѣнной памяти перваго своего супруга, осталась вдовою до самой смерти, послѣдовавшей лѣтомъ 1857 года. Она скончалась отъ холеры и погребена при церкви св. Давида, рядомъ съ мужемъ.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ГРИБОѢДОВЪ.

(Изъ моихъ записокъ).

Въ театральномъ училищѣ, гдѣ я воспитывался, въ началѣ 1820-хъ годовъ, хотя и былъ уже устроенъ постоянный театръ, но на немъ играли мы только въ великій постъ, во время экзаменовъ и иногда въ успенской постъ. Учителемъ драматическаго искуства былъ у насъ тогда князь Александръ Александровичъ Шаховской, считавшійся въ то время, и по справедливости, знатокомъ театральнаго дѣла. Когда же, въ 1822 г., любимыя ученицы князя были выпущены изъ училища, онъ пересталъ ѣздить въ школу, а продолжалъ свои уроки у себя на дому. Такимъ образомъ, училище осталось безъ драматическаго учителя, а домашній нашъ театръ безъ употребленія. Мы тогда задумали устраивать, въ свободное время, домашніе спектакли собственными средствами. Инспекторомъ театральнаго училища былъ въ ту пору Иванъ Самойловичъ Бокъ, онъ же занималъ и докторскую должность при театрѣ. Это былъ человѣкъ очень добрый, простой, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, слабый и трусливый до-нельзя. Онъ ни за что не позволялъ воспитанницамъ участвовать въ нашихъ спектакляхъ: „Играйте, говоритъ, одни, а я объ этомъ директора не смѣю просить". Нечего дѣлать, надо было выбирать пьесы безъ женскаго персонала, но это было довольно затруднительно, потому что таковыхъ въ тогдашнемъ репертуарѣ не имѣлось. Мои товарищи-однокашники избрали меня своимъ режиссеромъ и мы принуждены были играть тогда по большей части пародіи, недозволенныя цензурой; какъ наприм.: Митюху Валдайскаго (пародія на Димитрія Донского), Трумфа соч. Ивана Андреевича Крылова *) и нѣкоторыя другія... Чтобы помочь нашему бѣдному репертуару, я въ то время написалъ то же пародію, въ стихахъ, подъ названіемъ: „Неронъ" и потомъ „Сентябрскую Ночь", сюжетъ которой заимствовалъ изъ разсказа (Алек-

*) Напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1872 г. т. III, стр. 161—200. См. тамъ-же стр. 394, 536 и 646. Ред.

сандра Бестужева), помѣщеннаго въ Литературныхъ Прибавленіяхъ къ журналу „Сынъ Отечества“. Двѣ эти пьески были безъ женскихъ ролей и имѣли на нашей миньятюрной сценѣ большой успѣхъ. Само собою разумѣется, что наша домашняя публика была не взыскательна и снисходительно относилась къ доморощенному автору. Главныя въ нихъ роли играли мои совоспитанники—Григорьевъ и Воротниковъ. Петръ Ивановичъ Григорьевъ, впослѣдствіи извѣстный актеръ и сочинитель, готовился тогда быть музыкантомъ и уже начиналъ играть на віолончелѣ въ театральномъ оркестрѣ. Я уговорилъ его принять участіе въ нашихъ спектакляхъ; онъ согласился попробовать свои средства и, сыгравъ удачно нѣсколько ролей, такъ пристрастился къ сценическимъ занятіямъ, что вскорѣ выползъ изъ оркестра на сцену, оставилъ свой инструментъ и рѣшился сдѣлаться актеромъ. Черезъ годъ послѣ того онъ началъ учиться у кн. Шаховскаго и дебютировалъ на публичной сценѣ.

По выходѣ моемъ изъ училища (въ 1823 году), я продолжалъ занимать принятую на себя должность режиссера у прежнихъ своихъ однокашниковъ. Наши ребяческіе спектакли посѣщалъ нѣсколько разъ Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ — и они ему очень нравились... Я помню, какъ онъ отъ души хохоталъ, смотря моего „Нерона“. Водевиль же мой „Сентябрская Ночь“ онъ даже уговаривалъ меня тогда поставить на публичномъ театрѣ, но я въ то время не смѣлъ и мечтать объ этой чести*)!

Вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ посѣщалъ наши спектакли Александръ Бестужевъ. Однажды мнѣ случилось играть на нашемъ театрѣ роль офицера Хрустилина въ водевилѣ „Пурсоньякъ“ (кн. Шаховскаго). Въ нашемъ театральномъ гардеробѣ мундиры были больно безобразные, и я выпросилъ у Бестужева его адъютантскій мундиръ со всѣми къ нему принадлежностями... И какъ же я былъ тогда доволенъ, что могъ на сценѣ пощеголять въ настоящей гвардейской формѣ!.. что, разумѣется, не дозволено было на публичномъ театрѣ...

Думалъ-ли я тогда, что, можетъ быть, играю въ томъ самомъ мундирѣ, въ которомъ, черезъ нѣсколько времени, Бестужевъ будетъ розыгрывать злополучную роль на Сенатской площади и за которую его вызовутъ въ Петропавловскую крѣпость!!

Въ 1824 году появилась въ рукописи безсмертная комедія Грибоѣдова. Въ печати были тогда только двѣ или три сцены изъ нея, помѣщенныя въ альманахѣ, подъ названіемъ „Русская Талія“ издан.

---

*) Въ 1830 году этотъ водевиль былъ игранъ на Большомъ театрѣ, въ бенефисъ актера Рязанцева. П. К.

Булгаринымъ; но вся комедія была въ то время запрещеннымъ плодомъ... Мы съ Григорьевымъ предложили Александру Сергѣевичу разыграть „Горе отъ ума“ на нашемъ школьномъ театрѣ, и онъ былъ въ восхищеніи отъ нашего предложенія... Большого труда намъ стоило упросить добраго инспектора Бока—дозволить и воспитанницамъ принять участіе въ этомъ спектаклѣ... наконецъ онъ согласился, и мы живо принялись за дѣло; въ нѣсколько дней росписали роли, въ недѣлю ихъ выучили и дѣло пошло на ладъ *). Самъ Грибоѣдовъ пріѣзжалъ къ намъ на репетиціи и очень усердно училъ насъ... Надо было видѣть, съ какимъ простодушнымъ удовольствіемъ онъ потиралъ себѣ руки, видя свое „Горе отъ ума“ на нашемъ ребяческомъ театрѣ!.. Хотя, конечно, мы откалывали его безсмертную комедію съ горемъ пополамъ, но онъ былъ очень доволенъ нами, а мы были въ восторгѣ, что могли угодить ему. На одну изъ репетицій онъ привелъ съ собою А. Бестужева и Вильгельма Кюхельбекера—и тѣ также насъ похваливали... Наконецъ комедія была уже совсѣмъ приготовлена, на слѣдующій день назначенъ былъ спектакль... но, увы! всѣ наши хлопоты и надежды лопнули, какъ мыльный пузырь! Наканунѣ самаго представленія, во время послѣдней репетиціи, является къ намъ инспекторъ Бокъ, и объявляетъ намъ грозный фирманъ графа Милорадовича (который имѣлъ тогда главное начальство надъ императорскими театрами и которому кто-то донесъ объ нашихъ затѣяхъ), чтобъ мы не смѣли такъ либеральничать и что пьесу, неодобренную цензурой, нельзя позволить играть въ театральномъ училищѣ. Всѣ мы повѣсили носы отъ этого неожиданнаго извѣстія и пришлось намъ горемычнымъ повторить два стиха изъ запрещенной комедіи:

«Ни безпокойства, ни сомнѣнья,
А горе ждетъ изъ-за угла!»

Да, дѣйствительно, мы всѣ были въ страшномъ горѣ, а нашъ простодушный Бокъ перетрусился не на шутку; онъ, кажется, боялся, чтобъ за свою слабость къ намъ не попасть ему въ крѣпость!.. Но дѣло ограничилось однимъ только выговоромъ.

Мы съ Григорьевымъ отправились тотчасъ же къ Грибоѣдову съ этимъ роковымъ извѣстіемъ, что, конечно, его сильно огорчило.

---

*) Вотъ фамиліи воспитанниковъ и воспитанницъ, которыя должны были участвовать въ комедіи: Григорьевъ—Чацкаго, Чайчиковъ—Фамусова, я—Репетилова, Экунинъ—Скалозуба, Софью—Прилуцкая, Лизу—Лебедева (впослѣдствіи она вышла замужъ за танцора Шелихова), Хлестову—Ковалева (теперь она классная дама въ театральномъ училищѣ), остальныхъ не помню... Но чуть-ли только мы вдвоемъ съ Ковалевой изовсего этого персонала и уцѣлѣли на нашей жизненной сценѣ. П. К.

Итакъ, поэту не суждено было видѣть на сценѣ (даже и въ такомъ горемычномъ исполненіи, какъ наше) своей безсмертной комедіи.

Въ этотъ періодъ времени, Грибоѣдовъ часто бывалъ у насъ въ домѣ, а мы съ братомъ, Васильемъ Андреевичемъ, еще чаще посѣщали его... Кромѣ его остроумной бесѣды, любилъ я слушать его великолѣпную игру на фортепьяно... сядетъ онъ, бывало, къ нимъ и начнетъ фантазировать..... сколько было тутъ вкусу, силы, дивной мелодіи! Онъ былъ отличный пьянистъ и большой знатокъ музыки: Моцартъ, Бетховенъ, Гайднъ и Веберъ были его любимые композиторы. Однажды я сказалъ ему: „Ахъ, А. С., сколько Богъ далъ вамъ талантовъ: вы поэтъ, музыкантъ, были лихой кавалеристъ и наконецъ, отличный лингвистъ!“ (онъ, кромѣ пяти европейскихъ языковъ, основательно зналъ персидскій и арабскій языки). Онъ улыбнулся, взглянулъ на меня умными своими глазами изъ подъ очковъ, и отвѣчалъ мнѣ: „Повѣрь мнѣ, Петруша, у кого много талантовъ, у того нѣтъ ни одного настоящаго“. Онъ былъ скроменъ и снисходителенъ въ кругу друзей, но сильно вспыльчивъ, заносчивъ и раздражителенъ, когда встрѣчалъ людей не по душѣ... Тутъ онъ готовъ былъ придраться къ нимъ изъ пустяковъ и горе тому, кто попадался къ нему на зубокъ... тогда соперникъ бывалъ разбитъ въ пухъ и прахъ, потому что сарказмы его были неотразимы! Вотъ одинъ изъ такихъ эпизодовъ: когда Грибоѣдовъ привезъ въ Петербургъ свою комедію, Николай Ивановичъ Хмельницкій просилъ его прочесть ее у него на дому; Грибоѣдовъ согласился. По этому случаю, Хмельницкій сдѣлалъ обѣдъ, на который, кромѣ Грибоѣдова, пригласилъ нѣсколькихъ литераторовъ и артистовъ, въ числѣ послѣднихъ были: Сосницкій, мой братъ и я. Хмельницкій жилъ тогда баріномъ, въ собственномъ домѣ—на фонтанкѣ у Симіоновскаго моста. Въ назначенный часъ собралось у него небольшое общество. Обѣдъ былъ роскошенъ, веселъ и шуменъ... Послѣ обѣда всѣ вышли въ гостинную, подали кофе и закурили сигары... Грибоѣдовъ положилъ рукопись своей комедіи на столъ; гости, въ нетерпѣливомъ ожиданіи, начали придвигать стулья; каждый старался помѣститься поближе, чтобъ не проронить ни одного слова... Въ числѣ гостей былъ тутъ нѣкто Василій Михайловичъ Ѳедоровъ, сочинитель драмы „Лиза, или торжество благодарности“ и другихъ давно уже забытыхъ пьесъ... Онъ былъ человѣкъ очень добрый, простой, но имѣлъ претензію на остроуміе... Физіономія-ли его не понравилась Грибоѣдову, или можетъ быть старый шутникъ пересолилъ за обѣдомъ, разсказывая неостроумные анекдоты, только хозяину и его гостямъ пришлось быть свидѣтелями довольно непріятной сцены... Покуда Грибоѣдовъ закуривалъ свою сигару, Ѳедоровъ, подойдя къ

столу, взялъ комедію (которая была переписана довольно разгонисто), покачалъ ее на рукѣ и, съ простодушной улыбкой, сказалъ: „Ого! какая полновѣсная!.. Это стóитъ моей Лизы“. Грибоѣдовъ посмотрѣлъ на него изъ-подъ очковъ и отвѣчалъ ему, сквозь зубы: „Я пошлостей не пишу“. Такой неожиданный отвѣтъ, разумѣется, огорошилъ Ѳедорова и онъ, стараясь показать, что принимаетъ этотъ рѣзкій отвѣтъ за шутку, улыбнулся, и тутъ же поторопился прибавить: „Никто въ этомъ не сомнѣвается Александръ Сергѣевичъ; я не только не хотѣлъ обидѣть васъ сравненіемъ со мной, но право, готовъ первый смѣяться надъ своими произведеніями“.—„Да, надъ собой-то вы можете смѣяться, сколько вамъ угодно, а я надъ собой—никому не позволю...“—„Помилуйте, я говорилъ не о достоинствѣ нашихъ пьесъ, а только о числѣ листовъ“.—„Достоинствъ моей комедіи вы еще не можете знать, а достоинства вашихъ пьесъ всѣмъ давно извѣстны“.—„Право, вы напрасно это говорите, я повторяю, что вовсе не думалъ васъ обидѣть“.—„О, я увѣренъ, что вы сказали, неподумавши, а обидѣть меня вы никогда не можете“.

Хозяинъ отъ этихъ шпилекъ былъ какъ на иголкахъ, и желая шуткой какъ-нибудь замять размолвку, которая принимала не шуточный характеръ, взялъ за плечи Ѳедорова и, смѣясь, сказалъ ему: „Мы за наказаніе посадимъ васъ въ задній рядъ креселъ...“

Грибоѣдовъ, между тѣмъ, ходя по гостинной съ сигарой, отвѣчалъ Хмельницкому: „Вы можете его посадить, куда вамъ угодно, только я, при немъ, своей комедіи читать не стану...“ Ѳедоровъ покраснѣлъ до ушей и походилъ въ эту минуту на школьника, который силится схватить ежа—и гдѣ его ни тронетъ, вездѣ уколется.. Очевидно, что хозяинъ былъ поставленъ въ самое щекотливое положеніе между своими гостями, не зналъ чью сторону принять, и всѣми силами старался какъ-нибудь потушить эту вздорную ссору, но Грибоѣдовъ былъ непреклоненъ, и ни за что не соглашался, при Ѳедоровѣ начать чтеніе... Нечего было дѣлать... бѣдный авторъ добродѣтельной Лизы взялъ шляпу и, подойдя къ Грибоѣдову, сказалъ: „Очень жаль, Александръ Сергѣевичъ, что невинная моя шутка была причиной такой непріятной сцены... и я, чтобъ не лишать хозяина и его почтенныхъ гостей удовольствія слышать вашу комедію, ухожу отсюда...“ Грибоѣдовъ съ жестокимъ хладнокровіемъ отвѣчалъ ему на это: „Счастливаго пути!“ Ѳедоровъ скрылся... Итакъ, драматургу, изъ-за своей несчастной драмы, пришлось сыграть комическую роль, а комикъ чуть не разыгралъ драмы изъ-за своей комедіи.

По уходѣ Ѳедорова, чтеніе началось—и нужно-ли говорить, какой эффектъ произвела эта комедія на слушателей!

Здѣсь, для контраста, приведу другой случай изъ домашней жизни покойнаго Александра Сергѣевича. Былъ у него камердинеръ, крѣпостной его человѣкъ, который съ малолѣтства находился при немъ для прислуги; онъ вмѣстѣ съ нимъ выросъ и былъ при немъ безотлучно во всѣхъ его путешествіяхъ. Грибоѣдовъ его очень любилъ и даже баловалъ, вслѣдствіе чего слуга зачастую фамильярничалъ со своимъ господиномъ. По какому-то странному случаю, этотъ слуга назывался Александромъ Грибовымъ и Грибоѣдовъ часто называлъ его тёзкой. Однажды Александръ Сергѣевичъ ушелъ въ гости на цѣлый день. Грибовъ, по уходѣ его, заперъ квартиру на ключъ и самъ тоже куда-то отправился... Часу во второмъ ночи, Грибоѣдовъ воротился домой; звонитъ, стучитъ—дверей не отворяютъ... онъ еще сильнѣе—нѣтъ отвѣта. Помучившись напрасно съ четверть часа, онъ отправился ночевать къ своему пріятелю Андрею Андреевичу Жандру, который жилъ тогда недалеко отъ него.

На другой день Грибоѣдовъ приходитъ домой; Грибовъ встрѣчаетъ его, какъ ни въ чемъ не бывало. „Сашка! куда ты вчера уходилъ?“ спрашиваетъ Грибоѣдовъ.

— Въ гости ходилъ... отвѣчаетъ Сашка.

— Но я во второмъ часу воротился, и тебя здѣсь не было.

— А почемъ же я зналъ, что вы такъ рано вернетесь? возражаетъ онъ такимъ тономъ, какъ будто вся вина была на сторонѣ барина, а не слуги.

— А ты въ которомъ часу пришелъ домой?

— Ровно въ три часа.

— Да, сказалъ Грибоѣдовъ, ты правъ, ты точно, въ такомъ случаѣ, не могъ мнѣ отворить дверей...

Нѣсколько дней спустя, Грибоѣдовъ сидѣлъ вечеромъ въ своемъ кабинетѣ и что-то писалъ... Александръ пришелъ къ нему и спрашиваетъ его:

— А что, Александръ Сергѣевичъ, вы не уйдете сегодня со двора?

— А тебѣ зачѣмъ?

— Да мнѣ-бы нужно было сходить часа на два, или на три въ гости.

— Ну, ступай, я останусь дома.

Грибовъ разфрантился, надѣлъ новый фракъ и отправился... Только-что онъ за ворота, Грибоѣдовъ снимаетъ халатъ, одѣлся, заперъ квартиру, взялъ ключъ съ собою и ушелъ опять ночевать къ Жандру. Время было лѣтнее; Грибовъ воротился часу въ первомъ... звонитъ, стучитъ, двери не отворяются... Грибовъ видитъ что дѣло плохо, стало-быть, баринъ надулъ его... Уйти ночевать куда-нибудь нельзя, неравно баринъ вернется

ночью. Нечего было дѣлать; ложится онъ на полу, около самыхъ дверей и засыпаетъ богатырскимъ сномъ. Рано по утру, Грибоѣдовъ воротился домой, и видитъ что его тёзка, какъ вѣрный песъ, растянулся у дверей своего господина. Онъ разбудилъ его, и, потирая руки, самодовольно говоритъ ему: „А? что?.. франтъ-собака, каково я тебя прошколилъ... славно отомстилъ тебѣ! Вотъ, еслибъ у меня не было по близости знакомаго, и мнѣ-бы пришлось на прошлой недѣлѣ также ночевать, по твоей милости!“... Грибовъ вскочилъ, какъ встрепанный и, потягиваясь, сказалъ ему: „Куда какъ остроумно придумали!.. есть чѣмъ хвастать“.

Другой разъ, при мнѣ, Грибоѣдовъ садится за фортепьяно, у которыхъ одна ножка была безъ колеса и для подпорки подъ нее обыкновенно подставляли какой-то брусокъ... на этотъ разъ бруска не оказалось и фортепьяно шаталось во всѣ стороны... Грибоѣдовъ зоветъ своего Грибова и говоритъ ему: „Ты вѣрно опять сегодня игралъ безъ меня на фортепьяно?

— Игралъ немножко... отвѣчаетъ онъ фамильярно.

— Ну такъ и есть!—А куда дѣвался брусокъ?

— Не знаю.

— А что ты игралъ?

— „Барыню!“

— Ну-ка, сыграй... Слуга, безъ церемоніи, садится за фортепьяно и однимъ пальцемъ наигрываетъ извѣстную пѣсню: „Барыня-сударыня, протяните ножку“. Грибоѣдовъ прослушалъ его съ полминуты, покачалъ головою, и сказалъ ему: „Ахъ, ты дрянь этакая, потія не имѣешь, какъ надо играть, а портишь мнѣ фортепьяно!.. о ш-ш-шелъ! играй лучше въ свайку, или въ бабки!

Эти два анекдота ясно обрисовываютъ простодушный характеръ Грибоѣдова. Впослѣдствіи, этотъ самый Грибовъ былъ вмѣстѣ со своимъ господиномъ въ Тегеранѣ и въ 1829 году, во время кровавой катастрофы, какъ мнѣ разсказывали, былъ изрубленъ вмѣстѣ съ нимъ.

Извѣстно, что Грибоѣдовъ, въ 1826 году, былъ вытребованъ изъ Тифлиса слѣдственною коммисіей по дѣлу 14 декабря; его подозрѣвали также прикосновеннымъ къ заговору; онъ былъ съ фельдъегеремъ привезенъ въ Петербургъ и содержался нѣсколько дней подъ арестомъ въ главномъ штабѣ. Вскорѣ, однако, онъ былъ освобожденъ, потому что никакихъ уликъ противъ него не оказалось. Я помню его экспромтъ, сказанный имъ по поводу этого ареста... вотъ онъ:

«По духу времени и вкусу,
Онъ ненавидѣлъ слово:—рабъ...

За то посаженъ въ главный штабъ
И тамъ притянутъ къ Іисусу!» *)

Въ началѣ весны, въ 1828 году, незадолго до своего отъѣзда въ Тегеранъ, Александръ Сергѣевичъ зашелъ ко мнѣ... Тогда я уже былъ женатъ; онъ желалъ поздравить меня и жену мою съ законнымъ бракомъ... (его не было въ Петербургѣ, когда мы съ играли нашу свадьбу **). Мы съ женою поздравляли его и съ царскою милостью и съ блестящей карьерой (онъ тогда только-что былъ назначенъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при персидскомъ дворѣ). На наше радушное привѣтствіе онъ отвѣчалъ какъ-то грустно, точно предчувствіе щемило его вѣщее сердце: „Богъ съ ними, съ этими почестями!—говорилъ онъ—мнѣ-бы только устроить и обезпечить мою старушку-матушку, а тамъ я бы опять вернулся сюда... дайте мнѣ мое свободное время, мое перо и чернилицу, больше мнѣ ничего не надо!“ Когда же я заговорилъ объ его высокомъ назначеніи, онъ отвѣчалъ мнѣ: „Не люблю я персіанъ, это самое коварное и предательское племя“. Потомъ, когда онъ собирался уходить, жена моя сказала ему: „Неужели, Александръ Сергѣевичъ, Богъ не приведетъ вамъ увидѣть свою чудную комедію на нашей сценѣ?“—Онъ грустно улыбнулся, взглянулъ на нее изъ-подъ очковъ, и сказалъ ей: „А какая бы вы была славная Софья!“. Грустно было на этотъ разъ наше прощаніе съ нимъ... Не прошло и году послѣ нашей разлуки, какъ его не стало: онъ погибъ въ Тегеранѣ 30 января 1829 года.

П. А. Каратыгинъ.

---

*) Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ П. А. Ефремова это четверостишіе сохранилось въ другой, едва-ли не болѣе вѣрной редакціи:

По духу времени и вкусу,
Я ненавижу слово рабъ,—
Меня и взяли въ главный штабъ
И потянули къ Іисусу.

Кстати о четверостишіяхъ Грибоѣдова. Эпиграфъ къ его комедіи появился лишь въ послѣднихъ ея изданіяхъ, т.-е. въ концѣ 1850-хъ и начала 1860-хъ гг. Въ нашемъ спискѣ «Горе отъ ума»,— подаренномъ намъ И. И. Введенскимъ, четверостишіе читается иначе, противъ напечатаннаго напр. въ изд. 1860 г., а именно:

Судьба, проказница-шалунья,
Опредѣлила такъ сама:
Всѣмъ глупымъ — счастье отъ безумья,
Всѣмъ умнымъ — горе отъ ума. **Ред.**

) Первая моя жена была Любовь Осиповна Дюрова (ученица кн. Шаховскаго), родная сестра извѣстнаго артиста Николая Осиповича Дюра. Она такъ же, какъ и братъ ея, была въ свое время любимицей публики. Она скончалась въ томъ же 1828 году. **П. К.

МИХАИЛЪ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ

въ іюнѣ 1841 г.

Собирая матеріалы для біографіи Михаила Юрьевича Лермонтова, я обратился къ нѣкоторымъ лицамъ, имѣвшимъ отношеніе къ нему, съ просьбою сообщить, что они знаютъ о любимомъ нашемъ поэтѣ. Между прочими свѣдѣніями получилъ я сообщеніе отъ полтавскаго и екатеринославскаго помѣщика Петра Ивановича Магденки, изъ котораго привожу здѣсь извлеченіе.

Пав. Висковатый.

....Съ величайшимъ удовольствіемъ постараюсь, какъ могу, передать вамъ о мимолетномъ знакомствѣ моемъ съ М. Ю. Лермонтовымъ, котораго я въ своемъ дормезѣ отвезъ въ Пятигорскъ, какъ бы на смерть.

Лѣтомъ 1841 года я, въ 4-хъ мѣстной коляскѣ, съ поваромъ и лакеемъ, въ качествѣ ремонтера Борисоглѣбскаго уланскаго полка, съ подорожною «по казенной надобности», катилъ съ лихой четверней къ городу Ставрополю. (Въ то время на Кавказѣ возили на почтовыхъ превосходно, какъ нигдѣ въ Россіи). Мы остановились передъ домомъ, въ которомъ внизу помѣщалась почтовая станція, а во второмъ этажѣ, кажется, единственная тогда въ городѣ гостинница. Покуда человѣкъ мой хлопоталъ о лошадяхъ, я пошелъ наверхъ и, въ ожиданіи обѣда, сталъ бродить по комнатамъ гостинницы. Помѣщеніе ея было довольно комфортабельно: комнаты высокія, мебель прекрасная. Большія растворенныя окна дышали свѣжимъ, живительнымъ воздухомъ. Было обѣденное время, и я съ любопытствомъ озирался на совершенно новую для меня картину. Всюду военныя лица, костюмы—ни одного штатскаго, и все почти раненые: кто безъ руки, кто безъ но-

ги; на лицахъ рубцы и шрамы; были и вовсе безъ рукъ или безъ ногъ, на костыляхъ; немало съ черными широкими перевязками на головѣ и рукахъ. Кто въ эполетахъ, кто въ сюртукѣ. Эта картина сбора раненыхъ героевъ глубоко запала мнѣ въ душу. Незадолго передъ тѣмъ было взято Дарго. Многіе изъ присутствовавшихъ участвовали въ славныхъ штурмахъ этого укрѣпленнаго аула.

Зашелъ я и въ билліардную. По стѣнамъ ея тянулись кожанные диваны, на которыхъ возсѣдали штабъ и оберъ-офицеры, тоже большею частью раненые. Два офицера въ сюртукахъ безъ эполетъ, одного и того же полка, играли на билліардѣ. Одинъ изъ нихъ, по ту сторону билліарда, съ лѣвой моей руки, первый обратилъ на себя мое вниманіе. Онъ былъ средняго роста, съ некрасивыми, но невольно поражавшими каждаго, симпатичными чертами, съ широкимъ лицомъ, широкоплечій, съ широкими скулами, вообще съ широкою костью всего остова, немного сутуловатъ, словомъ—то, что называется «сбитый человѣкъ». Такіе люди бываютъ одарены болѣе или менѣе почтенною физическою силой. Въ партнерѣ его, на котораго я обратилъ затѣмъ свое вниманіе, узналъ я бывшаго своего товарища Нагорничевскаго, поступившаго въ Тенгинскій полкъ, стоявшій на Кавказѣ. Мы сейчасъ узнали другъ друга. Онъ передалъ кій другому офицеру и вышелъ со мною въ обѣденную комнату.

— Знаешь ли съ кѣмъ я игралъ?—спросилъ онъ меня.

— Нѣтъ! гдѣ же мнѣ знать—я впервые здѣсь.

— Съ Лермонтовымъ; онъ былъ изъ лейбъ-гусаръ за разныя проказы переведенъ, по высочайшему повелѣнію, въ нашъ полкъ и ѣдетъ теперь по окончаніи отпуска изъ С.-Петербурга къ намъ за Лабу [1]).

Отобѣдавъ и распростясь съ бывшимъ товарищемъ, я продолжалъ путь свой въ Пятигорскъ и Тифлисъ. Чудное время года, молодость (мнѣ шла 24-я весна) и дивныя, никогда и не снившія-

---

[1]) Возвратясь изъ отпуска, Лермонтовъ въ Ставрополѣ представлялся генералу Граббе, который, выѣхавъ въ отрядъ, по просьбѣ Лермонтова, дозволилъ ему оставаться нѣсколько времени въ Ставрополѣ и затѣмъ уже догонять отрядъ за Лабой. Внезапное рѣшеніе Лермонтова посѣтить Пятигорскъ, о чемъ разсказывается ниже, было самовольнымъ поступкомъ, на который Граббе очень сердился. Примѣч. П. Виск.

ся картины величественнаго Кавказа, который смутно чудился мнѣ изъ описаній Пушкинскаго «Кавказскаго Плѣнника», наполняли душу волшебнымъ упоеніемъ. Во всю прыть неслися кони, погоняемые молодымъ осетиномъ. Онъ вгонялъ ихъ на кручу и, когда кони, обезсилѣвъ, останавливались, быстро соскакивалъ, подкладывалъ подъ заднія колеса экипажа камни, давалъ имъ передохнуть, и опять гналъ и гналъ во всю прыть. И вотъ, съ горы, на которую мы взобрались, увидалъ я знаменитую гряду Кавказскихъ горъ, а надъ ними двухъ великановъ: вершины Эльбруса и Казбека, въ неподвижномъ величіи, казалось, внимали одному Аллаху. Стали мы спускаться съ крутизны—что-то на дорогѣ въ долинѣ чернѣется. Приблизились мы и вижу я сломавшуюся телѣгу, тройку лошадей, ямщика и двухъ пассажировъ, одѣтыхъ по кавказски, съ шашками и кинжалами. Придержали мы лошадей, спрашиваемъ: чьи люди? Люди въ папахахъ и черкескахъ верблюжьяго сукна отвѣчали просьбою сказать на станціи господамъ ихъ, что съ ними случилось несчастіе—ось сломилась. Кто господа ваши? «Лермонтовъ и Столыпинъ»,—отвѣчали они разомъ.

Пріѣхавъ на станцію, я вошелъ въ комнату для проѣзжающихъ и увидалъ, уже знакомую мнѣ, личность Лермонтова, въ офицерской шинели съ отогнутымъ воротникомъ—послѣ я замѣтилъ, что онъ и на сюртукѣ своемъ имѣлъ обыкновеніе отгинать воротникъ—и другаго офицера чрезвычайно представительной наружности, высокаго роста, хорошо сложеннаго, съ низкоостриженною прекрасною головой и выразительнымъ лицомъ. Это былъ—тогда, кажется, уже капитанъ гвардейской артиллеріи—Столыпинъ. Я передалъ имъ о положеніи слугъ ихъ. Черезъ нѣсколько минутъ вошелъ, только что прискакавшій, фельдъегерь съ кожанною сумой на груди. Едва переступилъ онъ за порогъ двери, какъ Лермонтовъ, съ кликомъ: «а, фельдъегерь, фельдъегерь!» подскочилъ къ нему и началъ снимать съ него суму. Фельдъегерь сначала было заупрямился. Столыпинъ сталъ говорить, что они ѣдутъ въ дѣйствующій отрядъ, и что, можетъ быть, къ нимъ есть письма изъ Петербурга. Фельдъегерь утверждалъ, что онъ посланъ «въ армію къ начальникамъ»; но Лермонтовъ сунулъ ему что-то въ руку, выхватилъ суму и выложилъ хранившееся въ ней на столъ. Она, впрочемъ, не была ни запечатана, ни заперта. Оказались толь-

ко запечатанные казенные пакеты; писемъ не было. Я не мало удивлялся этой продѣлкѣ. Вотъ что, думалось мнѣ, могутъ дозволять себѣ петербуржцы.

Солнце уже закатилось, когда я пріѣхалъ въ городъ или, вѣрнѣе, только крѣпость Георгіевскую. Смотритель сказалъ мнѣ, что ночью ѣхать дальше не совсѣмъ безопасно. Я рѣшился остаться ночевать и, въ ожиданіи самовара, пошелъ прогуляться. Вернувшись, я только что принялся пить чай, какъ въ комнату вошли Лермонтовъ и Столыпинъ. Они поздоровались со мною, какъ со старымъ знакомымъ, и приняли приглашеніе выпить чаю. Вошедшій смотритель, на приказаніе Лермонтова запрягать лошадей, отвѣчалъ предостереженіемъ въ опасности ночнаго пути. Лермонтовъ отвѣтилъ, что онъ старый кавказецъ, бывалъ въ экспедиціяхъ и его не запугаешь. Рѣшеніе продолжать путь не измѣнилось и отъ смотрительскаго разсказа, что позавчера въ семи верстахъ отъ крѣпости зарѣзанъ былъ черкесами проѣзжій унтеръ-офицеръ. Я, съ своей стороны, тоже сталъ уговаривать лучше подождать завтрашняго дня, утверждая что-то въ родѣ того, что лучше же приберечь храбрость на время какой либо экспедиціи, чѣмъ рисковать жизнью въ борьбѣ съ ночными разбойниками. Къ тому же разразился страшный дождь и онъ-то кажется, сильнѣе доводовъ нашихъ подѣйствовалъ на Лермонтова, который рѣшился таки заночевать. Принесли что у кого было съѣстнаго, явилось на столъ кахетинское вино, и мы разговорились. Они разспрашивали меня о цѣли моей поѣздки, объяснили, что сами ѣдутъ въ отрядъ за Лабу, чтобы участвовать въ «экспедиціяхъ противъ горцевъ». Я утверждалъ, что не понимаю ихъ влеченія къ трудностямъ боевой жизни, и противопоставлялъ ей удовольствія, которыя ожидаю отъ кратковременнаго пребыванія въ Пятигорскѣ, въ хорошей квартирѣ, съ удобствами жизни и разными затѣями, которыя имъ въ отрядѣ, конечно, доступны не будутъ...

На другое утро, Лермонтовъ, входя въ комнату, въ которой я со Столыпинымъ сидѣли уже за самоваромъ, обратясь къ послѣднему, сказалъ: «Послушай, Столыпинъ, а вѣдь теперь въ Пятигорскѣ хорошо, тамъ Верзилины (онъ назвалъ еще нѣсколько именъ); поѣдемъ въ Пятигорскъ». Столыпинъ отвѣчалъ, что это невозможно. «Почему?—быстро спросилъ Лермонтовъ,—тамъ комендантъ старый Ильяшевичъ и являться къ нему нечего, ничто

намъ не мѣшаетъ. Рѣшайся, Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ». Съ этими словами Лермонтовъ вышелъ изъ комнаты. На дворѣ лилъ проливной дождь. Надо замѣтить, что Пятигорскъ стоялъ отъ Георгіевскаго на разстояніи 40 верстъ, по тогдашнему—одинъ перегонъ. Изъ Георгіевска мнѣ приходилось ѣхать въ одну сторону, имъ—въ другую.

Столыпинъ сидѣлъ задумавшись. Ну что,—спросилъ я его,—рѣшаетесь, капитанъ? «Помилуйте, какъ намъ ѣхать въ Пятигорскъ, вѣдь мнѣ поручено везти его въ отрядъ. Вонъ,—говорилъ онъ, указывая на столъ,—наша подорожная, а тамъ инструкція—посмотрите». Я поглядѣлъ на подорожную, которая лежала раскрытою, а развернуть сложенную инструкцію посовѣстился и, признаться, очень о томъ сожалѣю.

Дверь отворилась, быстро вошелъ Лермонтовъ, сѣлъ къ столу и, обратясь къ Столыпину, произнесъ повелительнымъ тономъ:

— «Столыпинъ, ѣдемъ въ Пятигорскъ!» Съ этими словами вынулъ онъ изъ кармана кошелекъ съ деньгами, взялъ изъ него монету и сказалъ: «вотъ послушай, бросаю полтинникъ, если упадетъ кверху орломъ—ѣдемъ въ отрядъ; если рѣшоткой—ѣдемъ въ Пятигорскъ. Согласенъ?»

Столыпинъ молча кивнулъ головой. Полтинникъ былъ брошенъ, и къ нашимъ ногамъ упалъ рѣшоткою вверхъ. Лермонтовъ вскочилъ и радостно закричалъ: «въ Пятигорскъ, въ Пятигорскъ! позвать людей, намъ уже запрягли!» Люди, два дюжихъ татарина, узнавъ въ чемъ дѣло, упали передъ господами и благодарили ихъ, выражая непритворную радость. Вѣрно,—думалъ я,—нелегка пришлась бы имъ жизнь въ отрядѣ.

Лошади были поданы. Я пригласилъ спутниковъ въ свою коляску. Лермонтовъ и я сидѣли на задней скамьѣ, Столыпинъ на передней. Насъ обдавало цѣлымъ потокомъ дождя. Лермонтову хотѣлось закурить трубку,—оно оказалось немыслимымъ. Дорогой и Столыпинъ и я молчали, Лермонтовъ говорилъ почти безъ умолку и все время былъ въ какомъ-то возбужденномъ состояніи. Между прочимъ онъ указывалъ намъ на озеро, кругомъ котораго онъ джигитовалъ, а трое черкесъ гонялись за нимъ, но онъ ускользнулъ отъ нихъ на лихомъ своемъ карабахскомъ конѣ.

Говорилъ Лермонтовъ и о вопросахъ, касавшихся общаго положенія дѣлъ въ Россіи. Объ одномъ высокопоставленномъ лицѣ

я услыхалъ отъ него тогда въ первый разъ въ жизни моей такое жесткое мнѣніе, что оно и теперь еще кажется мнѣ преувеличеннымъ.

Промокшіе до костей, пріѣхали мы въ Пятигорскъ и вмѣстѣ остановились на бульварѣ въ гостинницѣ, которую содержалъ армянинъ Найтаки. Минутъ черезъ 20 въ мой номеръ явились Столыпинъ и Лермонтовъ, уже переодѣтыми, въ бѣломъ какъ снѣгъ бѣльѣ и халатахъ. Лермонтовъ былъ въ шелковомъ темно-зеленомъ съ узорами халатѣ, опоясанный толстымъ снуркомъ съ золотыми жолудями на концахъ. Потирая руки отъ удовольствія, Лермонтовъ сказалъ Столыпину:

— «Вѣдь и Мартышка, Мартышка здѣсь. Я сказалъ Найтаки, чтобы послали за нимъ».

Именемъ этимъ Лермонтовъ пріятельски называлъ старинаго своего хорошаго знакомаго, а потомъ скоро противника, которому рокъ судилъ убить надёжу русскую на поединкѣ.

Я познакомился въ Пятигорскѣ со всѣми людьми, бывавшими у Лермонтова; но вѣсть о печальной кончинѣ поэта нагнала меня уже внѣ Пятигорска.

Петръ Магденко.

Сообщ. **Пав. А. Висковатый.**

Дерптъ.

Acc. 22

ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

соч. М. Ю. Лермонтова.

Варіанты первой рукописи автора.

Между автографами М. Ю. Лермонтова, хранящимися въ Императорской публичной библіотекѣ, находится рукопись «Героя нашего времени» [1]), или, вѣрнѣе, нѣкоторыхъ изъ повѣстей, составляющихъ это произведеніе дорогаго поэта нашего. Рукопись эта состоитъ изъ довольно толстой тетради въ листъ, всей исписанной рукою Лермонтова, съ многочисленными поправками и передѣлками. На заглавномъ листѣ написано: «Одинъ изъ героевъ нашего вѣка». Это, очевидно, черновая тетрадь, съ коей перебѣленъ былъ тотъ экземпляръ, съ котораго было сдѣлано первое печатное изданіе 1840 года. Уцѣлѣло не все. Мы имѣемъ передъ собою 2-ю повѣсть: «Максимъ Максимычъ», которая носитъ названіе «Изъ записокъ офицера». Тутъ же римскими цифрами поставлено II. Первой повѣсти «Бэла» нѣтъ. Затѣмъ подъ № III «Фаталистъ» и подъ конецъ: «Княжна Мери». Между листами этой тетради лежитъ полулистъ почтовой бумаги, на которомъ написано рукою Лермонтова предисловіе къ «Журналу Печорина». Почеркъ и чернила другіе. Листъ, очевидно, вырванъ изъ другой рукописи и попалъ сюда позднѣе. О томъ, чтобы описываемый экземпляръ составлялъ позднѣйшую передѣлку, и думать нельзя, потому что Лермонтовъ самъ руководилъ изданіемъ не только 1-мъ 1840 года, но и 2-мъ изданіемъ «Героя нашего времени» 1841 года. Оба эти изданія совершенно ровны между собою, число строкъ и страницъ то же, печать та же—буква въ букву. Разницу составляетъ предисловіе Лермонтова ко 2-му изданію, накиданное имъ, въ черновомъ видѣ, въ одномъ изъ своихъ альбомовъ, тоже хранящихся въ публичной библіотекѣ (сравни соч. Лермонтова, изд. 1873 г.,

[1]) Которую обязательно предоставилъ намъ разсмотрѣть А. Ѳ. Бычковъ. Рукопись состоитъ изъ 57 полулистовъ, всего 114 страницъ. П. В.

примѣч. 34, П. А. Ефремова, стр. 376). Лермонтовъ, конечно, самъ замѣнилъ и прежніе заголовки другими. Вмѣсто «Изъ записокъ офицера» онъ поставилъ «Максимъ Максимычъ», вмѣсто «Одинъ изъ героевъ нашего вѣка»—«Герой нашего времени». Во всякомъ случаѣ, если и не имъ было измѣнено это заглавіе, онъ его призналъ, такъ какъ у П. А. Ефремова находится изданіе «Героя нашего времени» 1840 года, которое самъ авторъ прислалъ княгинѣ Ольгѣ Степановнѣ Одоевской (рожд. Ланской, женѣ извѣстнаго писателя кн. Владиміра Ѳедоровича). На заглавномъ листѣ этого экземпляра, послѣ печатныхъ словъ «Герой нашего времени», Лермонтовъ поставилъ запятую и прибавилъ: «упадаетъ къ стопамъ ея прелестнаго сіятельства, умоляя позволить ему не обѣдать».

Приводить всѣхъ варіантовъ мы не станемъ по незначительности ихъ: замѣнена одного слова другимъ, одной фразы другою мало имѣетъ значенія. Но есть мѣста, которыя, для будущаго біографа Лермонтова, могутъ имѣть цѣну, и ихъ-то приводимъ мы послѣ сравненія, сдѣланнаго между рукописью и изданіемъ П. А. Ефремова 1873 года. Пагинацію мы ставимъ соображаясь съ этимъ изданіемъ.

„Максимъ Максимычъ“ или „Изъ записокъ офицера“.

Т. I, на стр. 208. Описывается внѣшній видъ Печорина:

Его походка была небрежна и лѣнива, но я замѣтилъ, что онъ не размахивалъ руками—вѣрный признакъ рѣшительности въ характерѣ. Если вѣрить тому, что каждый человѣкъ имѣетъ сходство съ какимъ нибудь животнымъ, то, конечно, Печорина можно было бы сравнить съ тигромъ. Сильный и гибкій, ласковый или мрачный, великодушный или жестокій, смотря по внушенію минуты; всегда готовый на долгую борьбу; иногда обращенный въ бѣгство, но неспособный покориться; нескучающій одинъ, въ пустынѣ съ самимъ собою, а въ обществѣ себѣ подобныхъ требующій безпрекословной покорности. По крайней мѣрѣ такимъ, казалось мнѣ, долженъ былъ быть его характеръ физическій, то есть тотъ, который зависитъ отъ нашихъ нервовъ и отъ болѣе или менѣе скораго обращенія крови. Душа—другое дѣло! Душа или покоряется природнымъ склонностямъ, или борется съ ними, или побѣждаетъ ихъ. Отъ этого—злодѣи, толпа, и люди высокой добродѣтели. Въ этомъ отношеніи Печоринъ принадлежалъ къ толпѣ, и если онъ не сталъ ни зло-

дѣемъ, ни святымъ, то это, я увѣренъ, отъ лѣни. Впрочемъ, это мои собственныя замѣчанія, основанныя на моихъ же наблюденіяхъ, и я вовсе не хочу васъ заставить вѣровать въ нихъ слѣпо.

Въ концѣ разсказа Лермонтовъ говоритъ:

Я пересмотрѣлъ записки Печорина и замѣтилъ по нѣкоторымъ мѣстамъ, что онъ готовилъ ихъ къ печати, безъ чего, конечно, я не рѣшился бы употребить во зло довѣренность штабсъ-капитана. Въ самомъ дѣлѣ, Печоринъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обращается къ читателямъ; вы это сами увидите, если то, что вы объ немъ знаете, не отбило у васъ охоты узнать его короче. На тетрадяхъ не было выставлено чиселъ. Нѣкоторыя, вѣроятно, потеряны, потому что между ними нѣтъ большой связи, а я, несмотря на дурной примѣръ, поданный намъ нѣкоторыми журналистами, никакъ не рѣшился поправлять или доканчивать чужое произведеніе, за что, конечно, онъ самъ на меня сердиться не будетъ.

„Фаталистъ“ (стр. 297).

Господа! сказалъ онъ (Вуличъ) медленно, освобождая руку: кому угодно заплатить за меня двадцать червонцевъ?

Всѣ замолчали и отошли.

Вуличъ продолжалъ: если я не долженъ умереть, то этотъ пистолетъ или не заряженъ, или осѣчется. Если суждено противное, то ничто не можетъ этому помѣшать, и такъ, тогда всѣ ваши опасенія напрасны. Онъ вышелъ въ другую комнату и сѣлъ у стола; всѣ послѣдовали за нимъ.

Стр. 303, 14-я строка снизу:

...Я люблю сомнѣваться во всемъ: это расположеніе не мѣшаетъ рѣшительности характера; напротивъ, что до меня касается, то я всегда смѣлѣе иду впередъ, когда не знаю, что̀ меня ожидаетъ. Весело испытывать судьбу, когда знаешь, что она ничего не можетъ дать хуже смерти, и что смерть неизбѣжна, и что существованіе каждаго изъ насъ, исполненное страданія или радости, темно, незамѣтно въ этомъ безбрежномъ котлѣ, называемомъ природой, гдѣ кипитъ, исчезаетъ и возрождается столь-

ко разнородныхъ жизней... Вѣдь хуже смерти ничего не случится, а смерти не минуешь.

Княжна Мери. Пятигорскъ, 12-го мая.

Тутъ въ числахъ вообще разница: вмѣсто іюня 13-го, 14-го, 18-го, 22-го, 24-го, 25-го, 26-го—стоитъ 5-го, 6-го, 10-го, 11-го, 12-го, 14-го, 15-го іюня.

[Стр. 231]. —....И какъ, въ самомъ дѣлѣ, смѣетъ кавказскій армеецъ наводить стеклышко на московскую княжну!.. Но я теперь увѣренъ, что, при первомъ случаѣ, она спроситъ кто я и почему я здѣсь, на Кавказѣ. Ей, вѣроятно, разскажутъ исторію дуэли, и особенно ея причину, которая здѣсь нѣкоторымъ извѣстна, и тогда... Вотъ у меня будетъ удивительное средство бѣсить Грушницкаго.

[Стр. 280—4-я строка сверху]. Какъ орудіе казни, я упадалъ на голову обреченныхъ жертвъ, часто безъ злобы, всегда безъ сожалѣнія. Какъ нарочно, я всегда являлся къ пятому акту ихъ драмы; невидимая сила кидала меня посреди ихъ надеждъ, намѣреній и связей, и все разрывалось, все погибало отъ моего прикосновенія... Моя любовь никому не принесла счастія...

[Стр. 280, строка 1-я снизу]. ....открылъ романъ Вальтеръ-Скотта, лежавшій у меня на столѣ; то были «Шотландскіе Пуритане»; я читалъ сначала съ усиліемъ, потомъ забылся, увлеченный волшебнымъ вымысломъ. Неужели шотландскому барду на томъ свѣтѣ платятъ за каждую минуту, которую даритъ его книга....

[Стр. 289]. ...Вотъ оно, это письмо, котораго каждое слово неизгладимо врѣзалось въ моей памяти [1]). Я его храню какъ сокровище. Стыдно признаться! Я нахожу утѣшеніе въ мысли, что былъ любимъ какъ немногіе на этомъ свѣтѣ.

[Стр. 290 (письмо Вѣры), строка 13-я сверху]. .....и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ.

(Вмѣсто напечатаннаго продолженія и конца письма стоитъ слѣдующее):

«Прощай, мой бѣдный другъ; я рада, что не увидимся передъ разставаньемъ. Я знаю, ты нынче долженъ драться съ

[1]) Дѣло идетъ о письмѣ, которое Вѣра написала Печорину, уѣзжая.

Грушницкимъ, но увѣрена также, что ты останешься живъ. Мое сердце иначе бы мнѣ сказало противное. Прощай! Не все ли равно? Во всякомъ случаѣ, я тебя теряю на вѣки! Мери тебя любитъ..... Если что нибудь доброе проснется въ душѣ твоей, женись на ней, она тебя любитъ..... Ребенокъ! Вчера она мнѣ разсказала все. Мнѣ стало жаль ее. Она думаетъ, смотря на твое поведеніе, что ты ее любишь, потому что защитилъ такъ горячо ея честь. Она думаетъ, что ты хотѣлъ испытать ее ... Я ей ничего не сказала, поцѣловала ее и благословила!... О, не погуби ее!... Одной довольно! Я не стану тебя увѣрять, что не переживу нашей разлуки... къ чему?... Одинъ лишній горькій прощальный поцѣлуй не обогатитъ твоихъ воспоминаній, а мнѣ послѣ него труднѣе съ тобою разстаться.... Вѣра.

P. S. Одно меня мучаетъ: что если ты въ самомъ дѣлѣ любишь Мери? О, неправда ли, этого не можетъ быть!»...

[Стр. 291, внизу]. Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили мою горящую голову и мысли пришли въ обыкновенный (обычный) порядокъ...

(Съ этихъ словъ и до словъ: противъ дула пистолета, строка 3-я, на стр. 292, въ первоначальномъ видѣ написано слѣдующее):

....Я сталъ припоминать выраженія письма Вѣры, старался объяснить себѣ причины, побудившія ее къ этой странной, трагической выходкѣ.

Вотъ послѣдовательный порядокъ моихъ размышленій:

1) Если она меня любитъ, то зачѣмъ же такъ скоро уѣхала и не простясь, не полюбопытствовавъ даже узнать, убитъ я или нѣтъ? Не вѣрю я этимъ предчувствіямъ сердца, да и ей бы не должно на нихъ такъ слѣпо полагаться.

2) Но вѣдь намъ надобно же было когда нибудь разстаться, и она хотѣла своимъ отъѣздомъ произвести на меня, въ послѣдній разъ, глубокое, неизгладимое впечатлѣніе?... Эгоизмъ!...

3) Женщины вообще любятъ драматизировать свои чувства и поступки; сдѣлать сцену почитаютъ они обязанностью.

4) Но тутъ еще, можетъ быть, скрывается маленькая ревность. Вѣра думаетъ, что я влюбленъ въ княжну и хочетъ своимъ великодушіемъ привязать меня болѣе къ себѣ, или даже, зная мой характеръ, она думаетъ, что я княжну оставлю и погонюсь за нею, потому что блага, которыя мы теряемъ, полу-

чаютъ въ глазахъ нашихъ двойную цѣну.... Если такъ, то она ошиблась—я слишкомъ лѣнивъ.

5) Или она великодушно уступаетъ меня княжнѣ? Это отъ нея, пожалуй, станется! Но, въ такомъ случаѣ, она меня не любитъ.

6) И какое же право я имѣю требовать ея любви? Развѣ не я первый началъ платить за ея ласки холодностью, за жертвы равнодушіемъ и насмѣшкой!

7) Теперь, когда я знаю, что все между нами кончено, мнѣ кажется, что я ее любилъ истинно. Одно меня печалитъ - это письмо. Неужели она не могла обойтись безъ пышныхъ фразъ и декламацій?

8) Я былъ дуракъ, что такъ мучился нѣсколько часовъ сряду: что значатъ разстроенные нервы, ночь безъ сна, двѣ минуты противъ дула пистолета.

(И т. д., какъ въ печатномъ изданіи).

Другихъ, болѣе значительныхъ, варіантовъ нѣтъ; мелкія передѣлки отдѣльныхъ словъ показываютъ извѣстный уже способъ работы Лермонтова надъ его слогомъ. Приведенные нами варіанты важны въ смыслѣ уясненія отношенія Лермонтова къ своему герою. Они поясняютъ взглядъ автора, высказанный имъ въ предисловіи къ журналу Печорина (стр. 214): «Исторія души человѣческой, хотя бы самой мелкой души, едва ли не любопытнѣе и не полезнѣе исторіи цѣлаго народа, особенно когда она—слѣдствіе наблюденій ума зрѣлаго надъ самимъ собою, и когда она писана безъ тщеславнаго желанія возбудить участіе или удивленіе. Исповѣдь Руссо имѣетъ уже тотъ недостатокъ, что онъ читалъ ее своимъ друзьямъ».

Заставляя Печорина анализировать самого себя, Лермонтовъ самъ подвергаетъ анализу «Героя времени». Успѣлъ ли авторъ въ этомъ анализѣ, былъ ли самъ онъ тогда вполнѣ зрѣлаго развитія—это дѣло критика и біографа; здѣсь же, гдѣ мы даемъ матеріалъ, было бы неумѣстно входить въ оцѣнку самаго произведенія или личности автора.

Пав. Висковатый.

С.-Пб., 4-го іюля 1878 г.

Autol. 23

ПОРТРЕТЫ ГОГОЛЯ И РИСУНКИ КЪ ЕГО СОЧИНЕНІЯМЪ.

I.

«...Завѣщаю.... но я вспомнилъ, что уже не могу этимъ располагать. Неосмотрительнымъ образомъ похищено у меня право собственности: безъ моей воли и позволенія опубликованъ мой портретъ. По многимъ причинамъ, которыя мнѣ объявлять не нужно, я не хотѣлъ этого, не продавалъ никому права на его публичное изданіе и отказывалъ всѣмъ книгопродавцамъ, доселѣ приступавшимъ ко мнѣ съ предложеніемъ, и только въ такомъ случаѣ предполагалъ себѣ это позволить, еслибы помогъ мнѣ Богъ совершить тотъ трудъ, которымъ мысль моя была занята во всю жизнь мою, и притомъ такъ совершить его, чтобы всѣ мои соотечественники сказали въ одинъ голосъ, что я честно исполнилъ свое дѣло, и даже пожелали бы узнать черты лица того человѣка, который до времени работалъ въ тишинѣ и не хотѣлъ пользоваться незаслуженной извѣстностью. Съ этимъ соединялось другое обстоятельство: портретъ мой въ такомъ случаѣ могъ распродаться вдругъ во множествѣ экземпляровъ, принеся значительный доходъ тому художнику, который долженъ былъ гравировать его. Художникъ этотъ уже нѣсколько лѣтъ трудился, въ Римѣ, надъ гравированіемъ безсмертной картины Рафаэля: Преображеніе Господне. Онъ всѣмъ пожертвовалъ для труда своего—труда убійственнаго, пожирающаго годы и здоровье, и съ такимъ совершенствомъ исполнилъ свое дѣло, подходящее нынѣ къ концу, съ какимъ не исполнялъ еще ни одинъ изъ граверовъ. Но, по причинѣ высокой цѣны и малаго числа знатоковъ, эстампъ его не можетъ разойтись въ такомъ количествѣ, чтобы вознаградить его за все; мой портретъ ему помогъ-бы. Теперь планъ мой разрушенъ: разъ опубликованное изображеніе кого-бы то ни было дѣлается уже собственностью каждаго, занимающагося изданіями гравюръ и литографій. Но если бы случилось такъ, что, послѣ моей смерти, письма, послѣ меня изданныя, доставили бы какую нибудь общественную пользу (хотя-бы даже однимъ только чистосердечнымъ стремленіемъ ее доставить) и пожелали бы мои соотечественники увидѣть и портретъ мой, то я прошу всѣхъ таковыхъ издателей благородно отказаться отъ своего права; тѣхъ же моихъ читателей, которые по излишней благосклонности ко всему, что ни пользуется извѣстностью, завели у себя какой нибудь портретъ мой, прошу уничтожить его тутъ-же, по прочтеніи сихъ строкъ, тѣмъ болѣе, что онъ сдѣланъ дурно и безъ сходства, и покупать только тотъ, на которомъ будетъ выставлено: гравированъ Іорданомъ. Симъ будетъ сдѣлано, по крайней мѣрѣ, справедливое дѣло».....

Р. Сѣ. 1878, V.

Таковъ послѣдній пунктъ извѣстнаго „завѣщанія“ Гоголя, написаннаго въ 1845 г. и появившагося въ печати въ знаменитой „Перепискѣ съ друзьями“, изданной въ 1847 г. [1]), а ровно десять лѣтъ спустя, при изданіи его сочиненій, явился и портретъ, гравированный Ѳ. Іорданомъ.

Какіе же портреты Гоголя были извѣстны публикѣ—до того времени и послѣ?

Всѣ они, не смотря на многочисленность свою и разнообразіе, сводятся только къ четыремъ типамъ, или, лучше сказать, представляютъ болѣе или менѣе удачное воспроизведеніе четырехъ оригинальныхъ портретовъ, писанныхъ съ Гоголя [2]). Два изъ нихъ сдѣланы почти въ одно и то же время и въ одномъ и томъ-же мѣстѣ двумя извѣстными нашими художниками: А. А. Ивановымъ и Ѳ. А. Моллеромъ, въ Римѣ, въ 1841 г., т. е. въ лучшую пору литературной дѣятельности Гоголя, заканчивавшаго тогда I-й томъ „Мертвыхъ Душъ“. Третій оригиналъ набросанъ карандашомъ студентомъ Э. А. Мамоновымъ, одиннадцать лѣтъ спустя, въ Москвѣ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ кончины Гоголя. Что касается до четвертаго оригинала, съ котораго была издана въ 1844 г. литографія, то кѣмъ и когда онъ писанъ—мы сказать не можемъ, за полнымъ отсутствіемъ всякихъ о томъ указаній. Въ дополненіе мы упомянемъ ниже о двухъ-трехъ особыхъ листкахъ, не подходящихъ подъ указанные типы.

I. По отзыву лицъ, близко знавшихъ Гоголя, наиболѣе удачный и схожій портретъ его принадлежитъ кисти А. А. Иванова [3]), который писалъ его съ Гоголя въ Римѣ, въ 1841 г., для В. А. Жуковскаго. Портретъ этотъ былъ переданъ Гоголемъ Жуковскому, при свиданіи съ нимъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ сентябрѣ 1841 года. Съ тѣхъ поръ онъ хранился у Жуковскаго до самой его кончины, а потомъ перешелъ къ его сыну и, наконецъ, къ М. Х. Рейтерну, у котораго и находится въ настоящее время. Съ этого-то портрета приложена къ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 года самая точная копія, въ натуральную величину подлинника, который такимъ

---

[1]) По изд. Кулиша, 1857 г., т. III-й, стр. 334—335. П. Е.

[2]) Всѣ обозрѣваемые въ этой статьѣ портреты Гоголя—именно политипажи, гравюры и литографіи—находятся въ обширномъ «собраніи портретовъ русскихъ людей», принадлежащемъ П. А. Ефремову, всегда обязательно предоставляющій замѣчательныя свои собранія книгъ и портретовъ на пользованіе тѣхъ, кому встрѣтится въ этомъ надобность. Ред.

[3]) Знаменитый художникъ, которому принадлежитъ «Явленіе Іисуса Христа народу», Александръ Андреевичъ Ивановъ умеръ въ С.-Петербургѣ, 3-го іюля 1858-го года. П. Е.

образомъ въ первый разъ дѣлается извѣстнымъ публикѣ, потому что многочисленныя съ него литографіи нисколько его не передавали и притомъ, какъ увидимъ, были сдѣланы не съ самаго подлинника, а съ рисунка, снятаго съ него неизвѣстно кѣмъ. Правда, послѣ смерти Жуковскаго хранившійся у него портретъ Гоголя былъ нѣсколько времени у Ал. Ѳед. Отто, который и сдѣлалъ съ него двѣнадцать фотографій, обязательно передавъ одну изъ нихъ въ нашу коллекцію портретовъ русскихъ людей, но уже самое количество снимковъ указываетъ на то, что изданіе это было только для немногихъ. Сдѣланная же самимъ Ивановымъ копія съ портрета Гоголя хранилась у художника до его кончины и въ послѣдствіи поступила въ Московскій музей; но съ нея не было издано ни литографій, ни гравюръ, ни фотографій [1]).

Съ этого портрета были изданы слѣдующія литографіи:

Первый появившійся въ публикѣ портретъ былъ приложенъ къ одиннадцатой кн. „Москвитянина“ 1843 г. Онъ былъ рисованъ на камнѣ П. Зенковымъ и отпечатанъ въ литографіи Кирстена, но до того несхожъ съ подлинникомъ Иванова, что (какъ мы сказали выше) нельзя допустить, чтобъ онъ былъ сдѣланъ прямо съ него. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и разсказъ Н. В. Берга, хотя нѣсколько легендарный, о происхожденіи указываемой литографіи. „Исторія этого портрета,—говоритъ г. Бергъ,—можетъ быть разсказана какъ черта Гоголевскаго характера. М. П. Погодинъ постоянно просилъ своего пріятеля о портретѣ; тотъ обѣщалъ. Проходили однако же дни, мѣсяцы, годы—портрета не было. Однажды, послѣ отъѣзда Гоголя изъ Москвы—отъѣзда, какъ всѣ его отъѣзды, внезапнаго, таинственнаго, безъ всякихъ проводовъ, нашли въ нумерѣ, гдѣ онъ жилъ, какъ бы забытый портретъ. Общій голосъ присудилъ отдать его Погодину, какъ виновнику того, что портретъ такъ или иначе явился. Почему бы не отдать руками? Почему портретъ не конченъ? Почему это только эскизъ, набросанный кое-какъ, когда торопятъ, грозятъ уйти, не сидятъ спокойно?“ Подчеркнутыя нами строки прямо указываютъ, что оставленный Гоголемъ оригиналъ, вѣроятно, былъ сдѣланъ съ подлинника, хранившагося у Жуковскаго, наскоро, можетъ быть даже, самимъ Гоголемъ, изрядно рисовавшимъ еще въ школѣ. Портретъ Ивановымъ вполнѣ оконченъ и нисколько не походитъ на эскизъ, между тѣмъ какъ въ литографіи чего-то недостаетъ, глаза поставлены

[1]) Въ январѣ 1878 г. поступилъ въ Императорскую публичную библіотеку отъ г. Боткина портретъ Гоголя, сдѣланный А. А. Ивановымъ, позднѣе, передъ поѣздкою Гоголя въ Іерусалимъ. П. Е.

какъ-то бокомъ, уменьшены и до половины закрыты опухшими вѣками; кромѣ того, раздута правая щека; прическа приплюснута, выраженія въ лицѣ никакого.

Съ этой литографіи сдѣлана была копія нашимъ почтеннымъ художникомъ Кирилломъ Антоновичемъ Горбуновымъ, другомъ В. Г. Бѣлинскаго, нарисовавшимъ и отлитографировавшимъ въ 1843—1845 г. лучшіе портреты: самого Бѣлинскаго, А. В. Кольцова, Т. Н. Грановскаго, А. И. Герцена, его отца—И. А. Яковлева, Е. Ѳ. Корша, П. В. Анненкова и др. [1]).—„Ни одинъ изъ существующихъ портретовъ Гоголя не передаетъ его какъ надо“, говоритъ Н. В. Бергъ. „Лучшій—это литографія Горбунова съ портрета Иванова, въ халатѣ. Она случайно вышла лучше оригинала“. Къ послѣднимъ словамъ мы сдѣлаемъ однако поправку: оригиналомъ г. Бергъ, конечно, считаетъ рисунокъ, принадлежавшій Погодину, о которомъ говорено выше, а никакъ не подлинникъ Иванова, по видимому, оставшійся вовсе ему неизвѣстнымъ.

Съ этихъ же литографій было сдѣлано еще четыре копіи, появившіяся уже по смерти Гоголя. Всѣ онѣ очень плохи, не исключая даже сдѣланной г. Тиммомъ, въ которой кромѣ того исчезла даже эспаньолка. Портретъ, сдѣланный Тиммомъ, помѣщенъ въ № 8-мъ „Художественнаго Листка“ 1852 г. Вторую копію рисовалъ на камнѣ М. Барышевъ, печаталъ Дарленгъ; она издана отдѣльно. Третья копія, тоже явившаяся отдѣльно, не имѣетъ подписей рисовальщика и литографа, и дурна до невѣроятія. Наконецъ, четвертая, совсѣмъ плохая, также не имѣетъ подписей, и была приложена къ книгѣ: „Въ память столѣтія русскаго театра“ (Спб. 1856 г.).

II. Второй оригиналъ писанъ съ Гоголя въ Римѣ-же, лѣтомъ 1841 г., Ѳ. А. Моллеромъ. П. В. Анненковъ, жившій въ то время рядомъ съ Гоголемъ, разсказываетъ, между прочимъ, что въ концѣ лѣта, передъ выѣздомъ его изъ Рима, Гоголь не принималъ участія въ устраивавшихся загородныхъ поѣздкахъ. „Извѣстный нашъ художникъ Ѳ. А. Моллеръ, оканчивавшій свою „Русалку“, писалъ въ это же время портретъ Гоголя. По возвращеніи моемъ изъ Субіако, я разъ засталъ въ его мастерской Н. В. за сеансомъ. Вѣроятно, сеансы эти и были причиной, помѣшавшей Гоголю принять участіе въ нашей прогулкѣ. Показывая мнѣ свой портретъ, Н. В. замѣтилъ: „писать съ меня весьма трудно; у меня по днямъ бываютъ различныя

[1]) Имъ-же написанъ портретъ М. Ю. Лермонтова, незадолго до смерти его, въ послѣдній пріѣздъ съ Кавказа. П. Е

лица, да иногда и на одномъ днѣ нѣсколько совершенно различныхъ выраженій", что̀ подтвердилъ и Ѳ. А. Моллеръ. Портретъ извѣстенъ: это мастерская вещь, но саркастическая улыбка, кажется намъ, взята Гоголемъ только для сеанса. Она искусственна и никогда не составляла главной принадлежности его лица" („Библ. для чтенія" 1857, № 11). Объ этомъ же портретѣ есть замѣтка и у Н. В. Берга. Задавши вопросъ: почему портретъ Гоголя рисовалъ Ивановъ—живописецъ вовсе не портретный, Бергъ продолжаетъ: „О портретѣ работы Моллера (опять таки не портретиста) слышалъ я, что онъ заказанъ былъ Гоголемъ для отсылки въ Малороссію, къ матери, послѣ убѣдительныхъ просьбъ цѣлаго семейства. Гоголь, по видимому, думалъ тогда, какъ бы сняться покрасивѣе: надѣлъ сюртукъ, въ какомъ его никогда не видали ни прежде, ни послѣ; растянулъ по жилету невѣроятную бисерную цѣпочку; сѣлъ прямо, можетъ быть, для того, чтобы спрятать отъ потомковъ, сколь возможно болѣе, свой длинный носъ, который, впрочемъ, былъ не особенно длиненъ".

Этотъ общеизвѣстный портретъ прилагается теперь къ изданіямъ сочиненій Гоголя, но при жизни его ни въ гравюрѣ, ни въ литографіи не являлся. То обстоятельство, что именно съ этого оригинала была сдѣлана гравюра Ѳ. И. Іорданомъ, который упомянутъ въ приведенной выше выпискѣ изъ „завѣщанія" Гоголя, могло бы, по видимому, служить ручательствомъ за исключительное сходство этого портрета, но, съ другой стороны, можно равномѣрно предположить, что оригиналъ Иванова не былъ извѣстенъ ни Іордану, ни Кулишу, приложившему эту гравюру къ изданію сочиненій Гоголя 1858 г., а можетъ быть, и былъ извѣстенъ, но Кулишъ самъ нашелъ Моллеровскій портретъ лучшимъ [1]).

Нерѣшеннымъ, за недостаткомъ данныхъ, остается вопросъ: кто прежде писалъ съ Гоголя: Ивановъ или Моллеръ? Мы думаемъ, что прежде писалъ Моллеръ, потому что иначе г. Анненковъ не оставилъ бы безъ упоминанія, что съ Гоголя уже былъ писанъ портретъ въ томъ же самомъ году Ивановымъ. Напротивъ, неоднократно упоминая о встрѣчахъ у Гоголя съ Ивановымъ и Іорданомъ, г. Анненковъ ни однимъ словомъ не проговаривается о портретѣ. Лѣтомъ Моллеръ написалъ портретъ, а осенью Гоголь собирался на поѣздку изъ Рима,

[1]) Не могу удержаться, чтобъ не разсказать кстати курьезнаго факта, характеризующаго личные вкусы. К. С. Сербиновичъ, редактировавшій послѣднее изданіе сочиненій Жуковскаго, пересматривалъ у г. Мюнстера и въ моей коллекціи портреты Жуковскаго; при этомъ онъ отбрасывалъ всѣ, на которыхъ Жуковскій былъ безъ звѣзды, и дѣлалъ выборъ только изъ звѣздоносныхъ. П. Е.

и между прочимъ во Франкфуртъ, къ Жуковскому, которому былъ уже обѣщанъ портретъ. Не желая, можетъ быть, утруждать Моллера просьбою о второмъ портретѣ, а себя продолжительными сеансами, онъ, вѣроятно, обратился къ Иванову за маленькимъ портретомъ. Зная притомъ характеръ Гоголя, можно предположить, что тайна двухъ портретовъ такъ и оставалась при немъ, и этимъ, кажется, можно объяснить умолчаніе въ „завѣщаніи“ имени художника, писавшаго тотъ портретъ, который долженъ былъ награвировать Іорданъ.

Мы уже сказали, что г. Іорданъ именно съ оригинала Моллера сдѣлалъ свою гравюру для изданія г. Кулиша въ 1857 г. Вторая гравюра, нѣсколько уменьшенная противъ первой, была сдѣлана г. Іорданомъ для изданія сочиненій Гоголя, напечатаннаго его родственниками въ 1864 г. Къ слѣдующимъ изданіямъ сочиненій прилагалась уже геліогравюра (по способу Скамони), сдѣланная со второй гравюры. Знаемъ мы еще третью гравюру, уменьшенную съ первой и очень неудачную. Она сдѣлана L. Sichling'омъ, въ Лейпцигѣ, въ 1863 г., и приложена къ контрфакціи сочиненій Гоголя, изданной въ Лейпцигѣ, въ 1863 г., въ 4-хъ томахъ. (Это дословная перепечатка изданія г. Кулиша, съ исключеніемъ писемъ, составляющихъ 5-й и 6-й томы петербургскаго изданія).

Болѣе гравированныхъ портретовъ Гоголя ни съ какого оригинала сдѣлано не было, исключая маленькой профили [1]), о которой будетъ сказано ниже.

Съ Моллеровскаго портрета мы знаемъ три литографіи и пять политипажей: лучшая литографія приложена къ изданію „Лицей кн. Безбородко“ (Спб. 1859); она рисована на камнѣ П. Борелемъ и печатана В. Дарленгомъ; вторая помѣщена въ извѣстномъ изданіи г. Мюнстера, печатана въ его литографіи, и хотя тоже рисована Борелемъ, но гораздо хуже предыдущей; наконецъ, третья, крайне плохая и несхожая, издана отдѣльно; она рисована на камнѣ М. Барышевымъ и печатана въ литографіи Прохорова. Всѣ три въ большой полулистъ. Изъ политипажей довольно сносный помѣщенъ въ „Варшавскомъ иллюстрированномъ календарѣ“ (Kalendarz illustr.) 1870 г., на стр. 109; болѣе неудовлетворительный находится въ „Нивѣ“ 1870 г., № 3, стр. 37, и совсѣмъ несхожій, представляющій какого-то плачущаго мастероваго вмѣсто Гоголя, явился при 3-мъ томѣ „Русской Библіотеки“ (Спб. 1874); дѣланъ онъ въ Берлинѣ въ ксилографическомъ заведеніи „O. Ebel“. Наконецъ, очень недурной политипажъ нахо-

[1]) Этотъ и лейпцигскій портретъ не указаны въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Д. А. Ровинскаго. П. Е.

дится въ „Исторіи русской литературы“ П. Н. Полеваго (2-е изд. Спб. 1874 г.) и хорошій политипажъ помѣщенъ во «Всемірной Иллюстраціи» № 458, изд. 1877-го года.

III. Третій оригиналъ когда и кѣмъ дѣланъ съ Гоголя—неизвѣстно. Гоголь изображенъ полуразвалившимся на готическомъ креслѣ. Голова немного повернутая вправо, опирается на лѣвую руку, которой кисть запущена въ волосы, а локоть лежитъ на ручкѣ кресла; правая рука свѣсилась съ другой ручки и видна до половины. Одѣтъ онъ, по видимому, въ сѣрый сюртукъ или пальто съ бархатнымъ чернымъ воротникомъ; жилетка однобортная, застегнутая до половины пятью пуговицами, а верхняя часть держится сверху одною, какъ во́ротъ русской рубашки; ни галстуха, ни сорочки не видно. Лицо типомъ своимъ нѣсколько напоминаетъ Моллеровскій, но сильно раздуто въ нижней половинѣ и снабжено до невѣроятности толстыми губами.

Литографія эта была приложена къ „Молодику“ на 1844 г., вышедшему въ Петербургѣ, и печатана у Поля; ни художника, ни рисовальщика на камнѣ—не означено.

Этотъ портретъ, Москвитянинскій и Горбуновскій—были единственные, появившіеся при жизни Гоголя. Съ этой литографіи сдѣланъ былъ политипажъ, приложенный къ книгѣ: „Nordisches Novellenbuch von Robert Lippert“ (t. II, 1846, Leipzig), и двѣ литографіи, появившіяся въ продажѣ вскорѣ послѣ смерти Гоголя: одна рисована П. Борелемъ и отпечатана у А. Мюнстера, другая рисована Н. Зенгеромъ, но гдѣ отпечатана—неизвѣстно; это, кажется, самый отвратительный листокъ и по рисовкѣ, и по литографированью. Во всѣхъ трехъ копіяхъ кресло, находящееся въ литографіи, приложенной къ „Молодику“, уничтожено и лѣвая рука опущена внизъ, причемъ почти изъ поколѣннаго портрета сдѣланъ грудной.

IV. Четвертый оригиналъ сдѣланъ съ Гоголя 22-го февраля 1852 г., нѣсколько часовъ спустя послѣ его кончины. Онъ набросанъ карандашомъ Э. А. Мамоновымъ и вскорѣ появился въ литографіи. Стоя подлѣ гроба Гоголя, я видѣлъ и рисуемый портретъ, и потому могу ручаться за поразительное сходство. Голова въ профиль на лѣво, въ лавровомъ вѣнкѣ; гроба вовсе не видно. Эта прекрасная литографія, къ сожалѣнію, не встрѣчается теперь, потому что въ свое время разошлась очень быстро. На ней помѣты рисовальщика и литографа вовсе нѣтъ.

Кромѣ нея тогда-же появились двѣ литографіи, изображающія Гоголя въ гробѣ. Онѣ—одна хуже другой: первую рисовалъ съ натуры П. Зеньковъ, на камнѣ Пашенный, а печаталъ В. Дар-

ленгъ; она въ большой листъ и въ ней особенно тщательно выдѣланъ только гробъ, сходства-же мало; притомъ, художникъ нарисовалъ Гоголя безъ вѣнка, но вѣнокъ во время рисовки снятъ съ головы не былъ, поэтому лобъ нарисованъ „по соображенію", отчего онъ и явился вовсе не Гоголевскимъ: маленькій и необыкновенно крутой. Вторая литографія имѣетъ подписи: „dess. d'après nature par Theod. Andreef le 23 Fevrier 1852 à Moscou. Собственность издателя". Гоголь, нисколько не похожій, изображенъ въ такомъ преогромномъ гробѣ, что можно-бы по бокамъ уложить еще двоихъ или троихъ; справа горитъ свѣча; сверху, въ облакахъ, Сатурнъ ломаетъ косу о книгу, на которой написано: „Сочиненія Гоголя"; вокругъ разбросано еще 8 книгъ съ надписями разныхъ отдѣльныхъ сочиненій Гоголя: Мертвыя Души, Женитьба и пр. Отъ книгъ по обоимъ бокамъ рисунка спускаются розовыя гирлянды.

Кстати укажемъ, что въ то же время былъ изданъ г. Солоницынымъ большой литографированный листъ, изображающій сожженіе 2-го тома Мертвыхъ Душъ. Гоголь сидитъ передъ печью съ кочергою, весь зеленый и костлявый; передъ нимъ на колѣнахъ слуга, умоляющій не жечь рукописи, а сзади преогромный скелетъ съ косою—смерть. Эта курьезная литографія крайне рѣдка.

V. Вскорѣ послѣ похоронъ Гоголя появился его литографированный портретъ, въ профиль налѣво, съ помѣтой: „Э. Мамоновъ. 1852 г. марта 5-го". Портретъ этотъ сдѣланъ Мамоновымъ съ его же рисунка мертваго Гоголя. Н. В. Бергъ замѣчаетъ: „Гоголевская мина вообще схвачена вѣрнѣе всего въ очеркѣ Э. А. Мамонова, сдѣланомъ наизусть. Но этотъ очеркъ страдаетъ недостатками, свойственными произведеніямъ такого рода: многое невѣрно; носъ длиннѣе чѣмъ былъ у Гоголя.... волосы не совсѣмъ такъ. За то галстухъ повязанъ точь въ точь какъ повязывалъ его Гоголь". Замѣчаніе о длинѣ носа тѣмъ и объясняется, что профиль живаго сдѣлана съ профили покойника, когда носъ, осунувшись, удлинняется; волосы у покойника тоже были отчасти закрыты вѣнкомъ.

Совершенно схожая съ предыдущей литографія, имѣющая помѣту: „Э. Мамоновъ. 1852 г. 22-го марта", была приложена къ „Московскому Сборнику" 1852 г., и съ того же оригинала менѣе удачное воспроизведеніе находится при книгѣ П. А. Кулиша: „Записки о жизни Гоголя" (Спб. 1857). Наконецъ, та же профиль, повернутая вправо, помѣщена въ изданномъ Н. Н. Полевымъ альбомѣ портретовъ русскихъ писателей (М. 1860 г.), съ помѣтою: „литографія В. Бахмана".

VI. Маленькая профиль Гоголя, влѣво, въ дюймъ величиною, награвирована вмѣстѣ съ другими писателями на одномъ изъ листковъ при изданіи М. О. Вольфа: „Русскіе люди“ (Спб. 1866, т. 2). Она непохожа на Мамоновскую и ни на какія другія, почему и означаемъ ее особо.

VII. Въ прежней „Иллюстраціи“ также были помѣщены два портрета Гоголя: одинъ, сдѣланный съ молодаго Гоголя, въ лицейскомъ мундирѣ, профиль влѣво, поясной („Илл.“ 1858 г.) и другой съ Иванова или Мѳллера, трудно рѣшить—маленькій, въ кружочкѣ съ другими писателями, болѣе похожій на черное пятно („Илл.“ 1861 г. № 155).

VIII. Для полноты замѣтимъ, что, на другой день послѣ смерти Гоголя, была снята съ него маска Н. А. Рамазановымъ и вскорѣ появилась въ продажѣ вмѣстѣ съ маленькими, четверти въ полторы, гипсовыми бюстиками, которые также приписывались Рамазанову. Съ такого бюстика есть политипажъ, помѣщаемый на объявленіи и въ самомъ изданіи А. Н. Галяшкина картинъ къ „Вечерамъ на хуторѣ“, (Москва, 1874—1877 гг.); а изображеніе, сдѣланное съ маски, есть въ „Нивѣ“ изд. 1870 г., № 3.

Мы слышали также о небольшомъ рисункѣ, сдѣланномъ въ началѣ 1840-хъ годовъ, гдѣ изображены во весь ростъ (конечно, въ маленькомъ видѣ) всѣ наши художники, бывшіе въ то время въ Римѣ какъ-то: Моллеръ, Ставассеръ, Штернбергъ и др., а посреди ихъ и Гоголь. Видѣть этого рисунка намъ не случалось.

Видъ могилы Гоголя, какою она была вскорѣ послѣ погребенія, помѣщенъ въ „Художественномъ Листкѣ“ 1853 г., а изображеніе памятника (на кладбищѣ московскаго Данилова монастыря) находится „въ Иллюстраціи“ 1862 г., № 203. Памятникъ представляетъ массивную усѣченную пирамиду изъ чернаго мрамора; на верхней сторонѣ написано: „Здѣсь погребено тѣло Николая Васильевича Гоголя. Родился 19-го марта 1809 года; скончался 21-го февраля 1852 г.“; слѣва: „мужъ разумивый престолъ чувствія (прит., гл. 12, ст. 23)“, „правда возвышаетъ языкъ (прит., гл. 13, стр. 34)“; справа: „истиннымъ же уста исполнитъ смѣха, устнѣ же ихъ исповѣданія (Іова, гл. 8, ст. 21)“ и въ ногахъ: „горькимъ словомъ моимъ посмѣюся (Іова, гл. 20, ст. 8)“.

II.

Независимо отъ обзора портретовъ Гоголя, считаемъ необходимымъ указать здѣсь какія изъ произведеній Гоголя были иллюстрированы нашими художниками.

Въ 1846—1847 гг. Агинъ и Бернадскій начали издавать прекрасные политипажи къ 1-му тому „Мертвыхъ Душъ“. Ихъ должно было выйти 100 рисунковъ, въ 25-ти выпускахъ, по 4 въ каждомъ, но вышло только 72 (18 выпусковъ) и изданіе пріостановлено по независившимъ отъ художниковъ обстоятельствамъ. Затѣмъ, изъ числа невышедшихъ рисунковъ, два (Капитанъ Копѣйкинъ съ англичанкою и онъ же съ швейцаромъ) были помѣщены въ „Иллюстрированномъ альманахѣ“ на 1848 г., тоже не вышедшемъ, и одинъ (Капитанъ Копѣйкинъ въ коммисіи)—въ „Иллюстрированномъ Сборникѣ“ на 1849 г. Такъ что всѣхъ рисунковъ было сдѣлано 75.

Иллюстраціи къ 2-му тому „Мертвыхъ Душъ“ П. Боклевскаго помѣщались въ „Пчелѣ“ 1875 г., но это скорѣе каррикатуры, а не типы.

Къ „Ревизору“ — изображеніе послѣдней сцены было помѣщено въ „Репертуарѣ“ 1840 г., а въ 1863 г. отдѣльно издано въ Москвѣ 5 большихъ литографій въ особомъ альбомѣ, подъ заглавіемъ: „Бюрократическій катихизисъ, пять сценъ изъ Ревизора. Эскизы Боклевскаго“. Эти листы нельзя назвать и каррикатурами, до того они неудачны и грубо-балаганны. Съ нихъ сдѣланы политипажи, съ небольшими измѣненіями, явившіеся также въ видѣ альбома изъ пяти листовъ, подъ заглавіемъ: „Сцены изъ Ревизора.“—Кромѣ этого у насъ есть листъ, помѣченный № 2-мъ, съ подписью: „Осипъ, слуга Хлестакова“. Но полнаго изданія видѣть намъ не случалось. Оно вышло въ Москвѣ, изъ литографіи В. Бахмана.

Къ „Носу“ у насъ есть двѣ большія литографіи, изображающія: „№ 1-й: Цырюльникъ Иванъ Яковлевъ находитъ носъ въ печеномъ хлѣбѣ“ и „№ 2-й: Угрозы квартальнаго надзирателя Ивану Яковлеву“. Онѣ рисованы и изданы въ апрѣлѣ 1863 г., въ Москвѣ, Э. Мелье, а печатаны въ литографіи А. Ерина. Несравненно лучше и умнѣе предыдущаго изданія. Было ли продолженіе—не знаемъ.

Къ „Тарасу Бульбѣ“ изданы А. А. Ильинымъ 6 прекрасныхъ хромолитографій съ рисунковъ, сдѣланныхъ академикомъ Павломъ Соколовымъ въ 1861—1867 гг. [1]).

[1]) Эти шесть хромолитографій продаются, въ видѣ альбома, за 30 руб., но въ него не вошелъ седьмой и весьма эффектно исполненный рисунокъ «Казнь Остапа Бульбы въ Варшавѣ». Остапъ изображенъ на эшафотѣ, въ рубищѣ, въ

Въ альбомѣ: „Художественная Складчина“ (Спб. 1875) помѣщенъ eau forte Крамского съ его этюда изъ картины „Майская ночь“.

Къ „Вію“ сдѣлано нѣсколько рисунковъ М. О. Микѣшинымъ и три изъ нихъ хотя уже давно явились въ геліогравюрѣ по способу Скамони, но въ продажу не поступали, такъ что намъ удалось встрѣтить только два листа въ обширной художественной коллекціи К. С. Веселовскаго. Именно: 1) Панночка, сотникъ и Хома Брутъ, рисовано г. Микѣшинымъ „декабря 10-го 1872 г.“ и 2) Хома Брутъ съ вѣдьмою на плечахъ, рисов. „12-го марта 1869 г.“. Къ „Пчелѣ“ прошлаго года г. Микѣшинъ изъ рисунковъ своихъ къ „Вію“ приложилъ при № 40 большую литографію въ нѣсколько тоновъ, тоже изображающую вѣдьму на Хомѣ Брутѣ, но иначе, чѣмъ въ упомянутой геліогравюрѣ; а при № 50 приложенъ совсѣмъ новый рисунокъ: „Базаръ“. Продолженіе этихъ иллюстрацій обѣщано художникомъ для приложеній „Пчелы“ нынѣшняго года.

Наконецъ, мы должны указать на превосходное изданіе, А. Н. Галяшкина, картинъ къ „Вечерамъ на хуторѣ“. Эти прекрасныя большія хромолитографіи, рисованныя лучшими нашими художниками: И. Н. Крамскимъ, В. Е. Маковскимъ, К. А. Трутовскимъ, И. М. Прянишниковымъ и др., выходятъ съ 1874 г. выпусками отъ двухъ до семи картинъ, и продаются у Фельтена по крайне недорогой, сравнительно съ ихъ достоинствомъ, цѣнѣ.

Въ заключеніе изложенныхъ здѣсь подробностей, разскажу кстати о „собраніи портретовъ“ М. П. Погодина, перваго издателя перваго портрета Гоголя.

М. Н. Лонгиновъ, въ одинъ изъ пріѣздовъ изъ Орла, пересматривая у меня коллекцію русскихъ портретовъ, разговорился о собраніи Погодина и передалъ такой курьезъ, который пересказываю его словами.

„Однажды мы съ М. А. Языковымъ были у Погодина и осматривали его коллекцію портретовъ, писанныхъ масляными красками. Уже давно носились слухи, что Погодинъ завелъ какого-то дешеваго живописца, который ему пишетъ масляными красками портреты съ ли-

---

цѣпяхъ, подлѣ колеса, которымъ размозжатъ его члены; подлѣ него ксендзъ съ крестомъ; тутъ же одинъ изъ плѣнныхъ казаковъ, ожидающій казни; у колеса палачъ, а вокругъ помоста толпы народа—зрителей. Рисунокъ этотъ не былъ отпечатанъ и въ подлинникѣ пріобрѣтенъ нами, въ 1874 г., отъ академика П. Соколова, вмѣстѣ съ прочими его превосходными рисунками къ повѣсти Тарасъ Бульба. Ред.

тографій, гравюръ, карандашныхъ рисунковъ и пр., и расчитывается даже не поштучно, а по аршинамъ исписаннаго холста. Тутъ мы отчасти въ этомъ убѣдились. Погодинъ подвелъ насъ къ портрету черноволосаго кудряваго мальчика, и спросилъ: „а видали-ли вы такой портретъ Батюшкова?“ Языковъ усомнился и замѣтилъ, что у Батюшкова были свѣтлые волосы. „Да вѣдь это онъ мальчикомъ“, замѣтилъ Погодинъ, а мы ему возразили, что бѣлокурые мальчики дѣлаются въ послѣдствіи черноволосыми, но обратнаго перехода мы что-то не знаемъ. Пріѣхавъ съ Языковымъ домой, я нашелъ у себя какую-то гравюрку безъ подписи, съ изображеніемъ господина въ кафтанѣ. Мы попросили третье лицо надписать на оборотѣ: „Кураторъ Московскаго университета Ададуровъ“ и послали по городской почтѣ Погодину съ адресомъ, писаннымъ тѣмъ же лицомъ. Каково же было мое удивленіе, когда, черезъ годъ или два, я былъ опять у Погодина и онъ мнѣ показалъ съ торжествомъ портретъ Ададурова, писанный маслянными красками. Портретъ былъ съ нашего оригинала; я расхохотался и началъ увѣрять Погодина, что мы надъ нимъ пошутили. Онъ ничего не хотѣлъ слушать и только сердился“.

Не знаю—для шутки или совершенную правду передалъ мнѣ Лонгиновъ, но если дѣйствительно были таковы условія составленія „собранія“ Погодина, то на него полагаться не очень можно и, въ видахъ предупрежденія будущихъ недоразумѣній съ Погодинскими портретами, мы рѣшились передать разсказъ Лонгинова, тѣмъ болѣе, что Мих. Ал. Языковъ, живущій теперь, кажется, въ Новгородѣ, не откажется припомнить и сообщить: такъ-ли было это, или Лонгиновъ упомянулъ о немъ въ своемъ разсказѣ безъ всякаго основанія.

П. А. Ефремовъ.

дело 24

СВИДѢТЕЛЬСТВО О В. ДАЛѢ.

Въ теченіе кампаніи противъ польскихъ мятежниковъ въ 1831 году, когда главная наша армія двинулась отъ Остроленки къ Плоцку, для перехода тамъ черезъ Вислу, я предпринялъ со ввѣреннымъ мнѣ корпусомъ войскъ, занимавшимъ Люблинское воеводство, переправиться на верхней Вислѣ и дѣйствовать противъ мятежниковъ съ противоположной стороны. Но для устройства переправы не было при корпусѣ ни инженерныхъ офицеровъ, ни команды мастеровыхъ, ни запаса матеріаловъ, и даже всѣ суда и лодки, кои находились по теченію Вислы и могли служить для сообщеній, были истреблены, а обстоятельства требовали свершить переправу съ возможною поспѣшностію, дабы извлечь изъ предпріятія ожидаемую пользу.

При таковомъ положеніи дѣлъ, зная особенную ревность по службѣ и способности доктора медицины Даля, служившаго во флотѣ лейтенантомъ и находившагося съ 1829 года подъ моимъ начальствомъ при войскахъ медикомъ, я поручилъ, 1-го іюля, ему, совмѣстно съ штабсъ-капитаномъ генеральнаго штаба Семякинымъ, составить проектъ моста, и, пока будутъ собраны матеріалы, обучить набранныхъ изъ полковъ людей мостовымъ работамъ.

Докторъ Даль, пріискавъ около м. Ванволицы небольшое озеро, построилъ на ономъ, въ теченіе нѣсколькихъ дней, 12 большихъ и малыхъ лодокъ и паромъ на бочкахъ, необходимые для перваго десанта и употребленія при наведеніи моста; обучилъ гребцовъ, и показалъ способы закидывать якоря и вязать плоты. Когда нужное количество матеріаловъ было собрано, и мѣсто для постройки моста обозначено при м. Юзефовѣ, то лодки и паромъ сухимъ путемъ перевезены туда и спущены на Вислу. При чемъ докторъ Даль управлялъ лично, 17-го іюля, своею флотиліею, при первомъ десантѣ войскъ на лѣвый берегъ и переправѣ 4-хъ орудій. Постройка моста, при неусыпныхъ трудахъ Даля и Семякина, произведена столь успѣшно, что 25-го числа іюля корпусъ перешелъ Вислу съ артиллеріею и всѣми тягостями. Съ движеніемъ моимъ къ рѣкѣ Пилицѣ, обстоятельства потребовали учредить прямое сообщеніе съ Люблинскимъ воеводствомъ, и для сей цѣли мостъ, наведенный у Юзефова, снятъ, спущенъ внизъ по Вислѣ и 15-го августа наведенъ вновь близъ Казимиржа.

Послѣ сего Даль, оставаясь при мостѣ для наблюденія за исправнымъ содержаніемъ онаго, и вмѣстѣ исполняя должность медика при войскахъ, занимавшихъ мостовое укрѣпленіе, имѣлъ случай оказать еще важнѣйшую услугу. Генералъ мятежниковъ Раморино, не принявъ заключеннаго послѣ штурма Варшавы перемирія, бросился съ 22-хъ тысячнымъ корпусомъ изъ Подляскаго воеводства въ южную Польшу, дабы, утвердясь въ лѣсахъ, покрывающихъ

оную, и прислонясь къ Галиціи, продолжать борьбу. Командовавшій въ нашихъ мостовыхъ укрѣпленіяхъ генералъ-маіоръ Слатвинскій, получивъ извѣстіе о движеніи Раморино и повелѣніе разобрать мостъ, дабы не перепустить его на лѣвый берегъ Вислы, едва успѣлъ свезти орудія съ укрѣпленій праваго берега и вывелъ бо́льшую часть гарнизона оныхъ на лѣвый берегъ,— какъ отряженный отъ Раморино, достигшаго уже съ корпусомъ м. Ополье, генералъ Завадскій, отрѣзавъ эскадронъ нашъ, содержавшій разъѣзды, внезапно, на разсвѣтѣ съ 1-го на 2-е число сентября, подошелъ къ обезоруженнымъ укрѣпленіямъ и занялъ оныя. Положеніе было весьма критическое: укрѣпленія праваго берега владѣли укрѣпленіями лѣваго берега и были построены собственно для усиленія послѣднихъ, въ предположеніи нападенія значительныхъ силъ съ лѣвой стороны Вислы и отраженія партизанскихъ покушеній съ правой. Даже толпа польскихъ офицеровъ, на лошадяхъ, слѣдуя за отступившею изъ редута частію гарнизона, доскакала до средины моста, и орудія непріятельскія были поставлены на мѣста. Въ сію минуту Даль, находясь на мосту съ нѣсколькими рабочими, не ожидая дальнѣйшихъ приказаній и пропустивъ только гарнизонъ нашъ, перерубилъ въ мгновеніе ока нѣсколько канатовъ якорныхъ предъ глазами изумленныхъ офицеровъ, кои, видя угрожавшую имъ опасность, бросились вспять, и мостъ быстрымъ теченіемъ воды унесло, такъ что половина онаго пристала къ правому, а половина къ лѣвому берегу. Завадскій, простоявъ около 18-ти часовъ въ занятыхъ имъ укрѣпленіяхъ, и не находя способовъ навести разрушенный мостъ, коимъ полагалъ овладѣть внезапно, принужденъ отступить и присоединиться къ корпусу Раморино, который былъ тѣснимъ генераломъ барономъ Розеномъ, и который, послѣ неудачнаго его покушенія переправиться на судахъ черезъ Вислу у м. Завихвоста, вогнанъ въ Галицію.

Не излишнимъ считаю еще присовокупить, что мостъ, построенный докторомъ Далемъ, на широтѣ Вислы въ 185 саженъ, въ теченіи 25-ти дней съ составленія проекта онаго, при отличной прочности — такъ что артиллерія и тяжести безъ всякаго опасенія переходили оный въ обыкновенномъ своемъ маршевомъ порядкѣ,—стоилъ казнѣ, съ уплатою за всѣ матеріалы по вольнымъ цѣнамъ и наградными деньгами рабочимъ, не свыше 30 т. руб. ассигнаціями.—(Подписалъ): 4-го генваря 1832 года. Г. Варшава. Командиръ 3-го пѣхотнаго корпуса, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-кавалеріи Ридигеръ.

Письмо Амвросія Юшкевича, архіепископа Новгородскаго, къ Варсанофію епископу Архангельскому

1742 г.

Этотъ интересный памятникъ сохранился въ бумагахъ настоятеля собора въ Шенкурскѣ, Архангельской губерніи, протоіерея Андрея Сергіева, нынѣ умершаго. Документъ этотъ представляетъ собою не подлинникъ письма Новгородскаго архіепископа Амвросія, а копію съ него; основываясь на способѣ письма и свойствѣ бумаги, на которой писана эта копія, нужно думать, что она снята съ подлинника во второй половинѣ XVIII и уже никакъ не позже начала настоящаго столѣтія. Хотя подлинникъ письма архіепископа Амвросія остается и по сіе время неизвѣстнымъ, во всякомъ случаѣ подлинность настоящаго памятника не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Преосвященнѣйшій Варсанофій, епископъ Архангельскій и Холмогорскій, мой любезнѣйшій о Христѣ братъ!

Сколько я прежде твердую полагалъ надежду на ваше преосвященство о добропорядочномъ строительствѣ паствы вашей и въ такой надеждѣ всякое возможное по силѣ моей прилагалъ на пользу вашу стараніе, которое, уповаю, еще и до нынѣ помнится вашему преосвященству, столько нынѣ, напротивъ того, примѣчаю, что оная надежда моя была весьма обманна и стараніе во всемъ суетное и напрасное! Ибо я надѣялся, что ваше преосвященство, яко бывшій членомъ св. синода и вѣдающій все нынѣшнее состояніе паствы, паче прочихъ созидать ея будете, наипаче же разсуждать то можно было отсюду: что когда еще у насъ, присутствуя архимандритомъ, столько являлись смиреннымъ и кроткимъ, то кольми паче принявши на себя омофоръ, который всегда лежитъ на плѣчахъ въ показаніе того, какъ-то пастырю надлежитъ радѣть искренно о овцахъ, себѣ врученныхъ, и взыскивать заблуждающихъ и всежъ то дѣлать не свирѣпствомъ, не жестокостію и гнѣвомъ безмѣрнымъ, ибо то есть погубленіе и расточеніе больше, нежели исправленіе и собраніе овцамъ, но снисхожденіемъ и кротостію. До нынѣ вижу, что въ самомъ дѣлѣ созиданіе паствы вашей не лучше разоренія другихъ, которыхъ вы прежде сами хулили, а смиреніе вашего преосвященства чуть ли не такое было, каково нѣкотораго папы, который для того, нагнувшись, со всякимъ смиреніемъ ходилъ, чтобы только сыскать ключи Петровы и получить престолъ папежскій, а какъ то сыскалъ, то уже такъ сталъ бодро ходить, что прежняго и помянуть предъ нимъ было не прилично; ибо и ваше преосвященство только что получили характеръ архіерейскій и прибыли въ епархію свою, ниже слѣда прежде

смиренныхъ и кроткихъ поступковъ въ себѣ оставили, пошли иною дорогою жестокости безмѣрной къ разоренію церкви Христовой слѣдующею, отъ чего многіе, оставивъ церкви, бѣжать отъ васъ рады бы, и такой изрядный вашего преосвященства поступокъ одинъ видимъ, и въ священнослужителяхъ Архангельскаго собора, людяхъ подлинно, по всѣхъ свидѣтельству, честныхъ и достойныхъ, которыхъ ваше преосвященство, сковавши въ желѣза, волочили по разнымъ мѣстамъ, и толико штрафами денежными невѣдомо за что, развѣ только для вѣчной вашей памяти, съ крайнимъ ихъ разореніемъ, отягчевали. И напослѣдокъ еще, что всего болѣе, не только на судѣ Божіемъ отвѣту, но и на судѣ человѣческомъ не меньше наказанію подлежащее: въ самый день свѣтлаго воскресенія Христова, совершая литургію, ваше преосвященство приказали оныхъ же соборянъ, не жалѣя общей всего духовенства чести, на поруганіе народу, нѣсколько часовъ на льду босыхъ мучить тирански! и какъ сіе не ужасно передъ Богомъ, приносили вы безкровную жертву тогда, когда руки почти омочены были въ крови, когда слезы и воздыханія бѣдныхъ безвинномучимыхъ пробивали самое небо! Это ли должность пастырская?.... Есть ли это строительство церкви Христовой? Посмотрите, ваше преосвященство, въ посланіе апостола Петра и увидите, что онъ не только тиранства и съ церковію Христовою немилосердаго обходительства не учитъ пастырей, а сказываетъ онъ: пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе не нуждею, но волею, и по Бозѣ: ниже неправедными прибытки, но усердно. Ни яко обладающе причту, но образъ бывайте стаду (1 посл. Петра, 5 гл., 2 и 3 ст.). Такожде и апостолъ Павелъ не токмо мучительски съ подчиненными поступать запрещаетъ, но и промышлять повелѣваетъ о своихъ, глаголетъ въ своемъ посланіи къ Тимоѳею: аще кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть и невѣрнаго горше есть (1 посл., 5 гл., 8 ст.). Каковыя всѣ истиннаго пастыря свойства имѣть въ себѣ и ваше преосвященство при поставленіи своемъ клятвенно присягою обязались предъ Богомъ и церковію; когда-жъ нынѣ противъ клятвы своей дѣлаете несумнѣнно, надобно опасаться, чтобъ не постигло когда нибудь то, чѣмъ вы клялись на своемъ обѣщаніи. При томъ же что надлежитъ и до суда человѣческаго,—какъ не судится сіе и тутъ. Сколько бы предъ вами какой священникъ не виноватъ былъ, но видалъ ли ваше преосвященство гдѣ, чтобъ его такъ тирански наказывали, поставивши босаго на льду чрезъ нѣсколько часовъ! Должно прежде быть наказаніе: цѣпь, плеть и проч., которыми можно, по мѣрѣ вины, наказывать, да милостиво, кротко и не въ публикѣ; а ваше преосвященство не только что новымъ симъ мученіемъ мучили съ безчестіемъ всего духовенства, но и мучили въ самый день свѣтлаго воскресенія Христова, въ который подъ запрещеніемъ никакихъ судовъ производить не должно. И подлинно сего, кажется, и самому

простому мужичку сдѣлать было мерзко, не только архіерейскому лицу, когда и сама церковь о семъ довольно научаетъ. Однако еще сіе можно приписать Божію милосердію, что таковый поступокъ вашего преосвященства прежде прочихъ мнѣ единому извѣстенъ сталъ, о которомъ какъ скоро я извѣстился, такъ отъ братскаго о вашемъ преосвященствѣ сожалѣнія сіе въ предостереженіе пишу къ вамъ. Впрочемъ же, если далѣе не будетъ исправленія, и донесется высшимъ и воспослѣдуетъ что противное, я вашему преосвященству ни въ чемъ не помощникъ, я и такъ жалѣю уже, что, по простосердечію моему, столько помогалъ, что не малое совѣсти моей отягченіе дѣлаетъ. Но наконецъ всего, я молю милосерднаго Бога и желаю всѣмъ сердцемъ, чтобъ лучше слышать объ исправленіи вашего преосвященства, нежели о упрямомъ и самовольномъ, такомъ же обхожденіи, и въ таковомъ моемъ желаніи пребываю вашего преосвященства доброжелательный братъ, смиренный Амвросій, архіепископъ Новгородскій.

Москва,—іюля 19-го дня 1742 года.

Примѣч. Считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ для уясненія настоящаго памятника.—Время царствованія Елисаветы Петровны было временемъ самаго сильнаго преобладанія лицъ малороссійскаго происхожденія надъ великоруссами въ церковной іерархіи, такъ что бо̀льшая часть архіерейскихъ каѳедръ не только въ малорусскихъ, но и великорусскихъ епархіяхъ была занята ими; большинство членовъ св. синода въ это время составляли также малороссы. Варсанофій, епископъ Архангельскій и Холмогорскій, былъ изъ числа немногихъ архіереевъ, великороссовъ по происхожденію. До посвященія своего во епископа Архангельскаго онъ былъ архимандритомъ Соловецкаго монастыря, и съ 1732 по 1734 годъ и потомъ вторично съ 1737 по 1740 годъ состоялъ членомъ св. синода [1]). Находясь въ званіи синодальнаго члена, Варсанофій держалъ себя такъ умно, что, не смотря на вѣковую непріязнь между великоруссами и малороссами, снискалъ покровительство тогдашняго перваго члена св. синода, архіепископа Новгородскаго Амвросія, происходившаго изъ малороссовъ. 13-го іюля 1740 года, Варсанофій былъ хиротонисанъ въ епископа Архангельскаго и Холмогорскаго и уволенъ на свою каѳедру. По пріѣздѣ въ епархію, Варсанофій не счелъ нужнымъ болѣе скрывать свои истинныя чувства и тотчасъ же высказалъ свое нерасположеніе къ архіереямъ-малороссамъ; но, къ сожалѣнію, свое личное неудовольствіе онъ перенесъ и на учрежденія, обязанныя своимъ существованіемъ и процвѣтаніемъ въ это время почти исключительно архіереямъ-малороссамъ. Такъ, напримѣръ, обративъ свое вниманіе на большую и хорошо устроенную однимъ изъ его предшественниковъ [2]) школу, онъ сталъ говорить: «чего ради

[1]) «Исторія Рос. Іерархіи» Амвросія, ч. 6-я, полов. 2-я, стр. 877.

[2]) См. «Странникъ», 1860 годъ, томъ III, стр. 111 и 120.

такая не по здѣшней епархіи школа построена? да и школамъ въ здѣшней скудной епархіи быть не надлежитъ; къ школамъ охоту имѣли бывшіе здѣсь архіереи черкасишки, ни къ чему негодницы» [1]). Съ духовенствомъ своей епархіи преосвященный Варсанофій, какъ видно изъ представленнаго памятника, обращался жестоко и произвольно. Сковавъ неизвѣстно за что въ желѣза священнослужителей архангельскаго городскаго собора, онъ волочилъ ихъ по разнымъ мѣстамъ, отягчалъ ихъ денежными штрафами и, наконецъ, 17-го апрѣля 1742 года, въ самый день свѣтлаго воскресенія Христова [2]), который совпалъ съ празднованіемъ преподобному Зосимѣ, Соловецкому чудотворцу, заставилъ простоять нѣсколько часовъ босыхъ на снѣгу противъ алтаря той церкви, въ которой онъ совершалъ литургію, за то, что они не отслужили наканунѣ всенощной. Слухъ объ этихъ жестокостяхъ преп. Варсанофія дошелъ до свѣдѣнія архіепископа Амвросія, и онъ пишетъ къ нему увѣщательное письмо. Но, вѣроятно, увѣщанія Амвросія не достигли своей цѣли, такъ какъ жестокости преподобнаго Варсанофія не прекращались и послѣ этого. Такъ, однажды, пріѣхавъ въ Никольскій Корельскій монастырь и подгулявши, онъ неизвѣстно за что жестоко прибилъ своими руками соборнаго ключаря и велѣлъ водить его вокругъ монастыря на цѣпи въ жестокій морозъ; онъ же ставилъ въ священники людей моложе двадцати лѣтъ, волочилъ ставленниками и бралъ съ нихъ взятки [3]). Слухъ о всѣхъ этихъ поступкахъ преподобнаго Варсанофія дошелъ наконецъ до свѣдѣнія св. синода и о немъ возникло дѣло [4]); къ сожалѣнію, не извѣстно, чѣмъ оно кончилось. Варсанофій скончался на архангельской каѳедрѣ, 8-го ноября 1759 г., въ званіи архіепископа, и погребенъ въ холмогорскомъ соборѣ [5]).

Сооб. **Василій Талицкій.**

Хвалебная пѣснь мировому посреднику.

1873 г.

Радуйся—при общей потерѣ ничего не теряющій,
Радуйся, братьевъ своихъ обижающій,
Радуйся, ничего не понимающій
И за то полторы тысячи получающій!

Радуйся—«Положенія» не понимающій,
Глубокомысленно его объясняющій,
Радуйся, свое сословіе принижающій,
Радуйся, другое сословіе надувающій
И за то полторы тысячи получающій,
Радуйся, Посредниче, великій миротворче!

---

[1]) Соловьевъ, «Ист. Россіи», томъ XXII, стр. 272.
[2]) Въ пст. Соловьева сказано «на свѣтлой недѣлѣ». Тамъ же.
[3]) Соловьевъ, «Ист. Россіи», XXII томъ, 273 стр.
[4]) Соловьевъ, «Ист. Россіи», томъ XXII, 344 стр. 228 примѣчаніе.
[5]) «Истор. Рос. Іер.» Амвросія, ч. 1, стр. 195.

Радуйся—всегда дома пребывающій,
Радуйся, безъ прогоновъ разъѣзжающій,
Радуйся, волость въ своемъ домѣ помѣщающій,
Радуйся, волостными дровами свой домъ отопляющій
И за то полторы тысячи получающій,
Радуйся, Посредниче, великій сребролюбче!

Радуйся—патріотомъ себя величающій
И за то полторы тысячи получающій...
Радуйся, другихъ противъ враговъ возбуждающій,
А самъ себя отъ нихъ охраняющій,
Радуйся, Посредниче, великій братолюбче!

Радуйся—сребра и злата алкающій,
Радуйся, по волостямъ оброкъ собирающій,
Радуйся, оброка половину прибирающій...
И за то полторы тысячи получающій,
Радуйся, Посредниче, великій братолюбче!

Радуйся—десятскими свой хлѣбъ убирающій,
Радуйся, безкорыстіемъ на словахъ щеголяющій,
Радуйся, Посредниче, великій братолюбче!
Радуйся—умникомъ себя почитающій,
Радуйся, Посредниче—безстыдниче,
Радуйся, Посредниче, великій сквернотворче!..

Примѣчаніе. Этотъ шутливый привѣтъ записанъ мною въ селѣ Глубокомъ, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губерніи. По словамъ лица, сообщившаго мнѣ эту шутку, она ходила тогда по рукамъ въ окрестныхъ селахъ Полтавской губерніи—и ее списывали, какъ весьма любопытную... Не прибавитъ ли она нѣсколько черточекъ для исторіи нашего мироваго института въ послѣдніе годы его существованія, т. е. къ исторіи той эпохи, когда правительство, признавъ, что мировые посредники, за выбытіемъ изъ ихъ среды множества честныхъ и энергическихъ дѣятелей, которымъ такъ много обязано своими успѣхами крестьянская реформа, — рѣшилось замѣнить оставшихся посредниковъ — людей, въ большинствѣ, лѣнивыхъ—уѣздными по крестьянскимъ дѣламъ присутствіями. Кстати замѣчу, по поводу приведеннаго выше стихотворенія, что вообще пародіи въ этой формѣ—явленіе довольно обыкновенное въ нашей рукописной обличительной литературѣ. Я, напримѣръ, хорошо знаю, что существовалъ подобный же привѣтъ архіепископу Смарагду Крыжановскому († 1863 г.), написанный еще въ бытность его, кажется, на Орловской каѳедрѣ....

Левъ Маціевичъ.

Г. Кишеневъ.

Жанъ Вуаль.

Жанъ Вуаль, иначе Віоль и Віолье (Voille, Voile, Viol, Violier)—живописецъ миньятюръ и акварелистъ. Годъ его рожденія неизвѣстенъ. Онъ былъ въ Россіи уже въ шестидесятыхъ годахъ XVIII столѣтія и пріобрѣлъ своими портретами такое громкое имя у петербургской знати, что около 1784 г. получилъ отъ вел. князя Павла Петровича титулъ придворнаго живописца

Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Въ 1795 г. онъ переселился въ Парижъ, на время или на постоянное жительство — не извѣстно. Историки живописи относятъ время его смерти къ 1796 году; но есть поводъ полагать, что онъ находился въ живыхъ и послѣ этого года.

Изъ завѣдомыхъ работъ его сохранились въ Россіи портреты: 1) Имп. Екатерины II, гравир. Мансфельдомъ (въ 60-хъ годахъ XVIII ст.); 2) И. П. Елагина, гравир. Д. Герасимовымъ, въ 1773 г., и Мейеромъ; 3) Имп. Павла Петровича: а) въ молодомъ возрастѣ, грав. А. Родигомъ въ 1773 г., Лебо въ 1782 г. и Патомъ, б) изображеннаго въ 1789 г., гравиров. Клауберомъ въ 1797 г., и Бекеромъ въ томъ же 1797 г., а также А. Смитомъ и А. Березниковымъ; 4) Неизвѣстнаго мужчины, писан. въ 1778 г. (наход. въ Павловскомъ дворцѣ); 5) барона Николаи (писан. въ 1785 г.), гравир. Гуттенбергомъ въ 1787 г.; 6) Имп. Маріи Ѳедоровны (пис. въ 1789—1792 г. (наход. въ Павловскомъ дворцѣ); 7) кн. А. Б. Куракина, грав. Дж. Валькеромъ въ 1796—1798 гг. Въ Парижскомъ салонѣ 1795 г. Вуаль выставлялъ портреты разныхъ лицъ своей работы.

Сообщ. **А. И. Сомовъ.**

Портреты княгини Жаннеты Ловичъ.

Къ XX-му тому «Русской Старины» изд. 1877 г. приложенъ портретъ княгини Ловичъ, исполненный съ подлиннаго живописнаго портрета, принадлежащаго графу Е. А. Салліасу. До сихъ поръ русское общество знало портреты кн. Ловичъ по слѣдующимъ изданіямъ: гравированный портретъ при «Невскомъ Альманахѣ» на 1832 г.; тотъ же портретъ въ 16-ю д. л. при альманахѣ «Талія» на 1833 г. съ подписью: «Княгиня Жанета Антоновна Ловичъ» «съ миніатюрнаго портрета Ея Свѣтлости»;—литографія, изданная въ Варшавѣ—портретъ того типа, какой изданъ нами,—кн. Ловичъ съ накинутымъ на голову вуалемъ—подпись «Xiężna Lowicka» (въ большую 4 д. листа), наконецъ, портретъ заграничнаго изданія, литографія, изображающій кн. Ловичъ гораздо болѣе ранняго періода, чѣмъ предъидущіе, но едвали не фантастическій,—подпись: «La Princesse de Lowic».

Экземпляры всѣхъ четырехъ портретовъ имѣются въ обширномъ собраніи портретовъ П. А. Ефремова.

Въ «Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ» Д. А. Ровинскаго (Спб. 1872 г., см. стр. 79) упоминаются четыре типа гравированныхъ портретовъ княгини Ловичъ; два изъ нихъ гравированы въ Варшавѣ у L. Letronne, одинъ въ Москвѣ, въ 1827 году.

acad. 25

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

Перебирая остатки рукописей К. Ѳ. Рылѣева, уцѣлѣвшихъ въ семействѣ покойнаго поэта, я, между прочимъ, нашелъ неизданное посланіе его къ Алексѣю Петровичу Ермолову, интересное въ томъ отношеніи, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ общественное мнѣніе въ Россіи, возбужденное возникавшею борьбой Греціи за независимость, предназначало русскому генералу въ этой великой борьбѣ весьма видное положеніе. Въ посланіи этомъ, конечно, можно-бы видѣть только выраженіе личныхъ чувствъ Рылѣева, но зная, какъ чутко онъ относился ко всему, что говорилось и дѣлалось вокругъ него, мы не впадемъ въ ошибку, если будемъ утверждать, что оно представляетъ отзывъ поэта на общій голосъ. Кромѣ этого посланія, приводимъ ниже отрывокъ изъ стихотворенія Рылѣева: „Партизаны“, помѣщенный безъ имени автора въ альманахѣ „Сѣверные цвѣты“ 1828 г.; черновой набросокъ пѣсни, вошедшей въ составъ этого отрывка, напечатанъ, съ подлинной рукописи поэта, въ „Русской Старинѣ“ 1871 г., т. III, стр. 101, чѣмъ и доказывается несомнѣнная принадлежность К. Ѳ. Рылѣеву всего стихотворенія, затерявшагося среди безымянныхъ произведеній и потому не вошедшаго въ собраніе сочиненій Рылѣева.

П. А. Ефремовъ.

I.

А. П. Ермолову.

Наперсникъ Марса и Паллады,
Надежда сограждан, Россіи вѣрный сынъ,
Ермоловъ! поспѣши спасать сыновъ Эллады,
Ты, геній сѣверныхъ дружинъ!
Узрѣвъ тебя, любимецъ славы,
По манію твоей руки,
Съ врагами лютыми, какъ вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки—
И цѣпи сбросивши невольничьяго страха,
Какъ фениксъ молодой,
Воскреснетъ Греція изъ праха
И съ древней доблестью ударитъ за тобой!...
Уже въ отечествѣ потомковъ Ѳемистокла
Повсюду подняты свободы знамена,
Геройской кровью ужъ земля намокла
И трупами враговъ удобрена!
Проснулися вздремавшіе перуны,
Отвсюду храбрые текутъ!
Теки-жъ, теки и ты, о витязь юный,
Тебя герои тамъ, тебя побѣды ждутъ...

К. Рылѣевъ.

II.

ПАРТИЗАНЫ.

[отрывокъ].

Въ лѣсу дремучемъ, на полянѣ,
Отрядъ наѣздниковъ сидитъ.
Окрестность вся въ сѣдомъ туманѣ,
Кругомъ осенній вѣтръ шумитъ;
На тусклый мѣсяцъ набѣгаютъ
Порой густыя облака;
Надулась черная рѣка
И молніи вдали сверкаютъ.

—

Плащи навѣшаны шатромъ,
На пикахъ, въ глубь земли вонзенныхъ;
Биваки въ сумракѣ ночномъ,
Вокругъ костровъ возпламененныхъ!
Средь нихъ, толпами удальцы:
Ахтырцы, Бугцы и Донцы.

—

Пируютъ всадники лихіе,
Свершивъ отчаянный набѣгъ;
Заботы трудны боевыя,
Но веселъ шумный ихъ ночлегъ:
Живой бесѣдой сокращаютъ
Они другъ другу часъ ночной;
Дѣла вождей страны родной
Воспоминаньемъ оживляютъ,
И лѣсъ угрюмый и густой
Веселымъ пѣньемъ пробуждаютъ.

ПѢСНЯ ПАРТИЗАНСКАЯ.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ;
Но мы не спимъ, мы надзираемъ —
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.

—

Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Врасплохъ застигнутъ удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми Донцами.

—

Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ, за чашей круговой,
Минуты отдыха проводимъ.

—

Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Сообщ. **П. А. Ефремовъ.**

Акад. 26

ВОСПОМИНАНІЯ П. А. КАРАТЫГИНА.

V. [1])

Я помню еще то патріархальное время нашего закулиснаго міра, когда артисты, вмѣсто нынѣшнихъ такъ называемыхъ разовыхъ (т. е. поспектакльной платы), получали каждый вечеръ просто по двѣ восковыя свѣчки, которыя обыкновенно они и зажигали у собственнаго своего зеркальца; [2]) тогда въ довольно обширной уборной стояло только одно большое зеркало, а потому физически невозможно было всѣмъ воспользоваться имъ для своего туалета и гримировки. Само собою разумѣется, что не всѣ же артисты безъ исключенія получали эти поспектакльныя свѣчки, было много и такихъ, которыхъ игра, какъ говорится, не стоила свѣчь.

Помню я, какъ нѣкоторые изъ актеровъ, которые относились къ своей личности не слишкомъ кокетливо, предлагали эти свѣчки своимъ товарищамъ сыграть на узелки; иные же, изъ экономіи, зажигали одну только свѣчку, а другую сберегали для домашняго обихода. Нынѣшняя поспектакльная плата, конечно, очень выгодна для артистовъ; особенно для тѣхъ, у кого большой репертуаръ, но если взглянуть съ нравственной точки зрѣнія, то

---

[1]) См. другія главы изъ «Воспоминаній П. А. Каратыгина»: А. С. Грибоѣдовъ («Рус. Ст.» 1872 г., т. V, стр. 423); «Русскій театръ при Александрѣ I» («Рус. Стар.» 1872 г., т. VI, стр. 297; изд. 1873 г., т. VII, стр. 146—179; т. VIII, стр. 306—333; изд. 1874 г., т. IX, стр. 732—753). **Ред.**

[2]) Французское feu, вѣроятно, ведетъ отсюда свое техническое начало. **П. К.**

эта поденная плата много приноситъ вреда искуству; для этой приманки иной первоклассный артистъ хлопочетъ не о качествѣ, а о количествѣ своихъ ролей. Корыстолюбивый разсчетъ заставляетъ его иногда брать на себя ничтожныя роли, отнимая таковыя у второстепенныхъ актеровъ, которые получаютъ незначительную плату въ сравненіи съ нимъ и тѣмъ, конечно, возбуждаетъ справедливое негодованіе съ ихъ стороны. Короче — это закулисное яблоко раздора. О немъ многое можно бы было сказать, но зачѣмъ? Я пишу не современныя записки, а вспоминаю старину.

Начало поспектакльной платы въ нашей драматической труппѣ относится къ далекому прошлому. Въ концѣ 1810-хъ годовъ знаменитая трагическая актриса Екатерина Семеновна Семенова первая начала получать ее и вотъ по какому поводу: эта артистка, при громадномъ ея талантѣ, была немного лѣнива, а подъчасъ и капризна, такъ что зачастую, подъ предлогомъ болѣзни, отказывалась отъ своей должности; отчего, разумѣется, страдалъ и репертуаръ, и выгоды дирекціи. Чтобы какъ-нибудь заинтересовать актрису съ матеріальной стороны, дирекція, при возобновленіи ея контракта, увеличивъ окладъ ея жалованья, включила въ условіе: сыграть не менѣе опредѣленнаго числа спектаклей въ продолженіи года, получая за каждое представленіе добавочную сумму, такъ что чѣмъ бы болѣе она сыграла, тѣмъ болѣе получила бы вознагражденія. Эта мѣра имѣла обоюдную пользу, потому что Семенова пользовалась любовью публики и появленіе ея на сценѣ давало почти всегда полные сборы. Вотъ съ этого-то времени и началась у насъ поспектакльная плата. Примѣръ Семеновой побудилъ и другихъ первоклассныхъ артистокъ заключать съ дирекціей контракты на тѣхъ же условіяхъ.

Здѣсь я посвящу нѣсколько строкъ памяти этой геніальной артистки, которая, конечно, должна занять почетное мѣсто въ исторіи рускаго театра. Екатерина Семеновна Семенова воспитывалась въ Театральномъ училищѣ, которое было основано въ царствованіе императрицы Екатерины II, при содѣйствіи знаменитаго артиста Ивана Аѳанасьевича Дмитревскаго въ 1779 году. Оно находилось тогда въ Большой Милліонной, подлѣ Зимняго дворца, гдѣ теперь преображенскія казармы. Это зданіе называлось въ то время лейб-компанскимъ корпусомъ.

Екатерина Семеновна, будучи еще воспитанницею, дебютировала (въ 1803 году, 3-го февраля) въ комедіи «Нанина», подъ руководствомъ Дмитревскаго, который занималъ тогда должность учителя драматическаго искуства; второй ея дебютъ былъ въ 1804 году, въ трагедіи «Ермакъ» (сочиненіе актера Плавильщикова), въ роли Ирты, которую она приготовляла при содѣйствіи самого автора. Слѣдующіе ея дебюты были въ трагедіяхъ: «Эдипъ въ Аѳинахъ»—Озерова, въ томъ же году, и въ «Росславѣ», сочиненіе Княжнина въ 1805 году; въ первой она играла Антигону, во второй—Зафиру; обѣ эти роли она приготовляла подъ руководствомъ кн. Шаховскаго.

Съ появленіемъ трагедій Озерова сценическіе успѣхи Семеновой стали быстро возрастать и вскорѣ она могла, по справедливости, назваться любимицей публики. Въ этотъ періодъ времени она оставила прежняго своего учителя, кн. Шаховскаго, и проходила свои роли съ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ (извѣстнымъ переводчикомъ Иліады). Этотъ высокообразованный литераторъ, строгій элленистъ и классикъ много способствовалъ своими умными совѣтами развитію ея природнаго таланта.

Въ 1807 году поступила на сцену Марія Ивановна Валберхова (дочь балетмейстера), новая ученица Шаховскаго, и дебютировала также въ роли Антигоны. Хотя эта умная и образованная актриса и не имѣла средствъ, необходимыхъ для трагическихъ ролей, но кн. Шаховской, во что бы то ни стало, силился создать изъ нее опасную соперницу оставившей его ученицѣ. Тутъ истые театралы раздѣлились на два враждебные лагеря: начальство, въ главѣ котораго былъ тогда Шаховской, поддерживало одну, а публика—другую.

Эта партизанская война продолжалась года четыре, но наконецъ, въ одно изъ представленій трагедіи: «Китайская Сирота», переведенной кн. Шаховскимъ, Валберхова была ошикана, и въ 1811 году сошла со сцены. [1])

Съ этого года по 1820 годъ Семенова безраздѣльно пер-

---

[1]) Въ 1815 году она вновь поступила на службу и дебютировала въ комедіи кн. Шаховскаго, подъ названіемъ: «Липецкія воды», имѣвшей огромный успѣхъ въ свое время; съ тѣхъ поръ она заняла первыя роли въ комедіи, но уже не имѣла притязанія соперничать съ Семеновой. П. К.

венствовала въ трагедіяхъ. Въ этотъ послѣдній годъ, по причинѣ какихъ-то неудовольствій съ тогдашнимъ директоромъ театра кн. Тюфякинымъ, она не хотѣла продолжать своей службы и вышла въ отставку.

Въ 1822 году, когда вмѣсто Тюфякина занялъ должность директора Майковъ, она снова поступила на сцену и играла въ первый разъ роль Клитемнестры въ трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», въ бенефисъ прежней своей соперницы, Валберховой, что, конечно, дѣлаетъ большую честь ея доброму сердцу. Около этого времени скончался отецъ Валберховой, оставя огромное семейство безо всякихъ средствъ; жены своей лишился онъ задолго еще до своей кончины и такимъ образомъ главой осиротѣлой семьи осталась старшая его дочь, Марія Ивановна, которая впослѣдствіи замѣнила чадолюбивую мать своимъ братьямъ и сестрамъ.[1]) Я живо помню этотъ замѣчательный спектакль: восторгъ публики, при появленіи Семеновой на сцену, былъ необычайный; сборъ, по тому времени, небывалый: онъ простирался до 12-ти тысячъ ассигнаціями.

Въ моей памяти не только сохранились всѣ лучшія роли изъ ея репертуара, но я самъ удостоился чести играть вмѣстѣ съ нею.

Въ 1825 году была переведена съ французскаго трагедія: «Габріель де-Вержи». Покойный братъ мой игралъ роль графа Фаэля, мужа Габріели, а я (по назначенію Екатерины Семеновны) исполнялъ роль графа де-Куси, возлюбленнаго Габріели. Мнѣ въ то время было лѣтъ 19-ть, а ей далеко уже за 40, но она и тогда еще не утратила своей изящной красоты. Вообще природа надѣлила ее рѣдкими сценическими средствами: строгій благородный профиль ея красиваго лица напоминалъ древнія камеи; прямой, пропорціональный носъ, съ небольшимъ горбомъ, каштановые волосы, темно-голубые, даже синеватые глаза, окаймленные длинными рѣсницами, умѣренный ротъ,—все это вмѣстѣ обаятельно дѣйствовало на каждаго, при первомъ взглядѣ

---

[1]) Эта безупречной честности женщина и добросовѣстная артистка, по справедливости, заслужила всеобщее уваженіе: она въ цвѣтущей своей молодости добровольно отказалась отъ брачнаго союза для своего семейства и вся жизнь ея была посвящена заботамъ и нѣжнымъ попеченіямъ о своихъ родныхъ. Она скончалась въ преклонныхъ лѣтахъ, искренне оплакиваемая родными и близко знавшими ее. **П. К.**

на нее. Контральтовый, гармоничный тембръ ея голоса былъ необыкновенно симпатиченъ и въ сильныхъ патетическихъ сценахъ глубоко проникалъ въ душу зрителя. Въ греческихъ и римскихъ костюмахъ она бы могла служить скульптору великолѣпной моделью для воспроизведенія личностей: Агрипины, Лукреціи или Клитемнестры. Но вотъ въ чемъ еще важная заслуга нашей русской артистки: знаменитая Рашель играла въ трагедіяхъ Расина и Корнеля, звучные и плавные стихи которыхъ и теперь еще цитируютъ, какъ образецъ классической версификаціи, а наша Семенова играла эти самыя пьесы въ переводахъ Лобанова, Поморскаго или, что еще хуже, графа Хвостова. Признаться, надо было много имѣть таланта, чтобы, произнося на сценѣ такія дубоватыя вирши, приводить въ восторгъ зрителей своею игрой. Это все равно, еслибъ теперь, напримѣръ, заставить геніальную Патти пропѣть дикую ораторію абиссинскаго маэстро.....

Приведемъ для образчика нѣсколько этихъ неудобо-выговариваемыхъ стиховъ:

Герміона, въ трагедіи «Андромаха», перев. гр. Хвостова.

Гдѣ я? что дѣлаю? что дѣлать остается?
Почто сей жаръ въ груди? почто такъ сердце рвется?
Я по чертогамъ симъ, скитаючись, бѣгу...
Люблю, иль злобствую—сама знать не могу.

или:

Держа въ рукѣ кинжалъ, въ себя вонзила мечъ!

А вотъ стихи изъ трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», въ переводѣ Лобанова, который тогда считался лучшимъ переводчикомъ:

О змѣй, ужаснѣйшій Мегеры лютыхъ чадъ,
Чудовище, что къ намъ извергнулъ въ гнѣвѣ адъ!
И небо не гремитъ и зрю ее не мертву,
Но гдѣ, несчастная, найти мечтаю жертву?

или, въ той же трагедіи:

Мой духъ трепещетъ!
То кровь царя боговъ, что громъ съ Олимпа мещетъ

Федра, Клитемнестра, Медея, Семирамида, Камилла (въ Горацiяхъ), Антигона и Меропа были торжествомъ таланта Е. С. Семеновой.

Не знаю почему, но одно мѣсто въ трагедіи «Медея» такъ сильно на меня подѣйствовало, такъ глубоко врѣзалось въ моей памяти, что даже, по прошествіи болѣе пятидесяти лѣтъ, я, какъ теперь ее вижу, слышу звукъ ея обаятельнаго голоса: это было именно послѣднее явленіе въ 5-мъ актѣ, когда Медея, зарѣзавъ своихъ дѣтей, является въ иступленіи къ Язону: въ правой рукѣ она держитъ окровавленный кинжалъ, а лѣвой — указываетъ на него, вперивъ свирѣпые глаза въ измѣнника и говоритъ ему:

«Взгляни... вотъ кровь моя и кровь твоя дымится!»

Этотъ стихъ, произнесенный ею, постоянно производилъ потрясающее дѣйствіе на зрителей и вызывалъ громъ рукоплесканій. Здѣсь мнѣ пришло на память одно грустное происшествіе, случившееся съ Семеновой въ Москвѣ, которую она не разъ посѣщала.

Въ одинъ изъ этихъ пріѣздовъ назначена была, для перваго выхода Екатерины Семеновны трагедія «Семирамида». Разумѣется, за нѣсколько дней до представленія, всѣ билеты были разобраны нарасхватъ; но наканунѣ этого спектакля московскій актеръ Кондаковъ, который занималъ въ этой трагедіи роль Ассура, сильно захворалъ. Черезъ великую силу онъ кое-какъ пришелъ, однако, поутру на репетицію и предупреждалъ режисера, чтобы онъ на всякій случай принялъ какія-нибудь мѣры, потому что онъ играть, кажется, не въ состояніи. Режисеръ бросился къ директору съ этимъ непріятнымъ извѣстіемъ. Директоромъ московскаго театра былъ тогда Майковъ; онъ немедленно пріѣхалъ въ театръ взбѣшенный и не хотѣлъ слышать никакихъ отговорокъ; отмѣнить такой интересный спектакль, котораго ждетъ половина Москвы, онъ ни зачто не соглашался. Призвали доктора. Театральный эскулапъ пощупалъ пульсъ у больного, прописалъ ему что-то и сказалъ, что онъ ничего особенно важнаго не предвидитъ и полагаетъ, что къ вечеру больной поправится; Майковъ, съ своей стороны, пугнулъ бѣднягу и далъ ему замѣтить, что если изъ-за его ничтожной болѣзни спектакль не состоится, то за это не поздоровится ему во всю его жизнь; даже грозился отставить его отъ службы. Нечего дѣлать. Бѣдный Кондаковъ былъ человѣкъ пожилой, семьянинъ, запуганный, скромный по природѣ, хотя и изображалъ на сценѣ классическихъ злодѣевъ; онъ покорился необходимости: кое-

какъ окончилъ репетицію, вечеромъ явился въ театръ, облачился въ мишурную хламиду и, какъ гладіаторъ, пошелъ на смертную арену, по приказанію начальства.

Первый актъ прошелъ благополучно, но во второмъ актѣ, въ сценѣ съ Семирамидой, онъ долженъ стать передъ нею на колѣни... онъ сталъ..... и упалъ мертвый къ ея ногамъ! Завѣсу опустили; публика поднялась... изъ-за кулисъ всѣ бросились къ нему... но... онъ уже покончилъ свою жизненную драму!.. апоплексическій ударъ былъ слѣдствіемъ его болѣзни.

Можно себѣ представить, какой потрясающій эфектъ произвела въ театрѣ эта роковая катастрофа.

Мертвеца отнесли въ уборную и совлекли съ него мишурное облаченіе.

Тотъ же эскулапъ, который поутру не предвидѣлъ ничего опаснаго въ болѣзни, пустилъ ему кровь, но никакія медицинскія мѣры не могли возвратить жизни бѣдному труженику.

Публика болѣе четверти часа оставалась въ недоумѣніи; наконецъ пришли ей возвѣстить, что спектакль, по внезапной болѣзни актера Кондакова не можетъ быть оконченъ. Начался, конечно, шумъ, говоръ, суматоха: кто требовалъ назадъ деньги, кто спрашивалъ капельдинеровъ: можно-ли оставить билеты до будущаго представленія «Семирамиды»; нашлись, можетъ быть, и такіе господа, которые думали, что покойный просто былъ пьянъ. Впрочемъ, подробныя послѣдствія этого злополучнаго спектакля мнѣ неизвѣстны; но вотъ еще какая драма разыгралась за кулисами послѣ этой неоконченной трагедіи. Товарищи Кондакова, чтобы не испугать его жены и семейства, рѣшились оставить его трупъ до утра въ театрѣ, положили его въ уборной на столъ, покрыли простыней и зажгли на другомъ столѣ лампадку. Послѣ «Семирамиды» назначенъ былъ дивертисментъ, въ которомъ слѣдовало участвовать танцовщику Лобанову; онъ давалъ тогда уроки танцованія во многихъ домахъ, такъ точно и въ этотъ вечеръ занятъ былъ гдѣ-то на урокѣ, и разсчитывая, что представленіе «Семирамиды» продолжится, по крайней мѣрѣ, часа три, не торопился на службу. Вотъ, часовъ около 10-ти, отправляется онъ спокойно на извощичьей клячѣ въ театръ, но вдругъ издали замѣчаетъ, что вокругъ театра фонари погашены. У танцора душа ушла въ пятки. Онъ тузитъ въ спину своего ваньку, кри-

читъ, чтобы тотъ скакалъ во всю мочь, и хоть онъ былъ въ разгоряченномъ состояніи послѣ своихъ уроковъ, но его бросило въ ознобъ отъ страха.

— Что это значитъ? думалъ онъ, неужели ужъ кончился спектакль? неужели я опоздалъ?! возможно-ли, чтобы такъ рано отыграли «Семирамиду»?

Съ ужасомъ онъ представляетъ себѣ, какая страшная гроза стряслась надъ его головой! Наконецъ онъ подъѣзжаетъ къ театру, кругомъ все пусто: ни будочниковъ, ни жандармовъ, нѣтъ даже ни одной театральной кареты у подъѣзда. Опрометью взбѣгаетъ онъ на верхъ. Повсюду тьма, ни одной живой души: не у кого спросить. Кое-какъ ощупью добрался онъ до своей уборной (именно той, гдѣ былъ положенъ покойникъ), отворилъ дверь; видитъ лежитъ кто-то на столѣ, закрытый простынею. Полагая, что это долженъ быть сторожъ (который, какъ на грѣхъ, въ это время вышелъ куда-то), онъ тормошитъ покойника и кричитъ ему:

— «Ѳадѣевъ, Ѳадѣевъ! проснись! вставай поскорѣе! Давно-ли кончился спектакль?»

Сдергиваетъ простыню и видитъ посинѣлаго мертвеца, со сложенными на крестъ руками, къ которымъ прислоненъ маленькій образокъ.

Легко вообразить себѣ, что было съ танцоромъ въ этотъ моментъ. Съ крикомъ бросился онъ изъ уборной, сбѣжалъ внизъ, за кулисами хватился лбомъ объ стѣну, едва могъ отыскать выходныя двери и, какъ полупомѣшанный, выбѣжалъ на улицу. Квартира его находилась довольно далеко отъ театра, но онъ шагу не могъ сдѣлать: ноги у него подкашивались, онъ готовъ былъ упасть у самаго подъѣзда. По счастію, извощику, который привезъ его, онъ, въ попыхахъ, забылъ отдать деньги, и тотъ ждалъ у подъѣзда его возвращенія. Кинувшись въ сани, онъ едва могъ выговорить, куда его везти. Послѣ этого происшествія бѣднякъ Лобановъ недѣль шесть пролежалъ въ горячкѣ и чуть не отправился вслѣдъ за виновникомъ своего паническаго страха.

Екатерина Семеновна окончательно оставила сцену въ началѣ 1826 года; вскорѣ послѣ того она вышла замужъ за сенатора, д. т. сов. кн. Ивана Алексѣевича Гагарина и переселилась на жительство въ Москву, гдѣ, будучи княгинею, иногда

играла на домашнихъ театрахъ. Овдовѣвъ, она нѣсколько разъ пріѣзжала въ Петербургъ и также участвовала раза два въ любительскихъ спектакляхъ, въ концѣ сороковыхъ годовъ, въ домѣ извѣстнаго тогда капиталиста, Александра Карловича Галлера. Послѣдній разъ, въ 1847 г., она рѣшилась сыграть для публики и приняла участіе въ спектаклѣ, данномъ съ благотворительною цѣлью въ домѣ Энгельгардта, гдѣ теперь помѣщается купеческій клубъ. Всѣ эти спектакли мнѣ привелось видѣть.

Но, Боже мой! кѣмъ она была окружена! Это были трагики-любители, въ числѣ которыхъ первенствовалъ и, тряхнувъ стариной, свирѣпствовалъ нашъ мученикъ драматическаго искуства пресловутый Александръ Ивановичъ Храповицкій (о которомъ я упоминалъ въ прежнихъ отрывкахъ изъ моихъ записокъ). Понятное дѣло, каково ей было возиться съ такими Агамемнонами, Тезеями и Язонами. И все-таки, несмотря на окружающій ее персоналъ, на преклонныя ея лѣта (ей было тогда уже 62 года), были минуты, когда, какъ-будто прозвучатъ давно, давно знакомые мнѣ звуки ея дивнаго голоса, какъ-будто изъ-подъ пепла блеснетъ на мгновеніе искорка того божественнаго огня, который, во время оно, воспламенялъ эту великую художницу! Мнѣ по крайней мѣрѣ такъ казалось, но молодежь, не видавшая этой геніальной артистки въ лучшую ея пору, насмѣшливо смотрѣла на эту верховную жрицу Мельпомены и говорила:

— Помилуйте, неужели эти развалины могли быть когда-нибудь знаменитостью?

Да, можетъ быть это были и развалины, но развалины Колизея, на которыя художники и теперь еще смотрятъ съ благоговѣніемъ.

Семенова скончалась въ 1849 году, отъ тифозной горячки, въ Петербургѣ, куда пріѣхала на время, по случаю какой-то семейной тяжбы, и нанимала скромную квартиру въ 3-мъ этажѣ, въ угловомъ домѣ, у Обухова моста, гдѣ она и жила вмѣстѣ съ старшей своею дочерью.

Похороны ея были также очень скромны и немноголюдны. Братъ мой, Александра Михайловна—жена его, Сосницкій, Брянскій, я и еще нѣсколько современныхъ ей артистовъ, конечно, за долгъ себѣ поставили проводить на кладбище эту великую художницу.

Но вотъ что осталось, по кончинѣ ея, странной и до сихъ поръ неразъясненной загадкой: состояніе Е. С. Семеновой, по словамъ близкихъ къ ней людей, простиралось до полутора милліона рублей ассигнаціями. Кромѣ ея собственнаго капитала, пріобрѣтеннаго ею въ продолженіи двадцати-лѣтней службы при театрѣ, покойный ея мужъ, еще при жизни своей, продалъ домъ свой—въ Большой Милліонной, дачу на Аптекарскомъ островѣ, огромное подмосковное имѣніе и всѣ деньги, полученныя отъ этой продажи, отданы были ей. Гдѣ этотъ капиталъ сохранялся, былъ-ли онъ положенъ въ банкъ, или ломбардъ? никто этого не могъ узнать. Если бы даже этотъ капиталъ былъ положенъ на имя неизвѣстной, какъ тогда зачастую дѣлалось, или былъ отданъ въ частныя руки, то куда же дѣвались билеты, росписки или квитанціи на такую огромную сумму? Короче сказать, ни духовнаго завѣщанія, ни денегъ, ни квитанцій нигдѣ не оказалось—все исчезло безъ всякого слѣда!

VI.

Лѣтъ за пять еще до построенія главнаго штаба, на этомъ самомъ мѣстѣ находился такъ называемый Кушелевскій театръ; вѣроятно онъ носилъ такое названіе по фамиліи прежняго домовладѣльца. На этомъ театрѣ, въ 13 и 14 годахъ, давались русскіе спектакли молодою труппою (какъ гласила афиша), подъ руководствомъ кн. Шаховского. Сосницкій, Брянскій, Рамазановъ, Боченковъ, Величкинъ, Воробьева (впослѣдствіи вышедшая замужъ за Сосницкаго), Асенкова (мать Варвары Николаевны), Анна Матвѣевна Степанова (впослѣдствіи жена Брянскаго) и многіе другіе тутъ начали свою артистическую карьеру.

Въ концѣ 1814 г. Кушелевскій театръ былъ отданъ во владѣніе нѣмецкой труппѣ. Туда зачастую требовали воспитанниковъ Театральнаго училища (говоря технически) на выходъ, для изображенія пажей, пейзанъ, рыцарей и тому подобныхъ безсловесныхъ персонажей, въ числѣ которыхъ и я тогда участвовалъ. Помню я, что зрительная зала этого театра была очень некрасива: закоптѣлая позолота, грязныя драпри у ложъ, тусклая люстра, на сценѣ ветхія декораціи и кулисы, въ коридорахъ повсюду деревянныя лѣстницы, въ уборныхъ была постоянная копоть отъ неисправныхъ лампъ, наполненныхъ чуть-ли ни постнымъ масломъ.

Театральный подъѣздъ приходился прямо противъ главныхъ воротъ Зимняго дворца. Ничего не было для меня скучнѣе этихъ нѣмецкихъ спектаклей; особенно въ праздничные, или воскресные дни, въ которые насъ обыкновенно распускали изъ школы, а тутъ вдругъ потребуютъ на репетицію, гдѣ пробудешь часовъ до трехъ, а въ шесть надо было ѣхать въ спектакль; бывало едва успѣешь сбѣгать домой повидаться съ родными и кое-какъ, на-скоро пообѣдать.

Въ тогдашней нѣмецкой труппѣ были первыми артистами Гебгардтъ (трагикъ)—мужъ и жена, Вильде также mit seiner Frau; Линденштейнъ—mit seiner Frau (она была въ то время знаменитая пѣвица); Заценговенъ—mit seiner Frau, Циліаксъ—mit seiner Frau и другіе. Замѣчательно, что всѣ нѣмецкіе актеры того времени были женаты на актрисахъ, и, волей и неволей, должны были чуть не ежедневно изъясняться въ любви публично своимъ дражайшимъ половинамъ.

Поистинѣ тутъ нужно, какъ говорится, нѣмецкое терпѣніе и постоянство.

Часто мнѣ случалось, въ эти безконечные спектакли, просыпать часа два, или три, гдѣ-нибудь за кулисами, въ ожиданіи своего выхода. Тогда длинноту своихъ представленій артисты увеличивали совершеннымъ незнаніемъ ролей. Суфлеръ, безъ церемоніи, кричалъ имъ изъ своей будки чуть не вовсе горло. Можетъ быть эти артисты говорили и съ чувствомъ и съ толкомъ, только съ ужасной разстановкой. Естественно, что по этой причинѣ спектакли требовали вдвое болѣе времени.

У суфлера, какъ я замѣчалъ, тогда постоянно была подъ рукою бутылка пива, которою онъ, держа за горлышко, пользовался безъ помощи стакана во время перемѣны декорацій, безъ чего, конечно его собственное горло до того бы пересохло, что, наконецъ, онъ не могъ бы произнести ни одного слова.

Помню я, какъ въ этихъ спектакляхъ, за неимѣніемъ статистовъ и хористовъ, нанимали просто булочниковъ и колбасниковъ, которымъ платили обычную плату за вечеръ; и благородные рыцари, гранды или римскіе патриціи, по окончаніи спектакля, снявъ знаки своихъ достоинствъ, отправлялись месить тѣсто, или начинять блютвурсты. Еще мнѣ припоминается одинъ пошлый анекдотъ съ теноромъ Цейбихомъ. Этотъ пѣвецъ имѣлъ привычку

во время пѣнія до невозможности раскрывать свой большой ротъ. Однажды кто-то изъ зрителей, сидя въ креслѣ 1-го ряда (вѣроятно это былъ нашъ братъ-русакъ; видно по замашкѣ), принесъ съ собою въ театръ хлѣбныхъ шариковъ и такъ искусно съумѣлъ приловчиться, что во время какой-то длинной ферматы пустилъ незамѣтнымъ образомъ одинъ изъ хлѣбныхъ шариковъ прямо ему въ ротъ.

Бѣдный пѣвецъ оборвался на самой высокой нотѣ, закашлялся и долженъ былъ проглотить эту оскорбительную шутку; съ тѣхъ поръ онъ всегда старался отвертываться въ сторону, когда ему приходилось тянуть длинную фермату.

Нѣмецкая публика, въ то патріархальное время, была очень простодушна: мнѣ нѣсколько разъ случалось видѣть въ ложахъ, даже 1-го яруса, пожилыхъ зрительницъ въ простыхъ чепчикахъ, одѣтыхъ по домашнему, съ чулкомъ, или филейнымъ вязаньемъ въ рукахъ. Онѣ внимательно слѣдили глазами за всѣми движеніями артистовъ, не пропускали ни одного слова, если только, разумѣется, не случалось имъ самимъ спускать петель. Когда же происходило на сценѣ что-нибудь очень чувствительное, танты и муттерхены, положутъ, бывало, свое вязанье на барьеръ или себѣ на колѣни, сложутъ вмѣстѣ пальцы, глубоко вздохнутъ, поднимутъ глаза къ небу, потомъ поднимутъ очки на лобъ, утрутъ платкомъ слезы, высморкаются и снова примутся за свою работу.

VII.

Въ началѣ 1825 г. съ нашимъ театральнымъ кружкомъ сблизился капитанъ Нижегородскаго драгунскаго полка, Александръ Ивановичъ Якубовичъ, о которомъ я уже упоминалъ прежде въ моихъ запискахъ.[1]) Очень часто я встрѣчалъ его въ домѣ кн. Шаховского. Это былъ замѣчательный типъ военнаго человѣка: онъ былъ высокаго роста, смуглое его лицо имѣло какое то свирѣпое выраженіе: большіе черные, на выкатѣ глаза, словно налитые кровью, сросшіяся густыя брови; огромные усы, коротко остриженные волосы и черная повязка на лбу, которую онъ постоянно носилъ въ то время, придавали его физіономіи какое-то мрачное и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтическое значеніе. Когда онъ сардонически улыбался, бѣлые, какъ слоновая кость, зубы, бле-

[1]) «Русская Старина» изд. 1872 г., томъ VI, стр. 301—303.

стѣли изъ-подъ усовъ его и двѣ глубокія, рѣзкія черты появлялись на его щекахъ, и тогда эта улыбка принимала какое-то звѣрское выраженіе. Любили мы съ братомъ слушать его любопытные разсказы о кавказской жизни и молодецкой, боевой удàли. Эти разсказы были любимымъ его конькомъ, запасъ ихъ у него былъ неистощимъ. Онъ вполнѣ могъ назваться Демосѳеномъ военнаго краснорѣчія. Дѣйствительно даръ слова у него былъ необыкновенный; рѣчь его лилась какъ быстрый потокъ, безостановочно; можно было подумать, что онъ свои разсказы прежде приготовлялъ и выучивалъ ихъ наизустъ: каждое слово было на своемъ мѣстѣ и ни въ одномъ онъ никогда не запинался».

Если-бъ 14-го декабря (гдѣ онъ былъ одинъ изъ дѣйствующихъ лицъ) ему довелось говорить народу, или, особенно, солдатамъ, онъ бы представительной своею личностію и блестящимъ краснорѣчіемъ могъ сильно подѣйствовать на толпу, которая всегда охотница до эфектовъ.

Мы, съ братомъ, нѣсколько разъ у него бывали; онъ жилъ тогда очень комфортабельно, у Краснаго моста, на углу Мойки; у него часто собиралось большое общество и мы встрѣчали тамъ многихъ молодыхъ людей, которые впослѣдствіи получили печальную извѣстность, подъ именемъ декабристовъ. У него бывали между прочими — Рылѣевъ, Александръ Бестужевъ, кн. Одоевскій и Кюхельбекеръ. Иногда, послѣ обѣда, кто-нибудь изъ гостей (а чаще другихъ Рылѣевъ) просили моего брата прочесть что-нибудь изъ театральныхъ пьесъ — и братъ часто декламировалъ лучшіе монологи изъ любимыхъ его трагедій и мастерскимъ чтеніемъ своимъ доставлялъ всѣмъ большое удовольствіе. Помню я, какъ однажды, незадолго до роковаго 14-го декабря, мы сидѣли у Якубовича за обѣдомъ, вдругъ входитъ его деньщикъ и подаетъ ему пакетъ изъ главнаго штаба. Онъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ, шумный разговоръ умолкъ... Якубовичъ прочелъ бумагу и глаза его еще сильнѣе налились кровью. Онъ передалъ бумагу Рылѣеву, который сидѣлъ подлѣ него, къ нему наклонились другіе и читали молча, нѣкоторые переглянулись между собою и видимо были сильно переконфужены. Мы, не посвященные въ ихъ тайны, конечно, не могли тогда понять, какая причина была ихъ тревоги. Наконецъ Якубовичъ разразился полнымъ негодованіемъ. Дѣло было въ томъ, что дежурный гене-

ралъ прислалъ къ нему запросъ: почему онъ такъ долго остается въ Петербургѣ и не возвращается на Кавказъ? Вѣроятно срокъ его отпуска уже окончился. Якубовичъ скомкалъ бумагу и бросилъ ее на окошко.

— Чего еще имъ нужно отъ меня?!—вскричалъ онъ, развѣ они не знаютъ, зачѣмъ я проживаю въ Петербургѣ? Развѣ на лбу моемъ не напечатана кровавая причина?

При этихъ словахъ онъ сорвалъ повязку съ своего лба, на которомъ широкій пластырь прикрывалъ его разбитый черепъ.

— Я могу имъ представить свидѣтельство отъ Арендта; онъ мнѣ здѣсь два раза дѣлалъ трепанацію. Что же еще имъ надобно? Вѣдь я для царской же службы подставлялъ этотъ лобъ!..

Александръ Бестужевъ сострилъ что-то по этому случаю, всѣ расхохотались и бесѣда пошла по прежнему: шумно и весело, какъ ни въ чемъ небывало. Послѣ обѣда мы сѣли на диванъ и закурили трубки, а нѣкоторые изъ гостей, въ другой комнатѣ составили отдѣльные кружки и тихо начали разговаривать между собою.

Послѣ 14-го декабря намъ сдѣлалось все ясно, тутъ мы поняли, какое важное значеніе имѣла эта бумага, присланная изъ главнаго штаба, а тогда мы, конечно, ничего не могли заподозрить.

Въ концѣ ноября было получено извѣстіе о кончинѣ императора Александра Павловича. Это неожиданное событіе всѣхъ сильно поразило. Всѣ почти непритворно о немъ плакали; появились гипсовые его бюсты, портреты съ печальными эмблематическими изображеніями, траурныя кольца съ надписью: «Нашъ ангелъ на небесахъ», все это покупалось тогда на расхватъ. Прошли смутныя, тяжолыя двѣ недѣли междуцарствія, въ продолженіи которыхъ успѣли налитографировать портретъ Константина Павловича съ подписью: «Императоръ всероссійскій».

Приближалось грозное 14-е декабря...

Въ народѣ распространялись тревожные слухи, что общественное мнѣніе сильно раздѣлено относительно пріемника престола. На рынкахъ и въ мелочныхъ лавкахъ, куда стекаются изъ низшихъ слоевъ народонаселенія, разные городскія сплетни и нелѣпые толки; много было зловѣщихъ разсказовъ. Такъ и наша прислуга слышала гдѣ-то 13-го декабря, что завтра-де назначена войскамъ присяга и что нѣкоторые полки не хотятъ присягать новому императору Николаю Павловичу. Разумѣется, мы этому

ничему невѣрили и запретили нашей прислугѣ повторять такія нелѣпости.

Наступило утро роковаго дня; казалось, что все шло обычнымъ своимъ порядкомъ: на улицахъ ничего особеннаго не было замѣтно. Въ этотъ день былъ имянинникъ нашъ директоръ, Аполлонъ Александровичъ Майковъ, который хотѣлъ справлять свои имянины у дочерей своихъ Азаревичевыхъ, жившихъ съ матерью въ казенной квартирѣ въ домѣ Голлидея, во 2-м этажѣ (въ томъ самомъ домѣ, гдѣ и мы жили). Надъ ними была тогда квартира танцовщицы Екатерины Телешовой, которую генерал-губернаторъ, гр. Милородовичъ, довольно часто посѣщалъ. Часовъ въ 10 съ половиной графская карета, четверней, подъѣхала къ крыльцу со двора и графъ, въ полной парадной формѣ, въ голубой лентѣ вышелъ изъ нее и пошелъ, по обыкновенію, прежде на верхъ къ Телешовой, а потомъ обѣщалъ зайти на пирогъ къ имянинннику. Видя генерал-губернатора въ то утро совершенно спокойнымъ, мы тоже начали успокоиваться и были почти увѣрены, что нелѣпые вчерашніе слухи не имѣли никакого основанія, иначе какъ бы могъ въ такой важный день и часъ губернаторъ столицы быть въ гостяхъ у частнаго лица? Неужели бы эти зловѣщіе городскіе слухи не дошли до него? Но не прошло и четверти часа, по пріѣздѣ графа, какъ во дворъ нашъ прискакалъ во весь карьеръ казакъ, соскочивъ съ лошади, онъ побѣжалъ на верхъ, въ квартиру Телешевой, и черезъ нѣсколько минутъ карета подъѣхала къ подъѣзду и графъ быстро сбѣжалъ съ лѣстницы, бросился въ карету, дверцы которой едва успѣлъ захлопнуть его лакей и карета стремглавъ помчалась за ворота. Мы побѣжали смотрѣть въ окна, выходившіе на Офицерскую улицу и тутъ увидѣли баталіонъ Гвардейскаго Экипажа, который шелъ въ безпорядкѣ, скорымъ шагомъ, съ барабаннымъ боемъ и распущеннымъ знаменемъ; баталіономъ предводительствовалъ знакомый намъ капитанъ Балкашинъ. Уличные мальчишки окружали солдатъ и кричали: «ура!»

Быстрый отъѣздъ графа и эта послѣдняя картина мало добраго обѣщала. Мы, съ братомъ, начали собираться со двора, чтобы узнать, въ чемъ дѣло, но матушка наша взяла съ насъ слово, чтобы мы далеко не ходили, чтобъ не совались въ толпу и были осторожнѣе. Мы пошли по Большой Морской и тутъ

встрѣтили Сосницкаго, который отправился вмѣстѣ съ нами; мимоходомъ втроемъ завернули мы къ Якубовичу, чтобъ отъ него, какъ отъ военнаго человѣка, что-нибудь узнать обо всей этой сумятицѣ. У него былъ приготовленъ на столѣ завтракъ, но онъ былъ видимо что-то не въ себѣ, въ какомъ-то тревожномъ состояніи. Якубовичъ поздоровался съ нами и сказалъ:

— Закусите, господа, да пойдемте вмѣстѣ на Сенатскую площадь; сегодня присяга, посмотримъ что тамъ дѣлается...

Но намъ нешелъ кусокъ въ горло, и мы отказались отъ завтрака. Онъ велѣлъ подать себѣ шенель и мы всѣ вышли на улицу. Съ Гороховой шла значительная часть Московскаго полка, также съ барабаннымъ боемъ и распущенными знаменами; густая толпа разнаго сброду и особенно пропасть мальчишекъ окружали солдатъ и горланили: «ура!» Якубовичъ пожалъ руку моему брату и побѣжалъ впередъ, вскорѣ мы потеряли его изъ виду; поворотя за уголъ на Морскую, мы увидѣли Якубовича уже безъ шинели, съ обнаженной саблей, впереди полка, онъ сильно кричалъ и махалъ своей саблею. Мы взялись съ братомъ за руки, чтобъ толпа не оттерла насъ другъ отъ друга и пришли на Дворцовую площадь — и тамъ увидѣли новаго императора, въ полной парадной формѣ, передъ баталіономъ Преображенскаго полка. Онъ былъ блѣденъ, но на лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшей робости, онъ торопливо отдавалъ какія-то приказанія своимъ адъютантамъ и окружавшимъ его генераламъ.

Все, видѣнное нами, до сихъ поръ была только шумная увертюра передъ той кровавой драмой, которая, черезъ часъ, должна была разъиграться на Сенатской площади. Со всѣхъ улицъ густыя толпы людей—всякаго званія и возраста—стекались ко дворцу и къ сенату. Тамъ скакала кавалерія; тутъ бѣжала пѣхота; дальше сверкали артилерійскія орудія. Вся эта обстановка предвѣщала близкую грозу и потому мы, съ братомъ, рѣшили лучше, по добру да по здорову, убраться во-свояси.

Братъ мой хотя и разъигрывалъ героевъ во многихъ народныхъ трагедіяхъ и площадныхъ мелодрамахъ, но представленіе на Сенатской площади было намъ обоимъ не по вкусу, и мы должны были оставить свое неумѣстное любопытство, за которое могли дорого поплатиться, потому что пуля-дура — не разбираетъ ни праваго, ни виноватаго.

На обратномъ пути мы увидѣли карету гр. Милорадовича, безъ кучера и форейтора; посторонніе люди вели лошадей подъ уздцы. Тутъ намъ сказали, что въ кучера и форейтора народъ бросалъ на площади полѣньями и избилъ ихъ, Богъ знаетъ за что.

Мы воротились домой часа въ два и разсказали отцу и матери все, что видѣли. День былъ пасмурный, перепадалъ легкій снѣгъ и къ тремъ часамъ значительно стемнѣло. Мы все сидѣли у окошекъ и видѣли безпрерывную суетню на улицѣ: то проскачетъ казакъ, то жандармъ, то фельдъегерь промчится во всю прыть. Часу въ четвертомъ, съ той стороны, гдѣ Сенатская площадь что-то мелькнуло и черезъ нѣсколько секундъ раздался пушечный выстрѣлъ, потомъ — другой, третій и въ нашихъ сердцахъ болѣзненно отозвались эти зловѣщіе выстрѣлы. Матушка наша перекрестилась и заплакала. Тутъ кто-то изъ нашихъ знакомыхъ прибѣжалъ къ намъ прямо съ площади и сказалъ, что гр. Милорадовичъ смертельно раненъ и что въ бунтовщиковъ стрѣляли картечью. Матушка наша никого изъ домашнихъ не отпускала отъ себя. Обѣденный столъ давно былъ накрытъ, но никому изъ насъ и въ голову не приходило пойти въ столовую и мы цѣлый вечеръ провели въ мучительномъ безпокойствѣ и неизвѣстности. Едва только совсѣмъ смерклось, какъ начали показываться казацкіе патрули по всѣмъ улицамъ и переулкамъ. Казакамъ было приказано разгонять народъ, если онъ будетъ собираться кучками или толпою.

Ночью на Сенатской и Дворцовой площади зажжены были костры и нѣкоторые части войска оставались тамъ до утра; около дворца ночевала артилерія съ заряженными пушками, по другимъ улицамъ разставлены были пикеты. На другой день, очень рано я, съ братомъ, пошелъ на Сенатскую площадь и мы увидѣли кровавые слѣды вчерашней драмы. Въ сенатѣ оконочныя стекла и рамы втораго этажа были разбиты въ дребезги. Говорили, что покойный великій князь Михаилъ Павловичъ, желая избѣгнуть пролитія крови, приказалъ артилеристамъ сдѣлать первый выстрѣлъ по верху; но тутъ было нѣсколько невинныхъ жертвъ неумѣстнаго любопытства: иные зѣваки, которые забрались на балконъ, чтобы оттуда взглянуть, что дѣлалось посреди площади, поплатились своими головами. Мы, съ братомъ, въ то утро сами

гидѣли кровавыя пятна на стѣнѣ и на нѣкоторыхъ коллонахъ. Около сената, во многихъ мѣстахъ, снѣгъ былъ смѣшанъ съ кровью; остатки ночныхъ костровъ чернѣлись повсюду. Конно-гвардейскіе отряды разъѣзжали по главнымъ улицамъ. Я подошелъ къ одному изъ нихъ и спросилъ унтер-офицера о князѣ Одоевскомъ, который былъ тогда корнетомъ въ этомъ полку. Унтеръ какъ-то подозрительно взглянулъ на меня и грубо отвѣчалъ мнѣ:

— Ты спрашиваешь: гдѣ князь Одоевскій? Ну, гдѣ онъ будетъ еще Богъ вѣсть!

Братъ мой взялъ меня за руку, отвелъ въ сторону и сказалъ мнѣ:

— Зачѣмъ ты тутъ суешься? Видишь, стало быть, и бѣдный князь попался.

Князь Александръ Ивановичъ Одоевскій былъ другомъ Грибоѣдова и мы у него въ дому познакомились съ нимъ. Ему было съ небольшимъ 20 лѣтъ; онъ былъ очень красивой наружности, прекрасно образованъ, кроткаго и добраго характера, но энтузіастъ, съ пылкимъ воображеніемъ, его легко было увлечь въ заговоръ. Шиллеръ былъ его любимымъ поэтомъ и вообще онъ восхищался нѣмецкой литературой. Въ роковой вчерашній день онъ оставилъ свой полкъ и перешелъ въ ряды бунтовщиковъ.

По слѣдствію оказалось, что онъ уже полгода назадъ сдѣлался членомъ тайнаго общества.

Розыски и допросы слѣдственной комисіи продолжались нѣсколько мѣсяцевъ. Часто случалось намъ, въ продолженіи этого времени, видѣть фельдъегерскую тройку съ какимъ-нибудь несчастнымъ, котораго везли къ допросу изъ-за заставы; или иногда, подъ вечеръ стоявшую наемную карету у крыльца какого-нибудь дома, откуда выходилъ человѣкъ, закутанный въ шубу, или шинель, садился съ жандармскимъ офицеромъ въ карету, а жандармъ помѣщался на козлахъ или на запяткахъ. Тяжолое, грустное было время.

Могло-ли намъ, съ братомъ, придти въ голову, что за нѣсколько недѣль до 14-го декабря мы обѣдали въ кругу главныхъ двигателей заговора. Матушка наша долго была въ тревожномъ состояніи, опасаясь, чтобъ намъ не пришлось несолоно похлебать

за эти обѣды и чтобы и насъ не позвали къ допросу за компанію, но, слава Богу, этого не случилось.

Однажды (это было уже въ августѣ мѣсяцѣ, 1826 года) къ намъ пришелъ деньщикъ Якубовича и сказалъ брату, что его господинъ приказалъ доставить ему, на память, волтеровскія сафьяныя кресла. Матушка до смерти перепугалась и не хотѣла слышать объ этомъ подаркѣ.

— Сохрани тебя Господи, Базиль, брать эти кресла, говорила она ему; можетъ быть въ нихъ запрятаны какія-нибудь бумаги, которыя могутъ тебя погубить!

Братъ хоть и посмѣялся этому предположенію, но не взялъ креселъ, чтобъ успокоить матушку. Мы стали разспрашивать деньщика, когда и какъ былъ арестованъ Якубовичъ и онъ намъ все подробно разсказалъ. Поздно вечеромъ 14-го декабря, Якубовичъ воротился домой, тотчасъ же зарядилъ карабинъ и поставилъ его на окошко, потомъ велѣлъ нà-крѣпко запереть двери съ подъѣзда и рѣшительно никого не впускать къ нему. Часу въ первомъ ночи пріѣхалъ полиціймейстеръ Чихачевъ, съ жандармами, и требовалъ, чтобъ его впустили; ему долго не отворяли дверей, но когда онъ грозился ихъ выломать, Якубовичъ приказалъ отпереть двери. Всѣ бумаги его были забраны и сложены въ наволочку и онъ безпрекословно позволилъ взять себя.

Тутъ его деньщикъ простодушно прибавилъ:

— Богъ ихъ знаетъ, зачѣмъ они изволили зарядить карабинъ? Онъ такъ, нетронутый, и остался на окошкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, поступокъ Якубовича былъ очень загадоченъ; никто, конечно, не сомнѣвался въ его храбрости; и, глядя на его воинственную личность, казалось бы что этому человѣку — жизнь ни почемъ, но, быть можетъ, онъ еще надѣялся оправдаться, а можетъ быть у него просто не хватило духу — пустить себѣ пулю въ лобъ, несмотря на то, что черкеская пуля уже проложила туда дорогу.

Долго еще послѣ 14-го декабря ходили по городу разные анекдоты и разсказы—и въ драматическомъ и комическомъ родѣ; такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что увлеченные къ бунту солдаты положительно не знали настоящей причины возмущенія; начальники и предводители ихъ, заставляя ихъ кричать: «да здравствуетъ конституція!» увѣряли солдатъ, что это супруга

Константина Павловича. Нѣкоторые изъ солдатъ, стоявшіе около сената, захватили тогда, въ свой кружокъ, какого-то стараго нѣмца-сапожника, зѣвавшаго на нихъ по близости изъ любопытства. Они его заставили ружейными прикладами, вмѣстѣ съ ними, провозглашать конституцію! Бѣдный нѣмецъ надсѣдался до хрипоты, но, наконецъ, выбившись изъ силъ, сказалъ имъ:

— Господа солдаты, ради Бога, отпустите меня, возьмите свѣжаго нѣмца, у меня больше голосу нѣтъ, я совсѣмъ не могу провозглашать русскую конституцію!

П. Каратыгинъ.

Арх. 27

ГРИГОРІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ГЛИНКА.

состоявшій кавалеромъ (наставникомъ)

при Великихъ Князьяхъ Николаѣ Павловичѣ и Михаилѣ Павловичѣ.

Род. 1776, † 1818 г.

Григорій Андреевичъ Глинка род. 22-го февраля 1776 г., Смоленской губерніи, Духовщинскаго уѣзда, въ сельцѣ Закупѣ въ имѣніи отца своего Андрея Ильича, отставнаго подпоручика л.-гв. Преображенскаго полка [1]). Послѣдній былъ женатъ на баронессѣ Шар-

[1]) Фамилія Глинка, — древняго польскаго происхожденія, — причислена къ гербу Тржаска (обломокъ), изображающему на лазуревомъ щитѣ золотой полумѣсяцъ рогами вверхъ, на которомъ упираются въ столбъ два обломанныхъ серебряныхъ меча. Гербъ этотъ былъ пожалованъ королемъ Болеславомъ Храбрымъ (царствовавшимъ съ 999-го по 1025 годъ) рыцарю, обломавшему въ бою, защищая особу его, короля, два меча, одинъ свой, а другой самого короля. Гербъ Тржаска именуется также Бяла и Любева; послѣднимъ именемъ названъ въ память основаннаго вышепомянутымъ рыцаремъ въ Великой Польшѣ Любенскаго монастыря. Въ актахъ архива сказаннаго монастыря изъ древнихъ предковъ рода этого упоминаются: Морха, графъ изъ Бялы въ 1091-мъ, и Мстигеній, графъ изъ Бялы, въ 1180 году.

Въ XIV столѣтіи одна отрасль рода Тржаска приняла фамилію Глинка, по имени родоваго имѣнія Глинки. Въ XV столѣтіи Николай Глинка былъ кастеланомъ земли Вислой, а Матвѣй Глинка—бургграфомъ Островскимъ. Грамотою, пожалованною Іоанномъ, княземъ мазовецкимъ, Руси и проч., въ 1490 году, Іоанну и Стефану изъ Глинокъ, родовое ихъ помѣстье Глинки перенесено изъ подъ польскаго права подъ право тевтонское, называемое холмскимъ, во всѣхъ статьяхъ, условіяхъ и частностяхъ (по праву тевтонскому имѣніе освобождалось отъ всѣхъ повинностей). Грамотою, пожалованною Іоанномъ Альбертомъ, королемъ польскимъ, въ 1499 году Якову изъ Глинокъ, старостѣ *) Гостынскому, королевскія имѣнія, въ княжествѣ

*) Въ древней Польшѣ, выраженіе старо́ство было тождественно выраженію графство.

Коронныя земли или старо́ства, очень многочисленныя и обширныя, заключавшія въ себѣ города и деревни, должны были раздаваться польскими королями въ пожизненное владѣніе по заслугамъ. Получившій старо́ство магнатъ удерживалъ всѣ свои прежнія должности и званія, и получалъ право верховнаго суда въ городахъ старо́ства и право пожизненнаго владѣльца въ принадлежавшихъ старо́ству имѣніяхъ и деревняхъ. Но, разъ получивъ старо́ство, магнатъ смотрѣлъ на него какъ на свою полную собственность, продавалъ его, закладывалъ, или передавалъ своимъ дѣтямъ, наравнѣ съ своими вотчинными имѣніями.

лотѣ Антоновнѣ Платенъ, находившейся въ близкомъ свойствѣ съ д. т. с. Василіемъ Михайловичемъ Ребиндеромъ, состоявшимъ при дворѣ Екатерины II въ званіи шталмейстера. Со стороны Ребиндера и его двухъ свояченицъ, бывшихъ въ замужствѣ за лицами, занимавшими тогда въ обществѣ видное положеніе, а именно: за графомъ Владиміромъ Орловымъ и за графомъ Тизенгаузенъ — жена Андрея Ильича Глинки Шарлота Антоновна встрѣтила то содѣйствіе, въ которомъ она нуждалась для своихъ дѣтей. Сынъ ея Григорій поступилъ на службу пажомъ императрицы Екатерины II — 3-го апрѣля 1782 года, на седьмомъ году отъ рожденія. Камеръ-пажомъ пожалованъ 24-го февраля 1796 года. Изъ камеръ-пажей выпущенъ въ л.-гв. Семеновскій полкъ поручикомъ 25-го декабря 1796 года, а въ капитанъ-поручики произведенъ 22-го апрѣля 1797 г. Бывъ еще молодымъ гвардейскимъ офицеромъ, Григорій Андреевичъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ наукамъ, занимался ими усиленно, и, наконецъ, при желаніи согласовать свои занятія съ призваніемъ, оставилъ въ 1799 году военную службу, поступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ, но вскорѣ за тѣмъ занялъ должность цензора, сначала въ Кронштадтѣ, потомъ въ Петербургѣ. Въ 1802 году было приступлено къ учрежденію Дерптскаго университета, въ которомъ всѣ

Мазовецкомъ состоявшія, а именно: замокъ Визненскій (Визскій), вмѣстѣ съ городами Визною, Вонсожъ и Радиловымъ, со всѣми деревнями, къ означенному замку и городамъ причисленными, означенному Якову изъ Глинокъ вѣчною продажею уступлены, съ условіемъ однако же выкупа (видеркауфъ).

Грамотою, пожалованною Александромъ, королемъ польскимъ, въ 1502 году, тому же Якову изъ Глинокъ, старостѣ Визскому, королевскія имѣнія, въ княжествѣ Мазовецкомъ и въ землѣ Плоцкой находившіяся, именно: городъ Млава съ деревнями, къ нему приписанными, означенному Якову изъ Глинокъ вѣчною продажею уступлены, съ условіемъ однако же выкупа (видеркауфъ).

Въ 1641 году, для обороны Сѣверскихъ городовъ, Владиславомъ IV, королемъ польскимъ, были жалованы въ Смоленскомъ воеводствѣ во время бытія его за нимъ, королемъ, имѣнія Викторику-Владиславу Глинкѣ, который былъ выѣзжій изъ короны польской и принадлежалъ къ древнему дворянскому роду Глинка въ Визской землѣ. По отвоеваніи же Смоленска у Польши, сказанный Глинка принялъ православіе, нареченъ въ св. крещеніи Яковомъ Яковлевичемъ и былъ пожалованъ отъ царя Алексѣя Михайловича, въ 1655 году, за его службу помѣстьями; этотъ Яковъ Глинка и есть родоначальникъ русской вѣтви Глинокъ Смоленской губерніи, къ которой сопричисленъ былъ и Григорій Андреевичъ Глинка. См. Высочайше пожалованную, 6-го декабря 1873 г., генералъ-адъютанту Б. Г. Глинкѣ-Маврину — грамоту на соединенный гербъ родовъ Глинки и Маврина, а также «Русскую родословную книгу», томъ II, стр. 22 и 216, изданіе «Русской Старины». Б. Г. М.

предметы должны были преподаваться на нѣмецкомъ языкѣ; такимъ образомъ, за исключеніемъ небольшаго числа лицъ изъ Прибалтійскаго края, профессора въ этотъ университетъ были вызваны изъ Германіи; но, какъ исключеніе, для русскаго языка и русской словесности, былъ нуженъ русскій человѣкъ, и на сдѣланное ему предложеніе, Григорій Андреевичъ поступилъ туда 20-го марта 1803 года профессоромъ по этимъ двумъ предметамъ.

Въ тогдашнее время, русское дворянство, почти всецѣло посвящавшее себя государственной службѣ, какъ военной, такъ и гражданской, и въ средѣ котораго было не малое число людей образованныхъ и даже ученыхъ, — смотрѣло однако на поприще образовательное съ какимъ-то предубѣжденіемъ; но Глинка этому взгляду не подчинился; онъ первый изъ русскихъ дворянъ съ независимымъ состояніемъ вступилъ на кафедру преподавателемъ. На это событіе было указано Карамзинымъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ, въ особой небольшой статьѣ подъ заглавіемъ „Феноменъ“. Въ университетскую среду влекла его главнымъ образомъ надежда найти въ обществѣ ученыхъ и при томъ благовоспитанныхъ и добродушныхъ нѣмцевъ возможность къ удовлетворенію, при самой пріятной обстановкѣ, своей любознательности. Но надеждѣ этой не суждено было осуществиться. Ученость не оградила нѣмецкихъ профессоровъ отъ мелкихъ житейскихъ страстей; съ самаго пріѣзда въ Дерптъ Григорія Андреевича, отношенія его къ послѣднимъ явились натянутыми, а въ послѣдствіи сдѣлались даже непріязненными. Такого рода отношенія вліяли на него нравственно и побудили его оставить Дерптскій университетъ; по его прошенію бывъ уволенъ отъ должности профессора этого университета 30-го іюня 1810 года, онъ удалился въ имѣніе свое въ Смоленской губерніи, гдѣ съ полнымъ увлеченіемъ предался сельскому хозяйству. Въ бытность свою въ Дерптѣ Григорій Андреевичъ женился, 25-го мая 1806 года, на Юстинѣ Карловнѣ Кюхельбекеръ, дочери Карла Ивановича, бывшаго первымъ, по времени, директоромъ г. Павловска (до 1789 г.). Въ продолженіи всей своей 87-ми-лѣтней жизни, Юстина Карловна пользовалась всеобщимъ къ ней уваженіемъ и любовью за ея высокую добродѣтель. Она переселилась въ вѣчность въ 1871 году, въ имѣніи Закупѣ, оплаканная родными и всѣмъ окрестнымъ населеніемъ, о которомъ она не переставала имѣть самое заботливое попеченіе.

Съ 1797 по 1810 годъ Григорій Андреевичъ издалъ въ свѣтъ слѣдующіе труды:

— Риторика въ пользу молодыхъ дѣвицъ, которая равнымъ образомъ можетъ служить и для мужчинъ, любящихъ словесныя науки. Соч. Гальяра, переводъ съ французскаго. С.-Петербургъ. 1797 г.

— Дочь любви—семейственная картина въ 4-хъ дѣйствіяхъ С.-П.-Б. 1801 г.

— Лѣтописи царствованія Екатерины II. Соч. Шторха, часть 1-я С.-П.-Б. 1801.

— Императоръ Александръ въ Ригѣ 24, 25 и 26-го мая 1802 года. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-П.-Б. 1802.

— Россійская Исторія. Соч. Левека, част. 1-я, перев. съ франц., 1802.

— Древняя религія славянъ. Митава. 1804.

— Учебная книга Россійскаго языка для употребленія въ лифляндскихъ, эстляндскихъ и курляндскихъ школахъ. Митава. 1805.

— Тоже на нѣмецкомъ языкѣ. 1806.

— Современныя записки о Россіи въ историческомъ, политическомъ и военно-дѣйственномъ отношеніяхъ. Соч. Христофора Манштейна. Двѣ части. Переводъ съ французскаго. Дерптъ. 1810[1]).

Непродолжительно было пребываніе Григорія Андреевича въ деревнѣ. Въ 1811 году воспитаніе молодыхъ великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича было возложено императрицею Маріею Ѳедоровною на Ламсдорфа, при участіи въ томъ, подъ его руководствомъ, нѣсколькихъ лицъ, носившихъ названіе кавалеровъ. При увольненіи отъ этой должности одного изъ нихъ, Дивова, по указанію другаго кавалера, Саврасова, бывшаго товарищемъ Григорія Андреевича Глинки по пажескому корпусу, мѣсто это было предложено послѣднему, которымъ оно и было принято. Отзывъ, въ которомъ заключалось это предложеніе, былъ полученъ въ деревнѣ въ почтовой сумкѣ съ другими пакетами въ то именно время, когда Григорій Андреевичъ занимался насажденіемъ въ саду плодовыхъ деревъ. Не подозрѣвая важности той новости, которая содержалась въ сумкѣ этой, онъ положилъ ее въ сторону и вскрылъ не прежде, какъ по окончаніи садовой своей работы.

Въ маѣ 1811 года Григорій Андреевичъ прибылъ въ Петербургъ и вступилъ въ исправленіе своихъ новыхъ служебныхъ обязанностей, оставивъ жену и дѣтей въ деревнѣ до осени.

До того времени здоровье его было весьма удовлетворительное; но, въ одной изъ своихъ поѣздокъ изъ Петербурга въ Павловскъ, онъ сильно простудился и схватилъ ревматизмъ, отъ котораго онъ уже никогда не оправился, и который былъ началомъ аневризма въ сердцѣ, причинившаго преждевременную его кончину.

Кромѣ обязанностей по званію кавалера, императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ угодно было возложить на Григорія Андреевича порученіе чи-

[1]) Объ этомъ первомъ, по времени, переводѣ на русскій языкъ весьма замѣчательныхъ Записокъ Манштейна см. въ приложеніяхъ къ новѣйшему переводу этого историческаго памятника, изд. «Русской Старины» 1875 г. Подлинникъ соч. Манштейна принадлежитъ библіотекѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, въ Павловскѣ.

тать русскую словесность великой княжнѣ Аннѣ Павловнѣ; когда же, въ послѣдствіи, по неимѣнію времени, онъ этого преподаванія исполнять не могъ, то, по его же указанію, оно было возложено, по волѣ императрицы, на нашего извѣстнаго писателя В. А. Жуковскаго, бывшаго въ пріятельскихъ отношеніяхъ съ Григоріемъ Андреевичемъ.

Съ дальнѣйшими выдающимися чертами жизни Григорія Андреевича можно ознакомиться по помѣщаемымъ ниже выдержкамъ изъ писемъ его къ женѣ своей, а также изъ писемъ къ нему и женѣ его, писанныхъ августѣйшими особами императорскаго дома.

Выдержки изъ писемъ Григорія Андреевича съ 1811 по 1815 годъ указываютъ на нѣкоторые существовавшіе тогда порядки при дворѣ императрицы Маріи Ѳеодоровны. Дальнѣйшія же таковыя выдержки относятся исключительно до путешествій, совершенныхъ великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ съ мая по сентябрь 1816 года по Россіи и съ того же сентября по апрѣль 1817 года за границей, а также до путешествія, совершеннаго великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ по Россіи съ августа 1817 по февраль 1818 года.

Въ этихъ путешествіяхъ сопровождали в. к. Николая Павловича: по Россіи — генералъ Голенищевъ-Кутузовъ и кавалеры Саврасовъ и Глинка, а за границей, — кромѣ этихъ лицъ, и генералъ Ламсдорфъ; великаго же князя Михаила Павловича сопровождали по Россіи — генералъ Паскевичъ и кавалеры Алединскій и Глинка.

Достойно замѣчанія, что выборъ генерала Паскевича для этого порученія послѣдовалъ вслѣдствіе указанія императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ на эту особу Глинкою, который былъ его товарищемъ по пажескому корпусу.

Григорій Андреевичъ Глинка скончался скоропостижно 9-го февраля 1818 года въ Москвѣ, къ концу путешествія великаго князя Михаила Павловича по Россіи.

Предсмертныя минуты жизни Глинки описаны яркими красками, въ трогательныхъ выраженіяхъ, въ двухъ собственноручныхъ письмахъ императрицы Маріи Ѳедоровны, ниже помѣщенныхъ.

Только два мѣсяца не дожилъ Григорій Андреевичъ до того радостнаго дня, когда вся Россія привѣтствовала рожденіе нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Однако, земное поприще Г. А. Глинки не прошло безслѣдно по важности лежавшаго на немъ, въ послѣдніе семь лѣтъ его жизни, призванія, а также и по тому событію, что, при его посредствѣ, были впервые приближены ко двору императрицы Маріи Ѳедоровны двѣ достопримѣчательныя въ послѣд-

ствіи личности: Василій Андреевичъ Жуковскій и Иванъ Ѳедоровичъ Паскевичъ.

Помѣщаемыя въ концѣ этой статьи письма отъ августѣйшихъ особъ императорскаго дома служатъ указаніемъ милостиваго ихъ расположенія къ Григорію Андреевичу.

Письма отъ императрицы Маріи Ѳедоровны, оказывающіяся въ бо́льшемъ противъ другихъ писемъ числѣ, свидѣтельствуютъ также о высокихъ качествахъ ея величества.

I.

Выдержки изъ писемъ Г. А. Глинки къ его женѣ[1]).

1811—1818.

С.-Петербургъ.—22-го мая 1811 г.

14-го мая я благополучно прибылъ въ Гатчино и на слѣдующій день былъ представленъ вдовствующей государынѣ. Она приняла меня въ высшей степени милостиво; въ тотъ день, который я провелъ въ Гатчино, меня призывали къ ней три раза и она всякій разъ подолгу весьма милостиво разговаривала со мною. Въ тотъ день я обѣдалъ и ужиналъ у нея; она сама провела меня къ великимъ князьямъ, которые чрезвычайно понравились мнѣ, такъ какъ они обладаютъ, повидимому, прекраснѣйшимъ въ мірѣ характеромъ и отнеслись ко мнѣ съ такимъ вниманіемъ и предупредительностью, которыя по истинѣ тронули меня. Покуда ты не пріѣдешь изъ Закупа, я расчитываю обѣдать почти ежедневно у великихъ князей, у которыхъ не чувствуешь ни малѣйшаго стѣсненія; служба кавалеровъ не имѣетъ въ себѣ ничего непріятнаго; напротивъ того, всѣ мои товарищи исполняютъ свою обязанность съ истиннымъ удовольствіемъ. Я нахожусь въ настоящее время въ Петербургѣ, гдѣ ожидаю прибытія вдовствующей государыни, которая представитъ меня императору, а 24-го мая мы отправимся въ Павловскъ, гдѣ я вступлю въ должность.

Занимаемое мною теперь мѣсто было предложено мнѣ по ходатайству моихъ знакомыхъ изъ лицъ приближенныхъ къ императрицѣ Маріи и самъ императоръ убѣдилъ свою родительницу отдать мнѣ предпочтеніе предъ другими соискателями, отозвавшись обо мнѣ самымъ лестнымъ образомъ.

Императрица проводитъ въ Гатчино семь, восемь мѣсяцевъ въ году; остальное время она живетъ въ Павловскѣ и только время отъ

---

[1]) Бо́льшая часть писемъ Григорія Андреевича писаны на французскомъ языкѣ, которымъ онъ, равно какъ и нѣмецкимъ, владѣлъ въ совершенствѣ. Но мы выдержки эти, для удобства читателей, помѣщаемъ въ переводѣ.

Б. Г. М.

времени возитъ великихъ князей на нѣсколько дней въ Петербургъ. Въ Павловскѣ, и въ особенности въ Гатчицо, мы имѣемъ при дворѣ прекрасную квартиру, совершенно меблированную, такъ что изъ мебели ничего не нужно покупать или вести изъ Закупа. Никто изъ насъ не держитъ лошадей, такъ какъ, въ случаѣ надобности, мы можемъ пользоваться экипажемъ отъ двора; точно также намъ не нужно имѣть квартиры въ Петербургѣ, но въ Гатчино и Павловскѣ мы имѣемъ свой столъ, а туалетъ также будетъ порядочно стоить намъ обоимъ, въ особенности же тебѣ, такъ какъ въ Павловскѣ каждое воскресенье бываетъ парадный балъ для лицъ высокопоставленныхъ, пріѣзжающихъ туда обыкновенно изъ Петербурга и на эти балы всегда приглашаются жены кавалеровъ. Всѣ радуются здѣсь нашему счастію и шлютъ тебѣ самый искренній привѣтъ. Ты увидишь сама, что нигдѣ не живется такъ хорошо во всѣхъ отношеніяхъ, какъ намъ будетъ въ Павловскѣ и Гатчинѣ.

Гатчино.—24-го мая 1811 г.

.....Вчера окончились всѣ обряды и порядки, сопряженные съ поступленіемъ моимъ въ новую должность; вчера же я былъ представленъ вдовствующей государынѣ императору, который обошелся со мною не какъ монархъ, но скорѣе какъ старый знакомый, а сама государыня—воплощенная доброта. Покуда день проходитъ у меня слѣдующимъ образомъ: я встаю въ 5 или 6 часовъ и выхожу гулять въ прекрасный гатчинскій паркъ, а если погода неблагопріятствуетъ, то занимаюсь чтеніемъ; въ 10 часовъ спускаюсь завтракать къ великимъ князьямъ и до 12-ти часовъ присутствую при ихъ урокахъ. Съ 12-ти до 2-хъ я сижу у себя или гуляю въ паркѣ съ великими князьями; послѣ обѣда ихъ высочества играютъ съ нами въ билліардѣ, по 30 коп. сер. партія; въ 4 часа я опять присутствую при ихъ урокахъ; въ 6 часовъ мы пьемъ у нихъ чай, послѣ чего я гуляю съ ними, и послѣ двухъчасоваго занятія, во время котораго великіе князья остаются одни съ своими дежурными кавалерами, я иду во дворецъ ужинать, а въ 10 часовъ всякій удаляется къ себѣ.

Великіе князья съ нами въ высшей степени вѣжливы и предупредительны и окружающіе ихъ кавалеры [1]) вполнѣ честные люди, такъ что наша будущая жизнь представляется мнѣ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ...

---

[1]) Состояли при ихъ императорскихъ высочествахъ кавалерами: Аладинскій, Саврасовъ, Ушаковъ, Ахвердовъ, Вульфъ и Глинка.

Б. Г. М.

Павловскъ.—14-го іюня 1811 г.

.....Что касается до нашего туалета, то я позабочусь о немъ, но все же я желалъ бы, чтобы ты заранѣе извѣстила меня, когда именно думаешь предпринять путешествіе въ Петербургъ; вдовствующая государыня уже два раза спрашивала меня объ этомъ и великая княжна Анна, при свиданіи со мною, всякій разъ освѣдомляется о тебѣ и о времени твоего пріѣзда.

Ты писала, что очень желала бы знать, кому я обязанъ своимъ мѣстомъ? г. Ламсдорфу говорилъ обо мнѣ кавалеръ ихъ высочествъ г. Саврасовъ, а императоръ самъ посовѣтовалъ вдовствующей государынѣ отдать мнѣ предпочтеніе передъ другими; подумай, что императоръ безъ моего вѣдома хотѣлъ назначить меня директоромъ лицея; императрица Марія высказала это въ обществѣ; но я предпочитаю занимаемое мною теперь мѣсто...

Павловскъ.—24-го іюня 1811 г.

Дней 8 тому назадъ, за отсутствіемъ кавалера ихъ высочествъ, генерала Ахвердова, вдовствующая государыня поручила мнѣ замѣнить его при урокахъ великихъ князей по исторіи, географіи и статистикѣ Россіи, а равно и по русскому языку и литературѣ, и мнѣ кажется, что ея величество осталась довольною моимъ изложеніемъ этихъ предметовъ [1]).

Вчера императрица поручила мнѣ вычеркнуть и замарать чернилами все то, что безполезно или вредно читать великому князю Николаю въ исторіи Россіи, написанной г. Левекомъ (Lesvesque) и представить эту книгу, прежде нежели великому князю, самой императрицѣ, съ указаніемъ зачеркиваемыхъ мѣстъ. 20-го числа этого мѣсяца дворъ отправится въ Петергофъ, гдѣ мы проведемъ, вѣроятно, съ недѣлю или двѣ; я воспользуюсь этимъ случаемъ, чтобы посѣтить моихъ кронштадтскихъ знакомыхъ, и буду также нѣсколько разъ у княгини Шаховской [2]), которая живетъ въ 6-ти верстахъ отъ Петергофа.

С.-Петербургъ.—19-го мая 1814 г.

....Вчера поутру я прибылъ въ Петербургъ, сегодня былъ представленъ ея императорскому величеству, которая приняла меня чрезвычайно милостиво и съ полчаса бесѣдовала со мною въ своемъ кабинетѣ; великая княжна была также весьма добра ко мнѣ и отъ

[1]) Великій князь Михаилъ Павловичъ имѣлъ обыкновеніе передавать нѣкоторыя изъ его учебныхъ книгъ, становившихся ненужными, Григорію Андреевичу, для его дѣтей. У послѣднихъ и понынѣ хранится азбука, по которой учился его высочество.

[2]) Бабка графовъ Андрея и Петра Павловичей Шуваловыхъ. **В. Г. М.**

избытка вниманія даже поцѣловала меня. Представь себѣ, что она поспѣшила къ графинѣ Ливенъ лишь только послѣдняя увѣдомила ее, что я нахожусь у нея; сегодня я приглашенъ на обѣдъ къ вдовствующей государынѣ. 22-го мая дворъ отправляется въ Павловскъ, куда и я поѣду нѣсколько времени спустя...

Гатчино.—20-го сентября 1814 г.

....Все лѣто проходитъ у насъ въ разъѣздахъ, поэтому мнѣ удается писать тебѣ только урывками и когда дозволяетъ время...

Вотъ уже три недѣли какъ возобновились занятія ихъ высочествъ, но въ настоящее время неизвѣстно какъ долго они продлятся. Точно также еще ничего неизвѣстно о судьбѣ великой княжны Анны.

....16-го сентября мы переѣхали въ Гатчино, гдѣ проживемъ до 16-го октября....

Павловскъ.—9-го августа 1815 г.

Спѣшу увѣдомить тебя, что путешествіе мое совершилось благополучно.... Въ Павловскѣ я былъ весьма милостиво принятъ императрицей, и великая княжна была со мною также чрезвычайно любезна. Окончивъ уроки у в. к. Анны, я поѣду въ Петербургъ, гдѣ думаю остаться до воскресенья.... По извѣстію, полученному отъ государя, все августѣйшее семейство здорово, но время отъѣзда ихъ изъ Парижа еще не опредѣлено. Бонапарта отвезутъ, по всей вѣроятности, на островъ Св. Елены; въ Плимутѣ всѣ сбѣжались поглядѣть на него, точно такъ, какъ въ Петербургѣ всѣ стремятся увидѣть слоновъ.... Я забылъ тебѣ сказать, что ея императорское величество, и въ особенности великая княжна, очень интересовались тобою и дѣтьми, и я долженъ былъ подробно разсказать объ ихъ образѣ жизни въ деревнѣ; разсказъ тотъ чрезвычайно заинтересовалъ ее; она увѣряетъ меня, что какъ нельзя лучше помнитъ нашего Митиньку [1]).

Павловскъ.—23-го августа 1815.

....Я начну съ вещей крайне для насъ интересныхъ: ея высочество в. к. Анна Павловна помолвлена за сына голландскаго короля, принца Оранскаго, о которомъ всѣ отзываются самымъ лестнымъ образомъ. Великая княжна сама мнѣ о томъ объявила и показала принцево письмо, къ государю императору по сему случаю писанное. Только не говори о бракѣ семъ никому; государь того требуетъ, хотя всѣ въ городѣ о томъ публично говорятъ. Великіе князья, вѣроятно, не такъ-то скоро прибудутъ въ Петербургъ; а между тѣмъ, какъ государыня сама мнѣ изволила говорить, воспитаніе ихъ высочествъ съ

[1]) Старшій сынъ Григорія Андреевича Глинки. В. Г. М.

пріѣздомъ ихъ туда еще не кончится. Императрица, какъ говорятъ, проживетъ въ Павловскѣ до половины сентября; когдажъ погода будетъ стоять хорошая, то и долѣе здѣсь пробудетъ; на долгое ли время поѣдетъ въ Гатчино, сказать не умѣю....

Павловскъ.—13-го сентября 1815 г.

....8-го числа этого мѣсяца, отославъ мои письма къ тебѣ и покончивъ урокъ съ великой княжной, я воспользовался прекрасной погодой, чтобы совершить прогулку; дойдя до моста, близь Елисаветинскаго павильона, я увидѣлъ на берегу кучку женскаго платья. Подстрекаемый непреодолимымъ и вовсе несвойственнымъ мнѣ любопытствомъ, я захотѣлъ узнать: что это была за купальщица въ такую холодную пору; заглянувъ черезъ перила моста, я увидѣлъ только темя этой женщины; встревоженный этимъ, я начинаю кричать,— отвѣта нѣтъ и не замѣтно ни малѣйшаго движенія. Не имѣя возможности вытащить тѣло несчастной, вслѣдствіе глубины Славянки, и такъ какъ оно было довольно далеко отъ берега, я громко звалъ на помощь; на мой крикъ прибѣжалъ сторожъ и мы во-время успѣли вытащить тѣло утопленницы; къ ней тотчасъ же былъ призванъ докторъ Ритмейстеръ и, благодаря его попеченіямъ, молодая дѣвушка находится теперь внѣ опасности, хотя страдаетъ еще сильной лихорадкой. Это дочь павловскаго садовника, г. Э....., которая, вслѣдствіе крайне жестокаго обращенія злой мачихи, рѣшила покончить свое жалкое существованіе. Впрочемъ, сама она въ высшей степени кроткая и одарена прекрасными качествами, такъ что объ ней относятся вообще съ величайшей похвалой. Всѣ поздравляютъ меня съ тѣмъ, что на мою долю выпало счастіе спасти жизнь этой несчастной дѣвушки; императрица каждый день увѣдомляетъ меня о состояніи здоровья дѣвицы Э....., и я, желая составить счастіе молодаго существа, порученнаго мнѣ Богомъ и которая при томъ можетъ быть намъ весьма полезна при дѣтяхъ, желалъ бы только знать, одабриваешь ли ты мое намѣреніе. Дѣвушкѣ этой около двадцати лѣтъ, она отлично говоритъ по нѣмецки, и, по видимому, весьма годится въ няньки. До твоего пріѣзда она будетъ помѣщаться въ домѣ нашей павловской сосѣдки, г-жи Гельмштадтъ. Я далъ 25 р. на содержаніе ея у вдовы одного пастора, куда помѣстила ее императрица, и придется сдѣлать для нея еще нѣкоторыя затраты [1]). Завтра (14-го) мы ѣдемъ въ городъ, а оттуда отправимся 16-го или 17-го въ Гатчино, гдѣ императрица думаетъ пробыть нѣсколько недѣль....

[1]) Дѣвица Э..... поступила въ домъ Григорія Андреевича Глинки на должность няньки, а послѣ нѣкотораго времени возвратилась въ домъ своего отца.

Б. Г. М.

С.-Петербургъ.—3-го декабря 1815 г.

.....Вчера государь императоръ прибылъ сюда, а императрица пріѣхала 30-го ноября; сегодня я представлялся ей и былъ ею принятъ какъ нельзя милостивѣе. Воспитаніе ихъ высочествъ, вѣроятно, еще на годъ времени продолжится, то есть до бракосочетанія в. к. Николая Павловича. Императрица приказала мнѣ проходить съ нимъ россійскую словесность. Принцессу Шарлоту, дочь короля прусскаго, также мнѣ назначено обучать русскому языку; кажется, что мнѣ суждено заниматься и съ тѣми, о коихъ я и во снѣ не мечталъ.

.....Такъ какъ ты меня просишь о сообщеніи тебѣ любопытныхъ новостей, то, сказавши тебѣ,—что уже извѣстно по вѣдомостямъ,—что в. к. Анна Павловна и Екатерина Павловна выходятъ замужъ, что принца Оранскаго ждутъ сюда въ первой половинѣ декабря мѣсяца, что принцесса Шарлота прибудетъ, вѣроятно, въ Петербургъ въ сентябрѣ будущаго года, а зимою конечно и свадьба ихъ будетъ, — я, право, на сей разъ не знаю иныхъ новостей.

С.-Петербургъ.—13-го декабря 1815 г.

Сегодня наконецъ пріѣхалъ принцъ Оранскій — личность весьма пріятной наружности и пользующійся хорошей славой, какъ военный и какъ принцъ. При дворѣ будетъ много празднествъ...

13-го числа, какъ я уже говорилъ тебѣ, благополучно прибылъ сюда принцъ Оранскій, чтобы осуществить тѣ ожиданія, которыя мы всѣ, и я въ особенности, имѣемъ касательно великой княжны. Знаешь ли, на прошлой недѣлѣ она звала меня непремѣнно посѣтить ее въ Брюсселѣ, и когда я возразилъ ей, что если бы я захотѣлъ даже совершить путешествіе изъ Любека въ Брюссель пѣшкомъ, то все же оно потребовало бы значительныхъ издержекъ, то она прервала меня, сказавъ, что еще до отъѣзда своего изъ Петербурга позаботится объ устраненіи этого препятствія. Хотя бы слова эти не повели ни къ чему, но все же надобно сознаться, что подобное вниманіе съ ея стороны весьма пріятно для меня...

С.-Петербургъ.—12-го января 1816 г.

.....Сегодня, т. е. 12-го января, бракосочетаніе в. к. Екатерины Павловны, а 28-го обрученіе в. к. Анны Павловны;—она, кажется, наисчастливѣйшая изъ всѣхъ своихъ сестеръ...

С.-Петербургъ.—1-го февраля 1816 г.

..... Обрученіе в. к. Анны Павловны благополучно совершено, и вѣроятно, что до великаго поста и свадьба будетъ, а послѣ брака съ мужемъ своимъ проживутъ здѣсь до іюня мѣсяца...

28-го апрѣля 1816 г.

..... 9-го мая его высочество великій князь Николай отправится путешествовать. Вдовствующая государыня объявила мнѣ на прошлой недѣлѣ, что Государь одобрилъ ея выборъ, и меня назначили сопровождать его высочество въ обоихъ путешествіяхъ...

Могилевъ-Бѣлорусскій.—23-го мая 1816 г.

..... Путешествіе наше по сей часъ ничего не представляло для меня непріятнаго; вездѣ насъ, кавалеровъ, принимаютъ съ особенною пріязнію и уваженіемъ; здѣсь, въ Могилевѣ, жена фельдмаршала Барклая-де-Толли обласкала меня какъ своего родственника. Сегодня я писалъ большой рапортъ къ императрицѣ Маріи Ѳедоровнѣ, также къ в. к. Маріи Павловнѣ.

Черниговъ.—29-го мая 1816 г.

.....До Малороссіи путешествіе наше представляло мало интереснаго; всюду видна одна только бѣдность и безпорядокъ; даже самая мѣстность не имѣетъ ничего привлекательнаго. Теперь она принимаетъ мало по малу болѣе красивый видъ.

Завтра мы выѣдемъ въ Кіевъ. Всѣ мы страдаемъ немного отъ жары...

Крыловъ (Херсон. губ.).—6-го іюня 1816 г.

Вотъ мы и въ Херсонской губерніи, гдѣ растительность прекрасная, климатъ очень хорошій, но человѣкъ не умѣетъ и не хочетъ воспользоваться щедрыми дарами природы; поэтому ничто не обрабатывается здѣсь какъ слѣдуетъ; зерно даетъ не болѣе какъ самъ 8—12; садоводство находится также во младенчествѣ; словомъ, эта страна не такая, въ которой я желалъ бы поселиться. Въ хижинѣ у малоросса опрятно, но нигдѣ не замѣтно слѣдовъ благосостоянія или достатка, разлитаго въ тамошнемъ высшемъ сословіи. Путешествіе наше довольно пріятно, но мы страдаемъ отъ чрезмѣрной жары: иногда въ тѣни бываетъ до 28° тепла. Кіевъ—интересный городъ по историческимъ воспоминаніямъ и какъ христіанская столица нашей родины; мѣстоположеніе его живописное, но самый городъ нельзя назвать красивымъ. Повѣришь ли ты, что Смоленскъ до сихъ поръ самый красивый изъ всѣхъ видѣнныхъ мною городовъ. Меня интересуютъ Севастополь и Одесса, которые, по разсказамъ, должны быть весьма красивы, но болѣе всего я желаю видѣть прелестный южный берегъ Крыма.

Я написалъ сегодня очень длинное посланіе великой княгинѣ Маріи; оно наполнено только подробнымъ описаніемъ Кіева. Сегодня мы переночуемъ въ Кременчугѣ, а завтра, или послѣ завтра, отправимся въ Полтаву...

8-го іюня мы прибыли въ Полтаву... Сегодня и завтра мы употребимъ на осмотръ Полтавы; и въ настоящую минуту я долженъ написать и отправить отчетъ вдовствующей государынѣ.

Одесса.—22-го іюня 1816 г.

.....Проводя теперь весь день въ поѣздкѣ и присутствуя при празднествахъ, устраиваемыхъ въ честь великаго князя, я не могу даже послать рапорта государынѣ. Пишу тебѣ эти нѣсколько строкъ въ два часа пополуночи, а завтра мы выѣдемъ отсюда въ 5 часовъ утра.

Деревня Саблы, близь Бакчисарая.—26-го іюня 1816 г.

..... Мы въѣхали въ полуденную часть Крыма, и хотя климатъ и мѣстоположеніе прекрасные, но не надобно здѣсь искать людей и просвѣщенія. Въ Одессѣ, однакожъ, я прожилъ четыре дня пріятно, посѣщая ежедневно Джемса [1]) домъ, гдѣ мнѣ рады всѣ были какъ самому близкому родному. Я довольно здоровъ; не безъ удовольствія нахожусь въ семъ путешествіи нашемъ, но съ великимъ нетерпѣніемъ ожидаю возвращенія нашего въ Павловскъ къ 15-му августа...

Таганрогъ.—10-го іюля 1816 г.

Третьяго дня мы окончили наше путешествіе по Азовскому морю и хотя переѣздъ этотъ не представлялъ никакой опасности и путешествіе продолжалось, къ счастію, не болѣе двухъ дней, но вѣтеръ былъ до того крѣпкій, что мы всѣ страдали отъ сильной качки....

Вчера я удостоился получить весьма милостивое письмо отъ вдовствующей государыни, по поводу моихъ отчетовъ.....

Императрица писала мнѣ, что ты здорова и она расчитываетъ имѣть удовольствіе видѣть тебя въ тотъ же день, 16-го іюня.

Орелъ.—24-го іюля 1816 г.

.....Мы уже послѣднюю 7-ю тысячу ѣдемъ и, кажется, что 11-го или 12-го августа будемъ въ Павловскѣ, который на сей разъ для меня любезнѣе, нежели когда либо былъ. За недосугомъ я ничего не могу тебѣ писать о нашемъ путешествіи; одно лишь скажу тебѣ, къ совершенному успокоенію твоему на счетъ своего муженька, что по сіе мѣсто не видалъ почти трехъ красивыхъ женскихъ лицъ между россіянками, столько мало Россія богата красавицами! послѣ чего не имѣешь надобности, кажется, проводить ночи въ безсонницахъ.....

Тула.—27-го іюля 1816 г.

.....Благосклонный пріемъ, оказанный тебѣ великою княгинею Маріей, чрезвычайно порадовалъ меня; восемь дней тому назадъ, она прислала мнѣ письмо, которое носитъ отпечатокъ ея благоволенія. Ты будешь, быть можетъ, огорчена, узнавъ, что его императорское вели-

---

[1]) Англійскій консулъ въ Одессѣ. **Б. Г. М.**

чество предлагаетъ великому князю Николаю отправиться 14-го или 16-го августа въ Клинъ, чтобы сопровождать его въ Москву, откуда его высочество отправится въ Петербургъ, по всей вѣроятности, не ранѣе 4-го или 5-го сентября.

Клинъ.—10-го августа 1816 г.

.....Мы пробудемъ въ Клину до 14-го; я полагаю, что его высочество остановится въ Москвѣ не болѣе какъ дней на восемь, но, впрочемъ, срокъ пребыванія великаго князя въ Москвѣ будетъ опредѣленъ императоромъ; все же въ началѣ сентября мы возвратимся въ Павловскъ.....

Берлинъ.—22-го сентября 1816 г.

Послѣ совершенно благополучной и даже пріятной съ старикомъ Ламсдорфомъ поѣздки, сентября 21-го дня, около полуночи, мы прибыли вмѣстѣ съ великимъ княземъ въ Берлинъ. Берлинъ прекрасный городъ; вчера, кромѣ обѣда у короля прусскаго, я весь день провелъ на улицахъ, и любовался городомъ какъ нельзя больше; и сегодня располагаю ходить по городу. Мы живемъ въ Королевскомъ замкѣ весьма просторно и все придумано королемъ, чтобъ содѣлать пребываніе наше въ Берлинѣ наипріятнѣйшимъ. Легко можетъ быть, что когда великій князь поѣдетъ дней на 8 или на 10 въ Шарлотенбургъ, я постараюсь на это время побывать въ Дрезденѣ. Ламсдорфъ самъ мнѣ совѣтуетъ не пропускать сего случая видѣть Дрезденъ, менѣе нежели въ 150-ти верстахъ отсюда отстоящій; къ томужъ, великій князь будетъ жить въ Шарлотенбургѣ, вѣроятно, съ однимъ лишь Ламсдорфомъ, и мы будемъ оставаться въ Берлинѣ одни. Вообще я ожидаю большаго для себя удовольствія отъ сего путешествія. Ты его сдѣлаешь для меня еще болѣе пріятнымъ, писавши ко мнѣ почаще черезъ императрицу и извѣщая обстоятельно о всемъ, касающемся до семейства нашего и до тебя, любезный другъ!....

Берлинъ.—10-го (22-го) октября 1816 г.

.....Я провелъ восемь дней въ Дрезденѣ самымъ восхитительнымъ образомъ, и не понимаю, чтобы тамъ можно было чувствовать что-либо кромѣ удовольствія, если человѣкъ не относится совершенно равнодушно къ красотамъ природы. Это самая прелестная изъ видѣнныхъ много доселѣ странъ и я чрезвычайно доволенъ, что съумѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобы посѣтить прелестную Саксонію. Король прусскій, желая доставить мнѣ всѣ удобства, соблаговолилъ дать мнѣ изящный и легкій экипажъ.

.....15-го (27-го) этого мѣсяца мы выѣдемъ изъ Берлина, или, точнѣе говоря, изъ Шарлотенбурга, откуда я пишу тебѣ въ настоящую минуту, и отправимся черезъ Лейпцигъ въ Веймаръ, а затѣмъ въ Брюссель, оттуда черезъ сѣверную Францію въ Лондонъ.....

Веймаръ.—21-го октября (2-го ноября) 1816 г.

Пробывъ въ Веймарѣ двое сутокъ съ удовольствіемъ, обласканный какъ нельзя больше любезною нашею великою княгинею Маріею Павловною, завтра рано поутру отправляемся мы въ Кассель (Гессенскій), а оттуда уже въ Брюссель, гдѣ, вѣроятно, великій князь пробудетъ съ недѣлю времени. Хотя мы и ѣздили по Германіи большею частію по курьерски, однакожъ, я вездѣ старался навѣдываться и видѣть все любопытства достойное; сейчасъ, напримѣръ, я обозрѣвалъ университетъ Іенскій и самый городъ, куда сама великая княгиня меня послала, доставивъ всѣ способы ознакомиться съ учеными сего города. Отсюда Германія еще болѣе становится занимательною по многимъ отношеніямъ.... При прощаніи съ великою княгинею, она, по добротѣ души своей, желала мнѣ доставить всевозможное удовольствіе, давши пріятныя для меня препорученія въ Брюссель; а между прочимъ обѣщала писать къ тебѣ, извѣщая обо мнѣ....

Брюссель.

Я сдѣлалъ уже планъ моего путешествія вдоль по Рейну, и хотя оно продлится не болѣе какъ дней десять, но я ожидаю отъ него большое для себя удовольствіе; вообще, я не надѣялся прежде сего, чтобы поѣздка сія столько могла быть для меня интересна. Отъ государыни императрицы я получилъ три милостивыхъ рескрипта и пріятное со стороны ея величества обнадеживаніе, что она довольна мною какъ нельзя больше; также два любезныхъ для меня письма отъ великой княгини Маріи Павловны. Ея высочество Анна Павловна обходится здѣсь въ Брюсселѣ съ прежнею благосклонностью...

Лондонъ.—10-го (22-го) ноября 1816 г.

.....Мы теперь проживаемъ въ Лондонѣ, но онъ такъ огроменъ что съ нимъ не прежде какъ недѣли черезъ три познакомиться можно. На первый разъ великій князь пробудетъ здѣсь 7 или 8 дней, то-есть по 13-е (25-е) ноября, потомъ осмотритъ Великобританію, а на возвратномъ уже пути проживетъ въ Лондонѣ 3 или 4 недѣли... Очень почитаю себя счастливымъ, обозрѣвая столько любопытныя земли, но, какъ передъ Богомъ, желаю скорѣе возвратиться въ Петербургъ, къ близкимъ моему сердцу. Это чувство, кажется, будетъ послѣднимъ въ жизни моей...

Клермонъ (загородный дворецъ принц. Шарлоты).—17-го (29-го) ноября 1816 г.

Я пишу къ тебѣ письмо сіе изъ прекраснаго загороднаго дворца принцессы Шарлоты, куда великій князь для гощенія пріѣхалъ вчера съ графомъ Ливеномъ, генераломъ Кутузовымъ и со мною (въ 20-ти вер-

стахъ отъ Лондона) [1]). Дворецъ отнюдь не огромный, не столько даже великолѣпный, какъ напримѣръ, дворецъ Павловскій, но, удивительною опрятностью и совершенствомъ отдѣлки всѣхъ въ домѣ частей и вещей, въ немъ находящихся, далеко превосходитъ все видѣнное нами въ Россіи. Паркъ здѣшняго дворца очень выхваляютъ; но я постараюсь увидѣть лежащій близко отсюда Richmonds'Hill, столько всѣми прославленный. Здѣсь ощутителенъ сырой климатъ; туманы бываютъ почти всякій день; но отъ 11-ти до 4-хъ часовъ небо проясняетъ и всѣ здѣсь гуляютъ во фракахъ: столько здѣсь тепло въ ноябрѣ мѣсяцѣ; все имѣетъ видъ глубокой осени, а приближенія зимы ни

---

[1]) Здѣсь умѣстно будетъ помѣстить слѣдующее извлеченіе изъ статьи: Le médecin de la Reine Victoria (Stockmar). «Revue des deux mondes», 1-er Janvier 1876, page 79.

«Un personnage bien plus considerable de la société russe a aussi un souvenir dans ces notes, c'est le grand duc Nicolas, le futur empereur, qui, au mois de novembre 1816, visita le prince Léopold et la princesse Charlotte dans leur résidence de Claremont-Esher. Il était accompagné du général Kutusof et d'un conseiller d'état (Glinka). Stockmar en parle avec admiration. «Au diner, dit-il, le grand duc était placé entre la princesse et la duchesse d'York, précisément en face de moi, de sorte que j'ai pu l'examiner à loisir». Et il en trace un portrait enthousiaste. C'est un magnifique jeune homme d'une vingtaine d'années, extraordinairement beau et séduisant. Il le compare à Léopold son maître et le trouve encore plus beau, plus grand, droit comme un chêne. Son teint juvenil, ses traits réguliers, son large front, ses yeux, son nez, sa bouche, son menton finement dessiné, il passe tout en revue, comme un peintre qui saisit l'ensemble et le détail. La beauté du prince était relevée par la simplicité de son costume; il portait l'uniforme des chasseurs à cheval, la tunique de drap vert garnie de lisérés rouges, les épaulettes d'argent, une petite étoile sur la poitrine, une casquette blanche, un sabre sans ornement avec le porte-épée en cuir. Stockmar ajoute: «Son maintien est vif, sans embarras, sans gaucherie, mais toujours convenable. Il cause beaucoup et parle parfaitement le français, en accompagnant ses paroles de gestes naturels et justes. S'il n'y avait rien de remarquable dans ce qu'il a dit, l'agrément n'y manquait pas et il parait avoir un vrai talent dans l'art de faire sa cour... Il mangea très modérément pour un homme de son âge et ne but que de l'eau. Après le dîner, lorsque la comtesse Lieven eut joué du piano, il lui baisa la main, ce qui parut très étrange aux dames anglaises, mais en même temps très digne d'envie. Mistress Campbell (la terrible mistress Campbell, si exigeante, si sévère dans sa facon de juger les hommes de tout rang) ne tarissait pas en éloges sur le compte du grand duc: «Ah! quelle aimable créature! Il est diaboliquement beau; ce sera le plus bel homme de l'Europe». Le prince et sa suite ne devaient quitter Claremont que le landemain matin; lorsque chacun se retira pour se coucher, le grand duc alla dans une écurie, où ses gens lui avaient préparé un sac de cuir rempli de foin. C'était son lit habituel. «Nos anglais, ajoute simplement Stockmar, virent là une affectation». Nos anglais, c'étaient surtout la princesse Charlotte et les personnes de sa maison».

Сообщ. **В. Г. М.**

по чему замѣтить не можно. Однакожъ, Лондонъ въ особенности только богачамъ можетъ нравиться. Необходимѣйшія для жизни вещи здѣсь почти втрое дороже противъ петербургскаго и самые жители лондонскіе находятъ городъ сей скучнымъ для жизни. Кажется, что главнѣйшее удовольствіе обоего пола состоитъ здѣсь въ прогулкѣ; съ полудня видишь на улицахъ всѣхъ красавицъ лондонскихъ, а ихъ здѣсь великое множество. Покамѣстъ я купилъ здѣсь прекрасные карманные часы за 40 фун. стерл., что составитъ ассигнаціями ровно 1,000 рублей... 20-го ноября (1-го декабря) мы отправимся путешествовать по Англіи, Шотландіи и части Ирландіи, что продолжится, вѣроятно, не болѣе шести недѣль; недѣли три пробудетъ потомъ великій князь въ Лондонѣ, а оттуда будетъ заѣзжать въ Мобежъ, Брюссель, Штутгардъ, Веймаръ и Берлинъ, такъ что мы возвратимся въ Петербургъ несомнѣнно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ. Во все мое пребываніе въ Лондонѣ, несмотря, что климатъ здѣсь особенный и что мы иногда встаемъ изъ-за обѣденнаго стола въ 10-мъ и 11-мъ часу вечера, я былъ совершенно здоровъ.

Эдинбургъ.—5-го (17-го) декабря 1816 г.

Вотъ мы и прибыли благополучно въ Эдинбургъ, но такъ какъ въѣхали въ него вечеромъ, то я ничего не могу сказать тебѣ объ этомъ городѣ; но, говоря вообще, всѣ города Великобританіи понравились мнѣ, въ особенности я могу сказать это о второстепенныхъ и маленькихъ городкахъ, которые несравненно красивѣе германскихъ или тѣхъ, которые я видѣлъ въ сѣверной Франціи. Вообще я полагаю, что цивилизація нигдѣ не процвѣтаетъ такъ какъ здѣсь. Зимы до того бываютъ теплы въ Англіи, что въ это время года всѣ ходятъ въ сюртукахъ, безъ мѣха, или просто во фракѣ. Словомъ, страна эта чрезвычайно нравится мнѣ, хотя языкъ жителей, ихъ характеръ, нравы и обхожденіе не симпатичны мнѣ.

Въ Эдинбургѣ мы проведемъ 3 или 4 дня, а затѣмъ отправимся въ Гласговъ, откуда уже вернемся обратно. Благодаря Бога, я чувствовалъ себя все время довольно хорошо. Я надѣюсь, мой другъ, здѣсь получить отъ тебя вѣсточку; что касается меня, то я посылаю отсюда мои счеты и отчетъ вдовствующей государынѣ и обѣщалъ также вел. кн. Маріи сообщить ей извѣстія о великомъ князѣ...

Гласговъ.—16-го (28-го) декабря 1816 г.

.....Въ Эдинбургѣ мы прожили 6 дней. Городъ обширный, выгодное имѣетъ мѣстоположеніе, содержанъ отмѣнно въ чистотѣ и порядкѣ и наилучшимъ образомъ отстроенъ,—такъ что Эдинбургъ понравился мнѣ болѣе всѣхъ городовъ въ Великобританіи. Не могу того сказать и о здѣшнемъ городѣ Гласговѣ, въ которомъ число жителей

еще болѣе, нежели въ Эдинбургѣ, но онъ, неопрятностью своею и скудною одеждою простаго народа, больше походитъ на нѣмецкіе и французскіе города, нежели на англійскіе. Отсюда мы уже не поѣдемъ далѣе, а приближаемся, хотя и не иначе какъ путешественники, къ предѣламъ нашего отечества. Чтобъ сообщить тебѣ понятіе о здѣшнемъ климатѣ, скажу только то, что сегодня, точно какъ и всю зиму насквозь, одни лишь старые люди надѣваютъ сверхъ фраковъ холодные сюртуки, а мы теперь почти въ самой сѣверной части Великобританіи; каковое же благорастворе́ніе воздуха въ полуденныхъ ея странахъ!

Клермонъ.—15-го (27-го) января 1817 г.

Вторично пишу тебѣ изъ прекраснаго зàмка принцессы Шарлоты, куда мы прибыли вчера на весьма короткое время. Такъ какъ г. Саврасовъ снова занемогъ, то я замѣняю его въ небольшихъ поѣздкахъ великаго князя, что́ доставляетъ мнѣ большое удовольствіе...

Мы провели какъ нельзя лучше пять дней въ Брайтонѣ, у принца-регента,—безъ малѣйшаго стѣсненія, пользуясь вниманіемъ и расположеніемъ принца; погода стояла прекрасная, устраивались прогулки и балы, на которыхъ являлись первѣйшія красавицы въ мірѣ и гремѣла превосходная музыка; я думаю, что воображеніе представитъ мнѣ однажды это время, какъ рядъ волшебныхъ явленій. Въ Лондонѣ мы проводимъ утро въ осмотрѣ всего, что́ городъ представляетъ особенно замѣчательнаго для путешественника, а послѣобѣденное время проходитъ или на званныхъ вечерахъ (что въ Лондонѣ не особенно интересно) или въ театрѣ и итальянской оперѣ, что я гораздо болѣе предпочитаю. Свободное время я употребляю обыкновенно или на изученіе англійскаго языка, занятіе которымъ буду продолжать и по пріѣздѣ въ Петербургъ, или пользуюсь имъ для прогулокъ.

Я уже говорилъ тебѣ, что, пробывъ здѣсь нѣсколько недѣль, т. е. до половины февраля, великій князь поѣдетъ на двѣ недѣли въ южныя провинціи Англіи.

Въ началѣ марта мы переправимся въ Па-де-Кале, чего всѣ ожидаемъ съ бóльшимъ или меньшимъ нетерпѣніемъ, несмотря на все удовольствіе, доставляемое намъ путешествіемъ.

Лондонъ.—1-го (13-го) февраля 1817 г.

..... Наше пребываніе въ Англіи продолжится еще мѣсяцъ времени, такъ что мы выѣдемъ изъ нея 6-го или 7-го марта ст. стиля. Земля чрезвычайно любопытная для просвѣщеннаго путешественника; я о ней неиначе буду вспоминать, какъ съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ. Сегодня ѣду я съ генераломъ Кутузовымъ и старикомъ Смирновымъ смотрѣть, верстахъ въ 70-ти отъ Лондона, знакомаго г. Смир-

нову фермора или англійскаго кортомщика; что, еслибъ поѣздка въ Англію предпринята была лѣтомъ! польза и наслажденіе всѣмъ истинно прекраснымъ въ этой землѣ несравненно бы усугубились. Погода въ теперешнюю зимнюю пору такъ тепла, что рѣдко настоитъ надобность даже и въ холодномъ сюртукѣ, а прелестныя здѣшнія женщины одѣваются флорами. Черезъ 10 дней мы отправимся въ западныя провинціи Англіи, гдѣ пробудемъ ровно двѣ недѣли. Вчера получилъ я очень милостивое письмо отъ императрицы Маріи Ѳедоровны, а къ ней съ нынѣшнею почтою отправляю рапортъ объ великомъ князѣ Николаѣ Павловичѣ.

Лондонъ.—6-го (18-го) февраля 1817 г.

Мы продолжаемъ вести жизнь нашу въ Лондонѣ по прежнему, то есть веселимся по волѣ и по неволѣ и будучи вездѣ принимаемы какъ нельзя лучше. Забывши даже, что наступилъ постъ, мы почти всякой день ѣздимъ на балы, даваемые министрами и знатнѣйшими англійскими вельможами въ честь великаго князя, и ничуть о томъ не заботимся, что святые наши отцы за то пугаютъ страшною отвѣтственностію. 9-го числа сего мѣсяца мы отправимся осматривать югозападныя провинціи Англіи; поѣздка эта продлится 10 дней, а тамъ, проживъ съ недѣлю въ Лондонѣ, пустимся въ Россію, куда вѣроятно будемъ въ концѣ апрѣля мѣсяца, да и нельзя быть прежде, потому что великій князь заѣзжаетъ въ Мобежъ, въ Стутгардъ, и проживетъ почти по недѣлѣ въ Брюсселѣ и въ Веймарѣ, а въ Берлинѣ, можетъ, и долѣе пробудетъ. Я во все это время очень доволенъ состояніемъ моего здоровья; правда и то, что мы здѣсь въ безпрестанномъ движеніи и у насъ нѣтъ другихъ заботъ, какъ веселиться; но всего болѣе доставляетъ мнѣ здоровья здѣшній теплый климатъ и въ зимнее годовое время: всю зиму насквозь можно проходить въ одномъ лишь фракѣ.

Wilton House.—12-го (24-го) февраля 1817 г.

9-го (21-го) февраля великій князь Николай Павловичъ предпринялъ путь для обозрѣнія западныхъ провинцій Англіи, и такъ какъ погода здѣсь теперь совершенно весенняя, то и самое путешествіе наше отмѣнно пріятно; къ тому при эдакой погодѣ здоровье мое самое лучшее; давно уже я не чувствовалъ себя такъ хорошо. Поѣздка сія продолжится всего 12 дней, послѣ чего, проживъ 8 дней въ Лондонѣ, отправимся, черезъ Мобежъ, въ Брюссель. Я буду стараться осмотрѣть вдоль Рейна лежащія мѣста, отпустивъ великаго князя въ Стутгардъ дней на восемь, куда съ нимъ ѣдутъ генералъ Кутузовъ и Саврасовъ, а прибуду въ одно время съ его высочествомъ въ Веймаръ; въ Россію мы возвратимся, по всей вѣроятности, въ концѣ

апрѣля мѣсяца. Молю Господа Бога моего, чтобъ я всѣхъ васъ, милыхъ моему сердцу, нашелъ совершенно здоровыми; а до того времени искреннѣйше желаю, чтобъ ты проводила время свое сколько можно пріятнѣе, и тѣмъ бы замѣняла нашу съ тобою разлуку, которая, при всѣхъ моихъ удовольствіяхъ въ Англіи, тяготитъ меня по временамъ. Путешествіе для образованнаго путешественника по разнымъ отношеніямъ занимательно, но оно отнюдь не естественно для его души, особливо когда онъ покинулъ дома жену и дѣтей, въ счастіи которыхъ исключительно находитъ и себя счастливымъ. Въ здѣшнемъ замкѣ лорда Пемброка, за которымъ въ замужствѣ дочь бывшаго въ Лондонѣ посланника нашего, графа Воронцова, мы приняты какъ нельзя лучше; здѣсь же находится чрезвычайное и при томъ огромное собраніе древнихъ статуй, барельефовъ и бюстовъ, также и картинная галлерея славнѣйшихъ живописцевъ, что все отмѣнно нравится и не для знатоковъ; садъ въ замкѣ семъ прекрасный, и я уже дважды въ немъ гулялъ съ удовольствіемъ; розы и лилеи начинаютъ развертываться на открытомъ воздухѣ и въ грядахъ вдоль дорожекъ, а у насъ всѣ еще тонутъ въ снѣгу. Я никогда не воображалъ себѣ Англію столько прелестнымъ краемъ; жаль, что мы не видимъ ее лѣтнею порою.

Бристоль.—20-го февраля (4-го марта) 1817 г.

Трудно подѣлиться съ тобою тѣмъ впечатлѣніемъ, какое произвелъ на меня видъ столькихъ городовъ, замковъ и живописныхъ мѣстностей, ибо мы ведемъ чисто кочевую жизнь, быстро переѣзжая съ мѣста на мѣсто. Такъ, напримѣръ, чѣмъ бы остановиться на нѣсколько дней для подробнаго осмотра Бристоля и Бата, двухъ большихъ городовъ, представляющихъ много интереснаго, мы проведемъ тамъ лишь по нѣсколько часовъ. Однако я стараюсь на сколько возможно извлечь пользу изъ этого путешествія, такъ какъ я далеко не знаю Англіи удовлетворительнымъ образомъ. Благодаря постоянно хорошей погодѣ, которой мы здѣсь пользуемся, здоровье мое значительно улучшилось. Мы прибудемъ послѣ завтра въ Лондонъ, съ тѣмъ, чтобы остановиться тамъ дней на десять, и выѣдемъ оттуда около половины марта по нашему стилю, расчитывая прибыть въ Петербургъ къ концу апрѣля или въ началѣ мая. Когда его высочество поѣдетъ на свиданіе съ своей сестрою Екатериной въ Штутгардъ, то я думаю остаться во Франкфуртѣ, чтобы совершить оттуда небольшія поѣздки по Рейну и увидѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣста, которыми я мысленно такъ восхищался; къ сожалѣнію, мнѣ удастся пробыть тутъ не болѣе какъ дней восемь. Съ нѣкоторыхъ поръ мы рѣдко получаемъ письма изъ Петербурга, что часто случается въ этой странѣ по

причинѣ неблагопріятныхъ вѣтровъ, замедляющихъ переѣздъ черезъ каналъ. Тѣмъ не менѣе, письма твои, доставлявшія мнѣ всюду большое удовольствіе, въ Англіи составляютъ положительную необходимость, ибо меня отдѣляетъ отъ тебя такое громадное пространство, не говоря о морѣ.

Лондонъ.—27-го февраля (11-го марта) 1817 г.

Теперь мы живемъ въ послѣдній разъ въ Лондонѣ, больше для того, чтобъ откланяться и благодарить за сдѣланный великому князю дружелюбнѣйшій отъ всѣхъ пріемъ и оказанное всѣми доброхотство угождать и предупреждать всѣ желанія и мысли высокаго посѣтителя. Всякой день всѣхъ насъ приглашаютъ на обѣды и вечера, которые всячески стараются сдѣлать пріятными. Въ будущую пятницу, т. е. 3-го (15-го) марта, великій князь выѣдетъ изъ Лондона. Переѣхавъ каналъ, буду къ тебѣ писать изъ Кале; мы ѣдемъ на большой яхтѣ, которою командуетъ опытнѣйшій морской офицеръ, командоръ Ойнъ, и которому Балтійское море знакомо какъ нельзя лучше; и хотя нѣтъ примѣра, чтобъ суда этого разбора разбивало въ Pas-de-Calais, но въ послѣдній нашъ переѣздъ изъ Кале въ Дувръ, такая поднялась буря, что инымъ моглабъ она показаться страшною... Отъ государыни императрицы я сряду получилъ два милостивыхъ рескрипта; также и отъ великой княгини Маріи Павловны по временамъ получаю очень пріятныя для меня письма. Вчера великій князь распорядилъ экипажами своими такъ, что изъ Брюсселя самъ онъ отправится съ двумя колясками въ Стутгардъ, гдѣ проживетъ дня четыре или пять, а я останусь во Франкфуртѣ съ тѣмъ, чтобъ дней 7 или 10 употребить на обозрѣніе лежащихъ вдоль Рейна примѣчательнѣйшихъ мѣстъ, а потомъ пріѣхать въ Веймаръ къ тому времени, какъ и великій князь туда изъ Стутгарда будетъ. Знавши, съ какимъ удовольствіемъ я всегда читалъ описаніе сей прелестной страны, ты можешь посудить сколь я доволенъ таковымъ вниманіемъ ко мнѣ в. к. Николая Павловича.

Кале.—5-го (17-го) марта 1817 г.

Совершивъ сего 5-го (17-го) числа благополучно плаваніе наше черезъ Британскій каналъ или Pas-de-Calais, я счелъ себя обязаннымъ извѣстить тебя о томъ. Я оставилъ Англію не совсѣмъ равнодушно, и кажется, что на всю жизнь буду вспоминать объ этой землѣ не иначе, какъ съ особеннымъ удовольствіемъ; все, что было всегда пищею воображенія моего, то все нашелъ въ самомъ очаровательномъ видѣ въ Англіи. Во Франціи я проѣхалъ прежде, и теперь приводится ѣхать въ сѣверную ея часть, дня на два ѣзды; но что́ вижу здѣсь, то большею частію не удовлетворяетъ ни глазъ, ни чувствъ;

вездѣ одна лишь нечистота, неопрятность и безобразіе въ вещахъ и людяхъ; все имѣетъ здѣсь видъ безпечнаго правительства, не радѣющаго нимало о благѣ ввѣреннаго ему народа; все показываетъ разстройство или состояніе немощи въ главнѣйшихъ началахъ народообразованія. Большой уже сдѣлали мы шагъ къ приближенію нашему въ Россію и недѣль черезъ восемь всѣ мы надѣемся быть порадованы на родинѣ любезнѣйшимъ для сердца. Курьеръ Вильсонъ прибылъ черезъ Парижъ въ Лондонъ 3-го (15-го) марта и онъ разсказывалъ мнѣ, что видѣлъ тебя, тещу и дѣтей всѣхъ здоровыми, заѣхавъ къ тебѣ въ воскресеніе, когда вы сидѣли за обѣденнымъ столомъ... Вещи наши всѣ уже отправлены на россійскій фрегатъ, который, вѣроятно, прибудетъ, если Богу угодно, недѣли двѣ послѣ насъ, то есть въ послѣдней половинѣ мая мѣсяца.

Гейдельбергъ.—25-го марта (6-го апрѣля) 1817 г.

24-го марта (5-го апрѣля) пріѣхалъ я въ Гейдельбергъ, и какъ сей, такъ и высокоименитый день Свѣтлаго Христова Воскресенія провелъ я въ семъ городѣ; и не могши помолиться Всевышнему въ храмѣ исповѣданія греческаго, я съ неменьшимъ усердіемъ выполнилъ христіанскій долгъ въ здѣшней церкви лютеранъ. По прежнему моему письму ты знаешь, что я изъ Франкфурта не слѣдовалъ за великимъ княземъ Николаемъ Павловичемъ въ Стутгардъ, а пробылъ слишкомъ сутки во Франкфуртѣ для обозрѣнія его и съ окрестностями. 23-го марта (4-го апрѣля) въ 4 часа утра отправился изъ сего города чрезъ Дармштадтъ къ Гейдельбергу пѣшкомъ; но прошедъ до Вейнгейма (семь нѣмецкихъ миль), очень усталъ и при томъ натеръ себѣ ноги до пузырей, отъ чего самаго имѣлъ ночлегъ въ Вейнгеймѣ; а на другой день, вставши рано по утру, пошелъ съ провожатымъ осматривать прилежащія къ городу сему красивѣйшія мѣста. Изъ развалинъ Виндекъ, построенной на высокой горѣ, виноградникомъ засаженной, открывается взору прелестный видъ на весьма дальнее пространство. Верстахъ въ четырехъ отъ Вейнгейма деревня Биркенау и другая, на востокъ отъ города, Горксгеймъ, красуются своими уединенными сельскими видами; сія послѣдняя лежитъ въ столько прославленномъ Оденскомъ лѣсу (Odenwald), хотя онъ для меня столько же красотою своею ниже Саксонской Швейцаріи, сколько всѣ нѣмецкіе, мною видѣнные города, не исключая и Гейдельберга, должны уступить преимущество Дрездену и Касселю. На пути изъ Кобленца въ Франкфуртъ я проѣзжалъ чрезъ цѣлебныя воды Эмскія, Швальбахскія и Висбаденскія; Эмсъ и Висбаденъ имѣютъ самое счастливое мѣстоположеніе:

первыя осматривалъ я слегка, а въ Висбаденѣ, взявши верховую лошадь, объѣзжалъ всѣ примѣчательныя въ немъ и около него мѣста, съ семи часовъ утра до пяти часовъ вечера. Но я не смѣю коснуться подробностей оныхъ поѣздокъ, а безъ того вмѣсто писемъ надлежалобъ посылать къ тебѣ цѣлыя тетради. Нѣкогда, на досугахъ, располагаю написать для себя и дѣтей моихъ журналъ нѣкоторымъ моимъ поѣздкамъ въ чужихъ краяхъ, смотря и судя обо всемъ безъ всякаго предубѣжденія. Не могу однакожъ не замѣтить, что спасительныя Висбаденскія воды всѣми въ Германіи уважаются по ихъ высокому достоинству, и вѣра къ нимъ больныхъ такъ велика, что въ прошломъ, напримѣръ, году было у сихъ водъ разными болѣзнями одержимыхъ, а особливо ревматизмомъ и подагрою въ злѣйшей степени страждущихъ, девять тысячъ особъ обоего пола, а содержаніе и пользованіе больнаго, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ обыкновеннаго на водахъ курса, не болѣе какъ около тысячи рублей на банковыя наши ассигнаціи.

Лейпцигъ.—1-го (13-го) апрѣля 1817.

Осматривая вдоль Рейна примѣчательнѣйшія мѣста, и смотря по обстоятельствамъ, совершая путешествіе сіе иногда пѣшкомъ, а иногда верхомъ, или въ нанятой коляскѣ, особенно мнѣ понравился правильными и красивыми строеніями своими Мангеймъ, въ которомъ наблюдается порядокъ и чистота городовъ англійскихъ. Не въ дальнемъ разстояніи отъ Майнца столько превозносимые Костгеймъ и Гохгеймъ въ самомъ дѣлѣ очень красивы по своему положенію; но окружавшія ихъ обширныя поля, засаженныя виноградомъ и старинными фруктовыми деревьями лучшихъ сортовъ, и которыя совершенно походили на огромные сады, посреди которыхъ Костгеймъ и Гохгеймъ, вновь нынѣ выстраивающіеся, стояли какъ бы увеселительные домы,—теперь всѣ порублены нашихъ временъ вандалами. Въ этихъ мѣстечкахъ я видѣлъ большую бѣдность, и всѣ вообще дѣти просятъ у проѣзжающихъ милостыню. Въ Веймарѣ мы пробыли четверо сутокъ, въ Лейпцигѣ я прожилъ съ барономъ Николаи полторы сутокъ, а въ Берлинъ пріѣдемъ 3-го (15-го) апрѣля, откуда и письмо сіе отправлено будетъ.

15-го августа 1817 г.

Съ небольшимъ въ 500 верстахъ отъ Петербурга, въ Весьегонскъ прибыли мы благополучно. Поѣздка наша обѣщаетъ быть очень пріятною, благодаря любезности великаго князя (Михаила).

Ярославль.—18-го августа 1817 г.

Мы прибыли сюда вчерашняго дня, совершивъ поѣздку нашу весьма благополучно: дорога довольно хороша, погода самая благопріятная, а поведеніе и обращеніе съ нами великаго князя соотвѣт-

ственны любезности его нрава. Ярославская губернія очень полюбилась мнѣ благосостояніемъ ея жителей; крестьянскія избы здѣсь лучше домовъ мелкопомѣстныхъ дворянъ смоленскихъ; богатыхъ церквей во множествѣ; уѣздный городъ Рыбинскъ есть, безъ сомнѣнія, одинъ изъ красивѣйшихъ городковъ въ Россіи; въ Ярославлѣ, хотя и видишь много развалившихся и опущенныхъ домовъ, но вообще въ немъ очень много каменнаго строенія, улицы хорошо вымощены, и въ нѣкоторыхъ частяхъ городъ даже красивъ; жаль, что какой-то, всѣмъ почти россійскимъ городамъ свойственный, безпорядокъ и неопрятность обезображиваютъ его. Сегодня былъ я на здѣшней полотняной фабрикѣ.

Нижній-Новгородъ.—24-го августа 1817 г.

Я предполагаю, что письмо сіе найдетъ уже тебя въ Закупѣ; дай Богъ, чтобъ, при полученіи его, всѣ вы были здоровы. На прошлой недѣлѣ писалъ я къ тебѣ въ Петербургъ черезъ государыню императрицу, воображая, что ты не успѣла еще выѣхать. Вотъ уже пятая часть путешествія нашего по Россіи совершена, и при томъ очень благополучно, и безъ всякихъ непріятностей; погода бо́льшею частію также намъ благопріятствуетъ; не знаю, что ожидаетъ насъ впереди. Ярославская губернія очень мнѣ понравилась по имѣющейся въ ней большой промышленности, доставляющей жителямъ всеобщее благосостояніе; но я не желалъ бы проводить мой вѣкъ подъ ярославскимъ небомъ; Нижегородская губернія несравненно уже счастливѣе первой мѣстоположеніемъ своимъ, больше занимаются землепашествомъ, которое здѣсь совсѣмъ иного вида, нежели въ Ярославской или Костромской губерніяхъ; впрочемъ, поѣздка наша въ Россіи совершенно курьерская: многое видишь, и любопытство отчасти удовлетворено, но мало пріобрѣтешь основательныхъ о Россіи свѣдѣній...

Воронежской губерніи село Хрѣновое.—13-го сентября 1817 г.

.....Со вчерашняго дня мы гостимъ у графини Анны Алексѣевны Орловой; только милой хозяйки нѣтъ дома; завтра же мы будемъ въ землѣ Донскихъ казаковъ. Погода опять наступила очень хорошая, и путешествіе для всѣхъ насъ отмѣнно пріятно...

Новочеркасскъ.—17-го сентября 1817 г.

.....На будущей недѣлѣ мы въѣдемъ въ Крымъ. Изъ Одессы прибылъ сюда графъ Ланжеронъ, и обѣщаетъ намъ, что мы въ городѣ семъ проведемъ нѣсколько дней самыхъ пріятныхъ. Теперь мы ровно совершили половину дороги, и я не могу пожаловаться на мое здоровье, а и того еще менѣе на скуку или на каковыя-либо непріятности въ дорогѣ.... Мы спѣшимъ на балъ казачій; жены здѣшнихъ казацкихъ генераловъ и чиновниковъ похожи какъ нельзя больше на кормилицъ....

Севастополь.—3-го октября 1817 г.

По случаю сдѣланнаго нами путешествія по Крыму, я пишу къ тебѣ позже того, нежели какъ я хотѣлъ. 27-го сентября мы отправились изъ Ѳеодосіи для обозрѣнія южной полосы полуострова Крыма. День выѣзда былъ самый ненастный, и первый переѣздъ подъ дождемъ и по грязной дорогѣ на 50 верстъ разстоянія былъ утомителенъ для верховой нашей ѣзды; на горахъ же чрезъ цѣлыя пятеро сутокъ мы любовались красивыми видами края сего при ясной и теплой погодѣ, и только въ день прибытія въ Балаклаву, ночью, поднялась буря, каковой здѣсь давно не запомнятъ. Впрочемъ, всѣ мы были во все это время веселы и здоровы. Послѣ завтра мы выѣдемъ изъ Крыма, а октября 11-го числа прибудемъ въ Одессу....

Одесса.—15-го октября 1817 г.

.....Путешествіе наше по Россіи совершенно для всѣхъ пріятное; любезныя качества милаго Михаила Павловича всѣхъ насъ расположили смотрѣть на сію поѣздку съ одной лишь хорошей стороны. Теперь пріятнѣйшее у меня въ виду: вскорѣ по прибытіи въ Москву, отпроситься на мѣсяцъ въ домовый отпускъ, желая видѣть тамъ всѣхъ васъ совершенно здоровыми и благополучными. Здѣсь провожу я время мое очень пріятно, обѣдая и просиживая почти по цѣлому дню у Джемса [1]), которые мнѣ обрадовались какъ бы близкому родному своему, да и я ихъ отъ всей души люблю; знакомства и связи, въ молодости нами сдѣланныя, могутъ почесться самыми прочными, и не перестаютъ таковыми быть на всю жизнь. Сегодня получилъ я третье письмо отъ государыни императрицы Маріи Ѳедоровны, весьма благосклонное, и одно изъ нихъ писано собственною ея рукою на французскомъ языкѣ. Завтра же отправляю къ государынѣ рапортъ о великомъ князѣ.

Полтава.—22-го октября 1817 г.

.....Прибывъ въ Полтаву третьяго дня ввечеру, я къ совершенному моему порадованію нашелъ здѣсь брата Владиміра [2]), который для свиданія со мною нарочно пріѣхалъ съ зимней квартиры своей, г. Переяславля.... Дай Богъ мнѣ слышать объ васъ все доброе, пріѣхавъ по новому маршруту 8-го или 9-го ноября въ Москву. Завтра мы будемъ въ Харьковѣ. Братъ Владиміръ на ученіи съ великимъ княземъ, а я спѣшу отправить письмо на почту..... Государыня Марія Ѳедоровна изволила меня увѣдомить о помѣщеніи директоромъ въ Павловскъ В. Ив. Ребиндера, чему я очень радъ.

---

[1]) М-г James, англійскій консулъ въ Одессѣ.

[2]) Владиміръ Андреевичъ Глинка, служившій тогда въ артиллеріи, въ чинѣ подполковника. Б. Г. М.

Тула.—2-го ноября 1817 г.

.....Путешествіе наше идетъ довольно благополучно; намъ не докучала слишкомъ ни грязь, ни дурная погода; съ тѣхъ поръ какъ мы въѣхали въ Тульскую губернію, мы ѣдемъ довольно порядочно, въ саняхъ, и 8-го числа этого мѣсяца расчитываемъ прибыть въ Москву; если императрица дастъ мнѣ отпускъ на 28 дней, то я не замедлю какъ можно скорѣе прибыть въ Закупъ. Я получилъ сегодня весьма милостивое письмо отъ ея величества, которая соблаговолила писать мнѣ въ августѣ мѣсяцѣ четыре раза. Великій князь, а равно и вся свита, пользовались довольно хорошимъ здоровьемъ и время проходило чрезвычайно весело, и отличный характеръ нашего дорогаго Михаила дѣлаетъ путешествіе особенно пріятнымъ.

Сегодня великій князь испросилъ у князя Яшвиля трехнедѣльный отпускъ для моего брата, который намѣренъ посѣтить тебя въ Закупѣ. Я навѣстилъ семейство Моренгеймъ; тамъ всѣ здоровы, одна только г-жа Боде страдаетъ глазами, но эта болѣзнь не серьезная. Всѣ посылаютъ тебѣ сердечный поклонъ. Ребиндеръ находится уже въ Павловскѣ управителемъ.

Калуга.—6-го ноября 1817 г.

Здѣсь въ Калугѣ нашелъ я Лаврентія Константиновича Криштафовича, который обошелся со мною какъ человѣкъ, желающій моего знакомства, и котораго знакомствомъ я тѣмъ болѣе дорожу, что всѣ его уважаютъ за его добрыя качества.... Г. Криштафовичъ, конечно, самъ къ тебѣ заѣдетъ для отдачи сего письма, то и прошу тебя, какъ изъ вѣжливости, такъ и для сдѣланія съ женою его знакомства, съѣзди къ нимъ съ визитомъ, а я непремѣнно познакомлюсь съ нимъ, пріѣхавъ въ Закупъ. Я покамѣстъ довольно здоровъ, и очень доволенъ великимъ княземъ и вообще сею поѣздкою, самая же пріятная теперь для меня та мысль, что я надѣюсь вскорѣ увидѣться съ ближайшими моему сердцу людьми....

Москва.—17-го декабря 1817 г.

Я прибылъ въ Москву 13-го числа сего мѣсяца благополучно, а 14-го Алединскій отправился въ С.-Петербургъ по 15-е января; и такъ, я вседневно на дежурствѣ; только грѣхъ сказать, чтобъ дежурство это было для меня тягостно.... О предстоящемъ путешествіи нашемъ на сей разъ не скажу тебѣ ни слова, потому что еще не рѣшено откуда и долго-ли продлится путешествіе; извѣстно только то, что отправятся въ путь не прежде, какъ въ февралѣ мѣсяцѣ.... Императрица по прежнему обходится со мною милостиво.

Москва.—19-го декабря 1817 г.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1818 года (сіе будетъ тебѣ отъ меня сказано по секрету) императрица Марія Ѳедоровна пріѣдетъ въ Германію для

свиданія, между прочимъ, съ дочерьми своими, и великій князь Михаилъ Павловичъ пробудетъ вмѣстѣ съ императрицею 6 недѣль; въ это время я постараюсь отпроситься на воды, недѣль на шесть времени, которыя всѣ будутъ подъ рукою у меня; а государыня, безъ сомнѣнія, дозволитъ мнѣ полечиться у какихъ Гуфеландъ предпишетъ цѣлебныхъ водъ.....

Москва.—1-го января 1818 г.

.....По 15-е число сего мѣсяца я безсмѣнно дежурю при великомъ князѣ Михаилѣ Павловичѣ, а съ пріѣзда Алединскаго дежурство мое будетъ весьма не тяжелое. Мы отправимся изъ Москвы черезъ Смоленскъ на Варшаву, Берлинъ, Веймаръ, Кассель (Гессенскій) и Брюссель; въ Англію въ началѣ марта мѣсяца, если не выйдетъ новой перемѣны, а въ Россію возвратимся въ апрѣлѣ 1819 года.

Москва.—14-го января 1818 г.

.....Я было сбирался похвастать тебѣ моимъ здоровьемъ; но 11-го числа сего мѣсяца, въ 8 часовъ вечера, я имѣлъ пароксизмъ около трехъ часовъ, и притомъ весьма сильный; но искусствомъ и стараніемъ г. Штофрегена, пролечившись три дни, да одинъ просидѣвъ дома для отдыха и подкрѣпленія силъ, завтра. я выхожу въ дежурство, чувствуя возстановленнымъ свое здоровье. Великій князь Михаилъ Павловичъ всякій день просиживаетъ у меня часа по два, хотя и живу я не близко отъ его комнатъ; Ламсдорфъ также навѣщаетъ меня вседневно, Шторхъ и Штофрегенъ равнымъ образомъ приходили часто дѣлить со мною время.....

Москва.—7-го февраля 1818 г.

Мы выѣдемъ изъ Москвы 3-го или 5-го марта, слѣдовательно, 4-го или 6-го марта мы съ тобою и со всѣми дѣтьми увидимся въ Смоленскѣ, если государыня не отложитъ еще на нѣсколько дней сію поѣздку великаго князя. Его высочество, слыша, что я къ тебѣ пишу, препоручилъ мнѣ кланяться тебѣ отъ его имени.... Сегодня обѣдалъ я у государя императора съ его высочествомъ великимъ княземъ и императрица Елисавета Алексѣевна, стоя подлѣ императора, совѣтовала мнѣ, по окончаніи путешествія великаго князя, полечиться цѣлебными водами Баденъ-Баденскими, мысль, которая занимаетъ всего меня, и которую постараюсь привести въ дѣйство, если только болѣзнь моя не пройдетъ во время путешествія; впрочемъ, я думаю, что она изволила мнѣ говорить слышанное отъ доктора Штофрегена.

Примѣчаніе. Письмо это отъ Григорія Андреевича Глинки послѣднее, и было написано за два дня до его кончины. Вслѣдъ за симъ помѣщаемъ письма Августѣйшихъ Особъ, относящіеся къ кончинѣ Г. А. Глинки; прочія же письма особъ Царской Фамиліи, именно императрицы Маріи Ѳеодоровны и Великой Княгини Маріи Павловны (1816 — 1817 гг.), къ самому Г. А. Глинкѣ — отлагаемъ до слѣдующей книги «Русской Старины». Б. Г. М.

II.

Письма Императрицы Маріи Ѳеодоровны [1]).

Письмо къ г-жѣ Брейткопфъ.

Москва.—10-го февраля 1818 г.

Искренно сожалѣю, добрѣйшая Брейткопфъ [2]), что мнѣ приходится огорчить васъ печальнымъ извѣстіемъ, но, опасаясь, чтобы оно не дошло до васъ и до госпожи Кюхельбекеръ, матери госпожи Глинки, слишкомъ неожиданно, я рѣшила сама сообщить вамъ о случившемся, прося васъ употребить всѣ старанія, чтобы это извѣстіе не слишкомъ поразило бѣдную тещу. Нашего добраго, достойнаго и уважаемаго Глинки не стало; онъ окончилъ свое поприще, захворавъ скоропостижно; пообѣдавъ у меня, онъ былъ еще съ моими сыновьями въ манежѣ графини Орловой, откуда возвратясь съ ними въ одиннадцатомъ часу, легъ спать, но вскорѣ всталъ, жалуясь на стѣсненіе въ груди; тотчасъ послали за медикомъ моихъ сыновей и за г. Рюль [3]); первый, жившій рядомъ, поспѣшилъ къ нему и засталъ его расхаживающимъ, жалуясь, что ему мало воздуха; медикъ пощупалъ ему пульсъ; Глинка опирается на него и врачъ чувствуетъ, что ноги у него подкашиваются; ему пустили кровь; въ это время входитъ Рюль и прибѣгаетъ Алединскій; оба были свидѣтелями его послѣдняго вздоха: такимъ образомъ въ 4 минуты онъ перешелъ отъ жизни къ смерти. Потеря эта весьма прискорбна для насъ, такъ какъ мы всѣ любили и уважали его и онъ унесъ съ собою въ могилу сожалѣнія наши и всѣхъ кто его зналъ. Генералъ Ламсдорфъ оплакиваетъ его какъ роднаго сына: мое семейство и я сама глубоко чувствуемъ эту потерю и память объ немъ будетъ для насъ всегда священна, ибо она снована на признательности. Я обратилась къ Смоленскому губернатору г. Ашу съ просьбою сообщить, какъ можно осторожнѣе, это извѣстіе его несчастной супругѣ, которой я писала сама, но мое письмо

---

[1]) Помѣщаемые здѣсь въ переводѣ съ французскаго документы, драгоцѣнные для біографіи Г. А. Глинки, писаны собственноручно Императрицей Маріей Ѳеодоровной и ея августѣйшими дѣтьми. Подлинники напечатаны вслѣдъ за переводомъ.

[2]) Начальница Екатерининскаго института.

[3]) Рюль—медикъ императрицы Маріи Ѳедоровны. **Б. Г. М.**

будетъ передано ей лишь тогда, когда она узнаетъ уже о своемъ несчастіи. Васъ это также огорчитъ, дорогая Брейткопфъ, и не напрасно, такъ какъ онъ былъ весьма расположенъ къ вамъ. Сообщите мнѣ что-нибудь о бѣдной тещѣ и скажите ей, что императоръ обѣщалъ мнѣ позаботиться о судьбѣ вдовы и дѣтей. Прощайте, добрѣйшая Брейткопфъ; да избавитъ Господь насъ всѣхъ отъ столь скоропостижной смерти; будьте здоровы и расчитывайте на всегдашнее мое къ вамъ расположеніе. Марія.

Письма къ Ю. К. Глинкѣ.

9-го февраля 1818 г.

Несчастіе ваше слишкомъ велико, добрѣйшая госпожа Глинка, чтобы допустить возможность утѣшенія: поэтому я пишу эти строки лишь съ тѣмъ, чтобы раздѣлить ваше горе и увѣрить васъ, что я сочувствую ему очень, очень глубоко. Дѣти проливаютъ со мною искреннія слезы о вашей потерѣ, которая можетъ назваться и нашею, такъ какъ мы понимаемъ всю ея глубину; но за то вдова и дѣти добраго нашего Глинки всегда будутъ имѣть священныя права на нашу благодарность. Пути Всевышняго неисповѣданы; мы должны принимать ихъ и покоряться имъ, и находить силу, мужество и покорность въ надеждѣ на жизнь вѣчную. Вы, госпожа Глинка, воспитанная въ правилахъ совершенной покорности волѣ Божьей, оплакивайте вашего супруга какъ христіанка. Вспомните, что вы мать и что это имя налагаетъ на васъ обязанности, усложнившіяся еще болѣе съ вашей тяжкой потерей, поэтому поберегите себя. Вы имѣете единственное утѣшеніе, возможное въ горѣ: это общее сочувствіе къ нему. Императоръ искренно сожалѣетъ о покойномъ и обѣщалъ мнѣ позаботиться о судьбѣ вашей и дѣтей вашихъ. Очень сожалѣю, что лично не могу смягчить то ужасное впечатлѣніе, которое произведетъ на васъ это извѣстіе, и съ нетерпѣніемъ буду ожидать вѣсти отъ васъ.

Прощайте, добрѣйшая госпожа Глинка, да поддержитъ и подкрѣпитъ васъ Господь; будьте увѣрены во всегдашнемъ къ вамъ моемъ участіи и полномъ уваженіи. Марія.

Москва.—4-го апрѣля 1818 г.

Госпожа Глинка! Я имѣла удовольствіе получить ваше письмо отъ 25-го марта и была весьма тронута выраженными въ немъ чувствами. Съ искреннимъ удовольствіемъ я узнала о выздоровленіи вашихъ дѣтей и молю Бога о ихъ благополучіи и вашемъ здоровьѣ, а равно о счастливомъ освобожденіи вашемъ отъ бремени. Будьте вполнѣ

увѣрены въ неизмѣнномъ участіи и благоволеніи, съ которымъ пребываю къ вамъ благосклонною. Марія.

Заочно благословляю вашихъ дѣтей.

Павловскъ.—16-го августа 1819 г.

Госпожа Глинка! Съ истиннымъ удовольствіемъ я отдавала постоянно полнѣйшую справедливость усердію и преданности, выказаннымъ вашимъ достойнымъ и уважаемымъ супругомъ при исполненіи его обязанностей при моихъ возлюбленныхъ сыновей; теперь же, совершеннолѣтіе великаго князя Михаила, окончившаго свое воспитаніе, болѣе чѣмъ когда либо напомнило мнѣ заслуги г. Глинки и я сочла долгомъ доказать вамъ вновь насколько я умѣла цѣнить его достоинства. Я полагаю въ тоже время, что вамъ будетъ утѣшительно носить знаки моей памяти объ немъ и, въ этомъ смыслѣ, я прошу васъ принять прилагаемый при семъ уборъ, который будетъ служить вамъ порукой того участія и благоволенія, съ которымъ пребываю къ вамъ благосклонною. Марія.

Письмо в. к. Николая Павловича къ Ю. К. Глинкѣ.

Москва. — 14-го февраля 1818 г.

Милостивая государыня! Глубоко тронутый тою невозвратимою потерей, которую мы понесли, я считаю долгомъ выразить вамъ искреннее сожалѣніе, внушаемое мнѣ этимъ печальнымъ событіемъ, и увѣрить васъ въ полнѣйшемъ съ моей стороны участіи къ вамъ. Память супруга вашего всегда будетъ дорога мнѣ по той дружбѣ, которая постоянно существовала между нами.

Мнѣ было бы весьма пріятно знать, что вамъ угодно будетъ получать ту-же пенсію, какою пользовался покойный супругъ вашъ, и которую я почту за удовольствіе утвердить за вами съ этого же дня.

Примите, милостивая государыня, увѣреніе въ совершенномъ почтеніи, съ какимъ я имѣю честь быть вашимъ, милостивая государыня, покорнѣйшимъ слугою. Николай.

Письмо в. к. Михаила Павловича къ Ю. К. Глинкѣ.

Москва. — 22-го февраля 1818 г.

Милостивая государыня! Не могу выразить вамъ то участіе, которое я принимаю въ постигшей васъ ужасной потерѣ; вамъ извѣстна, конечно, моя привязанность къ вашему супругу, которая можетъ окончиться лишь съ моею смертью, и смѣю васъ увѣрить, что память его всегда будетъ для меня священна. Будьте увѣрены, милостивая государыня, что я почту себѣ за счастіе быть полезнымъ вамъ или дѣтямъ вашимъ. Прошу васъ принять увѣреніе и проч. Михаилъ.

Письмо великой герцогини Маріи (Веймарской) къ Ю. К. Глинкѣ.

Веймаръ. — 22-го апрѣля (4-го мая) 1818 г.

Милостивая государыня! Съ истиннымъ прискорбіемъ узнавъ о внезапной кончинѣ супруга вашего, г. Глинки, я не могу не высказать вамъ моего искренняго сочувствія по этому поводу. Надѣюсь, вы не упрекнете меня за изъявленіе моего участія въ первыя минуты вашего горя, вспомнивъ, что я привыкла уважать покойнаго не только во время его пребыванія при моихъ братьяхъ, но что и я лично была обязана ему; мнѣ кажется, что я исполню долгъ признательности увѣривъ васъ, что я искренно сочувствую вашему горю и всегда готова высказать вамъ тѣ чувства уваженія, съ какими пребываю къ вамъ благосклонною. Марія, русская великая княгиня.

Lettre de S. M. l'Impératrice Marie à madame de Breitkopf.

Moscou, ce 10 février, 1818.

Je suis bien au regret, ma bonne Breitkopf [1]), de devoir vous affliger par la triste nouvelle que j'ai à vous donner, mais la crainte qu'elle ne parvienne inopinément à vous et à madame Kuchelbecker, mère de madame de Glinka, m'engage à vous la donner moi-même pour vous prier de donner vos soins à ce que la pauvre belle-mère ne soit trop éprouvée. Notre bon, digne et estimable Glinka n'est plus; il a fini sa carrière par un mal subit, après avoir diné chez moi et avoir accompagné encore mes fils au manège de la Comtesse Orlof; il est revenu avec mes fils après les 10 heures; il s'est couché, mais s'est relevé, se plaignant d'oppressions de poitrine; on est alle chércher le chirurgien de mes fils et M-r Ruhl [2]); le premier, qui était son voisin, est accouru chez lui; il l'a trouvé marchant, se plaignant de n'avoir pas assez d'air à respirer; il lui tâta le pouls; Glinka s'appuie sur lui; le chirurgien sent que les genoux lui manquent; on lui ouvre la veine; Ruhl entre, M-r d'Alédinsky accourt, et les deux sont témoins de son dernier soupir: donc, à près de 4 minutes, il a passé de la vie à la mort. Sa perte nous est bien douloureuse, car chacun de nous l'aimait et l'estimait, et il emporte au cercueil nos regrets, mais aussi ceux de tous ceux qui le connaissaient. Le général Lamsdorf le pleure comme un fils: les miens, tout comme moi, sentons profondément la perte et vouons un souvenir éternel à sa mémoire, parce qu'il est fondé sur la reconnaissance. Je me suis adressée au Gouverneur de Smolensk, à M-r d'Asch, pour donner cette triste nouvelle, avec tous les ménagemens possibles, à sa malheureuse femme, à laquelle j'ai écrit moi-même; mais la lettre ne lui sera rendue que lorsqu'elle saura déjà son malheur. Vous serez bien affligée aussi, chère Breitkopf, et avec justice, car il vous était très attaché. Donnez moi des nouvelles de la pauvre belle-mère et dites lui que l'Empereur m'a promis de soigner le sort de la veuve et des enfans. Adieu, ma bonne Breitkopf; que Dieu nous éparge à tous une mort aussi subite; portez-vous bien et comptez sur mes sentimens qui vous sont voués pour la vie. Marie.

---

[1]) Directrice de l'Institut de S-te Catherine.

[2]) Médicin de S. M. l'Impératrice mère.

Lettres de S. M. l'Impératrice Marie à madame de Glinka.

Ce 9 février, 1818

Votre malheur est trop grand, ma bonne Madame de Glinka, pour admettre aucune consolation: aussi je ne vous trace ces lignes que pour venir partager votre douleur et vous assurer que je la sens bien, bien profondément. Mes enfans et moi versons des larmes sincères sur votre perte et sur la nôtre, car nous apprécions toute son étendue, mais aussi toujours la veuve et les enfans [1]) de notre bon Glinka auront des droits sacrés à notre reconnaissance: les décrets de la Providence sont impénétrables; nous devons les accepter et nous y soumettre, et trouver force, courage, résignation dans notre espoir dans la vie éternelle. Vous, ma bonne Madame de Glinka, élevée dans les principes d'une résignation parfaite à la volonté Divine, pleurez votre époux en chrétienne. Vous vous souviendrez que vous êtes mère et que ce titre vous impose des devoirs, devenus plus grands encore après la cruelle perte que vous venez de faire; ainsi donc veillez à votre conservation. Vous avez la seule consolation admissible à la douleur, celle de la voir partagée généralement: l'Empereur donne des regrets sincères au défunt et m'a promis de soigner votre sort et celui de vos enfans. Je suis au regret de n'être pas à même d'adoucir par mes soins personnels l'impression affreuse que cette nouvelle vous donnera, et j'attendrai de vos nouvelles avec impatience. Adieu, ma bonne Madame de Glinka, que Dieu vous soutienne, vous fortifie; comptez à jamais sur tout l'intérêt sincère que je vous porte et ma parfaite estime. Marie.

Moscou, ce 4 avril, 1818.

Madame de Glinka. J'ai eu le plaisir de recevoir Votre lettre du 25 mars et suis bien sensible aux sentimens que vous m'y exprimez. J'ai apris avec une satisfaction véritable le rétablissement de vos enfans et fais des voeux sincères pour leur conservation et votre bien-être, ainsi que pour votre heureuse délivrance. Soyez toujours bien assurée des sentimens invariables d'intérêt et de bienveillance, avec lesquels je suis Votre affectionnée Marie.

Ma bénédiction à vos enfans.

Pavlovsk, ce 16 août, 1819.

Madame de Glinka. C'est toujours avec un plaisir bien véritable que j'ai rendu justice au zèle et au dévouement dont feu Votre digne et estimable époux a fait preuve dans l'exercice de ses fonctions auprès de Mes très chers fils; mais l'époque de la majorité du Grand Duc Michel, qui a terminé Son éducation, Me rappellant encore plus particulièrement les services de M-r de Glinka, Je me suis fait un devoir de témoigner d'une manière ostensible, combien j'ai su apprécier son mérite. J'ai pensé en même temps, que Vous trouveriez

---

[1]) Послѣ Григорія Андреевича Глинки осталось шестеро дѣтей: 1) Дмитрій Григорьевичъ—нынѣ тайный совѣтникъ и посланникъ въ Лиссабонѣ, 2) Борисъ Григорьевичъ (Глинка-Мавринъ)—нынѣ генералъ-отъ-инфантеріи, генер.-адъют., 3) Николай Григорьевичъ—капитанъ генеральнаго штаба, умеръ въ 1839 г. отъ ранъ, полученныхъ на Кавказѣ, 4) Наталья Григорьевна † 1864 г., бывшая въ замужствѣ за артиллерійскимъ генералъ-лейтенантомъ Ф. В. Одынецъ (сконч. въ 1874 г.), 5) Александра Григорьевна, и 6) Юстина Григорьевна (сконч. въ 1874 г.)

une douce consolation à porter les marques du souvenir que je lui conserve, et c'est sous ce rapport que je Vous prie de considérer l'ornement ci-joint, qui Vous servira de garant de l'intérêt que je Vous porte et des sentimens de bienveillance avec lesquels je suis Votre affectionnée Marie.

Lettre de Son Altesse Impériale le Grand Duc Nicolas, adressée à madame de Glinka.

Moscou, ce 14 février, 1818.

Madame! Vivement touché de la perte irréparable que nous venons de faire, je me fais un devoir de venir vous exprimer les vifs regrets que ce triste événement me cause, et vous assurer de toute la part que je prends à tout ce qui vous regarde. La mémoire de votre époux me sera toujours chère par l'amitié que nous nous portions et qui n'a jamais discontinué.

Il me serait très agréable de savoir qu'il vous convient d'accepter toujours la pension, que recevait feu M-r votre époux, et que je me fais un plaisir à vous assurer dès ce moment.

Agréez, je vous prie, Madame, l'assurance de l'estime parfaite, avec laquelle j'ai l'honneur d'être, Madame, votre très humble et très obéissant serviteur Nicolas.

Lettre de Son Altesse Impériale le Grand Duc Michel, adressée à madame de Glinka.

Moscou, ce 22 février, 1818.

Madame! Je ne puis Vous exprimer la part que je prends à la perte terrible que Vous venez de faire; Vous connaissez, j'espère, l'attachement que je portais à M-r Votre époux et qui ne finira qu'avec ma vie, et je Vous supplie d'être persuadée que je porterai une reconnaissance éternelle à sa mémoire. Je vous prie, Madame, de croire que je me compterai trop heureux de pouvoir Vous être utile, ainsi qu'à Vos enfans.

Je Vous supplie, Madame, d'agréer l'assurance de ma plus profonde estime avec laquelle j'ai l'honneur d'être Votre très humble serviteur Michel.

Lettre de Son Altesse Impériale la Grande Duchesse Marie (de Weimar) adressée à madame de Glinka.

Weimar, ce 22 avril (4 mai), 1818.

Madame! Ayant appris avec une vive peine la mort inopinée de M-r de Glinka, Votre époux, je ne puis me défendre de Vous faire passer l'expression de ma sensibilité à ce sujet. J'espère que vous ne me taxerez pas d'indiscrétion en vous offrant ces témoignages de mes regrets dans les premiers momens de Votre douleur, quand vous vous rappellerez, que j'avais non seulement appris à estimer le défunt dans son emploi auprès de mes Frères, mais qu'encore je lui avais personnellement des obligations; il me semble que je remplis un devoir de reconnaissance en vous assurant, que je partage sincèrement Votre affliction et que je serai toujours disposée à Vous marquer les sentimens d'estime, avec lesquels je suis, Madame, Votre affectionnée Marie, Grande Duchesse de Russie.

84693

10-

+2